Каргополь и Русский Север в истории и культуре России. X-XXI вв.

Г. А. Кулишов

ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ “КАРГОПОЛЬСКИЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ”

«Каргополь и Русский Север в истории и культуре России. X-XXI вв.»

Материалы XIV Каргопольской научной конференции.

2018 г.

УДК 94(47)(08)

ББК 63.3(2РЗ)я43+63.5(2РЗ1)+79.1

63.3 (2РЗ)

К90

Каргополь и Русский Север в истории и культуре России. X-XXI вв. Материалы XIV Каргопольской научной конференции (15-18 августа 2016 г.)/Науч. ред. и сост. Н.И. Решетников, Н.И. Тормосова. Каргополь, 2017. – 407с. с ил.

Редакционная коллегия: Т.М. Кольцова, И.И. Муллонен, И.В. Онучина, А.В. Пигин,
Н.И. Решетников. Н.И. Тормосова, О.Н. Трапезникова,
Т.И. Трошина, М.С. Черкасова.

Настоящий выпуск подготовлен на основе докладов XIV международной научной конференции «Каргополь и Русский Север в истории и культуре России. X-XXI вв.», состоявшейся в Каргополе 15-18 августа 2016 г. Конференция была посвящена 870-летию г. Каргополя и 270-летию рождения А.А. Баранова, каргопольского купца, первого главного правителя Русской Америки. Русский Север, во многом определяющий лицо русской национальной культуры, сыграл важнейшую роль в истории государства Российского. Город Каргополь, основанный в XII в., один из значимых историко-культурных центров Русского Севера. На конференции были обсуждены в широком аспекте вопросы социоэкономического и историко-культурного развития Русского Севера и Каргополья через призму основных этапов истории России. Отдельный блок докладов был посвящен Русской Америке.

Каргопольский музей благодарит Д.В.Юркова, А.В.Каменева и Б.В.Климова за поддержку издания настоящего сборника.

ISBN 978-5-6040837-9-6

© Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ……7

ВВОДНЫЙ РАЗДЕЛ

Гудима Т.М. Малые города, их роль в сохранении и развитии культуры……9

Муллонен И.И. Исторические топонимы в контексте этнокультурного наследия Каргополья……...13

Никулин А.М. Вопросы сельского развития северного Нечерноземья в работах А.В. Чаянова и Б.Д. Бруцкуса……19

Трошина Т.И. Самосохранительные стратегии русского населения, проживающего на отдаленных и труднодоступных территориях: историческая ретроспектива и современность……25

РАЗДЕЛ I. КАРГОПОЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ И РУССКИЙ СЕВЕР: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Демчук Г.В.Методика исследования писцовых книг…….....31

Грязнов А.Л. Северная граница Белозерского княжества по актам XV – XVI вв. ……..35

Третьякова С.Н. Города Русского Севера в сочинениях иностранных путешественников XVI – начала XX в……44

Черкасова М.С. Каргопольский Кожеозерский монастырь и московские гости Юдины…….....50

Мильчик М.И. Порядная грамота 1692 года на строительство деревянной церкви в Спасском монастыре Каргополя……55

Гостев И.М. Сумской острог: опыт графической реконструкции укреплений XVI-XIX веков……63

Болотина Н.Ю., Комиссаренко А. И., Кононова А.Ю. Оброчные книги Приказа Большого дворца 1669-1673 гг. как источник изучения экономического потенциала карельских дворцовых крестьян……...71

Сазонова Т.В. Вклады посадских людей в Кирилло-Новоезерский монастырь XVI-XVII веков……76

Вовина-Лебедева В.Г. Кургоменская волость в конце XVII – начале XVIII в.: к вопросу о фамильных прозвищах крестьян……...82

Лаптева Т.А. Торги и промыслы Каргополя в первой четверти XVIII века……89

Козлова Н.В. Вопросы «коммерческого искусства» в проектах архангелогородского купечества и политике правительства последней трети XVIII века……91

Николаева М.В. Строительная история Каргополя в подрядных записях крепостных книг местных учреждений XVIII в. (по материалам Российского государственного архива древних актов)…….....97
Пригодина О.Б. Благотворительная деятельность каргопольских купцов, прихожан Воскресенского прихода г. Каргополя……..107

Запольская О.В. Моисеев С.В. Каргополь и уезд в документах Новгородской духовной консистории. XVIII – первая четверть XIX века……....114

Алексеев Д.Ю. Документы, касающиеся Каргополя, в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга……..122

Ефимова В.В. «Четырех губернаторов обманул! Что губернаторов! Нечего и говорить про губернаторов…» (или о службе каргопольского городничего Христофора Яковлевича Пишке)……..128

Жуковская Т.Н., Калинина Е.А. Учительская корпорация г. Каргополя первой половины XIX в.: опыт коллективной биографии…….....134

Капитонова С.А., Потахин С.Б. Основные пути сообщения между Поморьем и Заонежьем в середине XIX столетия…….....138

Студенцова Е.О. Содержание и эксплуатация Шенкурского тракта от г. Каргополя до ст. Няндома в конце XIX – начале XX в…….141

Варшавская Н.Ю., Мелехова Г.Н. Кирилло-Челмогорский монастырь: попытка исторической и историко-археологической реконструкции…….147

Намятова Е.С. Жители Каргопольского уезда — участники Первой мировой войны (по документам Национального архива Республики Карелия)…….158

Решетников Н.И. Первая мировая война в письмах и дневниках крестьян Русского Севера……...166

Галкин А.К. «…мы и черного борова посвятим в архиереи». К начальной истории Каргопольскоговикариатства Олонецкой епархии……...173

Гриппа С.П., Потахин С.Б. Погодные аномалии в Каргополье (конец XVIII–XX вв.)……..180

Сметанин В.А. О расследовании факта лишения избирательных прав преподавателя Каргопольского педагогического техникума П.Я. Чубарова……..184

Мелехова Г.Н., Фаркова Л.И. Дневник Степана Петровича Абакумова…….189

Тормосова Н.И. Эволюция системы сельского расселения Верхнего Поонежья……...198

Грязов А.М. Археологические находки Саунинской округи……203

РАЗДЕЛ II. КАРГОПОЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ И РУССКИЙ СЕВЕР: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

Миронов А.С. Роль былин Русского Севера в культурной трансмиссии ценностей православной цивилизации: проблема "силы", "чести" и "хвастовства"……..209

Кузнецова В.П. Духовные стихи в записи каргопольского крестьянина К.А. Докучаева……..217

Кольцова Т.М. Мастера каргопольских резных иконостасов (по данным письменных источников)……...222

Кузнецов А.В., Новосёлов А.М. К вопросу о происхождении архитектурного стиля «Тотемское барокко»……228

Плаксина Н.Е. Художественное наследие старообрядцев-странников «Каргопольского предела» в государственных и частных собраниях Северо-Западного Федерального округа……235

Бодэ А.Б. Проблемы сохранения и реставрации памятников деревянного зодчества на примере храмов Каргополья…….....240

Дарил Энн Хардмэн. Колокола для Турчасово ……246

Кутукова Е.С. В поисках архива Г.В. Алфёровой…….251

Васильева Е.П. О происхождении меднолитых складней XVIII века «Двунадесятые праздники»……..256

Бабалык М.Г. Сочинения о «ризном украшении» в севернорусских рукописях XVII-XX вв. …….263

Бабалык А.В. Толковые азбуки в рукописях из севернорусских собраний……267

Орлова О.В. Духовная книга гражданской печати XIX –начала XX веков (Архангельская губерния)…….271

Кондратьева В.Г. Синефонные прялки Нижнего Поонежья…….278

Ворожцова Е.В. Произведения народного искусства Каргополья в фондах Сахалинского областного художественного музея……...284

Зимина И.А. Каргопольские пояса в собрании Архангельского музея Изобразительных искусств (АМИИ)……...291

Наумов Ю.М. К вопросу о народном судостроении и судоходстве Каргополья…….....295

Гвоздева Ж.В. К вопросу о вечериночной традиции Каргопольского уезда Олонецкой губернии второй пол. XIX – нач. XX века…….....305

Козинская Л.Г. Локальные традиции праздника Масленицы на Русском Севере…….....310

РАЗДЕЛ III. РУССКИЙ СЕВЕР И РУССКАЯ АМЕРИКА

Шмакин В.Б. Геополитическое значение походов северорусских землепроходцев на Северо-Востоке Азии в XVII – начале XVIII века……318

Петров А.Ю. Значение уроженца Каргополя А.А. Баранова в истории Русской Америки…….....327

Robin Joy Wellman. Личное влияние лорда Баранова в истории Калифорнии. Человек, лидер, дворянин……332

Макарова Е.С., Онучина И.В. Наследие А.А. Баранова в историко-культурном контексте Каргополя…….....337

Старицын А.Н. Родословная Александра Андреевича Баранова…….....343

Гузакова М.В. Семейный архив Шелиховых-Булдаковых как источник по истории торговой деятельности купечества конца XVIII – начала XIX века ……..349

Рахманова Л.Я. Ключевые стратегии и практики межкультурного взаимодействия на территории Русской Америки в период становления РАК (1790-1818 гг.): социально-антропологический анализ……352

Завьялова Н.И. Дмитрий Иринархович Завалишин – офицер флота, общественный деятель, публицист……..359

Нащокина М.В. Деревянная архитектура Русской Америки……367

Пахнин А.В. Мультимедиа-ресурсы Тотемского музейного объединения как средство популяризации наследия «Русской Америки»…….....376

ДИСКУССИОННАЯ ПЛОЩАДКА

Грот Л.П. Идея финно-угорского субстрата в Восточной Европе и шведский политический миф XVII-XVIII вв. …….385

Рачинский А.В., Фёдоров А.Е. Северо-русские колокольни как дохристианское наследие……...392

Фёдоров А.Е. Плавающая симметрия в Северо-русской архитектуре. Собор Рождества Христова в Каргополе……398

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ…….....403

НАШИ АВТОРЫ…….405

РЕЗОЛЮЦИЯ КОНФЕРЕНЦИИ…….408

ПРЕДИСЛОВИЕ

С 1996 года старинный северный город Каргополь является местом проведения российских и международных конференций, посвященных истории и культуре Русского Севера. Конференция 2016 года оказалась самой представительной по составу за все прошедшие годы: 80 докладчиков (из них 14 докторов и 27 кандидатов наук) из ведущих университетских и академических центров, музеев и архивов России (от Москвы и Санкт-Петербурга до Архангельска и Южно-Сахалинска), США, Англии, Франции, Швеции. Они представили широкий спектр междисциплинарных докладов, посвященных истории северных территорий России в сравнении с территориями ее северных соседей.

В первый день работы конференции на пленарном заседании были заслушаны доклады, посвященные малым городам России, в особенности северным городам, их роли в сохранении и развитии культуры. Другая группа докладов была связана с анализом исторического взаимодействия российского населения на Севере с другими европейскими народами. Наконец, третий блок докладов был посвящен собственно истории города Каргополя и его значению в истории России.

Второй день работы конференции открылся докладом д.и.н. профессора Института всеобщей истории РАН А.Ю. Петрова "Значение уроженца Каргополя А.А. Баранова в истории Русской Америки". Теме Русской Америки и роли Баранова в ее управлении было посвящено целое пленарное заседание. Особо надо отметить доклад сотрудника Государственного исторического парка Форт Росс, штат Аляска, Робин Джой Веллман (США), а также доклады сотрудников музея Г.И. Шелехова (г. Шелехов, Иркутская обл.), Тотемского музейного объединения (г. Тотьма, Вологодская обл.), представивших уникальные исторические сведения о Баранове как "главном менеджере" русской Аляски начала XIX века, об истории повседневности российско-американской жизни на полуострове Аляска. М.К. Меняйленко (США, заведующая архивом Музея русской культуры в Сан-Франциско) рассказала о деятельности русских эмигрантов по сохранению в Калифорнии памятника Форта Росс. Состоялся подробный рассказ и показ деревянной архитектуры Русской Америки (М.В. Нащокина).

На секционном заседании «Каргопольская земля и Русский Север: историческое наследие» было представлено 24 доклада. Большинство их них глубоко затронули тему средневекового освоениях и развития российских северных земель на примерах границ Белозерского княжества XV – XVI вв., вкладов в Кирилло-Новоезерский монастырь, истории Кожеозерского монастыря, а также культурного и экономического значения Соловецкого монастыря. И, конечно, на секции были широко представлены доклады, связанные с культурой, строительством, торговлей и промыслами Каргополья в особенности в XVII – XIX веках. Чрезвычайно содержательными оказались выступления, посвященные народному образованию, например, доклад
Е.А. Калининой (Петрозаводск) об учительской корпорации Каргопольского уезда XIX века, или драматическая история преподавателя Каргопольского педагогического техникума
П.Я. Чубарова в изложении краеведа В.А. Сметанина (Архангельск). Также, пожалуй, надо особо выделить доклады В.В. Ефимовой (Петрозаводск) о каргопольском городничем Пишке,
М.И. Мильчика (Санкт-Петербург) о строительстве деревянного трапезного храма в Спасо – Преображенском монастыре г. Каргополя, гл. хранителя Каргопольского музея О.Б. Пригодиной о благотворительной деятельности каргопольского купечества. Во всех этих докладах в научный оборот оказались введенными новые ценные исторические сведения, предпринята попытка их оригинальных аналитических обобщений.

На секции «Каргопольская земля и Русский Север: культурное наследие» большой интерес вызвали доклады А.Б. Бодэ (Москва) «Проблемы реставрации памятников деревянного зодчества», Е.В. Ворожцовой (Южно Сахалинск) – «Произведения народного искусства Каргополья в фондах Сахалинского областного художественного музея». Особое звучание в докладах А.В. Пигина (Санкт-Петербург), В.П. Кузнецовой (Петрозаводск), Н.Е. Плаксиной (Сыктывкар), О.В. Орловой (Сыктывкар) получила проблематика старообрядческой культуры на Русском Севере.

На конференции большое внимание было уделено вопросам социоэкономического и культурного развития северных территорий в контексте общей истории России. Т.И. Трошина,

Т.М. Гудима, А.М. Никулин, И.И. Муллонен в своих выступлениях обратились к серьезным темам развития малых городов и сельских поселений, сельского хозяйства, топонимики.

Часть статей (Грот Л.П., Рачинский А.В., Федоров А.Е.) носит дискуссионный характер, поэтому редакция сочла возможным опубликовать их в разделе «Дискуссионная площадка». Авторы имеют право на изложение своей точки зрения, своих подходов к исследованию проблемы. Редакция надеется, что эти и другие статьи нашего сборника вызовут дискуссию, в результате которой, как известно, и выявляется истина или намечаются проблемы дальнейшего исследования.

По результатам работы конференции принята резолюция, которая направлена в органы власти различных уровней и Министерство культуры Российской Федерации.

Каргопольский музей и редколлегия выражают глубокую благодарность участникам конференции за активное обсуждение проблемных вопросов и надеются на дальнейшее творческое сотрудничество.

Редколлегия

ВВОДНЫЙ РАЗДЕЛ

Т.М. Гудима (г. Москва)

Малые города и их роль в сохранении и развитии культуры

В Концепции "ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ" сформулированы её принципы, среди которых сочетание универсальности цели культурной политики и уникальности субъектов и объектов культурной деятельности и территориальное и социальное равенство граждан при реализации права на доступ к культурным ценностям и участии в культурной деятельности.

Обязательным условием практической реализации этих принципов является внимание к культуре малых городов, сёл и деревень. В них живёт более 40 миллионов человек, треть населения России. Это разные города и сёла, почти полтысячи из них являются историческими, они обладают разным экономическим и культурным потенциалом. Но для большинства из них существуют общие, крайне сложные проблемы.

Назовём только некоторые из них: неразвитость бизнеса и высокий уровень безработицы (значительная часть трудоспособного населения, особенно мужчин, вынуждена искать работу в других местах), социальная незащищённость, отсутствие достаточных возможностей образовательного и культурного развития, дефицит бюджетов и связанное с этим плохое качество дорог и благоустройства, жилого фонда. По этим причинам молодёжь уезжает в большие города, чтобы как-то устроить свою жизнь, найти работу, получить образование. Малые города и сёла пустеют, разрушаются, и это наносит колоссальный ущерб экономике и культуре России.

Вместе с тем, большинство людей, проживших значительную часть своей жизни в малых городах и деревнях, вспоминают о них с большой теплотой и любовью. Это чувство убедительно отразилось в многочисленных произведениях поэтического и музыкального творчества:

Сам себя считаю городским теперь я,
Здесь моя работа, здесь мои друзья,
Но всё чаще ночью снится мне деревня,
Отпустить меня не хочет родина моя.

В малом городе (поселении, селе) люди более тесно связаны друг с другом, здесь широкий круг общения между родственниками и соседями, люди более близки и добры, особенно в трудные времена. Даже своё начальство - представителей власти и управления, как правило, "знают в лицо", да и по роду и племени. Общество более открыто: как поётся в известной песне: "нет секретов в деревне у нас", или "здесь держать можно двери открытыми, что надёжней любого замка".

Современное понимание культуры, на которое ориентируется ЮНЕСКО и Концепция государственной культурной политики, можно наиболее наглядно представить на культуре малого города. Процитируем это определение: культура – весь комплекс наиболее ярких духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных черт, характеризующих общество или «социальную группу», включает в себя не только искусство и литературу, но и образ жизни, основные права человека, систему ценностей, традиции и мировоззрение.

В малом городе наиболее укоренены и сохраняются традиционные виды труда, формы землепользования, образа жизни, опыт воспитания детей. Такие традиции передаются от поколения к поколению. Многое в этом опыте востребовано сегодня. Здесь нет никакой архаизации, возвращения в средневековье, которым многие сторонники «современной культуры» пугают молодёжь, это надёжный фундамент знаний и умений, созданный до нас.

Подтверждая сказанное, я часто обращаюсь к двадцатипятилетнему опыту Кенозерского национального парка, гордости России и нашей Архангельской области. Стараюсь бывать в парке каждый год и с радостью наблюдаю происходящие изменения. После создания парка на этой заповедной территории были остановлены все виды производства, наносящие вред природе: лесозаготовка, лесосплав и другие. Люди, живущие в посёлках и сёлах на территории парка, потеряли работу. Начался массовый отъезд, временный и постоянный, в другие места. Коллектив вновь созданного парка использовал разные способы, чтобы остановить процесс разрушения:

боролся за сохранение каждой сельской школы и больницы, даже стремился сохранить совхоз. Парк возглавили люди творческие, профессионально грамотные во главе с молодым тогда директором Еленой Флегонтовной Шатковской, северянкой, человеком, не просто знающим Север, но и чувствующим, понимающим этот суровый и загадочный край. В трудных поисках было найдено и реализовано самое главное направление работы: Возродить жизнь на этой земле! А это означало - пробудить интерес к предпринимательской деятельности и обучить её основам (парк организовывал ежегодно семинары для местных жителей), открыть и организовать в сёлах центры промыслов и ремёсел, включить местных жителей в приём и обслуживание туристов, которых становится всё больше.

В парке создано два уникальных музея - Музей сельского быта и Музей исконной русской словесности "В начале было Слово". И это не случайно: абсолютное большинство известных русских былин записано на этой земле.

Одно из направлений деятельности парка - использование недревесных ресурсов леса, в нём активно участвуют и взрослые, и школьники. Активно реставрируются памятники истории и культуры; на территории парка свыше ста уникальных памятников деревянного зодчества. Не перечисляю всех интересных и продуктивных направлений работы парка - об этом надо писать специальную книгу. Жизнь на заброшенные земли возвращается. Кенозерский национальный парк уже несколько лет признаётся лучшим национальным парком России.

В малых городах существует особое отношение к природе. В этих поселениях значительно чаще, чем в мегаполисах, можно встретить бережное, уважительное отношение к окружающей среде, здесь чувствуют гармонию природных ландшафтов и творений человека. Очень интересна и поучительна архитектура малых городов, их планировка, особенно деревянные строения: дома, амбары, часовни и церкви. Прежде всего, в малых городах и сёлах сохранились и развиваются художественные промыслы и ремёсла, открывающие много талантливых мастеров.

Особое значение в малых городах и сёлах имеют традиционные учреждения культуры и образования: школа, клуб или дом культуры, библиотека, музыкальная и художественная школа и другие. Это центры интеллектуальной и культурной жизни, место общения, здесь собираются и в радости, и в горе. К сожалению, многие из этих учреждений культуры находятся в крайне тяжёлом материальном и физическом состоянии. Местные бюджеты решить эту проблему не в состоянии из-за их скудости. Последние годы правительства ряда областей и республик реализуют собственные программы поддержки учреждений и организаций культуры в малых городах и на селе, укрепления и обновления их материально-технической базы. Это Ульяновская, Орловская, Вологодская области, республики Татарстан, Мари-Эл и ряд других. Нужна комплексная общественно-государственная программа развития культуры на селе и в малых городах.

В сентябре 2015 г. эта тема обсуждалась на культурном форуме в Ульяновске. Уже пять лет культурный форум в этом городе собирает всю Россию. Там обсуждаются с большой пользой для дела наиболее актуальные и сложные вопросы. Таким было и обсуждение проблем культуры малого города. Первый результат этого обсуждения: во многих областях озабочены этой проблемой и ищут пути её решения, накоплен интересный опыт, в частности, в Корсунском, Инзенском, Кузоватовском районах Ульяновской области, в Устьянском, Вельском и Ленском районах Архангельской области и многих других местах.

Многие малые города уже сегодня являются и могут стать привлекательными для туристов: Каргополь, Сольвычегодск, Великий Устюг, Коломна, Яренск, Углич и многие другие. Туризм может и должен стать мощным ресурсом развития малых городов.

Остановимся на этой теме более подробно. В последние годы в мире всё больше людей, желающих путешествовать. Это стремление заметно и в нашей стране, хотя количество туристов в 2000-х годах остается меньше, чем было в советские годы. Это неудивительно: в те годы организацией отдыха трудящихся, в том числе туристских поездок, активно занимались профсоюзные организации, оплачивая большую часть стоимости путешествия. У молодёжи была своя организация - бюро молодёжного туризма "Спутник", организующая поездки для школьников, студентов, молодых людей по всей стране и по всему миру. К сожалению, этот опыт остался в прошлом. Сейчас действует множество туристских фирм, в основном, частных, очень разных по уровню и качеству обслуживания. Однако желание путешествовать в людях неистребимо: хочется видеть знаменитые памятники культуры, красивейшие места планеты,

встретить интересных людей и обрести новых друзей, проверить себя на выносливость и закалить характер - много есть того доброго и полезного, что включает в себя туризм. В последние годы государство, его органы, ответственные за образование, культуру, спорт, молодёжную политику, стали уделять заметно больше внимания развитию туризма. Принята специальная государственная программа, осуществляется ряд интересных проектов. Туризм становится более многообразным по содержанию и направлениям, учитывая разносторонние интересы людей. Сейчас есть туризм деловой, профессиональный (научный), познавательный (учебный), оздоровительный, спортивный, развлекательный, гастрономический, событийный (участие в праздниках, конкурсах, фестивалях), паломнический. Большая часть групп туристов стремится соединить эти направления, и города, сёла, которые могут и хотят стать туристскими центрами, то есть сделать туризм перспективным направлением своего экономического и культурного развития, могут позаботиться о содержательном наполнении всех видов туризма.

Старинный русский город Каргополь, имеет необходимый исторический и культурный потенциал, чтобы стать Всероссийским и международным культурным, а потому и туристским центром. Каргополь - малый город, последние годы его население не превышает десяти тысяч человек. Все характерные черты и особенности малых городов, все их проблемы, о которых шла речь, присущи и Каргополю. И вместе с тем, это город особенный. Во-первых, это город с богатой историей: с XVI века крупный, активно развивающийся центр, тесно связывающий торговыми связями огромные территории от Белого моря до Карелии и Вологодских земель: торговали льном, кожей, пушниной, солью, рыбой, железом, многими другими товарами. О Каргополе знали и в России, и за её пределами.

На очередную научную конференцию в Каргополь приехали учёные и практические работники из многих республик и областей России, из четырёх зарубежных государств. В большинстве заявленных докладов, судя по их заглавиям, речь пойдёт о роли Каргополя, каргопольцев в развитии их земель. Отдельная секция на конференции посвящена деятельности каргопольского купца, государственного деятеля России, первого правителя Русской Америки Александра Андреевича Баранова. Очень важно, что в этом обсуждении будут участвовать учёные из Соединённых Штатов Америки, которые говорили, что там бережно хранят память о А.А. Баранове.

Каргополь расположен в очень красивом, живописном месте на берегу реки Онеги. В окрестностях города немало природных уголков, где можно любоваться природой. И эту красоту дополняет красота рукотворная: величавые белокаменные храмы, Соборная площадь с колокольней (один из самых привлекательных праздников на этой земле - "Колокольные звоны"), различные каменные и деревянные строения, сохранившие исторический облик города. В Каргополе сохранились объекты культурного наследия мирового значения: Христорождественский собор 1562 года, Вознесенская и Благовещенская церкви XVII века, другие памятники. В городе интересно работает государственный историко-архитектурный и художественный музей, основанный в 1919 году, располагающий коллекциями икон, живописных полотен, произведений декоративно-прикладного искусства.

О Каргополе ещё многое можно рассказать, но это лучше сделают работники музея и коренные жители этой земли. Мой краткий рассказ связан с желанием выразить своё впечатление и предложить конкретное действие. Одним из первых шагов в повышении авторитета малого города, в привлечении к нему общественного и государственного внимания должно стать создание имиджа, образа этого города. Не приемлю слова "бренд", не потому, что оно иностранное, а потому, что знаю его трактовку в словаре В.И.Даля и значение слов, производных от слова бренд: сбрендить - тронуться умом. Поэтому мне кажется точнее - образ, имидж.

Как и большинство малых городов, Каргополь целый ряд стоящих перед ним проблем не сможет решить собственными силами из-за скудости бюджета, отсутствия устойчивого производства - главного, надёжного источника пополнения бюджета (в недавнем прошлом Каргополь был центром района, лучшего в Архангельской области по производству сельскохозяйственной продукции). Развитой отраслью были и лесозаготовки. К сожалению, не по вине района, прежде всего, в 1990-е годы эти отрасли были разрушены, восстановление идёт крайне медленно.

Вместе с тем, есть проблемы, решение которых зависит от жителей Каргополя и руководства города, Каргопольского района, Архангельской области. Сохранение, воссоздание и

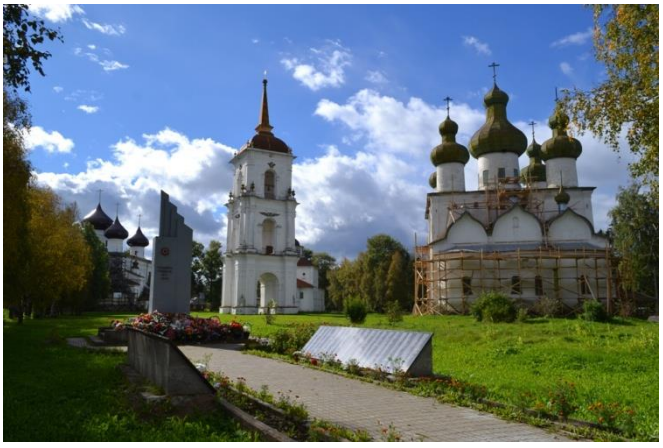
развитие этого исторического города может осуществляться только комплексно. Сохранить надо не только отдельные памятники, но и характер города, расположение исторических улиц, памятных мест. В Каргополе трижды разрабатывался комплексный план сохранения и развития города и района, культурного и исторического наследия этих территорий. В этой работе участвовали известные учёные, в том числе из Института природного и культурного наследия имени академика Д.С. Лихачёва под руководством директора института Ю.А. Веденина. На эти цели выделялись средства из федерального бюджета. Концепции были разработаны, но они лежат мёртвым грузом в администрации района. Не объяснимо, в чём дело: то ли в частой смене руководства города и района в последние годы, то ли от непонимания важности и актуальности этой работы. А город продолжает разрушаться, в историческом центре города, то здесь, то там возникают оранжевые "Апельсины" - торговые центры, диссонирующие с характером и стилем архитектуры города.

Проблемы Каргополя не решить без активного участия всего населения города, особенно тех, кто здесь родился и живёт, считает его родным. Такие люди в городе есть, активно работают краеведы по изучению истории семей, исторических построек, памятных событий. И всё-таки участие населения явно недостаточно.

В других регионах есть интересный опыт. Например, в малом историческом городе Елабуге в Татарстане приняли на собрании депутатов городского Совета документ под названием "Устав старого города", в соответствии с которым в охрану культурного наследия включались все владельцы и жители домов, имеющих статус памятника - объекта культурного наследия.

Каргопольская земля сохранила и богатое нематериальное наследие: былины и сказания, песенную традицию, художественные промыслы. Благодаря усилиям работников культуры, местным жителям - хранителям традиций, многие виды нематериального наследия развиваются. Внимание к этим видам творчества в стране стало больше. В нематериальной культуре живёт память, дух народа, находит выражение его идентичность - очень популярное сегодня понятие. Важно только, чтобы это было не только в сувенирах и концертных номерах на сцене, но и внедрялось в саму жизнь, обогащая её духовно. В Каргополе несколько лет нет условий для нормальной работы Дома культуры, долгие годы в прошлом он был главным центром развития творчества и поддержки талантливых людей. Следует поддержать предложения музея о реставрации Гостиных дворов и создании в них новой музейной экспозиции, завершении работы по созданию исторической экспозиции.

Можно надеяться, что Каргопольский музей с помощью научной общественности в содружестве с местными жителями и администрацией сможет решить проблемы по сохранению историко-культурного наследия.

Илл. 1. Соборная площадь г. Каргополя. Фото 2016 г.

И.И. Муллонен (г. Петрозаводск)

Исторические топонимы в контексте этнокультурного наследия Каргополья

В богатом и разнообразном спектре объектов культурного наследия Русского Севера, включающем шедевры деревянной архитектуры, памятники фольклора, уникальные ремесленные традиции и др., свое место занимает топонимия – географические названия, являющиеся непосредственным элементом культурного ландшафта. Они, собственно, обладают всеми признаками, которыми характеризуется в соответствии с Конвенцией ЮНЕСКО 2003 года нематериальное культурное наследие: «Нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека».

Созданные в прошлом, топонимы передаются из поколения в поколение и являются знаковыми, брендовыми для территории. Судя по данным исторического языкознания, типологии топонимии, а также редким свидетельствам письменных источников, среди топонимов Русского Севера немало таких, возраст которых насчитывает не менее 1000 лет. Приходится признать, что среди фактов культурного наследия нашего региона не столь уж много дошедших из такой древности исторических свидетельств. При этом речь идет об истории, облеченной в слово, которое доносит через века не только отголоски звучания языка создателей топонима, но и наполнено содержанием. По сути, не меньшей историко-культурной ценностью обладают и более молодые по возрасту топонимы, ибо каждый из них создан определенным человеческим сообществом и отражает многие аспекты его жизнедеятельности, особенности его социально-экономического состояния, культуры, его приоритеты.

Перечисляя конкретные проявления нематериального культурного наследия, Конвенция не называет непосредственно топонимию, однако в документе обозначен язык, местные говоры как носитель этого наследия. Топонимы, если вдуматься – это тот же язык, самыми прочными узами связанный как с территорией, с природой, так и с историей.

Каргополью повезло больше, чем многим другим территориям Русского Севера, поскольку здесь в разные годы работали экспедиции двух российских топонимических центров. Уральский государственный университет, проводил здесь первые топонимические экспедиции еще в далеком 1967 году под руководством А.К. Матвеева – известнейшего российского исследователя, основателя Уральской топонимической школы – лучшей в России. Более скромно здесь работали топонимисты Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. В общей сложности, картотека топонимов Каргополья насчитывает более 15 тыс. названий и включает как наименования крупных водных объектов, поселений, так и многочисленные микротопонимы – названия сельскохозяйственных угодий и лесных урочищ, гор и болот, дорог и мостов – собственно, самых разных мест в окрестностях деревень и в отдалении от них, которые были включены жителями в хозяйственную деятельность. Это, безусловно, уникальный языковой и исторический источник, который еще в должной степени не освоен ни в исследовательской, ни в культурной, ни в образовательной деятельности.

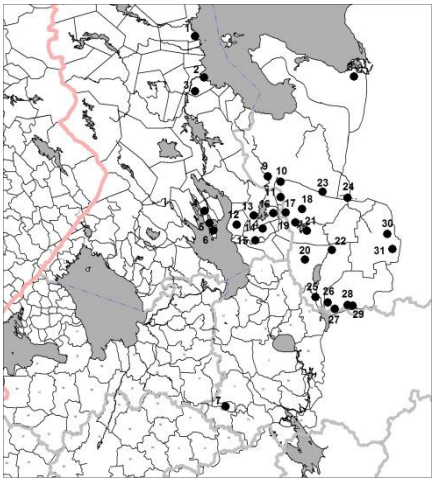
В статье рассматриваются некоторые топонимы Каргополья, в которых заключена информация о дорогах – важнейшем элементе культурного ландшафта, сыгравшем принципиально важную роль в освоении территории, в сложении системы расселения, формировавшем границы историко-культурной зоны Каргополья. При этом в силу важности дорог информация о них получала широкое распространение, что способствовало устойчивости топонимов, привязанных к местам прохождения дорог, передаче их из поколения к поколению и от народа к народу.

Список «дорожных» топонимов включает целый ряд названий, за которыми стоит так и некой придорожной инфраструктурой: В качестве примеров далее указаны некоторые топонимы

из обширного списка. Зимние пути проходили через угодье Зимники (Тихмангская, д. Горка[1]), Зимничное болото (Печниковская, д. Кучепалда); нередкое в топонимии название Переходы (напр., с. Лекшмо-Бор) привязано к местам, где дорога проходила через болото или между болотами, иногда через глухой лес. Угодья Перевоз (Лекшмозерская, д. Морщихинская) и Перевозница (Усачевская и Калитинская) располагались на противоположном от деревни берегу озера или реки и помечали места, куда причаливала лодка, перевозившая путников через озеро в деревню. Урочище Половина (напр., Шильдская, д. Кропачева) или Половинное озеро (Лядинская, д. Киселевская) маркируют места, расположенные на полпути между поселениями. О традиции ставить придорожные кресты – как правило, у перекрестка дорог) – напоминают многочисленные топонимы с основой Крест-, напр., поле «У Креста» (Поздышевская, д. Киверниковская). К дорожной инфраструктуре могут быть причислены и стоявшие у дорог приметные деревья, помеченные зарубками на стволе или обрубленными ветками, ср. угодья «У Сосны» (Свидская, д. Горка; Волосовская, д. Трофимовская; Ряговская, д. Даниловская; Троицкая, д. Преслениха). В топонимах сохранилась память об уже забытом на Каргополье диалектном термине, которым называли такие приметные деревья. Это залазь или залозь – сугубо архангельское слово, известное, прежде всего, в мезенских и лешуконских говорах, где обозначает ‘высокую ель, у которой обрубаются ветви или вершина для приметы’[2], ‘участок ствола ели у вершины с вырубленными ветвями – примета места’[3]. Традиция обрубать ветки и делать затесы на стволе была широко распространена в лесной полосе Европейского севера, у прибалтийско-финских народов такое дерево-знак носило названиекарсикко и имело как сугубо практическое значение (например, мета, указатель места), так и мифологическое – как обрядовый символ, связанный с переходными и иными важными для отдельного человека, семьи, рода жизненными ситуациями[4]. Такие приметные сосны и ели часто стоят на кладбищах (карсикко умершего), на берегах водоемов (карсикко рыбака), на перекрестках дорог (карсикко путника).

Термин залазь ~ залозь бытует, как уже отмечалось, в восточных ангельских говорах. Топонимические фиксации же известны значительно западнее, отражая тем самым исторический ареал лексемы ***(илл. 1).*** В Каргополье нашими экспедициями зафиксировано три топонима: Залазный мыс (Свидская, д. Астафьево), Залозное, покос (Архангельская, д. Марковская), Залозь, место у дороги в д. Ручей бывшей Лекшмозерской волости. Судя по ареалу, речь должна идти об архангельской инновации, производной от глагола залазить. Видимо, из Каргополья и Кенозерья термин проник и на восточную окраину Карелии[5].

Топонимия Каргополья сохранила память еще об одном древнем «дорожном» термине – древнерусском новгородском слове людчик ~ лющик ‘дорога’. Оно многократно фиксируется в древненовгородской письменности. В вологодских и архангельских актах XVI в. его использовали в виде словосочетания людской путь ‘дорога, улица’. Интересно, что в череповецких говорах слово лющик было зафиксировано в свое время в значении ‘непропаханная узкая полоса земли между полями или по краю поля возле изгороди; межа’[6], которое, видимо, развилось из примарной «дорожной» семантики. Из архангельских же говоров термин, видимо, ушел полностью уже относительно давно, поскольку не зафиксирован в диалектных словарях.

Илл. 1

Однако будучи утраченным говорами, слово продолжает жить, по крайней мере, в двух топонимах Каргополья: урочище

[1] Привязка топонимов соответствует административному членению (сельсовет и деревня) Каргопольского района в 1970-80-е годы, когда научными экспедициями Уральского госуниверситета был собран основной массив топонимического материала Каргополья.

[2] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1955.

[3] Словарь говоров Русского Севера. Том IV.Под ред. А.К. Матвеева. Екатеринбург. 2009. С. 111.

[4] Конкка А.П. Карсикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск, 2013.

[5] Муллонен И.И., Захарова Е.В. Многослойная топонимия Кенозерья // Кенозерские чтения – 2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Сборник материалов VВсероссийской научно-практической конференции. Архангельск. 2011. С.160.

[6] Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Под ред. А.С. Герда. Вып. 3. СПб. 1996 . С. 170.

Лющик (Свидская, д. Матвеева) на левом берегу р. Свидь, примерно в 3 км от деревни в западном направлении. Второй топоним – Залющье (Тихмангская, д. Мячево), т.е. место за дорогой. Ценность этих топонимов двоякая: с одной стороны, они сохранили термин, принесенный некогда на Русский Север новгородцами. К сожалению, ареал топонима уже настолько разрушен, что сейчас даже трудно реконструировать тот путь, которым термин пришел в Каргополье. Судя по фиксациям, собранным В.Л. Васильевым, топоним Лющик был известен в Псковских землях, а также на реке Шексне в Белозерье, Залющик в районе р. Тихвинки, урочище Лющик есть в Карелии на Заонежском полуострове[1]. В Картотеке топонимической экспедиции Уральского университета по Архангельской области отложились угодья Лющик в Кевролена реке Пинеге и в Холмогорском районе на реке Емце. Все они укладываются в ареал новгородской колонизации Севера и связаны, видимо, со временем новгородского освоения. Показательно в связи с этим, что московским писцам термин был неизвестен.

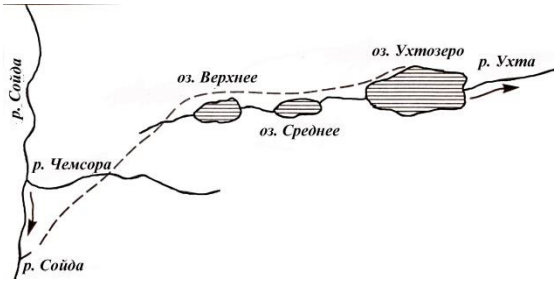
Топонимы сохранили реальную память не только о слове, но и о тех древних дорогах, которые этим словом названы. Иначе говоря, в топонимах заключена важная историко-культурная информация о формировании дорожной сети, в том числе водных путей.

В условиях таежного севера водные пути были вплоть до относительно недавнего времени единственно возможными дорогами большой протяженности при освоении территории, проникновения вглубь северных лесов. Поэтому для первопроходцев, жителей края было чрезвычайно важным знать, где начинается и заканчивается путь по воде, где располагаются волоки, является ли озеро проточным и т.д. Именно такого рода информация скрыта во многих древних гидронимах – названиях рек и озер – Русского Севера. Исключительно важную роль в формировании водных путей играли волоки – сухопутные участки между водными бассейнами, через которые перетаскивали, «волокли» лодки и более крупные суда. Археологические и исторические факты свидетельствуют о том, что многие северные волоки формировали пути славянской колонизации региона[2] и саму поселенческую сеть[3]. Топонимия, в свою очередь, нередко напрямую указывает на их использование в дославянское время, поскольку в названиях закрепился ряд финно-угорских терминов с семантикой ‘дорога, путь, волок’.

В ряду древних «волоковых» топонимов Русского Севера особый интерес вызывает группа названий с основой Ухт- (Ухтозеро, Ухта, Ухтома). Она не раз становилась предметом обсуждения в ономастической литературе, для ее интерпретации предложен целый ряд гипотез, из которых одна, исходившая из топографической характеристики объектов, а также из сопоставления облика топоосновы с угорским словом axt ‘протока’, охгот, ухгут ‘перешек между двумя речками, по которому перетаскивают лодку, волок’[4],блестящим образом подтвердилась относительно недавно, когда удалось реконструировать финно-угорскую лексему *ukti ‘дорога’[5]. Она воспроизведена в ряде гидронимов Белозерья, в том числе в названии знаменитого Ухтомского волока[6], по которому попадали из бассейна Волги в бассейн Онеги и Северной Двины. В белозерском примере принципиально важное значение имеет переводная пара названий: р. Ухтома вытекает из озера Волоцкое, что, с одной стороны, подтверждает корректность этимологии топоосновы Ухт-, с другой, возможно, свидетельствует о двуязычии населения Белозерья в начальные века второго тысячелетия, которое привело к переводу исконного финно-угорского названия на русский. В Каргополье в эту группу входит название реки Ухта, впадающей с запада в оз. Лаче и вытекающей из группы озер с названием Ухтозеро. Узкий сухопутный участок отделяет их от верховий реки Чемсоры, относящейся

[1] Васильев В.Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М., 2012. С. 442–444.
[2] Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М.,1997.
[3] Тормосов Д.В. Водораздельный ландшафт как историко-географическая составляющая территории Каргополья // Кенозерские чтения-2011. Человек и среда: гармония и противоречия. Сборник материалов V Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2012. С. 215–226.
[4] Афанасьев А.П. «Волоковая» лексика на водных путях Поволжья и Европейского Севера // Топонимика и историческая география. М., 1976. С. 21–26.
[5] Sammallahti P. Historical phonology of the Uralic languages // The Uralic languages. Description, history and foreign influences / ed. by D. Sinor.Leiden; NewYork ; København ; Köln : Brill, 1988. P. 537.
[6] См. подробнее Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыковогоконтактирования. Петрозаводск, 2002. С. 210.

к бассейну Онежского озера ***(илл. 2).*** Логично предположить, что именно здесь, через верховья Ухты, проходил один из водно-волоковых путей из бассейна Онежского озера вбассейн р. Онега. В пользу этого свидетельствует и то, что именно в этом месте, прямо по предполагаемому волоку, проходит сухопутная дорога.

Илл. 2

Исходя из особенностей фонетического развития отдельных финно-угорских языков и последующей интеграции финно-угорских топонимов в русское языковое употребление, исследователи вводят в один этимологический ряд с Ухт- и топоосновы Охт- и Вохт-. Если Ухт- доносит до нас, видимо, верхневолжское звучание, то Охт- ~ Вохт- ближе к тому древнему праязыку, который продолжается в современных саамских языках. Топооснова Вохт- воплотилась в целой группе названий, среди которых фин. Vuohtajärvi, карел. Vuohtärvi – рус. Вохтозеро, а также неоднократно встречающиеся на Двинско-Волжском водоразделе Вохтанка, Вохтожка, Вохтома и др.[1]. Видимо, в эту группу входит и название реки Вохтомица – притока р. Волошка, которая, в свою очередь, впадает в р. Онега в верхнем течении последней. Озеро Вельское, из которого она вытекает, отделяется узким перешейком от русла реки Вель (басс. Ваги), при этом перешеек пересекает небольшая речка с названием Матка, ср. приб.-фин. matka ‘волок’ ***(илл. 3)***. В свое время, Н.А. Макаров, исследовавший территорию предполагаемого Вохтомско-Вельского волока, констатировал с сожалением, что он «не оставил ни археологических следов, ни характерных микротопонимов, ни упоминаний в поземельных документах или в устной традиции»[2]. Как видим, на самом деле память о волоке хранят два разноязычных и разновременных топонима, из которых Вохтомица – след языка древнего финно-угорского населения края, а Матка – явный более поздний прибалтийско-финский микротопоним.

Илл. 3

Собственно, память о волоке сохранилась и в местном предании об основателе села Валдиево, расположенного у истоков реки Вохтомица, бывшем разбойнике по имени Валдий, банда которого перетаскивала лодки с Вельского озера по просеке километров пять до реки Вель, а там спускалась по течению к Северной Двине [http://vk.com/topic-43329046_27468253]. В свою очередь, прибалтийско-финские истоки топонима Матка в этом далеком от современных собственно прибалтийско-финских территорий районе поддерживаются антропонимом Валдий, который входит в число традиционных прибалтийско-финских нехристианских мужских имен: Valta, Valto, Valtari, Valtama, восходящих к древнему германскому заимствованию valta ‘сила, мощь, господство’[3]. Исторический и этнокультурный контекст позволяет, с одной стороны, предполагать, что топонимы Валдиево и Матка могут быть наследием известного карельского проникновения в Заволочье в XVI-XVII вв. С другой стороны, однако, их история может уходить корнями и в более отдаленное время, поскольку в силу значимости волоковой территории есть основания полагать ее относительно раннее освоение. Здесь стоит напомнить, что именная основа (антропоним) Валд- была известна в Заволочье уже в глубокой древности и отразилась в названиях погостов-становищ уставной грамоты 1137 г.: Валдит, Вавдит и, возможно, Волдутов погост. Дискуссия о месторасположении названных, как и ряда других погостов этого документа далека от завершения, хотя современные исследователи, кажется, единодушны в том, что все они находились, на реках Онеге и Двине, а порядок перечисления связан с передвижением

[1] Rahkonen P. South-Eastern Contact area of Finnic Languages in the Light of Onomastics.Jyväskylä:BookwellOy, 2013. P. 11.
[2] Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М.,1997.С. 97.
[3] Forsman A.V. Tutkimuksiasuomenkansanpersoonallisennimistönalalla. I. – Helsinki. 1894. S. 165; Stoebke D.-E. Die alten ostseefinnischen Personennamen im Rahmen eines urfinnischen Namensystems. Nord- und Ost-europäische Geschichtsstudien IV.Hamburg.1964. S. 130–135.

«доможирича»[1] [Спиридонов 1989]. В контексте последнего утверждения стоит обратить внимание на упомянутые рядом в списке 1137 г. погосты «у Вавдита» и «у Вели». Их соседство, возможно, не случайно и отражает маршрут сборщика дани через Вохтомско-Вельский волок. В таком случае пункт «у Вавдита» на этом маршруте может быть предком современного села Валдиева, которое в списках населенных мест 1873 г. обозначено как «Валдиевский погост, что на Вельской проселочной дороге». На созвучие названий Валдиевского погоста двум погостам-становищам уставной грамоты обратили внимание археолог Н.А. Макаров[2] и фольклорист Ю.И. Смирнов[3] – последний в связи с зафиксированным в Валдиево преданием о перебрасывании топора основателями деревень, входивших в состав Валдиево[4].

Топонимическая ситуация, описанная выше, свидетельствует, таким образом, о длительном по времени использовании волока разными этноязыковыми коллективами. Память о древнем финно-угорском этапе хранит название реки Вохтомица, имеющее доприбалтийско-финские корни. Видимо, уже на рубеже тысячелетий традиция была подхвачена прибалтийско-финским населением, автором топонимов Матка и Валдиево. Волок использовался и в последующие века, о чем свидетельствует предание, об основателе поселения, преобразовавшись постепенно в Вельскую проселочную дорогу, известную по материалам XIX века.

В случае с Вохтомско-Вельским волоком топонимия выступает в ряду других источников, подтверждающих его использование. Однако нередки случаи, когда топоним оказывается практически единственным прямым свидетельством древнего водно-волокового пути. При этом косвенные данные в виде топографии местности и историко-культурного контекста подтверждают возможность того, что в древности по данной местности мог проходить волоковой путь. Такую ситуацию демонстрирует название р. Кинема, впадающую в оз. Лаче с восточного берега.

Побережья ее – достаточно глухая, практически лишенная поселений местность. Известно, что в конце XIX – начале XX вв. по ней сплавляли лес[5]. Судя по облику, Кинема входит в ряд древних финно-угорских речных наименований с формантом -ма, каковых множество на РС. Основа же КинV- с учетом исторических фонетических закономерностей может входить в один ряд с приб.-финkeino ‘дорога, тропа, охотничий путик’, саам. gæi'dno< *kejno ‘дорога’[6], ср. морд. ki ‘дорога’, киня ‘тропа’[7]. Видимо, в названии реки закрепилось слово из того древнего финно-угорского праязыка, который бытовал здесь, на Лаче, в доприбалтийско-финское и дорусское время и занимал промежуточное положение между прибалтийско-финскими, саамскими и мордовскими языками. В современном финно-угроведении принято говорить о западной ветви уральских языков. Топографическая характеристика указывает на возможность использования р. Кинемы в качестве водной дороги, ведущей из оз. Лаче на реку Волошку ***(илл. 4)***. Река вытекает из обширного болота Кинемская Чисть, которое примыкает к западному берегу р. Волошка, отделяясь от него перешейком незначительной ширины. Косвенным образом на существование этой древней дороги может указывать и то, что в устье реки на берегу озера Лаче известны

Илл. 4

[1] Спиридонов А.М. Устава Святослава Ольговича 1136/37 г. истановление погостов в Прионежьеи Заволочье. КСИА, 1989, вып. 198.
[2] Макаров Н.А. Колонизация… С. 97.
[3] Смирнов Ю.И. Перебрасывание единственного топора // Балто-славянские исследования XVIII. Сборник научных трудов. М., 2009. С.359.
[4] См. текст предания в Дранникова Н.В. Фольклор Архангельского края: из материалов архива лаборатории фольклора. Архангельск, 2001. С. 34.
[5] Крестьянские промыслы Каргопольского уезда Олонецкой губернии. Вып. 1. Петрозаводск, 1902.С 27.
[6] Suomen sanojen alkuperä.Etymologinen sanakirja. 1. Helsinki, 1992 (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia; 556). S.338.
[7] Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских (эрзянскогоимокшанского) языков. В 3томах. Йошкар-Ола. 2006–2006.

археологические неолитические памятники Попово, Веретье – свидетельство ранней освоенности местности. Кроме того, использование этого водно-волокового пути позволяло обходить тянущиеся на 10 км Ряговские пороги на Волошке: уходить выше порогов через волок на Кинему и далее в оз. Лаче, или, наоборот: из Лаче через Кинему на Волошку и далее вверх по ней, например, на р. Вель. Возможно, именно в этой ситуации возникло и название реки Волошка. Вопреки высказывающемуся иногда мнению о том, что название реки восходит к русскому слову волок, факты исторического языкознания, скорее, указывают на то, что мы вновь имеем дело с финно-угорским субстратом, финно-угорской топоосновой со значением «нижний», т.е. Волошкой могла первоначально называться тот отрезок реки, который находится ниже Кинемского волока, от Ряговской волости до р. Онеги. Кстати, если такая интерпретация верна, то она выводит вновь на язык, который продолжается в западных уральских языках: фин. ala(s), саам. Nvuolle- <прасаам. *vōlē'ala-[1]' (SSA), мерян. *vol(os)[2].

Аналогичную топографическую и историко-культурную ситуацию отражает, возможно, и название реки Волошова на знаменитом Кенском волоке. Она тоже расположена после волока, ниже волока, если продвигаться со стороны Онежского озера. Возможно, и само возникновение старинной Ряговской волости было связано с обозначенным водно-волоковым маршрутом. Она могла появиться первоначальнокак некий перевалочный пункт на этом маршруте.

Топонимия, таким образом, хранит память о водно-волоковых путях, сыгравших принципиально важную роль в освоении территории Каргополья. При этом, судя по языковым истокам топонимов, маркирующих традиционные водно-волоковые пути, последние сложились еще на этапе дославянской колонизации края и были затем использованы как в ходе новгородского, так и московского продвижения на север. В свою очередь, для исторического языкознания существенно то обстоятельство, что эти древние топонимы – реальное языковое наследие исчезнувших уже языков. Характеристика тех мест, к которым топонимы привязаны, служит убедительным критерием истинности проведенных реконструкций.

[1] Suomensanojenalkuperä…. 1. S.66.

[2] Рахконен П. Границы распространение меряно-муромских и древнемордовских гидронимов в верховьях Волги и бассейне Оки // Вопросы ономастики. 2012, № 1. С. 21–22.

А.М. Никулин (г. Москва)

Вопросы сельского развития северного Нечерноземья в работах А.В. Чаянова и Б.Д. Бруцкуса

Александр Васильевич Чаянов (1888 - 1937) и Борис Давидович Бруцкус (1874 - 1938) выдающиеся экономисты-аграрники и социологи первой трети XX века, во многом вместе разделяя идеи, так называемой организационно-производственной школы, к которой они оба принадлежали, тем не менее, на протяжении многих лет меж собой имели и достаточно принципиальные идейные разногласия, со временем углублявшиеся.

Чаянов было более народнически ориентированным экономистом, искавшим пути органической трансформации всего российского крестьянства в современные прогрессивные формы сельского развития, связанные с созданием многообразной вертикальной системы сельскохозяйственных кооперативов[1].

Бруцкус, отнюдь не отрицая важного значения различных сельскохозяйственных кооперативов для прогрессивного развития крестьянства, тем не менее, настаивал на примате частной собственности для прогрессивной эволюции сельского хозяйства, склоняясь все более к главенствующему значению хуторского фермерского хозяйства над обычным крестьянским[2].

Бруцкус в целом сочувственно относился к столыпинской аграрной реформе, Чаянов - преимущественно скептически. Бруцкус не видел перспектив сельского развития в русской общине, критически относясь к сохранению коллективистских земельных порядков в русской деревне. Чаянов, между прочим, тоже не видел особых достоинств в общине, подчёркивая иррациональную чрезмерность её чересполосицы. Тем не менее, Чаянов полагал, что постепенная рыночно ориентированная трансформация крестьянских домохозяйств будет эволюционно приводить к рациональной трансформации общинных порядков.

Чаянов написал две книжки[3], а Бруцкус[4] две статьи посвященные перспективам российского сельского развития на Севере. И хотя эти тексты написаны ими в разное время, в разном жанре, и эти работы, по духу своему полемичные - специально не полемизируют меж собой, тем не менее, в них очень ясно и четко отражена мировоззренческая позиция обоих авторов на перспективы сельского Севера.

В Царской, да и нэповской России, существовал немудреный принцип двоичного разделения европейских губерний на нечернозёмные, хлеб покупающие, и черноземные, хлеб продающие[5]. Нечернозёмные, хлеб потребляющие, так в целом и назывались – северными губерниями. Как правило, чем меньше в них хлеба выращивалось, тем соответственно были в них более суровые природные условия, – тем севернее находились эти губернии.

В этой связи надо упомянуть о так называемом идейном противостоянии агрономов "северян" и "южан" в России начала XX века. Кратко характеризуя это противостояние, отметим, что "южане" – агрономы плодородного юга, где достаточно интенсивно развивалось товарно-капиталистическое аграрное производство, всё больше в своей работе уделяли внимание крепким, рыночно ориентированным слоям деревни, связывая со становлением столыпинского хуторско-фермерского хозяйства главный путь сельскохозяйственного развития России. "Южане" предполагали, что излишкам сельского населения, по разным причинам не способным стать самостоятельными хозяевами в аграрной капиталистической экономики, уготован путь исхода из крестьян в наёмные работники города или, на худой конец, всё того же села.

---

[1] Никонов А., Данилов В. «Чаяновский прорыв в будущее» // Экономические науки – 1990 - №5 – с.60-72.

[2] Кузнецов И.А. Преодолевая народничество: концепции аграрной экономики Б.Д. Бруцкуса // Экономическая история: Ежегодник. 2014/15. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 581-612.

[3] Чаянов А.В. Организация северного крестьянского хозяйства. Ярославль. 1918. Чаянов А.В. Как организовать крестьянское хозяйство в нечернозёмной полосе. М. 1926.

[4] Бруцкус Б. Д. Сельскохозяйственные перспективы Олонецко - Мурманского района / Б. Д. Бруцкус // Производств. силы р-на Мурман. ж. д. — Петрозаводск, 1923. — С. 71—86. Бруцкус, Б.Д. Перспективы сельского хозяйства в Северной области // Сельское и лесное хозяйство Севера. — Пг., 1923. — 21 с.

[5] Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского историческогопроцесса. М.: РОССПЭН, 2001.

"Северяне" же искали приемлемые пути сельской эволюции для всех, а не только для самых богатых слоёв крестьянства.

Местом полемических дискуссий ""северян" и "южан" являлись, как правило, предвоенные российские съезды земских агрономов и статистиков[1], да страницы их главных журналов – московского "Вестника сельского хозяйства" (печатного органа "северян") и харьковского "Агрономического журнала" (печатного органа "южан»). Надо отметить, что полемика южных и северных агрономов была в целом весьма "вегетарианской" – уважительно добродушной, особенно на фоне злобных склок политических партий России начала XX века. Агрономы – "северяне" упрекали агрономов – "южан" в забвении земских заветов – заботиться о народе в целом, а не только об его особо удачливых и успешных представителях. "Южане" пеняли "северянам" на их народнический сентиментализм, тормозящий сельскохозяйственный прогресс. При этом обе полемизирующие партии великодушно печатали друг друга в своих изданиях. Мы специально ставим понятия "северян" и "южан" в кавычки, потому что конечно, разделение меж русскими агрономами происходило не исключительно по географическим, но, прежде всего, по идейным признакам. В результате мы обнаруживаем, что формально южнорусский агроном Черниговского и Полтавского земств А.Н. Минин, друг А.В. Чаянова, занимал радикально "северные" позиции[2]. В то время как географически самый северный представитель организационно-производственной школы А.В. Чаянова петербуржец Б.Д. Бруцкус во многом поддерживал установки "южан"[3].

Сельский Север по Чаянову: территория обширных и разнообразных планов

Свое видение перспектив сельского развития Севера, Чаянов изложил в паре книжек, написанных в научно-популярной манере[4]. Здесь возможно обнаружить один и тот же изначальный пассаж, манифестирующий "северное" кредо их автора: «Когда говорят об успехах нашего земледелия, о его будущем развитии, то почти всегда вспоминают о наших чернозёмных губерниях и широких просторах наших южных и восточных областей. Они эти плодородные губернии, одни почитаются житницей советской страны...

Наши же северные суглинки, пески, серые лесные почвы, затерянные среди лесов севера, признаются почти безнадёжными... Про нас говорят, что мы, северяне, даже самих себя своим хлебом прокормить не можем, и крестьянство наше живет больше от фабричных или кустарных промыслов... Словом будто наше северное земледелие – грусть одна, а не сельское хозяйство...

Конечно, с Кубанью нам не ровняться, с пшеницей на мировой рынок мы не поедем, но поездив по чернозёмным местам, посетив пензенские, курские, симбирские деревни и вернувшись снова в наши северные края, мы должны будем признать, что, сельское хозяйство наше поставлено много лучше, урожаи наши не ниже, крестьянское благополучие много лучше, а, главное, **планы на будущее у нас гораздо более обширны и разнообразны** (выделено мною А.Н.), чем в этих чернозёмных губерниях»[5].

И. Чаянов далее в пример приводит отдельные впечатляющие успехи в экономике Нечерноземья: картофелеводство костромских Шунги и Великих Солей, маслодельные артели Вологды и Вятки, ярославские и горбатовские стада, конечно, клеверные и льняные поля его любимого Волоколамского уезда на Северо-Западе Московской губернии.

Главная проблема, по мнению Чаянова, стоящая перед крестьянами Севера заключается в налаживании организованности экономики их семейных домохозяйств. Крестьянские хозяйства Севера (впрочем, также как и Юга) часто страдают по различным внешним причинам: в одних уездах нет хорошего скота, в других – высокосортных семян, там – крупный недостаток в кормах, здесь – нет земледельческих машин для обработки почвы, и повсюду ощущается острая нехватка кредита для повседневного хозяйственного оборота. Вот здесь-то организационно-производственная школа Чаянова и наработала целую систему рекомендаций для налаживания

[1] См. например: Труды московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению 21-28 февраля 1911 г. М., Т.1-2. 1911. Труды I-го Всероссийского сельскохозяйственного съезда в Киеве 1-10 сентября 1913 г. – Киев. Вып.1-2. 1914.

[2] Минин А.Н. Агрономия и землеустройство в их отношениях к деревенской бедноте // Труды I-го Всероссийского сельскохозяйственного съезда в Киеве 1-10 сентября 1913 г. – Киев. 1914. – Вып. 2. – С.131-140.

[3] Бруцкус Б.Д. Очерк аграрной политики иностранных государств и России. — Пг., 1918.

[4] Чаянов А.В. Организация северного крестьянского хозяйства. Ярославль. 1918.

[5] Чаянов А.В. Как организовать крестьянское хозяйство в нечернозёмной полосе. М. 1926. С.3-4.

чёткой работы хозяйственных механизмов различных региональных типов крестьянских хозяйств. Именно в этой связи Чаянов утверждал: «В правильной организации хозяйства как раз и заключается самый главный секрет земледелия. Часто вся беда нашего крестьянского хозяйства заключается в неумении взяться за дело. Хозяйство ведётся по старинке, из году в год, по дедовским правилам...»[1].

Молочное скотоводство непременно на обильных клеверных кормах многопольных севооборотов, по мнению Чаянова должно было стать главным локомотивом развития северного крестьянского хозяйства, поддерживаемое также льноводством, картофелеводством, отчасти огородничеством и свиноводством особенно вокруг северных городов. Именно организация системы таких отраслей, должна была обеспечить крестьянскому хозяйству Севера увеличение денежных доходов и соответственно сельского благосостояния. Но, отмечал Чаянов, для перехода северного крестьянства от традиционной трёхполки, да еще и чересполосной, с её невысокими урожаями ржи, овса, льна, истощающего почву без правильных севооборотов, и худых, навозно ориентированных коровенок, к действительно денежно доходным отраслям крестьянской экономики и требовались, прежде всего, эти самые деньги. Причем, улучшения от правильной, научно организованной агрономии в крестьянском хозяйстве могли реально почувствоваться на второй год не раньше, а деньги для этих улучшений: покупка высокопродуктивного скота, семян клевера, машин, организации переработки сельхозпродукции, – всё это требовалось в малоденежном крестьянском хозяйстве Севера здесь и сейчас. Откуда же возьмутся в крестьянском хозяйстве эти изначальные деньги? – Прежде всего, из развития крестьянской кооперации на Севере, – отвечал Чаянов. Он призывал обратить внимание, например, на развитие кредитных товариществ (кооперативов), снабжающих крестьян изначальными капиталами за сравнительно умеренные проценты. А кредитная кооперация должна была проложить дорогу и остальным крестьянско-кооперативным начинаниям: молочным, маслодельным, картофельным, льноперерабатывающим и многим другим видам кооперативов на Севере. Впрочем, несмотря на первые нэповские успехи, кооперация в 1920-е годы так и не превратилась в самостоятельную аграрную политэкономическую силу, о которой так много писал и мечтал А.В. Чаянов. В конце 1920-х годов в срочном административном порядке рыночная сельскохозяйственная кооперация НЭПа была свёрнута и огосударствлена, – ни на Севере, ни в других географических частях России не осталось аграрно-кооперативного интегратора развития экономики крестьянских домохозяйств.

Сельский Север по Бруцкусу: территория сильно действующих средств

Борис Бруцкус видный представитель организационно-производственной школы, по географии своего места жительства и работы (Санкт-Петербург) являлся действительно агрономом – "северянином", хотя и с некоторыми ярко выраженными либеральными идеологическими чертами агронома – "южанина". Перу Бруцкуса принадлежала и пара специальных исследовательских статей, посвящённых перспективам сельского развития северного Нечерноземья[2].

Во-первых, сам являясь агрономом, Бруцкус призывал и себя и окружающих не агрономическую точку зрения ставить во главу развития сельского Севера, а, прежде всего, ориентироваться на другие отраслевые взгляды, связанные с разнообразием северных природных ресурсов, среди которых именно лес имеет решающее значение.

Во-вторых, в отличие от Чаянова, старавшегося в своих сочинениях избегать конкретных характеристик данного политического и экономического момента, Бруцкус в 1921-м году свой анализ перспектив развития Севера ставит, прежде всего, в связи с преодолением разрухи гражданской войны и предвидением, что для выхода из разрухи понадобятся своеобразные средства шоковых терапий – ускоренной разработки природных богатств окраин страны: «Россия в настоящее время нуждается в сильно действующих средствах для того, чтобы выйти из того разорения, в котором она находится. И вот **естественные богатства окраин и есть то сильно действующее средство** (выделено мною А.Н.), к которому должно обратиться, чтобы

[1] Там же. С.6

[2] Бруцкус Б.Д. Сельскохозяйственные перспективы Олонецко - Мурманского района / Б.Д. Бруцкус // Производств. силы р-на Мурман. ж. д. — Петрозаводск, 1923. — С. 71—86.
Бруцкус Б.Д. Перспективы сельского хозяйства в Северной области / Б.Д. Бруцкус // Сельское и лесное хозяйство Севера. — Пг., 1923. — 21 с.

возродить разорённую страну. Но если мы ищем сильно действующее средство, то надо определенно сказать, что сельское хозяйство Севера хотя и имеет будущность, но не относится к их числу. Мы все, конечно, знаем, что находится на поверхности северной окраины, чтобы поправить русское народное хозяйство. Это, конечно, прежде всего, лес, затем морские, рыбные, и звериные промыслы на крайнем Севере...

Но, то, что промыслы здесь стоят на первом месте, ещё не уничтожает сельского хозяйства. Наоборот, только в комбинации с сельских хозяйством эти промыслы возможно развить. Сельское хозяйство имеет широкое будущее в лесном районе – в комбинации с лесными промыслами...»[1]

Тезисно взгляды Бруцкуса на развитие северного сельского хозяйства сводятся к ряду следующих взаимосвязанных утверждений.

Сельское хозяйство есть не самодовлеющая цель, а только одно из средств для организации разработки и использования природных богатств Севера. Развитие сельского хозяйства во многом должно быть подчинено задачам приоритетного развития других отраслей северного народного хозяйства.

Главное значение для экономики Севера (прежде всего на юге Северной области) имеет расширенная организация лесозаготовок, на побережье Северных морей – морских промыслов, в тундре – оленеводства, и повсюду – речного и озёрного рыболовства.

Основой развития собственно сельского хозяйства Севера должно стать расширение и улучшение лугов за счёт, прежде всего, широкомасштабных мелиоративных работ по осушению болот. Молочная отрасль, ориентированная на маслоделие, должна стать главной доходной отраслью сельского хозяйства Севера. В полеводстве должны доминировать посевы льна. Интенсивные плодосменные севообороты будут выгодны лишь вокруг развивающихся городов, снабжаемых таким образом местными свежим молоком, картофелем и овощами.

Необходимые для развития сельского хозяйства Севера широкомасштабные мелиоративные работы возможно организовать только на основе крупных государственных проектов, осуществляемых, если уж так это нравится советской власти, организуемыми на Севере совхозами, но, уж, никак не спорадическими общинно-коммунными начинаниями, не совместимыми с формами землепользования, которые не обеспечивают прочной связи между хозяином и землёй.

Бруцкус при этом выступал за широкую и решительную колонизацию Севера с привлечением отовсюду крупных капиталов. Оппоненты Бруцкуса возражали: да откуда же взять советской власти значительные капиталы для такого "сильнодействующего" освоения Севера 1920-х годов? Бруцкус в ответ намекал, что советской власти следует помириться и договариваться со странами Запада по поводу привлечения их вложений в экономику лесопромыслового Севера: «Дело власти позаботиться о том, чтобы капиталы были привлечены в возможно большем количестве. Возможно, сочетать интересы капитала и интересы народного хозяйства, этому имеется достаточно примеров и в Соединенных Штатах и в других странах. Эта задача вполне осуществима и в России. Если для разделки северных лесов не удастся обойтись без иностранного капитала, то всё же нет сомнения, что разделать русские леса без русских рабочих, русских инженеров нельзя. За это дело должно и можно бодро взяться. Напомню слова писателя глубокой старины Гесиода: работать не стыдно, а вот стыдно не работать, – оставлять гнить свои леса!»[2]

Возможность шокотерапии в освоения Севера за счёт чрезвычайной мобилизации внутренних средств и ресурсов, как это произошло в годы первых пятилеток, Бруцкус, кажется, не предполагал.

Наследие Чаянова и Бруцкуса в контексте освоения сельского Севера XX века

Подводя итог рекомендациям Чаянова и Бруцкуса, сравнивая их меж собой, мы, конечно, обнаруживаем их общую агрономическую направленность формирования и развития на Севере как доминирующей – отрасли молочно ориентированного животноводства на многопольных севооборотах, где лен и кормовые травы, являются главными полевыми культурами. При этом в

[1] Там же. С. 10.

[2] Бруцкус Б.Д. Перспективы сельского хозяйства в Северной области // Сельское и лесное хозяйство Севера. — Пг., 1923. С.12-13.

пригородных зонах Севера предполагается определённое развитие огородничества, в особенности картофелеводства, и свиноводства.

Есть ещё одно специфическое сходство в идеях Бруцкуса и Чаянова: они оба, как типичные дети своего времени, воспринимают природу не как храм, а мастерскую, для рационально прогрессивных преобразований, а потому у обоих авторов невозможно найти каких-либо примет, экологических тревог и забот нашего века по поводу хрупкости региональных экосистем вообще и северных в частности.

На этом сходство рассмотренных нами концепций, пожалуй, заканчивается, и начинаются различия, прежде всего, в отраслевом характере и масштабах северной колонизации этих двух проектов.

Бруцкус предлагая делать ставку на ускоренную промышленную вырубку леса и разработку других видов северных промыслов, отводит сельскому хозяйству фактически роль второстепенную. Иронически переиначивая знаменитую советскую аббревиатуру ЛПХ, мы могли бы сказать, что по Бруцкусу сельскому хозяйству уготована участь ЛПХ – Лесного Подсобного Хозяйства. Сельское хозяйство на Севере по Бруцкусу должно развиваться не повсеместно, а ***оазисно***, то есть в своеобразных сельских "оазисах", ориентированных на местное продуктовое снабжение северных городов и лесопромысловых посёлков. Лишь молочная маслодельная отрасль сельского хозяйства по Бруцкусу может получить некоторое самостоятельное экспортно ориентированное значение.

Чаянов же и в своих последующих работах подчёркивал направление ***тотального*** развития сельского хозяйства Севера. В своей технократической аграрной утопии в 1928 году он предрекал, что на северных территориях страны, где располагаются огромные пространства заболоченных лесов, в XX веке под воздействием мелиорации, выведения и использования новых сельскохозяйственных культур, устойчивых к холоду, применения специальных северных севооборотов, трансформируются многие миллионов гектаров в районы выращивания льна, картофеля, огородных культур, а также молочного животноводства, при этом: «... бесспорно, борьба человека с болотами и лесами, заполнит собой многие годы из ближайших десятилетий»[1].

Бруцкус выступал ярко ориентированным на Запад экономистом, в своих рекомендациях фактически предлагавший, прежде всего, в России ускоренно копировать лучший лесной и аграрный опыт стран Скандинавии, США, Канады.

Чаянов, также предлагая внедрять в сельское хозяйство Севера лучшие образцы мировой аграрной науки, тем не менее, подчёркивал значение внимания к опыту не просто российского, но именно местного северного сельского развития.

Бруцкус считал, что стратегию экономического развития Севера должны определять, говоря современным языком, прежде всего, программы частно-государственного партнёрства освоения природных ресурсов Севера с широким привлечение иностранных капиталовложений. Он также подчеркивал значение эффективных хозяев освоения северных просторов. Полагая, что по образцу скандинавских стран наилучшей формой землевладения и землепользования была бы фермерско-хуторская форма сельского хозяйства, сосуществующая с крупными государственными проектами совхозного типа в колонизации Русского Севера.

Чаянов открыто не ставил вопрос эффективного хозяина Русского Севера, но его сочинения подразумевают, что доминирующей формой сельского хозяйства на Севере должно быть кооперированная крестьянская экономика.

В итоге, что же из предлагаемых мер и предполагаемых прогнозов великих русских экономистов начала XX века осуществилось на Русском Севере к началу века XXI го?

Прежде всего, с горечью мы должны констатировать, что в советский период, уже в 1930-е годы имена и идеи Чаянова и Бруцкуса оказываются в СССР под запретом, затянувшимся на несколько десятилетий. А свой жизненный конец, оба автора много думавших и писавших о сельском Севере, найдут далеко за его пределами – на знойном Юге. Александр Чаянов будет сослан в Среднюю Азию, где в алма-атинской тюрьме его, обвинённого во вредительстве и шпионаже, расстреляют в 1937-м году, а эмигрант Борис Бруцкус, в предчувствии гонений

[1] Чаянов А.В. Возможное будущее сельского хозяйства // Жизнь и техника будущего: социальные и научно-технические утопии. М.; Л., 1928. С. 344.

нацистов на евреев, из Парижа в 1935 году переедет в Палестину в Иерусалим, где умрет от рака в 1938-м году.

Предполагавшаяся Бруцкусом, шоковая терапия сильно действующих средств освоения Русского Севера, осуществится в виде кошмаров сталинской коллективизации, массовыми репрессиями заставившей раскулаченных крестьян, как севера, так и юга России, приняться за ускоренную вырубку таёжных лесов в экспортных целях пятилеток 1930-х годов[1].

А тотальное сельскохозяйственное освоение Русского Севера, предполагавшееся Чаяновым, в абсурдно бюрократической форме воплотится в низкоэффективной, но высокозатратной брежневской программе развития Нечерноземья 1970-х годов[2].

В результате, несмотря на все советские героические и преступные усилия в освоении Русского Севера всё же устойчивого сельского (и не только сельского) развития Нечерноземья в XX веке не произошло. Прекращение вливания советских нефтедолларов в сельское хозяйство Нечерноземья, фактически совпавшее с коллапсом самого СССР, обрекло в постсоветский период сельское хозяйство Русского Севера и его расселенческую сеть на новые трудные времена.

[1] Постановление ЦК ВКП (б) "О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству" 5 января 1930 г.

[2] О мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства в Нечернозёмной зоне РСФСР Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР - М.: Политиздат, 1974.

Т.И. Трошина (г. Архангельск)

Самосохранительные стратегии русского населения, проживающего на отдаленныхи труднодоступных территориях: историческая ретроспектива и современность[1]

Для зарубежной историографии истории России характерно представление о традиционалистском сознании русского народа. Исходя из высказанной еще российскими историками XIX в. мысли об особом, сложившимся под влиянием специфических природно-климатических и социально-исторических условий пути русского народа, не нуждавшемся в государственной власти, они видят в «смутных» периодах русской истории стремление населения воспользоваться предоставленными периодом безвластия возможностями для решения своих локальных проблем и для восстановления социального порядка на основе традиционных представлений о справедливости[2]. Подобный подход разделяют и ряд современных российских историков и социологов[3].

Автор данной статьи, занимаясь с конца 1970-х гг. полевыми исследованиями в северной деревне, а последние годы – социальной историей Русского Севера XVIII- первой четверти XX веков[4], обратила внимание, что в 1990-е гг. в среде сельского населения происходили события, схожие с другими «смутными» временами (в том числе послереволюционным временем). Государство ослабило свой контроль за экономической, социальной, культурной жизнью населения, нарушилась налаженная в советские годы транспортная связь, системы здравоохранения и образования, других форм жизнеобеспечения (торговля, помощь при стихийных бедствиях, социальный контроль). Это в особой степени коснулось северных территорий, которые еще с 1970-х гг. были «приговорены» к сокращению численности сельских поселений; в 1990-е гг. программа «переселения с Северов» не была окончательно реализована только из-за недостатка финансирования.

«Постперестроечная» ситуация была чревата также тем, что деревня оказалась «прибежищем» для значительной части земляков, которые в период интенсивной социалистической урбанизации покинули родные места, но в условиях деиндустриализации и реконверсии 90-х годов потеряли работу, а многие – и другие стержни в жизни. Следует признать, что возвращались далеко не самые успешные горожане, чем создавалось дополнительное напряжение в деревнях.

В 2015-2016 гг. осуществлялось исследование по изучению самосохранительных стратегий населения малонаселенных и труднодоступных территорий Архангельской области – деревень Лешуконского, Мезенского, Пинежского, Приморского районов, а также ряда поселений НАО. Исследовательские вопросы были построены на итогах изучения предшествующей социокультурной истории региона, а также на опыте автора, приобретенном во время историко-бытовых экспедиций в эти районы в 1980-90-х гг.

Определяя, что мы понимаем под *«самосохранительными стратегиями»населения отдаленных и малонаселенных северных территорий, с*ледует учитывать историю заселения этих территорий и те риски и опасности, которые ожидали население под влиянием неблагоприятных природно-климатических факторов. Несколько волн миграций русского населения (самой мощной из которых был, судя по всему, «уход» староверов в отдаленные места) привели к тому, что здесь сложились специфические экономические и социальные отношения. Занимаясь земледелием в мало приспособленных для этого регионах, русские

[1] Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского Научного Фонда (проект № 15-18-00104).

[2] Френкин М. Трагедия крестьянских восстаний в России. 1918-1921 гг. Иерусалим: Лексикон, 1987; Figes O. A People’s Tragedy: Russian Revolution 1891-1924. Random House, 1997.

[3] Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: Голоса из хора. М., 1996; Ахиезер А.С. Россия: Критика исторического опыта: От прошлого к будущему. Т.I: Социокультурная динамика России. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997.

[4] Подробнее см.: Трошина Т.И. “От Петра I до Сталина”: Социальная история Русского Севера. XVIII – первая четверть XX вв.: Монография: В 2 ч. Архангельск: ПГУ, 2009; Ее же: Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России в первой четверти XX века: монография. Архангельск: ПГУ , 2011.

крестьяне дисперсно заселили огромные северные территории; более или менее удобные для земледелия участки разделялись бездорожными пространствами, и такая удаленность и труднодоступность населением нередко поддерживалась осознанно. Сельское хозяйство не могло полностью обеспечить жителей северных регионов, поэтому те вынуждены были включаться в товарно-денежные отношения для приобретения недостающего продовольствия, а также уплаты налогов государству, которое постоянно «наступало» на их «свободы». Северные крестьяне стремились освоить новые занятия, занимаясь различными промыслами; здесь достаточно рано стал практиковаться «отход» для городских работ: фабрично-заводских, строительных, в сферу услуг и проч.

В результате, сложилась ситуация, когда сохранялись и всячески поддерживались традиционные социально-экономические и социально-культурные отношения, необходимые при ведении затратного и «рискованного» сельского хозяйства, что консервировало систему расселения и культурного традиционализма. Но при этом население вынуждено было, из соображений коллективного выживания, «мириться» с проникновением элементов внешнего мира.

В связи со спецификой расселения и существования здесь населения, возникло несколько групп опасностей:

Со стороны властей в лице чиновников. Эта опасность была уже по самому факту принадлежности значительной части населения к старообрядчеству. Кроме того, уже существующее население, недовольное приходом конкурентов, обращалось с жалобами к властям. (Так, с середины XVI века царские грамоты реагировали на жалобы и прошения ненцев, подвергавшихся, по их словам, притеснениям со стороны проникавших в тундры русских и коми-зырян).

Опасности со стороны разбойников и банд дезертиров, которых немало оказалось здесь во времена грандиозных строек петровской эпохи. Можно предположить, что опасность вооруженного нападения исходила и от соседнего населения, желавшего изгнать со своих территорий экономических конкурентов.

Нарушение внутрисоциумного равновесия могло происходить и со стороны определенных членов общины, длительное время проживавших вне нее (находясь на службе в армии, на отхожих работах). Существующая система социального контроля постепенно подвергалась эрозиипод влиянием иных культур.

Исторически, у изолированно (в силу удаленности) проживавшего населения сложилась система защиты от этих опасностей. Так, *в отношении государственной власти* общины в своих интересах использовали существовавшую систему *консенсуса*, предполагающую взаимные уступки со стороны государства и народа. Так, в обмен на уплату налогов и исполнение государственных повинностей (строительство и содержание дорог и переправ, оказание транспортных услуг для «государевых людей» и других обязанностей), крестьянские сообщества получали права самостоятельности в решении вопросов организации внутренней жизнив соответствии с «обычным правом», выбора «кандидатов» для «отдачи» в рекруты и на другие «царские службы».

Разумеется, подобный консенсус со стороны государства был «лукавством», вызванным невозможностью контролировать на огромных территориях жизнь малочисленного населения. По мере укрепления чиновничьего аппарата и усиления власти закона происходило включение всех групп населения в общегосударственную жизнь; но в моменты ослабления государственной власти, – и это можно увидеть, например, в период Русской революции и Гражданской войны – властные структуры вновь предоставляли эти права населению.

Еще одной стратегией в отношении властей было использование *системы «круговой поруки».* На определенном этапе, эта система устраивала как власти, так и население. Государство воздействовало на локальные социумы через выбранных представителей, которые, в случае нарушения установившегося консенсуса «отвечали» перед властями. Со своей стороны, население обеспечивало своему представителю защиту в случае возможного наказания со стороны властей. Власти – и царские, и советские – это понимали; за «мирские преступления» (например, коллективные порубки государственного леса, раздачу заготовленного по госзаданию зерна и других ресурсов) наказывали экономически: штрафовали старосту или конфисковали часть его имущества. Фактически, наказывалось население, гарантировавшее своему выборному

лицу защиту от подобных «рисков». Если экономическое наказание было слишком тяжелым, население готово было пожертвовать и своими членами: сначала не самыми «ценными» – общую «вину» налагали на молодежь, одиноких женщин. Если властей и это не устраивало, тогда жертвовали и «нужными людьми», в первую очередь представителями местного самоуправления («за мир пострадать»).

Говоря об исторических формах *защиты от «чужих»,* можно предположить, что существовала система коллективной обороны. Источники подобной информации не зафиксировали, но, судя по позднейшим сведениям (например, в случае прихода в одну из деревень отряда карателей в годы гражданской войны), это выглядело так: по условному сигналу, например колокольному набату, мужчины «куста» деревень, вооружившись, бежали на подмогу. (Со временем такой способ самозащиты трансформировался в коллективную помощь, например, при пожарах). В годы гражданской войны были прецеденты создания отрядов самообороны для защиты своих деревень от реквизиций со стороны властей и грабежей, которые устраивали солдаты и отряды дезертиров. Такие отряды самообороны были рецидивом коллективной памяти, когда крестьяне совместно вооружались – сначала против шаек разбойников, затем – против волков[1]. Подобную систему самообороны использовало и государство (как в имперский, так и в советский период), привлекая население для устройства облав на беглых преступников.

События эпохи «военного коммунизма», когда происходили дикие расправы над продотрядавцами, также можно рассматривать как рецидивы коллективной памяти. Отряды, приходившие для организации продразверсток (в глазах крестьян – прямого грабежа), рассматривались населением как банды разбойников. Послереволюционное ослабление государственной власти не гарантировало защиты от подобных набегов, поэтому крестьяне, потеряв терпение, жестоко и при этом демонстративно расправлялись с членами продотрядов, желая тем самым напугать других «разбойников».

Защита общин от «своих» девиантных членов. Исторические аналогии показывают, что в «догосударственные времена» могли существовать такие формы, как изгнание из общества и даже убийство. Позднее – и это подтверждается документально – опасаясь ответственности за самосуды, «неугодных» крестьянскому обществу лиц стали сдавать властям или давать им паспорта на отход. Поскольку некоторые «девиации» с точки зрения государства были положительными (например, желание заниматься другими видами деятельности, получить образование, перейти в другое сословие, и т.д.), возникло своеобразное равновесие: лишние и ненужные по разным причинам в крестьянской среде люди выталкивались из нее и находили свое место в «большом» обществе. Некоторые из таких маргиналов, как правило, вынужденные, возвращались в деревни (после службы в армии, ученичества и отхожих занятий в городах); с помощью социального контроля их принуждали к конформному поведению, как того требовала традиция. Другие, оторвавшись от родных корней, возвращались сюда под влиянием обстоятельств. Особенно массовым было возвращение из голодающих городов в период революции и гражданской войны. Нередко вернувшиеся были носителями новых, чуждых для населения установок. Обычные формы принуждения (пренебрежение, позорящие наказания и другие санкции) не всегда имели на них нужное воздействие. От таких людей стремились избавиться другими способами; иногда, «сговорившись», оговаривали нежелаемого члена своего общества перед властями, чтобы избавиться от него. В революционную эпоху, связанную с ослаблением контроля со стороны власти, были и более жестокие расправы над земляками, чье поведение грозило благополучию и спокойствию остальных[2].

Опираясь на знания о социальной и социокультурной истории населения северных территорий Европейской России, автор выявил стратегии коллективного выживания в различные исторические периоды. Следующим этапом исследования стала полевая работа с целью изучения наличия и затребованности этих социальных технологий в современной деревне.

---

[1] Бартенев В. Новая власть. // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1919. № 1-2. С. 35.

[2] О подобных «расправах» автор специально писала на материалах послереволюционной деревни.
См.: Трошина Т.И. Крестьянские «самосуды» в революционную эпоху: актуализация коллективного опыта (на материалах северных губерний Европейской России) // Российская история. 2012. № 2. С. 193-201.

Разумеется, социальный опыт приобретает дифференцированные формы в зависимости от «вызовов» действительности. И вместе с тем, происходившее в 90-е годы разрушение сложившейся в 1970-е – 80-е гг. социальной и экономической стабильности имело явное сходство с событиями послереволюционных лет начала XX в. Восстановление стабильности многим наблюдателям кажется сомнительным в связи с хозяйственным упадком северной деревни, ее обезлюденьем – как в естественно-демографическом отношении, так и в связи с усилением тенденции географической и социальной мобильности, которая в связи с безработицей приобретает формы вынужденного «отхода»; в связи с бесперспективностью деревни в глазах экономистов и политиков. Однако деревня продолжает жить, и, по мнению ее жителей, а также мигрантов в первом поколении, она могла бы сохранить частично свой человеческий потенциал, если бы были рабочие места.

В деревне с минимизированными потребностями ее жителей неплохим подспорьем являются достаточно высокие в северных районах пенсии, пособия на детей, а также пособия по безработице. Активность малого бизнеса способствует возможностям заработка в летне-осеннее время (грибы, ягоды, другие «дары природы»); в меньшей степени, но все же затребованной является продукция животноводства (молоко, мясо). Важным стимулом для производства продукции «на продажу» служит необходимость помогать первое время находящимся в городе детям, а также определенная «мода» на улучшение деревенского быта. Здесь часто встречаются не только стиральные машинки, водяные насосы, позволяющие провести в дом водопровод, местная канализация – во многих традиционно-крестьянских домах обычными становятся ламинированные полы и пластиковые окна. Распространение таких культурно-бытовых инноваций связано, судя по всему, не с веянием «города», а с новыми жизненными стандартами, которые приносят с собой новые «отходники». Чаще всего это мужчины, которые, не желая уезжать из деревни, устраиваются работать вахтовым методом. Как правило, они хорошо зарабатывают и стремятся обустроить свою жизнь в деревне «на городской манер». Местные предприниматели (как правило, из районного центра) быстро реагируют на подобные запросы.

Следует сослаться на прежний опыт северной деревни, когда образцы нового («городского») быта (до революции это самовары, фаянсовая посуда, одежда и проч.; в позднесоветское время – «городская» мебель и планировка дома, постельное белье, настенные обои, крашеные полы) быстрее завоёвывали вкусы населения, чем экономические и социальные инновации. К сожалению, запросы бывают разные. В ряде деревень, где «отход» (выражаясь современным языком – «вахты») не распространен и «мода» на обустройство быта не привилась, в большей степени присутствует запрос на спиртное, которое «по заказу» также привозят «бизнесмены» из ближайшего крупного населенного пункта.

Широкое распространение «вахт» ведет к значительному имущественному расслоению населения. Если в доме инициативный, деловой мужчина, семья предпочитает жить в деревне (даже если имеет городскую квартиру, в которой обычно живут взрослые дети); ее достаток высок, быт обустроен. В настоящее время для некоторой части мужчин работа есть и в деревне. Впрочем, кроме определенных профессиональных умений, которые обычно приобретены благодаря опыту городской жизни (знание электрики, механики, строительства), в этом случае необходим и «первоначальный капитал» – трактор, автомобиль, катер, снегоход. Имея такую технику, сельский житель может взять у администрации подряд - например, на расчистку дороги. Поскольку в районах практически отсутствует внутренний муниципальный транспорт, имеющие собственные катера и автомобили жители занимаются «извозом», отвозят «безлошадных» земляков в районный или областной центр – в поликлинику, за покупками, на вокзал.(Впрочем, кроме вышеперечисленного, необходимо и определенное «лобби» - в лице старосты или другого представителя сельской администрации; неоднократно было замечено, что выгодные «наряды» чаще всего получает муж или другой близкий родственник «власть имущих», которыми обычно в деревне являются женщины).

В деревне наблюдается и значительный половозрастной дисбаланс. По сравнению с 1970-ми годами, когда этот дисбаланс в условиях ускоренной урбанизации стал проявляться в «постарении» населения, в современной деревне меньше людей старческих возрастов (их увозят в города родственники, часто помещают в дома-интернаты).

Меньше и детей. В связи с «материнским капиталом» многие женщины, имеющие уже выросших и уехавших детей, решились на рождение еще одного ребенка, поскольку без детей, по

их словам, «в деревне скучно». Многие хотели бы взять воспитанников детских домов на воспитание или усыновление, однако в связи с отсутствием в их деревнях школ отделы опеки и попечительства такие просьбы не удовлетворяют.

Остается отмечавшийся в 1970-х гг. значительный перекос в сторону превышения численности мужского населения. Это было связано с тем, что для мужчин сельская жизнь и способ занятости более привлекательны, чем для женщин, которые, «вкусив» городских благ (а это стало почти обязательным опытом – после введения в 70-е годы фактически всеобщего среднего образования, например, через ГПТУ), возвращаться в деревни не желали. В 1990-е годы такой перевес усугубился возвращением из городов в родные деревни именно мужчин, которые оказались менее способными к адаптации в новых социально-экономических условиях.

Сужение традиционных социальных контактов создает проблему брачного круга; практически прекратилась традиция отъезда замуж в другую деревню. В результате – потенциальные женихи и невесты практически все – родственники. Найти себе «пару», особенно для людей среднего возраста, затруднено. Вместе с тем, в сельской местности одинокому человеку или неполной семье прожить сложно.

В отличие от дореволюционной традиции, в настоящее время в деревню чаще в результате вступления в брак приезжают чужаки-мужчины, чем женщины. Если потенциальный «жених» знакомится с женщиной по переписке (по собственной инициативе или при помощи друзей и родственников), то такие женщины предпочитают увезти понравившегося жениха к себе, чем перебираться в деревню, да еще чужую. Нехватка «невест» связана с отсутствием работы, что женщин «отпугивает» значительно больше, чем мужчин.

Еще 15-20 лет назад в деревнях была женская оплачиваемая работа, в основном связанная с услугами (продавец, фельдшер, учительница, почтальон, библиотекарь, клубный работник). Теперь соответствующие учреждения в малых поселениях закрыты. Централизация школьного и медицинского дела, учреждений социального обеспечения лишает деревню последних рабочих мест.

Налаженная в советское время торговля практически прекратилась. В настоящее время сельская торговля находится в руках либо районной потребкооперации (где она сохранилась), либо частников. Потребкооперация зависит от наличия местной продукции, которую можно закупить в населения и затем реализовать в городе. История появления частных торговцев весьма поучительна и напоминает схожий процесс, наблюдавшийся в северных губерниях в конце XIX века, когда из однородной крестьянской массы стали выделяться торговцы: сначала они брали на реализацию продукцию своих односельчан, привозя им по заказу нужные товары; затем стали доставлять в деревню мелким оптом то, что, по их мнению, можно было легко реализовать, и устраивали торговлю в своих домах, а затем уже появлялись «лавки» и «магазины».

В 1990-е годы вновь началась торговля «по заказам» и мелким оптом. Первые торговцы в аренду пустующие здания сельских магазинов не брали из-за высокой арендной платы. Торговали «на дому» или в лавочках, под которые приспосабливали даже в банных срубах. Отношение к таким торговцам в крупных селах и райцентрах негативное («кулачье, наживаются за наш счет»). В отдаленных деревнях к ним относятся положительно, поскольку предприниматели помогают населению реализовывать продукцию и завозят необходимые товары. Если в деревне есть частный магазинчик, там дают и «под запись». Если торговой точки нет, то торговля, в том числе обменная (на ягоды, грибы, рыбу), ведется через «доверенного человека», как правило, родственника, проживающего в деревне.

Торговля спиртными напитками во многих небольших поселках находится под условным запретом. Контроль осуществляет актив, который есть почти в каждой деревне, и состоит в основном из женщин и пенсионеров. Формы такого актива могут быть разные – «женсовет», «совет ветеранов», ТОСы – «территориальное общественное самоуправление». Методы борьбы с подпольной торговлей спиртным, а также с последствиями пьянства, – «беседы», осуждение. Однако прибыль от этого бизнеса слишком велика, чтобы от нее отказаться под влиянием общественного мнения, в том числе уважаемых людей (среди активисток немало бывших учительниц, представителей власти). Официально справиться с деревенскими «шинкарями» тоже сложно. По существующим нормам «приличия» «своих» стараются не выдавать: даже пойманный с поличным такой человек получает своего рода защиту, поскольку никто из соседей

и однодеревцев не решится давать против него показаний. Довольно часто приходилось фиксировать складывание новой системы представлений, направленных против таких, «вредных» для общества людей. Например, убеждение, что все, кто занимается подпольной винной торговлей «плохо кончают»: умирают от рака или погибают от несчастных случаев.

Как видим, в условиях модернизации всех сторон жизни способы социального самосохранения у локально проживающих сельских обществ сохраняются. Их нельзя рассматривать как опасную склонность к самоизоляции. Для русских вообще характерна достаточно интенсивная интеграция в общенациональное пространство. Полевой опыт автора показывает, что всего за 3-4 десятилетия малочисленное для огромных территорий население достаточно быстро, благодаря школьному образованию и особенно средствам массовой информации, утратило ярко выраженные диалектные особенности, а также специфическую регионально-культурную идентичность. Сохраняющиеся традиционные социальные формы действительно объясняются потребностями коллективного выживания в условиях удаленного проживания. Включение в общую социальную систему влечет за собой довольно легкий отказ от локальных форм жизнеобеспечения.

Изучение этих форм, и особенно их приспособления к современным обстоятельствам имеют практическую значимость, поскольку могут помочь сформировать программу взаимной поддержки населения в условиях удаленного проживания. Это могло бы стать хорошей альтернативой неоднократно применявшейся и оцениваемой экспертами и самим населением негативно политике «укрупнения» поселений и централизации социальных служб.

Илл. 1. Жительница с. Моша. Фото Н.Тормосовой, 2004.

РАЗДЕЛ I. КАРГОПОЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ И РУССКИЙ СЕВЕР: ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Г.Н. Демчук (г. Архангельск)

Исследования писцовых книг

Понять особенности северного землевладения без знания северных писцовых книг невозможно. Для их понимания необходима специальная методика.

Разрабатывая методику исследования писцовых книг необходимо решить, вопрос о том, должна ли она основываться на принципах общего источниковедения или дипломатики.

С.М. Каштанов рассматривает дипломатику как часть источниковедения: «Дипломатику и источниковедение отличают друг от друга ни задачи и цели исследования, а лишь предмет (источники разных видов в источниковедении и источники особого вида – акты – в дипломатике). Специфика предмета порождает специфические методы дипломатики, однако, в главном методы дипломатики и источниковедения идентичны»[1]. Уточняя место дипломатики в источниковедении, ученый пишет: «Специфическим методом и одновременно главным отличительным признаком дипломатики как науки, является формулярный анализ, в котором широкое применение находят дипломатическая текстология и дипломатическая статистика». Формулы рассматриваются ученым как устойчивые выражения – штампы, переходящие из одного документа в другой. Таким образом, по мнению С.М. Каштанова, дипломатике необходимо широкое применение методов общего источниковедения

По мнению Л.В. Черепнина источниковедение рассматривает приемы внутренней и внешней критики источника, и его задачей является разработка приемов изучения исторических источников[2]. Поскольку «Дипломатика имеет свои специфические особенности с точки зрения как объекта, так и методики изучения, ее, очевидно, следует рассматривать не просто как раздел источниковедения, а как отдельную («специальную») дисциплину источниковедческого цикла.. В связи с изложенным представляется, что хотя писцовые книги не могут быть классифицированы как акты, разработать методику исследования такого масштабного, многопланового источника невозможно без использования источниковедческого и присущего дипломатике формулярного анализа.

Об этом писал Л.В. Милов, изучавший писцовые книги 20-40 гг. XVII в. центральных уездов России, справедливо отмечая, что в писцовых книгах «уровень стандартизации текста описания таков, что его можно охарактеризовать как формуляр»[3].

Применял формулярный анализ при реконструкции писцовых книг Московского уезда XVI в В.Б. Павлов-Сильванский[4].

Важную роль в понимании писцовых книг и отраженной в них информации, в сложении методики их исследования сыграл разработанный А.Л. Шапиро с учениками горизонально-вертикальный метод изучения писцовых книг и других массовых источников конца XV-XVII вв.[5]

Одна из целей, как источниковедения, так и дипломатики состоит в том, чтобы определить время, причины и задачи возникновения документа. Говоря о времени и причинах возникновения, назначении писцовых книг, необходимо учитывать, что территории Русского Севера осваивались в X-XIII вв. земледельцами из Ладоги и Новгорода, Ростова и Суздаля Московское централизованное государство, в состав которого вошли и территории Русского

---

[1] Каштанов С.М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 10, 13. Он же. Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение: Теоретические методические проблемы. М.: Наука, 1969. С. 134-170.

[2] Аграрная история Северо-запада России: Вторая половина XV - начала XVI в. Л., 1971. С. 5.

[3] Черепнин Л.В. К вопросу о методологии и методике источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин // Источниковедение Отечественной истории. Сб. ст. Вып. 1. М.: Наука, 1973. С. 38., 53.

[4] Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Тенденции аграрного развития России.

[5] Павлов-Сильванский В.Б. Писцовые книг России XVI в. Проблемы источниковедения и реконструкции текстов. М.: Наука, 1991. С. 5-6, 8.

Севера. По мере присоединения к Москве были проведены их описания с целью утверждения над ними суверенитета[1] великокняжеской власти.

Поскольку утверждение территориального и налогового суверенитета были важнейшими функциями книг, писцами скрупулезно фиксировались все административно–территориальные и налогово-платежные единицы уездов со всеми важными для налогообложения атрибутами в соответствии с уже сложившимися на местах традициями поземельных отношений. При этом необходимо подчеркнуть, что разделение уезда на территориально-административные и налогово-платежные единицы условно, но оно необходимо для понимания типа поземельных отношений. Книги являютсянеобходимым элементом изучения источника, поскольку только общая структура книги дает полную, систематизированную информацию обо всех бытовавших в уезде территориальных и платежных единицах, их хозяйственном, социальном и налоговом статусе, о типе поземельных отношений в уезде, принцип строгой территориальной и информационной сопоставимости их данных

Исходя из сложившегося в учёной среде опыта изучения писцовых книг и аграрной истории, автор попытался разработать методику исследования писцовых книг Русского Севера XVI-XVII вв. Она основана на методах общего источниковедения и дипломатики, с присущими ей формулярным анализом и текстуальными исследованиями выявленных формул. В предлагаемой методике рассматривается структура писцовой книги в целом в комплексе со сравнительным анализом составляющих ее формуляров.

Исследование общей структуры книги является необходимым элементом изучения источника, поскольку только общая структура книги дает полную, систематизированную информацию обо всех бытовавших в уезде территориальных и платежных единицах, их хозяйственном, социальном и налоговом статусе, о типе поземельных отношений в уезде.

Структура книги включает перечень-оглавление, соответствующее ему описание административно-территориальных и налогово-платежных единиц уезда, деревни в них, итоговые данные по каждой деревне, налогово-платежной единице, всем платежным единицам уезда в целом.

В качестве административно – территориальных единиц писцовыми книгами рассматриваются стан, волость, волосткапогост, погост, иногда приход. В качестве налогово-платёжных - стан, волость, волостка, иногда приход, церковь, монастырь. Создается впечатление их совпадения. Однако, исследования автора показывают, что в разных типах поземельных отношений административно-территориальные и налогово-платежные единицы могли совпадать, но могли и не совпадать: не всякая территориальная единица могла быть налогово-платежной и наоборот. И этот факт совпадения или несовпадения является важным источником для исследования типа поземельных отношений уезда, понимания статуса церкви и монастыря, крестьянских сообществ в волости-стане, волости-погосте, волости-приходе, волости-монастыре. Так, если церковь, монастырь составляли самостоятельные платежные единицы в структуре книги, у них был особый по сравнению с черносошными землями и угодьями статус[2]. Если церковь, монастырь входили в состав черносошной платежной единицы, они разделяли ее черносошный статус. Важно отметить, что итоговые данные по каждой платежной единице книги и по всем платежным единицам всего уезда «распадались» на две части: итоги по платежным единицам всех видов статуса текущего письма и сопоставимые с ними итоги о статусе земель и угодий предыдущего. Сравнение текущих и ретроспективных данных позволяет судить о стабильности поземельных отношений и о том, что сохранилось на описываемой территории от прошлого, а что появилось вновь; позволяет выяснить причины появления изменений и получить новые данные для дальнейшего исследования земельного строя и истории уездов Русского Севера.

Различия касались перечня эксплуатируемых населением земель и угодий, наличия или отсутствия нормативной и сверхнормативной пашни и сена, льготного способа освоения земель

[1] Суверните - единовластие верховного правителя, суверена. См.: Политология. Энциклопедический словарь. М., 1993. С. 367.

[2] Об этом см.: Демчук Г.В. «Церковно-монастырское землевладение на Русском Севере в XVI-XVIIвеках // Вестник Поморского университета. № 2 (12) / 2007. Серия «Гуманитарные и социальные науки». С. 16-19. книги и другие источники XVI-XX веков". М.: Древлехранилище, 2008. С. 123-13.

и угодий, земельных переделов, наличия внутри деревни оброчных статей, пашенного или непашенного леса и др.

Важный структурный раздел писцовой книги составляют итоговые данные всех уровней. Итоги не описывают земли и угодья, но они содержат их перечень и полную информацию обо всех налогово-платежных единицах уезда, их населении и характере налогообложения, позволяющую судить об их статусе и типе поземельных отношений. Повторение в итогах всех уровней сведений, полученных из других структурных элементов книги, позволяет на новом уровне говорить о достоверности полученной информации.

Все эти формулярные различия позволяют судить о типе поземельных отношений и роли крестьянских сообществ в деревне и уезде в целом. Более того, понимание типа поземельных отношений может служить дополнительным источником для изучения истории заселения, хозяйственного и политического освоения территории уезда, поскольку, тип поземельных отношений может рассматриваться как источник по изучению заселения той или иной территории.

Итоговые данные по конкретной налогово-платежной единице и всему уезду являются не только структурным, но и формулярным элементом книги

В итогах книга указывает на социальный статус и количество деревень в платежной единице, социальный статус и количество «людей» в них. Здесь же книга приводит полный перечень всех видов земель и угодий, бытовавших в деревнях платежной единицы, определяет принципы и нормы их налогообложения, величину и нормы взимаемых денежных платежей, сравнивает данные текущего и предыдущего описаний. Формуляр описания итоговых данных по всему уезду состоит из суммы формулярных данных всех налогово-платежных единиц уезда в целом. И этот факт также гарантирует объективность и сопоставимость информации всех видов формуляров книги.

В общеуездных итоговых данных книги также не дается описание земель и угодий уезда, но приведен их полный перечень с указанием хозяйственного, налогового и социального статуса. Это также позволяет проводить сравнение поземельных описаний как внутри одного уезда, так и между разными. Поскольку общеуездные итоги являются самыми полными по содержанию, а их понимание затруднено, представляется необходимым в свою очередь «разложить» их данные на несколько формуляров, устойчивых выражений, переходящих из одного документа в другой.

Первое. Формуляр обо всех видах, бытовавших в уезде платежных единиц и их статусе.

Второе. Формуляр о количестве дворов и людей в них.

Третье. Формуляр о социальном статусе людей во дворах и, соответственно, социальном статусе платежных единиц.

Четвертое. Перечень-формуляр всех тяглых и оброчных пашен и угодий уезда.

Пятое. Формуляр о видах и количественном соотношении используемых в уезде земель и угодий разного хозяйственного и налогового статуса.

Шестое. Формуляр об их налогообложении. На территориях с разными типами поземельных отношений различались названия, нормы оклада и способ формирования окладных единиц – с учетом определенной нормы тяглых земель и сенокосов, приходящихся на одну единицу обложения, или без такого учета, с использованием льготного способа освоения земель и без.

Данные формулярного анализа общеуездных итогов писцовых книг сопоставимы с итогами по платежной единице и общедеревенскими итогами книг. Таким образом, предлагаемая методика исследования писцовых книг позволяет получить целостное, системное представление о структуре поземельных отношений на территориях северных уездов, определить юридический статус земель разной принадлежности.

Информационный комплекс, полученный на основе структурно-формулярного анализа писцовых книг, свидетельствует о том, что книги отражают полную картину земельного строя уезда и позволяют судить о типе поземельных отношений, господствовавших в уезде, его заселении и политической истории. Это принципиально важно, поскольку в случае отсутствия книг, при наличии их фрагментов, только сотных выписей или и других материалов писцового делопроизводства, частных актов, исследователь на основании обозначенных исследуемым

документом признаков, может определить тип поземельных отношений в уезде[1]. В связи с этим, предлагаемая методика исследования писцовых книг и земельного строя уездов представляется универсальной. Она позволяет судить о поземельных отношениях, существовавших на различных территориях Русского Севера еще в домосковские времена.

Исследование на основании данной методики писцовых книг Русского Севера XVI-XVII вв. позволило автору выявить в уездах Русского Севера три основных типа поземельных отношений – подворно-участковый, складнически-долевой и оброчный, определить их сущностные черты и географию распространения[2].

Подводя итоги, важно подчеркнуть, что методика исследования писцовых книг и поземельных отношений основана на комплексном системном анализе структуры писцовых книг в целом, формуляров описания деревни и конкретной налогово-платежной единицы, формуляров итоговых данных всех уровней по налогово-платежным единицам как внутри книги одного уезда, так и между книгами всех исследуемых уездов в хронологических рамках XVI-XVII вв. Методика позволяет выявить в книгах фундаментальные взаимосвязи между характером административно-территориального и административно-налогового устройства уезда и спецификой юридического статуса, представленных на его территории земель и угодий; между принципами формирования окладных единиц и их видами, наименованиями и величиной платежей и их юридическим статусом; между видами земель и угодий на территории конкретной деревни и платежной единицы, принципами их налогообложения и спецификой юридического статуса. Предлагаемая методика позволяет определять статус землевладения любой социальной принадлежности в уездах Русского Севера, увидеть взаимосвязь между типом поземельных отношений, процессов заселения и политического освоения территории.

«Черезполосность», разновременность этих процессов породила различия в статусе земель, послужила одной из причин того, что в отечественной историографии принято связывать принадлежность территории и специфику бытовавших на ней традиций, не с её заселением земледельцами, а с принадлежностью тому или иному князю, новгородским боярам.

[1] Колесников П.А. Северная Русь. Архивные источники по истории крестьянства и сельского хозяйства XVII в. Вологда, 1971 (далее – Северная Русь).

[2] Подробнее см.: Демчук Г.В. Земельный строй в Двинском уезде в XVII веке. Екатеринбург: УрО РАН, 2002. Приложения 5, 6. С. 290-298; Колесников П.А.Северная Русь

А.Л. Грязнов (г. Вологда)

Северная граница Белозерского княжества по актам XV – XVI вв[1].

Богатейшее документальное наследие Кирилло-Белозерского монастыря позволяет детально изучить эволюцию феодального землевладения, историю черносошной волости, генеалогию вольных слуг местных князей, слободское освоение периферийных территорий и множество других аспектов социально-экономической и политической истории Белозерского региона XIV – XVI вв. Так или иначе, разработка всех этих вопросов связана с пространственной локализацией географических объектов, упомянутых в источниках XIV – XVII вв. Эта проблема поставлена в отечественной исторической науке с момента ее зарождения и вполне понятно, что значительное внимание уделяется крупным административным объектам, в частности, княжествам. Выяснение состава и границ княжеств в разные периоды необходимо для определения их экономической мощи, политического значения, военного потенциала. Причем, выявление более достоверных географических сведений о каком-либо из княжеств, позволяет скорректировать представления и о его непосредственных соседях.

Применительно к Белозерскому княжеству XIV – XV вв. уточнение его территории и границ позволяет ответить на несколько взаимосвязанных вопросов. Это принципы его политического дробления, состав владений удельных князей, расположение и размеры боярского землевладения, принадлежность Белозерскому княжеству ряда пограничных территорий, например, Водоги, Чарондской округи, Каргополя. Это возможно выяснить как благодаря прямым указаниям синхронных источников, так и с использованием метода ретроспекции.

Данное исследование посвящено изучению северных территорий Белозерского княжества и реконструкции границ в этом районе[2]. Связано это, в первую очередь с тем, что в отечественной историографии не наблюдается единства мнений в этом вопросе. В частности, М.К. Любавский довольно подробно описывал территорию и границы Белозерского княжества по актам XV – XVI вв. На северной окраине Белозерья ему были известны владения князей Кемских по Кеме, а также располагавшиеся по восточному берегу Белого озера волости Вашкуй, Киуй, Липник, Марозеро, Вашпан и Шубач. В соответствии с этим он и проводил границу Белозерья[3].

А.И. Копанев полагал, что в XIII в. территория Белозерского княжества охватывала весь бассейн Белого озера, все течение Шексны и Кубенское озеро, но в XIV в. Заозерье и Кубена уже не входили в его состав. На XVI в., опираясь на исследование М.К.Любавского, в состав Белозерья он включал течения Ковжи, Кемы и Ухты, озера Воже и Лаче[4]. Более наглядно это показано на соответствующей карте (Карта землевладения Белозерского края конца XV века). По А.И. Копаневу северо-западная граница Белозерья шла от Тумбажского озера между Вытегрой и Ковжей, охватывая течение Кемы, Кемское озеро и, впадающую в него, Сойду. Крайней северной точкой княжества показано Сойдозеро и южный берег озера Лаче, а на северо-востоке – озеро Воже и впадающая в него Вожега. Восточная граница Белозерья, по мнению А.И. Копанева, шла по Порозобице и Сусле.

В вышедшей фактически одновременно с исследованием А.И. Копанева монографии А.Н. Насонова северная граница Белозерья дана в значительно отличающемся виде. Графически она зафиксирована на картах Новгородской и Ростово-Суздальской земель второй половины XII – начала XIII в. В состав Белозерья включено Ковжское озеро, но за пределами оказалось

[1] Публикация подготовлена в рамках проекта РГНФ № 16-11-35002.

[2] Ранее были рассмотрены границы Белозерья в районе Рукиной Слободки и Сизьмы (Грязнов А.Л., Черкасова М.С. О формировании межуездных границ на Русском Севере в XV–XVI вв.: Белоозеро – Вологда – Устюг // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: Сборник материалов международной научной конференции. Вологда – Кириллов – Белозерск 6-8 июня 2012 г. Вологда, 2012. С. 178-192) и география белозерских слободок XIV – XV вв. (Грязнов А.Л. Структура землевладения в Белозерском крае в XV в. и внутренняя колонизация региона // Аграрное освоение и демографические процессы в России X – XXI вв.: XXXV сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Тезисы сообщений: Уфа, 20-23 сентября 2016 г. М., 2016. С. 21-23.

[3] Любавский М.К. Образование основной государственной территории великорусской народности. Заселение и объединение центра. Л., 1929. С. 79.

[4] Копанев А.И. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М., 1951. С. 6-8.

Кемское озеро и р. Сойда. Напротив, озеро Лача включено полностью, а восточная граница проведена по Уфтюге и захватывает северный берег Кубенского озера[1].

Развитием и хронологическим продолжением монографии А.Н. Насонова стало исследование В.А. Кучкина о формировании государственной территории Северо-Восточной Руси. Северная граница Белозерского княжества получила некоторое уточнение. Ковжское озеро и половина течения Ковжи были отнесены к территории Новгородской земли, южнее сдвинулась граница по Кеме, а территория вокруг озера Лаче стала еще более выделяться по отношению к соседним. Восточная граница Белозерья теперь охватывает только верхнее течение Уфтюги и выходит к Порозобице. Включение территории вокруг оз. Лаче связано с летописным известием о заключении по приказу Дмитрия Донского на оз. Лаче попа, ранее служившего у сына московского тысяцкого Ивана Васильевича Вельяминова[2].

К.А. Аверьянов, не касаясь конкретных границ Белозерского княжества в XIV в., тем не менее, существенно расширил его границы. По мнению исследователя в состав Белозерского княжества входили Каргополь и его округа. Владели этой территорией представители особой ветви Белозерских князей – князья Каргопольские. Заключая реконструкцию истории Каргопольского княжества, К.А. Аверьянов предположил, что в XIII – XIV вв. Каргополь представлял совместное владение Новгорода и Каргопольских князей[3].

Более детальную разработку тема состава и границ Белозерского княжества получила в специализированных исторических атласах. Одной из карт, входящих в составленный В.Н. Темушевым Атлас Московской Руси, была карта Белозерского княжества в 80-е гг. XIV в[4]. Эту карту отличает сравнительно высокая детализация, а благодаря реконструкции владений князей Кемских и учету наработок А.И. Копанева, северная граница княжества была проведена более точно, чем у предшественников. В территорию Белозерья включены Ковжское озеро и течение реки Ковжи, Соедозеро, южный берег оз. Лаче и течение р. Вожеги. Каргопольские земли отнесены к новгородским владениям.

В Атласе Русского Севера Д.Л. Семушина территория Белозерья показана более схематично, но граница в целом повторяет границы на картах А.И. Копанева и В.Н. Темушева (с небольшими отличиями). Более детально проработаны карты Каргопольского уезда, и дана отдельная карта Чарондской округи[5].

Как видим, проблема уточнения северных границ Белозерья распадается на два комплекса. Первый – непосредственное уточнение границ в районе Ковжского озера, Кемы и озера Воже. Второй – включение в состав Белозерского княжества Каргополя и его округи. Поскольку уточнение границ княжества невозможно без решения вопроса о включении в состав Белозерья Каргополя, то сначала целесообразнее разобрать эту проблему.

Кроме генеалогических построений А.К. Аверьянова, лишенных какого-либо правдоподобия, версия о вхождении Каргополя и его округи в состав Белозерского княжества базируется на летописном сообщении о ссылке на озеро Лаче некоего попа в 1378 году и упоминании в Сказании о Мамаевом побоище в числе белозерских князей Глеба Каргопольского[6]. Разбор дискуссии о достоверности и времени создания Сказания о Мамаевом побоище находится за рамками данной работы, но необходимо отметить, что нет каких-либо серьезных доводов в пользу большей достоверности Сказания по сравнению с Задонщиной и Летописной повестью о Куликовской битве. Поэтому не представляется возможным принять упоминание Глеба Каргопольского за свидетельство реального существования Каргопольского княжества[7] в конце XIV в. Теоретически, более сильным аргументом является известие о ссылке

---

[1] Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. М., 1951. Вклейки между стр. 96-97 и 184-185.

[2] Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв. М., 1984. С. 307, 313.

[3] Аверьянов К.А. Купли Ивана Калиты. М., 2001. С. 137-153.

[4] Белозерское княжество, присоединенное к Москве в 80-е гг. XIV в. // Атлас Московской Руси. Лист 10.д. (Атлас так и не был издан, но его отдельные листы были опубликованы автором на личном сайте: http://www.hist-geo.net/index.php?p=67&more=1&c=1&tb=1&pb=1 [электронный ресурс]).

[5] Семушин Д.Л. Русский Север. Пространство и время. Архангельск, 2010. С. 79, 50, 52, 85.

[6] Памятники Куликовского цикла. СПб., 1998. С. 231, 264, 318, 351.

[7] Скорее всего, князья Каргопольские появились в Сказании о Мамаевом побоище из-за искажения фамилии князей Каргаломских, владевших одноименной волостью в предместьях города Белоозеро. В XVI в. эта небольшая волость

попа на озеро Лаче. Правда тут необходимо учитывать то, что в летописях место ссылки не связывается собственно с Белозерьем, т.е. в данном конкретном случае попа сослали не на Белоозеро, а на Лаче. Причем, летописцу осталось неизвестно название города (как ссылку в Каргополь это известие позднее интерпретировал составитель Устюжского летописного свода)[1].

Тезис о том, что ссылка попа могла осуществляться только в район, находящийся под контролем великого князя (причем иногда делается акцент на долгих сроках этого контроля) ставится под сомнение данными о судьбе через четыре года митрополита Пимена. В начале 1382 г. Пимен вернулся на Русь как избранный митрополит после смерти Митяя. Однако, Дмитрий Донской «не всхоте его приятии» и отправил в заключение. Сначала Пимен содержался в волости Вохна под Москвой, затем был переведен в Переяславль, а потом последовательно в Ростов, Кострому, Галич и Чухлому. Последним местом пребывания Пимена в 1382 г. была Тверь, откуда в конце года он был вывезен в Москву и вновь возведен в сан митрополита[2]. В этом сюжете для нас важны два момента. Первое – это подтверждение практики заключения духовных лиц и ссылки их в отдаленные уголки Северо-Восточной Руси по приказу Дмитрия Донского. Второе – место ссылки не всегда является владением великого князя. Во всяком случае, к таковым нельзя отнести ни Ростов, ни тем более, Тверь. Значит, далеко не факт, что и район Каргополя в 1378 г. входил в состав владений великого князя, тем более, что в великокняжеской духовной он ни в каком качестве не упоминается.

Выяснить политическую принадлежность Каргополя и тянувших к нему волостей, помогают сохранившиеся кадастры XVI в. По ним еще в середине XVI в. в Каргопольском уезде сохранялись новгородские следы. Это и измерение крестьянских наделов в обжах, и разделение на «волостки (причем для двух из них имеется прямое указание на то, что раньше они были в разных боярщинах»), и отсутствие частного землевладения московских служилых людей[3]. В этом плане Каргополье принципиально отличалось от соседних белозерских волостей и, скорее всего, в XV в. территория будущего Каргопольского уезда де-факто входила в состав владений Великого Новгорода.

Еще более однозначные сведения об административной принадлежности земель в районе Чаронды и Каргополя в первой половине – середине XV в. можно обнаружить в житии Александра Ошевенского. Родился он в 1427 г. в районе озера Вещеозеро, находящемся западнее оз. Воже в «области же убо славнаго града Белаезера» «при державе… великого князя Василия Василиевича всея Росии, при великом князе белозерском Андрее Димитреевиче»[4]. Следовательно, в 1420-х гг. территория вблизи Чаронды входила в состав Белозерского княжества[5]. Интересна и дальнейшая судьба семьи Александра Ошевенского. В 1440-х гг. отец Александра Никифор со всей семьей переселился в Каргополь, а затем в одно из пригородных сел. Прожив несколько лет в этом селе, Никифор подыскал неподалеку место, подходящее для поселения, отправился в Новгород и испросил у боярина Ивана Григорьевича слободскую грамоту «слобода копити, жильцов называти и дворы ставити»[6]. Позднее Александр Ошевенский

за пределами Белозерья не была известна и в массовом сознании смешалась с созвучным Каргополем, который вырос в довольно значительный экономический центр и был известен далеко за пределами региона. Стоит отметить, что по странному стечению обстоятельств в Сказании оказались неупомянуты княжеские фамилии, реально существовавшие в XV в. (Согорские, Дябринские, Шелешпальские, Белосельские), что довольно красноречиво свидетельствует о слабой достоверности этого произведения, как минимум, в части относящейся к Белозерью.

[1] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Петроград, 1922. Стб. 135-136; Т. 37. Л., 1982. С. 76.

[2] ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 132; Т. 18. СПб., 1913. С. 125; Т. 11. СПб., 1897. С. 41. Подробнее об этом сюжете см.: Кузьмин А.В. На пути в Москву. Очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. Т. II. М., 2015. С. 21-23.

[3] Платежная книга Каргопольского уезда 1555-1556 гг. // Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972. С. 253-290; Сотные на волости Каргопольского уезда 1561-1562 гг. // Там же. С. 300-475 (о боярщинах в окологородных волостках Волковской и Павловской см.: С. 254, 255, 346).

[4] РГБ. Ф. 304. Оп. 1. Д. 694. Л. 200об., 203.

[5] Волость на берегах Вещеозера была одной из двух самых ближайших к Чаронде волостей. Подтверждает достоверность жития и указание на церковь, в которой Александр услышал глас Божий. По житию она была посвящена Успению Богородицы. По окладным книгам Вологодской епархии одним из храмов Вещеозерской волости в 1678 г. была церковь Успения Богородицы (Окладная книга сбора церковной дани с церквей Вологодского уезда 1678 г. // Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии иокладные книги церквей Вологодской епархии. XVII – начало XVIII в. / Сост. Н. В. Башнин. – М.; СПб., 2016. Л. 152об.).

[6] РГБ. 304. Оп. 1. Д. 694. Л. 221-221об., 231.

основал свой монастырь вблизи этой слободы, а вдова боярина Ивана Григорьевича Анастасия вместе с сыном Юрием дала ему четыре грамоты на земли и леса вокруг монастыря[1]. Показательно, что сам Александр Ошевенский и его преемники получали ставленые грамоты от новгородских архиепископов и в XV в., и в XVI. В этих сведениях видим подтверждение белозерской принадлежности земель вблизи оз. Воже и новгородской юрисдикции в районе Каргополя в XV в.

Сотные на каргопольские волости 1561/62 гг. позволяют локализовать самые южные волости Каргопольского уезда и тем самым определить границу между Каргопольским и Белозерским уездами в XVI в[2]. Волость Тихменга располагалась на юго-западном берегу оз. Лаче по течению речки Тихменги и ее притоков[3]. Волостка Нокола локализуется на крайней юго-восточной оконечности оз. Лаче, между реками Кинема и Ковжа[4]. Рядом с Ноколой располагались небольшие волостки Замошье и Олга[5]. Все они граничили с волостями позднейшей Чарондской округи. На западе Окологородного стана Каргопольского уезда располагалась волость Лекшемозерская и Долгоозерская, а по течению реки Лекшмы – волость Лядина[6]. Они граничили с владениями князей Кемских, располагавшихся по течению реки Сойды и ее притоков (см. ниже). Графически эта граница зафиксирована на Атласе Российской империи 1745 г[7]. По этому атласу северная граница Белозерского уезда находится в районе Сойдозера и идет на восток к южному берегу озера Лаче (выходит к нему в районе впадения р. Ухты). Дальше граница идет по р. Ковже (на ее северном берегу каргопольская волость Нокола) в сторону Важского уезда (к верховьям р. Вель).

Восточную границу Белозерья также можно уточнить, опираясь на определение территории соседних княжеств (а позднее уездов). Для земель в верховьях р. Вель – это упоминаемые в списке Двинских волостей 1471 г. владения князя Ивана Александровича Ростовского[8]. Для более южных территорий – это владения представителей старшей линии ярославских князей (в XV в. это князья Федор Васильевич, Александр Федорович и Данило Александрович Пенко, а в XVI в. – князья Пенковы)[9]. Владения ростовских князей, в том числе и Ивана Александровича, не так давно картографированы[10], владения же ярославских князей удается проследить не только по актам XV – XVI вв.[11], но и в окладных книгах церквей Вологодской епархии[1]. Окладные

[1] Там же. Л. 237-240. Одна из грамот запрещала обояривать и продавать землю, данную Настасьей в монастырь. Во второй говорилось, что на призванных в монастырскую вотчину поселенцах «наших пошлин никоторых, ни нашим пошлинником». По третьей грамоте производится передача монастырю наволоков и запрещается вступать в них боярскому ключнику Лытке. Иван Григорьевич происходил из клана «Прусских» бояр и приходился правнуком посаднику Есифу Захарьиничу. Он упоминается в Списке Двинских волостей (АСЭИ. Т. III. №16. С. 33). Скончался Иван Григорьевич 7 октября 1467 г. (ПСРЛ. Т. 16. СПб., 1889. Стб. 221), а его землями вплоть до 1484 г. владела «славная и богатая Настасья» (ПСРЛ. Т. 6. СПб., 1853. С. 236). Настасья вместе с сыном Юрием упоминаются в одной из грамот Вяжицкого монастыря (ГВНП. №314). Подробнее об этой семье см.: Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина (историко-генеалогическое исследование). М., 1981. С. 127-130; Он же. Новгородские акты XII – XV вв. Хронологический комментарий. М., 1991. С. 196, 258, 264.

[2] Расположение центров каргопольских волостей, упомянутых в сотных и границы Каргопольского уезда в XVI – XVII вв. см.: Каргопольский уезд в XVI – XVII вв. [Карта] // Тормосова Н.И. Каргополье: история исчезнувших волостей. Каргополь, 2013. С. 21.

[3] Сотные на волости Каргопольского уезда 1561-1562 гг. С. 361-371.

[4] Там же. С. 371-373.

[5] Там же. С. 374-378.

[6] Там же. С. 378-385.

[7] «Атлас Российский, состоящий из 19 специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями ... с приложеной притом генеральною картою великия сея империи». СПб., Академия наук, 1745 г. // НИА СПбИИ РАН. Ф. 220. Оп. 1. Ед. хр. 210. Карта 2.

[8] АСЭИ. Т. III. №16. С. 32.

[9] АСЭИ. Т. III. №263-265, 267, 271-272.

[10] Грязнов А.Л. Княжеские владения XV в. и волости XVII в. // Сельская Россия: прошлое и настоящее. Материалы XIV Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 18-19 декабря 2014 г. М., 2015. С. 28. Черкасова М.С. Кубено-Заозерский край в XIV – XV вв. // Харовск: Краеведческий альманах. Вологда, 2004. С. 46-105; Назаров В.Д. О включении Ярославского княжения в состав Российского государства // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск 4. Четвертые чтения памяти академика РАН Л.В. Милова. М., 2015. С. 51-80;

[11] Грязнов А.Л. Расположение и границы северных владений ярославских князей // Эпоха князя Владимира и развитие Российской государственности: материалы всероссийской научно-практической конференции 26 июня 2015 года. Ярославль, 2016. С. 179-192.

книги позволяют локализовать церкви, относившиеся к Вологодской епархии и сопоставить административные границы с епархиальными. В ряде случаев они не совпадали. В частности, храмы Раменской, Угольской и Южской волостей вплоть до 1670-х гг. относились к Ростовской епархии, хотя сами волости были включены в состав Вологодского уезда не позднее второй половины XVI в. (переданы из состава Белозерского уезда)[2]. В районе границы Вологодского уезда с Чарондской округой видим совпадение епархиальных и административных границ, а значит, по крайне мере в XVI в. административные границы[3] здесь не менялись. Кроме того, в случае с северо-восточной границей Белозерья ее реконструкция также подтверждается Атласом 1745 г. В частности прохождение границы в районе верховьев Вели, Вожеги, Уфтюги и оз. Перешного[4].

На восточном берегу Белого озера находилось несколько волостей (Вашкуй, Липник Боярский, Муньга, Ухтома), которые первоначально принадлежали боярскому роду Ильиных[5]. Локализация этих волостей и выяснение их границ по актам XVI в. позволяет подтвердить административную принадлежность в XV в. обширной территории вокруг озера Воже – Чарондской округи, существовавшей как обособленная в административном плане территория с конца XVI в. Оказывается, что часть земель Чарондской округи первоначально входила в состав вотчин Ильиных и только в правление Ивана Грозного была приписана к Чаронде, причем в это время Чаронда находилась под юрисдикцией белозерских губного старосты, городовых приказчиков и целовальника[6]. Около 1500 г. небольшую часть древней вотчины Ильиных приобрел Михаил Гневаш Стогинин. В 1545/46 г. его дети Юрий и Яков передали данную вотчину в Кирилло-Белозерский монастырь. В это время административно бывшая вотчина Гневашевых относилась к волости Вашпан. В мае 1546 г. монастырские власти получили на нее тарханную грамоту[7].

В первой половине 1560-х гг. у монастыря возник спор с крестьянами соседней Шубацкой волости, который был урегулирован в 1564/65 г., но уже в 1566 г. эта вотчина была отписана у монастыря и включена в состав земель опричного села Чаронды[8].

Подтверждает связь Чарондской округи с Белозерьем и вклад в Кирилло-Белозерский монастырь Есипа Окишева. В конце XV в. он передал монастырю свою вотчину – село на Чаронде[9]. Сам Есип принадлежал к обеспеченному белозерскому роду, владевшему вотчинами в нескольких районах Белозерья, а послухами в его грамоте выступили другие белозерские землевладельцы, очевидно, соседи Есипа. В 1524/25 г. племянники Есипа продали кн. Матвею Григорьевичу Кемскому свою вотчину Китлу[10]. Ее можно локализовать по течению одноименной речки и, следовательно, она располагалась на границе между родовыми вотчинами

---

[1] Грязнов А.Л. Храмы в Вологодском уезде по окладной книге г. Вологды и Вологодского уезда 1628/29 г. [Карта] // Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII – начало XVIII в. / Сост. Н.В. Башнин. М.; СПб., 2016.

[2] Башнин Н.В., Грязнов А.Л. Карта храмов Вологодского уезда 1628-29 г. // Приходо-расходные денежные книги Вологодского архиерейского дома святой Софии и окладные книги церквей Вологодской епархии. XVII – начало XVIII в. С. 18.

[3] Поселения волости Уфтюги Вологодского уезда и приходские храмы этой волости располагались не только на всем протяжении реки Уфтюги, но и по ее правым притокам, а значит, белозерские земли Уфтюгу не охватывали.

[4] Тождество границ Чарондской округи XVII и XVIII вв. на основе сопоставления переписной книги 1646 г. и карты лесов Белозерского уезда и Чарондской округи 1751 г. установил Я.Е. Водарский (Водарский Я.Е. Карты первой половины XVIII века как источник для реконструкции уездных границ XVII века (на примере Чаронды) // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Северный археографический сборник. Вып. VI. Вологда, 1978. С. 80-82.

[5] Подробнее о ранней истории этого вотчинного комплекса см.: Грязнов А.Л. Древнейший частный акт Северо-Восточной Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. №3. С. 37-38; Он же. Купчая Павла Харитонова: землевладение на Белоозере в эпоху Куликовской битвы // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. №2. С. 35-49.

[6] РГАДА. Ф. 281. №817; ОР РНБ. СПб. ДА АІ/16. Л. 1090-1091 об. Садиков П.А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 172.

[7] ОР РНБ. СПБДА АІ/16. Л. 1087-1088.

[8] ОР РНБ. СПБДА АІ/16. Л. 1086 об.-1087; Там же. Л. 1087-1088; НИА СПБИИ РАН. Собрание Никольского. №27; ОР РНБ. СПБДА АІ/16. Л. 1089-1090; РГАДА. Ф. 281. №817; Садиков П.А. Из истории опричнины XVI в. // Исторический архив. №.3. 1940. №9. С. 199-200.

[9] АСЭИ. Т. III. №474. С. 457.

[10] ОР РНБ. СПБДА. АІ/16. Л. 932 об.-933.

князей Кемских и волостями Чарондской округи. В писцовой книге езовых волостей 1585 г. рыбные ловли белозерских крестьян на оз. Лаче и в ближайших реках Каргопольского уезда названы располагающимися в Заволочье[1].

Таким образом, видно, что в XV и XVI вв. округа Чаронды была связана с Белозерьем (и в административной сфере и в области землевладения). Следовательно, скорее всего, и в XIV в. территория вокруг озера Воже входила в состав Белозерского княжества. Район же Каргополя входил в состав новгородских земель и относился к Заволочью[2].

Еще больше сохранившегося актового материала относится к северо-западной границе Белозерья. Здесь, по течению реки Кемы и ее притоков располагались обширные родовые вотчины князей Кемских. Сохранился их владельческий архив, включающий несколько десятков актов XV – XVI вв. Эти документы позволяют надежно локализовать княжеские вотчины и определить их границы. История землевладения князей Кемских уже детально изучена, а вотчины картографированы[3]. Это избавляет нас от необходимости локализовать все упоминаемые в актах топонимы, и позволяет остановиться только на сведениях, относящихся к границам Белозерья.

В первой деловой князей Кемских (1470-х гг.) говорится о предварительном разделе Кемы на две части (Ильинскую и Никольскую стороны). Граница Ильинской половины Кемы выходила «к рубежу ко княж Михайлову»[4], т.е. к владениям белозерского князя Михаила Андреевича. Значит, в районе верховьев р. Индоман, где проходила северная граница между Ильинской и Никольской сторонами, располагались земли, находившиеся под юрисдикцией князя Михаила Андреевича. Точнее определить, что это были за земли, помогают позднейшие деловые князей Кемских на родовую вотчину. Центром владений скончавшегося в 1547 году князя Михаила Ивановича Нащокина-Кемского было село Успенское на Кемозере. В состав его обширной вотчины входили Поржала, Вокштома, Суед, Суедозеро, Маткозеро и Заячьеозеро[5]. Все эти местности можно обнаружить на карте, а в деловой на эту вотчину проведены ее подробные границы. Из нее следует, что на востоке вотчина охватывала речку Поршту до ее верховьев (впадает в Сойду немного севернее Кемозера), болото Яковлевское (в верховьях Поршты) и выходит в верховьях речки Чемсоры «до Ухоцкие межи»[6]. Таким образом, «рубеж княж Михайлов» 1470-х гг. можно отождествить с «Ухоцкой межой» 1550-х гг., а саму эту территорию с Ухоцкой волостью, располагавшейся по теченью р. Ухты и граничащей на севере с Каргопольскими волостями.

Крайним северным пунктом владений князей Кемских было Соедозеро, из которого берет начало р. Сойда. Впервые Соедозеро упомянуто в деловой детей князя Давыда Семеновича[7] в 1470-х гг. Вместе с Кемозером оно отошло к князю Ивану Давыдовичу. При разделе этой вотчины в 1550-х гг. упоминаются «жеребеи около Соедоозера деревня церковь Никола Чюдотворец» и около «Заечозера церковь Живоначальная Троица»[8]. Немного южнее Заечозера (к западу от Кемозера) Кемским принадлежали земли у Гусозера, Черного озера и Мурдозера «до Андомсково рубежа»[9]. Здесь в XVII в. возникла Спасо-Маткоозерская пустыня, относившаяся к

---

[1] Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года. М., Л., 1984. С. 171. Карту этих рыболовецких угодий см.: Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI – XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997. С. 165.

[2] В состав Завлочья Онега и Каргополь включены и в духовной Ивана III (ДДГ. №89.С. 357). О термине Заволочье см.: Васильев Ю.С. Избранные труды по истории Европейского Севера России XII – XVII веков. Вологда, 2013. С. 80-85.

[3] О границах владений князей Кемских в XV – XVI вв. см.: Грязнов А.Л. Землевладение князей Кемских в XV – XVI вв. // Исследования по истории средневековой Руси. СПб., 2006. С. 273-298.

[4] АСЭИ. Т. II. №227а. С. 148.

[5] АЮ. №259. С. 272-273.

[6] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 894 об.

[7] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 883 об. -884.

[8] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 894. Оба храма как приходские продолжали функционировать еще в начале XX в. (Церковно-исторический атлас Вологодской области. Т. I. М.; Вологда, 2007. С. 52). Сохранилась ставленая грамота вологодского архиепископа Маркела священнику ц. Николая Чудотворца в Сойдозерской волости от 1 дек. 1659 г. (НИА СПБИИ РАН. Колл. 117 (Савваитова). №482).

[9] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 894-894 об.

Вологодско-Белозерской епархии[1]. К 1541/42 г. относится мировая запись между приказчиком князя Михаила Нащокина-Кемского и крестьянами Андомской волости Новгородского уезда. Спор возник из-за четырех починков, которые андомские крестьяне поставили на княжеской земле в районе Маткоозера[2]. Обе стороны конфликта опирались на писцовые книги: «писцы новгородцкие писали по старым книгам новгородцким… белозерские писцы писали по старым же книгам по белозерским… а писцы с писцы в том необсылались»[3]. Следовательно, в первой половине XVI в. владения князей Кемских вплотную выходили к реке Андоме и включали несколько озер и рек, относящихся к ее бассейну.

В другой деловой (1545/46 г.) упоминается «Ковжеозерский рубеж»[4]. К этому району относилась речка Ньюкша и Шавкозеро (локализуются на восточном берегу Ковжского оз.). К юго-восточному берегу Ковжского озера подходили владения Кемских на Миткоозере и Сырозере из которых вытекала речка Самболка[5]. Южнее Ковжского озера владения Кемских выходили к реке Ковже и граничили в этом районе с Бадожской волостью Белозерского уезда[6]. Покосы на речке Ужле (южнее Ковжского оз.) были спорными между княжескими крестьянами и крестьянами Бадожской волости[7].

Территория черносошной Бадожской волости охватывала Ковжское озеро и реку Ковжу и граничила с Заонежскими погостами Новгородской земли. В устье речки Курьдюг располагался волостной монастырек, во владении которого была речка Удаж[8]. На границе Бадожской волости находился волок, соединяющий бассейны Онежского и Белого озер. Он упомянут в писцовой книге Обонежской пятины 1563 г[9]. и в Езовой книге 1585 г.: «Бадожские волости крестьяне возят гостей с товаром от вытегорского рубежа через Бадожскую волость, волок до реки до Ковжи, а от Ковжи реки возят гостей и до вытегорского рубежа»[10].

Западнее Бадожской волости, по течению впадающей в Ковжу реки Тумбаж, располагалась Тумбажская волость Белозерского уезда. Эти две волости (Тумбажская и Бадожская) вместе с Кемой находились на северо-западной границе Белозерского уезда. Сама граница, судя по всему, в основном проходила по водоразделу между бассейнами Ковжи и Кемы с одной стороны и реками, впадавшими в Онежское озеро – с другой. Правда, в некоторых местах белозерские земли выходили к верховьям Андомы и Мегры. Эта же ситуация зафиксирована и в Атласе 1745 г[11]. по которому граница между Белозерьем и Каргополем также в основном проходила по водоразделу. С белозерской стороны это был бассейн р. Ухты, а с Каргопольской – р. Тихменги. К востоку от оз. Лаче на белозерской стороне р. Ковжа с притоками.

Судя по сведениям сохранившихся источников, прослеживается прямая преемственность между северными границами Белозерского княжества XV в. и границами Белозерского уезда XVI – XVII вв. Довольно точное отражение это нашло и на картах XVIII в. В свою очередь, это позволяет вполне надежно реконструировать северную границу Белозерского княжества и более определенно говорить как о его территории, так и об административных и владельческих

---

[1] Амвросий История российской иерархии… Ч. V. М., 1813. С. 54-55; Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. СПб.,1892. С. 326; Гераклитов А.А. Акты и грамоты Кирилло-Белозерского монастыря. (Из архива Саратовской архивной комиссии) // Труды Саратовской губернской ученой архивной комиссии. Вып. 31. №6. Саратов, 1914. №XIII. С. 19; Македонская Н.М. Спасо-Маткозерская мужская пустынь [электронный ресурс] // Македонская Н.М. Дополнения к Церковно-историческому атласу Вологодской области. URL: http://parishes.mrezha.ru/library.php?id=281 (дата обращения 01.10.2016).

[2] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 938-940 об.

[3] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 939.

[4] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 943.

[5] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 885-889.

[6] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 930 об.

[7] ОР РНБ. СПБДА. AI/16. Л. 940 об.

[8] Подробнее об этом монастыре см.: Гневашев Д.Е. Николаевский Курьюжский монастырь в XVI – XVII веках // Белозерье. Краеведческий альманах. Вып. 3. Вологда, 2007. С. 98-115.

[9] Писцовые книги Обонежской Пятины 1496 и 1563 гг. Л., 1930. С. 211.

[10] Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 года. С. 175.

[11] «Атлас Российский, состоящий из 19 специальных карт, представляющих Всероссийскую империю с пограничными землями ... с приложеной притом генеральною картою великия сея империи». СПб., Академия наук, 1745 г. // НИА СПбИИ РАН. Ф. 220. Оп. 1. Ед. хр. 210. Карта 2.

границах внутри княжества. Границы эти в основном тяготели к водоразделам, хотя в случае успешной колонизации внутри отдельных владений, данный принцип мог нарушаться. Выявленная преемственность в некоторой степени подтверждается и пунктом Яжелбицкого договора об отказе новгородцев от приобретенных ростовских и белозереских земель: «А что земли ростовские и белозерские, что покупили наши новогородци, а тых земль князем великим съступилися и грамоты подавали»[1]. Приобретение новгородцами ростовских и белозерских земель, судя по всему, не привело к изменению ни политических, ни епархиальных границ (во всяком случае, ни новгородская, ни великокняжеская сторона об этом не заявляли)[2]. Причем московские князья стремились сохранить прежние политические границы, противодействуя довольно энергичной экспансии новгородских бояр[3].

Надежная реконструкция белозерской границы позволяет говорить об одной особенности. На большей части своей протяженности граница Белозерья проходит по водоразделу, отделяющему бассейн Шексны от других водных систем (иногда незначительно отклоняясь в ту или иную сторону). Однако, для двух регионов этот принцип не работает. Чарондская округа и Волок Славенский с Рукиной Слободкой располагаются за пределами бассейна Шексны, но, тем не менее, они входили в состав Белозерского княжества XV в. и Белозерского уезда XVI в. Археологические данные по этим регионам свидетельствуют, что тяготение к Белоозеру территории, границей которой на севере были берега оз. Лаче, а на юго-востоке – правый берег р. Порозобицы прослеживается уже в древнерусское время[4], причем, волоки Белозерья и Поонежья оказались более удобны для первоначального проникновения в Северодвинский бассейн, чем волоки Волжско-Сухонского водораздела[5]. Вне зависимости от владельческой принадлежности Чаронды и Волока Славенского в XII – XIII вв., можно уверенно утверждать, что принадлежность этих территорий Белозерскому княжеству в XIV – XV вв. позволяла белозерским князьям контролировать основные пути в Заволочье и в Сухоно-Двинский регион[6]. Таким образом, несмотря на возможную подвижность границ на микролокальном уровне, вероятно, на более высоком уровне политические и административные границы склонны к

[1] ГВНП. №23. С. 42. Схожий пункт содержится в договоре 1471 г., но в нем добавлен еще один способ приобретения новгородцами ростовских и белозерских земель – «даром поимали» (ГВНП. №27.С. 49).

[2] В договорах Великого Новгорода с великими князьями присутствовал обязательный пункт об отказе великого князя, его жены и его слуг от покупок или принятия в дар сел на территории Новгородской земли. Следовательно, хотя такие приобретения и связывались с определенной угрозой целостности Новгородской земли, но не вели к немедленному отторжению этих территорий. Аналогичным образом, вероятно, обстояло дело и с приобретениями новгородских бояр. В договоре Новгорода с Борисом Александровичем Тверским 1446-1447 гг. раскрывается порядок действий в случае переезда новгородцев в Тверь, а тверичей в Новгород, т.е. об изменении подданства (или адреса службы). В таком случае владения этого человека переходят Новгороду или тверскому князю (в соответствии с прежним адресом службы), т.е. блокируется изменение политических границ в результате коммендации землевладельцев (ГВНП. №20.С. 37).

[3] На примере Ошевенской слободы мы видим, что колонизационные усилия отдельных новгородских бояр имели вполне определенный успех, в том числе, и за счет притока населения с территории подконтрольной великому князю. Свидетельство приобретения новгородскими боярами земель вне новгородской территории мы находим в белозерских актах. Это купчая Андреяна Захарьинича у белозерской княгини Федосьи земель на Волоке Славенском в 1380-х гг. (АСЭИ. Т. II. №1. С. 15; Об этой купчей см.: Грязнов А.Л. Княгиня Федорова Федосья // Ежегодник историко-антропологических исследований. 2008. М., 2008. С. 24). Эта же сделка раскрывает механизм и форму таких приобретений, а так же показывает, что такое приобретение носило временный характер, поскольку уже в начале XV в. эта вотчина оказалась в руках местных землевладельцев. Следом новгородских приобретений в районе Чаронды можно считать сохранение еще в XVII в. среди чарондских волостей четырех волосток.

[4] Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI – XIII вв. С. 22-47. О включенности этих окраинных земель в ментальное пространство древнерусского книжника свидетельствует и Моление Даниила Заточника, упоминающее и Белоозеро и озеро Лаче.

[5] Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI – XIII вв. С. 104.

[6] Подробнее об этом см.: Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI – XIII вв. С. 104, 167-168 и др. Дверьми в Завлочье назвал Ухтомский и Славенский волоки еще З.Ходаковский (см.: Ходаковский З. Пути сообщения в Древней России // Русский исторический сборник, издаваемый ОИДР. Т. 1. Кн. 1. М., 1837. С. 28-29).Именно с ключевым положением города Белоозеро на перекрестке торговых путей, очевидно, связан его опережающий по сравнению с сельской округой рост в XI – XIII вв. Упадок же города, вероятно, вызван прослеживающимся по археологическим данным переходом к более натуральному укладу и увеличению аграрной составляющей в регионе с конца XIII – XIV вв. (см.: Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М., 2001. С. 225-226).

большей стабильности, а их конкретное расположение связано историей освоения региона и формирование транспортных артерий еще в древнерусский период.

Илл. 1. Белозерское княжество в XIV–XVвв.

Илл. 2. и Илл. 3. Северная граница Белозерского княжества

С.Н. Третьякова (г. Архангельск)

Города Русского Севера в сочинениях иностранных путешественников XVI – начала XX в.

Сочинения иностранцев о России представляют несомненный интерес, особенно важен взгляд со стороны в контексте взаимных представлений, формировании образов «другого». Небезынтересно, какое место в этих общих представлениях о России занимает Русский Север. Рассмотрим это на примере городов Архангельского Севера, в том числе и Каргополя.

Первоначальные представления о Русском Севере у европейцев были довольно смутные. Центральное место в этих описаниях, конечно же, принадлежит Северной Двине, «самой обширной из всех рек Севера», которая течет в Северный океан, и которую пока именуют просто Двина. Павел Иовий её разливы сравнивает с Нилом. Река, «утучняя» окрестные равнины наносами, «оказывает удивительное сопротивление суровости холодного климата»[1]. С. Герберштейн объясняет происхождение её названия от слияния рек Юг и Сухона, «ибо Двина по-русски значит два или по два»[2]. Эта версия часто повторяется другими авторами.

Река образует Двинскую область, «расположенную на самом Севере», которая ранее была новгородским владением. В ней нет ни городов, ни крепостей, кроме крепости Холмогор, города, «который расположен почти посредине между истоками и устьями, и крепости Пинеги, расположенной в самых устьях Двины». По причине «частых болот, рек и обширных лесов», признаётся автор, произвести точного расчёта пути нельзя. «Жители снискивают пропитание от ловли рыбы, зверей и от звериных мехов всякого рода, которых у них изобилие. В приморских местностях этой области, говорят, водятся белые медведи…»[3]. Эта страна изобилует солью, добавляет он.

Первым иностранным путешественником по Северу можно считать англичанина Р. Ченслера, участника экспедиции 1553 г., которая вместо открытия северного морского пути в Индию и Китай привела к «открытию» России. Мореплаватель, совершивший затем поездку от Белого моря до Москвы, отметил, что Россия «изобильна землёй, людьми и товарами», среди которых называет рыбу, звериный жир, соль, меха, рыбий зуб[4]. Как видим, этот перечень имеет прямое отношение к Северу. Если говорить о городах, то в его сочинении их названо только 6, помимо Москвы – это Вологда, Великий (Новгород) и Псков, Ярославль и Холмогоры.

Дж. Флетчер спустя три десятилетия приводит более подробную информацию. Среди «коренных» российских областей он называет Двинскую, Каргопольскую, Важскую и Устюжскую, замечая при этом, что все эти области гораздо больше и обширнее английских графств, хотя менее населены. Кроме того, русский царь имеет много владений к северу, но они не принадлежат ему исключительно[5]. Среди главных городов России Флетчер называет Вологду, Устюг, Холмогоры, Каргополь (всего городов перечисляет уже 16). Характеризуя водные пути, он отмечает, что от пристани св. Николая[6] через реки можно попасть до Финского залива, а пересечение рек происходит под г. Каргополем. В использовании этого пути водой русские имеют большой опыт. Каргополь упоминается и как место, где добывается железо[7].

Первые свидетельства иностранцев довольно краткие и имеют практическую цель – сообщить точные сведения о расстояниях и способах передвижения, ресурсах и товарах, значимых поселениях и их укреплениях. И классических записок путешественников (травелогов) немного. Север англичан больше интересовал как транзитный путь в Сибирь или Персию, не отказывались они и от намерения найти северо-восточный проход в Индию и Китай. Видимо они действительно ничего примечательного здесь не видели, ибо большая часть этой области

---

[1] Павел Иовий Новокамский. Книга о московитском посольстве // Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 261.
[2] Герберштейн С. Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 127.
[3] Там же.
[4] Записки Чанселлора. Архангельск, 1998. С. 35-37.
[5] Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии. Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов. М., 1991. С. 26.
[6] Имеется в виду Николо-Корельский монастырь на берегу Белого моря, сейчас территория г. Северодвинска.
[7] Флетчер Дж. Указ.соч. С. 30, 34-35.

необитаема «по причине зимних холодов». Наблюдения же о культурно-бытовой жизни русского народа авторы приводили в обобщенном виде.

Холмогоры (Колмогоры) были административным центром Двинской земли и занимали важное место в торговле. Ченслер отмечал, что Холмогоры снабжают Москву и остальные провинции солью и солёной рыбой, а в день св. Николая там устраивается рынок. После открытия морского пути в Европу, они становятся крупными центрами уже международной торговли и дипломатических отношений. Здесь останавливались все иностранцы и проводили от нескольких недель до месяцев, ожидая разрешения ехать дальше.

По свидетельству Т. Рандольфа, которое относится к 1568 г., Холмогоры представляют собой «большой город, весь построенный из дерева, не обнесённый стеной, с разбросанными в беспорядке домами. Население по манерам грубое, одевается крайне просто, за исключением праздников и свадебных дней». Они много предаются пьянству и другим отвратительным порокам. Англичане в этом городе имеют собственную землю, пожалованную царём, и много хороших домов с конторами. Жители, находя выгодным торговлю с англичанами, очень внимательны к ним[1]. Другие города до Вологды, уточняет Рандольф, «очень похожи на Холмогоры, и жители не отличаются от тамошних».

Становление нового города – Архангельска, основанного по указу Ивана Грозного в устье Северной Двины в 1584 г., проходило на глазах иностранцев. Город они именовали по монастырю Св. Михаила Архангела (причем это место обозначалось ими так ещё до появления города, это был один из главных топонимов их северного маршрута наряду с Холмогорами и монастырем Св. Николая), либо просто Архангельском (Archangel). Но они не используют название Новый город или Ново-Холмогоры, которое встречается в отечественных источниках. Со временем именно Архангельск займет главное место в записках иностранных путешественников.

Дж. Горсей проезжал здесь в 1586 г. Он упоминает о новой крепости, которой управляет князь Звенигородский. В крепости «по их обычаю были построены в ряды стрельцы, и его прибытие было великолепно отпраздновано. А на рейде стояли английские, датские и французские суда»[2]. Заметки француза Жана Соважа Диеппского, приплывшего в новый город с купцами летом этого же 1586 г., содержат больше подробностей. Город Св. Михаила Архангела он характеризует как «замок, сооруженный из брёвен заострённых и перекрёстных», в нем более двадцати пушек, которые «делают ему сильную защиту». Внутри находятся около сотни домов, в которых приезжие купцы хранят свои товары[3]. Соваж описывает, как губернатор очень приветливо их встретил, и в результате этого гостеприимства делается неизбежный вывод, что «обычай здешней земли пить очень много». Основное же население города, судя по запискам, пока составляют стрельцы, а купцы приезжают сюда с товарами в августе на две-три недели. Уже с первых лет существования города авторы отмечали те недостатки, которые создавали неудобства для ведения торговли – короткая навигация, большие расстояния, порча товаров от морозов, мели на реке, необходимость постоянно перегружать товары и т.д.

Так как путь английских купцов и дипломатов пролегал, как правило, по маршруту: Белое море – р. Северная Двина до Устюга – и далее по р. Сухона в Вологду и Москву, то Каргополь, несмотря на его торговую значимость, оставался в стороне. О нём слышали, но не видели. И первым, кто свидетельствовал об этом древнем городе, как известно, был немец Г. Штаден. Он провел в России 12 лет, сначала служил толмачом, что показывает знание им русского языка, затем перешёл в опричнину. В 1574-1575 гг. он жил в Поморье, выступая посредником в меховой торговле между иностранными и русскими купцами, видимо именно тогда он и познакомился с городом.

Напомним, что Штаден разработал план обращения Московии в имперскую провинцию, в котором он предлагал Русскую землю разделить на две-три части, ибо она очень обширна. Следует начинать с Севера, продвигаясь по рекам Онеге и Двине, поэтому он приводит довольно подробное описание Поморья с перечислением и краткой характеристикой рек, поселений,

[1] Путешествие Томаса Рандольфа. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus11/Randolph/text.phtml?id=1170

[2] Горсей Дж. Записки о России. XVI – начало XVII в. М., 1990. С. 149-150.

[3] Записка о путешествии в Россию Жана Соважа Диеппского, в 1586 году // *Булатов В.Н.* Русский Север. Кн. 3. Архангельск, 1999. С. 265-267.

монастырей и т.п. Не последнее место для проникновения в страну он отводит именно Каргополю, исходя из его удобного местоположения.

Каргополь Штаден описывает как «незащищённый город, без стен; лежит на перевале у стоячего озера, из которого вытекает названная река Онега. Здесь склад соли, которая выпаривается из этого озера. В городе и уезде живут только торговый люд и крестьяне; ежегодно они платят в казну то, что с них причитается. Но до войны им нет никакого дела, никакой заботы»[1]. Он далее добавляет, что в мирное время русские ходят обычно стругами от города Каргополя вниз по реке до Норвегии или Финмаркена и обратно. Поэтому по морю, а потом по Онеге до Каргополя можно быстро доставлять всё, «что ни потребовалось бы военачальнику». А у великого князя не будет возможности получить подкрепление, и до этого места можно не бояться появления врага.

В литературе можно встретить критические замечания в отношении высказывания Штадена о незащищённости города, как не соответствующего действительности, но подобную характеристику он повторяет несколько раз. Надо заметить, что Штаден чётко разделял посады и города. И если для захвата Холмогор он предлагает отряд в 800 чел., Соловецкого монастыря – 500 чел., Кий острова и устья р. Онеги – 1000 чел., то для занятия Каргополя он называет цифру уже в 3000 чел[2]. (и это после «миролюбивой» характеристики его жителей). Подобное «принижение» обороноспособности Каргополя связано с тем, что Штаден считал, что в России вообще нет укреплённых городов. «Города и остроги выстроены из брёвен, закиданных потом землей. В центре государства все они упали и запустели». Великий князь приказывает охранять города и остроги лишь по границе. А каменные стены есть только у некоторых богатых монастырей[3]. Всё это должно было, по его мнению, способствовать легкости реализации плана.

К Каргополю Штаден обращается еще раз, когда рассказывает о системе местного управления в стране. По его словам, новый наместник, прибыв в Каргополь, начал ставить каргопольцев на правёж и приказывал ежедневно бить их батогами за то, что они не доглядели за наместьичим двором. Не раз каргопольцы тайно посылали в Москву жаловаться, однако ничего не добились. Узнав об этом, наместник обложил их новыми налогами, задерживал и отбирал товары у купцов. За три года насильством наместник собрал много денег и добра. А когда бы он дружески обходился с людьми, был уверен Штаден, он собрал бы в десять раз больше, ибо Каргопольский уезд велик и живут в нём торговые люди и крестьяне[4]. Получилась очень яркая картина произвола местных властей.

Невнимание иностранцев к Каргополю объясняется не только тем, что их путь пролегал другим маршрутом. Традиционно описанию подвергались лишь большие города, на тот период – это Москва и Новгород Великий, позже – Москва и Петербург, а также Новгород, но уже Нижний. Остальные же поселения, на взгляд иностранца, все похожи, состоят из деревянных построек, а на улицах «вместо мостовых лежат обтесанные сосновые деревья, одно подле другого». Обратимся к сочинению Флетчера: «Дома их деревянные, без извести и камня, построены весьма прочно из сосновых бревен, которые кладутся одно за другое и скрепляются по углам связями. Между бревнами кладут мох... Каждый дом имеет лестницу, ведущую в комнаты со двора или с улицы, как в Шотландии». Он поясняет, что русские используют дерево, потому что в каменных постройках больше сырости и они холоднее, к тому же «провидение наградило их лесами» в изобилии. Главное же неудобство состояло в том, что деревянные строения могут сгореть[5].

Подводя промежуточный итог, можно отметить, что средневековый Север рассматривается иностранными авторами в контексте общего взгляда на Московию как «деспотического» и «варварского» государства – огромные территории, неосвоенные и малозаселенные, неэффективно используемые и плохо управляемые. Отсюда и появлялись проекты колонизации Русского Севера наподобие плана Штадена, который, был не единственным.

Среди северных городов главное место занимал Архангельск. В XVII в. упоминание этого важного пункта внешней торговли Московского государства встречается практически у всех

[1] Штаден Г.О Москве Ивана Грозного. М., 1925. С. 65.
[2] Там же. С. 70-71.
[3] Там же. С. 73.
[4] Там же. С. 118-119.
[5] Флетчер Дж. Указ.соч. С. 37-38.

иностранных авторов, писавших о России. А. Олеарий характеризует его как «большой приморский и торговый город», который приносит большие доходы царю. Но так как города он сам не видел, то ссылаясь на очевидцев, далее уточняет, что «сам по себе город невелик, но славится из-за многочисленных купцов и заморской торговли. Ежегодно приезжают сюда голландские, английские и гамбургские суда с различными товарами». Сюда перенесена «большая таможня», пошлины собирает «воевода, живущий в местном кремле»[1]. С ревностью смотрели на растущий Архангельск в Швеции, где были очень заинтересованы в возвращении торговли на берега Балтийского моря. Шведский торговый представитель в России И. де Родес даже разрабатывал план, как это лучше сделать[2]. Добавим, что эта шведская мечта позже будет реализована Петром I.

Во второй половине XVII – начале XVIII в. Архангельск переживает подъём, что отразили и иностранные путешественники. Интересными являются наблюдения голландцев Койэтта, участника посольства Нидерландов в Москву (1675-1676)[3], и художника и путешественника К. де Бруина[4], который провел в Архангельске несколько месяцев в 1701 г. Город разрастался, но не вширь, а в длину. Он узкой полоской тянулся вдоль реки (город одной улицы), упираясь с одной стороны в реку, а с другой в болота, из-за чего «зимой иногда встречаются волки и медведи». После пожара построили каменный гостиный двор. Появились тюрьма, немецкое подворье, башня с часами, сделанными голландским мастером. В городе много пристаней и пакгаузов, а также церквей, в том числе реформаторская и лютеранская. К. де Бруин отметил новшества, связанные с политикой Петра I, главное из которых связано со строительством кораблей.

С перенесением торговли на Балтику резко уменьшилось и количество путешественников по Северу. Но Архангельск сохранял свой образ «северных ворот в Россию». Поэтому не случайно в описании нового путешествия Робинзона Крузо автор Д. Дефо возвращает своего героя на родину из Китая через Сибирь и Архангельск[5]. Правда, не на всех посетителей он производил впечатление, особенно зимой, когда жизнь в городе замирала. Можно было прочитать и такое мнение, что это «ужасно унылое место»[6].

Возродился интерес к региону во второй половине XIX в., когда происходит рост внимания к России в целом, вследствие происходящих в ней реформ, а также под влиянием увлечения русской литературой. Северный край, где не было ни чужеземных завоеваний, ни крепостного права, привлекал заповедностью. Именно здесь сохранилась «чистая славянская раса», родная речь и древние традиции. Поэтому журналист У. Диксон своё знакомство с Россией в 1869 г. начал именно с Архангельска и Соловецких островов, написав книгу с громким названием «Свободная Россия». Отметим также и С. Грэхема, который в 1910 г. пешком прошёл от Архангельска до Москвы, описав увиденное в книге, также со звучным названием «Неоткрытая Россия».

Естественно, что первые ассоциации иностранцев, связанные с Архангельском – это порт, «переполненный судами всех национальностей». Диксон обращает внимание на то обстоятельство, что только Архангельск является единственным по-настоящему русским портом, остальные же (Астрахань, Одесса, Рига, Гельсингфорс) были завоеваны мечом и могут быть потеряны. По иностранным описаниям чувствуется дух пусть провинциального, но какого-то особенного города. Архангельск, считал Диксон, не очень похож на европейский порт, в нем «слишком много куполов». С западной точки зрения город – это «склад овса и смолы, досок и шкур», но для местных жителей – это «дом Архангела, порт Соловков, ворота Бога»[7]. Грэхем именно на Севере увидел наиболее яркое воплощение образа «Святой Руси», а Архангельск он характеризует как мистический город[8].

Можно привести и новый взгляд на древний Устюг в книге англичанина А. Летбриджа.

---

[1] Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С. 156-157.
[2] См.: Состояние России в 1650-1652 гг. по донесениям Родеса. М., 1914.
[3] Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900.
[4] Бруин де К. Путешествие в Московию // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 17-188.
[5] Defoe D.The Father Adventures of Robinson Crusoe, London, 1719.
[6] The English Woman in Russia.New York, 1855.P. 19.
[7] Dixon W.H. Op. cit. P. 29.
[8] Более подробно см.: Третьякова С.Н. Архангельск. Город на краю Европы // Лабиринт. 2013. № 3. С. 34-44. Электронный журнал. Режим доступа://http://journal-labirint.com

Если в средние века Устюг – это «торжище», куда жители Пермии, Печоры, Югры и другие отдаленные народы привозили драгоценные меха и обменивали их на другие товары[1], то сейчас – это город со своим очарованием, с «фантастической религиозной архитектурой». Летбридж называет Великий Устюг «Флоренцией Русского Севера» и считает, что этот город нельзя даже сравнивать с соседним Котласом, в последнем нет ничего романтического[2].

Но в целом мало что изменилось, городов очень мало и они все похожи, достаточно описать один, чтобы иметь представление о других. Диксон констатирует, что по дороге длиной в 400 миль от Холмогор до Каргополя, и от Каргополя до Вытегры он не встретил «ничего, что можно было бы назвать городом». Вполне закономерно он называет это «империей деревень»[3].

Да и Холмогоры потеряли свое былое значение, теперь они ассоциировались уже с именем «великого русского поэта М.В. Ломоносова». НаДиксона Холмогоры произвели весьма приятное впечатление. Он называет их то деревней, то сельским городом, то лесным городом. Он уверен, что именно в таком месте и должен был родиться национальный поэт[4]. При этом он выражает надежду, что в будущем М.В. Ломоносову установят памятник, более соответствующий его русскому духу, чем тот, который он увидел в Архангельске.

А вот у Грэхема от Холмогор осталось совсем другое впечатление. Ведь в этом древнем, некогда важном городе британские компании имели свои лавки. Но теперь его значение уменьшилось, и все, что осталось – одна грязная кривая улица и два-три собора. Сейчас он больше известен своей породой коров, из молока которых вырабатывают лучшее масло в России[5]. Его очень удивляло, что в русских городах могло не быть уличного освещения, мостовых, парикмахерской и театра (обязательных по западным меркам), но непременно – несколько соборов!

Каргополь в записки иностранцев этого периода попадает скорее случайно и обязательно связан с дорогой. Напомним, что через город проходил почтовый тракт Петербург-Архангельск. После утомительной езды через бесконечные леса и поля, это было долгожданное место отдыха, в котором «нет ничего замечательного, и он состоит из деревянных домов как везде»[6]. Правда более внимательные путешественники не могли не заметить «каменного богатства» этого старинного города.

Э. Лённрот, собиратель финского фольклора и составитель всемирно известной «Калевалы», был в Каргополе проездом летом 1842 г. Он осмотрел город и даже пообщался с местными чиновниками. На его взгляд это был довольно большой город, в котором насчитывается более четырехсот домов и две тысячи жителей. Видно как жива в городе память о сильном пожаре, случившемся в XVIII в., после которого город так и не достиг своего прежнего расцвета. Автор отмечает, что в городе много церквей и два монастыря каменной кладки. Большая часть церквей с множеством куполов сложена из камня и выглядит внушительно. Но других каменных построек немного[7].

Диксон также в этом городе «с численностью в две тысячи душ» насчитал «20 шпилей», что для него служило свидетельством религиозности русского народа. Но больше его заинтересовала обитающая в каргопольских лесах «беспокойная и опасная группа людей под названием бегуны»[8], представителей который он встретил по дороге и о которых ему рассказали в городе[9].

В заключение отметим, что Русский Север привлекал иностранных путешественников по разным причинам. И помимо традиционного интереса к экономическому потенциалу, появляется

---

[1] Павел Иовий Новокамский. Указ.соч. С. 261.

[2] Lethbridge A.The New Russia from the White Sea to the Siberian Steppe.London, 1915.P. 95.

[3] Dixon W.H. Op. cit. P.197.

[4] Ibid. P. 191.

[5] Graham S. Undiscovered Russia. London, 1912. P. 135-136.

[6] The English Woman in Russia.P. 52.

[7] Путешествие Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828-1842. Пер. с фин. Петрозаводск, 1985. С. 292.

[8] Речь идет о представителях странничества, одного из направлений старообрядчества, возникшего во второй половине XVIII в. в форме бегунского согласия. Диксон использует название бегуны (runaways) со слов русских собеседников.

[9] DixonW.H.Op. cit. P. 30, 197-199.

понимание Севера как места, где сохранились национальные традиции и русская самобытность. Сам Север за эти века почти не изменился, регион, центром которого Архангельск являлся, авторы описывают как край земли, удалённый от центра России (даже для самих русских) и отделённый от него бескрайними лесами и болотами. Но о некоторой эволюции в восприятии иностранных путешественников можно говорить. Их сочинения становятся более содержательными. При сохранении в целом традиционного критического подхода, у ряда авторов прослеживается искренний интерес, и даже романтический взгляд. Пришло время, Русский Север начал открываться с другой стороны, точнее приоткрывать для внимательного наблюдателя своё истинное богатство.

М.С. Черкасова (г. Вологда)

Каргопольский Кожеозерский монастырь и московские гости Юдины

Импульсом для написания данной статьи стало случайное обнаружение нами в гос. архиве Вологодской области (ГАВО) двух документов XVII в., относящихся к Богоявленскому Кожеозерскому монастырю. Это грамоты, одна из которых сохранилась полностью, а вторая – лишь частично. Перед нами списки, по времени изготовления близкие к оригиналам. Поскольку документальное наследие данной обители разработано слабее литературного[1], имеет смысл затронуть этот вопрос подробнее.

Первый акт – это данная грамота воеводы И.В. Олферьева Кожеозерскому монастырю на дворы и дворовые места московских гостей Юдиных в Вологде от 6 марта 1646 г[2]. Особый интерес ей придает то обстоятельство, что адресована она была тогдашнему игумену обители Никону, будущему патриарху московскому. Кожеозерским настоятелем он был примерно в 1642-1646 гг.[3], и данная грамота маркирует срок, ранее которого он не мог подняться на следующую ступеньку своей карьеры – стать архимандритом московского Ново-Спасского монастыря. Воевода И.В. Олферьев передавал Кожеозерскому монастырю двор вместе с дворовой и огородной землю при нём, причём делалось это по государевой грамоте за приписью дьяка Алмаза Иванова по челобитью вдовы Оксиньи Ивановой жены Юдина. Перед нами монастырский список, составленный при игумене Павле, управлявшем обителью, согласно справочнику П. Строева, с 1662 по 1682 г[4].

Даримый вдовой Оксиньей Кожеозерскому монастырю двор, расположенный на вологодском посаде за р. Золотухой, представлял собой целый хозяйственно-жилой комплекс. В него входили: горница с комнатой на подклетах, повалуша, сени с засением, погреб, конюшня, ветхая изба с сенями, мыльня, поварня с прирубом, два соляных амбара. На основе писцовой книги Ив. Мещерского и Ф. Стогова 1627/28 г. в воеводской грамоте был отмечен довольно крупный размер Юдинского двора – 60 на 22 саж. (то есть примерно 30 на 11 метров). Кроме того, обитель получала в «городе» (крепости) Юдинское осадное дворовое место, размер которого был меньше – в длину 15,5 саж. О промысловой направленности хозяйства кожеозерской обители говорит указная грамота царя Фёдора Ивановича выборным земским судьям Турчасовского стана Каргопольского уезда от 19 марта 1595 г. (дьяк Иван Нармацкой)[5]. Грамота была выдана в ответна челобитную строителя (и основателя) Кожеозерской обители Серапиона.В ней упомянуты купленный старцами двор на посаде в Турчасове и солеварение в «полуцрене» в волости Пияле. Грамота была подтверждена последующими царями – Б.Ф. Годуновым 17 января 1599 г. (на имя строителя Серапиона, а дьяком указан тот же Ив. Нармацкой) и В.И. Шуйским в августе 1606 г. (дьяк Сыдавной Васильев) на имя игумена Арсения. Согласно грамоте и её подтверждениям, корпорация освобождалась от всех налогов «до государева указу». Эта временная мера вызывалась ослаблением монастыря в связи с прохождением по данной местности ратных людей в период русско-шведской войны 1595 г., поэтому никаких подвод с него больше не должно было взиматься. Промысловые владения Кожеозерский монастырь имел и в Кольском уезде. По приведённым В.И. Ивановым данным из писцовой книги 1635 г., ему принадлежало 1 и ¾ лука угодий в Керетской волости, пол-лука и действующая варница в Чюпской губе[6].

По переписной книге Каргопольского уезда 1648 г. В.И. Иванов установил, что Кожеозерскому монастырю принадлежало 9 с половиной деревень, 1 пустошь с 35-ю

---

[1] См., например: Словарь книжников и книжности древней Руси. Вып.3 (XVII в.). Ч.1. СПб., 1992. С.374-377, 380-381; Рягузова М.Л. Подвижники Кожеозерского монастыря // Святые и святыни северорусских земель. Каргополь, 2002. С.37-46; Рыжова Е.А. Жития Серапиона и Никодима Кожеозерских // Там же. С.46-51.

[2] ГАВО. Ф.1260 (Коллекция столбцов). Оп.8. № 87. См. Приложение в конце статьи.

[3] Лобачев С.В. Патриарх Никон. СПб., 2003. С.5.

[4] Строев П. Список иерархов и настоятелей монастырей российския церкви. М., 2007. Стб.1001.

[5] Акты исторические. Т.1. № 246. Упом.: Тебекин Д.П. Перечень иммунитетных грамот 1584-1610 гг. Ч.1 // Археографический ежегодник за 1978 г. М. 1979. № 259.

[6] Иванов В.И. Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI-XVII вв. СПб., 2007.С.158.

крестьянскими, 4 бобыльскими, 6 половничьими, 1 солеваренным двором и 20 монастырскими дворами. Всего 49 дворов и в них 162 чел[1]. К 1678 г. число дворов у Кожеозерской корпорации удвоилось, составив 122 (считая 11 дворов монастырских) и в них 129 поименованных крестьян, бобылей, половников[2].

Таким образом, получение вологодского двора Юдиных, возможно, открывало перед монастырём перспективу развертывания соляной и хлебной торговли в новом для себя городе и регионе. Двор московских гостей Ивана и Василия Юдиных в Вологде был зафиксирован в сотной с писцовой книги 1627/28 г. В ней размер его показан как раз 60 на 22 сажени, а владели они им «лет с тритцать», то есть с конца 1590- годов. В момент описания на Юдинском дворе проживал приказчик Фочка Федоров. По соседству располагался двор других московских гостей – Меньшого, Семена и Бахтеяра Булгаковых (56 на 30 саж.). Им они также владели «лет с тритцать». До 1560-х гг. на этом пространстве находилась церковь Петра и Павла, перенесённая в опричнину в окраинную часть Вологды – Новинки, а освободившаяся территория была использована под складирование камня и извести для крепостного строительства[3].

Вторая, обнаруженная нами грамота, датируется примерно 1647/48 г. Она по разновидности своей указная (то есть была составлена от имени царя Алексея Михайловича в утраченном начале акта), содержит имена другого вологодского воеводы – Ивана Арасланович Черкасского – и другого кожеозерского игумена – Иоасафа, управлявшего обителью, по данным П.Строева, в 1648-1649 гг[4]. В сохранившемся фрагменте текста имеется ценная в историко-генеалогическом отношении информация. Она показывает поминально-вкладной характер дарения вдовы Оксиньи Кожеозерскому монастырю – по её отцу Федору Чоботову (Оксинья происходила не из купеческого, а из рода детей боярских), по свёкру Афанасию, мужу Ивану Афанасьевичу, деверю Василию Афанасьевичу и сыну Григорию. Все они на то момент уже умерли, а детей у Оксиньи с Иваном, судя по всему, не осталось. В дополнение к первой грамоте во второй отмечен ещё дощаник с парусом, что с несомненностью указывает на торговые экспедиции гостей по Сухоно-Двинскому пути за солью и другим товаром.

Сам факт получения Кожеозерским монастырем этого двора удостоверяется переписной книгой Вологды того же 1646 г. В ней в районе «Пречистенского берега вниз по р. Вологде» отмечен его двор, в котором проживали гулящие люди, прежде служившие гостю Василию Юдину, - Софронко да Мишка Яковлевы[5]. В таможенных книгах 1630-х гг. отмечены приказчики Василия и Григория Юдиных, осуществлявшие различные торговые операции, – Яков Егупьев, Иван и Софронко Яковлевы[6]. Наверное, это были отец с сыновьями, а в отношении Софронки можно уверенно сказать, что он – один из отмеченных в переписной книге 1646 г. обитателей Юдинского двора. По соседству с ним располагались дворы ряда других монастырей – кольского Кандалакшского, двинских Николо-Корельского, Михайло-Архангельского, Антоньево-Сийского, вологодских Спасо-Прилуцкого и Спасо-Печенгского. Безусловно, их дворовладение было связано с торгово-промысловой деятельностью, прежде всего с производством и продажей соли. Из гостей в переписной книге 1646 г. отмечены дворы Рудельфа Булгакова и устюжан И.Я. и В.Я. Усовых.

Обращение к переписной книге 1678 г. показывает сохранение за Кожеозерским монастырём его владений в Вологде – тот же двор, что и в 1646 г., отмечен с проживающим на нём дворником, нижегородцем прихожим человеком Анисимком Иевлевым. Дворовое место Кожеозерского монастыря имелось на ул. Водяной «от Водяных ворот», то есть в пределах острога[7]. В дальнейшем, видимо, оно будет принадлежать московскому гостю Ив. Панкратьеву, что зафиксирует поздняя писцовая книга 1685/86 г[8].

---

[1] Там же. С.123, 492 – табл.8.

[2] Там же. С.131, 494 – табл.10, с.501 – табл.21.

[3] Источники истории города Вологды и Вологодской губернии. Вологда, 1904. С.118.

[4] Строев П. Указ.соч. Стб.1001.

[5] Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII вв. / Отв. ред. И.В.Пугач. Т.1. М., 2008. С. 35.

[6] Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. / Сост. С.Н. Кистерев, Л.А. Тимошина. Вып.1. СПб., 2013. С.126-127, 194, 215, 223; Вып.2. СПб., 2014. С.76, 101, 114, 121.

[7] Там же. С.85, 119.

[8] Там же. С.235.

В писцовой книге 1627/28 г. отмечена также половина лавки другого представителя семьи Юдиных – Григория. Определение его неоднозначно. Во-первых, так звали покойного сына вдовы Оксиньи, Григория Иванова Юдина, умершего около 1639/40 г., но в данном случае это, скорее всего, Григорий Иванов – сын младшего брата (Ивана Меньшего) её свекра Афанасия (Большего) Юдина (от его второго брака). В момент описания им владел посадский человек С.Г. Курочкин «по купчей 129 году, оброку 20 алт.»[1]. Наличие торгового помещения соответствовало торговым интересам Юдиных. В таможенной книге Вологды 1634/35 г. отмечено несколько «явок в провоз и проезд», осуществлённых приказчиком Василия Юдина Яковом Егупьевым и извозчиком Семеном Ивановым, – на большое количество рыбы-сельди (в бочках), пеньки (в возах), воска (в кругах), меда (в бадьях). Однако, продажа товара зафиксирована только одна – 60 пудов воска[2]. В таможенной книге Устюга за тот же 1634/35 г. зафиксирована явка им 22 кругов бечевы, из которой 54 пуда были проданы, а остальные он повез в своем проплавном судне в Холмогоры[3]. Очевидно, основная масса товаров предназначалась Юдиными для продажи в Москве или на Архангельской ярмарке.

В вологодской таможенной книге отмечена и единственная явка Богоявленского Кожеозерского монастыря – его старец Дмитрий явил на вологодской таможне 3 воза пеньки, ценой за 65 руб., которую сопровождали 2 чел. (обычно они нанимались монастырями). Были зафиксированы многочисленные таможенные пошлины, которые старцу пришлось заплатить за пеньку, – гостиное, записка, на бумагу, рублевое, поворотное, свальное, весчее, амбарное и замытное, всего 1 руб. 26 алт. 3 ден[4].

Сохранилось крайне запутанное (как справедливо его называет Н.Б. Голикова)[5] судебное дело о наследстве между разными ветвями рода гостей Юдиных, датированное 18 августа 1643 г. Оно рассматривалось в нескольких московских приказах, включая патриарший. В материалах дела было приведено свидетельство вдовы Оксиньи о том, что на Вологде «приезжей двор и всякой завод и лавки у них были все купленные»[6]. После смерти весьма состоятельных купцов, братьев Василия и Ивана Афанасьевичей Юдиных остались крупные денежные суммы, данные ими в долг различным торговым людям, в том числе и иноземцам (всего приблизительно свыше 10 тыс. руб.)[7], а также 5 тыс. «впромыслу на Вологде», дворы и амбары в Холмогорах и Архангельске («ведом тот промысел на Вологде и у Архангельского города в таможенных книгах»)[8].

Из пересказа духовной Вас. Аф. Юдина 1634/35 г. (около этого срока он и умер) следовало, что его младшему брату Андрею до дворов и лавок на Вологде, в Москве и Архангельске[9] «дела нет». Иск Андрея к тетке Оксинье таким образом был отклонен. Сам же Андрей Афанасьевич был, вероятно, не намного младше своих братьев, поскольку в те же годы, что и они, отправлял таможенную службу во Пскове, Москве и Холмогорах[10]. На протяжении 1617-1629 гг. Василий и Иван Афанасьевичи тоже известны как таможенные головы в Москве, Холмогорах и у Архангельского города. В окладных именных росписях гостей и членов гостиной и суконной сотни, составленных в начале Смоленской войны (1632 г.), отмечен «хлебный промысел» гостя

---

[1] Источники истории г. Вологды… С.31.

[2] Таможенная книга Вологды 1634/35 г. / Сост. Е.Б. Французова. М.-Л., 1983. С.55, 83, 173, 179, 216, 240, 281, 291.

[3] Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. … Вып.1. С.126-127.

[4] Там же. С.365.

Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации в России в XVI- первой четверти XVIII в. Т.1. М., 1998. С.143.

[5] Голикова Н.Б. Привилегированные купеческие корпорации в России в XVI- первой четверти XVIII в. Т.1. М., 1998. С.143.

[6] Федотов-Чеховской А.А. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1960. Т.1. № 110. С.387.

[7] Федотов-Чеховской А.А. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1960. Т.1. № 110. С.387.

[8] Среди них можно назвать Б. Левашова, П. Веневитинова, московских торговых иноземцев Е. Пантелеева и П. Вестова, И. Рубца, В. Юрьева, М. Черкасова, П. Негнутова, Б. Цветново, И. Юрцова, М. Боровикова, Е. Маркова, К. Ермолаева, Б. Щепоткина, братьев Я. и И. Веретенниковых, и мн.др. Федотов-Чеховской А.А. Указ.публ. С.389.

[9] Голикова Н.Б. Привилегированное купечество в структуре русского общества в XVI- первой четверти XVIII в. Из научного наследия. М., 2012. С.169 (табл.1).

[10] Там же. С.169 (табл.1), 175, 230 (табл.5).

Вас. Аф. Юдина[1]. Действительно, в Великом Устюге в 1634/35 г. его приказчик Я. Егупьев купил большую партию ржи, пшеницы, гороха, семени конопляного[2]. На Устюге крупные хлебные покупки совершал и приказчик гостя Григория Юдина[3]. Скорее всего, этот товар провозился ими далее в нижнее Подвинье, где цена на продукты была выше.

В результате рассмотрения семейно-родственного спора Юдиных о наследстве в 1643 г. вдове Оксинье 7 июня 1643 г. было разрешено пожизненное владение «активами» мужа Ивана Афанасьевича и сына Григория Ивановича (дворами, включая и вологодские, и лавками), но с запретом продавать те лавки и отдавать их в монастыри «по душе». Помета на челобитной Оксиньи была подписана думным дьяком Иваном Гавреневым, а 22 июня того же года дьяк Василий Яковлев ещё раз подтвердил право Оксиньи на эти объекты и «нажиток купленный» её сына.

Однако несколько ранее этого постановления, уже в марте 1646 г. Оксинья просила царя в своей челобитной передать вологодские дворы Каргопольскому Кожеозерскому монастырю. При отсутствии мужа и сына практическое значение они для неё не имели. Потребовалась ещё одна указная царская грамота вологодскому воеводе И.А. Черкасскому и дьяку Семену Дохтурову), по которой податной статус переданного обители имущества на Вологде объявлялся обособленным от тяглой посадской общины (см. Приложение № 2). Грамота были инициирована челобитьем кожеозерского игумена Иоасафа (преемника Никона) по причине неурегулированности финансового положения монастыря. Теперь же оно обрело ясность: корпорация не освобождалась от государственных налогов со своих объектов недвижимости в Вологде (включая и «судовую снасть»), но платила их отдельно от вологжан-посадских людей.

Таковы вкратце вводимые в научный оборот новые документальные сведения о Богоявленском Кожеозерском монастыре.

Приложение № 1

1646 г. марта 6. – Данная грамота вологодского воеводы Ив. Вас. Олферьева Богоявленскому Кожеозерскому монастырю на дворы и дворовые места гостей Юдиных в Вологде.

Лета 7154 марта в 6 де по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу столник и воевода Иван Васильевич Олферьев дал даную Каргополского уезду Богоявления Господня Кожеозерские пустыни игумену Никону з братьею московских гостей Ивана да Василья Юдиных на двор и на дворовую и на огородную землю, что на Вологде на посаде за рекою Золотухою, что по государеве грамоте за приписью дьяка Алмаза Иванова по челобитью вдовы Оксиньи Ивановы жены Юдина отдать тот двор и дворовое место Кожеозерского монастыря игумену Никону з братьею.

А на дворе хором: горница с комнатою на подклетах, а против ее повалыша, а меж ими сени с засеньем да изба ветха с сенми да погреб да конюшно, а наверху сенник да мылня, да поварня с прирубом, да два анбара соляные ветхи рубленые в оглы, а посреде их в столпы забрано, да около двора городба забора - ветьхи.

А дворовые и огородные земли под тем двором по писцовым книгам писма и меры Ивана Мещерского да подьячего Федора Стогова в длину шездесят саженей, а поперег дватцет две сажени. Да в городе осадное дворовое место против архиепископа купля двора – в длину пятнатцать сажень с полусаженью.

И Каргополского уезду Кожеозерские пустыни игумену Никону з братьею тем Ивановым и Васильевым двором Юдиных хоромы и дворовыми землями по сей данной владеть.

У подлинной данной пишет. К сей данной столник и воевода Иван Васильевич Олферьев печать свою приложил.

Писал Левка Иевлев.

На обороте: К сему списку игумен Павел руку приложил.

ГАВО. Ф.1260 (Коллекция столбцов). Оп.8 (Вологодская приказная изба). № 87.

---

[1] Привилегированное купечество России во второй половине XVI – первой четверти XVIII в. Сб. док. Т.1 / Отв. сост. Т.Б. Соловьёва, сост-ль Т.А. Лаптева. М., 2008. С.22.25, 26, 28, 104, 105, 118, 122, 123.

[2] Таможенные книги Сухоно-Двинского пути XVII в. … Вып.1. С.89.

[3] Там же. Вып.1. С.246; Вып.2. С.44.

Приложение № 2

Ок. 1647/48 г. – Указная грамота царя Алексея Михайловича вологодскому воеводе И.А. Черкасскому дьяку С. Дохтурову об отдаче Каргопольскому Кожеозерскому монастырю дворов и дворовых мест гостей Юдиных на Вологде.

….(начало утрачено) всеа Росии…Ивану Арасланович Черкаскому да дьяку Семену Дохтурову.

Бил нам челом Каргополского уезду Богоявленского монастыря Кожеозерские пустыни игумен Иасаф з братьею.

В прошлом во 154 году дала в дом к Богоявлению Господню Ивановская жена Юдина вдова Оксинья Федорова дочь Чеботова по родителех своих по свекре Афонасье да по девере по Василье да по муже своем по Иване да по сыне по Григорье и по себе вкладом на Вологде двор и анбар и дощаник с парусом да на Вологде ж Василья Юдина дворовое место для осадного времен и даную ж им она дала.

И по нашему, де, указу, велено им теми двором и дворовым местом и дощаником со всею судовою снастью владеть, а с посадцким людм…не платить и там…им…людям…

ГАВО. Ф. 1260. Оп. 8. № 92.

М.И. Мильчик (г. Санкт-Петербург)

Порядная грамота 1692 года на строительство деревянной церкви в Спасском монастыре Каргополя

Недавно петербургский профессор А.В. Сиренов среди подготовительных материалов для книги «История русской архитектуры» Н.А. Артлебена (1827 – 1882) – известного историка русского зодчества и реставратора – обнаружил подлинную порядную запись 1692 г. (см. *приложение*)[1] на строительство деревянной трапезной церкви Рождества Богородицы в Спасо-Преображенском монастыре Каргополя (***илл.1).*** Однако прежде, чем мы попытаемся реконструировать этот храм, на строительство которого подрядились каргопольские плотники, скажем несколько слов об этом малоизвестном монастыре, расположенном на правом берегу Онеги, напротив его восточной окраины, вне исторических границ города, но связанный с ним зрительно.

Монастырь основан в первой трети XVI в. на месте более древней Строкиной пустыни, «*что на Козьем болоте*»[2] (по другим сведением в нескольких сотнях метрах от нее[3]) и потому его часто именовали Васьяновой Строкиной пустынью. Отводные книги 1678 г. его положение описывают так: «*…в Каргополе за Онегою рекою* [утр.] *монастырь Васьянова Строкина пу*[стыня]. *У монастыря с восточную сторону от болота ограда рубленая, ветха, а з запада, с речную сторону ограды нет…*»[4]. На плане 1891 г. (***илл.2***)[5] она показана семиугольной (к этому времени уже появилось прясло со стороны реки) с башенками по углам – весьма характерная для деревянных монастырей XVII столетия[6]. С южной стороны находились Святые ворота (они упомянуты в отводной книге 1663 г.[7], ориентированные на дорогу, шедшую из Шенкурска. В центре монастыря стояла церковь Преображения, «*…рубленая осмериком, шатровая*», как сказано в той же отводной книге[8], то есть с восмериковым срубом от земли. Ее ближайший аналог – Никольская церковь 1696 г.

Свидского погоста (д. Астафьево) на р. Свиди[9]. Вторая церковь – Казанской иконы Богоматери, «*четверуголняя, верх бочкою*»[1]. Третья церковь – Рождества Богородицы «*теплая,*

---

[1] РНБ ОР. ОЛДП, F 61/4. Л.3. Выражаю глубокую признательность Алексею Владимировичу Сиренову за указание на эту находку и разрешение ее опубликовать.

[2] Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М., 1973. С.86.Утверждение о том, что монастырь был основан в XIV в. (Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших и ныне существующих монастырях. М., 1852. С.419; Макарий, митрополит. История Русской церкви. М., 1995. Кн.3. С.130), представляется мало обоснованным (см. об этом подробнее: Пигин А.В., Романенко Е.В. Вассиан Строкинский // Православная энциклопедия. М., 2009. Т.7. С.266 – 267; Иванов В.И. Каргопольский Спасо-Преображенский монастырь (Васьянова Строкина пустынь) в XVI – XVII веках // XVII век в истории и культуре Русского Севера. Мат-лы XII Каргопольской научн. конф. Каргополь, 2012. С.112). Краткие сведения по истории монастыря см.: Новикова А.А. К истории Спасо-Преображенского монастыря // Каргополь. Летопись веков/ Труды Каргопольского музея. М., 2004. С. 205 – 215.

[3] О Строкиной пустыне см.: Докучаев-Басков К.А. Строкина пустынь и ее чернецы (опыт исследования жизни монашествующих) // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. - 1914, т. 3, №3; 1914, т. 3, №4;

[4] Архив СПб. ИИ РАН. Кол.115. Д.876. Л.2.

[5] НА РК. Ф.754. Оп.1. Д.15 «План Олонецкой губернии в Каргопольском уезде Спасокаргопольскому монастырю с показанием всех в оном находящихся строений…». 1891 г. План составлен архитектором Олонецкой казенной палаты Клоповым в связи с проектируемыми постройками каменных настоятельского дома и колокольни. Дата установлена по второму экземпляру аналогичного плана, хранящемуся в фонде Каргопольского благочиния (ГААО. Ф.246. Оп.2. Д.3)

[6] Ср. с реконструкцией плана деревянного Александро-Ошевенского моанстыря (Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура Русского Севера: страницы истории. Л., 1981. С.89.

[7] Архив СПб. ИИ РАН. Кол.115. Д.865. Л.7 об.

[8] Архив СПб. ИИ РАН. Кол.115. Д.876. Л.2. Ближайший аналог этой церкви – церковь Собора Архистратига Михаила в Хаврогорах на Северной Двине, срубленная за восемь лет до составления отводной книги Спасского монастыря (Мильчик М.И. Северные порядные записи XVII в. на строительство деревянных церквей // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сб. Вологда, 1973. Вып.III. С.419 – 422. Графическую реконструкцию этого храма см.: Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура Русского Севера… С.56 – 57.

[9] Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество…М., 1942. С. 132 – 133; Тормосова Н.И. Каргополье: история исчезнувших волостей. Каргополь, 2011. С.549 – 552.

шатровая с трапезою и с келарскою»[2] – непосредственная предшественница той, на строительство которой в 1692 г. была составлена рассматриваемая далее порядная запись. И, наконец, «*колокольница рубленая шатровая*»[3]. Все три храма, почти также, как и в Александро-Ошвенском монастыре, были связаны переходами, которые упомянуты в отводной книге 1678 г. после описания главного храма: «..а *от паперти* [церкви Преображения] *у трапезы переход на чюланах рубленых, а перены* [зашиты] *переходы в косяк и покрыты*»[4]. В предшествовавшей отводной книге монастыря 1663 г. церковь Рождества Богородицы названа «*клинчатой*» – клетской. По-видимому, эта церковь вскоре была разобрана (в этой книге она названа ветхой) или же сгорела, так как уже через 15 лет, в отводной книге 1678 г. она представлена шатровой, на подклете[5], но с тем же четырехчастным планом: собственно церковь с алтарным прирубом, перед ней – трапезная, паперть и келарская, которая с южного фасада имеет свой притвор и крыльцо с лестницей. Не говоря уже о трапезной церкви, все строения монастыря в 1660-х гг. были сравнительно новые, ибо он был полностью сожжен в 1612 г. польско-литовскими отрядами и заново отстроен лишь к 1648 г.

Теперь обратимся к анализу публикуемой порядной на строительство нового трапезного храма Рождества Богородицы. Изначально она была составлена еще в 1680 г., ибо в ее тексте содержится такая отсылка: «*…то дело сработать<…>, как прежняя запись дана от Никиты Трофимова Грбовникова с товарищы 188* [1680] *году*…». Между тем предшествовавшая церковь стояла еще в 1678 г. и была тогда описана в уже цитированной отводной книге. Тем не менее, всего через два года составляется первая порядная на ее новое строительство, которое по каким-то причинам не состоялось. Можно лишь предположить, что между 1678 и 1680-ми гг. церковь сгорела, и потому потребовалось ее возобновить, причем при этом был изменен ее тип. Тот, уже давно несуществующий храм, который возвели в монастыре, представляет особый интерес, так как дополняет типологическую группу церквей с бочечными завершениями, еще сравнительно недавно весьма распространенную на Северной Двине и особенно на Каргополье. Речь идет о завершении бочкой, расположенной по оси восток – запад, всего объема церковного сруба (кафоликона) у клетских церквей (этот тип завершения в порядных грамотах обычно обозначался так: «*верх бочкою обвершить*»). Их обзор недавно был сделан Л.Г. Шаповаловой[6].

Первый из известных нам храмов с таким завершением находился в Троицкой волости на Северной Двине. Это Благовещенская церковь 1639 г., которую мы с Ю.С. Ушаковым реконструировали по порядной записи (***илл.3***). Там говорится прямо: «*свести верх бочкою*» с уточнением, исключающим всякие разночтения: «*…оную срубить во всю церковь на восток*», то есть вдоль храма[7]. Ныне же этот тип представлен единственным сохранившимся памятником – двухэтажной Благовещенской церковью 1719 – 1725 гг., стоящей в заброшенной деревне

Шаповалова Л.Г. 1) Каргопольские храмы с бочечным завершением// Историко-культурное наследие Русского Севера: проблемы сохранения, изучения и использовании. Материалы IX Каргопольской научн. конф.

[1] Архив СПб. ИИ РАН. Кол.115. Д.876. Л.9.

[2] Архив СПб. ИИ РАН. Кол.115. Д.876. Л.11 об.

[3] Архив СПб. ИИ РАН. Кол.115. Д.876. Л. 16 об.

[4] Архив СПб. ИИ РАН. Кол.115. Д.876. Л. 7 об. О переходах в Александро-Ошевенском монастыре см.: Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура Русского Севера… С.89, 91.

[5] В отводной книге 1678 г. говорится: «А под церковь и под трапезу двери на крюках…». В подклете хранились дубовые квасные бочки, сосуды, берестяные скалы (Архив СПб. ИИ РАН. Кол.115. Д.876. Л.16).

[6] Шаповалова Л.Г. 1) Каргопольские храмы с бочечным завершением// Историко-культурное наследие Русского Севера: проблемы сохранения, изучения и использовании. Материалы IX Каргопольской научн. конф. Каргополь, 2006. С.204 -213; 2) Северные храмы с бочечным завершением // АН. М.,2008. Вып..49. С.159 – 168. Автор выделяет подтип такого завершения, называя его двинским, когда бочка венчала небольшой сруб и располагалась по линии север – юг, то есть как бы поперек храма (Шаповалова Л.Г. Северные храмы… С.160 – 161; она же. Неизвестные деревянные храмы Верхнего Подвинья //XVII века в истории и культуре Русского Севера. Материалы XII Каргопольской научн. конф. Каргополь, 2012. С.94 – 102. К этому же типу относилась на первом этапе своего существования и Георгиевская церковь 1685 г. на р. Ёрги – притоке Северной Двины (Шургин И.Н.Двемалоизвестные деревянные церкви XVII и XVIII веков бывшего Сольвычегоского уезда Вологодской губернии // АН. М., 2010. Вып..52. С.100, 101.

[7] Текст порядной записи см.: Мильчик М.И. Северные порядные записи XVII в. на строительство деревянных церквей // материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вологда. 1973. Вып.III. С.414 – 417. Графическую реконструкцию Троицкого храма с бочечным завершением и ее обоснование см.: Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура Русского Севера. Страницы истории. Л., 1981. С.48 – 50.

Пустыньке (ранее Емецкая или Ямецкая пустынь) на среднем течении реки Онеги (***илл.4 и 5***)[1]. Кроме этой церкви, существовал еще ряд построек, также завершавшихся бочкой и располагавшихся на Онеге[2]: это Успенская церковь 1670-х гг. в Челмогорской пустыни[3], Преображенская 1690 г. Ольховского погоста[4], Троицкая 1714 г. Елгомского погоста[5], Обретения главы Иоанна Предтечи конца XVII – начала XVIII вв. в Почезерском погосте[6], Спасская церковь в Спасоозёрной пустыне[7] и Георгиевская часовня в дер. Нижние Маркомусы[8] – обе первой половины XVIII в. Все они – близкие аналоги трапезной церкви Спасского монастыря. Основываясь на изображении горящей Каргопольской крепости на известной иконе св. князей Бориса и Глеба, мы с А.Б. Бодэ разработали реконструкцию первоначального вида церкви Спаса на Валушках (1662 г.) с двумя приделами, также завершавшимися бочками *(**илл.6**)*[9]. Наконец, в самом Спасском монастыре еще до Рождественской церкви, которую предполагалось срубить в 1692 г., уже стояла церковь иконы Казанской Богоматери, четвериковый сруб которой завершался также бочкою: это зафиксировано отводными книгами 1663 и 1678 гг., в которых говорится, что у нее «*…верх бочкой и крыта чешуей*».

Итак, рассматриваемая порядная грамота была составлена 12 апреля 1692 г. на строительство новой трапезной церкви в Спасском монастыре, Как уже говорилось, ее замысел относится еще к 1680-му г., но по каким-то причинам не был осуществлен. Теперь уже артель Григория Логинова нанялась у игумена Сергия срубить церковь «*по той вышеписанной записи*». Несомненно, что эта церковь была построена, так как на обороте порядной есть записи о четырех из предусмотренных пяти выплат «*по срокам*». Последняя запись датирована 10 февралем 1693 г., когда, согласно оговоренным условиям, храм был уже срублен и покрыт. Следовательно, скорее всего, окончание строительства и полный расчет произошли весной или в начале лета того же года. Структура храма должна была повторять предшествовавший: «*срубить против прежнего, как у прежние церкви было*» и вполне соответствовала приходским, лишь за исключением того, что у тех не было келарской. Судя по описи монастыря 1581 г., предшествующая Рождественская церковь также была теплой и в трапезной у нее находилась келарская служба. Там не только велось делопроизводство, но и в подклете хранилась кухонная и столовая утварь, котлы, бочки с пивом[10]. Каким образом келарская была отделена от основного пространства трапезной, неизвестно. Судя по отводной книге 1678 г., в той трапезной находились «*печь муравленая на ногах*», игуменское место, «*крыласы решетчатые*», лавки вдоль стен, стол («*доска на подставнях, где братия хлаба ядят*»). А келарская, по-видимому, имела самостоятельный сруб, у которого были «*на летнюю сторону двери с притвором и крыльцом с лествицею*». Внутри – «*печь облая* [круглая] *кирпичная с трубою*». Старый трапезный комплекс, включая и церковь, имел обширный подклет[11], аналогичный Благовещенской церкви Пустыньки[12]. Всего в монастырском храме было и тринадцать колодных окон с двойными окончинами и внутренними ставнями. С запада к трапезной примыкала рубленая паперть «*в однех связях*» и крыльцо[13].

---

[1] О Благовещенской церкви см. подробнее: Бодэ А.Б., Терентьева А.А. Благовещенская церковь в деревне Пустынька: история, архитектура, характерные особенности / АН. М., 2012. Вып.57. С.101 – 114.

[2] Бодэ А.Б. Деревянное зодчество Русского Севера: Архитектурная сокровищница Поонежья. М., 2005. С70 – 72; Бодэ А.Б., Терентьева А.А. Благовещенская церковь… С.112.

[3] Шаповалова Л.Г. Каргопольские храмы… С.208; она же. Северные храмы… С.163.

[4] Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С. 155; Гунн Г.П. Каргопольский озерный край. М., 1984. С.139; Бодэ А.Б. Деревянное зодчество … С.59.

[5] Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Ч.I. Птг., 1916. С.198 Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество. М., 1942. С.79 – 80; Бодэ А.Б. Деревянное зодчество Русского Севера:… С.70 – 71; Ёлшин Д.Д., Мелюх Е.А., Ходаковский Е.В. Дмитрий Васильевич Милеев (1878 - 1914). СПб., 2015. С.71, 107 – 108.

[6] Шаповалова Л.Г. Северные храмы… С.161.

[7] Шаповалова Л.Г. Северные храмы… С.163.

[8] Забелло С., Иванов В., Максимов П. Русское деревянное зодчество… С.189.

[9] Мильчик М.И. Каргополь: деревянная крепость и остроги по реке Онеге. СПб., 2008. С.32 – 35.

[10] «Да у келаря Еустрата в трапезе…» (Иванов В.И. Каргопольский Спасо-Преображенский монастырь… С.116, 123).

[11] Архив СПб. ИИ РАН. Кол.115. Д.876. Л.11 об., 14 об., 15 об., 16.

[12] Бодэ А.Б., Терентьева А.А. Благовещенская церковь… С.105, 107.

[13] Архив СПб. ИИ РАН. Кол.115. Д.876. Л.16, 16 об.

Основываясь на публикуемой порядной, а также на близких аналогах и описании предшествовавшего храма, как образца (об этом прямо сказано в тексте: «*срубить …, как у прежние церкви было и трапезы*…»), представляется возможным разработать графическую реконструкцию строившейся в 1692-м г. церкви. Правда, надо при этом оговорить, что некоторые ее элементы остаются гипотетичными, в частности, форма алтарного прируба, его покрытие, а так же компоновка келарской и трапезной. Поэтому вместе с архитектором И.Л. Воиновой мы разработали два варианта реконструкции: при первом келарская примыкает к трапезной с юга и в таком случае к ней с юга была прирублена и паперть, внутри которой была небольшая лестница. При этом келарская и трапезная крыты общей кровлей («…*трапеза и келарская обвершить… под одну кровлю*»), в результате чего появляется асимметричная композиция (***илл.7***). При втором варианте эта композиция сохранялась, но паперть примыкает к келарской с запада, составляя, таким образом, единое целое с папертью, которая находилась перед трапезной. В таком случае обе паперти имели общую ширину более 21 м (13 + 8.6 = 21. 60 м) и были крыты общей кровлей, скорее всего, односкатной. Ее высота была немногим более 1,40 м («…*трапеза и келарская обвершить на два шага*…»). При этом впорядной оговорено, что трапезная и келарская должны быть крыты по курицам и потокам («…*курицы впустить и … покрыть готовыми желобами*…»). Этот вариант представляется предпочтительным, потому что в порядной сказано: «*против трапезы и келарской паперть срубить*», повторив предшествовавшую церковь («*как у прежние церкви было*»). Собственно, келарская имела продольную стену три сажени с локтем (около 7 м) и поперечную четырех сажен (примерно 8,6 м): «…*келарская обложить от трапезы волние* [свободной] *стороны трех сажень с локтем, а от манастыря с лица четырех сажень*».

Размеры церковного сруба и алтарного прируба диктовал ранее заготовленный в монастыре лес («*строить… из их монастырского лесу*»), но все же ширина молитвенного помещения указана: «*в ширину пяти сажень*» (10,8 м). О форме алтарного прируба в порядной ничего не сказано, но можно лишь допустить, что он был пятистенным, как у Благовещенской церкви Пустыньки и также крыт бочкой с главкой, на что есть косвенное указание в порядной, где термин бочки употреблен во множественном числе («*и под шею на бочках бровки делать*»). Церковный же сруб, безо всякого сомнения, крыт бочкой, увенчанной главкой с крестом («*верх бочкою обвершить… и на церковь глава поставить и крест*»), как это было на всех храмах с подобными завершениями (***илл.8***). Именно это обстоятельство принципиально отличает новую церковь от ее предшественницы (напомним, что та имела шатровое завершение). В порядной даже есть отсылка на образец, увы, нам неизвестный: «…*как у* [церкви] *Воскресения*…». С запада к церкви, как это было и раньше, примыкала трапезная квадратная в плане с длиной сторон 6 сажен (около 13 м): «*трапеза обложить на шти саженех в обе стороны*». К ней предполагалось прирубить келарскую с длиною продольной стены три сажени с локтем (около 7 м) и поперечной четырех сажен (примерно 8,6 м): «…*келарская обложить от трапезы волние* [свободной] *стороны трех сажень с локтем, а от манастыря с лица четырех сажень*». (***илл.9***)

О высоте церковного сруба сказано, что «*до зубцов*», то есть до полицы, крытой зубчатым тесом, 4 сажени (около 8.6 м). Высоту самой бочки порядная не оговаривает, благо ссылается на образец, но ее можно определить, правда, с некоторой осторожностью, на основании упомянутой выше порядной записи на северодвинскую Троицкую церковь, где указано, что «… *высоты бочка рубить<…>пяти сажень до верха*». Любопытная деталь: там допускалось сделать ее несколько выше или же ниже на полусажень, как «*будет годно*» плотнику[1].

Особенности будущей церкви заключались в том, что к ней была прирублена келарская, по всей вероятности, имевшая отдельный вход, как это было у трапезной Соловецкого монастыря[2], а также и то, что новая церковь с прирубами по неизвестным причинам в отличие от предшественницы, не должна была иметь подклета, и ее пол («*мост*»), устроен-ный из тесанных брусов («…*мосты… намостить тесаные и выскоблить брусовые*…»), лежал почти на земле, имея лишь небольшой продух («…*мосты в церкве и в трапезе и в келарской, и в олтари*

[1] Мильчик М.И., Ушаков Ю.С. Деревянная архитектура Русского Севера… С.49.

[2] Савицкая О.Д. Исследование трапезной Соловецкого монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. М., 1975. Вып.I. С.168 – 176; Описи Соловецкого монастыря XVI века. Комментированное издание. /Ответ.ред. М.И. Мильчик. СПб., 2003. С.175, 176.

земляные намостить, а режи, где понадобятца, подвести»). Понятно, что по этой причине не упомянуты крыльца: тут они были не нужны. В этом случае под кровлей паперти было всего несколько ступеней (лестницы названы лишь один раз при указании сроков выплат). Остается непонятным, где находился вход в келарскую: из паперти или из трапезной? Основываясь на структуре предшествовавшей церкви, можно утверждать, что келарская имела отдельный вход через паперть. Скорее всего, был и второй вход через трапезную. Потолки во всех помещениях, включая и молитвенное, обычные для того времени – тесовые, взакрой[1], с засыпкой сверху землей («*…в трапезе и в келарской потолок зделать и напотолочить тесаней*…») с матицами, под которые поставлены столбы, но не круглые, как обычно, а на четыре грани – брусчатые («*…столбы поставить, где доведетца, брусчатые*»)[2]. К сожалению, в порядной названо лишь общее число окон: красных «*со щитами*» – ставнями 19 и волоковых 5 (напомним, что в предыдущей церкви их было 13), но не сказано, как именно они распределялись по отдельным объемам. Ничего нет и о местоположении печей в трапезной и келарской. Последнее обстоятельство, возможно, объясняется тем, что установка печей не входила в обязанности плотников. Скорее всего, как и в Пустыньке, печь находилась в северо-западном углу трапезной и была белой[3] (в описании предшествовавшей церкви у печи, стоявшей в келарской, упомянута труба).

Стоимость всех работ без строительных материалов в порядной определена в 36 рублей, 6 пудов соли, выдать шесть руковиц, а также монастырь на протяжении всей работы был обязан кормить плотников («*хлеб и соль и волога* [жидкая пища], *и квас питии монастырское готовое до отвалки*») и предоставить «*к здымке*» канаты и веревки.

Выплаты предусмотрены поэтапные: сначала был взят аванс в 6 рублей, затем после устройства черных (исподних) полов, третий сок - после чистых (верхних) мостов и завершения работ с потолками; четвертый, когда «*келарскую состроим…и лесницы*», «*и внутре дело зделаем*» – еще 6 рублей. И, наконец, окончательный расчет, «*как… вышеписанную работу церковную сработаю* [единственное число!], … *взять двенадцать рублев*». На обороте става есть записи о выдаче денег, благодаря которым становится понятным, с какой скоростью возводился храм. Начали работу 12-го апреля, к 21-му ноября были выплачены деньги третьего срока, к 10-му февраля следующего года – четвертого. В порядной нет записи о полном завершении работ и окончательном расчете, но нетрудно предположить, как уже говорилось, что это произошло весной или в начале лета 1693-го года.

Артель, подрядившаяся на строительство трапезной церкви в Спасском монастыре, состояла из семи человек, не считая подсобных рабочих (товарищей), которых часто называли «*вздымщики*». Характерно, что плотники собрались из разных волостей Каргопольского уезда: главный мастер Григорий Логинов был из Ловзунской волости[4], другие из Красноляжской[5], Архангельской[6], Большешальской[7], Павловской[8]и только двое – Иван Павлов и Иван Филипов – из самого Каргополя. Григорий Логинов, по-видимому, славился в округе. Об этом можно судить

---

[1] Взакрой – напуск верхних тесин на стык двух нижних с тем, чтобы закрыть между ними щели. См., например, потолок трапезной в церкви Рождества Богородицы в Кокшеньге Тотемского уезда Вологодской губернии (1748 г.) (Грабарь И. История русского искусства. М., 1910. Т.1. С.460).

[2] Подобные столбы зафиксированы в трапезных церквей Дмитрия Солунского в Чёлмохте Холмогорского уезда Архангельской губернии (Грабарь И. История русского искусства… С.468), Петропавловской (1788 г.) в Пучуге Соловецкого уезда Вологодской губернии (там же. С.464), св. Георгия Великого 1763 г. в Илезе Тотемского уезда Вологодской губернии (Шургин И.Н. Две малоизвестные деревянные церкви… С.106 (илл.9).

[3] Бодэ А.Б., Терентьева А.А. Благовещенская церковь… С.109.

[4] Ловзангская волость (в XVI – XVII вв. называлась Ловзунга или Ловзонга) в 10 км от Каргополя. В конце XVIII в. состояла из 22-х деревень. В дер. Гринёво существовал гончарный промысле и отсюда происходят несколько известных в XX в. мастеров глиняной игрушки (Тормосова Н.И. Каргополье… С.400 – 414).

[5] Красноляжская волость (Красная Ляга) в 25 км от Каргополя. В 1648 г. состояла из 6-ти деревень. В них были развиты кустарные промыслы. На погосте стояли две церкви XVII в. и колокольня (Тормосова Н.И. Каргополье… С.346 - 357).

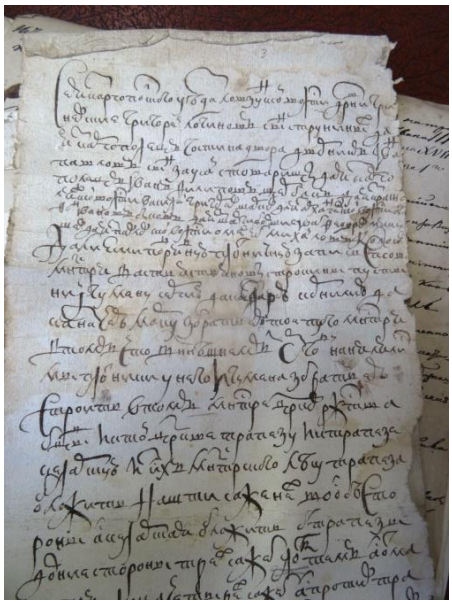
[6] Архангельская волость (Архангело, в XVI – XVII вв. именовалась Верхней Бор) в 56 км от Каргополя. В конце XVIII в. состояла из 32-х деревень (Тормосова Н.И. Каргополье… С.201 – 219).

[7] Большешальская волость (Большая Шалга) в 8 км от Каргополя. В конце XIX в. состояла из 21-ой деревни. (Тормосова Н.И. Каргополье… С. 517 – 536).

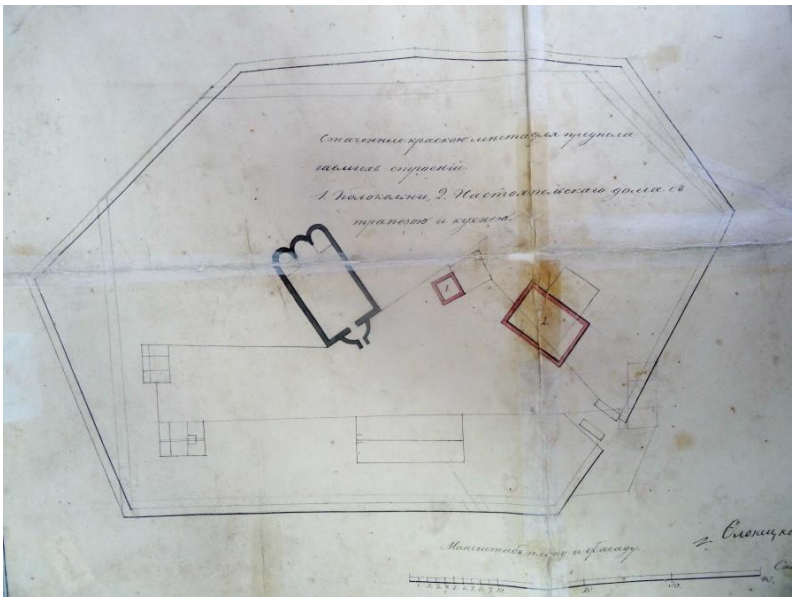
[8] Павловская волость в 5 км от Каргополя. В конце XVIII в. состояла из 16-ти деревень (Тормосова Н.И. Каргополье… С. 95 – 101).

потому, что через 10 лет – в 1702 г. он с тремя плотниками из своей прежней артели ремонтирует избу и дворовые постройки на улице Каменке в Каргополе[1], а спустя еще 4 года – в 1706 г. рубит церковь в одном из приходов уезда: на обороте става публикуемой порядной приклеена его расписка, данная церковному старосте неизвестной волости в получении денег за «*мощение мостов*».

Итак, порядная запись и графическая реконструкция Рождественской церкви Спасского монастыря показывают, что ее тип с бочечным завершением был вообще распространен в храмовом зодчестве Каргополья, а в Спасском монастыре его имели даже две церкви. При этом отсутствия подцерковья у трапезного храма – редкость, свидетельствующая, скорее всего, о скудости монастыря. Кроме того, подтверждается вывод о том, что «клетские церкви, покрытые бочкой, были предпочитаемы в небольших монашеских обителях»[2], однако ареал их распространения все же не ограничивался одним Верхним Поонежьем. Что касается деревянного ансамбля Спасского монастыря, то на протяжении XVIII – XIX вв. все его строения были заменены на каменные, показанные на аксонометрии 1891 г. (***илл.10***), выполненной в связи с проектированием настоятельского корпуса с трапезной. Можно предположить, что именно на этом участке и стояла Рождественская церковь, возведенная по порядной записи 1692 года. Публикуемые здесь материалы – первый шаг к восстановлению в графике ансамбля деревянного Спасского монастыря – второго после Александро-Ошевенского на Каргополье.

Илл. 1. Порядная грамота каргопольских плотников 1692 г. на строительство трапезной церкви в Спасском монастыре. Начало. *РНБ ОР*

Илл.2. План Спасского монастыря в Каргополя. 1891 г. («*План Олонецкой губернии в Каргопольском уезде Спасокаргопольскому монастырю… сзначенное краскою место для предполагаемых строений: 1. Колокольни, 2.настоятельского дома с трапезою и кухнею*»). Архитектор Клопов. *НА РК*

[1] Порядная грамота с каргопольским посадским человеком Алексеем Семеновым от 20 марта 1702 г. (РГАДА. Ф. 615. Оп.1. Д. 3666. Лл.189 – 189 об.).

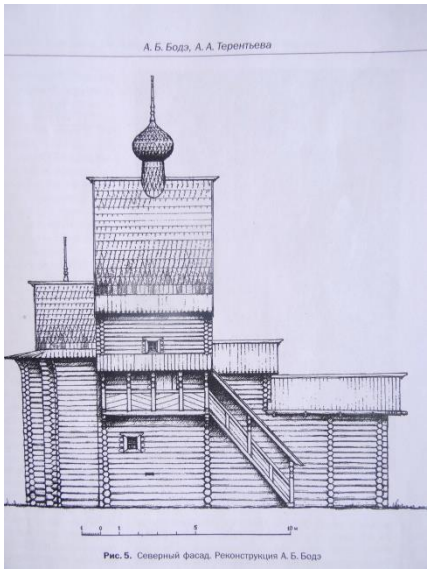
[2] Бодэ А.Б., Терентьева А.А. Благовещенская церковь… С.113.

Илл. 3. Церковь Благовещения Троицкой волости на Северной Двине 1639 г. Вид с северо-запада. *Реконструкция по порядной грамоте М.И. Мильчика и Ю.С. Ушакова*

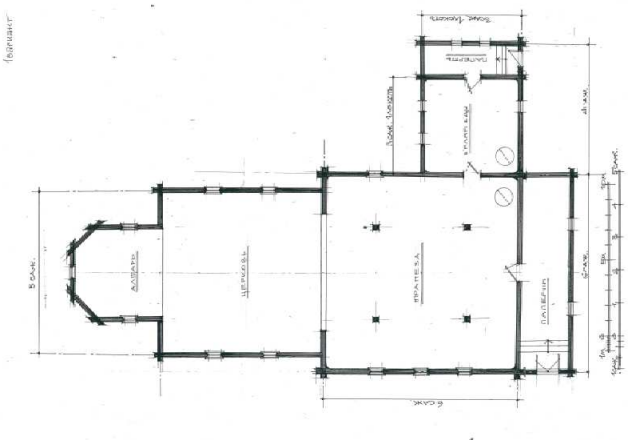
Илл. 4. Церковь Благовещения в Пустыньке на реке Онеге 1719 – 1725 гг. Вид с северо-востока. *Фотография 2010 г. М.И. Мильчика*

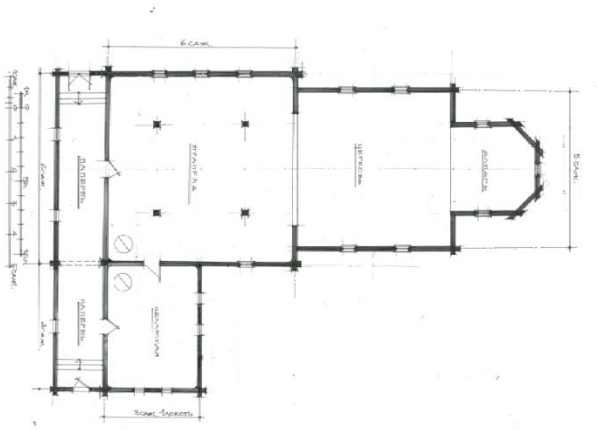
Илл. 5. Церковь Благовещения в Пустыньке на реке Онеге 1719 – 1725 гг. Северный фасад. *Реконструкция А.Б. Бодэ.*

Илл. 6. Церковь Спаса на Валушках в Каргополе 1662 г. Вид с юго-востока. *Реконструкция А.Б. Бодэ.*

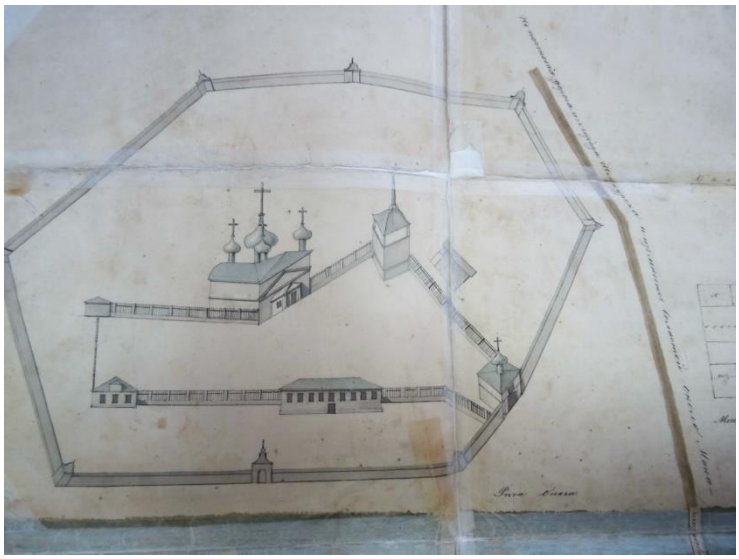
Илл. 7. Трапезная церковь Рождества Богородицы в Спасском монастыре Каргополя 1692 г. План.
1-ый вариант реконструкции по порядной грамоте М.И. Мильчика и И.Л. Воиновой.

Илл. 8. Трапезная церковь Рождества Богородицы в Спасском монастыре Каргополя 1692 г. План.
2-ой вариант реконструкции по порядной грамоте М.И. Мильчика и И.Л. Воиновой.

Илл. 9. Трапезная церковь Рождества Богородицы в Спасском монастыре Каргополя 1692 г. Западный фасад.
Реконструкции по порядной грамоте М.И. Мильчика и И.Л. Воиновой.

Илл. 10. Аксонометрия Спасского монастыря вКаргополя проектируемыми постройками. 1891 г. («*План Олонецкой губернии в Каргопольском уезде Спасокаргопольскому монастырю…*»).
Архитектор Клопов. *НА РК*

И.М. Гостев (г. Архангельск)

Сумской острог: опыт графической реконструкции укреплений XVI-XIX веков

Большая трудность в изучении фортификационных сооружений XVI-XVII вв. на Русском Севере, сыгравших значительную роль в борьбе со шведской агрессией, обусловлена ограниченным количеством письменных и, в особенности, графических источников, которые порой лишь фиксируют существование укрепления без указания на особенности его конструкции. До сих пор не производилось и полноценных археологических исследований этих объектов. Место нахождения Сумского острога в 1930-х гг. было застроено цехами спецзавода НКВД, обеспечивавшего строительство Беломорско-Балтийского канала.

Первые победы монастырского стрелецкого войска и простых крестьян над шведскими завоевателями стали возможны благодаря возведению трёх крепостей на вотчинных землях Соловецкой обители, две из них сыграли решающее значение в победах над врагом. Каждое из укреплений предназначалось для организации обороны на наиболее уязвимых участках материковых владений Соловецкого монастыря в западном Беломорье. Созданная система крепостей обеспечила защиту российских владений в северной Карелии, на которые претендовали шведы. Поморские твердыни не только продемонстрировали оборонительный потенциал страны, но и смогли предоставить укрытие для мирного населения во время разорительных набегов врагов на русские земли.

Постараемся, по мере возможностей, восполнить этот пробел, чтобы отдать должное соловецким стрельцам и крестьянам, которые возвели неприступные твердыни на пути иноземных захватчиков, посягавших на богатства Поморского края и Соловецкой обители.

Сумы – древнее поселение, принадлежавшее посаднице Новгорода Великого Марфе Борецкой, которая в 1450 г. подарила его Соловецкой обители[1]. Эта передача была закреплена царской грамотой в 1555 г[2]. Удобное расположение на берегу одноимённой реки, в трёх верстах от её устья, обеспечивало защиту, как от морской стихии, так и от неожиданного нападения противника с моря на больших кораблях, а от нападения с верховья реки посад прикрывался порогами. Ширина реки в селении составляла около 85 м, глубина – 4-6 м[3], что давало возможность промысловым судам заходить в реку и подниматься почти до посада.

Название селения в течение времени менялось: до возведения первого острога сохранялось первоначальное наименование – Сума, с появлением укреплений название поменялось на Сумской острог, а в 1806 г. местные жители по их просьбе были переписаны из крестьян в мещане, а поселение переименовано в Сумской посад[4].

Со временем изменялся и сам острог, его не просто ремонтировали и подновляли, но капитально перестраивали, применяя различные инженерные решения, тем самым кардинально изменяя его архитектуру. Достаточно хорошо известна последняя версия деревянной крепости, о предыдущих же вариантах известно меньше.

Наверное, единственное известное графическое изображение поздней версии Сумского острога дошло до нас, благодаря публикации в «Живописной России» в конце XIX в. Однако, это все-таки, художественный образ, созданный с чужих слов, а не документальное изображение ***(илл. 1).***

Вариант первый – земляной острог

Нападения шведов на Суму и богатые промыслы, расположенные рядом, потребовали от монастыря принять срочные меры к защите своих материковых владений. Одновременно с началом обустройства каменной крепости на Большом Соловецком острове в 1582 г. монастырём был возвёден Сумской острог.

---

[1] Не путать с городом Сумы на Украине.

[2] Рейнеке М.Ф. Гидрографическое описание северного берега России, составленное капитан-лейтенантом М. Рейнеке в 1833 году. Ч. I: Белое море. К Атласу, изданному от Гидрографического депо Главного морского штаба его императорского величества в 1833 и 1834 годах. СПб., 1850. С. 416.

[3] Там же. С. 255-256.

[4] Максимов С.В. Белое море и его прибрежья // Морской сборник, издаваемый Морским ученым комитетом. 1858. Т. XXXVII. № 10. С. 231.

В 1620 г. царь Михаил Фёдорович в грамоте двинскому воеводе князю А.В. Хилкову о предоставлении очередных льгот Соловецкому монастырю так охарактеризовал стратегическую роль его крепостей: «Соловецкий монастырь и Сумской острог место украинное (приграничное. – И. Г.) и порубежное у немецкие украины», отчего происходят частые нападения и осады, особо подчеркнув, что «под Сумской острог и в поморские волости свейские немцы розными реками в мелких судах приходили многажды»[1]. В описании острога как бы между делом царь назвал его «Сумской острог земляной»[2].

Что это, описка или подсказка для нас, ведь остроги, по всеобщему мнению, основанному на публикациях классиков истории фортификации, – довольно простое в военно-инженерном отношении деревянное укрепление, представлявшее собой тыновую ограду с башнями по углам?

История возведения этого военно-инженерного сооружения неизвестна, так же, как и имя его строителя. О первоначальной конструкции укрепления мы можем судить по двум документам, имеющим почти одинаковые тексты – это «Писцовые книги Андрея Васильевича Плещеева и подьячего Семена Кузмина 1583 г.»[3] и «Дозорные книги государевых дьяков Федорова, и Рязанцова, и Заонежских погостов губных старост Панова и Овдулова» (1586 г.)[4]. Приведём краткий фрагмент, описывающий конструкцию укрепления: «В волости Суме на погосте поставлен острог косой, через замет в борозды, и в остроге стоит 6 башен рубленых; под четырмя башнями подклеты теплые, а под пятою башнею поварня»[5].

В конце сентября 1592 г. у стен острога было разбито шведское войско под командованием Мавруса Лаврина и Гавнуса Иверетина[6].

В 1611 г. шведы потребовали от настоятеля монастыря сдачи Сумского острога, но игумен Антоний отказал им в этом[7]. В 1613 г. черкесы (казаки) и русские изменники под именем «литовских людей» напали на соловецкие поморские земли. Разбойники неоднократно пытались овладеть и Сумским острогом, осаждая его с использованием артиллерии, однако силами стрельцов и местных крестьян, укрывшихся в остроге, все нападения были отбиты[8]. Шведские притязания на земли Соловецкой обители прекратились в 1614 г[9].

После разорений и разрушений, причиненных разбойниками в 1613-1614 гг., одновременно с восстановлением разрушенной инфраструктуры поселений и промыслов, Сумской острог был приведён в порядок, а ремонтные работы были выполнены стрелецким гарнизоном.

Однако вернёмся к вопросу о конструкции этого необычного фортификационного сооружения, которое уже в первые годы своего существования выдержало, как минимум, две осады. Если сложить воедино всю собранную информацию за первые 38 лет существования крепости и принять во внимание близость её к шведской границе, которая фактически была открыта для свободного перемещения товаров и людей, мы можем сделать некоторые умозаключения.

Косые остроги как тип укреплений не были характерны для Европейской части России, а из истории фортификации они известны нам, преимущественно, как укрепления, возводившиеся в Сибири в период её освоения. Они не защищали от артиллерийского огня, но могли быть быстро устроены на каменистом грунте или мёрзлой земле. Стенки рвов и береговых склонов могли укрепляться вертикально уложенными бревнами (заостренными внизу), что предохраняло вал от

---

[1] Цит. по: Досифей, архим. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря т других подведомых сей обители монастырей, скитов, приходских церквей и подворьев, с присовокуплением многих царских, патриарших и других знаменитых гражданских и духовных лиц грамот, относящихся к истории сего монастыря. М., 1853. Ч. 3. С. 109.

[2] Там же. С. 108.

[3] См.: Савич А.А. Соловецкая вотчина XV–XVII в. (Опыт изучения хозяйства и социальных отношений на крайнем русском севере в древней Руси). Пермь, 1927. С. 57. Прим 1.

[4] См.: Досифей, архим.Географическое, историческое и статистическое описание… Ч. 1. С. 85.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 91-92.

[7] Досифей, архим.Летописец Соловецкийна четыре столетия, от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833-й год. М., 1833. С. 52–53; Его же. Географическое, историческое и статистическое описание… Ч. 1. С. 106-111.

[8] См.: Досифей, архим. Летописец Соловецкий… С. 53–54.

[9] Там же. С. 55; Досифей, архим. Географическое, историческое и статистическое описание… Ч. 1. С. 121–122.

осыпания и затрудняло его преодоление пехотой. Опыт подобных укреплений береговых крутостей просуществовал на севере России до начала XX века.

При изучении истории строительства острогов, становится очевидно, что к XVI в. и позже они возводятся в основном для защиты от набегов воинственных племён, не имеющих на вооружении не только артиллерии, но и ружей. К этому времени артиллерийские орудия из средств позиционной войны, предназначенные для осады и обороны крепостей, стали полевыми, то есть появились на вооружении пехоты и конницы. Это немедленно отразилось на типах укрепления европейских городов, которые опоясали бастионные земляные крепости. В середине XVI в. Ивангородская крепость с северной стороны была усилена мощным земляным валом (Горнверком), который позже был облицован камнем. В конце Ливонской войны шведы перестроили по новому типу русскую крепость Корела, которую они захватили в ходе боевых действий. Вскоре после окончания Ливонской войны к стенам Староладожской крепости начали пристраивать «Земляной город» – одну из первых в России земляных бастионных крепостей.

Поскольку территория Швеции (современная Финляндия) была доступна для русских купцов и путешественников, а особенно поморов, то они имели возможность подсмотреть новые инженерные решения у соседей. Эти сведения должны были дойти до настоятеля Соловецкого монастыря и воевод. Таким образом, мог родиться этот причудливый проект крепости, который можно считать одним из первых отечественных опытов строительства земляных крепостей, предназначенных для ведения боевых действий в новых условиях.

Узко понимать термин «замёт» в современном толковании этого слова, как один из видов городских оград в древней Руси, представляющую из себя заграждение из горизонтальных пластин (тесин, досок, жердей), закрепленных в пазах столбов, было бы неверно. Такая ограда не способна противостоять огнестрельному оружию, тем более артиллерии. Недаром, в текстах мы имеем уточнение: «через замёт в борозы», так что здесь «замёт» должен толковаться в другом значении.

«Замёт» – слово имеющее множество значений, среди которых в толковом словаре Т.Ф. Ефремовой мы можем найти местное толкование – «намётанная куча чего-либо». Кроме того, надо заметить, что на Онежском озере, находящемся недалеко от Сумского острога, замётом называли песчаную гряду, намытую водой. Таким образом, в рассматриваемом случае слово «замёт» может обозначать земляной вал. Это значение согласуется с формулировкой «острог земляной», что позволяет нам не путать его с «замётом», как видов оград, которые представляли собой простой забор. В нашем случае слово использовано не в прямом значении, а в форме устойчивого словосочетания «через замёт в борозды», то есть тыновая ограда косого острога опирается на земляной вал (кучу земли). С понятием «борозда» всё проще. В толковом словаре В.И. Даля имеется значение «старое военное»: подступы, сапа, траншея, прикоп; кроме того, предлагается вариант «канавка для стока воды». Таким образом, «борозда» – это ров перед крепостным валом.

Бастионов устроено не было, но фланкирование линии валов было организовано из двухъярусных рубленых деревянных башен, расположенных по углам острога. Башни были встроены в валы, и их нижний ярус был частично или полностью обложен землей, что объясняет размещение в четырёх из них теплых подклетов, а в пятой – поварни. Шестая башня была воротной, что при въезде или проходе на внутренний двор острога не требовало подъёма на вал. Выступающие за линию стен башни, с присыпкой земляного вала снаружи, в нашем случае стали протобастионами.

Таким образом, в 1582 г. на севере России была построена новая уникальная крепость, названная острогом по традиции только потому, что Сума не была городом. Это инженерное сооружение не подходит ни под один известный тип укреплений, несколько опередив развитие отечественной фортификации, но оставшись в полном забвении, как тупиковая ветвь, не получившая развития. В конструкции этого «острога» настолько удачно были реализованы передовые для того времени инженерные решения, что он выдержал несколько приступов и осад без каких-либо перестроек и серьезных ремонтов.

Вариант второй – острог стоячий

Летом 1640 г. игумен Маркел с соборными старцами обсудил обветшание Сумского острога, который «огнил и во многих местех розвалился, и дерн осыпался, и башни огнили». Поскольку «немецкий рубеж недалеко», то при нападении противника это делало невозможным

его оборону. Игумен со старцами «приговорили» на средства монастыря отремонтировать укрепления Сумского острога. Для руководства работами туда был послан из обители соборный старец Ефрем Квашнин[1]. Вероятно, из-за недостатка материала с ремонтом не спешили, приступив к работам три года спустя, т.к. по прежнему «приговору» в 1640 г. успели заготовить всего 3000 бревен. В мае 1643 г. ситуацию обсудили уже чёрным собором и решили выполнить ремонт острога «по прежнему обрасцу» под руководством соборного старца Иева Девочкина[2]. Для строительства обновленного острога, по царскому разрешению, в Выгозерском погосте было срублено еще 30 000 деревьев[3].

Острог не просто привели в порядок, а капитально перестроили. При строительстве новых тыновых стен, оплывшие остатки земляных валов использовали в качестве платформы для них.

С началом Соловецкого восстания в Сумском остроге разместился стрелецкий военный лагерь. Благодаря этому были составлены книги «Описные Соловецкого монастыря селам и в них крестьяном», сохранившиеся до наших дней. Здесь, естественно, описан и Сумской острог с измененной архитектурой.

«Сумской острог деревянной стоячей, по острогу пять башен деревянные ж. Башни и острог окладены дерном. У острога ж от реки Сумы ворота болшие. Да от Сумы ж реки у дву башен, да от болота у третей башни тайники малыми вороты, выходы от них окладены дерном»[4].

На монастырском дворе располагался каменный пороховой погреб, в котором хранилось «в бочках пороху ручново и пушечного 63 пуда, да в дву свиньях, в лепешке да в болшом кусу 21 пуд 2 четьверти свинцу». Там же находился амбар с пушечными ядрами и дробью, ручными пищалями, самострелами, а также луками, саблями, барабанами и знаменами. Там же, видимо, как ценный трофей, хранили немецкие латы, а также различные принадлежности[5].

Об обороне острога после его перестройки или о каких-то нападениях противника на него в последующие годы нам неизвестно. После завершения, ставшего легендарным, «Соловецкого сидения» острог и дальше для обители выполнял административную роль на материке, служил лагерем для стрелецкого гарнизона. Добавилась у него лишь одна функция – тюремная – для нераскаявшихся и непокорившихся участников восстания.

Построенный в 1640 г. стоячий острог стал большим шагом назад по сравнению с той крепостью, которая была здесь до него. В приведенном выше описании острога сказано, что его башни и стены «окладены дерном». Такой способ наравне с обмазыванием деревянных построек глиной применялся для защиты от поджога[6].

Никаких сведений о работах по поновлению и перестройке острожной стены неизвестно. Обойтись без ремонтов и перестроек деревянная тыновая ограда не могла, тем более обложенная дерном, который накапливал влагу, что в северном климате вызывало быстрое гниение конструкций.

Подсказку о том, как поддерживался острог, нам удалось обнаружить в Отводной книге приказных старцев Сумского острога за 1679 г., где сообщается о его состоянии: «Сумской острог с моря вверх Сумою рекою на правой стороне делан. Острог козельчатой, с трех сторон цел, а с четвертую сторону обвалился. У острога четверы ворота да шесть башен. Около всего Сумского острога и з башнями двесте тритцать девять сажен с полусаженью»[7].

Принципиально важна в этом документе формулировка «острог козельчатой», хотя, как нам известно, за 37 лет до этого он был перестроен в «стоячий». Тын стоячего острога был устроен на остатках вала предшествовавшего деревянно-земляного варианта крепости. Учитывая, что земляная насыпь имела широкую плоскую поверхность, а ограда устанавливалась в непосредственной близости к внешнему краю, который от времени оплывал, и стоячие бревна ограды стали заваливаться внутрь. Чтобы укрепить её, были использованы козельчатые подпорки, на которых, возможно, был проложен помост, конструкция таких подпорок хорошо

[1] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 2. Д. 1707. Л. 300 об.
[2] Там же. Л. 298-299.
[3] Там же. Л. 294-294 об.
[4] Там же. Ф. 137. Оп. Сумской острог. Д. 1. Л. 1 об.-3 об.
[5] Там же. Л. 4 об.-5 об.
[6] См.: Ласковский Ф.Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. Опыт исследования инженерного дела в России до XVIII столетия. СПб., 1858. С. 85.
[7] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 119. Л. 2.

известна по другим косым острогам. Так в результате укрепления ограды острог стал козельчатым.

Вариант третий – деревянная рубленая крепость

В 1679 г. в грамоте царя Федора Алексеевича в ответ челобитную архимандрита с братией было дано разрешение на перестройку пришедшего в совершенную ветхость Сумского острога в городок – деревянную крепость с рублеными стенами[1]. Царский указ 1679 г. не означал, что острог должен был быть одномоментно перестроен, он лишь дал разрешение на выполнение работ. Работы велись не один год, как об этом записано в «Летописце Соловецком…», а в 1680 г. были только начаты[2].

О новом укреплении нам известно значительно больше, чем о предыдущем сооружении. Сохранилось несколько довольно подробных описаний деревянных конструкций небольшого монастырского деревянного кремля, которому больше не пришлось выполнять оборонительных функций. В этот раз монахи возвели себе маленький кремль, или иными словами – удельный замок. Они совершенно верно предположили, что по прямому назначению городок использован уже не будет, т.к. такой тип укреплений к моменту создания уже окончательно устарел и при всем желании смог бы служить укрытием только в случае нападения плохо организованного и вооруженного войска, например, крестьянского бунта, что в XVII в. было актуально.

В Отводной книге за 1680 г. имеются следующие записи: «Острог козельчатой с трех сторон ветх, а с четвертую сторону стена и башня с верхнего конца рублена из нового леса в две стены помост. Уострогу четверы ворота да пять башен прежних и шестая новая помост. А около всего Сумского острога и з башнями двесте тритцать девять сажень с полусаженью. В остроге монастырьском двор, а во дворе строения Приказная изба»[3].

В книге за 1683 г. имеется уточнение приведенному выше описанию выполненных работ: «С четвертую сторону стена и башня с верхнего конца рублена из нового леса в две стены и стена покрыта, а башня помост»[4].

В связи с использованием термина «помост» мы можем предложить, что башня была построена с горизонтальной площадкой (помостом) наверху, предназначенным для размещения артиллерии, то есть был устроен так называемый «раскат» – артиллерийская позиция, что было характерно для XVII в. Такие двухъярусные башни, которые имели подошвенный ряд бойниц и открытый ярус верхнего боя, можно было встретить в крепостях при низких городовых стенах или в стоячих острогах, не имевших верхнего боя. Верх таких башен оставлялся иногда открытым[5]. Пример подобных башен мы находим в крепости Коротояк[6], входившей в Белгородскую засечную черту. Уверенность в этом подкрепляет и то, что за в 1674 г. в дельте Северной Двины на подступах к Архангельску со стороны моря были построены «на караулех в трех местах деревянные раскаты»[7] – укрепленные позиции для береговых батарей. Такую архитектуру башни нужно, вероятно, считать промежуточным этапом в перестройке острога в рубленую крепость, которая приобрела шатровое завершение после замены тыновой на рубленую стену с крытой галереей для верхнего боя.

Трудно сказать, как велась дальнейшая перестройка Сумского острога, который достраивался он, видимо, по мере изыскания необходимых средств, благо, реальная угроза нападения врага отсутствовала.

Есть ещё одно забытое описание Сумского городка, данное архиепископом Афанасием в знаменитом «Описании трех путей…» из поморских земель в Швецию, которое датируется 1700 г. Вот как представлена эта крепость: «Сумски градок деревянной, рубленой, двоестенный, имеет пять башен; в стенах сыпан орешник. Стоит набрегу реки Сумы, от Белого моря две

[1] РГАДА. Ф. 1201Оп. 2. Д. 1707. Л. 296–296 об.

[2] См.: Досифей, архим. Летописец Соловецкий… С. 77; Его же. Географическое, историческое и статистическое описание… Ч. 3. С. 171-172.

[3] РГАДА. Ф. 1201. Оп. 1. Д. 282. Л. 2-3.

[4] Там же. Д. 283. Л. 2.

[5] Красовский М.В. Древнерусские деревянные фортификационные сооружения // URL: http://wood.totalarch.com/node/5 (дата обращения 01.06.2014).

[6] Современное сельское поселение Коротоякское Острогожского муниципального района Воронежской области.

[7] Двинской летописец: Пространная редакция // ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33. С. 81.

версты…»[1]. В этом тексте приведена одна чрезвычайно интересная деталь: рубленые стены крепости засыпаны не землей, а «орешником» – мелкой круглой морской галькой, которая не удерживает в себе влагу, что предохраняло деревянную конструкцию от гниения.

Известно полное описание городка, выполненное 11 июля 1740 г. по указу архимандрита Соловецкого монастыря Иова[2]. В Отводной книге 1784 г. имеется ещё одно подробное описание башен, в котором, в том числе, говорится о металлических скобяных изделиях и элементах оформления[3].

Довольно позднее упоминание о Сумском остроге мы нашли у капитан-лейтенанта М.Ф. Рейнеке, который осматривал его в 1830 г. и оставил такую запись: «Около церкви деревянный острог с бойницами для ружей и снабжен пушками… Старинный острог, быть может, и возобновленный после первой его постройки; внутри острога две церкви: каменная и деревянная, и подворье Соловецкого монастыря; поэтому острог называется… Соловецким двором»[4].

Посетивший Сумской посад в 1856 г. литератор и путешественник С.В. Максимов осмотрел Сумской острог, который, несмотря на частичные обрушения от ветхости, ещё сохранял свой внешний вид. Глава, посвященная Сумскому посаду, была опубликована в 1858 г. в «Морском сборнике», но по какой-то причине не вошла в изданную в 1859 г. книгу «Год на Севере», содержавшую описание путешествия. Процитируем малоизвестное свидетельство очевидца: «Сумской острог до сих еще пор в замечательно целом виде; рухнули только крыши некоторых башен, обвалились крыши стен, но заметны еще и бойницы и окна, целыя стены, даже некоторые рвы, обходившия крепость некогда с трех сторон, но теперь поросшие травой и едва приметные. С четырех сторон этого острога или города (по туземному) на крутом и высоком косогоре до сих еще пор видны из-под стены деревянные крепкия ворота, ведущия к реке на пристань»[5].

Более поздние свидетельства с упоминаниями внешнего вида острога мы находим у К.К. Случевского, который стал летописцем путешествия великого князя Владимира Александровича и великой княгини Марии Павловны в 1885 г.[6], и у академика архитектуры В.В. Суслова[7] ***(илл. 2).***

В июле 1931 г. экспедиция П.Д. Барановского обследовала остатки Сумского острога, которые соответствовали описанию В.В. Суслова. Участниками экспедиции была выполнена примитивная (безинструментальная) топографическая съёмка участка местности, где располагался острог, выявлены рвы, остатки валов, места расположения утраченных башен. Моховая башня ***(илл. 3),*** была разобрана и перевезена в музей «Коломенское». Бревна от неё пролежали в музейном хранилище несколько десятилетий, пока в конце XX в. не началось их исследование, что позволило воссоздать башню в виде близком к первоначальному, и сегодня желающие могут её увидеть в музее-заповеднике «Коломенское» в Москве ***(илл. 4).***

Имеющаяся информация позволяет с достаточной достоверностью реконструировать внешний облик укреплений Сумского острога различных периодов его истории. Большим подспорьем этому может послужить, сохранившийся в ГАВО, чертёж 1896 г., на котором отмечен участок земли «загородного дома общего владения того же Соловецкого монастыря и Сумского посада».

* * *

Комплекс проведённых исследований и сохранившиеся описания позволяют восстановить план последнего варианта перестройки Сумского острога, который идеально помещается на земельном участке рядом с мостом на плане Сумского посада 1896 г. ***(илл. 5).***

Основываясь на указанных материалах и используя в качестве основы фотографию из фотоархива Государственного музея архитектуры им. А.В. Щусева, сделанную в 1931 г.

---

[1] Цит. по: Афанасий, архиеп. Описание трех путей из державы царского величества, из поморских стран, в Швецкую землю и до столицы их // Булатов В.Н. Архиепископ Афанасий Холмогорский: Муж слова и разума. Архангельск, 2014. С. 316.

[2] РГАДА.Ф. 1201. Оп. 5. Д. 1696. Л. 1-2 об.

[3] Там же. Д. 5309. Л. 2-5 об.

[4] Рейнеке М.Ф. Указ.соч. С. 416-417.

[5] Максимов С.В. Указ.соч. С. 230.

[6] Случевский К.К. По северу России: Путешествие их императорских высочеств великого князя Владимира Александровича великой княгини Марии Павловны в 1884 и 1885 годах. СПб., 1886. Т. II. С. 163-164.

[7] Суслов В.В. Путевые и заметки о севере России и Норвегии. СПб., 1888. С. 48.

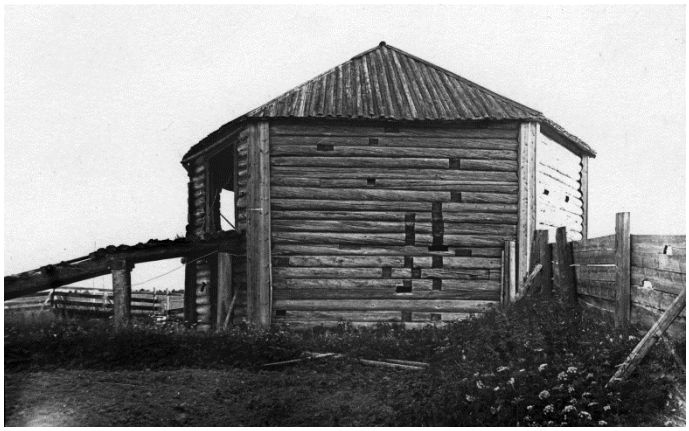
участниками экспедиции П. Д. Барановского, предлагается версия реконструкции внешнего облика последнего варианта перестройки Сумского острога ***(илл. 6),*** выполненного методом компьютерной графики.

Илл. 1 Сумской острог (Без указания автора рисунка). Живописная Россия. СПб.-М., 1881. Т. 1. С. 264.

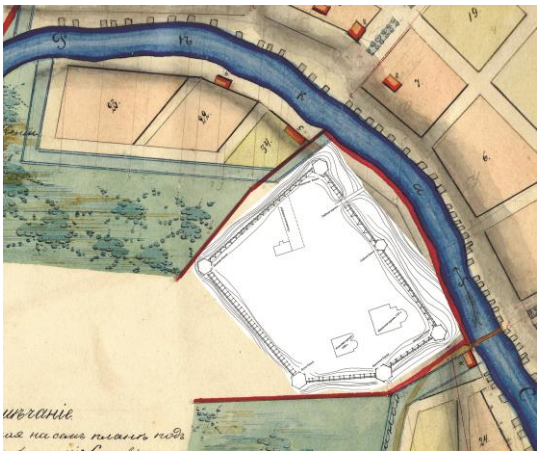
Илл. 2. Сумской посад и его церкви на территории острога в начале XX в. Фотоархив Гос. музея архитектуры им. А.В. Щусева.

Илл. 3. Фотофиксация Моховой башни Сумского острога перед её разборкой для вывоза в Москву экспедицией П.Д. Барановского. Фотоархив Гос. музея архитектуры им. А.В. Щусева.

Илл. 4. Реконструкция Моховой башни Сумского острога в музее-заповеднике «Коломенское» в Москве. Фото автора.

Илл. 5. Воссозданный, по описаниям и данным натурных обмеров, выполненных экспедицией П.Д. Барановского, план последнего варианта перестройки Сумского острога идеально помещается на земельном участке рядом с мостом на плане Сумского посада 1896 г.

Илл. 6. Реконструкция внешнего облика последнего варианта перестройки Сумского острога, выполненная методом компьютерной графики. В качестве основы использована фотография начала XX в.

Н.Ю. Болотина, А.И. Комиссаренко,
А.Ю. Кононова (г. Москва)

Оброчные книги Приказа Большого дворца 1669-1673 гг. как источник изучения экономического потенциала карельских дворцовых крестьян[1]

Актуальной проблемой отечественной историографии является создание источниковой базы для изучения истории домениальной (дворцовой) собственности и истории дворцового крестьянства как податного населения во второй половине XVII – начале XVIII в. В состав крупнейших дворцовых владений второй половины XVII в. входили карельские дворцовые волости, расположенные в водоразделе реки Мологи и её притоков Мелечны, Белой, Ужени, Глиницы и Переменки – на территории Бежецкого Верха, составлявшего Бежецкую пятину Великого Новгорода. С первой половины XVI в. территория Бежецкой пятины вошла в состав Московского государства в качестве Бежецкого уезда.

Карельские дворцовые волости образовались в результате переселения карельских крестьян в пределы Русского государства. После 1617 г. (Столбовский мир) Швеции был передан Карельский уезд. Шведы установили большие налоги и стали силой обращать карел в лютеранство. Значительная часть карел ушла на ранее опустошенные и обезлюдившие земли Бежецкого уезда. Так возникла Тверская Карелия, сохранившаяся до наших дней. Со временем карелы частично растворились среди русского населения. Этот процесс происходил естественным путём и не вел к утрате национальной культуры. В быту сохранялся родной язык, традиционные обычаи и народное искусство. Селения, жилища и условия жизни русских и карельских крестьян не имели больших различий. В доме, как правило, проживала большая семья, состоявшая из трёх-четырёх поколений. Карелы исповедовали православие, но долго сохраняли следы дохристианских верований и обрядов. С 1708 г. карельские Бежецкий уезд находился в составе Ингерманландской губернии, с 1719 г. - Угличской провинции Петербургской губернии. С 1727 г. Угличская провинция была переведена в Московскую губернию, с 1775 г. Бежецкий уезд находился в составе Угличской провинции Тверского наместничества с центром в Бежецке[2].

В связи с этим представляют интерес 4 оброчные книги дворцовых пустошей Бежецкого (Городецкого), Новоторжского, Угличского и Ярославского уездов 1669, 1670, 1672 и 1673 годов. Как следует из содержания книг, они были составлены «по указу великого государя и по грамотам и сприказу Большого Дворца»[3]. Составитель первой книги неизвестен. Вторая была составлена дворянином московским Данилой Григорьевичем Тютчевым, описывавшим карельские дворцовые волости в 1668-69 гг[4]. Третья и четвертая велась жильцом Василием Никитичем Тютчевым. Подлинников книг не сохранилось. Их списки были присланы в Московскую дворцовую канцелярию из Ярославского дворцового управления чамеровским дворцовым управителем Петром Сапегой в 1740 г. в связи с восстановлением Московского дворцового архива. В сборнике копийных материалов, присланных П. Сапегой, списки этих книг образуют единый блок объемом 72 листа[5].

---

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-01-00086

[2] Андреева Л.Ю. Верхневолжские карелы: формирование и историческое развитие в условиях Российской империи. М., «Наука», 2011; Готье Ю.В. Замосковный край в XVII в. М., 1905; Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII веке Петрозаводск, 1956; Чернякова И.А. К вопросу о судьбах “карельских выходцев”. Петрозаводск, 1989”; Середа Н.В. Тверской край в период становления российского самодержавия (конец XVI-XVII). Тверь, 1991; Головкин А.Н. История Тверской Карелии: от язычества к православию. Петрозаводск, 2008; История карельского народа / Киркинен Х., Невалайнен П., Сихсо В. Петрозаводск, 1998; Жуков А.Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII. Великий Новгород, 2003; Дмитриева З.В. «Карельские выходцы на землях Кирилло-Белозерского монастыря в XVII веке // Кириллов. Вып. V. Вологда, 2003; Степанов Ю.В., Савинова А.И. Тверские карелы в XVIII в.: территориально-демографическая характеристика // Карелика. Научный электронный журнал. №2. 1014; Смирнов А.К. Поречье Бежецкого края. Исторический обзор. М., 2015.

[3] РГАДА. Ф.1239. Оп.2. Кн.1451. Л.109

[4] Там же. Л.347-423об.

[5] Там же. Л.70-142об.

Его предваряет заглавие «Списки с оброчных книг»[1]. В списке первой книги отсутствует вводная часть. Он включает только 12 записей, касающихся одного Новоторжского уезда[2]. Последняя запись относится к средине года – к июню. Как видно, список первой книги не полностью передаёт её содержание. Списки остальных книг значительно полнее[3]. Они имеют вводные части. Каждая из них включает около 200 записей, относящихся к дворцовым землям разных станов Новоторжского, Бежецкого (Городецкого), Ярославского и Угличского уездов. Записи книги 1672 г. включают также сведения за предыдущий 1671 год[4].

Книги отразили своеобразную коммерческую деятельность администрации Приказа Большого дворца. В них зафиксированы сделки по предоставлению в пользование «лицам» «разных чинов» дворцовых земель и получение за это оброка. Так, во введении книги 1670 г. отмечено: «Лета 7178-г августа в 4 де по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Великия и Малыя, и Белыя Росии самодержца указу Данило Григорьевич Тютчев отдал на оброк великого государя порожжих пустошей до карелской селитьбы в Новоторжском уезде в розных волостех всяких чинов людем на нынешний на 178-й год, а кому именем государевых порожжих пустошей отдано на оброк и что с ково в государеву казну взято оброку, и то писано в сих книгах порознь под сею статьею…»[5]. Первая оброчная книга несколько отличается от трех других по расположению и формуляру ее записей. Записи в ней расположены в хронологическом порядке, непосредственно следуя одна за другой без выделения в особые статьи. Записи остальных трёх книг систематично организованы по территориальному принципу: уезд – стан. В формуляре записей первой книги зафиксированы: точная дата оформления сделки, условия аренды, местоположение пустошей, сдаваемых в аренду, их названия, срок аренды, сведения о лице-арендаторе, который в книгах назван «отдавщиком», размер взятого у него оброка на год. Так, в записи от 3 мая 1669 г. зафиксировано: «177-г …майя в 3 де(нь) в Бежецком уезде в Есенецком стану пустошь Головкино да пустошь Прибылига отданы на оброк до корелской селидьбы деревни Карповской записному корелянину Мартышку Иванову, будет те пустоши лежат порожжи и не вотчинниковы, и не монастырские, и кореляном под селидьбу и в подмогу будет кому не отданы. А оброку у него за те пустоши на нынешней на 177 год в государеву казну за те пустоши взята полтина. Платил денги он, Маротышко, сам»[6]. Как видно из приведенной цитаты, помимо традиционного требования о непринадлежности каким-либо владельцам арендуемой земли, непременным условием предоставления дворцовой земли в пользование было – «до карельской селитьбы». В ряде записей книги 1669 г. оно конкретизировано: «А будет те пустоши кореляном годятца под селидьбу и в угодья, или те пустоши объявятца у кого в крепостях, и ему, Афонасью Тютчеву, до тех пустошей дела нет. А оброчные денги ему, Афонасью, ис казны выдадут»[7]. Как видно, в случае востребованности данной земли государевыми записными корелянами (как в официальных документах назывались карельские крестьяне) арендатор должен был от неё отказаться. Как видно, и в оброчных книгах отразилась политика правительства, направленная на сохранение и развитие домениальной собственности, частью которой было карельское население. Помещенные в остальных книгах записи не включают точную дату их составления. Условия же аренды изложены в них только один раз – во вводной части. В остальном формуляр книг обеспечивает те же сведения, что и формуляр первой оброчной книги 1669г.

Материал книг показывает, что среди арендаторов государевых пустошей были действительно «разных чинов люди»: кашинский, затем Олонецкий воевода князь Ефим Федорович Мышецкий, стольники Петр Андреевич Измайлов и Алексей Иванович Сабуров, новоторжский городовой дворянин Иван Фёдоров сын Тыртов, «городчанин посадский человек» Абрам Андреев, писцы, служащие по наказам приказа Большого дворца Данила Гаврилович Тютчев и Афанасий Никитич Тютчев, казначей Борисоглебского монастыря Серапион,

[1] Там же. Л.70
[2] Там же. Л.70-72об
[3] Там же. Л.72об-142об
[4] Там же. Л.130-142об
[5] Там же. Л.72об
[6] Там же. Д.1451. Л.70
[7] Там же. Л.70-71

вотчинные крестьяне И.И. Лодыгина Анисим Якимов и Карп Петров[1]. В число «отдавщиков» входили и карельские дворцовые крестьяне. Так, более трети записей книг 1670, 1672 и 1673 годов фиксируют сдачу им на оброк государевых пустошей в Городецком, Угличском и Ярославском уездах, жеребьев в разных карельских дворцовых деревнях.

В 1670-1672 гг. администрацией Приказа Большого Дворца было оформлено 49 сделок по отдаче на оброк корелянам государевых пустошей Ивановского и Каменского станов Городецкого уезда[2]. Как правило, в записях книг мотивы аренды не указаны. Исключение составляют несколько записей книги 1672 г. В них изложены причины аренды земли корелянами. Так, корелянином деревни Шеино Игнатьем Меркурьевым был взят в аренду жеребей в деревне Душково «в яровом поле под ярь и в паровом поле ко 181-му году под ярь и с травою»[3]. Вдовой Ириной Макаровой из д. Шеино был арендован жеребей в той же деревне Шеино «под рожь и с травою»[4]. Записи оброчных книг 1670 и 1672 годов по Ивановскому и Каменскому станам показывают, что большинство карельских крестьян-арендаторов держали земли на оброке единолично. Единоличное оброчное землепользование зафиксировано в 35-ти (73%) случаях аренды. Вместе с тем, немалое количество сделочных записей – 13 (27%) фиксируют совместную – корпоративную аренду пустошей карельскими дворцовыми крестьянами. В десяти таких записях показана уплата одного общего оброка двумя или тремя арендаторами.[5] Такую аренду условно можно назвать групповой. Так, пустошь Бережок арендовали кореляне деревень Коново и Поповка Первушка Евсеев, Василий Кузмин и Максим Леонтьев, а пустошь Гузкино – староста карельской деревни Мощево Федор Киприянов и сотский Лев Максимов[6]. В трёх сделочных записях зафиксированы случаи аренды, которую условно можно назвать мирской. Так, пустоши Гузкино и Лучниково Городецкого уезда Городецкого уезда была арендована корелянами д. БайковыЕвсеем Михайловым и Петром Ивановым «с товарыщи», а пустошь Лучниково – корелянином д. Лавровка Назаром Петровым «с товарыщи»[7]. В книге 1672 г. записано о сдаче пустошей Пожинки, Поросятниково «с пустошьми» крестьянину карельской деревни Мещово Федору Кипрянову, сотскому Льву Максимову и «всем корелянам Прудовской волости на оброк».

Материалы книг свидетельствуют, что наиболее распространённой у корелян была аренда 2-4-х пустошей. Так, держание на оброке по 2-4 пустоши было зафиксировано в 27-ми (55%) из 49-ти рассмотренных сделочных записей 1670-1672 гг. В четырёх записях (8%) зафиксировано использование за оброк значительного большего количества пустошей. В частности, «корелянин» из деревни Душково Гаврила Иванов арендовал 15 пустошей[8]. «Корелянин» деревни Селище Мартын Семёнов и сотский Матвей Леонтьев вместе арендовали пустошь Кресты и пустошь Становица «с пустошьми» (78). «Корелянин» деревни Десятильниково Иван Меркурьев держал на оброке три пустоши «с пустошьми»[9]. В девяти (18,5%) записях отражено использование только одной пустоши. Также девять (18,5%) записей книги 1671/72 гг. свидетельствуют о том, что в это время карельским дворцовым крестьянам были отданы в оброчное пользование отдельные пустующие «жеребьи» в живущих деревнях.

Размеры денежных оброков, выплаченных карельскими дворцовыми крестьянами за держание пустошей в рассматриваемых 49 сделках 1670 и 1672 гг. были разными – от 1,7 алтын до 15-ти рублей. Самый минимальный оброк – 1,7 (4 коп.) алтын зафиксирован в одном случае аренды (2,1%). Также минимальный оброк 3 алтына (9 коп.) был уплачен в пяти сделках (10,2%). Арендная плата 5-6 алтын (15-18 коп.) зарегистрирована в 12-ти сделках (24,4%), а 10-13 алтын (30-39 коп.) – в 14-ти (28,6%). В шести случаях аренда пустошей (12,3%) крестьяне-кореляне выплатили оброк 26-30 алтын (78-90 коп.). В четырёх сделках (8,2%) ими было выплачено по 1-2 руб., в семи (14,2%) – 5-15 руб. Как видно, оброки 5-6 алтын и 10-13 алтын были самыми

[1] Там же. Л.70, 72об, 73, 87об.
[2] Там же. Л.78об-79об, 101об-104, 104об-105об.
[3] Там же. Л.103об.
[4] Там же. Л.103об-104.
[5] Там же. Л. 102об, 103.
[6] Там же. Л. 103, 105об.
[7] Там же. Л.78-105.
[8] Там же. Л.104.
[9] Там же. Л.105.

распространенными - они были уплачены в 25-ти сделках, оставлявших 50,5%. Немалую часть составляли сделки с оброком 1-15 рублей. Окладная роспись государевых «доходов», данная из Приказа Большого дворца в карельскую дворцовую деревню Давыдково Ярославского уезда 1672 г. показывает, что государственные налоги её крестьян составляли 65 копеек[1]. Можно предположить, что кореляне дворцовых поселений Ивановского и Каменского станов Городецкого уезда, находившихся поблизости, платили такие же налоги. Как видно, в 14-ти из рассматриваемых 49-ти сделок 1670-1672 гг. оброк, выплаченный карельскими дворцовыми крестьянами за аренду земли, намного превышал государственные платежи.

Среди 32-х сделок с оброком 3 алтына, 5-6 алтын и 10-13 алтын только три (9%) носили корпоративный характер. Аренду пустошей Мазнево и Бородкино крестьянами-корелянами д. Баевка Петром Ивановым и Иваном Афанасьевым можно назвать групповой[2]. Другие две можно отнести к мирским. Так, пустошь Гузкино была отдана в аренду крестьянам карельской деревни БайковоЕвсею Михайлову и Петру Иванову «стоварищи кореляны», а пустошь Лучниково – крестьянину-корелянину деревни Лаврово Назару Петрову «с товарыщи»[3]. Все остальные сделки с указанным оброком были заключены с администрацией приказа Большого дворца крестьянами-корелянами единолично.

В числе сделок с более значительной арендной платой доля корпоративных увеличивается. Так, среди сделок с оброком 15-30 алтын корпоративных было 3 (50%), единоличных 3 (50%), а с оброком 1-2 рубля – корпоративных (50%), единоличных 2 (50%). Из семи сделок за плату 5-15 рублей 4 (57%) были корпоративными, три (43%) – единоличными. Среди девяти корпоративных сделок с указанными оброками только одна была мирской. Она была заключена администрацией Приказа Большого Дворца с уже упомянутым крестьянином деревни Мещово Федором Киприяновым, сотским Львом Максимовым и «всеми корелянамиПрудовской волости» с оброком 5 руб. 8 алтын. Все остальные 8 корпоративных сделок с указанными оброками носили групповой характер, включая 2-х или 3-х человек крестьян-корелян – арендаторов.

Вместе с тем, из приведённого материала видно, что в числе сделок с оброком 15-30 алтын, 1-2 рубля, 5-15 рублей сделки, заключённые с администрацией Приказа Большого Дворца с карельскими дворцовыми крестьянами единолично, также составляли немалый процент. В пяти таких сделках «отдавщиками» была выплачена арендная плата от 2-х до 15-ти рублей. Так, кореляне Пронка Игнатьевым и Гаврила Иванов выплатили администрации по 2 рубля[4]. Иваном Спиридоновым из деревни Бакшино было уплачено 5 рублей, Фёдором Емельяновым из деревни Старово – 8 рублей. Максимальный из зафиксированных в оброчной книге оброков – 15 рублей также был выплачен единолично корелянином из деревни Десятильниково Иваном Меркурьевым[5]. Эти величины сопоставимы с годовым жалованием драгун, солдат (5 р.), детей боярских (10-12 рублей) в рассматриваемое время[6].

В ряде случаев очевидна связь между количеством арендуемых пустошей и размером оброка. Так, опять же, уже упомянутый крестьянин д. Душково Гаврила Иванов, державший на оброке большое количество пустошей - 15, платил за них высокую плату – 2 рубля. Вместе с тем, данные книг показывают, что размер оброка карельских крестьян не всегда был связан с количеством пустошей, находившихся у них на оброке. Так, за аренду одной пустоши в разных случаях выплачивались оброки 3 алтына, 6 алтын, 16 алтын[7]. За аренду трёх пустошей в одном случае был выплачен оброк 13 алтын, в другом – 2 рубля[8]. Крестьянине д. Прилуки Иван Токарев и Сидор Никитин за аренду двух пустошей уплатили оброк 20 алтын, а крестьянин Гаврила Иванов за аренду трёх пустошей – 13 алтын[9]. Вместе с тем, кореляне Григорий Иванов и Ануфрий Кирилов за использование также трёх пустошей уплатили 2 рубля[10]. Можно

[1] РГАДА. Ф.1239. Оп.2. Д.1451. Л.143-143об.
[2] Там же. Л.102об
[3] Там же. Л.78об,105
[4] Там же. Л.104, 102
[5] Там же. Л. 78, 105.
[6] Лаптева Т.А. Провинциальное дворянство в XVII веке. М., 2010. С.246-248.
[7] РГАДА. Ф.1239. Оп.2. Д.1451. Л. 78об, 79, 103.
[8] Там же. Л. 79, 78об, 79-79об.
[9] Там же. Л. 79, 78об.
[10] Там же Л.79-79об.

предположить, что размеры оброков, выплачиваемых корелянами за использование пустошей, были связаны с их качеством. Об этом, в частности, свидетельствует запись книги об аренде корелянином д. Терпигорево Саввой Андреевым пустошей Мазнево, Бородкино и оселка деревни Шеино уплатил 8 денег – 1,7 алтына[1]. Этот платёж можно отнести к числу минимальных. При этом в записи отмечено, что оселок был отдан «на росчистку и роспашку, а тот оселок зарос темным лесом»[2]. Как видно, обработка земли, отданной С. Андрееву на оброк, требовала больших усилий. В связи с этим стоимость её была невысокой. Возможно, величина оброков за держание пустошей была связаны также с их размерами, которые отличались друг от друга.

Большинство карельских крестьян, державших землю на оброке в 1670 г., не возобновляли её аренду в последующие годы. Однако несколько корелян арендовали землю на протяжении всех трёх рассматриваемых лет. Так, корелянин деревни Душково Гаврила Иванов в 1670 г. арендовал три пустоши, за что уплатил 13 алтын; в 1672 г. он держал уже 15 пустошей, за которые дал оброк 2 рубля. В 1671-72 гг. по-прежнему арендовали землю также Михаил Алексеев из деревни Гладышево, Иван Иванов из деревни Почеп, Первушка Елисеев из д. Поповка.

Материал оброчных книг позволяет предположить, что часть карельских дворцовых крестьян располагала немалыми денежными средствами и что их хозяйства имели товарный характер.

[1] Там же. Л. 118.
[2] Там же.

Т.В. Сазонова (г. Санкт-Петербург)

Вклады посадских людей в Кирилло-Новоезерский монастырь XVI-XVII веков

Кирилло-Новоезерский монастырь – один из небольших монастырей Белозерского края, основанный в начале XVI в. Вначале это была пустынь, располагавшаяся на острове посреди Нового озера примерно в 30 км от г. Белоозеро. Основатель монастыря, Кирилл Белый[1], был канонизирован в 1646 г., его почитание распространилось за пределы Белозерского края, затронув ряд городов, включая Москву[2]. Одним из показателей степени почитаемости монастыря и его основателя являлось количество вкладчиков и ареал почитания. Это было связано с тем, что в средневековом обществе важным средством для спасения души считалось вечное поминовение Церковью, и вкладчики желали обеспечить себе поминовение в обителях, пользующих наибольшим авторитетом[3].

Сведения о вкладчиках Кирилло-Новоезерского монастыря XVI–XVII вв. известны из нескольких видов источников, связанных с монастырём: это вкладная книга, синодик, описи имущества, приходо-расходные денежные и хлебные книги.

Вкладная книга была составлена в 1678 г., а наиболее ранний из зафиксированных в ней вкладов относится к 1627 г. Вклады распределяются по годам неравномерно: с 1627 по 1645 г. зафиксировано всего 7 вкладов, причём между ними были перерывы в несколько лет, тогда как с 1651 по 1665 г. записано 33 вклада, идущих практически год за годом без пропусков. Возможно, это объясняется тем, что более ранняя вкладная книга Кирилло-Новоезерского монастыря была утрачена во время пожара.

Во вкладной книге содержатся сведения о денежных, вещевых и хлебных вкладах, а также о дарениях лошадей и коров. Материалы вкладной книги сгруппированы по социальному признаку. Последними в ней приведены «вклады белозерцов и иных городов посадских людей и монастырских слуг и волостных крестьян»[4].

Основная часть информации о вкладах содержится в приходных денежных книгах, которые также сохранились не за каждый год, и носят разрозненный характер. Статьи записей вкладов отличаются от вкладной книги – отсутствует год, не всегда указываются месяц и число, необязательны даже имя и социальный статус вкладчика. Помимо состава вклада иногда приводится его цель («по Михаиле сорокоустных», «на церковное строение», «дал на кровлю», «по родителех своих»). Статьи приведены в хронологическом порядке вне зависимости от социального статуса вкладчиков. Вклады зафиксированы во всех сохранившихся приходных денежных книгах. Всего за 1562-1665 гг. в этих книгах содержится более 150 статей о вкладах. Денежные приходные книги фиксируют, в первую очередь, денежные вклады. Кроме того, в денежных книгах имеются сведения о вкладах хлебом, повседневной одеждой, сохой, ширинкой, двором, лошадьми и коровами. Эти иные вклады в основном указывались совместно с деньгами[5].

В хлебных книгах с 1624 по 1658 г. зафиксировано 41 упоминание о вкладном хлебе, при этом статьи почти равномерно распределяются по 1623-1626 и 1656-1658 гг. В хлебных книгах зафиксированы исключительно вклады различными хлебными культурами – рожью, овсом, ячменём, пшеницей, горохом (приведены по частоте упоминаний в порядке убывания). Денежный эквивалент вклада в хлебных книгах не указывался[6].

В шести описях строения и имущества за XVII век имеются указания на поступление в монастырь той или иной вкладной вещи. Записи предметов, полученных вкладом, чаще всего не включали указания на дату вклада. Упоминания о вкладах носят в них эпизодический характер.

---

[1] О нём см.: Священник Иоанн Бухарев. Жития всех святых. Испр. и доп. изд. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский ин-т, 2001. С. 84-85.

[2] Об этом см.: Сазонова Т.В. Кирилло-Новоезерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI–XVII вв. СПб., 2011. С. 226-229.

[3] Алексеев А.И. Под знаком конца времен. Очерки русской религиозности конца XIV–начала XVI в. СПб., 2002. С. 225.

[4] Собрание Череповецкого музейного объединения. Кн. 9-65. № 29.

[5] Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук (далее – СПбИИ РАН). Кол. 115. Д. 662.

[6] Отдел письменных источников Новгородского государственного музея-заповедника (далее – ОПИ НГОМЗ). Инв. № 25986/10784. № 17.

В описях в основном зафиксированы вкладные иконы, священнические одеяния, церковные украшения, книги, колокола, лошади и (редко) хозяйственная утварь (лохань и скатерть)[1].

Есть единичные известия о вкладах в Кирилло-Новоезерский монастырь в иных видах источников, например, в расходных книгах, в связи с расходами на вкладчика, например: «Игумен потщевал Павлову жену Бурдукова, приходила с купчею и со вкладною на двор, а с нею приходил петровской поп да отец ея, вина на них купили на два алтына на четыре денги»[2]. А в дозорной книге г. Белоозеро 1618 г. зафиксирован «двор посацкого человека Павлика Третьякова сына Бурдукова»[3].

Сохранился синодик XVII в., в котором записаны роды вкладчиков царских, боярских, помещиков, крестьян, посадских, священников, монахов. Чаще всего записи в синодике сделаны таким образом, что невозможно определить происхождение вкладчика: «Род Иоанна Филипова сына Патрекиева», «род Симеона Афанасьева сына Козмина». Только в редких случаях, сопоставляя с другими источниками, можно уточнить происхождение вкладчика[4]. Так, например, в синодике записан «род Гаврила Поспелова»[5], и только из приходной денежной книги мы узнаем, что Гаврило Поспелов – белозерский посадский человек, сделавший в 1605 г. два вклада в монастырь в размере 2,5 и 0,5 рубля[6].

К сожалению, большинство вкладчиков, упомянутых в монастырском синодике, не зафиксировано более ни в одном источнике.

Всего известно о 265 вкладах в Кирилло-Новоезерский монастырь XVI-XVII вв. Из них 34 мы условно отнесли к посадским. Но, возможно, их было значительно больше, так как треть записей имен вкладчиков, особенно в денежных книгах (типа «Иван Омросов» или «Ефрем Шилофостов») не позволяют однозначно определить, к какой группе вкладчиков относятся упомянутые лица.

Из 34 упоминаний только в 13 случаях прямо указано, что это посадские люди, например, «Семян Реутов, белозерец, посадский человек». В остальных 22 случаях записано: «Семен каргополец», «Данило Бурков з Белаозера», «Максим Семенов московитин» или «Еким Шашин белозерец». Утверждать, что все они являются посадскими людьми, нельзя. В описи имущества 1657 г. упомянут белозерецЯким Пикин, и мы его условно относим к белозерским посадским людям, а в 1658 г. во вкладной книге фигурирует Третьяко Кондратьев, крестьянин Андрея Пикина Тошенской волости Вологодского уезда, из чего следует, что Андрей Пикин являлся помещиком.

В монастырском синодике выявлены 40 родов вкладчиков, которые также можно отнести к посадским людям, однако уточнение, что это посадский человек, сделано только в 7 случаях. Некоторые московские вкладчики записаны в синодике со своими профессиями, из чего можно заключить, что это посадские люди: «Род москвитина Леонтия Иванова колокольново дела ученика», «род книго печатново двора передовшика Викулы Кондратьева Конона», «род москвитина Гаврила денежного мастера», «род Василия москвитина белильника»[7].

Из 34 зафиксированных вкладов посадских людей в Кирилло-Новезерский монастырь 20 являлись денежными – от 10 денег (наиболее мелкие вклады приходятся на 1612 г., когда Белозерье было разорено Смутой, и монахи собирали деньги на починку церкви) до 5 рублей. Наиболее часто встречающаяся сумма – около 200 денег, то есть один рубль. Отдельно в денежной книге записаны в 1658 г. вклады 6 москвичей размером от 1 до 5 рублей: «Строитель старец Гурей Неверов привез с Москвы вкладных денег»[8].

На втором месте встречается упоминание домашних животных: 9 вкладов, из них 4 лошади и 5 коров и быков. Лошади вкладывались разные – ценой от 5 до 25 рублей. Пример записи: в 1655 г. Иван Кирияков сын Горин с сыном своим Иваном, белозерец, посадский человек дал

[1] СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 663.
[2] СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 663. Л. 174об.
[3] 1617/18 г. Дозорная книга города Белоозера «письма и дозора» Г.И. Квашнина и подьячего П. Дементьева // Белозерье. Историко-литературный альманах. Вып. I. Вологда, 1994. С.44.
[4] Новгородский государственный музей (далее – НГМ). КП 30056–242.
[5] СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 663. Л. 159.
[6] См. приложение 1. № 4, 5.
[7] НГМ. КП 30056-242. Л. 102-130.
[8] См. приложение 1.

вкладом жеребца, «в каре пег, грива направо, без отмету, четырех лет к пятому» на сумму 5000 денег. В 1658 г. в денежной книге записано: «Продали мерина каря<…> что дал вкладом <…> Пимен вологжанин <.…> ряжено» 1000 денег, взято в уплату 200 денег[1].

В источниках фиксируются два случая сделанных посадскими людьми вкладов недвижимым имуществом. В 1612 г. «продали на Белеозере в городе на посаде двор на берегу манастырской, что дал Максим Текутов, а взяли 4 рубля»[2]. В 1626 г., согласно денежной приходной книге, «взял <казначей> у воеводы по игуменскому приказу у Никиты Дмитреевича Воробина за вкладную горницу, что дана по душе Павла Бордукова», почти 5 рублей – 478 денег[3].

В описи 1657 г. зафиксированы 3 вклада в виде богато украшенных икон, предназначенных для устроения новой каменной церкви Воскресения Христова, построенной в это время – белозерцев Якима Пикина и Феодосея Еремеева и «московитина» Макара Семенова. Особняком стоит вклад белозерца Макария Наумова, сделанный в 1624 г., пожаловавший свечу весом в пуд[4].

Ещё надо отметить «котел медной весом десять гривенок» стоимостью 600 денег и «две кожи мялные» стоимостью 200 денег, входившие в состав вклада белозерского посадского человека Гурия Тимофеева в 1665 г[5].

Надо сказать, что до 1624 г., исключая недвижимость, встречаются только денежные вклады. По составу вкладов принципиальной разницы между посадскими людьми разных городов не наблюдается. Естественно, московские вкладчики не делали вкладов скотом.

Относительно происхождения вкладчиков можно сказать следующее. По хозяйственной документации зафиксировано 24 белозерца, 2 каргопольца, 8 москвичей, 1 галичанин,
1 вологжанин. В синодике 8 раз упоминаются москвичи, 4 раза – каргопольцы, 6 – вологжане,
1 ярославец, 1 новгородец, 1 галичанин. Итого два вологжанина, один галичанин,
6 каргопольцев, 6 вологжан, 1 ярославец, 2 новгородца, 2 галичанин, 16 москвичей,
46 белозерцев.

Таким образом, большинство вкладчиков – посадских людей были белозерцами. Кирилло-Новоезерский монастырь находился в 30 км от Белоозера, там было два монастырских двора и огород, кроме того, Кирилло-Новоезерский монастырь часто взаимодействовал с белозерской администрацией, и естественно, что новоезерские старцы чаще всего бывали именно в этом городе.

Следуют за ними москвичи, что объясняется тем, что в Москве у монастыря были влиятельные вкладчики Годуновы, Борис Морозов. В Москву старцы часто ездили для подачи челобитных и получения грамот, там добивались канонизации основателя монастыря Кирилла Белого.

Благодаря данным расходных книг можно увидеть некоторые особенности взаимоотношений монастыря и его вкладчиков. В них регулярно встречаются записи о покупке вина и рыбы в «почесть» вкладчикам. Например, «дал на рыбу 2 рубли 14 алтын, а ту рыбу отвез к Москве ко вкладчикам в почесть»[6], или «куплено в Даниловском ведро вина, дано 11 алтын, а тем вином потчевали в Ярославле вкладчиков»[7]. География «потчеваний» ограничена Москвой, Вологдой и Ярославлем.

Судя по тому, что в «почесть» покупались относительно дорогие подарки, они делались вкладчикам, внесшим значительные суммы: только в 1625 г. для московских вкладчиков было куплено рыбы на 1334 деньги, а в 1626 г. – на 800 денег. В 1657 г. московских вкладчиков одарили житиями Кирилла чудотворца. В то же время для ярославских вкладчиков в 1625 г. было приобретено вина на 66 денег, а в 1626 г. – на 120 денег. Возможно, разница в размерах почестей прямо пропорциональна размерам их вкладов (или количеству вкладчиков). К сожалению, вкладчики не названы поимённо, и проверить это предположение невозможно. Однако

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 662. Л. 170-176об.
[4] См. приложение 1. № 13, 17-19
[5] Там же. № 33.
[6] СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 662. Л. 129.
[7] Там же. Л. 31.

«почести», оказываемые москвичам, упоминаются гораздо чаще, чем ярославцам (2 случая) и вологжанам (1 случай).

В хлебных книгах неоднократно упоминаются выдачи овса лошадям вкладчиков. Самих вкладчиков при посещении монастыря потчевали. Известно о покупке для этой цели вина и пива: «Игумен потщевал Павлову жену Бурдукова, приходила с купчею и со вкладною на двор, а с нею приходил петровской поп да отец ея, вина на них купили на два алтына на четыре денги»[1]. Потчевания удостаивались не только московские бояре, но и посадские люди: казначей «издержал на вкладчиков на посадских людей на 15 алтын вина»[2]. Монастырь, принимая милостыню, при этом мог ссужать своих вкладчиков. Например, Павел Бордуков в 1624 г. занимал у монастыря рожь, в 1625 г. приезжал молиться. В 1626 г. он скончался, и его жена сделала в монастырь крупный вклад на помин его души.

Отношения монастыря и вкладчика могли быть и более разнообразными. Белозерский посадский человек Гаврило Поспелов, сделавший в 1599-1605 гг. как минимум три вклада[3], брал у монастыря в долг деньги (2 рубля)[4]. В 1630 г. мы находим Поспелова при описании Кирилло-Новоезерского монастыря при смене властей[5]. Род Гаврилы Поспелова занесён в монастырский синодик, из которого следует, что он, возможно, постригся в монахи под именем старца Кирилла[6].

Наличие вкладчиков из относительно отдалённого от Кирилло-Новоезерского монастыря Каргополя может объясняться поездками монахов в Каргополь за солью. Известно о наличии у Кирилло-Новоезерского монастыря государевой грамоты о беспошлинной провозе соли из Каргополя. Вкладчиками монастыря являлись «Семен каргополец», «Мохнаткина сноха»[7], в синодике записаны «род Гаврила Бумагина каргопольца», «род Антония Юрьева каргопольца», «род Евфимия Наумова Щепеткова», «род каргопольца Лаврентия Радионова»[8].

Непонятно отсутствие в хозяйственной документации записей о вкладах ярославских, ростовских, вологодских вкладчиков, хотя известно, что старцы посещали эти города, тем более, что Ростов, а потом Вологда являлись центрами епархии. Ярославль старцы посещали по дороге в Москву, о чем сохранились дорожные памяти и вкладчиков часто потчевали, о чём было сказано выше, но о небольшом их количестве мы узнаём только из синодика. Вероятно, это следует объяснять сохранностью документов Кирилло-Новоезерского монастыря.

На Кирилло-Новоезерский монастырь жертвовали жители Московского государства «разных чинов». Большинство из них составляли посадские люди разных городов и крестьяне. Даже в самое тяжелое время, во время Смуты и других кризисов монастырь никогда не оставался без народной поддержки.

[1] Там же. Л. 174 об.
[2] Там же. Л. 201.
[3] Там же. Л. 53, 63 и об.
[4] РГАДА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 25.
[5] СПбИИ РАН. Кол. 115. Д. 662. Л. 186 об.
[6] НГМ. КП 30056-242. Л. 159.
[7] См. приложение 1. № 1, 2.
[8] НГМ. КП 30056-242.

Приложение 1. Вклады посадских людей в Кирилло-Новоезерский монастырь[1]

Имя вкладчика	Год вклада	Вклад
1. Семен Каргополец	1563	50 денег 20 денег
2. Мохнаткина сноха	1563	20 денег 40 денег
3. Данила Иванов сын Черноусов, посадский человек белозерец	1599	1000 денег
4. Гаврило Поспелов, белозерский посадский человек	1599	300 денег
5. Гаврило Поспелов сын, белозерский посадский человек	1605	1500 денег 2100 денег
6. Максим Текутов	1612	Двор (800 денег)
7. Завьял Осипов сын, «белозерец посадский человек»	1612	40 денег
8. Иван Андреев сын МосковскойВеденец	1612	200 денег
9. Назар «горшесник белозерец»	1612	? денег
10. Фома, белозерский посадский человек, «сапожный мастерок»	1612	10 денег
11. Данило Бурков, «с Белаозера»	1624	Корова черная (120 денег)
12. Неизвестный	1626	Вкладная горница (478 денег)
13. Макарий Наумов, «белозерец»	1628	Свеча весом 17 гривенок
14. Семян Реутов, белозерец, посадский человек	1630	240 денег
15. Еким Шашин, белозерец	1631	«Мерин рыж, во лбе звездка, сросл грива налево с отметом»
16. Иван Кирияков сын Горин с сыном своим Иваном, белозерец, посадский человек	1655	«Жеребец в каре пег, грива направо, без отмету, четырех лет к пятому» (5000 денег)
17. Яким Пикин, белозерец	1657	«Образ Пречистые Богородицы Казанские, обложен серебром, позолочен, венец с каменьем, двадцать один камень, розными цветы, венец позолочен сканью, на поле Василей Блаженный, венец обложен серебром, позолочен сканью, да в прикладе крест на камени серебром, а в нем три жемчюжени да камень, да место по розждее, да крест серебряной в прикладе»
18. Максим Семенов, московитин	1657	«Образ Преподобного чюдотворцаКирила Белозерского да

[1] Таблица составлена на основе: Сазонова Т.В. Кирилло-Новоезерский монастырь. Опыт изучения малых и средних монастырей России XVI-XVII вв. Спб., 2011. С. 282-304. Полужирным начертанием отмечены вкладчики, про которых в источнике говорится, что это посадские люди.

		ФедосияПечерскаго на одной цке в окладе, а во облацеСпасов образ, оклад серебряной басменой, венцы резные, без цат, позолочены»
19. Феодосей Еремеев, белозерец	1657	«Образ Покров Пресвятей Богородицы на золоте, по полям обложены серебром басмяным, венцы резные без цат, на полях написаны священномученик Власей и великомученик Феодор»
20. Григорий Зинин, белозерский посадский человек	1657	120 денег
21. Тимофей Ширяев, белозерец	1657	Корова (200 денег)
22. Пимен Вологжанин	1658	«Мерин карь»
23. Дмитрий и Иван Алмазниковы	1658	1000 денег
24. Кирило Павлов	1658	400 денег
25. Никифор Семенов	1658	200 денег
26. Моисей Павлов	1658	200 денег
27. Павел Кондратьев Шелковнин	1658	200 денег
28. Борис Пахомов	1658	200 денег
29. Дмитрий Иванов сын Казаков, галичанин	1659	60 денег
30. Алексей Козмин сын Шунгин, белозерский посадский человек	1659	1000 денег
31. Тимофей Савельев сын Ширяев, посадский человек, белозерец	1660	1. «Кобыла гнеда мухорта, пяти лет» (2000 денег) 2. Черная корова (300 денег)
32. Иван и Сергей Пахомьевы дети Реутовы, белозерские посадские люди	1661	400 денег
33. Гурий Тимофеев, белозерский посадский человек, с зятем Борисом Стефановым	1665	1. «Котел медной весом десять гривенок» (600 денег) 2. 2 коровы (600 денег) 3. «Две кожи мялные» (200 денег)
34. Иван и Сергей Пахомьевы дети Реутовы, белозерские посадские люди	1665	«Два бычка двулетки»

В.Г. Вовина-Лебедева (г. Санкт-Петербург)

Кургоменская волость в конце XVII– начале XVIIIв.: к вопросу о фамильных прозвищах крестьян

А.И. Копанев когда-то посвятил исследование отдельно взятой крестьянской волости Русского Севера – Куростровской волости, опираясь на сохранившиеся куростровские столбцы в составе Архива СПбИИ РАН[1]. Недавно разработку этой темы продолжила М.Н. Корогодина, используя материалы, хранящиеся в БАН[2]. Вслед за А.И. Копаневым замечательным исследователем одного из северодвинских уездов, а именно, Важского уезда, был Ю.С. Васильев[3]. писавший, в частности, об отдельных волостях и погостах[4].

Первым из известных было несохранившееся описание Важского уезда Ивана Петровича Заболоцкого 1550 г., но есть основания полагать, что Поважье описывалось и ранее[5]. В следующем XVII в. Важский уезд был подразделён на четыре четверти. Кургоменская волость была частью Подвинской четверти[6]. Она находилась в ведомстве приказа Большого Дворца, и доходы с них шли на дворцовое хозяйство. Сохранилась копия с писцовой книги Подвинской четверти 1677-1681 гг. письма Б.В. Яковлева и А. Карпова[7], копия XVIII в. с писцовой книги Подвинской четверти писцов К.Г. Благово и П. Тютчева[8] и некоторые актовые материалы. За петровское время имеется Переписная книга города Ваги с посадом и уездом 1710 г.[9].

Два года назад вышла книга о Кургомени[10], в которой собраны материалы устной истории с начала XX в.Опираясь на материалы сравнений двух государственных описаний Подвинской четверти и Кургомени второй пол. XVII и нач. XVIII вв., остановимся на вопросе о крестьянских фамильных прозвищах.

Большинство крестьян Подвинской четверти и в 1677 и в 1710 гг. прозывались своими отчествами. Но встречались и фамильные прозвища: в Кургомени это Чураковы и Чулковы. Они продолжали упоминаться в этой местности и в XIX в.[11]. В упомянутой книге воспоминаний жителей Кургомени самая частая фамилия – Чураковы, упоминаются и Чулковы. И хотя в начале XX в. там существовало уже множество других фамилий, которые в XVII в. еще не встречались, отметим эту устойчивость фамильных прозвищ Чураковых и Чулковых, существующих более трёхсот лет.

---

[1] Копанев А.И. Куростровская волость во второй половине XVI в. (Из истории подвинского крестьянства) // Академику Борису Дмитриевичу Грекову ко дню 70-летия: сб. ст. М., 1952. С. 146-156.

[2] Корогодина М.Н. Куростровский дьяк Давыдец Михайлов: нотарий, книгописец, миниатюрист? // Грани русского средневековья. Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. М., 2016. С. 164-171.

[3] Васильев Ю. С.1) Феодальное землевладение и хозяйство вВажской земле в XV-XVII вв.: автореф. дис. … канд. ист. наук. Л., 1971; 2) Важский уезд // Аграрная история Северо-Запада России XVI века: Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада / Отв. ред. А.Л. Шапиро. Л., 1978. С. 59-79; 3)Важские акты XIV-XVII веков // Важский край в истории России: прошлое и настоящее. Ломоносов и Русский Север: материалы науч. практ. конф. (Верховажье, 8-9 ноября 2001 г.). Верховажье, 2001. С. 31-33; 4)Материалы писцового делопроизводства по Важскому уезду XVI — первой половины XVII века: каталог // Важский край: источниковедение, история, культура: материалы и исследования. Вып. 3. Вельск, 2006. С. 135-156.

[4] Васильев Ю.С. Кодимская волость Важского уезда в XVI в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 381-397; Он же: Благовещенский погост Верховажской четверти Важского уезда по переписной книге писцов воеводы Б.В. Яковлева и подъячего А. Карпова 1677-1678 гг. // Важский край: источниковедение, история, культура: материалы и исследования. Вып. 3. Вельск, 2006. С. 191-206.

[5] Васильев Ю.С.Важские писцовые книги и сотницы XVI-XVII веков // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С.538.

[6] Богословский М.М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.М., 1909. Т.1. Приложения. С. 61- 62.

[7] Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. № 306.

[8] Там же. № 307.

[9] Там же. Ф. 10. Архангельская приказная изба. Оп. 3. № 2. Л. 723–732 об. См.: Вовина-Лебедева В.Г. «Съехали в Сибирь…»: Кургоменская волость в петровское время // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Омск, 2016. С. 119-25.

[10] Кургомень: История села КургоменьВиноградовского района Архангельской области в документах и воспоминаниях жителей / Сост. Г.Н. Рудакова. Архангельск, 2014; 2-е изд., 2015.

[11] Об этом говорят материалы РГИА. Ф. Департамента уделов

В дальнейшем произошло, конечно, перемешивание крестьянских фамильных прозвищ. Но по материалам 1677 г. видна четкая граница их употребления, совпадающая в большинстве случаев с границами волостей. Чураковы и Чулковы упоминаются только в Кургоменской волости. В соседней Топецкой волости[1] фамильные прозвища совсем другие – Резановы, Кашины, Щипуновы, Шумилов, Малахеев, Зыков, упомянут «москвитин садовник Савка Белаевской»[2]. В Троецкой волости[3] встретился Пашка Кирилов сын Коровин, в Пянской волости[4] Савка Михайлов сын Ерпылев, Бориско Степанов сын Колачников. В Осиновской волости[5]проживали среди других Петрушка Ефимьев сын Попов, Федка Степанов сын Бекреев, Никитка Иванов сын Рышков, Любимко Иванов сын Сутулин, Филка Леонтьев сын Лиходеев, Ивашка Пьякова сын Ивашко, Гаврилко Степанов сын Былцыных, Ивашко да Кондрашка Сергешка Ивановы дети Тороканов. Волость Прилуцкая[6] даёт нам Микитку Афонасьева сына Боровикова, Данилку Гаврилова сына Зубова, Сенку Павлова сына Шамарина, Ганку Зубова. В Березницкой волости числился Андрюшка Ипатьев сын Третьяков. В Корбалской волости[7] проживали Титко Рожин, Евсейко Черепанов, Фотейко Жвакин, Сенка Аврамов сын Холмовой, Фочка Никитин сын Черепанов.

Только в двух волостях мы увидели повторения фамильных прозвищ (выделено полужирным шрифтом). В Ростовской[8] был записал «двор пуст Ивашка Григорьева сына Зловидова», а также упомянуты Гришка Иванов сын **Хлопин**, Симанко Федоров сын **Хлопин**, Игнашка Осипов сын Бовыкин, Лучка Григорьев сын Орлов. Других Хлопиных встречаем в Конецгорской волости[9], где имелось много других прозвищ: Юшко Федоров сын **Хлопин**, Алимпейко и Афонка Юрьевы дети **Хлопина**, Якушко Кондратьев сын Высота[10], Карпушка Иванов сын Змеин[11], Максимко Иванов сын Кузнец, Гришка Федоров сын Скорняков[12], Артюшка Федоров сын Скорняков.

Алимпейко и Афонка Юрьевы дети Хлопины – это, вероятно, дети упомянутого тут же Юшки Федорова – т.е. в Конецгорской волости проживал целый семейный куст Хлопиных (два поколения), поэтому предположительно, фамилия идет именно отсюда, а ростовский Гришка Иванов Хлопин – отселенец.

Динамика изменения остальных фамильных прозвищ Подвинской четверти по материалам 1710 г. должна быть темой отдельной работы, пока же остановимся лишь на Чураковых и Чулковых Кургоменской волости. Но сначала обратимся к сохранившемуся актовому материалу более раннего времени. Среди важских актов сохранился документ о выборе 22 сентября 1621 г. сотскими старостами и всеми крестьянами Троецкой, Топеской, Кургоменской и Тулгаской волостей земского судьи и судейского целовальника[13]. Там содержатся имена с фамильными прозвищами(выделено полужирным) лучших людей Кургомени, засвидетельствовавших выбор: это сотский Юда Семенов сын **Корякин**, Омельян Мосиев сын **Торхов**, Демид Федосиев сын **Новиков**, Петр Онтоманов сын, Митрофан Иванов сын **Золотиков.** Кроме того, мы узнаем, что к выбору «Ильинской поп Каргоменской волости Василийко и в детей своих духовных место руку приложил».

Сравнение с сохранившимися государственными описаниями показывает, что ни одного из этих фамильных прозвищ во второй пол. XVII в. в Кургомени не было (или люди не упоминались больше с этими прозвищами). Можно, однако, скорее предположить какую-то убыль населения в промежуток между 1621 и 1677 г., в результате чего были утрачены

[1] Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. № 306. Лл. 160 об.-189 об.
[2] Там же. Л. 164 об.-165, 169 об.
[3] Там же. Лл. 189 об.-204 об.
[4] Там же. Лл. 11-20 об.
[5] Там же. Лл. 35-45 об.
[6] Там же. Лл. 51 об.-66.
[7] Там же. Л. 66 об.-79 об.
[8] Там же. Лл. 88-106 об., 101-103 об.
[9] Там же. Лл. 107-143 об.
[10] Там же. Л. 113.
[11] Там же. Л. 117 об.
[12] Там же. Л. 122.
[13] Архив СПбИИ РАН. Колл. 27 (Важские акты). Оп. 2. № 12.

некоторые роды, имевшие ранее фамильные прозвища. Тут нужно иметь в виду, что до второй половины XIX в. в Кургомени (а также Топсе и Заостровье) было широко распространено старообрядчество, зародившееся как раз в тот промежуток времени, когда там исчезли Корякины, Торховы, Новиковы и Золотиковы. В сер. XVIIIв. известны даже самосожжения с участием крестьян Кургоменской волости (уход крестьян в глухой лес, сопротивление и осада в течение месяца, закончившееся самосожжением)[1].

В 1677 г. крестьяне Кургомени с фамильным прозвищем Чураковы значились только в деревне Калининской (см. таблицу 2). В описи 1677 г. там записан Ульянко Терентьев сын Чюраков. Другой крестьянин Коземко Терентьев был его братом, о чём говорит не только одинаковое отчество, но и то, что в 1710 г. его тяглым жеребьем владеет «племянник ево родной» Алексий Ульянов, то есть – сын Ульянки Терентьева.

Кроме того, братья вместе пахали наездом землю в деревне Мырцовской (см. таблицу 3). Но с ними же там пахали землю также крестьяне-братья Тимошка Васильев, Никитка Васильев, Ивашка Васильев. Привлечение переписной книги 1710 г. объясняет, почему они работали все вместе.

В книге 1710 г. под фамильным прозвищем Чюраков обозначен только один из послухов: сотский Дмитрий Чюраков. Посколько только один крестьянин этой волости носил имя Дмитрий, им должен быть Дмитрий Тимофиев 50-ти годов, записанный в деревне Ефремовской. У него в 1710 г. значится сын Василей двадцати годов «увечен, глазами слеп» и брат Михайло Тимофиев [Чураков] 43-х годов с сыном Тимофеем. Мы можем определить, откуда произошли Василий и Михайло Тимофиев и найти в 1677 г. его отца. В деревне Калининской в 1677 г. значатся «Тимошка Васильев, у него дети Никитка двадцать годов, Дмитренко пятнатцать годов, Вахрушко десяти годов, Мишка осми годов». Очевидно, что оба брата уже существовали в 1677 г. (это понятно по их возрасту в 1710 г.) и были записаны как «Дмитренко» и «Мишка».

В глаза бросается неточный подсчёт лет. Ведь если в 1710 г. Дмитрию Тимофиеву было 50 лет, то за 33 года до того в 1677 г. ему должно было быть 17 лет, а не 15 (или, что вероятнее, в 1710 г. ему было 47 лет). То же относится и к возрасту Михаила Тимофиева. Если в 1710 г. ему было 43 года, то в 1677 г. должно было быть 10 лет, а не 8 (или же в 1710 г. – 41 год).

Итак, Тимошка Васильев и его дети в деревне Калининской в 1677 г. также принадлежали к роду с фамильным прозвищем Чураковы. В деревне Мырцовской он записан как пашущий наездом «Тимошка Васильев Чюраков». И к тому же клану принадлежал «Никитка Васильев, у него дети Ивашко тритцать годов, Ефремко дватцать годов, Матюшка шти годов». Последний в 1710 г. был жив и записан как «Матфей Никитин Сорока пяти годов. У него сын Мирок трех годов». Кроме того, по переписной книге 1710 г. в деревне Калининской значился «Михайло Никитин дватцати семи годов, бездетен», который пахал наездом пашню в деревне Мырцовской до 1708 г. и продолжал в 1710 г. пахать наездом пашню в деревне Никитинской. По возрасту он еще не мог существовать в 1677 г., но, очевидно, был сыном уже известного нам крестьянина Никитки Васильева.

К тому же роду Чураковых следует отнести в 1677 г. и «Ивашку Васильева, у него дети Гаврилко, Гришка одиннатцать годов, Никитка шти годов». Из них в 1710 г. был в живых Гаврилко, записанный как «Козма Гаврилов дватцати трех годов, у него сын Андроник трех годов».

[1] Щипин В.И. Старообрядчество в верхнем течении Северной Двины. М., 2003.

Таблица 1. Деревня Калининская в 1677 и 1710 г.[1]

1677 г.	1710 г.
Оска Максимов + дети: Ивашко (5 лет), Якушко (3 г.)	Иван Осипов 35 лет Борис Осипов+ сын Федор (9 лет)
Ульянко Терентьев сын Чюраков	**Алексей Ульянов**[Чураков] + **Игнатий Ульянов** [Чураков]
	Михайло Никитин дватцати семи годов, бездетен
	Артемей Иевлев тридцать два годов
Коземка Терентьев [Чураков]	двор пуст **Козмы Терентьева**, запустел в 704 м году, и он, Козма, от хлебной скудости збрел безвестно, а тяглым ево жеребьем владеет тое ж деревни племянник ево родной Алексий Ульянов [Чураков]
ТимошкаВасильев [Чураков], у него дети Никитка двадцать годов, **Дмитренк**о пятнатцать годов, Вахрушко десяти годов, **Мишка** осми годов	**Дмитрий Тимофиев** [Чураков] 50-ти годов в деревне Ефремовской **Михайло Тимофиев** [Чураков] 43-х годов с сыном Тимофеем.
Никитка Васильев [Чураков], у него дети Ивашко тритцать годов, Ефремко дватцать годов, **Матюшка** шти годов	**Матфей Никитин** [Чураков] сорока пяти годов. У него сын Мирок трех годов
Ивашко Васильев [Чураков], у него дети **Гаврилко**, Гришка одиннатцать годов, Никитка шти годов	в 1710 г.: **Козма Гаврилов** [Чураков] дватцати трех годов, у него сын Андроник трех годов

.

Значит, в запустевшей деревне Мырцовской в 1677 г. пахали наездом родственники из деревни Калининской с прозвищем Чураковы: дети некоего Василия и Терентия. Один из их потомков Михайло Никитин продолжал обрабатывать землю там же до 1708 г. Это говорит об устойчивости традиции.

[1] Источники: Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. № 306; Ф. 10. Архангельская приказная изба. Оп. 3. № 2

Таблица 3. Деревня Мырцовская[1]

1677 г.	1710 г.
Двор пустой Тараска Григорьева «сшел безвестно» вместе с женою «от скудости» в 1676 г.	В пусте наделы: Петра Герасимова, Петра Иванова, Никифора Васильева «збрели безвестно в ыные уезды»
Пашут наездом (из деревни Калининские) **Тимошка Васильев Чюраков**, **Никитка** Васильев [Чураков], Ивашка Васильев [Чураков], Куземко Терентьев [Чураков], Ульянко Терентьев [Чураков]	Пахал наездом **Михайло Никитин**из д. Калининской - запустел в 1708 г.

Из таблиц 1 и 2 видно, что в 1677 г. деревня Калининская была населена с одним исключением родственниками. Мы не знаем только, принадлежал ли к ним также Оска Максимов и его дети: Ивашко (5 лет), Якушко (3 г.). В 1710 г. эта линия сохраняется: Иван Осипов 35 лет, Борис Осипов (родившийся после 1677 г.) и его сын Федор (9 лет). В 1710 г. преобладание Чураковых сохранилось, но появились новое лицо, предки которого отсутствовали в деревне в 1677 г.: «Артемей Иевлев тридцать два годов».

Значит, мы можем сказать, что крестьяне Чураковы, населявшие деревню Калининскую в основном остались в ней и через 33 года. Но один из них по имени Дмитрий Тимофиев Чураков перешёл на жительство в другую деревню – Ефремовскую. А в д. Калининской появился крестьянин Артемий Иевлев.

Теперь мы можем предположить, что род крестьян Чураковых и их родовое прозвище, возможно, связаны происхождением именно с одним местом Кургоменской волости – с деревней Калининской.

Зная о существовании там двух ветвей Чураковых в 1677 г., мы можем построить генеалогическое древо двух линий, идущих от Терентия и Василия. Скорее всего, оба они уже имели прозвище Чураковых. Предполагаем, что они также, как и их потомки, жили в д. Калининской, так как иначе трудно представить себе, что в ней существовал такой многочисленный клан. Исходя из возраста потомков в 1677 и 1710 гг., можно примерно рассчитать время рождения их родоначальников.

Получается, что Василий (отец Тимофея, Никиты и Ивана Васильевых Чураковых) мог родиться в конце XVI - начале XVII в. Ведь его старшему внуку в 1677 г. было 30 лет. Поэтому предполагаем, что его отцу в это время не могло быть намного меньше 50-ти, значит, он родился в 1620-х годах, когда его собственному отцу могло быть предположительно от 20 до 50 лет.

[1] Источники: Архив СПбИИ РАН. Ф. 115. № 306; Ф. 10. Архангельская приказная изба. Оп. 3. № 2.

Схема 1. Генеалогическое древо крестьян Чураковых за XVII – нач. XVIII в.

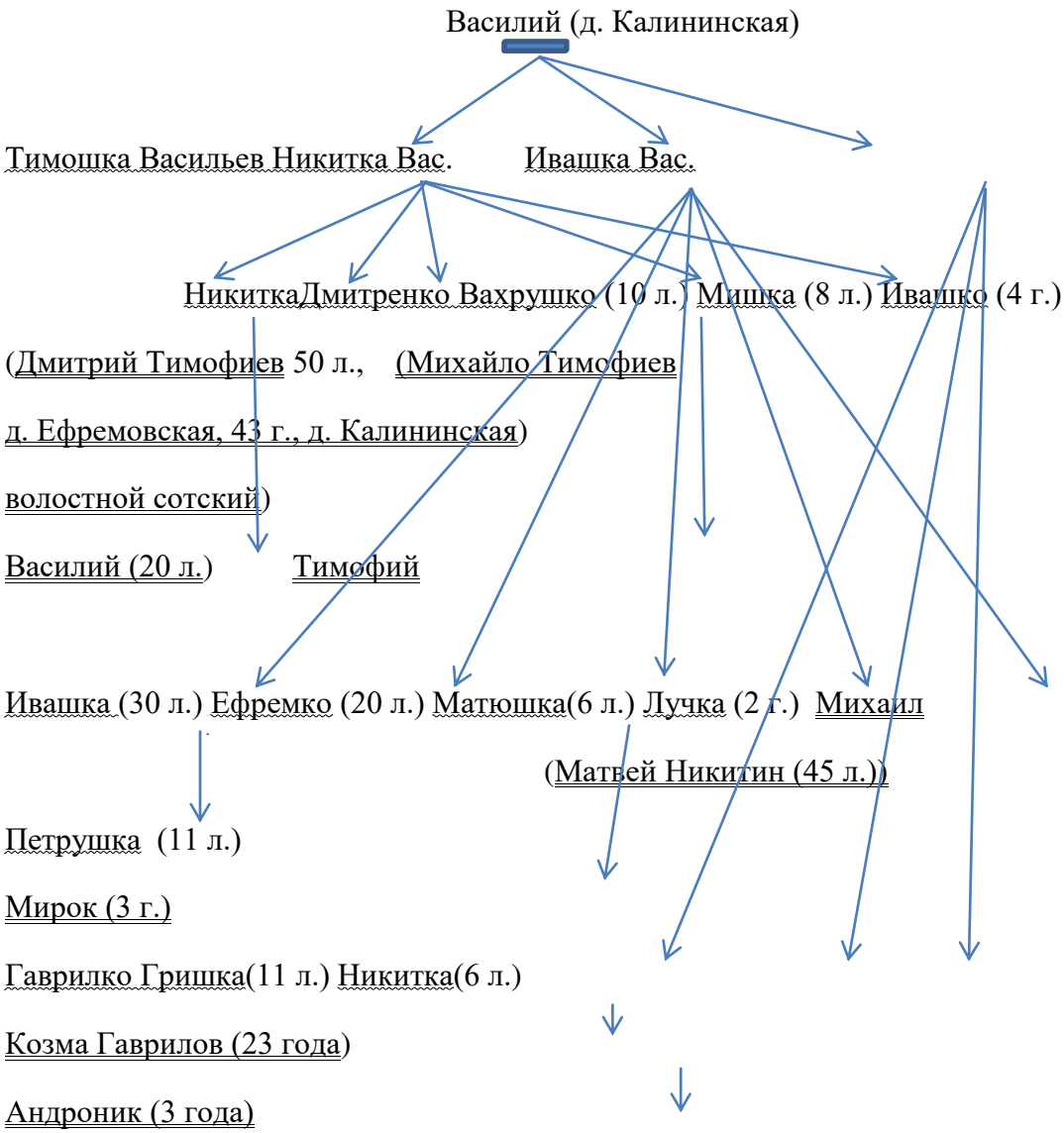
Ветвь № 1 (5 поколений)

Условные обозначения для схем 1 – 3:

умерший к 1677 г. родоначальник

члены рода, упомянутые в 1677 г.

члены рода, упомянутые в 1710 г.

Что касается родоначальника второй линии, Терентия, то тут расчёт оказывается ещё более приблизительным и основывается на том, что один из его сыновей (Козьма Терентьев) был ещё жив в 1704 г. При этом ни у Козьмы, ни у его брата в 1677 г. ещё не было детей. Следовательно, тогда они были достаточно молоды. Даже если это были младшие сыновья, рождённые, предположим, когда отцу было за 50 лет, получается (если они родились примерно в 1650-х годах), что Терентий родился где-то в начале – первой трети XVII в.

Схема 2. Генеалогическое древо крестьян Чураковых за XVII – нач. XVIII в.

Ветвь № 2 (три поколения)

Терентий (д. Калининская)

Итак, предварительные выводы исследования могут быть следующими:

– Фамильные прозвища у крестьян Кургоменской волости существовали уже в 1621 г. Во второй половине столетия старые прозвища исчезли (возможно, произошла убыть населения) и появились новые, которые уже были устойчивыми и превратились позднее в фамилии. По материалам 1677 г. распространение фамильных прозвищ совпадало с границами Кургоменской волости (как и фамильные прозвища крестьян других волостей Подвинской четверти).

– Там, где сохранились фамильные прозвища крестьян, открываются возможности для составления крестьянских генеалогий в тех случаях, когда можно определить фамильные прозвища. В Кургомени реконструируются две линии семейного клана Чураковых, происходящих из деревни Калининской и составляющих её основное население.

Т.А. Лаптева (г. Москва)

Торги и промыслы Каргополя в первой четверти XVIII века

Занятия посадских людей Каргополя в первой четверти XVIII века исследовал М.Я. Волков[1]. Источниками послужили ландратские книги и ревизские сказки, а также документы фондов Мануфактур-, Камер- и Коммерц-коллегий. М.Я. Волков установил, что численность посадского податного населения в это время составляла 1435 человек мужского пола, и эта численность имела тенденцию к падению вследствие ослабления экономического значения основного для Каргополя торгового пути по реке Онеге, хотя Каргополь и сохранял значение экономического центра для большого региона (области). М.Я. Волков же разделил всё мужское население Каргополя на 3 группы по признаку их отношения к собственности и капиталу. Самостоятельные производители промышленности (М.Я. Волков выделял 27 профессий), как рыболовы, так и ремесленники, в основном работали на местное производство. Вывозили свою продукцию за пределы уезда только скорняки, прядильщики, шапочники, владельцы винокурен (9 семей) и кожевенных предприятий (6 наиболее богатых семей). Много посадских людей было занято в транспортном производстве (перевоз товаров в карбасах на беломорское побережье и извоз на ярмарки в другие уезды). Вторую группу, по мнению М.Я. Волкова, составляли владельцы товарно-торгового (купеческого) капитала, которых насчитывалось в 1720-х гг. 69 семей, хотя, как считал исследователь, Каргополь в это время уже не принадлежал к крупным центрам торговли (размер товарооборота от 9 до 14 тыс. руб.), поскольку утратил значение общерусского центра торговли солью. Ярмарки в самом городе не было, торговали лишь уездные крестьяне съестными припасами. Однако купцы города вели большую «отъезжую» торговлю беломорской рыбой, пушниной, льном и льняными изделиями, все эти товары они лишь провозили через Каргополь. Исследователь отметил отсутствие в торговле каргопольцев специализации.

Наконец, третью группу составили наёмные работники, нанимавшиеся на суда, кожевенные и винокуренные заводы. Численность их, по мнению М.Я. Волкова, была небольшой (281 работник). На основании имевшихся у него данных он сделал вывод, что Каргополь в начале XVIII в. был городом «с высокой степенью обособления промышленного и торгового труда от земледельческого и развитой промышленно-торговой культурой». В купеческом городе возник промышленный капитал (винокуренные и кожевенные заводы). Вследствие этого, как полагал исследователь, город находился в стадии перехода от феодализма к капитализму.

Для раскрытия темы был привлечён другой вид источника – крепостные книги, составлявшиеся в местных учреждениях Каргопольского уезда, прежде всего в земской канцелярии, и содержащие записи о сделках, совершённых населением Каргополя и уезда. В начале XVIII в. в таких книгах зафиксировано более тысячи сделок. Основную часть из них составили сделки найма на работы по государственной повинности – для «государева дела» нанимали людей за деньги для отправки на Олонецкую верфь, в Новгород, Санкт-Петербург, также даточных солдат и рекрутов.

Помимо работы по строительству Петербурга и Олонецкой верфи каргопольцы должны были поставлять даточных солдат в армию, а также провиант и смолу на Олонецкую верфь. В дальнейшем к этому добавились также повинности по доставке артиллерийских припасов с Олонецкой верфи в Петербург и корабельных припасов из Архангельска на Олонец. В 1720 г. 37 каргопольцев подрядились “итти на государеву четырёхмесячную работу в Адмиралтейство”[2].

Вторую по величине группу сделок составляли договоры займа, деньги ссужали, прежде всего, представители богатой верхушки города – от 5 до 10 семей (Ватагины, Носковы, Прибытковы, Сухих Голенищ и др.) Размер займов варьировался от нескольких алтын до нескольких десятков рублей. В качестве залога нередко выступали деревенские участки, пожни и другая недвижимость. Ссужали деньги богатые капиталами каргопольцы, однако из текста

[1] Волков М.Я. Занятия посадских людей Каргополя в первой четверти XVIII в. // Культура Европейского Севера (дооктябрьский период). Межвузовский сборник научных трудов. Вологда, 1989. С. 46-57.

[2] РГАДА. Ф. 615. Крепостные книги местных учреждений XVI-XVIII вв. (коллекция). Оп. 1. Кн. 3680. Л. 2.

сделок не замечено, чтобы они извлекали из этого прибыль в виде процентов. Нередко возврат долга оговаривался в несколько сроков.

Третью наиболее значительную группу записей составляют записи грамот об использовании земельной собственности – деревенских участков и пожен. Это, прежде всего, грамоты о найме в половники («исполовные письма» и записи) и отдаче в кортому (аренду) пожен. Следует заметить, что эти документы сохранили, по-видимому, судя по языку документов, своё древнее содержание.

Четвертую группу составляют записи о продаже недвижимости – дворов и «дворового строенья» в самом городе Каргополе. В них указаны улицы, переулки, другие топографические названия, приводятся описания деревянных построек.

Наконец, пятую группу записей о сделках составляют записи, касающиеся торгов и промыслов. Это записи о найме для провоза товаров (на лошадях зимой и на судах летом). Зимой записи в основном касаются провоза рыбы (щук, лещей, судаков «доброго осеннего просолу»). Зимой нанимались также на провоз рыбы «сельдей заморских в бочках», главным образом, в Вологду. Провозили также и другие товары. Например, каргополец Г.А. Попов в 1704 г. нанимал крестьян везти до Вологды «сандал синей и красной, 33 пуда, инбирь, конатов 16 пуд, 16 пуд бумаги»[1].

Летом в основном производилась транспортировка соли в Каргополь из поморских усолий, а ржи и пеньки на побережье Белого моря. Наёмные записи касались также доставки ржи в Кольский острог по морю[2]. Но в основном рожь доставлялась работниками в Онежское устье и дальше по морю в усолья. Количество доставляемой в усолья ржи обычно составляло 20-30 пудов. Обратно суда возвращались, как правило, к Петрову дню и соль отвешивалась в Каргополе «в таможенной вес». Обратно по Онеге суда шли «бечевою».

Наёмные в судовые работники волостные крестьяне подряжались у богатых каргопольцев возить съестные припасы (в основном рожь) “водяным путём на барках… Онегою рекою до устья Онежского, а с устья… морем в усолье по соль, и в усолье то судно нагрузить и итти морем до устья, а с устья Онегою рекою до Каргополя бечевою”. Особенно много судов отправлялось в Ляшмецкое и Нижмозерское усолья. Дальние морские поездки совершались в основном на лодьях, которые также имели богатые каргопольцы. Для работы на них нанимали специальных лодейных работников. В мае 1704 г. Иван Тимофеев сын Тонин Большой нанял “рядового лодейного работника до осени, доколе он, Иван, лодьею ходит, и в зимовье лодью поставить, обрав с лодьи товар и снасть…” Сначала надо было нагрузить товар в Каргополе на барку, а затем плыть до Онежского устья, до лодьи “и из барки из судов лодью нагружать, и снасть и дрова припасать…”[3].

Для доставки использовались суда разных размеров – барки, карбасы. Договоры на их постройку также занимают значительное место среди всех записей. См., например, рядную на постройку двух барок для каргопольца Василия Иванова сына Попова крестьянами Чарондской округи «из своего лесу доброго», оговаривалась длина и ширина барок, другие параметры[4], или подрядную на строительство барки у каргопольца Ивана Спиридонова сына Сухих Голянищ Меньшого: «в вышину 5 набоев с быки и с подскульники и с походными стоячими досками»[5]. Длина барки составляла обычно 11 сажен. Барку таких же размеров заказал себе и каргополец Тимофей Иванов сын Тонин. Её нужно было «поставить на коротком на Гостине берегу на Николин день вешний»[6]. Из этих записей узнаём размеры судов и другие их внешние признаки. Каргопольцы также часто покупали барки у волостных людей. Например, в январе 1704 г. продавалось судно «новое гнутое, крытое… доброго мастерства с тугуны, и в корме казенка крытая, внутри в глубину в аршин. В ширину в две сажени…»[7]. Иногда суда нанимали и для провоза других материалов, например, верёвок мурманок, 32 тысячи[8].

[1] Там же. Кн. 3670. Л. 19.
[2] Там же. Кн. 3667. Л. 92. Следует отметить, что рожь в Кольский острог (700 мер) доставлялась на сойме.
[3] Там же. Кн. 3670. Л. 225.
[4] Там же. Кн. 3667. Л. 105-105 об.
[5] Там же. Л. 112 об.
[6] Там же. Л. 112 об.-113.
[7] Там же. Кн. 3670. Л. 45 об.
[8] Там же. Кн. 3670. Л. 88.

Нанимались в кортому и кузнечные работники со всей «кузнечной снастью» (наковальня, мехи, молоты, клещи и проч.)[1]. Из такой грамоты можно узнать об оснащении кузнечной мастерской того времени. Немалый доход приносило и плотничное ремесло – люди нанимались для «хоромной постройки» и обещали «к иному делу, не доделав, не сойти»[2].

Записаны были также подрядные на изготовление овчин на шубные кафтаны. Занимались богатые каргопольцы также торговлей кожами, которые они скупали у местных крестьян.

Значительную часть сделок составляли винные подряды на поставку от 300 до двух с половиной тысяч вёдер вина на кружечный двор. Подрядчиками выступали, как заметил М.Я. Волков, верхушка каргопольского купечества и приказные люди, например, подьячий Пётр Белоусов. С винным промыслом связаны и многочисленные записи о продаже ржи и, видимо, дров. Почти каждая богатая семья имела винокурню, на которой выкуривалось вино и поставлялось по подрядам на кружечный двор, поставки составляли от 300 до 2500 вёдер вина. Для этой же цели приобретались дрова, а для варки пива - рожь[3]. На винокурни нанимали работников, как правило, из волостных крестьян. Так, в мае 1704 г. “Волковские волости Павел Филипов сын Коренев взял у каргопольца Геора Ватагина два рубли денег, а за те деньги работать ему, Павлу, у нево, Геора, на винокуренной ево поварне сколько доведетца против иных работников по розчету”[4]. Плотники подряжались для сооружения новых зданий на винокурнях: тот же Геор Иванов сын Ватагин в июне 1704 г. подрядил четырёх плотников “срубить и сомшить молодежну да баню да на роднике мшаник у ево поварни все новые в отделке наготово сполна”[5].

Как заметил еще М.Я. Волков, большой доход приносил богатым горожанам скорняжный промысел. Занимались им и в складчину: 27 июня 1704 г. “каргопольцы бобрового дела набело мастеры и скорняки подрятчик Григорей Борисов сын Овчинников, Иван Иванов сын Ошмарин, Иван Ипатов сын Голянищев, да скорняк же Исак Лукоянов сын Злобин написали меж себя договорную полюбовную запись в том, что сего числа уговорились они, четыре человека, ехать ис Каргополя... к ярманке к городу Архангельскому для бобрового и скорняшного промыслу… против прошлых годов в бобровом промыслу и во всяком деле быть в совете, и с сего числа по уговору с четвертым товарищем, с ним, Исаком Злобиным, что ево, Исака, приняли к себе в бобровой промысл в ученье и в работу, а он, Исак, по договору и из воли в учеб и в работу шел, и найму рядил за учеб бобрового дела… 5 рублев»[6]. Это была, по сути, небольшая промысловая компания.

Постепенно увеличивается количество взятых на откуп различных промыслов, в том числе рыбной ловли по рекам и озерам, на несколько лет. Так, в мае 1704 г. посадские люди Гр. Горованов и Гр. Попов откупили на два года рыбные ловли “по... Онеге реке вниз на осми верст до Надпорожского погоста, а от погоста меж порогов и до порогов Мертвой головы на две версты…” [7]. Отдавалась на откуп, чаще на год, и рыбная ловля с лодки[8]. Откупу предшествовал торг. 31 декабря 1704 г. торг с каргопольцем Иваном Белухиным выиграл Лекшмозерской волости крестьянин В.Я. Трепицын, которому и были отданы рыбные ловли в Лекшмозере, на Масельском озере, Паше озерке в речке Лядине на 2 года «из наддачи»[9]. На оброк отдавались и мельницы, также, в основном, на 2 года, как правило, волостным крестьянам, при мельнице обычно амбар и малая изба[10]. На откуп брали и перевозы через Онегу[11], и сборы от продажи лошадей[12].

[1] Там же. Кн. 3667. Л. 101.
[2] Там же. Л. 104 об.
[3] Там же. Кн. 3670. Л. 173, 194, 212, 220 об.
[4] Там же. Л. 220 об.
[5] Там же. Л. 284.
[6] Там же. Л. 302.
[7] Там же. Л. 267-268.
[8] Там же. Л. 312 об.
[9] Там же. Л. 416 об.
[10] Там же. Л. 290 об., 292, 299 об.
[11] Там же. Л. 300 об.
[12] Там же. Кн. 3671. Л. 101 об.

Торги, как впрочем, и проживание, часто устраивались в складчину, и тогда писалось «складное письмо». В складчину происходила и торговля в Архангельске, купцы создавали свои кампании, хотя так они и не назывались тогда. Эти виды торговли были весьма перспективными.

В самом Каргополе торговля проходила на площади, где стояли ряды: Хлебный, Мясной, Кожевенный. Для охраны лавок нанимали особых караульщиков, которые должны были караулить по ночам[1].

Каргопольцы выполняли и серьезные государственные задания. Так, например, в 1703 г. каргополец Михаил Филиппов сын Белухин получил грамоту из Приказа рудных дел и Семёновской приказной палаты о поиске «рудных мест», то есть месторождений железной руды, а также других «руд», в том числе золотой и серебряной, в Каргопольском уезде и Чарондской округе. Монополия на поиск руд была отдана на 30 лет[2]. Вместе с ним в дело включились и его братья Василий и Иван. Каргопольцы также сопровождали казённые деньги, в том числе в Кольский острог.

Разрушению каргопольской торговли и промыслов способствовало введение монополии на продажу соли 1 января 1705 года[3] и введение в это же время откупной системы курения вина. В городе была введена должность головы соляного сбора. Нарушения законодательства строго наказывалось. Для наказания виновных в убытках казне императорского величества в Каргополе создана канцелярия соляного розыска. Соль в казну поставлялась, главным образом, по подрядам «с публикованного торгу», при продаже цена её увеличивалась в два раза. По подрядам же после торга поставлялось и вино на каргопольский и другие кружечные дворы, количество вёдер уменьшилось, цена за ведро по подряду также упала. Для заключения подряда выдавалась государственная ссуда. Кроме того, перенос центра внешней торговли из Архангельска в Санкт-Петербург также сказался на уменьшении объёмов торговли Каргополя.

В 1720-е гг. фиксация количества сделок в книгах значительно уменьшается. Экономика Каргополя переживает кризис, связанный с увеличением различных повинностей и государственных налогов. Для расплаты с долгами богатые каргопольцы занимают деньги у торговых иноземцев. Так, в апреле 1721 г. отец и сын Шубниковы заняли в Архангельске на ярмарке у Фр. Поппе и П. Конова 219 рублей на десять сроков, Михаил Андреев сын Вихорев занял у них же 168 рублей 14 алтын[4]. Сроки уплаты растягивались до конца 1730-х гг. Деньги занимали и у посадских людей, прежде всего у бургомистра Степана Михайлова сына Лыткина, Прибытковых и Ватагиных. При совершении таких сделок часто закладывалась находившаяся в собственности недвижимость. В книгах преобладают записи о займах денег и продажах деревенских участков, дворов и огородных мест. Нет уже сделок по строительству судов, домов, церквей, наёмной работе на судах и в усольях.

Количество записей о сделках, подрядах и других документах предпринимательской деятельности продолжало уменьшаться, к началу 1770-х гг. их насчитывалось менее двух десятков за весь год, в основном связанных с продажей казенной соли и вина.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что торговля и промыслы Каргополя и уезда, имевшие значительный торговый оборот и капитал в начале XVIII века, постепенно теряют и объёмы торговли, и капитал, и важные направления предпринимательской деятельности.

[1] Там же. Л. 186 об.
[2] Там же. Кн. 3670. Л. 127.
[3] Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. СПб., 1830. № 2009. С. 279-280.
[4] РГАДА. Ф. 615. Кн. 3684. Л. 43 об.-44 об.

Н.В. Козлова (г. Москва)

Вопросы «коммерческого искусства» в проектах архангелогородского купечества и политике правительства последней трети XVIII века

Начиная с петровского времени во всех областях государственной политики ощущалась потребность в грамотных и профессионально образованных людях. Это общее явление затронуло и социальную сферу деятельности российского купечества. Уровень грамотности населения, как известно, во многом зависит от организации школьного дела. До 80-х годов XVIII в. общеобразовательной школы, где могли бы обучаться дети городских тяглых сословий, в России не было. Принудительный набор посадских детей в цифирные школы, организованные по указам 1714 и 1716 гг. во всех губерниях для «дьячих, подьяческих и всякого чина людей детей их от десяти до пятнадцати лет (опричь дворянских)», вызвал массовый протест купцов, доказывавших необходимость нахождения их сыновей в интересах обучения торговому делу при их собственных торгах и промыслах. В ответ на челобитье посадских людей Каргополя, Устюга Великого, Вологды, Калуги и других городов Сенат освободил купеческих сыновей от обязательного обучения в цифирных школах[1]. Широкая программа деятельности городовых магистратов по развитию городской экономики и организации школьного обучения посадского населения, провозглашенная регламентом Главного магистрата 1721 г., не была подкреплена созданием необходимой для этого финансовой базы. В итоге, как сообщал Главный магистрат на запрос Комиссии о коммерции в начале 1760-х годов, даже «в Москве и в приписных городах и в Санкт-Петербурге для обучения купечества школ никаких не учреждено»[2].

Единственным способом овладения грамотой, письмом и счётом для посадских детей вплоть до 80-х годов XVIII в. оставалось частное ученичество. В той же челобитной, в которой купцы просили освободить их детей от обучения в цифирных школах, они отмечали, «что выше писанной де науки многие из детей их обучаются и собою». Дети купцов проходили первую ступень, а для большинства и единственную, обучения (чтение, письмо и счёт) в возрасте от 7 до 10 лет, поскольку от 10 о 15 лет они уже «вступали в купечество» и приобретение ими «профессиональных» знаний и умений осуществлялось в дальнейшем в ходе их торговой деятельности, отрываться от которой в интересах продолжения обучения они не хотели, да и не могли. При потребности в знаниях иностранных языков учителей нетрудно было найти среди иноземцев, особенно в портовых городах, Москве, Вологде и некоторых других.

Наиболее традиционной формой торгового ученичества, являвшейся основной и на протяжении всего XVIII в., была «практическая школа» торговли. Вся деятельность купцов заставляла их постигать «науку» на практике. Купцы, которые вели постоянные торги, довольно рано начинали использовать в своих торговых промыслах подрастающих сыновей, племянников и других малолетних родственников. Распространенность подобного практического обучения подтверждают многие источники. На практике молодые купцы овладевали навыками различных форм торговли, учились выяснять конъюнктуру рынка, цену товара, условия торговли на разных рынках, умению отбирать товар при оптовых и розничных закупках, постигали механизм кредитных сделок, учились брать подряды, нанимать транспортных работников, рассчитывать издержки и прибыль и многое другое, с чем они сталкивались в процессе торговой деятельности. Приобретённые в ходе «домашнего» обучения знания и навыки в области торговли купец совершенствовал в процессе собственных торгов. Государственного регулирования и государственных форм обучения купцов в допетровское время в России не существовало. Не было и широко практиковавшегося в ряде стран Западной Европы обычая обучать купеческих детей в знатных купеческих конторах, которые являлись своеобразной школой коммерции.

Другой формой обучения стала литература о коммерции, появившаяся в России в 1740-х годах, но превратившаяся в заметное явление лишь в последней трети столетия[3]. В ней излагались сведения о товарах, торговле и её различных типах, системах мер и весов разных государств, денежном счёте, бухгалтерии, торговых книгах и принципах их ведения и многое

[1] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 459. Л. 1-4.
[2] Там же. Л. 6.
[3] В 60-90-х годах XVIII в. было издано более 20 наименований книг о коммерции. См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725-1800. Т. 1-5. М., 1963-1967.

другое. Помимо информации о торговле, большинство книг содержаломногочисленные примеры решения задач, могущих возникнуть в процессе обращения товаров; образцы конторских книг и записей в них были прямо нацелены на обучение купцов различным приёмам торгового искусства.

Многие авторы таких изданий, помимо изложения конкретных сведений по тем или иным вопросам торгового искусства, специально останавливались на разъяснении причин необходимости приобретения купцами специальных знаний. «Прямой и порядочный купец, — писал известный архангельский купец А.И. Фомин, — должен быть в своём промысле совершенно обучен, сведущ и искусен... Богатства, приобретаемыя торгом, не одним слепым щастием получаются, но извлечены бывают большею частию из источников разума, осмотрительностию и навыком... Разум управляет светом, а не фортуна»[1]. Эти вполне в духе идей Просвещения мысли во второй половине XVIII в. находили отклик в купеческой среде, а порой и воплощались в биографиях некоторых её представителей. Одним из купцов-предпринимателей новой формации был сам Александр Иванович Фомин (1733-1801), купец, владелец сахарного завода, книгопродавец, просветитель, автор многочисленных сочинений о Двинском крае, Белом море, местных промыслах. Он был одним из составителей наказа в Уложенную комиссию, организатором местного исторического общества, корреспондентом Петербургской Академии наук, Директором народных училищ Архангельского наместничества, а также активным участником местного самоуправления. В последней трети XVIII в. в купеческую среду в большей мере, чем раньше, стало проникать сознание необходимости овладения специальными знаниями в области торговли. Принцип «что жить, то больше учиться в коммерции должно» становится девизом многих купцов.

Показательно, например, мнение на этот счёт архангельского купечества[2]. Так, в 1764 г. оно в ответе на вопрос, «в чём настоят их отягощения», предложенный Комиссией о коммерции, указало на «недостатки в знании их коммерческого искусства», а именно: арифметики и особенно дробных чисел, иностранного денежного счёта, мер и весов, бухгалтерии, «штиля» писем (характерно, что речь идёт не о грамотности, которая, видимо, уже, само собой, разумеется, а об умении составлять деловые письма своим корреспондентам), географии, иностранных языков, торгового законодательства. В связи с этими нуждами местное купечество требовало учреждения за счёт государства в городе гимназии для обучения купеческих детей всей губернии, издания переводов иностранных сочинений о коммерции.

В этих запросах архангельское купечество не было одиноким. В проектах неизвестных авторов начала 1760-х годов поднимался вопрос об организации школ для обучения купеческих детей арифметике, английскому, немецкому, голландскому и французскому языкам, конторскому содержанию книг. Высказывалась также мысль о поощрении посылки детей купцов в чужие края для приобретения знаний в области коммерции. По мнению авторов проектов, всё это должно было способствовать преемственности купеческой должности, стабильности капиталов и купеческих контор, достижению того, чтобы «не изсякало бы купечество, но паче распространилось далее в будущие роды»[3]. О необходимости издания коммерческой литературы и открытия школ для купеческих детей писали в своих наказах в Уложенную комиссию 1767 г. купцы ряда городов[4].

Не менее остро во второй половине XVIII в. стоял вопрос о необходимости открытия специализированного в области коммерции учебного заведения. Заслуга в его постановке, как уже отмечалось, принадлежала самому купечеству. В 1770 г. в Комиссии о коммерции началась разработка проекта купеческой школы в Петербурге. Но ещё в 1764 г. архангельские купцы представили в Комиссию проект гимназии, написанный В.В. Крестининым, в котором были определены не только общие принципы, положенные в её основу, но и программа обучения[5].

---

[1] Фомин А. Письмо к приятелю с приложением описания о купеческом звании вообще и о принадлежащих купцам навыках // Новые ежемесячные сочинения. Ч. XXIV, 1788. С. 6-25.

[2] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1. Д. 441. Л. 219-224. «Представления архангелогородского купечества о изнеможениях» 1764 г.

[3] Там же. Д. 29. Л. 68 об., 46 об.

[4] Бочкарев В.Н. Культурные запросы русского общества начала царствования Екатерины II: По материалам законодательной комиссии 1767 г. Пг., 1915. С. 20-22, 37-40.

[5] РГАДА. Ф. 397. Оп. 1.Д. 445/3.

Однако, этот проект при разработке И.И. Бецким Плана Коммерческого Воспитательного училища учтён не был, а апробация Плана осуществлялась сановными чиновниками: графами Н. Паниным, Э. Минихом, И. Чернышевым, князем А. Голицыным и Г. Тепловым[1]. Сравнение проекта В.В. Крестинина с Планом Коммерческого Воспитательного училища, утверждённым Екатериной II, объясняет истинные причины нежелания купцов отдавать своих сыновей в это учебное заведение, открытое в Москве в 1772 г.

В плане Бецкого воспитательным задачам отдавалось предпочтение перед задачами обучения. Эта идея принадлежала не одному Бецкому. Её разделяли в правительственных кругах, близка она была и императрице. Согласно идеям Бецкого, достигалось это путём создания системы строго закрытого воспитания, на много лет устраняющего влияние той среды, в которой дети родились, «ибо неоспоримо, что частое с людьми без разбору обхождение … весьма вредительно, а наипаче во время воспитания такого юношества, которое долженствует непрестанно взирать на подаваемые ему примеры и образцы добродетелей»[2]. К этому важно добавить, что по условиям приёма дети находились в стенах училища с 5-летнего возраста до 21 года[3].

Само купечество придерживалось совершенно иных взглядов на идеи, которые должны быть положены в основу специализированного в области коммерции учебного заведения. Так, в проекте В.В. Крестинина была чётко выражена мысль о необходимости тесной связи гимназии с общественной жизнью города, о превращении её в культурный центр края. Культурная роль гимназии подчёркивалось созданием при ней на общественные средства подготовительной школы для бедных и публичной библиотеки.

Организацию гимназии как учреждения, преследующего задачу развития коммерции в интересах всего общества, согласно проекту, должна была взять на себя казна. Правительство, напротив, с самого начала разработки проекта купеческой школы потребовало, чтобы она содержалась не на казённом коште. Это мотивировалось тем, что пользу от открытия училища получат купцы, которым и следует оказать ему «вспоможение. Таким образом, ввиду финансовых затрат, власть сразу «забывала» о значении торгово-предпринимательской деятельности купечества для экономического развития страны. Открытие в 1772 г. Коммерческого училища стало возможным в результате пожертвования Прокофием Акинфиевичем Демидовым на эти цели 205 тыс. рублей при условии открытия училища в Москве.

Существенные отличия имелись и в программе обучения. В Плане И.И. Бецкого на первое место выдвигались воспитательные и общеобразовательные задачи. К общеобразовательным предметам относились чтение и письмо, арифметика и геометрия, физика и химия, иностранные языки, история и география, математика и механика. В программу входило также преподавание вокальной и инструментальной музыки, рисования, танцев и «прочаго по склонностям». Специальные дисциплины включали мореплавание, естественную историю, двойную бухгалтерию, историческую географию, коммерческое право. На практике коммерческие дисциплины в процессе обучения заняли ещё более скромное место, чем то, какое им было отведено в программе. Из общеобразовательных предметов первые годы преподавали лишь русский язык и арифметику. Учитель истории и географии появился в училище только в 1778 г., коммерческой географии, бухгалтерии и коммерческой корреспонденции – в 1783 г.[4]

Купечество же выступало за решение в первую очередь практических задач профессионального образования, а общеобразовательные дисциплины оценивало как «желательный фундамент профессиональных знаний»[5]. Программа гимназического курса, предложенная В.В. Крестининым, опиралась на запросы архангелогородских купцов, сформулированные в доношении в Комиссию о коммерции. Она включала правописание,

[1] План Коммерческого воспитательного училища. СПб., 1772. С. 3.
[2] Майков П.П. И.И. Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904. Приложение. С. 7-10.
[3] План Коммерческого воспитательного училища... С. 20.
[4] Об этом см.: Козлова Н.В. Организация коммерческого образования в России в XVIII в. // Исторические записки. Т. 117. М., 1989. С. 306.
[5] Кизеветтер А.А. Школьные вопросы нашего времени в документах прошлого века // Кизеветтер А.А. Исторические очерки: Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в XVIII столетии. Из истории России в XIX столетии. М., 2006. С. 124.

«исправное» сочинение писем, арифметику, бухгалтерию простую и двойную (итальянскую), географию политическую и коммерческую, иностранные языки (немецкий, голландский, французский), навигацию. Воспитание же «доброго купца и доброго гражданина» мыслилось с помощью изучения древней и новой политической истории, а также российских законов, российских и иноземных торговых уставов и судебных обрядов. Включённое в программу правоведение было представлено книгой С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина». И, наконец, как отмечал еще А.А. Кизеветтер, принципу официальной опеки и регламентации в области образования проект противопоставил принцип самого широкого доверия к педагогическому персоналу[1], поставив над ним не чиновников, а контроль Академии наук и общественного мнения.

Таким образом, открытое в Москве Коммерческое училище воплотило в себе взгляд дворянского государства на задачи и содержание обучения коммерции. Он существенно отличался от запросов, выдвигавшихся образованной частью российских, в частности архангелогородских купцов. Данное обстоятельство определило слабую популярность этого учебного заведения в купеческой среде. Только с переводом в 1799 г. Коммерческого училища в Санкт-Петербург его План подвергся значительным изменениям (сокращено число учащихся со 100 до 50-60 человек и соответственно увеличена сумма, идущая на их содержание, набор производился с 10-летнего возраста; в программе обучения усилены коммерческие дисциплины)[2].

В историографии конца XIX – начала XX в. широкое распространение получили взгляды на неподготовленность, серость и косность общества как на главную причину неудачи просветительских намерений Екатерины II. Н.Н. Фирсов, например, писал, что «дело коммерческого образования в России оставалось делом будущего и после учреждения коммерческого училища: наше купечество в целом было ещё слишком не подготовлено превратиться в коммерсантов, крепко держалось за дедовские обычаи и не имело охоты менять их ни на какие иноземные коммерческие регулы»[3]. Однако трудности с набором воспитанников в Коммерческое училище в первые десятилетия его существования объяснялись не тем, что «в среде нашего купечества недовольно ясно осознавалась необходимость специального коммерческого образования», как писали в поздравительном адресе по случаю 50-летия училища петербургские купцы[4], а принципами и идеями, положенными в его основу.

Таким образом, «коммерческое искусство», способы овладения им, как и задачи обучения купеческих детей, правительство и архангелогородские купцы понимали по-разному. В итоге усилия власти в этой области вплоть до конца XVIII в. были весьма скромными.

[1] Там же. С. 125.
[2] ПСЗ. Т. XXV. № 18960.
[3] Фирсов Н.Н. Правительство и общество в их отношении к внешней торговле России в царствование императрицы Екатерины II: Очерки из истории торговой политики. Казань, 1902. С. 174.
[4] Цит. по: Исторический очерк Санкт-Петербургского коммерческого училища, читанный директором М.М. Богоявленским в день столетняго юбилея училища, 6 декабря 1872 года. СПб., 1872. С. 21.

М.В. Николаева (г. Москва)

Строительная история Каргополя в подрядных записях крепостных книг местных учреждений XVIII в. (по материалам Российского государственного архива древних актов)

Введение

Строительной истории Каргополя посвящено немалое число книг и статей, которые основаны на широком спектре разного рода источников[1], однако подрядные записи в крепостных книгах Российского государственного архива древних актов, связанные с застройкой города в первой половине XVIII в., до сего времени в комплексе не рассматривались.

О крепостных книгах по Каргополю

Записные актовые книги по Каргополю и уезду, хранящиеся в РГАДА в фонде «Крепостные книги местных учреждений XVI-XVIII вв.», являются уникальным и малоизученным источником, в котором в определенной степени получила отражение история формирования города.

Эти книги первоначально отложились в фондах местных учреждений ***(илл. 1)***, где в XVII–XVIII вв. регистрировали крепостные акты, но в 1965 г. их подключили к специально созданной коллекции крепостных книг, которая была сформирована из дел, посвященных городам и более мелким населенным пунктам на территории европейской России.

Комплекс под названием «Каргополь с волостями» включает 155 крепостных книг, которые были изъяты из дел фондообразователей, а именно: из фонда «Каргопольская земская изба» (РГАДА. Ф. 733) – 8 единиц хранения по Каргополю за первые годы XVIII в., точнее с 1701 г., т.е. с того времени, когда была введена практики нотариального оформления частноправовых актов, и по 1708 г.; из фонда «Каргопольская приказная изба» (РГАДА. Ф. 1123) – 4 единицы хранения по Каргополю – за период с 1709 по 1712 гг.; с 1713 по 1719 гг. книги не сохранились; остальные единицы хранения попали в коллекцию из фонда «Каргопольская воеводская канцелярия» (РГАДА. Ф. 498), к которой, как и везде в провинции, перешло после 1720 гг. ведение крепостных книг, а также из других фондов местных учреждений.

Как известно, способы регистрации частноправовых актов в крепостных книгах в различных городах не были единообразны.

В комплексе «Каргополь с волостями» в период с 1701 и по 1734 г. числятся преимущественно так называемые «общие» книги, т.е. те, в которых регистрировали все принесенные к записи крепостные акты без учета специфики содержания, в числе прочих встречаются и записи строительных договоров.

Книги различных видов по Каргополю появляются в описи с середины 1730-х годов, а собственно подрядные присутствуют в период с 1740 по 1768 г., правда, всего 9 единиц хранения с малым объемом – от 1 до 7 листов.

Подрядное строительство

За первую половину XVIII в., т.е. в период с 1701 по 1751 г., в записных книгах РГАДА было выявлено 23 записи, которые связаны со строительными работами в Каргополе.

По характеру и содержанию подрядные можно разделить на несколько категорий.

Во-первых, это договора, посвященные частному жилому и хозяйственному строительством.

К числу таких сделок относится договор 1702 г. посадского человека города Каргополь Алексея Семенова сына Меньшого Меркушева, которым он нанял для благоустройства своего

[1] Докучаев-Басков К.А. Церковно-приходская жизнь в городе Каргополе в XVI – XIX веках. М., 1900; Он же. «Строкина пустыня» и ее чернецы (Опыт исследования жизни монашествующих). Сайт «Россия православная»; Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М., 1973; Бодэ А.Б. Деревянное зодчество Русского Севера: Архитектурная сокровищница Поонежья. М., 2005; Мильчик М.И. Каргополь: Деревянная крепость и остроги по реке Онеге: Документы и графические реконструкции. СПб., 2008;Масиель-Санчес Л.К. Троицкий погост на Онеге и его архитектурный контекст // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XVI–XX вв. М., 2010. Вып. 8. С. 59–79; Он же. Каменная архитектура Каргополья начала XVIII века // Academia. Архитектура и строительство. М., 2015. № 1. С. 41–48 и др.

дворовладения, располагавшегося на улице Каменка (ныне улица Акулова), каргопольцев же плотников Ивана Никитина сына Гробова и Илью Федорова сына Морякова.

На «новокупленном» дворе Меркушев предполагал произвести основательное обновление имевшихся там строений: во-первых, поднять рычагами («поджаравить») переднюю избу и выправить («изладить») ее основание («чтоб стопой была пряма»); крышу покрыть новыми желобами и врубить под «потоки»[1] новые «курицы»[2].

В старых сенях он планировал произвести реконструкцию – срубить чулан, «угол лапою в замок», а также вытесать, выправить и выскоблить стены и поставить лавки, обновить подклет, заменив сгнившие мосты, в погребе переделать двери и лестницу, переставить и починить старую напогребницу.

Перечень работ включал переделку на переднем дворе больших ворот с приворотьем[3]: старые вереи[4] поставить на новые плахи[5], сделать новый двойной щит, вверху – навес с зубцами, у ворот срубить чулан размерами в два с половиной на полторы сажени, внутри сделать плотный облый[6] потолок, волоковое окно и двери на косяках со щитом, поставить лавки. Заказчик также желал весь двор огородить («затынить»[7]), положить новые быки и поставить новые столбы вместо старых, во дворе и перед воротами сделать новые тесаные мосты; двор, чулан и напогребицу – покрыть желобами.

Стоимость работ была определена в 3 рубля и 25 алтын[8].

Работы, связанные с сооружением построек бытового и хозяйственного назначения, были произведены в Каргополе по заказу жителя Волковской волости Степана Григорьева сына Звонкова.

Для строительства пятистенной под двухскатной крышей бани ***(илл. 2)*** с предбаньем он нанял в 1703 г. Сольской волости Петра Ильина сына Посникова и Якова Григорьева сына Козицына.

Размеры стен были определены в договоре довольно оригинальным способом - в ручных саженях брата заказчика Василия Звонкова - «долгие» в три сажени, «короткие» – в две с локтем, т.е. соответственно примерно 6 на 4 метра. Высота бани, судя по местоположению матицы[9] на 12-м ряду, составляла – от 2 м 64 см до 2 м 88 см, поскольку известно, что бревна, шедшие в строительство, в отрубе были пяти и пяти с половиной вершков, т.е. от 22 до 24,5 см.[10]

Скрупулезно представленные в документах сведения о постройках чрезвычайно ценны по причине минимальной сохранности или даже, практически, полного отсутствия ныне деревянного жилого строительства первой половины XVIII в. При этом, хотя традиционность, неоднократно отмечавшаяся исследователями, и присущая деревянному строительству, но письменные свидетельства все же могут подтверждать или опровергать общепринятые представления, по крайней мере, в деталях и подробностях.

К числу наиболее интересных документов по истории гражданской застройки Каргополя в рассматриваемом комплексе можно, наверное, отнести договор 1749 года на сооружение жилого комплекса на дворе канцеляриста Каргопольского магистрата Ивана Федорова сына Прянишникова на улице Красный посад.

Проект предполагал возведение силами десяти крестьян государственных волостей Каргопольского уезда на готовом фундаменте связи из двух горниц – «передней» (пятистенной) и «задней» – с подызбицами, которые соединяли проходные сени (нижние и верхние). Общая длина линии была равна 12 саженям, а каждый входящих в нее элемент был равен 4 саженям.

---

[1] Массивный желоб, в который упираются нижние концы тесин в кровле деревянной постройки (Плужников В.И. Термины российскогоархитектурного наследия. М., 1995. С. 105).

[2] Прикрепленные к слегам крыши тонкие жерди с крюком на нижнем конце, поддерживающем водотечный поток или желоб в основании свесов тесовой кровли (Плужников В.И. Указ.соч. С. 81)

[3] Приворотье или предвратье – место перед воротами, вне двора

[4] Столбы, на которых вешаются створки ворот

[5] Половинка расколотого вдоль бревна или куска бревна

[6] Облые – округлые

[7] Тын – частокол из вертикально врытых в землю заостренных бревен

[8] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д.3666. Л. 23 об.

[9] Центральная несущая балка потолка (Плужников В.И. Указ.соч. С. 87)

[10] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 3667. Л. 166.

Размер горниц по лицевой и «задней» стенам составлял пять с половиной саженей. Горницы с сенями и клети рубили «под один скат».

При проходных сенях, располагавшихся, около горницы на выпуске с фундамента делали «трои жиры до верху».

Еще одни сени около задней горницы, которые служили проходом в огород, имели на выходе рубленый рундук с крышкой в два теса и перила;

Сени играли особую роль в доме: в них располагались лестницы, соединявшие ярусы постройки, в нижних сенях – чулан, в верхних – «чердачек» и клеть с красными дверями и окнами.

Запись содержит указания относительно приемов рубки стен отдельных помещений: нижние жиры в «белой» избе – вприсек, верхние – вприсек и взакрой, нижние жиры в «черной» избе – «круглым углом» и т.д.

В договоре были приведены подробности внешнего оформления построек: с внешней («воной») стороны стены – выскоблить и сомшить, на крыше сделать охлупни[1], потоки, врубить курицы и покрыть желобами; к горницам, клетям и крыльцам прибить резные причелины[2]; к красным окнам сделать ставни.

Внутренняя отделка включала изготовление потолков с подволокой и мостов из бревен и теса, лавок и полок, а также отделку стен (отесать и выскоблить) и т.д.

Так называемый двор «подле горниц и сеней» окружал рубленый забор с воротами и приворотьем «на косяках тесаные из брусья и с навесом». В «скоцкий» двор с улицы вели въездные ворота, здесь же должна была стоять приворотная изба.

Весь «двор» с избой требовалось покрыть желобами со скалой.

Начало строительства определяли погодные условия: «как лес с реки вывозитца на гору».

Сумма подряда была определена в 100 рублей[3].

Во вторую группу условно объединены подрядные, посвященные храмовому строительству из дерева.

Вначале обратимся к церквам, которые располагались на Старой торговой площади - Никольской и Владимирской ***(илл.3).***

В 1703 г. 6 крестьян Ягремской волости Каргопольского уезда подрядились у церковного старосты посадского человека города Каргополя Дмитрия Серебреникова и приходских людей храма Благовещения Богородицы поставить деревянные припасы для строительства на «погорелом месте», где ранее стояла одна из самых древних в Каргополе деревянная Никольская церковь (упоминается в XVI в.)[4], нового храма во имя Николая чудотворца. В ассортимент входило: сосновый лес – «моховой гладкой доброй несуковатой <…> ядреной прямой без горбув», в том числе 130 шестисаженных бревен в 7,5 вершков в одном конце и 6,5 в другом в отрубе, 20 восьмисаженных в 6 вершков в отрубе и 350 четырехсаженных; а также чурки разных размеров и два двухсаженных столба.

Размер ручной сажени определял в этом случае размах рук прихожанина Никиты Михайлова сына Лыткина[5].

По сведениям, приведенным в публикации Г.В. Алферовой каменная Никольская церковь на этом месте заменила деревянную в 1741 г., а финансировал строительство также Лыткин, но Степан Михайлов, возможно, брат Никиты[6].

В XVI в. на Старой торговой площади стояла Пятницкая церковь; обветшавшую постройку в 1653 г. заменили на новую с шатровым верхом и освятили как Владимирско-Пятницкую.

В конце 1706 или начале 1707 г. церковный староста Василий Кимлянинов с приходскими людьми обратились к Новгородскому митрополиту Иову с просьбой разрешить им пристроить к церкви Владимирской Богородицы храм во имя Антония римлянина.

---

[1] Опрокинутый деревянный желоб, закрывающий стык тесин по гребню кровли (Плужников В.И. Указ.соч. С. 97)

[2] Наклонная доска на фасаде, обычно резная, наложенная на торцы подкровельных слег

[3] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 3744. Л. 1–2

[4] Алферова Г.В. Указ соч. С. 61

[5] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 3667. Л. 343 об.–344**.**

[6] Алферова Г.В. Указ соч. С. 61

В грамоте митрополита Иова в ответ на челобитную прихожан строительство храма было разрешено, но с условиями: «а верхи бы на той трапезы и на церкви были б не шатровые, а олтарь зделать круглой тройной» и т.д.[1]

5 марта 1707 г. каргопольские посадские люди – староста и прихожане – наняли 6 плотников, которым поручили разобрать обветшавшую трапезную Владимирской церкви с папертью и лестницами и построить на этом месте («в трапезные стены») теплую церковь Антония римлянина с трапезной и двумя папертями по образцу – «слово в слово, не убывая ничего» – деревянной каргопольской же Троицкой церкви[2].

Плотники должны были отделать постройку полностью, снаружи и внутри («нутро зделать») и подготовить к освящению («божественной» службе).

С этими переделками и пристройками Владимирский храм простоял более 170 лет и был перестроен в 1824 г., придел Антония римлянина разобран[3].

В этой связи надо сказать, что «образцовый» храм Живоначальной Троицы, располагавшийся к северу на Троицкий площади, также известен с XVI в.

В 1751 г. по заказу священника церкви Федора Григорьева, церковного старосты и прихожан крестьяне Каргопольского уезда, семь человек, должны были произвести ремонт и реконструкцию храмового комплекса – теплой Троицкой церкви с алтарем и трапезной, а также придельных (?) храмов во имя Одигитрии Богородицы, Жен мироносиц и Димитрия Селунского.

В соответствии с подрядным договором мастерам предстояло:

– перекрыть новым тесом по подскальнику[4] церковь, крыльцо «с летнюю [южную] сторону», паперти (кроме западной) и трапезную;

– шеи и главы Троицкой церкви и «теплой» (Одигитрии?) покрыть новой «чешуей» до водяного ската, а под ним – заменить на новую «чешую», что «явится негодна»;

– бочки на Троицкой церкви и придельных «церквах и олтарях» также покрыть «тесаною чешуею» из осинника подобно тому, как кроют главы[5];

– изготовить и поставить пять крестов на сам храм, на «Троицкий» алтарь и церковь Одигитрии Богородицы;

– под шеями глав сделать новые «боровки[6], и лотки[7], и зубчики[8]».

Реставрации, помимо кровли, подлежали крыльцо[9], и трапезная.

Нанятые плотники по условиям договора должны были беспрекословно («беспорно») переделать все то, что из их работы не понравится священнику и приходским людям[10].

Деревянная постройка не сохранилась и ныне существует лишь каменный храм конца XVIII в.

Еще одно деревянное храмовое строительство развернулось в 1707 г. в валах острога-крепости, носившем название Городок. Плотники из крестьян Красноляжской, Полуборской и Печниковской волостей – всего 4 человека – дали на себя запись старосте храма Спаса Нерукотворного ***(илл, 4, 5, илл. Спасская церковь см. в статье М.И. Мильчика)*** Михаилу Корепину, а также приходским людям, в том числе Егору Ватагину, разобрать старую трапезную с папертью и колокольню, расчистить место и снова поставить весь комплекс «на слан», заменив при этом гнилые бревна, а также сделать «в однех стенах» с трапезной две теплые церкви с «круглыми» алтарями, т.е. два придела – один с полуденной, южной, стороны во имя Василия

---

[1] Докучаев-Басков К.А. Церковно-приходская жизнь в городе Каргополе в XVI – XIX веках. С. 4-10

[2] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 3673. Л. 265.

[3] Докучаев-Басков К.А. Церковно-приходская жизнь в городе Каргополе в XVI – XIX веках. С. 10

[4] Нижнийслойкровельноготеса, отделенныйотверхнегослоялибокровельнойдраниберезовойскалойилилиповымлубом (Плужников В.И. Указ.соч. С. 102)

[5] «А кругом бочек, как на церквах, так и на олтарях подскалники и скала – класть, и верхники з зубцами покрыть тесовыя, и от течи на подскалниках и на верхном тесу дорожить и чешуею, и тес уколачивать гвоздьем целым, а которое поломаются, то отдирать и вновь прибивать беспорно»

[6] Бровки – декоративная рельефная арочка, валик над проемом или нишей (Плужников В.И. Указ.соч. С. 28)

[7] Желобки – равнобедренный треугольный участок цилиндрической поверхности, опирающийся на горизонталь

[8] «Сухарики» — небольшие прямоугольные выступы под карнизом, образующие прерывистый ряд (Плужников В.И. Указ.соч. С. 118)

[9] «Перебрать и подрубить, и покрыть новым же тесом и скалами и подскалники, столбики и перила зделать новые»

[10] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 3760. Л. 2–2 об.

Великого, другой – с северной Святого Антипия с проходом из трапезной в старую Спасскую церковь[1].

Храм возводили на месте деревянного, теплого, одноэтажного 1662 г.[2]по образцу каргопольской Крестовоздвиженской церкви, которая, как писал К.А. Докучаев-Басков, располагалась на углу Воскресенской и Благовещенской улицы (ныне Октябрьский проспект).

О Крестовоздвиженском храме мало что известно; на сайте Каргопольского краеведческого музея упоминается Триодь цветная 1699 года, в которой содержится запись, что ее положил вкладом в Крестовоздвиженскую церковь старец Евфимий Малой из Соловецкого монастыря)[3].

Работы плотников на Соборной или Новой торговой площади Каргополя в еще одной церкви во имя Рождества Иоанна Предтечи, каменной ***(илл.6),*** стоявшей рядом со Входоиерусалимской, происходили в 1749 г.

Сам Предтеченский храм строился на месте деревянного предположительно с 1740 г., а завершен он был в 1751 или 1757 гг.[4]

Команду из 10 человек наняли подрядом произвести следующие работы из дерева: покрыть крышу двойным тесом по скале, срубив предварительно «под ту крышку, как належит», бревенчатой ряж[5], а также сделать пять глав на шеях – «величеством и мастерством» против глав на церквах Воскресения или Благовещения.

На прилегающем к восточной алтарной стене храма узком прямоугольном уступе мастера должны были поставить три главы на бочках, по образцу церкви Входа Господня в Иерусалим, ряж под них срубить с алтарных сводов «плотно и как надлежит».

О церкви Входа Господня в Иерусалим известно, что она была освящена в 1731 г. и ныне утрачена.

Восемь глав, три бочки, «испод» шеи Иоаннопредтеченской церкви мастера должны были обить осиновой «чешуею» по скале[6].

Л.К. Масиель-Санчес писал об особенностях внешнего облика Предтеченской церкви: «Снаружи храм выглядел как обычный одноэтажный бесстолпный с увенчанным пятиглавием четвериком и трапезной... дополнительный более узкий этаж над трапезной, выглядевший несколько громоздко рядом с относительно невысовким четвериком … апсиды полуциркульные, их вимы[7] объединены в единый объем, завершающийся тремя параллельными каменными бочками, сделанными по образцу завершений апсид деревянных храмов». Он также отмечал, что похожий облик имело перекрытие двухапсидных алтарей в этом регионе[8].

По мнению Г.В. Алферовой описанные приемы декора придавали храму особую выразительность, связывая его с деревянной архитектурой региона.

Третье направление - это добыча и производство строительных материалов подрядом для каменного строительства Каргополя.

В 1703 г. уже упоминавшийся здесь в связи со строительством Никольского деревянного храма на Старой торговой площади церковный староста соседней Благовещенской церкви ***(илл.7)*** Дмитрий Серебреников нанял каргопольца Григория Топоркова изготовить в его кирпичных сараях кирпич «храму на строение».

Известно, что возведение Благовещенского храма велось с перерывами с 1692 г. по 1729 г. зодчим по фамилии Шаханов[9]. Предназначение кирпича, который делали в 1703 г., в подрядной указано не было, заказ был небольшим – всего одна тысяча кирпичей. Но примечательны детали процесса: глину «в тое кирпичную реску уминать намяхко», песок и воду – «класть по удобству», белый камень из глины «выметывать». Правка, сушка в решетках и обжиг кирпича в печи были обычными, но интересны подробности относительно готового изделия – «из обжигу» кирпич должен был выходить весом в 19 фунтов, т.е. порядка 7 кг и 700 гр., что свидетельствует о том,

---

[1] Подрядная опубликована в книге М.И. Мильчика: "*Каргополь: деревянная крепость и остроги по реке Онеге*" СПб., 2008; реконструкция комплекса по подрядной А.Б. Бодэ.

[2] Докучаев-Басков К.А. Церковно-приходская жизнь в городе Каргополе в XVI – XIX веках. М., 1900.

[3] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 3673. Л. 75.

[4] Масиель-Санчес. Л.К. Указ соч. № 2. С. 45.

[5] Опора под сооружение в виде клети или сруба

[6] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 3744. Л. 2 об.–3.

[7] Дополнительное членение между подкупольным пространством храма и алтарной частью; другое название — бема

[8] Масиель-Санчес. Л.К. Указ соч. № 2. С. 40, 45.

[9] Алферова Г.В. Указ соч. С. 66

что речь шла о большемерном кирпиче, который при стандартном весе в 7 кг имел размеры порядка 300 × 145 × 80 мм[1].

Добыча каргопольскими белого камня «к церковному стенному делу» Воскресенской церкви, которая входила вместе с храмом Всемилостивого Спаса[2] и колокольней в ансамбль, располагавшийся к северо-востоку от Соборной площади, происходила по инициативе церковного старосты Андрея Прибыткова и приходских людей в 1703 г. Каменщикам было указано «на заднем [в]сполье»[3] добыть 4 сажени белого камня, вытесать и поставить к храму. Камень предназначался для каргопольца каменного дела подмастерья Якова Пригудина, нанятого тем же Прибытковым, который должен был сделать к храму каменную паперть, «а какову величеством и коим делом и в окнах, и в сводах, и в розделках, где ему делать своими руками, а у всего дела быть безотступно, тому дал запись»[4].

Четвертое направление – это оформление церковных интерьеров.

В 1703 г. церковный староста каргопольского храма Сошествия Святого духа ***(илл.8),*** который располагался на площади Святодуховского монастыря и был в эти годы деревянным[5], подрядил дьячка храма Рождества Иоанна Предтечи Дмитрия Степанова сына Попова произвести в интерьерах ряд работ. Речь в договоре шла о создании к иконам, предположительно, в иконостас 20 резных круглых деревянных колонок (столбцов) длинной в 2 аршина со «сводами» (с арками?).

Изделия, вырезаные из ольхи, затем мастер должен был излевкасить, позолотить по гульфабре и «процветить, где пригоже» ярью[6] и баканом[7]. Образцом послужили интерьеры «преждебывшей» церкви Благовещения Богородицы на Старой торговой площади ***(илл. 9).***

Сошественский иконостас не сохранился, а об иконостасе Благовещенского храма известно, что он был «искусной работы с резьбою, золоченный червонным золотом, состоял из четырех ярусов, царские врата – с евангелистами.

Хотя формуляр и основные позиции записей подрядных в записных книгах Каргополя и тех, что велись в Крепостных конторах Москвы и Санкт-Петербурга, сходны, однако нельзя не отметить, помимо своеобразной каргопольской лексики, в которой описывали северную деревянную архитектуру, и некоторые оригинальные клаузулы договора, такие, например, как в рассматриваемом документе, где сказано: «а по смерть [очевидно, внезапную] их, подрятчикову и порутчикову, кто приметца за их статки, на том по той записи все ему, старосте, исцелять»[8] и др.

Отдельным сюжетом, пятым, выделим монастырское строительство.

Работы в Спасо-Преображенской обители, бывшей Вассиановой Строкиной пустыни, что на Козьем болоте, представлены в рассматриваемых крепостных книгах не менее, чем пятью подрядными. Речь идет о сооружении в 1707 г. нижней церкви будущего собора с посвящением Сретению Господню ***(илл. 10).***

Заказчиком во всех пяти договорах[9] выступали монастырские власти – архимандрит Иоаким, казначей иеродиакон Иосиф, а также братия и стряпчий Прохор Иванов сын Коробанов.

Добыча «к церковному каменному стенному делу» на «заднем [в]сполье» и теска 160 саженей белого камня– точковиков и логовиков[10] – размером в три аршина «круглых» (т.е. 3 на 3) – была поручена крестьянам Павловской и Полуборской волостей, а также каргопольцам, всего 22 человека.

В том же году крестьянин Колмогорского уезда кирпичного дела подрядчик Макар Васильев сын Некрасов взялся вырезать и обжечь подрядом 60 тысяч кирпича высокого качества

[1] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 3667. Л. 239–239 об.
[2] Одноэтажный теплый построен в 1733 г., не сохранился (Масиель-Санчес. Л.К. Указ соч. № 2. С. 41)
[3] М.И. Мильчик отмечал, что основные городские улицы шли от реки к «всполью» - загородным полям.
[4] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 3667. Л. 262 об.–263
[5] Каменное здание на месте деревянного на углу ул. Советская и ул. Акулова строили в 1772 –1797 гг. (Алферова Г.В. Указ.соч. С. 74).
[6] Природная зеленая краска
[7] Органическая краска темно-красного цвета
[8] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 3667. Л. 311 об.
[9] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 3672. Л. 61 об.–64, 155–155 об.
[10] Логом, ложком – положенье плашмя и вдоль стены, кладка; точок, точком – поперечная кладка

– «не паровик» весом в 18 фунтов, т.е. большемерный, который был бы годен «к церковному строению в теску подмастерью».

Интересны условия договора, связанные с обеспечением пропитания в период проведения работ в монастыре: «работаючи имать монастырской их хлеб – по четверте ржи да по четверте овса, да на летное ж время по дойной корове, а к зиме отдавать взат».

Очевидно, речь шла о продуктах для тех кирпичников, которых собирался привлечь к работам Нестеров.

Не известно, сколько кирпича в итоге изготовил Макар для монастыря, но глину – «самую добрую чистую без земли без белого камени» – на 100 тысяч штук ему поставляли по субподряду.

Все упомянутые подготовительные работы были предназначены для строительства в обители храма, на которое договором был нанят известный по подрядным работам в каргопольской Воскресенской церкви каменных дел подмастерье каргополец Яков Андреев сын Пригодин или Пригудин.

Попутно отметим, что в научной литературе не раз отмечалась чрезвычайная важность обретения новых имен строителей.

В Спасо-Преображенский монастырь он был приглашен в качестве «подмастерья у каменного строения» Сретенского храм с двумя приделами (южным, Святой Варвары и северным Святого Антония Сийского).

Храмовый комплекс предполагалось построить «подобне тому, как в соборе в ысподней церкви у Софии Премудрости Божии».

Далее в договоре были приведены размеры будущего храма по внутренним стенам: 9,5 саженей от восточной стены до западной с алтарями и 5,5 от южной до северной.

Далее в тексте записи даны другие подробности: свод на четырех столпах, толщина стен от подошвы до первого пояса – в 3 аршина и т.д.

Нижний Сретенский престол был освящен в 1715 г.; известно, что верхний храм в честь Преображения построили в 1717 г. (не сохранился)

К числу особых условий, присутствовавших в подрядной записи, можно отнести требование Пригудина выделить ему избу на монастырской стороне, где ему жить с семьей.

Возвращаясь к монастырскому строительству, надо отметить, что, анализируя архитектуру собора, Л.К. Масиель-Санчес отмечал существенное отличие Спасо-Преображенского собора от местных храмов конца XVII в., и не в его пользу: «качество кладки ухудшается, декор практически исчезает, тонкую белокаменную резьбу сменяют грубоватые кирпичные детали», храм выглядит аскетично[1].

Из работ в каргопольских монастырях здесь можно упомянуть еще договор, попавший в крепостные книги, на сооружение деревянных келий и хозяйственных помещений в Каргопольском девичьем монастыре пустыни Ивана Волосатого в 1703 г.[2]

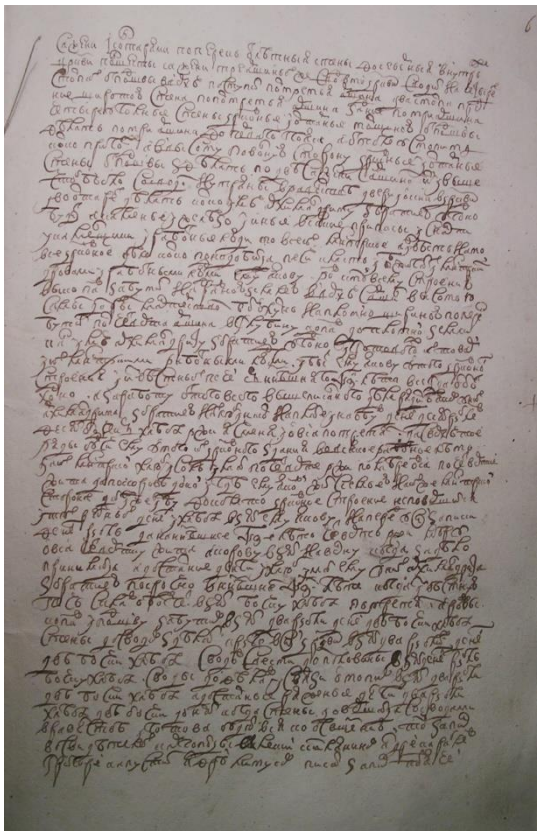
И последнее. Это казенное строительство. Речь идет о каргопольской воеводской канцелярии, воеводском дворе, тюремном остроге и др.

В 1750–1751 гг. канцелярию строили из дерева, но на каменном фундаменте по смете и чертежу подрядчики из государственных крестьян размером в дину в 39 саженей и 2 аршина, в ширину – 3 сажени. В документе подробно указано будущее назначение различных помещений - судейская, подьяческая палаты, помещение для колодников, светлица для подушного сбора и т.д.[3]

Заключение

Итак, рассматриваемый комплекс документов хотя и не содержит больших открытий, но в нем представлено в том или ином качестве немалое число деревянных и каменных памятников каргопольской строительной истории XVIII в.

[1] Масиель-Санчес. Л.К. Указ.соч. № 1. С. 45.
[2] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 3667. Л. 274 об.–275
[3] РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 3752. Л. 1; Д. 3760. Л. 1 об., 4.

Илл. 1. РГАДА. Ф. 615. Оп. 1. Д. 3672. Л. 62.

Илл. 3. Старая торговая площадь. Храмы: Никольский, Благовещенский, Рождества Богородицы. Фото XIX в. Опубл.: Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М., 1973 г.

Илл. 2. Баня в деревне Фролово Иркутской области. А.В. Ополовников. Русское деревянное зодчество. М., 1983 г.

Илл. 4. Церковь Спаса на Валушках. Рис. Н.Е. Советовой. 1922 г. Опубл.: Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М., 1973 г.

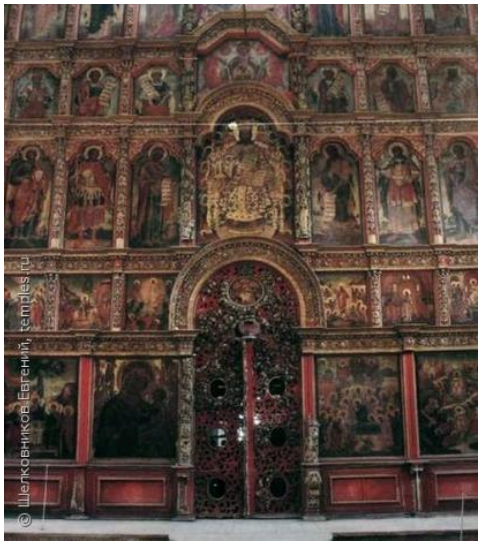
Илл. 5. Храм во имя Всемилостивого Спаса. 1662 г., перестраивалась в 1707 и 1904-1905 гг. Опубл.: Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М., 1973 г.

Илл. 6. Церковь Рождества Иоанна Предтечи. 1751 г. Соборная площадь. Фото 2014 г.

Илл. 7. Благовещенский храм. 1692-1729 г. Ансамбль Старой торговой площади. Фото 2014 г.

Илл. 8. Иконостас Христорождественского собора. Конец XVIII века. Фото 2010-х гг.

Илл. 9. Церковь Сошествия Святого духа.
До 1772 г. – деревянная. Бывшая площадь Святодуховского монастыря
(ныне на улице Акулова). Фото 2014 г.

Илл. 10. Собор Спасо-Преображенского монастыря. 1707 -1717 гг.
Фото А.П. Удаленкова. 1918 г.
Опубл.: Л. Масиель-Санчес. Троицкий погост на Онеге и его архитектурный контекст. М., 2010.

О.Б. Пригодина (г. Каргополь)

Благотворительная деятельность каргопольских купцов, прихожан церкви Воскресения Христова г. Каргополя

В последнее время возрастает интерес к истории провинциального купечества и его роли в жизни общества. Освещаются темы меценатства и благотворительности. История каргопольского купечества не освещена в литературе. Работа в Государственном архиве Архангельской области позволила выявить документы, которые касаются такой стороны деятельности купечества как благотворительность. В своем докладе остановлюсь на каргопольских купцах, прихожанах Воскресенского прихода, ярком примере благотворителей.

Пожар 1765 года, который уничтожил три четверти города, не пощадил и храмов. После пожара, многие купцы и мещане вынуждены были строить свои дома заново. Императрицей Екатериной II была выделена ссуда, которой могли воспользоваться желающие. Несколько лет город отстраивался и возвращался к жизни. Во время пожара пострадали Собор Рождества Христова, Свято-Духовская и Троицкая церкви, церковь Воскресения Христова.

Как пишет священник Воскресенской церкви Василий Попов о храмах своего прихода: «….хотя и приведены в разрушительное положение, но будучи строения каменного, вовсе не истреблены…»[1].

Данный приход состоял из двух храмов: церкви Воскресения Христова и Всемилостивого Спаса, между которыми находилась деревянная колокольня. Во время пожара деревянная колокольня сгорела. В 1798 г. каргопольский купец, прихожанин Воскресенского прихода Андрей Алексеевич Вешняков пожертвовал крупную сумму на строительство новой каменной колокольни, взамен сгоревшей старой[2].Новая каменная колокольня была «с одними звонами, со шпицем раскрашенным, фигуры новой, приятной»[3]. Купцы Вешняковы были одними из самых состоятельных каргопольских купцов. Алексей Андреевич Вешняков, обрабатывал белки до 200 000 в год[4]. Как отмечал краевед К.А. Докучаев-Басков: «Фамилия Вешняковых, благодаря своей аккуратности, в течение ста лет ни разу не оказывалась несостоятельною»[5]. Это позволило сколотить приличное состояние. О значительном состоянии купца свидетельствует его имущество. Каменный дом Андрея Вешнякова – самое парадное сооружение гражданской архитектуры в Каргополе. Здание примечательно тем, что единственный государь, побывавший в Каргополе, останавливался именно здесь[6].

Имущество А. Вешняковых не пострадало во время страшного пожара, и поэтому он имел возможность жертвовать крупные суммы на строительство и восстановление храмов. В 1799 году иконостас главного храма церкви был вновь поновлен и позолочен на средства прихожанина А.А. Вешнякова[7]. В 1794 г. он внес в церковь напрестольный золотой крест, украшенный стразами и образами из финифти. Крест был изготовлен по его заказу в Москве[8].

Дети Андрея Алексеевича продолжили дело своего отца. Сыновья Алексей и Никита в память о своем отце, внесли в церковь святые покрова французской парчи. Обложены они были полновесными золотыми гасами, по углам с кистями золотыми, кресты в виде звезд шиты золотом унизаны золотыми бликами, подбиты белой французской тафтою. Такого же достоинства парча на фелони, стихарь, епитрахили, пояс и поручи: везде гасы золотые,

[1] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 23 об.
[2] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а.Л. 27 об.
[3] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 27 об.
[4] Докучаев – Басков К.А. Беличий промысел в Каргополе и его окрестных селениях.//Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып 4. СПб, 1880, с. 212.
[5] Докучаев – Басков К.А. Беличий промысел в Каргополе и его окрестных селениях.//Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып 4. СПб, 1880, с. 212.
[6] И.В. Онучина, Е.С. Макарова Историко – культурная среда Каргополя: гражданская архитектура, создатели, наследники//Актуальные проблемы изучения и сохранения архитектурно-градостроительного наследия исторических поселений. Москва – Каргополь,2016. С. 145.
[7] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 28.
[8] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 32об.

полновесные кресчатые. Как гласит документ: «все сии одежды сработаны в 1810 году в Санкт – Петербурге мастерицею придворною французскою и цены были до трех тысяч рублей»[1].

Ранняя смерть одного из братьев – Александра, подвигла родных делать вклады: братья пожертвуют в храм «по брате своем» святые покровы, фелонь, стихарь, епитрахиль, орарь, пояс и двое поручей из турецкой полосатой парчи[2].

Для того, чтобы обеспечить церкви вкладами на вечные времена, купцы делали вклады в Санкт – Петербургскую сохранную казну, чтобы проценты с капитала шли на нужды церкви и священнослужителей. Так вдова Алексея Вешнякова – Любовь Ивановна пожертвовала в пользу церкви два билета, каждый по 150 рублей «…в сохранную казну для приращения процентами … на вечное обращение с тем, чтобы % на оные по 4 рубля со ста отпускаемы будут по прошествии года»[3]. Проценты с данной суммы должны быть использованы на церковные нужды и на поминовение ее родственников.

Аполлон Александрович Вешняков – заметная фигура в истории Каргополя. Сын Александра и внук Андрея Вешняковых. Аполлон имел собственности на 4000 рублей[4]. Первоначально купец 3-ей, а затем и 2 гильдии. Он принимал активное участие в жизни Каргополя.

Аполлон Александрович в течение двенадцати лет был городским головой Каргополя. По постановлению губернского правления, «каргопольскому купцу 2 гильдии Аполлону Вешнякову дозволено, за прослужение в должности бургомистра трех четырехлетий, по городским выборам, носить в отставке мундир, присвоенный этой должности»[5].

Аполлон Вешняков был старостой Воскресений церкви двадцать лет с 1856 по 1876 годы. В эти годы им были сделаны многочисленные пожертвования: несколько серебренных лампад, большой, серебряный подсвечник, икона «Николая Чудотворца» в серебряной ризе; медное, посеребренное блюдо, плащаница с вышивкой кругом по малиновому бархату золотом. В 1875 г. от него в храм поступили четыре медных посеребренных лампадки, и иконы: Вседержителя и Тихвинской Божия Матери с медными позолоченными ризами.

В 1871 г. Аполлон Александрович Вешняков пожертвовал в пользу храма банковский билет на сумму 1000 руб., через несколько лет билет на 100 рублей6. В 1876 г. им пожертвовано два 15% билета по 1000 рублей каждый[7]. Интересно отметить, что на обороте билетов были сделаны подписи: «Проценты с сего капитала употребить на масло, свечи, ладан, муку и поправку церквей. Каргопольский купец Аполлон Вешняков»[8]. На обороте второго: «проценты с сего капитала должны поступать священоцерквнослужителям по равной части»[9].

Аполлон Вешняков пожертвовал в храм фонарь для крестных ходов и две хоругви с лопастями из штофа малинового цвета с гасами, кистями и шнурами из мишурного золота.

Семья Вешняковых делала пожертвования не только на нужды храма. В 1877 г. в Каргополе было организовано попечительство «О пособии нуждающимся семействам воинов»[10]. Одни из попечителей был Аполлон Вешняков и его сын Митрофан. Они занимались сбором средств для семей погибших в русско-турецкую войну солдат и сами жертвовали суммы нуждающимся. В 1881 г. в Каргополе было учреждено благотворительное общество, целью которого была помощь бедным. Членами этого общества была семья Вешняковых. Кроме этого, они жертвовали суммы на нужды Петрозаводского Мариинского женского училища[11].

Умер Аполлон Александрович Вешняков в 1882 г., в день его погребения в храм Воскресения поступил образ Спасителя, у которого венец и риза были из позолоченного серебра.

Из четырех сыновей Аполлона более известен – Александр, который был заметной фигурой в истории города. В 1871 г. Александр Аполлонович был утвержден депутатом в полицейское

[1] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 33об.
[2] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 33об.
[3] ГААО Ф. 104. Оп.3. Д. 26. Л. 45.
[4] ОГВ 1869 г. №67
[5] ОГВ 1863 г. №38
[6] ГААО Ф.104.. Оп. 3. Д. 26. Л. 63об.
[7] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л. 63об.
[8] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л. 63об.
[9] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л. 63об.
[10] ОГВ 1877 г. №13
[11] ОГВ 1863 г. №12

управление Каргополя[1]. В 1873 г. был в списке гласных, избранных в Каргопольское уездное земское собрание от города[2]. В 1878 г. был избран и утвержден мировым судьей[3]. В 1886 г. был Александр Аполлонович выбран гласным Каргопольской городской думы. В 1889 г. Александр Вешняков за свой счет провел ремонт Воскресенского храма: исправил фундамент в алтарной части храма, южные двери заменил окном с железной решеткой. С северной и западной стороны два каменных, развалившихся крыльца, заменил новыми[4].

Сын Александра был назван в честь деда – Аполлоном. Аполлон Александрович в 1907 г. имел в Каргополе лавку с мануфактурным товаром, где сам вел торговлю[5]. Им были пожертвованы в Воскресенский храм две кипарисных иконы Феодосия Черниговского и Серафима Саровского, к обеим иконам, устроены два аналоя[6]. В 1905 г. Аполлоном Александровичем Вешняковым пожертвовано Евангелие для молебнов с вызолоченными Евангелистами[7]. Им же пожертвован серебренный вызолоченный крест напрестольный с украшениями из финифти и два медных посеребренных подсвечника с фарфоровыми свечами[8].

Большой вклад в дело восстановления храмов Воскресенского прихода после пожара 1765 года сделали представители семьи Урываевых. Урываевы – одна из древнейших фамилий Каргополя, сохранившаяся до настоящего времени. Урываевы «всегда жили богато; они упоминаются еще в половине XVII века, как покровители раскола – люди влиятельные по богатству»[9]. В первой половине XVIII века, «они часто, если только не постоянно, служили «бурмистрами» при магистрате и соляными головами»[10].

Один из приделов Воскресенской церкви был в честь Московских святителей Петра, Алексея и Ионы. Средства на его восстановление пожертвовали купцы Урываевы: Василий и Иван. На их средства в этом приделе были написаны иконы и позолочен иконостас[11]. В церкви Всемилостивого Спаса, которая также пострадала во время пожара, на средства братьев Урываевых были возобновлены оба придела: Андрея Первозванного и Иоанна Златоуста[12].

Иван Урываев перед уходом на богомолье на Соловки пожертвовал в Воскресенскую церковь иконы: Тихвинской Богоматери и Богоматерь всем Скорбящим радость[13]. По его заказу на икону Николая Чудотворца была изготовлена серебряная позолоченная риза[14]. После его смерти, в 1797 г., его жена Марфа Ефимовна (урожденная Хлебникова), пожертвовала в церковь жемчуг на икону Воскресения Христова[15]. Ею же были пожертвованы – покровцы малинового бархата «на коем кресты шиты серебром, подбиты малиновой тафтою», стихарь и фелонь из парчи французской[16]. Скорей всего, эти пожертвования были сделаны в память о своем муже – Иване Урываеве.

Родной брат Ивана – Василий Урываев в 1806 г. занимал должность бургомистра г. Каргополя, был прихожанином Воскресенского прихода[17]. Братья Урываевы не только жертвовали на постройку и ремонт храмов, но и постоянно обновляли церковный интерьер, заказывали серебряные венцы, ризы, украшали золотом и жемчугом иконы. В 1798 г. по заказу Василия Савича Урываева в Москве был изготовлен серебряный позолоченный венец на

[1] ОГВ 1871 г. №86
[2] ОГВ 1873 г. №75
[3] ОГВ 1878 г. №52,98
[4] ГААО Ф. 246. Оп. 1. Д. 48. Л.1.
[5] Книга торговых и промышленных предприятий. КИАХМ КП 10466
[6] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л.70.
[7] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л.70.
[8] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л.70.
[9] Докучаев – Басков К.А. Беличий промысел в Каргополе и его окрестных селениях.//Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып 4. СПб, 1880, с. 212.
[10] Докучаев – Басков К.А. Беличий промысел в Каргополе и его окрестных селениях.//Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып 4. СПб, 1880, с. 212.
[11] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 26об.
[12] НА РК Ф.. 27. Оп 2. Д. 4/54а. Л. 25об.
[13] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 26об.
[14] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 26об.
[15] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 23об.
[16] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 23об.
[17] Документы Александра – Ошевенского монастыря. КГИАХМ КП 2313

местный образ Воскресения Христова[1]. На икону Уверование Фомы по его же заказу была изготовлена риза из серебра[2]. Для иконы Тихвинской Божией Матери были заказаны и изготовлены в Санкт-Петербурге оплечье, оклад и венцы[3]. В документах 1805 года Василий числится как каргопольский купец, но позднее переходит в купечество Санкт-Петербурга. Умер Василий Урываев в 1825 г., и «в день погребения его внесена икона Рождества Христова на кипарисе писана, где из серебра 72 пробы риза»[4].

Сыновья Василия Урываева – Константин и Алексей занимались беличьим промыслом, как и их предки. Как пишет о них К.А. Докучаев-Басков: «Купцы, братья Алексей и Константин Васильевичи Урываевы, первые из белкопромышленников тогдашнего времени, как по оборотам производимой ими белки, так и по богатству, и особенно доброте своей к мастеровым. Белки у них обрабатывалось в год, чаще всего, одной сибирской темной до 400 000. Сверх того у них обрабатывались еще лисьи меха, и при том только у одних у них во всем Каргополе. В первой половине XVIII века, они часто, если только не постоянно, служили «бурмистрами» при магистрате и соляными головами. Говоря о богатстве и роскоши последних, т.е. Алексея и Константина, скажем, что у них были свои, едва ли не единственные во всей Олонецкой губернии, теплицы, где росли разные плодовые деревья. В теплицах держали певчих птиц…»[5]. В 1820 г. по заказу братьев Константина и Алексея Урываевых было изготовлено на местный образ Тихвинской Богоматери оплечье из серебра 84 пробы[6].

В 1824 г. иконостас церкви Всемилостивого Спаса весь вновь перезолочен и окрашен на средства Константина и Алексея Урываевых. На их же средства «… переработаны 13 окон с железными решетками и каждое окно двумя рамами из стекол…работу каменную производили каргопольские шальские крестьяне, а золочение иконостаса мещанин Стефан Иванов Иконников. За всю вышеписанную работу с материалами заплачено до полутора тысяч рублей[7]. В 1831 г. на их средства в главном храме были изготовлены пристенные киоты для икон. Работу производил онежский мещанин Никита Васильев Кипреев за 1000 руб[8]. «Усердием братьев Урываевых сработано еще четыре киота двоякой фигуры: и шесть рам под иконы кои и озолочены тем же мастером в 1831 году»[9]. В 1828 г. для иконы Тихвинской Богородицы была изготовлена жемчужная риза. Жемчуг был жертвован разными благотворителями[10]. Изготовляла ризу мещанка Марья Поздеева. Ее работу, оцененную в 100 рублей, оплатили братья Урываевы[11].

У братьев Алексея и Константина была родная сестра Наталья, которая была замужем за петербургским купцом Молюковым. Ее безвременная смерть от холеры в 1831 г. заставляет братьев сделать вклады: Константин жертвует в память о сестре – «фелонь священническую, епитрахили и набедренники из французской парчи, изготовленные в Санкт-Петербурге кабинецким мастером. Оценены в шестьсот рублей»[12]. На следующий год Константин вносит в память по своей сестре парчевые ризы и епитрахили[13].

Через год после Натальи, на 42 году жизни, умирает Алексей. В память по нему его жена – Татьяна Андреева пожертвовала в храм «святые покровы парчи московской, которые обложены гасами золотыми, подбиты малиновою тафтою. Такого же достоинства фелонь, епитрахили, стихарь и орарь»[14].

После смерти сестры и брата, Константин жертвует на нужды храма ассигнациями крупную сумму – 2600 рублей, чтобы проценты с капитала шли на нужды церкви[15]. Вносит

[1] НА РК Ф. 27. Оп. 2 Д. 4/54а. Л. 26об.
[2] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 23об.
[3] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 23об.
[4] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 23об.
[5] Докучаев – Басков К.А. Беличий промысел в Каргополе и его окрестных селениях.//Труды комиссии по исследованию кустарной промышленности в России. Вып 4. СПб, 1880, с. 212.
[6] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 26об.
[7] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 29.
[8] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 29 об.
[9] НА РК Ф. 27. Оп. 2.Д. 4/54а. Л. 29.
[10] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л.35.
[11] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л.36.
[12] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л.36 об.
[13] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л.36.
[14] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 34.
[15] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л.37.

следующие пожертвования: позолоченный серебренный ковш, позолоченную тарелку, дискос, потир, несколько церковных книги, купленных в Санкт-Петербурге[1]. Константин Урываев оплачивает работу по изготовлению ризы, епитрахили и трех воздухов из парчевого покрывала[2].

Константин пережил своего брата на два года: в 1834 г. он умирает. Как пишется в документе: «за гробом Константина Васильева Урываева внесена икона Воскресение Христово в киоте красного дерева за стеклом. Риза на оной из серебра непробного, но хорошего. Еще парчевый покров, мерою 12 аршин без верха»[3]. Так вышло, что Василий и Константин Урываевы не оставили наследников.

Вторая ветвь семьи Урываевых идет от Ивана Савича. Его сын – Василий Иванов Урываев успешно ведет торговлю и является прихожанином Воскресенского прихода. В 1827-1829 годах Василий был церковным старостой. Священник Василий Попов так пишет о нем: «Деятельное служение его [Василия Урываева] ознаменовано следующим: отбелены внутри храмы, за что заплачено с материалами 87 руб. Отчищен иконостас в Воскресенской за что отдано 60 рублей. В той же церкви отчищены все иконы, переолифлены и поправлены. На что употреблено денег 316 рублей. На поправку ризницы израсходовано 45 руб., на откращение глав Воскресенской церкви и шпица колокаменного употреблено 3307 руб. 50 коп. На промен битого колокола издержано 287 руб. 70 коп. Сверх сего сработаны из серебра 72 пробы ризы на Тайную вечерю, Коронование Богоматери и 20 венцов на местный образ Воскресения Христова»[4].

За усердное служение в 1829 г. Василий Урываев лично получил словесную благодарность от Его Преосвященства епископа Олонецкого и Петрозаводского Игнатия. А в 1831 г. получил похвальный лист за примерное свое трехлетнее служение церковным старостой[5]. В 1828 г. от Василия Урываева поступили в храм пожертвования: серебренные оклады на иконы Тайная вечеря и на Отечество в царских вратах. На икону Рождества Христова по его заказу была изготовлена риза и шесть серебренных венцов[6].

В 1838 г. Василий Урываев был утвержден бургомистром Каргополя[7]. Благотворительная деятельность не ограничивается стенами приходских храмов. Василий Урываев жертвует средства в помощь погоревшим жителям г. Перми и г. Кузнецка[8]. Возможно, это связано с тем, что сами жители Каргополя пережили страшный пожар и это долго оставалась в памяти горожан и они сочувственно относились к беде других.

В 1845 г. Василий Урываев жертвует в Санкт-Петербургскую сохранную казну 100 рублей, чтобы проценты с капитала шли на поминовение родственников[9]. В 1846 г. от купца и церковного старосты В. Урываева поступили в храм пожертвования: священническая голубого штофа с золотыми около оплечья гасами фелонь, епитрахиль[10].

В 1856 г., через четыре года после смерти Василия Ивановича «усердием каргопольской купеческой вдовы Екатерины Андреевой Урываевой…в память супруга … умершего степенного купца Василия Ивановича Урываева…выстроена близ церкви сторожка…», и кроме этого пожертвовано на церковные требы 22 рубля[11].

Сыновья Василия – Михаил и Александр продолжают дело отца. По документам они владеют недвижимостью на сумму 1300 рублей, занимаются беличьим промыслом. Продолжают заниматься благотворительность в пользу храма. Купец Александр Урываев несколько лет избирался городским головою. Им были пожертвованы в церковь следующие предметы: медный посеребренный сосуд, дарохранительница, две медные посеребренные лампадки, серебряные позолоченные лжицы и книги: триодь постная, апостол и евангелие в окладе [12].

[1] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л. 37.
[2] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л. 38.
[3] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л. 38.
[4] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 30.
[5] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 30об.
[6] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 30об.
[7] ОГВ 1838 г. №17
[8] ОГВ 1843 г. №14, ОГВ, 1844 г. №4
[9] ГААО Ф. 104. Оп.3. Д. 26. Л. 45об.
[10] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л.10.
[11] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 30об.
[12] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л. 11.
[12] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л. 50-55.

Михаил Васильев Урываев – купец 2 гильдии, числился в списке избирателей, имеющих право участия в каргопольском городском избирательном съезде для выбора земских гласных. В 1874 г. он был утвержден в должности председателя каргопольского сиротского суда[1]. Недвижимость Михаила Урываева заключалась в деревянном двухэтажном доме. При доме были амбары, двор с конюшнями и сараем, ренсковый погреб, баня, сад, мастерская в доме (беличья)[2]. Михаил Васильев и его жена Александра Константиновна были прихожанами и вкладчиками Воскресенской церкви. От Александры Константиновой поступили два бронзовых подсвечника, следовательная псалтырь, фарфоровая свеча с золотыми поясками[3].

В 1880 г. М. В. Урываев пожертвовал в пользу храма два 5% билета по 100 рублей каждый. На обороте сего билета была сделана следующая подпись: «Билет сей жертвую на вечное время и проценты с сего капитала увеличены употреблять на церковные расходы каргопольский купец Михаил Урываев»[4]. На обороте второго билета надпись благотворителя: «Билет сей жертвую навечное время с тем, чтобы проценты с сего капитала должны поступать священоцерковнослужителям на поминовение родителей»[5].

Вешняковы и Урываевы были не единственные купцы, занимавшиеся благотворительностью. В восстановлении, украшении храмов принимали участие и другие жители Каргополя. Семья Кораблевых – коренная каргопольская фамилия, фигурирующая во всех переписных книгах Каргополя[6]. Представители этой фамилии проживали на ул. Полторанихе и являлись прихожанами Воскресенской церкви на протяжении более чем двух столетий. Иван Дмитриев Кораблев в 1797 г. пожертвовал в храм «благословляющий крест серебренный, густо позолоченный, работаный в Нижнем Новгороде»[7]. После смерти Ивана Дмитриева, по его завещанию в храм поступила икона Иоанна Предтечи, в серебряной позолоченной ризе, икона Успение Богородицы в серебреной ризе[8], облачение священническое. И.Д. Кораблев завещал Воскресенскому приходу каменную лавку в гостином дворе, которая стоила 300 рублей[9]. Эта лавка приносила доход храму в течение 80 лет, в 1893 г. она была продана купцу Василию Тихоновичу Серкову[10]. Благотворительную деятельность отца продолжил сын Дмитрий Кораблев, который заказал на уцелевшие от пожара иконы: Донскую Богоматерь и Тихвинскую Богородицу серебряные ризы и венцы, которые были изготовлены в Москве[11].

Воскресенский храм – один из самых красивых храмов города, находится сейчас в плачевном состоянии. Каргопольские купцы жертвовали средства на ремонт и поновление храма, они не жалели средств на обновление церковного интерьера, приобретали церковную одежду и утварь. Священническую одежду шили столичные мастера из дорогих французских тканей. Напрестольные кресты из серебра и золота, украшенные драгоценными камнями, заказывали в Москве и Новгороде. На иконы изготовляли жемчужные ризы, оклады и венчики делали из серебра. Все это свидетельствует о глубокой религиозности каргопольского купечества.

Благотворительность была одной из главных черт провинциального купечества. Традиции благотворительности были семейные, передавались из поколения в поколение, что мы видим на примере каргопольских купцов Вешняковых, Урываевых, Кораблевых.

[1] ОГВ 1874 г. №14
[2] ГААО Ф. Ф.1343. Оп. 1. Д. 135.
[3] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л.66.
[4] ГААО Ф. 104. Оп. 3. Д. 26. Л. 67об.
[5] ГААО Ф. 104 Оп. 3. Д. 26. Л. 67об.
[6] Старицын А.Н. Братья Кораблевы//Каргополь. Историческое и культурное наследие. 1996 г. С. 159.
[7] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 25об.
[8] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 25об.
[9] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 25об.
[10] ГААО Ф. 103. Оп. 3. Д. 26. Л. 69об.
[11] НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54а. Л. 25об.

Илл. 1 Дом Виктора Михайловича Урываева на углу улиц Благовещенской и Каменки. из семейного архива Г.В. Бессоновой.

Илл.2. Церкви Воскресенского прихода. 30 - е гг. XX в. КП 5217

Илл.3. Александр Васильевич Урываев
с женой Анной Васильевной.
Из семейного архива Н.А. Клочевой.

О.В. Запольская, С.В. Моисеев
(г. Великий Новгород)

Каргополь и уезд в документах Новгородской духовной консистории. XVIII – первая четверть XIX века

Документы по изучению Каргополья, хранящиеся во многих архивах, широко используются в научных исследованиях. Однако большинство документов фонда Новгородской духовной консистории (НДК) не введено в сферу научных исследований. А они вызывают значительный интерес в изучении духовной культуры Русского Севера, в частности церковной жизни Каргополья, что насыщенно и самобытно представлено в этом фонде. Введение в научный оборот самобытных документов побуждает к их отдельному, самостоятельному обзору. Об этом нами было заявлено ещё в 2002 году[1].

К сожалению, большинство документов по Каргополю и уезду из фонда НДК до сих пор не введено в сферу научного исследования, что сказывается, в частности, на научных исследованиях.

Так, в 2009 г. в своей монографии Ю.Н. Кожевникова[2] широко использовала данные нашего обзора, но, работая в читальном зале ГАНО, документы Каргополья не привлекала, по-видимому, из-за отсутствия времени на выявление и того фактора, что ссылки на них в нашем обзоре отсутствовали.

То же можно отметить, к примеру, о Крестном Кий-островском монастыре. В вышедшем очередном томе «Православной энциклопедии», в довольно детальной статье по истории обители – ссылка лишь на один документ ГАНО[3]. Новгородские документы, на наш взгляд, значительно позволили бы дополнить историю монастыря.

Сегодня есть повод исправить такое положение. Как и прежде, главной задачей настоящего обзора мы видим в привлечении внимания исследователей к объёмному комплексу источников XVIII – I четверти XIX вв. по Каргополю и уезду, отложившихся в фонде НДК ГАНО.

Не будем останавливаться на перипетиях церковного подчинения Каргополья в XVIII-XIX вв.; об этом хорошо известно. Заметим лишь о том, что окончательно данная территория выбыла из состава Новгородской епархии указом Св. Синода от 22 мая 1828 года[4]. Естественным образом, документы, созданные до этой церковной административно-территориальной реформы, остались в Новгороде.

Территорию Каргопольского уезда мы рассматриваем в тех границах, какие существовали на момент создания документа, т. е. во всей территориальной полноте – с выходом в XVIII в. на побережье Белого моря.

В фонде НДК[5] представлены десятки самостоятельных дел по Каргополю и уезду. Вместе с тем, документы по Каргополью содержатся в делах, относящихся к какому-либо вопросу, носящему общеепархиальный, общецерковный характер. С каргопольской стороны – это церковная отчётность, переписка, исходящие, как правило, из Каргопольского и Крестновского духовных правлений, от духовных дел заказчика, настоятелей монастырей, а иногда и частных лиц.Даты документов: 1711-1762, 1770, 1772, 1774, 1780, 1798, 1801-1828 гг.

Каргопольское духовное правление и настоятели монастырей: Успенского девичьего игумения Павла, Александро-Ошевенского казначей иеромонах Иринарх, Спасо-Каргопольского иеросхимонах Арсений рапортовали в октябре 1819 г. НДК в получении указа о невысылке в консисторию никаких денежных сумм[6].

---

[1] См.: Моисеев С.В. Монастыри Карелии в документах фонда Новгородской духовной консистории Государственного архива Новгородской области. Начало XVIII – I четверть XIX вв. // Новгородский архивный вестник. Вып. 3. Великий Новгород, 2002. С. 160-183.

[2] Кожевникова Ю.Н. Монастыри и монашество Олонецкой епархии во второй половине XVIII – начале XX в. Петрозаводск, 2009.

[3] Кий-островский крестный Онежский мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. XXXIII. М., 2013. С. 414-424.

[4] Моисеев С.В. Монастыри Карелии… С. 160, 163.

[5] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1, 2, 5.

[6] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 2450. Л. 25, 29-32.

Священник Малошальского прихода Павел Иванов с 1812 г. отправлял должность благочинного 5-го округа. Приходы округа находились «в окружности» 250 вёрст. Семья иерея насчитывала 8 человек, почему в январе 1816 г. он просил об освобождении от должности: «в понесении коей переношу немалое отягощение, а по многосемейству моему изнурение». Годных кандидатов в округе не нашлось, потому НДК определила его «оставить по-прежнему при той должности»[1].

Летом 1819 г. через Каргополь до Архангельска и обратно до Петрозаводска проложен был маршрут поездки императора Александра I. В связи с этим Каргопольское духовное правление рапортовало НДК дабы клирики 26 июля «в 8 часов по полуночи явились в Христорождественский собор во всякой исправности [и] для обратной встречи 3 августа по полудни в 5 часов и с лучшею ризницею; а к состоящим по дороге до города Архангельска церквам отрядить по три священника, по два диакона и по два причетника… в оба пути…»[2].

Проезд императора имел особое значение для многолюдного Устьмошского прихода. В рапорте священник Василий Алексеев отмечал: 27 июля и 3 августа император «удостоил посетить в нашем приходе церковь Сошествия Святаго Духа в 3-х верстах от станции состоящую; где… встречен был духовенством с пением приличных стихов при колокольном звоне и великом собрании народа… и оба раза изволил слушать литургию, после которой провозглашаемо было многолетие… при отбытии… соизволил мне пожаловать тысячу рублей с таковым пожеланием, чтобы из них половина употреблена была на церковную потребность, а другая на священно и церковно служителей…». Прилагая ведомость о разделе 500 руб. между 8 клириками, иерей просил дозволения на покупку храмового образа Св. Духа и изготовление на него серебряной ризы. Консистория сему не препятствовала[3]

Документы НДК по Каргополю и уезду можно систематизировать по следующим группам:

Приходы

Штаты/причты;

Назначение, перемещение, рукоположение членов причта;

Церковный суд;

Исповедные;

Приходо-расходные;

Церковное строительство;

Переписка по церковным вопросам.

Монастыри.

Дела о старообрядцах.

Духовное образование.

В данном случае более подробно остановимся на приходах.

По церковным причтам – самое раннее дело – сказки вдовых священников и диаконов Каргополя и уезда за 1716 год[4]. На каждого клирика представлен отдельный документ с историей посвящения в сан. К сказке попа «Успенского новодевича монастыря пустыни Иоанна Волосатого» Ивана Петрова приложена копия «благословенной патрахильной грамоты» митрополита Новгородского Иова от декабря 1714 г.

В ведомостях о праздных вакансиях, количестве приходских дворов и душ мужского пола за 1742 год[5]содержатся данные по 66 приходам, в т. ч. 6 городским: 1) Соборная церковь Рождества Христова (130 дворов, 492 мужского пола), 2) Благовещения (45 дворов, 189), 3) Воздвижения Креста Господня (8 дворов, 23), 4) Св. Духа (35 дворов, 130), 5) Владимирской иконы Пресвятой Богородицы (31 двор, 90), 6) Воскресения Христова (63 двора, 238). По уездным приходам приведены данные о «церковной пашенной земле» и «сенного покоса». На указанный год по городу и уезду оказалось 103 вакансии: протопоп – 1, поповских – 5, дьяческих – 40, пономарских – 56, «звонеческое» - 1.

[1] Там же. Оп. 5. Д. 442.
[2] Там же. Оп. 5. Д. 586
[3] ГАНО. Ф. 480. Оп. 5.Д. 571.
[4] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 17. Л. 1-29об.
[5] Там же. Оп. 1. Д. 546. Л. 37-44об.

Подобные данные по праздным церквам представлены за 1753 и 1755 гг. В них проходят 8 приходов уезда и 6 по Крестновскому заказу, расписанные по волостям[1]. Документация за 1754 г. сообщает, что в Каргополе с уездом 70 церквей, а в Крестновском заказе 19[2].

В 1753 г. собирались сведения о священноцерковнослужителях, состоящих в родстве и служащих в одном приходе. В деле имеются: донесение Каргопольского духовного правления с ведомостью о 6 городских и 5 уездных священниках, а также переписка по Крестновскому духовному правлению[3].

Церковные ведомости по Каргополю и уезду за 1758 год[4]. весьма содержательны. Они составлены «во учрежденной в городе Каргополе обще от каргопольской воеводской канцелярии и духовнаго правления о разборе церковников и их детей экспедиции» с целью определения штатного и наличного клира, количества приходских дворов, определения на праздные вакансии, а по старости и вдовству – в монастыри и богадельни и «обучения российской грамоте детей».

Ведомости охватывают 12 городских приходов (не считая Спасского и Успенского монастырей), 59 уездных и 17 монастырских.

В Каргополе следующие: 1) Соборная церковь Рождества Христова (145 дворов), 2) Рождества Иоанна Предтечи (163 двора), «при оном приходе в городе имеется другая церковь Нерукотворенного Образа, в которой службы божия отправляется теми же священники с причетники», 3) Благовещения (75 дворов), 4) Воскресения Христова (70 дворов), 5) Св. Духа (65 дворов), 6) Троицы (44 двора), 7) Владимирской иконы Пресвятой Богородицы (40дворов), 8) Зосимы и Савватия Соловецких (44 двора), 9) Воздвижения Креста Господня (11 дворов), 10) Всемилостивого Спаса «что в Гостине дворе» (приходских дворов не имеется), 11) Феодора Стратилата (дворов нет), 12) Воскресения Христова, «что на Красном острову» (дворов нет). По штатам причты города формировались так: при соборе: протопоп, 2 попа, 2 диакона, 2 дьячка, 2 пономаря, 1 сторож и звонец, 1 «часовод» («часовод» был определён в богадельню). В Предтеченской церкви: 3 попа, 2 диакона, 2 дьячка и 3 пономаря (поп и дьякон за «старостию» и вдовством назначены в Спасский монастырь). По 2 попа служили в Благовещенской и Святодуховской церквах. В прочих приходах причт был однокомплектный.

В монастырских проходят: 1) Крестный, 2) монастырское Покровское село, 3) приписная к Крестному Сырьинская пустынь, 4) Александро-Ошевенский, 5) приписная к ОшевенскомуХергозерская пустынь, 6) Спасокаргопольский, 7) приписной к Спасскому Кенский, 8) Наглимозерская пустынь, 9) Кодлозерская пустынь, 10) Елгомская пустынь,
11) Челмогорская пустынь, 12) Ямецкая Благовещенская пустынь, 13) Лебяжская пустынь,
14) Успенский девич, 15) Веретинскаядевич пустынь, 16) Кожеозерский,
17) приписная к Ошевенскому Спасская Озерская пустынь.

Весьма подробны формулярные ведомости о священноцерковнослужителях уезда за 1818 год[5]. Они раскрывают картину состояния и состава приходов, биографии клира, заштатных, вдовствующих и состава семей по городу и 5 благочиниям уезда. Здесь представлены 8 городских приходов: соборный Христорождественский с церковью Введения, Благовещенский с Никольской, Предтеченский с Входоиерусалимской, Воскресенский с церковью Нерукотворенного Образа, Владимирский с деревянным шатровым храмом и церковью Рождества Богородицы, Св. Духа, Троицкий с деревянной церковью Одигитрии, Зосимы и Савватия – деревянной двухэтажной. А также Успенский девичий монастырь с исторической справкой и бывшие пустыни: Хергозерская, Аглимозерская, Челмогорскаяи др.

Особенностью дел о назначении является наличие справок биографических, о состоянии прихода, одобрений от причтов и прихожан, присяг. Так в деле о назначении Ефима Замошского на должность дьячка в Устьмошский приход, сообщается, что там (на 1824 г.) находятся 4 храма: Рождества Христова, Благовещения, Филиппа митрополита и Успения Богородицы. В приходе 1819 душ мужского пола. Штат прихода насчитывает 3 священника, 2 диакона, 3 дьячка, 3 пономаря[6].

[1] Там же. Оп. 1. Д. 957. Л. 13-14.
[2] Там же. Оп. 1. Д. 890. Л. 13-13об.)
[3] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 921. Л. 18-30 об.
[4] Там же. Оп. 1. Д. 1094.
[5] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 2427.
[6] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 2675.

По кончине клириков их документы, прежде всего, указы, грамоты, препровождались в НДК, где подлежали уничтожению. Потому уникален факт наличия в делах ставленых грамот: иерею Иоанну Иоаннову – к церкви Богоявления Красновского прихода 1796 год[1], дьячку Афанасию Федорову – к церкви Преображения Нименского прихода 1798 год[2]. Обе – типографской печати с рукописными записями, подписаны епископом Архангельским и Олонецким Вениамином. К первой подвешена восковая печать с оттисками Троицы и благословляющей десницы.

Ещё одна ставленая грамота во чтеца принадлежала дьячку Лекшморецкого прихода Михаилу Никитину и подписана епископом Старорусским Антонием в 1801 г. За кражу и неспособность (поёт плохо, устав церковный не знает) он был исключён из духовного ведомства в 1806 год[3].

Другая группа - по различным вопросам деятельности клира за 1801-1824 годы[4].

Среди них – дело о прихожанине церкви Св. Духа купце Иване Семенове Литусове с 1804 г. исповедовавшемся у соборного священника. По вопросу – можно ли исповедоваться в других приходах – викарный епископ Старорусский Евгений (Болховитинов) дал положительный ответ с резолюцией «о дозволении исповедоваться и у сторонних священников»[5]

Значительно количество дел по обвинению клириков и членов причта в нерадении, пьянстве, кражах, халатности и прочих недостойных сана поступках за 1806-1825 годы[6].

В области церковного суда показательно дело от ноября – декабря 1772 г. священника Архангельской волости Василия Иванова[7]. По жалобам прихожан за многочисленные вымогательства по требам, за отпевание и погребение – не хоронили неделю, так что от покойных исходил «смрад» и на телах появлялись «черви» – он был привлечён к суду. В результате последовало решение: «за непорядочные ево поступки и за причиненныя тоя волости крестьяном обиды и домогателства излишних за погребение… взяток, лишить священства вовсе и отослать в свецкую команду для определения, куда годен явится».

Перед началом литургии в церкви Филиппа митрополита Спасочурьевского прихода (совр. с. Поздышево) 29 июня 1806 г. на жертвенник упала свеча. В результате загорелись пелены и была повреждена оловянная утварь. Проведённое следствие и допросы иерея Ивана Иванова и пономаря Михаила Иванова привели НДК к заключению, что свеча была поставлена «не твёрдо», потому «за неосмотрительность» с клириков взыскан штраф с подпиской на будущее - об «осторожности»[8].

За подобную неосмотрительность – «слабое и редкое смотрение… за целостию укреплений церкви» в ноябре 1820 г. на сумму 147 руб. 30 коп. был оштрафован причт (3 иерея, 2 диакона, 3 дьячка, 2 пономаря) уездного Троицкого прихода по делу о хищении крестьянином Василием Хохловым 202 руб. 30 коп. посредством взлома дверей[9].

Взаимоотношения членов причта характеризует дело 1816-1817 гг. по заявлению пономаря Троицкого прихода Лаврентия Мостова. Духовное правление сообщало НДК, что в феврале 1816 г. вечером священник Федор Алексеев начал венчание в церкви Ошевенского прихода. В храм прибежал местный священник Федор Лаврентиев и «выходя из границ благопристойности и заскочив на амвон, запрещал венчать брак и ругался сквернематерными словами, после сего, выбежав из церкви на колокольню и звонил во все колокола необыкновенно». В деле собраны опросы, клятвенное обещание, переписка. Федора Лаврентиева предполагали направить «в труды» на месяц в Александро-Ошевенский монастырь, но «учинили от епитимии свободна». Вместо него в обитель в монастырское месячное послушание попал пономарь Мостов[10].

---

[1] Там же. Оп. 5. Д. 119.
[2] Там же. Оп. 5. Д. 115.
[3] Там же. Оп. 1. Д. 2115.
[4] Там же. Оп. 1. Д. 2011, 2118, 2122, 2134, 2138, 2449а, 2495; Оп. 5. Д. 90, 178, 441, 493, 552, 561, 605, 606, 612, 619.
[5] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 2138.
[6] Там же. Оп. 1. Д. 2115, 2116, 2273, 2312, 2330, 2392, 2396, 2446, 2499, 2500, 2502, 2503, 2506, 2509; Оп. 5. Д. 44, 54, 89, 556, 557, 567, 578, 624.
[7] Там же. Оп. 1. Д. 1455, 1462.
[8] Там же. Оп. 1. Д. 2107.
[9] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 2501.
[10] Там же. Оп. 1. Д. 2365.

На протяжении 10 лет (1816-1825) длилось разбирательство «о невписании брака» в метрическую книгу священником Ошевенского прихода Иваном Михайловым. Иерей вместе с диаконом Иваном Ивановым в феврале 1815 г. обвенчал крестьянина Петра Алексеева с «крестьянской женкой» Иулианией Семеновой, «которая не имеет от начальства законнаго вида, что первый муж ея жив или помер». В деле содержатся переписка с инспекторским департаментом Главного штаба, брачный обыск, решение НДК и др. документы. В результате было установлено, что первый муж Иулиании пропал на военной службе. Потому консистория определением от 1 июня 1825 г. постановила внести запись о венчании в метрическую книгу, а со священника и диакона взыскать 15 руб. в пользу бедных[1].

Большое следствие было проведено в 1819-1820 гг. по «делу о непогребении Каргопольского уезда Троицкого прихода священником Федором Лаврентиевым крестьянской девки Марфы Филиповой»[2]. Марфа умерла 13 февраля 1818 г. и более месяца оставалась непогребённой. Гроб с её телом стоял в церковном амбаре. При расследовании в том же амбаре отыскался гроб с младенцем. В метрических книгах записей о младенце не нашлось, потому были проведены допросы о младенцах. В дело попали выписки из метрических книг по приходу за 1815-1818 гг. По окончании следствия принято решение об оштрафовании всех клириков и взыскании с них 15 руб. в пользу вдов и сирот «за нерадением их о исправности метрических книг». Священник Федор Лаврентиев был определён на 2 месяца «в клиросное послушание» в Александро-Ошевенский монастырь, однако, НДК решением от 9 января 1820 г. направила его в Антониев монастырь в Новгороде.

Имеются дела «о безмерном пьянстве», «безпрестанном пьянстве» некоторых клириков. В их числе дело священника каргопольской Воскресенской церкви Лаврентия Степанова 1820-1822 годы[3]. Последней каплей терпения благочинного стало появление иерея пьяным при сослуживцах и большом стечении «к соблазну народа» в храмовый праздник 24 июня 1820 г. в церкви Иоанна Предтечи. В рапорте отмечалось, что Степанов «пьет горячие напитки допьяна» и уже был полгода на исправлении в Александро-Ошевенском монастыре «в клиросном труде». В этот раз был направлен на год в уездный приход «в причетническую должность» с запрещением в священнослужении. В декабре 1821 г. Степанов просил о возвращении на иерейское место в церковь Св. Духа, но, за неимением вакансии, в феврале 1822 г. получил отказ.

Подобно и во многом схоже дело о священнике городской церкви Св. Духа Афанасие Иванове 1819-1820 годы[4]. «В пьяном положении» у приходского храма он обругал городничего Пишке «неизстовыми и сквернымі словами». И до этого имел взыскания, был также отправлен в Александро-Ошевенский монастырь на полгода с запрещением в священнослужении.

Отличился диакон Устьмошского прихода Осип Николаев. В 1816 г. он «самовольно» заключил контракт с каргопольским купцом первой гильдии, содержателем питейных сборов Алексеем Андреевым Вишняковым, по которому отдал свой дом, находящийся в непосредственной близости от Христорождественского храма, в аренду под кабак (питейный дом) и питейную контору до 1819 г. Священник прихода Алексей Петров сообщал: «пьянствующие производят на улице неблагопристойныя крики и пляски, а иногда бывают и драки». НДК настаивала на прекращении контракта и штрафе диакона[5].

Исповедные росписи за 1711[6] и 1717[7] годы – одни из самых ранних документов фонда НДК. В первых проходят 11 приходов города (вместе с монастырскими – Успенским и Спасским) и 35 уездных (Устьмошского, Турчасовского станов и многих волостей). Из них следует, что у иеромонаха Спасского монастыря Герасима Великим постом 1711 г. исповедовались и причащались игумения новодевичья Успенского монастыря Иулиания с сёстрами, а также архимандрит Александро-Ошевенского монастыря Иосиф. В исповедных за 1717 г. представлены 7 городских приходов и уездные (в т. ч. вотчины Ошевенского, Кожеозерского, Крестного монастырей).

[1] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 2724.
[2] Там же. Оп. 5.Д. 574.
[3] Там же. Оп. 1. Д. 2502.
[4] ГАНО. Ф. 480. Оп. 5. Д. 578.
[5] Там же. Оп. 5. Д. 443.
[6] Там же. Оп. 1. Д. 5.
[7] Там же. Оп. 1. Д. 25.

Статистический подсчёт по сословиям исповедников [1758 г.] сообщает, что в Каргопольском уезде (вместе с Каргополем) 89 приходов (монастырей, погостов, сёл и выставок), при них 9249 дворов с населением - 32166 мужского и 28719 женского пола, да ещё 84 мужского и 47 женского пола старообрядцев. В Каргополе при 9 приходах 601 двор, 1840 мужского и 1917 женского пола, да 13 староверов[1].

По церковному строительству замечательно общеепархиальное дело с перечнем в т. ч. по Каргополю и уезду[2]. В нём зафиксированы сведения по прошениям г. Каргополя: посацкого человека Алексея Аверкиева сына Нагаева о строении при церкви Св. Духа и Вознесения Господня придела (2 мая 1728 года)[3], о построении вместо ветхих деревянных церквей Вознесения и Покрова вновь каменной и освящении (2 апреля 1731 г.)[4], в должности закащика попа Иоанна Афонасьева о освящении церквей 1) Богородицы Одигитрии теплой, 2) Живоносного Источника с приделом Иоанна Богослова и Александра Ошевенского «с объявлением, что из них для пожарного случая выношено было одеяние и освященные антиминсы и образы» (30 сентября 1731 г.)[5], церковного старосты Матфея Васильева сына Белоусова о освящении церкви Входа Господня в Иерусалим и придела Знамения Богородицы (30 сентября 1731 г.)[6], церковного старосты Семёна Семёнова сына Забродихина о строении вместо сгоревшей церкви Всех святых с приделами Варлаама Хутынского и священномученика Харалампия тёплой деревянной «в тож наименование» (27 марта 1732 г.)[7], церковного старосты церкви Благовещения посадского человека Семена Григорьева сына Адамова о освящении вместо сгоревшего придела Собора Богородицы при церкви «в тож наименование» (27 марта 1732 г.)[8], церковного старосты Матфея Васильева сына Белоусова о освящении построенного придела Марии Египетской при церкви Спаса Нерукотворенного образа (29 января 1733 г.)[9], церковного старосты Андрея Прибыткова о строении вместо обветшавшей церкви Спасителева Образа с приделом Иоанна Златоуста каменной церкви с приделом и тёплой трапезою (26 апреля 1733 г.)[10], о разборке ветхого деревянного храма Сергия Радонежского и о переносе его образа в придел Входа Господня в Иерусалим Предтеченского храма (14 июля 1735 г.)[11].

В журналах заседаний НДК за 1750 год[12] по Каргополю рассматривались вопросы о каменной Вознесенской церкви, построенной «за ветхостию» старой ещё в 1741 г., и с тех пор стоявшей без освящения[13], а также прошение о строительстве новой каменной холодной церкви Св. Духа вместо обветшавшей деревянной шатровой с приделами Знамения Богородицы и Космы и Дамиана, построенной в 7160 г. (1651/2 г.)[14].

Представлены в фонде и отдельные дела по церковному строительству и ремонтам. В деле о строительстве нового двухэтажного многопрестольного каменного храма Устьмошского прихода за 1806 г. подшиты: прошение об освящении и опись имущества нижнего Успенского престола, копия плана и фасада храма 1798 г., переписка о выдаче 3 антиминсов[15].В том же приходе священник Василий Алексеев в 1819 г. ходатайствовал о ремонте кровли деревянной Благовещенской церкви[16].

По строительству и освящению приделов каменного храма Полуборского прихода сохранились 2 дела[17]. В 1801 г. на месте сгоревших церквей началась постройка двухэтажной пятиглавой церкви с престолами великомученика Георгия, Неопалимой купины и апостолов

[1] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 1093. Л. 19-20об.
[2] Там же. Оп. 1. Д. 774.
[3] Там же. Оп. 1. Д. 774. Л. 24.
[4] Там же. Л. 38-38 об.
[5] Там же. Л. 40
[6] Там же.
[7] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 774. Л. 43 об.
[8] Там же. Л. 43 об.
[9] Там же. Л. 47 об.
[10] Там же. Л. 49-49 об.
[11] Там же. Л. 59 об.
[12] Там же. Оп. 1. Д. 731.
[13] Там же. Л. 309-309 об.
[14] Там же. Л. 317-318 об.
[15] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 2108.
[16] Там же. Оп. 5. Д. 569.
[17] Там же. Оп. 5. Д. 588, 602.

Петра и Павла (в верхней) и Василия Великого и Григория Неокесарийского (в нижней). Васильевский престол был освящён в 1803 г. на старом антиминсе, а в 1819 г. клирики и прихожане подали прошение викарному епископу об освящении Григорьевского престола и выдаче нового антиминса. Здесь же приложена опись имущества этого придела[1].

Всем памятен пожар в Лядинах 2013 г. Подобное случалось неоднократно. Так в Вохтомском приходе «по отправлении большей вечерни с водосвятием» в деревянной Никольской церкви 5 января 1804 г. на праздник Богоявления Господня причт и прихожане разошлись по домам. «В скором времени оная церковь занялась вся огнем»: внутреннее убранство, ризница, утварь, казна, архив с метрическими книгами, исповедными росписями – «все без остатка згорели». От жара занялись близстоящие деревянные церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи и колокольня. «Хотя стекшимся народом и вынесено из оной святыя образа, иконостас и некоторые церковные книги», антиминс спасти не удалось. Зато удалось снять с колокольни 4 колокола «без повреждения». Приход просил разрешения на строительство временной часовни на погорелом месте или на кладбище для хранения спасённого церковного имущества и отправления служб и треб, но консистория благословения не дала, настаивая на строительстве каменного храма. Материалы для строительства – глина, камни, известь – находились на удалённом (более 100 вёрст) расстоянии. Потому имущество было складировано в часовне д. Фоминская в 1 версте от погоста. Осенью 1804 г. было достигнуто соглашение от прихожан на строительство каменной церкви. По следствию в причине пожара «виновного не оказалось», дело закрылось с формулировкой «предать воле Божией»[2].

Значителен комплекс приходо-расходных документов. Наиболее ранние – ведомости сбора «в церковную казну от подаяния мирских людей на церковныя потребы и куда употреблено…» по 18 приходам Крестновского заказа за 1740 год[3]. В них указаны помесячные поступления и расходы на покупку церковного вина, воска, ладана, муки, мёда, масла, «на починку икон», «на починку книг», «плотникам». Каждая ведомость заверена настоятелем и церковным старостой.

Подобные ведомости по Крестновскому заказу представлены за 1753 год [4]и охватывают 13 приходов. Доход составлялся от продажи и «отпромены» восковых свечей, «от подаяния мирскаго». В статье расхода, помимо обычных, траты на приобретение слюды для церковных «окончин», «белаго железа», богослужебных книг, оплата иконописцам за поновление икон. Приход Климентовской церкви Кожской волости заплатил 35 коп. иконописцу Ивану Богданову «за поновку образов», а Успенской церкви Устьенской волости 1 руб. 50 коп. мастерам за «починку обветшавших кровель».

В 1806 г. рапортом Каргопольского духовного правления в НДК направлена ведомость о хранящихся в церквах денежных суммах золотом, серебром, медной монетой и ассигнациями. Собраны сведения о 8 городских (Соборный, Благовещенский, Предтеченский, Воскресенский, Троицкий, Духовской, Владимирский, Зосимовский) и 45 уездных приходах[5]. Все имели суммы медью и ассигнациями и лишь Хергозерская пустынь хранила 5 руб. золотом и 113 руб. 20 коп. серебром[6].

Наиболее полны по охвату городских и уездных церквей ведомости прихода и расхода церковных и свечных сумм за 1812[7], 1818[8] и 1825[9] годы. В них за годовыми сводными по благочиниям подшиты ведомости по каждой церкви с расписками членов причта по 8 городским приходам и уездным, в т. ч. бывшим пустыням.

В 1817-1818 гг. олонецким уездным землемером Петром Потёмкиным было проведено межевание церковных земель по 28 уездным приходам. Работа по межеванию и составлению планов оплачивалась из церковных кошельковых сумм[10].

---

[1] Там же. Д. 588. Л. 3-3 об.
[2] ГАНО. Ф. 480. Оп. 5. Д. 88.
[3] Там же. Оп. 1. Д. 453.
[4] Там же. Оп. 1. Д. 907.
[5] Границы Каргопольского уезда к этому времени значительно сократились. См. Тормосова Н.И. Каргополье. История исчезнувших волостей. Каргополь: Каргопольский музей, 2011.
[6] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 2105.
[7] Там же. Оп. 1. Д. 2268.
[8] Там же. Оп. 1. Д. 2413.
[9] Там же. Оп. 1. Д. 2700.
[10] ГАНО. Ф. 480. Оп. 1. Д. 2387 а.

В начале 1720-х гг. у причтов были затребованы расписки о наличии привесов к иконам[1].В деле собраны расписки от городских (церкви Всемилостивого Спаса, «что в Гостине дворе», Св. Духа, Воскресения Христова, «что на Красном острову», Феодора Стратилата) и уездных настоятелей, в т. ч. монастырей: келаря Ошевенского иеромонаха Афанасия, строителя Благовещенской пустыни иеромонаха Павла с братией, наместника Крестного (и приписной Сырьинской пустыни) иеромонаха Сергия со старшей братией, казначея Кожеозерского (с приписным Кенским) монаха Корнилия с братией. Все единогласно сообщали: «в той нашей… церкви… у святых образов привесных куриозных и прочих вещей не обретается и от [1]722 года ничего не збирано и ныне в привесе нет…».

Таким образом, документы фонда НДК позволяют более подробно осветить историю Каргополья, в частности состояние приходской жизни. В документах раскрываются также страницы духовного образования, монастырской жизни и старообрядчества. Но об этом в очередной публикации.

Илл. 1. Церкви на Соборной площади
г. Каргополя. 1960-е гг. Фото С.В. Моисеева

Илл. 2. Вид на церковь Рождества
Богородицы от Благовещенской церкви.
г. Каргополь. 1960-е гг. Фото С.В. Моисеева

Илл. 3. Александро-Ошевенский монастырь.
1960-е гг. Фото С.В. Моисеева.

[1] Там же. Оп. 1. Д. 87.

Д.Ю. Алексеев (г. Санкт-Петербург)

Документы, касающиеся Каргополя, в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга

Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб) хранит фонды различных учреждений города и уездных центров Петербургской губернии дореволюционного периода, в основном XIX – начала XX века. Небольшая часть дел в той или иной степени связана с другими городами. В их числе – Каргополь, уездный центр Олонецкой губернии. На данный момент в ЦГИА СПБ выявлено 17 дел, в заголовках которых упоминается Каргополь.

Три из них относятся к фонду 19 (Петербургская духовная консистория): о присылке посадского человека из г. Каргополь Ивана Иконникова во Введенский Островский монастырь для выполнения по подряду работ по резьбе, золочению и росписи в новой Богоявленской церкви[1], о вступлении экономического крестьянина Ошевенской волости города Каргополя Киприана Невенкова во второй незаконный брак при жизни жены Соломониды Елизаровой[2], о несогласованной жизни священников Якова Лебедева из Каргополя и Афанасия Иванова из Петрозаводска[3]. Так как фонд временно закрыт для исследователей, ознакомиться с их содержанием пока невозможно.

Заголовок дела по прошению виноторговцев об устранении караулов от питейных домов в городе Каргополе был дан по ошибке: оно относится к другому уездному центру Олонецкой губернии — Лодейному Полю[4].

Интерес представляет дело об отправке пороха из Охтинского порохового завода (ОПЗ) в Каргополь. 29 мая 1865 г. главное артиллерийское управление на основании требования Первого департамента государственных имуществ предписало ОПЗ отправить в Каргополь 70 пудов крупного пороха для продажи государственным крестьянам, занимающимся охотничьим промыслом. Отправка сопровождалась перепиской, позволяющей в подробностях проследить механизм отгрузки, перевозки и приёмки пороха. 10 июня после освидетельствования 70 пудов пороха были укупорены в 24 трёхпудовых пороховых бочёнка «нового образца» и погружены на три подводы двухгодового подрядчика царскосельского 1-й гильдии купца Меера Фридланда. Груз сопровождали артиллерийский чиновник ОПЗ губернский секретарь Тиханов и пять солдат. Начальник ОПЗ генерал-майор К.Г. Венден письменно предупредил петербургские и олонецкие губернские власти, чтобы «городские и земские полиции оказывали содействие к безостановочному и особенно безопасному следованию транспорта», а при проезде через населенные пункты «кузницы и вообще всякого рода мастерские, в которых работы производятся огнем, были бы заперты». Маршрут в 658,75 верст следовало проходить темпом 25 верст в сутки, завершив путь 6 июля. Однако уже 30 июня Тиханов благополучно сдал груз заведующему каргопольским пороховым погребом уездному казначею Зотикову и 5 июля вернулся на ОПЗ[5].

Одно дело, связанное с Каргополем, отложилось в фонде Петербургской судебной палаты. Дело по иску Каргопольской городской думы к бывшему городскому голове П.И. Басову является отражением борьбы между разными группами каргопольской элиты. На заседании городской думы Петр Иванович Басов и члены каргопольской городской управы Иван Иванович Зубов, Петр Николаевич Белоусов и Владимир Евфимович Огарковский были обвинены в причинении городу убытков на 881 рубль 3 копейки. Так как они отказались внести эту сумму, городская управа обратилась в Петербургскую судебную палату, однако та отказалась рассматривать дело[6].

[1] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 7447.
[2] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 1. Д. 12340.
[3] ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 16. Д. 526.
[4] ЦГИА СПб. Ф. 1857. Оп. 1. Д. 20.
[5] ЦГИА СПб. Ф. 1285. Оп. 1. Д. 766.
[6] ЦГИА СПб. Ф. 356. Оп. 1. Д. 24298.

Два дела связаны с помещением в богадельни двух женщин, юридически являвшихся мещанками города Каргополя – Елизаветы Николаевны Доннер[1] и Евдокии Васильевны Пузырёвой[2]. Обе жили в Петербурге и работали, пока хватало сил, но с возрастом и ухудшением здоровья они оказались в тяжёлом положении. Вследствие своих прошений обе были помещены на призрение в богадельни.

Три дела из разных фондов объединены личностью народовольца Сидора Власьевича Баранова, сосланного в Каргополь за революционную пропаганду. Наиболее интересно дело канцелярии Петербургского временного генерал-губернатора в связи с поступившими на С.В. Власова в 1879 г. доносом. Его автор, отставной солдат Мендель Абрамович Лондарь, случайно услышал, как Власов в разговоре с другими ссыльными утверждал, что если императору Александру II «не попалось первый раз, не попалось второй раз в Москве, то третий раз не миновать ему смерти. У нас шайка более 600 человек, где-нибудь да подкараулят». Показания Лондаря подтвердил другой ссыльный, петроковский мещанин Станислав Пестржинский. По его словам, Баранов неоднократно высказывался против правительства и императора, утверждая, что тому скоро конец. В России, по его словам, существовала «большая партия», к которой принадлежит и он сам, и что в ней даже есть один сановник, состоящий при Александре II. Члены партии стремятся во чтобы то ни стало убить императора, поэтому за каждым его шагом постоянно следит мужчина, переодетый в женское платье. Однако проводивший дознание майор отдельного корпуса жандармов Горталов нашел, что свидетельства принадлежат только доносителям, а другие свидетели «дерзких выражений против государя» не подтвердили, поэтому оснований для заключения Баранова под стражу нет. Результаты дознания были представлены на рассмотрение олонецкого губернского прокурора, постановившего ввиду не подтвердившихся при дознании доносов и неблагонадёжности доносителей дело дальнейшим производством прекратить[3].

Второе из дел, касающихся С.В. Баранова, относится к 1885 г. и связано с необходимостью побывать на родине для получения вида на жительство и свидания с родственниками. Департамент полиции сообщил олонецкому губернатору о разрешении прибыть на один месяц в Петергофский уезд[4].

Ещё одно дело связано с перечислением С.В. Баранова в мещане города Каргополя. Оно содержится в фонде С.-Петербургского губернского по крестьянским делам присутствия и относится к 1889 г. Так как С.В. Баранов принадлежал к крестьянам-собственникам, бывшим помещичьим, и был наделён землей, на перечисление его в мещане без взноса выкупных платежей требовалось согласие губернского по крестьянским делам присутствия. Этот орган препятствий чинить не стал, констатировав, что «с перечислением его исправные взносы выкупных платежей селению Широково вполне обеспечены»[5].

Шесть дел, связанных с Каргополем, хранятся в фонде канцелярии попечителя Петербургского учебного округа. Наиболее раннее из них относится к 1806 г. и связано с необходимостью обеспечить семью умершего учителя Каргопольского малого народного училища Ивана Ларионова, после которого осталась жена Анна Лукинична с восемью детьми. Директор народных училищ Олонецкой губернии Аврам Крылов просил в связи с этим Н.Н. Новосильцева, соратника Александра I, занимавшего среди прочих пост попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, исходатайствовать вдове пенсию в размере последнего «производимого мужу её жалованья» в размере 200 рублей в год. Однако дело было решено в соответствии с высочайше конфирмованным 7 сентября 1805 г. докладом о пенсиях учителям, согласно которому вдовам учителей назначалась пенсия в одну шестую часть от жалованья, что составило 33 рубля 33 копейки с четвертью[6].

Следующее дело датировано 1815 г. Титулярный советник Троицкий по поручению директора училищ Олонецкой губернии Башинского ревизовал училища в Вытегре и Каргополе. По результатам ревизии Башинский докладывал попечителю Петербургского учебного округа

[1] ЦГИА СПб. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1453.
[2] ЦГИА СПб. Ф. 215. Оп. 1. Д. 2286.
[3] ЦГИА СПб. Ф. 2073. Оп. 2. Д. 290.
[4] ЦГИА СПб. Ф. 253. Оп. 6. Д. 872.
[5] ЦГИА СПб. Ф. 190. Оп. 7. Д. 1050.
[6] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 197.

С.С. Уварову, что каргопольское приходское училище «по малому занятию смотрителя училищ Полидорова, которому вверено исправление должности учителя в оном, не в цветущем состоянии по причине частых его по должности отлучек, отчего и в уездном училище число учеников чрезмерно мало. Посему для отвращения такового неустройства необходимо нужным почел я препоручить исправление должности учителя в приходском каргопольском училище двум учителям уездного училища, Соколову и Талицкому, с производством им по 75 руб. в год, разделив пополам положенное Полидорову жалованье 150 руб.». Уваров согласился на это[1].

Остальные четыре дела относятся к началу XX в. В 1907 г. началось дело об открытии в Каргополе женской прогимназии. Основной проблемой было финансирование этого учебного заведения. После согласия уездного земства выделять по 1500 рублей в год и городской думы по 500 рублей Министерство народного просвещения добавило еще 1000 рублей в год, что было достаточно для функционирования женской прогимназии. Город Каргополь выделил для нового учебного заведения деревянный двухэтажный дом на Соборной площади, перешедший от почётного гражданина Лаврентьева. Торжественное открытие произошло 2 ноября 1908 г., на следующий день в двух классах прогимназии начались занятия. В 1-м классе учились 22 девочки, во 2-м – 30, из них 23 из крестьянского сословия[2].

В 1908 г. началась переписка об открытии в Каргополе низшей ремесленной школы для подготовки специалистов по ремонту и изготовлению сельскохозяйственных машин и предметов сельского обихода. Ремесленный класс при городском 4-классном училище было решено закрыть, а его имущество передать новой школе. После длительных переговоров и согласований Каргопольская низшая ремесленная школа была открыта в ноябре 1916 г. В ней было 12 учащихся и трое учителей. Школа размещалась в двух зданиях, в одном находился класс для занятий, в другом — слесарная мастерская, где занятия ещё не начались[3].

Одновременно с открытием женской прогимназии начались хлопоты по созданию мужского среднего учебного заведения. Связанные с этим документы составляют следующее дело фонда попечителя Петербургского учебного округа. Начатые в 1908 г. переговоры по открытию реального училища в Каргополе не дали результатов из-за нежелания Олонецкого губернского земства его финансировать: в Петрозаводске считали, что целесообразнее открыть училище в Вытегре «как более центральном пункте» губернии. Вторично вопрос о реальном училище был поднят в 1914 г. Каргопольская городская дума решила единовременно отпустить 1000 руб., дать участок для строительства здания, предоставить право рубить лес и предоставить для начальных классов дом Серкова. Земская управа готова ассигновывать 2000 руб. ежегодно, пудожская земская управа — 500 рублей единовременно. Однако и тогда до открытия реального училища дело так и не дошло[4].

Открытию реального училища посвящено также последнее из «каргопольских» дел. Оно началось после Февральской революции в связи с решением Министерства народного просвещения открыть на средства казны в пределах Петроградского учебного округа с начала 1917/1918 учебного года несколько новых четырехклассных средних общеобразовательных учебных заведений. Революционные веяния проявились в том, что в них планировалось совместное обучение мальчиков и девочек. Городская дума решила ассигновать единовременно 1000 рублей, уездное земское собрание – 2000 рублей. Также было решено выделять из городских средств 500 рублей в год на аренду помещения впредь до постройки нового здания. Для постройки дума отвела участок на Петроградской улице, отпустив бесплатно необходимое количество леса из Замошской городской лесной дачи, а из городских карьеров – песок, глину и плиту. Директором училища 28 сентября 1917 г. был назначен уроженец Каргополя Александр Аполлонович Ешевский, исполнявший в то время должность инспектора 8-й Петроградской гимназии. Он представил попечителю округа список учителей и смету на содержание училища. Материалов об открытия училища в деле нет[5].

[1] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 1382.
[2] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 11054.
[3] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 11625.
[4] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 11284.
[5] ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 19039.

Таким образом, документы фонда Петербургской духовной консистории проливают дополнительный свет на историю Каргополя в его повседневной жизни и дают возможность проведения дальнейших исследований.

Приложение 1

Письмо директора народных училищ Олонецкой губернии надворного советника Аврама Крылова товарищу министра юстиции, президенту Санкт-Петербургской академии наук, попечителю Санкт-Петербургского учебного округа Николаю Николаевичу Новосильцеву. 24 июня 1806 г.

<…> Жена его <умершего учителя Ивана Ларионова> с малолетними детьми лишена всех способов к пропитанию и должна оное снискивать, бродя по миру, к стыду Каргопольского градского общества, что дети чиновника, посвятившего всю жизнь свою на просвещение их чад к пользе общественной и препроводившего в учительском звании целых 20 лет с похвалою и успехом, без всякого помышления о собственных своих выгодах, оставлены будут на произвол судьбы без всякого призрения. <…> Каргопольское градское общество, быв само по себе малолюдно и недостаточно, не только не может назначить приличной пенсии вдове умершего учителя Ларионова, но и не в состоянии производить безбедного на тамошнее училище содержания <…>.

Подлинник. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 197. Л. 1 и об., 7.

Приложение 2

Отношение начальника Охтинского порохового завода генерал-майора К.Г. Вендена Каргопольскому местному соляному приставу. 11 июня 1865 г.

<…> Прошу принять транспорт с порохом и путевыми припасами от губернского секретаря Тиханова и выдать ему свидетельство с ведомостью о прибытии и необъявлении извозчиком на чиновника и нижних чинов претензий, и законную квитанцию в принятии и годности пороха и путевых припасов. <…> При этом уведомляю, что так как порох этот отправлен в Каргополь для вольной продажи и в бочках с равендучными мешками, и стоимость за мешки в высочайше утвержденной в день сентября 1859 г. таксе не наказана, а поэтому для сокращения расходов казны предписано мешки эти требовать обратно в завод с тем, чтобы перед отправлением они были вымываемы от пороховой пыли во избежание несчастных случаев, могущих произойти при перевозке их по почте. Вследствие чего прошу по мере продажи пороха означенные мешки высылать и препровождать по почте в Охтинский завод <…>.

Подлинник. ЦГИА СПб. Ф. 1285. Оп. 1. Д. 766. Л. 18 – 19.

Приложение 3

Исковое прошение в Санкт-Петербургскую судебную палату от уполномоченного городской думы каргопольского городского головы надворного советника Евфима Федоровича Добрынина по делу об убытках 881 р. 3 коп. 17 декабря 1909 г.

Журнальным постановлением Каргопольской городской думы, состоявшимся в заседании 13 декабря 1907 г., бывшие каргопольский городской голова Петр Иванович Басов, члены каргопольской городской управы Иван Иванович Зубов, Петр Николаевич Белоусов и Владимир Евфимович Огарковский (уже умерший) признаны ответственными в возмещении городу исчисленных постоянной ревизионной комиссией следующих убытков: 1) Басов, Зубов и Белоусов: а) 542 р. 7 к. сверхсметных перерасходов по постройке пожарного сарая с каланчею в городе Каргополе, и б) 18 р. 36 к. от несвоевременного обращения в процентные бумаги полученного в благотворительный Тельнихинский капитал долга за городское училище. 2) Басов, Белоусов и Огарковский — 113 р. 24 к. от несвоевременной уплаты долга в Общественный банк переплаченных процентов, и 3) Басов: а) 98 р. 75 к. по преждевременному займу денег на постройку флигеля при Тельнихинской общественной богадельне, б) 79. р 16 к. от неполучения процентов на завещанный купцом Серковым в пользу Тельнихинской богадельни капитал пять тысяч рублей, и в) 29 р. 45 к. от невозврата Басовым оставшихся у него как председателя строительной комиссии от постройки флигеля при Тельнихинской богадельне, а всего в сумме восьмисот восьмидесяти одного рубля трех копеек.

Хотя Басову, Зубову, Белоусову и наследникам умершего члена управы Огарковского в силу журнального постановления городской думы от 14 февраля 1908 г. городскою управою и было предложено причитающуюся с каждого сумму убытков уплатить добровольно в месячный срок, но никакого ответа от них не получено.

Вследствие сего и данного городскою думою поручения, представляя: 1) пять копий с сего прошения; 2) в шести экземплярах доклады постоянной ревизионной комиссии и бухгалтера городской управы Шепелева и копии с журнального постановления городской думы от 13 декабря 1907 г. и 14 февраля 1908 г. и 3) доверенность городской управы с пятью копиями с ней, на основании 2 пункта 1330 статьи Устава гражданского судопроизводства, имею честь покорнейше просить Судебную палату постановить определение о взыскании с Петра Ивановича Басова, Ивана Ивановича Зубова, Петра Николаевича Белоусова и наследников Владимира Евфимовича Огарковского – каргопольских мещанина Николая Ефимова Огарковского и мещанской вдовы Ольги Григорьевой Огарковской, жительствующих в городе Каргополе в собственных домах, причиненные ими вышеобъясненные убытки, подробно перечисленные в докладе постоянной ревизионной комиссии в сумме восьмисот восьмидесяти одного рубля трех копеек с судебными и за ведение дела издержками.

Декабря 17 дня 1909 г. № 109.

Уполномоченный городской голова Евгений Добрынин.

Подлинник. ЦГИА СПб. Ф. 356. Оп. 1. Д. 24298. Л. 1 – 2.

Приложение 4

Прошение каргопольской мещанки Елизаветы Николаевны Доннер на имя исполняющего должность смотрителя и главного врача градских богаделен Николаю Николаевичу Реформатскому. 1909 г.

Осмеливаюсь обратиться с покорнейшей просьбой к Вашему Превосходительству о принятии меня во вверенную Вашему Превосходительству богадельню бедную, безродную и бесприютную старуху, имеющую от роду 55 лет. Прожила я в С.-Петербурге с мужем 20 лет и после смерти мужа 15 лет по Гаванской улице Васильевского острова дом 5, кв. 41. Какие были у меня средства, я жила и прирабатывала, покуда позволяли сила и здоровье, но в настоящее время сила истощилась, а болезни посетили, так что я в данное время, находясь в преклонных летах при крайней бедности и в болезненном состоянии, не могу снискивать себе пропитание собственным своим трудом. Не имея средств, чем жить и платить за угол, я должна остаться под открытым небом, но благодаря знакомым, которые приютили меня, бедную, на праздник Рождества Христова, где я нахожусь, призренная, по Калашниковской набережной, дом 50, кв. 7. В дальнейшем, не имея уверенности, долго ли меня, бедную, продержат, почему я решила просить покровительства Вашего Превосходительства. Не откажите мне, бедной, безродной и бесприютной старухе, заставьте вечно Бога молить о здравии и благоденствии Вашего Превосходительства.

Подлинник. ЦГИА СПб. Ф. 215. Оп. 1. Д. 1453. Л. 2.

Приложение 5

Письмо директора народных училищ Олонецкой губернии Гончаревского попечителю Петроградского учебного округа. 9 февраля 1917 г.

Каргопольская низшая ремесленная школа фактически открыта с ноября месяца 1916 г. Учащихся в ней 12 человек. Учительский персонал состоит из трех лиц – заведывающего, законоучителя и учительницы общеобразовательных предметов. Школа размещается в двух зданиях: в одном слесарная мастерская, в другом класс для занятий. Квартира заведывающего и квартира мастера-техника временно обращены в учительскую сборную. Законоучитель и учительница, как равно и ученики, проживают на частных квартирах. В классе производятся занятия дневные, а в слесарной и кузнечной мастерских работы с учениками еще не открывались. Столярная мастерская еще не функционирует и не будет, вероятно, функционировать до конца учебного года за невозможностью приискать подмастерья за такое ничтожное вознаграждение (300 р.), какое определено штатами низших ремесленных школ. В означенных двух зданиях имеется 11 печей, из них 9 голландских и 2 русских. Расходы на хозяйственные потребности могут выразиться в следующей смете: 1) на заготовку 50 сажен дров – 40 р. 2) На освещение и

приобретение осветительных принадлежностей – 120 р. 3) Жалованье двум сторожам — 300 р. и 4) на мелочные хозяйственные расходы 75 р., а всего 895 р. По штатному расписанию низших рем школ полагается 600 р., следовательно, для удовлетворения всех хозяйственны нужд школы в текущем 1917 году при настоящей чрезвычайной дороговизне недостает 295 рублей, которые возможно было бы отнести на остаток от содержания личного состава школы вследствие незамещения должностей мастера-техника и двух подмастерьев в течение первого полугодия текущего года, каковой остаток должен выразиться в сумме 600 р. Ввиду сего и вследствие ходатайства господина заведывающего Каргопольской низшей ремесленной школой названный директор ходатайствует о разрешении употребить из упомянутого остатка 300 рублей на хозяйственные нужды школы в 1917 г. Директор училищ Гончаревский.

Подлинник. ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 11625. Л. 97.

В.В. Ефимова (г. Петрозаводск)

«Четырех губернаторов обманул! Что губернаторов! Нечего и говорить про губернаторов…» (или о службе каргопольского городничего Христофора Яковлевича Пишке)

Как известно, образ городничего обессмертил Н.В. Гоголь. Завершили же его формирование, слив с образом градоначальника и представив в виде непременных взяточников, сластолюбцев и ретроградов, наши известные писатели-сатирики В.Ф. Одоевский, М.Е. Салтыков-Щедрин и Н.С. Лесков. Безусловно, что переломить литературный стереотип, практически невозможно. К несчастью, он весьма активно поддерживается сегодняшними градоначальниками…

Но как может ответить на вопрос – а далек ли реальный образ городничего от литературного – профессиональный историк? К сожалению, в качестве основного источника информации для него при ответе на этот вопрос выступает делопроизводственная переписка, т.к. «эго-документы» (дневники, записки, личная переписка, мемуары) чиновников такого уровня в интересующий нас период если и были, то до наших времен почти не дошли. И, тем не менее, попытаемся реконструировать служебную карьеру каргопольского городничего Христофора Яковлевича Пишке. Впрочем, эта биография ничем не примечательна, и, можно сказать даже, весьма типична для городничих 1-й половины XIX века. Примечательно в ней только то, что Пишке пробыл в этой должности целых 22 года (1808-1830). Это, в свою очередь, позволило нам собрать некоторый материал, т.к. за свою долгую службу он сумел оставить достаточно много «следов» в дошедшей до нас делопроизводственной переписке.

Итак, что нам известно о Христофоре Яковлевиче Пишке? Согласно найденным нами трём его формулярным спискам за 1817 г., 1827 и 1830 годы[1], родился он приблизительно в 1773 г. в Курляндии (территория современной Латвии). Вероисповедание указывал евангелистское. В службу вступил в 1788 г. в Елецкий мушкетерский полк солдатом. Так как полк был непривилегированным, то можно предположить, что происхождение наш герой имел не дворянское. Там же дослужился до первого офицерского чина, что сделало его дворянином. Принимал участие в действиях против «польских мятежников», в ходе которых, по-видимому, и был ранен в левую руку. 4 ноября 1800 г. был уволен с военной службы «с награждением чином штабс-капитана» (X класс по Табели о рангах). 1 января 1805 г. вступил на гражданскую службу земским исправником в Пудожский земский суд с переименованием в титулярные советники, что соответствовало уже IX классу. 16 марта 1808 г. был перемещен в г. Каргополь городничим.

До 1819 г. Х.Я. Пишке ничем особым не выделился. В Олонецкой уголовной палате сохранилось за этот период любопытное дело за 1815-1817 годы «Об учинении грубости и ругательств» бывшим надворным советником Елиным городничему Пишке[2]. Впрочем, все закончилось примирением сторон, но Елин за стрельбу из ружья[3] был все-таки оштрафован на 20 рублей. Из дела видно, что нравы каргопольцев этой эпохи были грубы, но и Пишке не особо церемонился в своих действиях с ними.

В 1819 г. Пишке дважды посчастливилось видеть Александра I. Для ночлега царя в Каргополе готовились две квартиры – в доме городского головы[4] и купца 2-й гильдии А.А. Вешнякова. Открытое предписание о приезде императора каргопольский земский исправник Ешевский и городничий Пишке получили 19 июля. 26 июля в 2 часа дня царь въехал в Каргополь, где после встречи его духовенством на Соборной площади пешком отправился на квартиру купца Вешнякова (весьма вероятно, что где-то рядом находился Пишке). Именно в этот день царь благодарил Пишке за порядок в городе. 27 июля государь с утра уехал. На обратном

[1] Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1349. Оп. 4 (1817). Д. 170. Л. 97; Д. 85 (1827). Л. 109-110; Д. 78 (1830). Л. 151-152; Национальный архив Республики Карелия (далее НА РК). Ф. 1. Оп. 36. Д. 28/2. Л. 32-34.

[2] НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 76/603.

[3] Представленной им, как давнюю традицию жителей г. Каргополя в ночь с 14 на 15 июня производить гулянья на р. Онега, и за городом на пустынном берегу напротив города, устраивая стрельбу из ружей.

[4] Хорошо бы было установить, кто был им в то 3-х летие.

пути из Архангельска 3 августа около 7 вечера царь вновь заезжал в Каргополь, где опять ночевал в доме Вешнякова[1].

В 1820 г. в порядке общего осмотра губернии олонецкий губернатор В.Ф. Мертенс (1-й в служебной карьере Пишке!) обозревал Каргополь. В результате, он нашел пожарные инструменты в порядке, а в городническом правлении всего одно нерешенное дело[2]. За «опрятность» города губернатор высказал Х.Я. Пишке благодарность[3]. Покидая Олонецкую губернию, 26 сентября 1821 г. Мертенс дал Пишке отличный аттестат[4]. Следующим служебным отличием городничего стал орден – указом Сената от 14 августа 1824 г. по «засвидетельствованию лично архангельским, вологодским и олонецким генерал-губернатором С.И. Миницким» его «ревностной службы» Пишке был награжден орденом св. Владимира 4-й степени[5]. Думаем, что получил этот орден Пишке не случайно, т.к. имел в лице правителя канцелярии генерал-губернатора – А.А. Шамарине – своего покровителя. Подтверждением этому служит интереснейший документ, единственный в нашем исследовании, который можно отнести к «эго-документам». Покидая в самом конце 1824 г. Олонецкую губернию, губернатор А.И. Рыхлевский (2-й в карьере Пишке!) оставил для своего сменщика – Т.Е. Фан-дер-Флита «замечания» о некоторых служивших под его началом чиновниках, которые чем-то обратили на себя его внимание. Среди них оказался и Пишке, которого он охарактеризовал так: «великий плут, друг Шамарина и вертит всеми, но меня боялся как огня, я знал все его штуки и иногда больно его журивал»[6].

Но выслуга шла своим чередом: указом от 22 августа 1826 г. Пишке был произведен к коллежские асессоры. 21 марта 1827 г. губернатор Фан-дер-Флит (3-й в карьере Пишке!), а за ним и генерал-губернатор Миницкий благодарили его за быстрое «потушение» пожара, начавшегося в ночь с 17 на 18 января в здании Духовного правления и училища, а также за внесение собственных 600 руб. «в пополнение несобранных с граждан к сроку податей»[7]. 12 марта уже новый олонецкий губернатор П.А. Лачинов (4-й в карьере Пишке!) благодарил его за прекращение очередного пожара[8].

Неприятности для городничего Пишке начались во время ревизии Олонецкой губернии, проводившейся сенатором Д.О. Барановым в 1827/1828 гг. И хотя в делах городнического правления ревизовавший по его поручению коллежский советник Дурасов нашел порядок, но при ревизии делопроизводства магистрата он наткнулся на «дело о скоропостижно умершем ратмане купце 3-й гильдии Никите Лыткине». Ревизор обратил внимание на то, что при вскрытии тела умершего у лекаря возникло подозрение об отравлении купца мышьяком. Дурасов обвинил Пишке в том, что он: 1) не взял жену Лыткина под караул после открывшегося подозрения в отравлении при вскрытии, чем допустил растрату имущества, принадлежащего мужу, и, возможно, сокрытие следов преступления; 2) «больше заботился не о раскрытии виновных, сколько об обеспечении денег 1000 руб., данных его женой Лыткиным, что видно из показаний на него уездного стряпчего Богданова, ратмана Мурашева и мещанина Дм. Лыткина», обнаруживших в комнате, где находилось тело умершего, мешок с серебряной утварью, неизвестно кем собранным (но первым явился в дом именно городничий Пишке); 3) не обратил внимания на результат повального обыска, в котором 23 из 35 человек «не одобряли поведения Лыткиной и бывшей жизни с мужем».

В ответ на это донесение, сенатор Баранов 7 февраля 1828 г. предложил Олонецкому губернскому правлению отправить «все открытое Дурасовым» на рассмотрение Каргопольского магистрата «для положения» им своего мнения, а затем внести это мнение на заключение Олонецкой уголовной палаты вместе «с упущениями, выясненными Дурасовым в отношении каргопольского городничего Пишке и других участвовавших в дознании по делу Лыткиной, а

[1] Неменский В.О пребывании Александра I в Каргополе в 1819 г. // Древняя и Новая Россия. СПб., 1875. С. 87-89; Сметанин В. Путешествие императора Александра Благословенного через Каргополь в Архангельск и обратно // Архангельская старина. 3/2009-1/2010. С. 92-99.
[2] НА РК. Ф. 2. Оп. 61. Д. 637. Л. 4, 20;
[3] НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 124/1039. Л. 19.
[4] Там же. Л. 19-20.
[5] Там же. Л. 11-18.
[6] Санкт-Петербургский Институт истории Российской академии наук. Ф. 232. Оп. 1. Д. 4/6. Л. 54.
[7] НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 124/1039. Л. 20-21.
[8] Там же. Л. 21об.

вдову содержать до окончания дела под стражей»[1]. Но магистрат решил: т.к. обе подозреваемые в отравлении – Лыткина и ее работница Коровашкова – не сознались, и «нет доказательств и никем не оговорены», то предать это дело суду Божьему. Впрочем, в отношении Пишке магистрат подробно прописал следующее «предосудительное» обстоятельство: осталось неясным, что делал городничий, когда первым явился в дом умершего, т.к. когда туда пришли ратман с уездным стряпчим, то застали в комнате, где лежало тело купца, мешок с собранным серебром, а верхние комнаты были закрыты на ключ, который находился у городничего. И хотя явившиеся не видели, кем это «серебро» было туда положено, но зато были наслышаны о том, что Лыткин был должен жене городничего 1000 рублей. На очных ставках все они подтвердили свои показания, а Пишке не смог никак оправдаться. Дело ушло на ревизию в Олонецкую уголовную палату, которая, отменив решение магистрата, постановила: оставить Лыткину и Коровашкову «в сильном подозрении» в отравлении купца, а Пишке оштрафовать 50 рублями. Так как приговор касался должностного лица, то по действовавшему закону приговор предавался на окончательное утверждение в Сенат. Последний, обратив особое внимание на недостатки, выявленные Дурасовым, потребовал в декабре 1828 г. от олонецкого губернатора П.А. Лачинова (4-й по счету в карьере Пишке!) провести дополнительное расследование по делу.

В ходе сенаторской ревизии было обнаружено еще одно «дело», обстоятельства которого явно говорили не в пользу городничего. Дело касалось уездного казначея Щеглова, который еще в 1826 г. был обвинен в недостатке 2700 рублей. Однако Щеглов обжаловал постановление суда в Сенат. Из последовавшего из Сената указа по этому делу видно, на что собственно тот жаловался, а именно: 1) что недостача случилась «не от злоумышленья, а от оплошности» и сумма эта уже покрыта залогом его имущества, 2) что Пишке во время освидетельствования 22 августа 1826 г. хранящихся в казначействе сумм похитил следующие документы: а) расписки чиновников на 300 рублей о выдаче им преждевременно жалованья, б) конверт из Каргопольского уездного суда с банковскими билетами на 37 тысяч рублей, в) пакет на 986 руб., принадлежавший протоирею Нечаеву. В связи с этим Щеглов просил Сенат учинить распоряжение об исследовании поступков Пишке, полагая, что Олонецкое губернское правление покровительствовало ему в их сокрытии. «Покровительство» же, по его мнению, заключалось в том, что Правление намеренно задержало проведение следствия, чтобы успеть отправить к генерал-губернатору Миницкому список тех, кто представлялся в этом году к следующему чину (именно в этом списке Пишке и был представлен к чину коллежского асессора - В.Е.). Сенат требовал дать «объяснения» по всем пунктам.

Олонецкое губернское правление, заслушавшее на заседании 20 февраля 1828 г. этот сенатский указ, естественно, поспешило опровергнуть выдвинутое Щегловым в его адрес обвинение, подготовив в Сенат обстоятельную записку[2]. Однако бывший казначей жаловался и сенатору Баранову, который в предложении от 12 января 1828 г. (рассмотрено в губернском правлении 22 февраля) просил ему дать разъяснения по делу Щеглова. Из этой жалобы видны новые обстоятельства по делу о растрате: 1) следствие проводилось через 7 месяцев после похищения, чем Правление и дало возможность Пишке сокрыть все следы преступления и получить новый чин; 2) Пишке сделал похищение при бывшем уездном стряпчем Романове и дворянском заседателе уездного суда Васильеве, но те не были по этому делу спрошены; 3) другой заседатель уездного суда Михайлов во время следствия неожиданно сделал на Пишке «вынос», обвинив его в прелюбодейной связи с Ириной Михайловой[3] и прижитии с ней детей[4]; 4) дело о недостаче денег в уездном правлении и похищенных из сундука пакетов представлено в Уголовную палату, где председательствует Башинский, его – Щеглова – недоброжелатель.

[1] НА РК. Ф. 2. Оп. 68. Д. 345. Л. 303-316.
[2] Там же. Л. 982-1023.
[3] По архивному делу, к сожалению, не понятно, кем приходилась доносителю и городничему эта женщина.
[4] По этому поводу между Пишке и Михайловым развернулась целая война. Жалобы были поданы даже генерал-губернатору, который потребовал 10 сентября 1827 г. от Олонецкого губернского правления разобраться с этим. Правление в заседании 10 марта 1828 г. постановило: взаимные обвинения голословны, но оба могут жаловаться друг на друга гражданским порядком в соответствующий суд (Там же. Д. 346. Л. 665).

В связи с этим бывший уездный казначей просил сенатора устранить Башинского от рассмотрения его дела[1].

Пока все эти жалобы рассматривались в Петрозаводске, в Каргополе случилось новое происшествие. 26 января 1828 г. мещанин Федор Старицын сообщил городничему Пишке, что священник Горский, «употребивший до самой нечувствительности горячие напитки», выгнал из дому свою жену и детей и не впускает их уже более 2-х недель обратно, а комнат не топит. Отправившийся туда городничий Пишке взял Горского «под присмотр» в городническое правление и только на следующий день известил об этом Каргопольское духовное правление. Последнее донесло о происшествии «по начальству» в Петрозаводск. Духовная консистория, в свою очередь, посчитала таковой поступок городничего неправомерным, т.к.: 1) Горский был забран в городничество по одному доносу мещанина Старицына, а не по жалобе самих семейных, а «в дела мужа и жены вступаться не велено»; 2) Горский должен был доставлен к его начальству, а не в городничество[2].

В ответ Пишке оправдывался, что: 1) священника пригласил в свое городничество «для спасения жизни от холода и от многого употребления горячительных напитков, но в дело между мужем и женой не вступался; 2) после вытрезвления намеревался Горского отправить к его начальству, но тот, проспавшись, ушел на следующий день, воспользовавшись тем, что все уехали на пожар.

Однако «объяснение» Пишке не удовлетворило Духовное начальство, которое 31 января 1830 г. потребовало провести формальное следствие. Олонецкое губернское правление вынуждено было нарядить для этого каргопольского уездного судью Мефодьева. Но генерал-губернатор С.И. Миницкий (мы думаем, что не без подсказки Шамарина!) в своем предложении Правлению от 21 февраля 1830 г., заметив, что судья Мефодьев младше Пишке в чине[3], да к тому же находится с городничим «во вражде, то и не должно ему поручать оное», приказал командировать другого следователя, а затем представить к нему результаты следствия. Но это была последняя помощь, оказанная Пишке из канцелярии генерал-губернатора - в начале 1830 г. городничий лишился своего главного покровителя – А.А. Шамарина, который 22 марта по приказанию сенатора А.Д. Гурьева, расследовавшего в Архангельске «дело о поставках некачественной муки в Адмиралтейство», был этапирован в Петербург, а вслед за ним через 4 дня туда же отправился и генерал-губернатор С.И. Миницкий.

Весной 1830 г. в Каргополе проводилось сразу 2 «доследования» по делам, к которым был причастен Пишке. По «делу об отравлении купца Лыткина» посланный от губернатора А.И. Яковлева (5-го в карьере Пишке!) чиновник особых поручений «открыл» при проведении повального обыска новые обстоятельства: что купчиха жила «несогласно» с мужем, имела прелюбодейную связь с титулярным советником Рожновым[4], а Пишке действительно препятствовал открытию истины, «блюдя интересы свои и жены своей, а не открывал истины». Составленные на основе этого расследования «возражения» губернатора Яковлева Олонецкая уголовная палата оставила без внимания, поэтому 5 марта 1830 г. он вновь представил это дело в Сенат, приложив к нему свое «особое мнение». Доследование же по «делу священника Горского» ситуации не разъяснило в виду разноречия в показаниях Пишке и других участников злополучного вторжения в его дом.

10 июня 1830 г. Олонецкое губернское правление по предложению губернатора А.И. Яковлева, ревизовавшего каргопольские присутственные места, предало городничего Пишке суду «за нахождение его в 2-х конкурсах куратором, в делах, по которым был сам кредитором». Но если верить Пишке, 24 августа 1830 г. тот же Яковлев его благодарил за найденный порядок в городе[5].Позже, в своем рапорте министру внутренних дел от 9 сентября 1830 г. губернатор так мотивировал причины необходимости перевода Пишке на службу в

[1] Там же. Л. 1142-1169. – С.А. Башинский позже по представлению сенатора был не только отстранен от рассмотрения этого дела, но и вообще удален Николаем I от должности по подозрению во взятках.

[2] Предполагаем, что именно случай с пропавшим пакетом в Каргопольском уездном казначействе, принадлежавший протоирею Нечаеву, и был причиной того, почему Духовная консистория так резко отреагировала на случай со священником Горским.

[3] Д.В. Мефодьев, будучи титулярным советником, имел на чин меньше.

[4] Возможно, речь идет о дворянском заседателе Каргопольского земского суда.

[5] НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 124/1039. Л. 4, 21.

другое место: «быв по делам в Каргополе, встречал я жалобы от граждан на Пишке по разным предметам. Хотя и делались изыскания по ним, но по недостатку доказательств Пишке до сих пор находится при должности. Будучи в г. Каргополе при обозрении в нынешнем году, я сам узнал, что он, будучи при должности до 22 лет, вошел с гражданами в торговые обороты, по которым, в случае несостоятельности должников, участвовал под разными предлогами в конкурсах даже куратором о несостоятельности их. Поэтому для пользы службы нахожу нужным перевести его в г. Олонец». На это 20 сентября 1830 г. Департамент полиции исполнительной МВД отозвался: «удобно ли его назначать в Олонец? Может быть, вовсе уволить от должности?». Губернатор разъяснил: «от перевода может быть польза, ибо по бедному состоянию жителей г. Олонца Пишке уже не сможет иметь таких действий по связям с гражданами в торговле, как в Каргополе». 15 октября 1830 г. Департамент ответил согласием, вследствие чего 26 октября Яковлев предложил Олонецкому губернскому правлению распорядиться о переводе Пишке[1].

Но городничий служить в Олонец не поехал. И понятно, почему – на тот момент ему было уже 59 лет, он имел от второго брака двух малолетних детей 6 и 7 лет и распоряжался «благоприобретенным имуществом» жены, которое состояло из 5 крепостных душ и одного двухэтажного деревянного дома. Все свои последующие усилия Пишке положил на спасении своей карьеры. Для этого он первым делом заручился поддержкою каргопольского градского общества. «Свидетельство» гласило: «господину городничему и кавалеру Крестиану Яковлевичу Пишке в том, что он в продолжении 22 лет имел здесь, в городе Каргополе, служение, обид и притеснений никому из нас не чинил, а всячески старался по разным предметам и касательствам оказывать начальственное покровительство и удовольствие, также значительные вносил суммы за бедных и маловажных в казенные подати без интереса, за каковые благорасположения, а ныне за порядок и благоустройство по городу заслужил он начальственную благодарность и уважение» и «общество долгом своим поставляет засвидетельствовать оное». Это «свидетельство» подписала вся тогдашняя выборная часть горожан: городской голова Алексей Урываев, бургомистры магистрата – Петр Насонов и Николай Мясников; ратманы – Павел Попов, Семен Терентьев, Андрей Чашков и Матвей Сергеев; городской староста – Василий Носов; словесные судьи – Федор Елисеев, Андрей Нечаев: гласные Думы – Михаил Лыткин, Андрей Серебряков, Иван Карачаев, Иван Носов; купечество: Иван Носов, Иван Сухоносов, Петр Просвирнин, Василий Урываев, Лев Прянишников, Николай Немчинов, Петр Ельчинов и 17 человек мещан (в т.ч., например, Илья Старицын и Александр Кубышкин)[2].

Но положение Пишке было нелегким. Указ Сената от 31 декабря 1830 г. по «делу об отравлении купца Лыткина» гласил: 1) вдову Елену Лыткину, 32 лет, оставив в сильном подозрении, отдать на поруки одобривших ее на повальном обыске лиц, но если они не пожелают сделать этого, то сослать в Сибирь на житье; 2) городничего Пишке, уездного стряпчего Богданова и ратмана Мурашева за упущения, найденные коллежским советником Дурасовым, предать суду с удалением от должности.

Кроме этого, по состоянию на 25 августа 1831 г. в «рассмотрении» Олонецкой уголовной палаты находилось еще 3 заведенных на него дела.

1) «О пропаже из сундука кладовой казначейства расписок и денежных пакетов», по которому 26 марта 1831 г. Палата постановила Пишке, «как негодного чиновника», назвавшего уездного казначея Щеглова «преступником и похитителем», а членов уездного суда – его сообщниками, удалить от должности и впредь не определять ни к каким другим должностям, а утраченное взыскать с него. Однако Пишке с данным решением не согласился и перенес его по апелляции в Сенат.

2) «О забрании в полицию священника Горского». 26 сентября 1831 г. Палата, руководствуясь законом 1721 г. (он запрещал гражданскому правительству брать в коллегию духовных персон, чтобы не оскорблять их звание и иерейство), заключила, что в случае с Горским городничий должен был приставить к нему караул и топить комнаты до прихода семейства. Поэтому, основываясь на статьях Соборного уложения 1649 г.(!), Палата полагала, что за бесчестье, нанесенное священнику Горскому, Пишке должен был бы быть приговорен к

[1] РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 340.
[2] НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 124/1039. Л. 22об-23.

испрошению прощения у того, но т.к. Горский уже умер, то это постановление следует отложить. В итоге Пишке был приговорен к взысканию 12 руб. 50 коп. за бесчестье в пользу семьи умершего, и 154 рублей за проведение следствия. Однако Пишке вновь не согласился с этим решением Палаты и перенес дело в Сенат.

3) «Дело об участии в 2-х конкурсах». 6 июля 1831 г. Пишке представил в Палату ответы на «вопросные пункты», в которых он, опираясь на Банкрутский устав 1800 г., оправдывал правомерность своего участия в конкурсах по мещанину Николаю Кораблеву и купцам Ивану и Николаю Серебряковым, а также подробно описывал свои предыдущие заслуги по службе. В апреле 1832 г. Палата постановила: удалить его от должности «за неприличное взятия на себя звания куратора, оштрафовав полугодичным жалованьем в пользу казны». Пишке вновь перенес дело в Сенат[1].

На сегодняшний день нам известно, чем закончились для Пишке 3 из 4-х судебных дел. В Сенате городничий выиграл только одно дело: указом от 5 сентября 1832 г. он был оправдан по «делу о присутствии в конкурсах»[2]. Решение же Олонецкой уголовной палаты по «делу Горского» Сенат признал правильным и утвердил во всей силе. За подачу же «незаслуживающего внимания отзыва» Пишке был оштрафован 25 рублями и 5 сентября 1832 г. этот штраф с него был взыскан[3]. Чем закончилось дело по жалобе уездного казначея Щеглова, нам пока неизвестно. В 1833 г. своим окончательным приговором Сенат положил: Пишке, как чиновника, не оправдавшегося по «делу об отравлении купца Лыткина», оставить «в сильном подозрении» и впредь не допускать ни к каким к должностям[4].

Так печально закончилась служебная карьера Х.Я. Пишке, 22 года бывшего в Каргополе городничим. О его дальнейшей судьбе у нас сведений пока нет.

[1] НА РК. Ф. 655. Оп. 1. Д. 124/1039. Л. 32-60
[2] РГИА. Ф. 1345. Оп. 105. Д. 38. (103 л.).
[3] РГИА. Ф. 1345.Оп. 105. Д. 388. (98 л.).
[4] РГИА. Ф. 1345. Оп. 106. Д. 409. (510 л.).

Т.Н. Жуковская (г. Санкт-Петербург)
Е.А. Калинина (г. Петрозаводск)

Учительская корпорация г. Каргополя первой половины XIX в.: опыт коллективной биографии

В истории народного просвещения Олонецкой губернии преподаватели уездных и начальных городских училищ оставили значительный след, однако их имена и деятельность не стали широко известными. Основываясь на архивных материалах и редких источниках, мы попытаемся восстановить их коллективный профессиональный и социальный портрет. Это возможно сделать путём обобщения имеющихся довольно скупых и отрывочных данных о правовом положении и составе этой группы: о численности учителей, их образовательном статусе, материальном и семейном положении. Можно построить некоторые заключения о социальных мотивациях профессиональной деятельности педагогов уездного города, особенностях их повседневной жизни.

В уездном городе Каргополе Олонецкой губернии с населением менее 2 тыс. человек (1850) в первой половине XIX в. действовало всего два общественных училища, находящихся в ведении Министерства народного просвещения: уездное и приходское. По школьному Уставу 1804 г. в уездном училище полагалось два учителя. Один из них обучал всеобщей и российской истории, всеобщей и российской географии, арифметике, геометрии, физике, естественной истории, технологии и рисованию, второй – Закону Божьему, Священной истории, российской грамматике, «правописанию слога» и чистописанию. Недельная нагрузка каждого учителя составляла 28 часов. По Уставу 1828 г. количество преподавателей в уездных училищах увеличивалась до пяти, с разделением по предметам: законоучитель вёл Закон Божий, Священную и Церковную историю, второй учитель преподавал русский язык, третий – арифметику и геометрию, четвертый – историю и географию, пятый – рисование, черчение и чистописание.

Среди педагогов, работавших в Каргопольском уездном училище на протяжении первой половины XIX в. необходимо отметить смотрителей училищ С.С. Полидорова, И. Проворова, А.С. Луневского, А.К. Ильинского. Они совмещали должность администратора всех училищ уезда с должностью штатного преподавателя в Каргопольском малом народном училище (1797-1809) и Каргопольском уездном училище с 1809 г. На протяжении многих лет трудились на пользу народного просвещения в уездном училище Каргополя Н.В. Талицкий (1810-1835), В.А. Соколов (1810-1825), И.А. Горский (1824-1843), А.К. Ильинский (1834), Г.В. Розанов (1836-1842), М.И. Ачалов (1839-1845), Ф.И. Ильинский (1840), П.И. Смирнов (1843-1845), В.П. Яжелбицкий (1845) и др.

Известно, в Каргопольском приходском училище, кроме С.С. Полидорова, преподавали И. Спиридонов (1811-1813), Ф.И. Успенский (1821-1822), В.П. Яжелбицкий (1829-1830), Ф.И. Лебедев (1832), В.А. Шабров (1842-1843), Ф.И. Ильинский и др. Таким образом, половина педагогов работали в разное время в обоих училищах.

Основной характеристикой качества учительской корпорации является образовательный уровень педагогов. На основе анализа сохранившихся формулярных списков учителей каргопольских училищ можно сделать следующие обобщения. В общей сложности в 1810-1855 гг. в двух училищах работало 18 учителей. Большинство из них – 10 человек (55%) являлись выпускниками Архангельской, Новгородской и Олонецкой духовных семинарий. По причине продолжающегося дефицита педагогических кадров в школах Министерства народного просвещения, было разрешено принимать в государственную службу семинаристов, окончивших полный курс учения в семинариях. Многие семинаристы, имеющие аттестаты с отметками о «совершенном знании русского языка, по правилам грамматики, риторики и других науках» начинали свою карьеру в училищном ведомстве. По окончании семинарии они получали увольнение из Духовного ведомства для дальнейшего самостоятельного определения на училищную службу[1].

[1] Об определении в статскую службу, токмо уволенных из духовного звания, которые окончили полный курс учения // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 32. № 25506.

Подготовку учителей для уездных и приходских училищ осуществляли также гимназии и сами уездные училища. Многие выпускники губернских гимназий поступали учителями уездных училищ. В Каргополе 5 преподавателей (27%) были выпускниками Олонецкой гимназии.

Три человека (10% от всех педагогов Каргополя в изучаемое время) имели высшее образование. Н.В. Талицкий и В.А. Соколов окончили петербургский Педагогический институт, выполнявший основную роль подготовки учительских кадров для школ округа, Г.В. Розанов был выпускником его прямого преемника Главного Педагогического института в Петербурге (1836). Все трое, обязанные как казённые студенты Педагогического института прослужить по Министерству народного просвещения не менее 6 лет, прослужили учителями гораздо дольше.

Таким образом, образовательный уровень каргопольских педагогов был достаточно высок, в числе преподавательского состава не было ни одного человека, не имевшего образования ниже курса уездного училища.

Вся деятельность педагогов жёстко регламентировалась законодательными документами. Учитель был под постоянным наблюдением инспектора и директора гимназии, смотрителя училищ, чиновников местной администрации (земских исправников, городничих, губернатора), родителей учеников.

Приступая к должности, учителя губернских гимназий и уездных училищ, должны были выполнять определённые обязанности, возложенные на них школьными Уставами. Уставы предписывали вести обучение детей строго по государственному учебному плану, не вмешивая «ничего постороннего и до учебных предметов не касающегося»[1]. Устав 1804 г. регламентировал и поведение учителя не только в отношении к преподаваемым предметам, но и в отношении к своим ученикам и коллегам. Учитель должен быть «терпеливым и исправным, и полагаться на свою прилежность и порядочные правила» (ст. 40), должен был «принять чувствования, кротость, ласковость, терпение и внимание» к пользе учащихся, «сердцу родителей свойственные» (ст. 42), но при этом «занимая место родителей, учители не должны почитать себя за полновластных судей над детьми» (ст. 44). Предписывалось также, чтобы «учителя друг другу помогали и словом и делом» (ст. 45)[2].

В Уставе 1828 г. количество статей, посвящённых нравственным качествам личности учителя, значительно увеличилось. Общий их смысл сводился к тому, что учителя обязаны были иметь благонравное поведение не только во время службы в училище, но и в быту, а училищное начальство было обязано знать «об их нравственных качествах и поведении»[3]. Учителя должны были повиноваться училищному начальству и в точности выполнять все его распоряжения и предписания. Так, при определении на должность учителя кандидатам необходимо было не только доказывать на специальных испытаниях способность к преподаванию учебных предметов, но и «предоставлять достоверные сведения в беспорочном поведении»[4]. Преподавателям вменялось следить «за нравственностью воспитанников», но делать это они должны были путём воздействия «на юные души воспитанников, служа для них примером благонравия, трудолюбия, точного, ревностного исполнения долга и строго наблюдения не только правил чести, но и необходимых приличий общежития»[5]. Таким образом, учитель своим нравственным обликом и достойным поведением должен был выполнять свою главную обязанность – «образовывать умы и сердца вверенных ему юношей»[6].

Однако архивные документы свидетельствуют о частых нарушениях положений Уставов. Например, смотрителям уездных училищ запрещалось производить перерасход денег по содержанию училища. Если же такие случаи происходили, то они строго наказывались. Так, по результатам проверки училищ по хозяйственной части за 1815 г. смотрителю Каргопольского уезда С.С. Полидорову директором народных училищ Олонецкой губернии С.А. Башинским было сделано строгое предписание о недопустимом перерасходе денег сверх штатной суммы. По уездному училищу перерасход составил 73 руб. 30 коп., по приходскому – 6 руб. 16 коп. О данном факте директор сообщил попечителю учебного округа С.С. Уварову и потребовал от

[1] Устав учебных заведений, подведомых Университетам // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 27. № 21501.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Устав гимназий и училищ уездных и приходских // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 3. № 2502.
[5] Там же.
[6] Там же.

смотрителя объяснения причин сверхштатных издержек[1]. В 1830 г. у смотрителя училищ Каргопольского уезда И. Проворова после проверки обнаружилась значительная растрата по уездному училищу. Для разбирательства дела он был приглашён к городничему, где ему были высказаны замечания по незаконному расходованию казённых средств. Но в кабинете градоначальника И. Проворов повёл себя неадекватно – в присутствии городничего «истыкал себя штыком в живот»[2]. Смотрителя признали невменяемым и отправили в Санкт-Петербургскую духовную консисторию, скорее всего, для определения в одну из монастырских тюрем «до исправления ума».

Ещё одним привычным пороком для членов провинциальной учительской корпорации являлось пьянство. Как правило, в отчётах смотрителей и директоров училищ такое поведение характеризовалось как недостойное, неблаговидное. Отметим, что данная проблема была достаточно широко распространена среди учительства того времени. В этом недуге неоднократно были замечены Н.В. Талицкий, И.А. Горский. Последний именно в связи с этим был направлен из Новгородского уездного училища в Каргополь на исправление.

Материальное положение учителей уездных училищ было незавидным. Учителя уездных училищ Министерства народного просвещения получали оклад – 300 руб. в год[3]. Хотя для уездного города, с дешевизной продуктов и возможностью ведения приусадебного хозяйства, это было немало. По крайней мере, эта сумма превышала жалование младших офицеров в армии. Однако карьерный рост и получение следующих чинов для тех, кто оставался в уездном городе, а не перебирался в губернский, были делом проблематичным. По Уставу 1804 г. они могли дослужиться до XII класса (чина губернского секретаря), но благодаря значительной выслуге в учительской должности, некоторые получали при увольнении на пенсию чин IX класса (чин титулярного советника).

Учителя приходского училища Каргополя установленного жалованья не имели. Как правило, приходские училища находились на попечении городских обществ, в связи с этим материальное положение педагогов зависело от их готовности выделять средства на содержание училищного здания и оплату труда учителя. Каргопольская городская Дума самостоятельно определяла размеры платы учителям приходского училища. Судя по архивным данным, она сильно варьировалось, в зависимости от доходов городского бюджета, от 15 до 250 руб. в год.

С целью улучшения материального положения учителей, с 1817 г. им разрешили совместительство, т. е. преподавание в разных учебных заведениях или классах[4]. Такое разрешение с одной стороны, позволяло иметь прибавку к учительскому жалованию, с другой – решить проблему нехватки штатных учителей. Низкое учительское жалованье заставляло преподавателей искать дополнительный заработок. Так, в Каргополе учителя Ф.И. Ильинский и В.П. Яжелбицкий совмещали преподавание в уездном и приходском училищах.

Некоторые из педагогов обучали детей состоятельных родителей на дому. Например, В.А. Соколов занимался обучением детей каргопольского мещанина П. Насонова. Это была ещё одна возможность дополнительного заработка за счёт увеличения учебной нагрузки. Немалое вознаграждение приносило выполнение обязанностей смотрителя уездных училищ или письмоводителя школы. Однако, как писал историк народного образования Олонецкой губернии К.М. Петров, чрезмерная загруженность не шла на пользу здоровью: «беспрестанные и бессменные занятия делаются тягостными и изнуряют здоровье»[5].

Остро стоял для учителей и «квартирный вопрос». Чаще всего квартиры им отводились прямо в училищных домах. Иногда преподавателей селили в дома, нанятые Городской думой у жителей за небольшую плату. Но встречались условия еще худшие. Так, учительским семьям В.А. Соколова и Н.В. Талицкого пришлось в течение нескольких лет прожить в классном помещении, отгородившись занавеской, после их прибытия в Каргополь в 1810 г. Отдельного жилья они сразу не получили – хозяйка отказывалась освобождать дополнительные комнаты под

[1] Сметанин В.А. На пользу народного просвещения. Историко-краеведческие очерки о становлении и развитии учебных заведений на Каргополье и прилегающих местностях. Ч. I. Архангельск, 2009. С. 151.
[2] НА РК. Ф. 17. Оп. 5. Д. 2/4. Л. 108а.
[3] Там же.
[4] О дозволении профессорам и учителям преподавать учебные предметы в разных классах и местах // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. 35. № 26591.
[5] Петров К.М. Олонецкая гимназия с 1808 по 1831 гг. // ЖМНП. 1874. Кн. 176. № 11. С. 10.

жильё в училищном здании, ссылаясь на отсутствие непосредственного владельца нанятого помещения. Один из учителей – В.А. Соколов с женой был помещен в «отдельном покое», в классе, «перегороженном хорошими ширмами, так что стоящей за оными кровати вовсе не видно»[1]. Только после долгих разбирательств по поводу определения «жилплощади» для учительских семей, в училищном доме в 1811 г. освободили только одну комнату для семьи Н.В. Талицкого. В.А. Соколов с супругой продолжали жить «за ширмой» прямо в классе. Такое положение дел, разумеется, плохо влияло на весь учебный процесс и порождало конфликтные ситуации между педагогами и владельцами домов. Только в 1818 г. данная проблема разрешилась путём найма жилья для обоих учителей в разных домах г. Каргополя.

Таким образом, в первой половине XIX в. шло формирование учительского корпуса российских учебных заведений. К середине XIX в. их численность значительно увеличилась. Личная жизнь и профессиональная деятельность учителей находились под пристальным надзором училищного и уездного начальства, а также городских обывателей[2].

[1] ГААО. Ф. 1995. Оп. 1. Д. 2 Л. 108.

[2] Прим. ред. Вопросы народного просвещения в Олонецкой губернии и Каргополе рассматривались также на IX Каргопольской научной конференции в 2010 г. См.: А.К. Галкин Каргопольское духовное училище // Уездные города России: историко-культурные процессы и современные тенденции: Материалы X Каргопольской научной конференции / Науч. ред. Н.И. Решетников, И.В. Онучина; Сост. И.В. Онучина. Каргополь, 2009; Сметанин В.А. Становление учебных заведений в Поонежье (конец XVIII – первая треть XIX в.) и Калинина Е.А. На ниве народного просвещения (Сергей Степанович Полидоров – смотритель Каргопольских училищ) // Культура Поонежья X-XXI веков: общерусские черты и национальные особенности: материалы XI Каргопольской научной конференции (18-22 августа 2010 г.) / Науч. ред. и сост. И.В. Онучина, Н.И. Решетников. Каргополь, 2011.

С.А. Капитонова, С.Б. Потахин (г. Петрозаводск)

Основные пути сообщения между Поморьем и Заонежьем в середине XIX столетия

Водные пути на Европейском Севере России до появления автомобильных и железных дорог были основными трассами сообщения. Территория Карелии, расположенная на Финноскандинавском (Балтийском) щите, имеет специфическую озёрно-речную сеть, разительно отличающуюся от соседних пространств, приуроченных к Русской плите. Карельские озёра невелики по площади, а реки, их соединяющие, короткие и очень порожистые. Быстрое течение, наличие большого количество порогов и даже водопадов объясняется выходами скальных пород древнего фундамента на поверхность, а также обилием валунного материала в ледниковых отложениях. Именно поэтому передвижение по водным объектам Карелии, в частности в пределах Кемского уезда Архангельской губернии и Повенецкого уезда Олонецкой губернии было значительно сложнее, чем, например, на территории Каргопольского уезда.

В середине XIX столетия существовало несколько трасс торгового и паломнического сообщений между Карельским Поморьем и Заонежьем[1]. Чаще всего они использовались для перевозки различных грузов для продажи. Во всех случаях выгозерские поселения и заонежские сёла и деревни являлись промежуточными (транзитными) пунктами, связывая Поморье с Петрозаводским и Повенецким уездами и г. Петрозаводском и, главное, с Санкт-Петербургом. Шуньга и Толвуя, как места проведения ярмарок, выполняли и торговую функцию. Богомольцы, следовавшие в Соловецкий монастырь, как правило, имели непродолжительную остановку в Клименецком монастыре на Онежском озере (в южной части острова Большой Клименецкий).

Общая протяжённость летнего пути от Кеми до Повенца составляла 324 версты[2]. Участок от Кеми до Сороки (нынешний Беломорск) длиною 100 вёрст преодолевали вдоль берега на лодках или парусно-гребных промысловых и транспортных судах средних размеров – карбасах. Затем начиналась озёрно-речная часть маршрута.

От Сороки по реке Нижний Выг через деревни Остров и Парандусово шли 93 версты на малых карбасах до деревни Воицы. Три порога, которые находились на этом участке, преодолевались в зависимости от направления движения путём спуска карбасов по течению на верёвках или перетаскиванием груза и судов по побережью.

Далее маршрут проходил по реке Воице до деревни Ловище (20 вёрст). Река Воица впадает в Выг почти отвесно, образуя водопад высотой в 2-3 сажени[3], что вынуждало обходить этот участок по берегу. От деревни Ловище по Выгозеру и р. Телекиной (70 вёрст) доплывали до деревни Телекиной, к месту, где впадала речка, берущая начало в озере Масельгском. На этом месте стояла мукомольная мельница, плотина которой преграждала передвижение[4]. Путникам приходилось вновь перетаскивать суда и груз. После 10-вёрстного озёрно-речного участка до деревни Масельга начинался самый сложный участок – волок протяжённостью пять вёрст через Беломорско-Онежский водораздел. Преодолев его, путники попадали в озеро Волозеро и по нему следовали 15 вёрст до реки Повенчанка.

Поскольку из-за порогов и быстрого течения Повенчанка была сложна для прохождения судов, использовался лишь её четырёхвёрстный плёс. Оставшиеся 10 вёрст груз перевозили по относительно хорошей дороге, проложенной вдоль реки.

На всех участках этого маршрута можно было нанять сопровождающих с лошадьми и лодками. На Выге использовались карбасы грузоподъемностью лишь 15 пудов.

Путь от Сороки до Повенца преодолевался за четыре дня. На этом участке крестьяне, занимавшиеся перевозкой грузов, брали плату по 30 рублей с человека и по одному рублю за пуд груза. Высокие цены по перевозке грузов объясняются сложностью летнего пути.

Так, у В.А. Дашкова (1842) можно найти следующее описание дорог Олонецкой губернии: «Летние пути, особенности в Повенецком уезде, до сих пор ещё представляют большое

[1] См.: ГААО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 6. («Известия о торговом пути от г. Кеми Архангельской губернии до Санкт-Петербурга, или от Белого до Балтийского моря», 1856 г.).
[2] 1 верста равна 1066,8 м.
[3] По указу Николая I от 11 октября 1835 г., одна казённая сажень стала равна семи английским футам, т. е. 2, 1336 м.
[4] Описание мельницы и плотины у деревни Телекино см.: Круковский М.А. Олонецкий край: Путевые очерки. Спб, 1904. С. 171.

затруднение в переездах. Узкие, и то кое-где, тропинки ведут по дебрям и протоптанным по скальным стезям, по которым лишь рыщет хищный зверь»[1]. Стоимость перевозки товаров водным путём от Повенца до Санкт-Петербурга обходилась в 35 копеек с пуда.

Зимний путь был несколько короче – 272 версты. Чаще всего он заканчивался в 30 верстах к юго-востоку от Повенца, в селе Шуньга, где проводились знаменитые Шуньгские (Заонежские) ярмарки. Маршрут следования был следущий: г. Кемь – Сумский Посад – дер. Лапина – дер. Сумостров – дер. Воренжа – дер. Корасгора – Выгозерский Погост – дер. Телекино – дер. Масельга – дер. Волозеро – г. Повенец – с. Шуньга.

По этому пути из Поморья в Повенец, Шуньгу и далее через Петрозаводск в Санкт-Петербург перевозили в год до 40 тыс. пудов сухой трески, от 8 до10 тыс. пудов сёмги и другие товары.

В начале зимы стоимость перевозки грузов от Кеми до Шуньги составляла 1 руб. 0 коп. - 1 руб. 50 коп. с пуда, с середины зимы цены снижались до 60-70 коп. Перевоз товаров от Повенца или Шуньги до Санкт-Петербурга обходился от 1 руб. 50 коп. до 2 руб. 50 коп. с пуда. На обратном пути от Санкт-Петербурга до Кеми провоз клади оценивался не более 1 руб. 50 коп. с пуда.

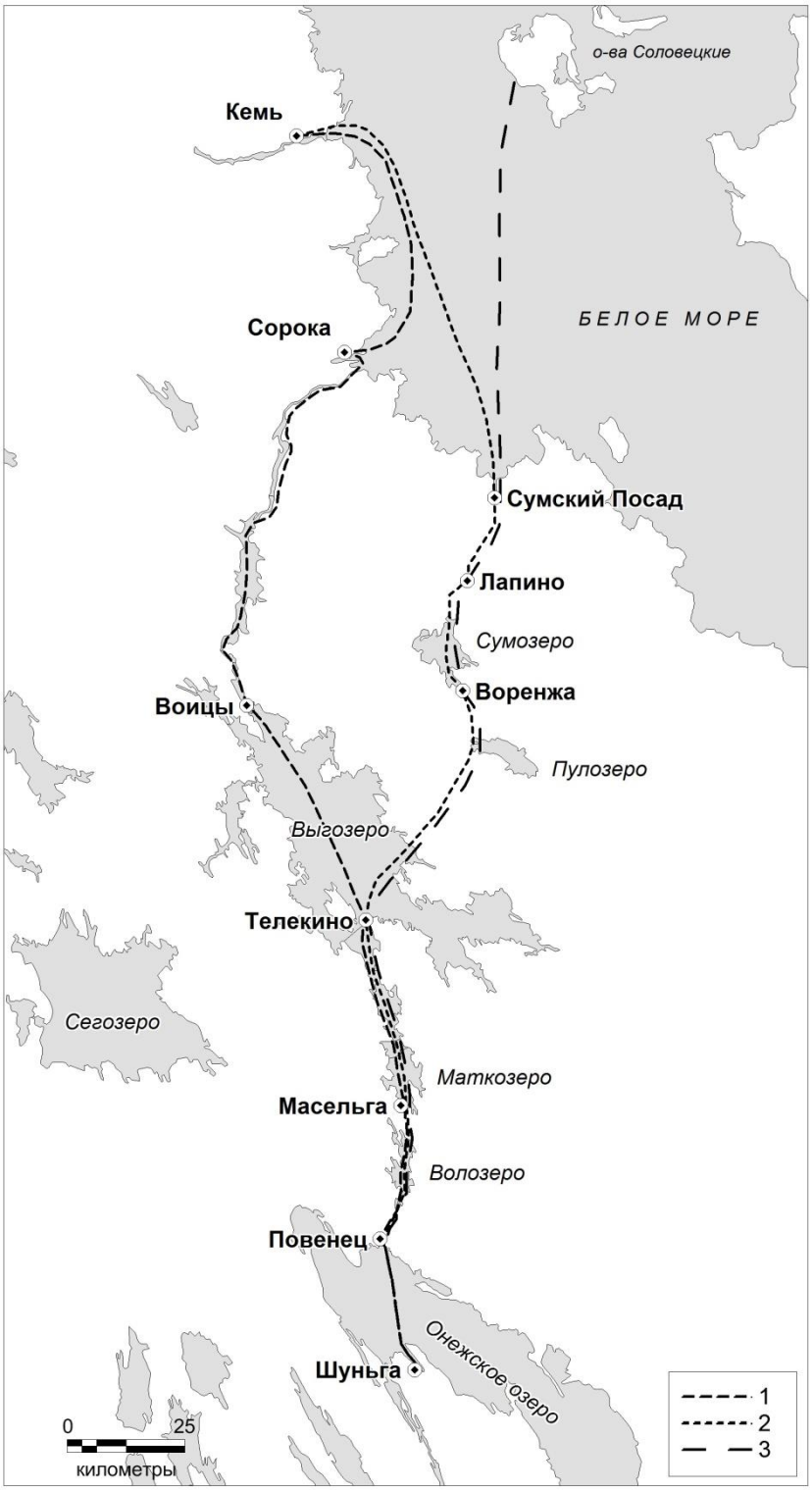
Существовал также третий (летний) путь от Повенца до Сумского Посада. По нему передвигались богомольцы в Соловецкий монастырь. Сначала паломники шли 10 вёрст вдоль р. Повенчанки, а затем пересаживались на карбасы, на которых по Повенчанке и Водлозеру доплывали до Онежско-Ладожского водораздела. После 5-вёрстного перехода они вновь пересаживались на суда. От деревни Масельга водным путём добирались сначала до дер. Телекино, а затем до дер. Койкенцы. Далее чередовались пешие и водные участки: дер. Воренжа – дер. Сумозеро – дер. Лапино – дер. Сумский Посад. Общая протяжённость «паломнического» маршрута от Повенца до Сумского Посада составляла 179 вёрст.

В Сумском Посаде до 40 человек занимались зимним извозом в Санкт-Петербург, а летом на шняках – парусно-рыбацких беспалубных судах, по водным путям с доставкой грузов из Поморья. На одну шняку в сезон в среднем зарабатывалось до 300 рублей[2].

Отметим, что южная часть всех трёх путей, начиная от дер. Телекиной, совпадала с маршрутом «Осударевой дороги», проложенной в 1702 г. Летний путь практически полностью соответствует трассе Беломорско-Балтийского канала.

[1] Дашков В.А. Описание Олонецкой губернии в историческом, статистическом и этнографическом отношениях, составленное В. Дашковым. СПб, 1904. С. 85.

[2] Комиссаров М. Поморское село (Сумский Посад). Петрозаводск: Гос. изд. Карело-Финской ССР, 1943. С. 23.

Илл 1. Основные трассы сообщения.
1. Летний путь.
2. Зимний путь.
3. Паломнический маршрут.

Е.О. Студенцова (г. Архангельск)

Содержание и эксплуатация Шенкурского тракта от г. Каргополя до ст. Няндома в конце XIX – начале XX в.

В 2011 г. вышла книга Н.И. Тормосовой «Каргополье: история исчезнувших волостей»[1]. Один из разделов посвящён Шенкурскому (Няндомскому) тракту и волостям по которым он пролегал. В Государственном архиве Архангельской области нам удалось найти немало интересных документов по истории тракта и, тем самым, дополнить информацию о нём.

Как видно из названия, Шенкурский тракт соединял г. Каргополь Олонецкой губернии с г. Шенкурском Архангельской губернии. Начинался от стен Спасо-Преображенского мужского монастыря, находившегося на правом берегу реки Онеги напротив Каргополя, и уходил на северо-восток к границе Архангельской губернии. Его длина составляла в 1867 г. 153 версты 227 саженей, в 1893 г. – 150 вёрст[2]. Проходил практически по всем волостям 3-го стана: Лодыгинской, Ряговской, Андреевской, Фатьяновской и Воезерской[*]. Пересекал две крупных реки Нименьгу и Волошку, в которой имелся перевоз, и несколько небольших речек. Дорога сильно петляла, шла по малонаселённой, лесистой местности через обширные болотные пространства.

Это была единственная дорога, связывавшая уездный город Каргополь с восточными волостями уезда, далее она шла на Шенкурск. Большого торгового значения не имела, грузовое движение по ней было незначительное. Ею пользовались только местные крестьяне, начальники, чиновники и чины полиции для проезда в волости по служебным делам. Кроме того, до конца XIX в. по ней ездили на ярмарки в Шенкурский уезд Архангельской губернии, Вельский, Сольвычегодский и Яренский уезды Вологодской губернии. Это была неблагоустроенная просёлочная дорога, «по коей и чужая собака не пробегивала»[3], и содержалась, как и все тракты в Каргопольском уезде, местным населением в виде дорожной натуральной повинности. Но если на основные тракты, Архангельский и Санкт-Петербургский, уездные власти обращали внимание, принуждая крестьян ремонтировать и поддерживать их в удовлетворительном состоянии, то на просёлочные дороги у них, как правило, просто не доходили руки. В весенне-летний период Шенкурский тракт превращался, практически, в пешеходную тропу.

С середины XIX в. уездные власти под давлением губернской строительной и дорожной комиссии стали больше обращать внимание на просёлочные тракты и принимать активные меры к приведению их, а также мостов и перевозов на них, в удовлетворительное состояние.

Это привело к тому, что во второй половине XIX в. Шенкурский тракт был отремонтирован и немного выпрямлен. В публикации ОГВ за 1888 г. сообщается: «Ныне же существующий Шенкурский тракт проложен очень недавно, так что крестьяне, имеющие от роду лет 70-75, помнят дорогу, пролегавшую по направлению этого тракта несколько севернее его. Дорога эта была очень неудобна для сообщения с рекой Онегой и городом; по ней можно было проходить только пешком и то с колом или дубиною, потому что вдоль по всему протяжению до р. Онеги по дороге были набросаны бревна, по которым, не рискуя упасть, могли проходить только привычные. Позднее, лет через десять, та же дорога была вымощена поперечными бревнами и по ней, хотя с трудом, можно было проехать на лошадях, но в г. Каргополь попадали всё-таки пешком, оставляя лошадей у речки Шертмы, в двух верстах от города. Речку эту переходили вброд, а через Онегу в город попадали на лодках. В настоящее время по Шенкурскому тракту сообщение с городом удобное, за исключением весны и осени, когда по дороге бывает непроходимая грязь…»[4].

Усиленное и беспрерывное движение по Шенкурскому тракту началось с 1895 г. с началом строительства железной дороги Вологда-Архангельск. Часть необходимых строительных материалов доставлялась в Каргополь по воде, а затем на лошадях на строящую линию. По

---

[1] Тормосова Н.И. Каргополье: история исчезнувших волостей / Н. Тормосова; [Федер. целевая программа «Культура России»]. Каргополь: Каргопольский музей, 2011. – 711 с. (Серия «Мы родом из деревни»).

[2] ГААО. Ф. 1957. Оп. 1. Д. 42. Л. 11-11об; Д. 456. Л. 5об.

[*] Название волостей и далее указаны на конец XIX – начало XX в.

[3] И.З. Каргопольский край (пути сообщения) //Вестник Олонецкого губернского земства. 1913. № 13. С. 21.

[4] Цит. по: Тормосова Н.И. Указ соч. С. 576.

данным пристава 3-го стана в августе 1896 г. каждый день из Каргополя отправлялось на стройку до 400 гружёных подвод, на линии работало 800 конных и 7.000 пеших рабочих[1]. На территории Андреевской волости в 2-х верстах от Шенкурского тракта была устроена ст. Няндома.

Пролегая сырыми, глинистыми, болотными местами, полотно тракта от Каргополя до ст. Няндома на протяжении 83 вёрст не выдержало усиленного движения гружёных подвод и пришло в негодность. 9 сентября 1898 г. земский начальник 1-го участка Харин описал состояние тракта: «В том виде, в каком ныне существует этот тракт от г. Каргополя до станции Няндомы, он малопригоден для езды по нём с гружёными подводами, так как пролегает по гористой местности, начиная с деревни Андреевской вплоть до станции Няндома, где благодаря крутым спуском движение подвод, сравнительно даже мало нагруженных (до 25 пудов) весьма затруднительно. Точно также от Рягово до дер. Липовой на протяжении 28 вёрст дорога требует поправки её, так как нынешняя дорога на этом протяжении представляет собой ряд выбоин и ухабов… Страдают от такого состояния пути: крестьянские бедные лошадки, выбивающиеся из сил, чтоб втащить на крутую гору 20-ти пудовый воз; ругаются проезжающие, испытав на своих боках всю прелесть ровности этой дороги; страдают так же и крестьянские карманы, ежегодно уплачивающие довольно солидные суммы за плохую починку этой дороги. Страдают так же и карманы потребителей, получающие из вторых рук те продукты, которые получаются с железной дороги, так как ввиду плохого состояния пути возчики набавляют, конечно, в провозной цене на каждый пуд клади против той цены, которая существовала бы, будь эта дорога шоссированная и без гор»[2]. Таким образом, к 1898 г. участок тракта от Каргополя до ст. Няндома оказался настолько разбит, что проехать по нему можно было с большим трудом.

Местные крестьяне не могли своими силами поддерживать тракт в исправном состоянии, и с этого времени заботы о его содержании стали головной болью уездного земства. Исправлениедорожной повинности была одной из тяжелейших натуральных повинностей северного крестьянства. На Шенкурском тракте проблема эта стояла наиболее остро по причине малочисленности населения, обширных болот и отсутствия необходимых для ремонта строительных материалов песка и чуры*. Крестьяне обязаны были содержать в исправности все дороги и мосты, пролегавшие через их владения. Чтобы облегчить положение крестьян, проживавших вдоль больших дорог и, особенно, у перевозов и мостов, губернские власти приписывали к ним крестьян удалённых волостей, которые должны были либо посылать рабочую силу и материалы, либо нанимать подрядчиков, либо собирать деньги и выплачивать их в порядке компенсации потери заработка тем крестьянам, которые вынуждены были обеспечивать основную работу по содержанию этих объектов.

Не стал исключением и Шенкурский тракт. К нему были приписаны крестьяне Калитинской и Мелентьевской волостей: первая тянулась вдоль правого берега озера Лача в непосредственной близости от Шенкурского тракта, вторая находилась в юго-восточной части уезда и сообщение с ней поддерживалось в летний период по реке Волошка и по лесным тропам. За крестьянами этих волостей было закреплено, соответственно, 20 и 26 вёрст[3]. В отличие от крестьян Калитинской волости крестьянам Мелентьевской волости стоило больших трудов прибыть на свои дорожные участки и привести с собой необходимые для ремонта строительные материалы и инструменты. В начале XX в., с постройкой Калитинского тракта, крестьяне Калитинской волости были приписаны к нему, а ремонт на Шенкурском тракте был возложен на крестьян Волосовской, Усачёвской и Надпорожкой волостей 2-го стана[4], расположенных на Архангельском тракте.

Как правило, крестьяне удалённых волостей не были заинтересованы в качественном ремонте дорог и особого рвения не проявляли. Так, в 1898 г. крестьяне Калитинской волости содержали свои дорожные участки в неудовлетворительном состоянии по причине исправления их посредством найма подрядчиков[5]. Но и крестьяне, по территории которых непосредственно пролегал Шенкурский тракт, также плохо исполняли дорожную повинность.

---

[1] ГААО. Ф. 1957. Оп. 1. Д. 532. Л. 141об.
[2] ГААО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1134. Л. 3-4.
* Чура – мелкий камень, галька.
[3] ГААО. Ф. 1066. Оп. 2. Д. 66. Л. 7 об-10.
[4] ГААО. Ф. 1957. Оп. 1. Д. 611. Л. 9 об-13.
[5] ГААО. Ф. 1062. Оп. 1. Д. 249. Л. 46 об.

В 1892 г. пристав 3-го стана отмечал, что дорожные участки некоторых крестьян Большешальского общества Лодыгинской волости находились в плохом состоянии. Несколько человек были привлечены к суду и оштрафованы. Но так как крестьяне оказались бедны и оплатить штраф были не в состоянии, то штраф был заменен арестом на одни сутки[1].

Крестьянам было предоставлено право нанимать подрядчиков для ремонта своих дорожных участков. Так, в 1901 г. крестьяне Малошальского общества Лодыгинской волости на сельском сходе решили уступить по льготной цене из общего надела песок, чуру и мелкий лес подрядчику А. Кожину на ремонт тракта. Земский начальник выступил против такой сделки, но уездный съезд признал, что сделка для крестьян была выгодна, т.к. они освобождались от исполнения натуральной повинности и пользовались дорогой «без всяких со своей стороны на то затрат»[2].

С проведением железной дороги произошло смещение акцентов в экономике Каргопольского уезда. Часть грузов, ранее поступавших в город по воде в навигационный период, теперь стала доставляться по железной дороге круглый год через ст. Няндома. Отпала необходимость закупать товары на год вперед. Произошла переориентация основных путей сообщения. Главной и самой благоустроенной дорогой в уезде являлся Санкт-Петербургско-Архангельский почтовый тракт. Он шёл по левому берегу реки Онеги по самым населённым волостям, пересекая уезд с севера на юг. Значение его, а вместе с тем и г. Каргополя, как основного торгового центра, начало падать. Вместе с тем ст. Няндома очень скоро стала играть значимую экономическую роль, а участок Шенкурского тракта от г. Каргополя до ст. Няндома в 1900 г. получил статус почтового тракта. Первоначально предполагалось, что почтовое движение откроется с 1 мая, затем с 1 сентября. В итоге почтовый тракт Каргополь-Няндома был открыт 16 ноября 1900 г. в Няндоме было открыто почтово-телеграфное отделение, в Рягово почтовое отделение. Почта ходила шесть раз в неделю[3].

Среди дорожных сооружений Олонецкой губернии Шенкурский тракт занял первое место по своему экономическому значению. Являясь единственным в губернии подъездным путем к железной дороге (до строительства железной дороги Санкт-Петербург–Петрозаводск в 1914 г.), он обслуживал большой район: Каргопольский, Пудожский, часть Вытегорского уездов Олонецкой губернии и часть Кирилловского уезда Новгородской губернии.

Не имея средств на ремонт Шенкурского тракта, каргопольское земство добивалось выделения ассигнований из губернского дорожного капитала. Расходовать его разрешалось на ремонт дорог, имевших важное значение для местных интересов, но исправление которых было непосильно уездным земствам. Кроме того, производить ремонт следовало простым и дешёвым способом: вместо щебёнки использовать местную чуру, грунтовые и дождевые воды отводить боковыми и отводящими канавами, болотные и низменные места застилать фашинными, хворостяными и жердевыми настилами, засыпав сверху землёй и чурой, в местах перехвата воды устраивать деревянные прямоугольные и треугольные трубы (перемычки), а через ручьи и реки строить деревянные, простой конструкции, мосты[4].

С образованием в 1895 г. губернского дорожного капитала губернское земство энергично принялось за ремонт дорог. С 1898 по 1900 г. все тракты в губернии были осмотрены специалистами. Обследование Шенкурского тракта летом 1898 г. проводил губернский техник Королев. К сожалению, нам не удалось в документах ГААО обнаружить отчёт о его работе.

Ремонтировать тракт от Каргополя до Няндомы на средства губернского дорожного капитала начали с 1900 г. В феврале член губернской управы И.Н. Филин прибыл на Шенкурский тракт, чтобы на месте определить, какие участки необходимо отремонтировать в первую очередь. Вместе с председателем Каргопольского уездного съезда Чумаковым, губернским техником Королевым и уездным техником Миллером они пришли к выводу, что плохих, требующих немедленного ремонта, участков более 20 вёрст: 5 вёрст от Спасо-Преображенского монастыря, 5-я, 6-я, 9-я версты от Малой Шалги, с 8-й по 16-й версты от Рягова, на Ряговском и Липовском волоках мелких участков общей протяжённостью 5 вёрст. В дождливое время года проезд по ним был невозможен. Остаётся непонятно, как в феврале, когда дорога занесена снегом и установлен санный путь, более удобный и прямой, инспекторы смогли

[1] ГААО. Ф. 1957. Оп. 1. Д. 446 Л. 280-281.
[2] ГААО. Ф. 1350. Оп. 2. Д. 17. Л. 156-159.
[3] ГААО. Ф. 1957. Оп. 1. Д. 575. Л. 96 об.
[4] Вестник Олонецкого губернского земства. 1907. № 1. С. 24.

оценить состояние тракта. Возможно, они прибегли к опросу жителей близлежащих деревень. Главный вывод, к которому пришли все четверо, – ремонт следовало проводить за счёт губернского дорожного капитала, т.к. «натурой исправить это протяжение не представляется возможным»[1].

Так как денег на ремонт тракта было отпущено мало, то комиссия решила ограничиться наиболее простым и дешёвым ремонтом: провести расчистку боковых канав, устроить, где требовалось, отводные канавы, засыпать дорогу чурой шириной 2,5 саженей слоем в 4 вершка (0,08 саженей), заровнять ямы и колеи, расширить дорожную просеку на 5 саженей с каждой стороны, построить два новых моста через реку Шершме, исправить старые и построить в некоторых местах новые мелкие дорожные сооружения, придерживаясь наиболее простейших конструкции. Чуру предполагалось добыть на крестьянских землях, рабочих нанять в ближайших деревнях с платой в среднем без лошади 80 коп. в день, с лошадью – 1 руб. 50 коп. Остальные участки тракта были признаны также в крайне плохом состоянии, и члены комиссии предложили на исправление всего тракта выделить дополнительно из средств дорожного капитала ещё 10 000 рублей[2].

Рассмотрев рапорт И.Н. Филина, дорожная комиссия Олонецкого губернского земства 30 марта 1900 г. признала, что ремонт тракта от Каргополя до Няндомы необходим на всём его протяжении, но в первую очередь ремонтировать будут только два участка: от моста к Малой Шалге протяжением 1 версты 200 саженей и на 5 версте 400 саженей[3].

Это вызвало возмущение некоторых членов земства, и в мае 1900 г., когда сошёл снег, тракт был вновь осмотрен и составлен новый акт о его состоянии. Было установлено общее неудовлетворительное, а местами непроходимое состояние тракта. На участке от Малой Шалги до Рягово оказалось не проездных участков в весенне-осеннее время 724 саженей, с плохим проездом 1180 саженей, между Рягово и Липовой, соответственно, 8 вёрст 147 саженей и 1602 саженей. Проезд по остальным участкам, за небольшим исключением, хотя и был возможен в сырое время года, но был затруднителен. На Липовском волоке на протяжении 3-4 вёрст вся дорога оказалась под водой: водоотводных канав и перемычек не было, экипажи вязли по самую ось и скорость передвижения определялась в среднем 2,5-3 версты в час.

Во избежание остановки движения на тракте, губернская земская управа всё же наметила план ремонтных работ. Но, вероятно, из-за упущенного времени и поздно составленной сметы, в 1900 г. были отремонтированы всего четыре версты от монастыря к Малой Шалге. Очень скоро выяснилось, что ремонт дешёвым способом ни к чему хорошему не приведёт. 30 августа того же года уездный исправник писал губернатору, что ремонтные работы произведены плохо: канавы вырыты неглубокие, стоки для воды отсутствовали, полотно дороги хотя и приподняли, но положили старый и пересохший фашинник, засыпали его торфом и глиной, взятые при рытье канав, а всё это сверху присыпали чурой. Из-за дождей и усиленной перевозки грузов полотно дороги вновь испортилось[4]. В октябре, как и предполагал исправник, вследствие дождей глина, торф и чура перемешались, и проезд с грузом сделался почти невозможным, т.к. «колёса уходят в грязь по самые ступицы повозки и пространство между спицами колес сплошь заполнялось грязью»[5].

Ремонт Шенкурского тракта продолжался и в последующие годы. Необходимо отметить, что ремонтные работы велись не на всём протяжении тракта, а участками. Например, в 1903-1905 гг. были капитально ремонтированы отдельные участки от Малой Шалги до Липовой общей протяжённостью 24 версты (всего же между Малой Шалгой и Липовой 43 версты). К 1905 г. было отремонтировано: 4 версты от монастыря к Малой Шалги, перегоны от Малой Шалги до Рягово и от Рягово до Липовой. С 1901 по 1905 гг. губернским земством на его ремонт была затрачена беспрецедентная сумма – 105 324 рубля.

К 1906 г. оставался неотремонтированным последний, самый тяжелый, перегон от Липовской земской станции до ст. Няндома, или как его называли Липовский волок. Дорога здесь была узка, местность холмистая. Большую часть перегона, особенно гористую, возчики

[1] ГААО. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 123. Л. 30-31.
[2] ГААО. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 123. Л. 31.
[3] ГААО. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 123. Л. 6.
[4] ГААО. Ф. 1957. Оп. 1. Д. 583. Л. 69-69об.
[5] ГААО. Ф. 1957. Оп. 1. Д. 583. Л. 93.

предпочитали идти пешком. При подъёме в гору впрягали по несколько лошадей в одну телегу, при спуске закладывали в колеса тормоза. «Сколько здесь поломано экипажей, сколько погибло лошадей». Уездное земское собрание признало ремонт перегона необходимым и возбудило ходатайство перед губернским земским собранием о выделении на эти цели 24 954 руб. 23 коп. из фонда на устройство подъездных путей в губернии[1]. По смете предполагалось вывести дорогу непосредственно к станции, обойдя крутые холмы, тем самым сократить путь на 2 версты. Летом 1906 г. работы были начаты и окончены в следующем году.

Таким образом, к 1907 г. тракт был отремонтирован на всём протяжении, и проезд от Каргополя до Няндомы занимал 6-8 часов. Почта с железной дороги приходила в уездный город раньше, чем предполагалось по расписанию.

Так как работы велись дешёвым и некачественным способом, то уже через несколько лет отремонтированные участки вновь нуждались в ремонте. Так, волостной старшина Лодыгинской волости в отчете за 1912 г. отмечал, что дорога находилась в неудовлетворительном состоянии, особенно весной и летом[2].

После ремонта тракта перед членами земской управы встал вопрос о поддержании в исправном состоянии отремонтированные участки тракта. Они опасались, что крестьяне не смогут своими силами поддерживать полотно дороги в удовлетворительном состоянии. В сентябре 1905 г. Каргопольская управа ходатайствовала перед уездным земским собранием о переводе, в виде исключения, части Шенкурского тракта от Каргополя до Няндомы с натуральной повинности на денежную, но ходатайство было отклонено[3]. В 1907 г. последовала просьба к губернскому земству о выделении на его содержание по 25 руб. за версту[4]. В следующем, 1908 г., по причине уклонения крестьян от исполнения дорожной повинности, земство израсходовало на его ремонт 7026 руб., «из которых оно приняло 4684 руб. на уездный сбор, а остальные 2342 руб. взыскиваются с сельских обществ, отбывавших повинность на этом тракте»[5]. Наконец, в 1911 г. натуральная дорожная повинность в Каргопольском уезде была заменена на денежную.

В 1912 г. на ремонт Шенкурского тракта земством было выделено 28 845 руб. 24 коп., для сравнения: на Петербургско-Архангельский тракт – 9 704 руб. 99 коп., Пудожский – 3 799 руб. 33 коп., Вытегорский – 1 826 руб. 85 коп.[6] На эти деньги были отремонтированы участки тракта от Каргополя до Няндомы и далее от земской станции Половина до поселка Березовец. Заготовка материалов и сам ремонт производились под непосредственным наблюдением членов управы и техника. Работы от Каргополя до Липовой и от Половины до Березовца производились хозяйственным способом, а от Липовой до Няндомы подрядным способом и принимались в эксплуатацию ревизионной комиссией управы[7].

Несмотря на постоянный ремонт тракта, в 1913 г. каргопольский купец Е.Г. Серков отмечал, что доставка товаров через Няндому затрудняется по причине отсутствия хорошей дороги до Каргополя, «которая весной и осенью бывает до крайности плоха». За провоз товара в это время года возчики брали до 40 коп. с пуда, летом провоз стоил от 16 до 20 коп., зимой от 11 до 13 коп[8]. Плохое сообщение усугублялось тратой, порчей и кражей груза в пути, иногда товары лежали на складах в Няндоме по месяцу и более, подвергаясь большому риску[9]. Ещё в 1898 г. земский начальник 1-го участка Харин отметил, что ремонтом тракта должно заниматься не только земство, но и городское общественное управление и общество Вологодско-Архангельской железной дороги, т.к. «дорога от Каргополя до Няндомы более и скорее нужна для городских обывателей г. Каргополя и общества Вологодско-Архангельской железной дороги, чем для нужд губернского земства»[10]. Но ни городское общественное управление, ни городские купцы, ни правление железной дороги этим вопросом не занимались.

---

[1] ГААО. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 157 а. Л. 65 об.
[2] ГААО. Ф. 1064. Оп. 1. Д. 308. Л. 156.
[3] ГААО. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 157 а. Лл. 65 об-66.
[4] ГААО. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 157 а. Лл. 65 об-66.
[5] Цит. по: Тормосова Н.И. Указ.соч. С. 577.
[6] ГААО. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 269. Л. 241.
[7] ГААО. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 269. Л. 242 об.
[8] ГААО. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 368. Л. 22.
[9] ГААО. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 368. Л. 33 об.
[10] ГААО. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1134. Л. 4 об.

С началом Первой мировой войны в 1914 г. из-за усиленного передвижения по тракту проезжающих и грузов, увеличения стоимости строительных материалов, отсутствия рабочих рук, а также увеличения расходов земства на другие цели, тракт от Каргополя до Няндомы постепенно стал приходить в неудовлетворительное состояние. Земство, как могло, продолжало его ремонтировать. Зимой 1917 г. приступили к заготовке чуры, но из-за отсутствия рабочих рук и высокой цены на неё, полностью заготовить её не удалось. Тогда же был впервые поставлен вопрос об использовании женского труда[1].

Таким образом, благодаря железной дороге Вологда-Архангельск за сравнительно короткий период из просёлочной дороги, не имевшей никакого значения для экономики Каргопольского уезда, Шенкурский тракт превратился в один из самых главных трактов не только в уезде, но и в губернии. Секретарь каргопольской городской управы П.К. Охотин писал, что «… тракт вызывал и вызывает громадные расходы по содержанию его в порядке, в виду слабого местами грунта и миллионного грузового движения»[2]. Хотя нам и кажется, что сумма в миллион слегка завышена, т.к. в 1907 г. члены земства отмечали, что по тракту провозилось ежегодно до полумиллиона пудов различных грузов, это не принижает его роли в экономике уезда[3]. И сейчас автомобильная дорога Каргополь-Няндома по-прежнему является главной дорогой в Каргопольском районе, она связывает районный центр с железной дорогой и с автомобильной дорогой Москва-Архангельск.

[1] ГААО. Ф. 1066. Оп. 1. Д. 592. Л. 4-5.
[2] Цит. по: Тормосова Н.И. Указ.соч. С. 577.
[3] Вестник Олонецкого губернского земства. 1907. № 2. С. 19.

Н.Ю. Варшавская (г. Архангельск), Г.Н. Мелехова (г. Москва)

Кирилло-челмогорский монастырь: попытка исторической и историко-археологической реконструкции

К 700-летию Кирилло-Челмогорского монастыря

В связи с публикацией в 1868 году Археографической комиссией первого тома Великих Четьи-миней митрополита Макария В.О. Ключевский писал: «*Изучение нашего прошлого имеет за собой одно чрезвычайно драгоценное условие, которое может оказать на него плодотворное влияние, если только уметь им пользоваться. Важнейшие умственные и общественные движения, которые переживали мы в разные времена своей истории, важнейшие интересы, волновавшие наших близких и далеких предков, – не успели скрыться и замереть под почвой, наносимой новыми движениями и интересами, а живут и действуют поныне воочию наблюдателя и могут быть изучаемы не по одним мертвым памятникам, но и по живым остаткам, уцелевшим в разных углах нашего отечества, в разных слоях нашего общества. Историческая почва, по которой мы ходим, не покоится над рядом разновременных и разнородных пластов, вскрываемых только заступом историка: большею частью эти пласты остаются еще открытыми, вспахиваются и засеваются*»[1]. Открытый пласт, доступный во все времена, – это церковная традиция.

Согласно церковной традиции, Кирилло-Челмогорский монастырь, расположенный в 60 километрах к северо-западу от Каргополя на возвышенном берегу озера Монастырское (Челмогорское), возник в XIV веке на том месте, где в течение 52 лет прожил в пещере-келии преподобный Кирилл Челмогорский (память 8/21 декабря). По Житию, преподобный Кирилл родился около 1285 года в новгородских пределах, принял постриг в новгородском Антониевом монастыре (основанном в начале XII века преподобным Антонием Римлянином), а в 1316 году пришел на Челму. Вскоре он срубил часовню и келию, позже воздвиг церковь во имя Богоявления Господня. Прожив отшельником более 50 лет, старец скончался 8 декабря 1367 года[2]. Сам он не создал монашеского братства, но в своем духовном завещании провозгласил: «*место сие будет в пребывание иноком*»[3]. Лет через 10 после его кончины на горе собрались пустыннолюбцы под руководством иеромонаха Арсения, которые начали обустраивать монастырь. Такова церковная традиция.

Эта датировка жизни челмогорского святого была общепринятой для всей историографии Каргополья до публикаций К.А. Докучаева-Баскова. Так, бургомистр города Каргополя конца XVIII в. С. Литусов указывал время прихода преподобного Кирилла на Челму-гору 6824 год от Сотворения мира, или 1316 от Рождества Христова[4]. Довольно подробно на этом вопросе остановился архимандрит Амвросий (Орнатский) в начале XIX века в статье о Каргопольском Спасском монастыре, тесно связанном с Кирилло-Челмогорской пустынью. Он указал, что архимандрит Новгородский Макарий в 1537 году назвал Спасскую обитель новой, возможно, имея в виду «обновленной», а также заметил (со ссылкой на надпись на раке преподобного Кирилла), что обитель была не такой уж новой, если в 6876 году от С.М. (1368 от Р.Х.) в ней были игумены, один из которых приходил исповедовать прп. Кирилла. «*Можно положить*, – писал архимандрит Амвросий, – *что обитель сия основана вскоре по просвещении страны сея*

[1] Ключевский В.О. Великие минеи четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием // Ключевский В.О. Отзывы и ответы. Третий сборник статей. Петроград, 1918. С. 1–18. (Издание Археографической комиссии. Т. I. (Сентябрь, дни 1–13). СПб., 1868).

[2] См.: Житие Кирилла Челмогорского // Новый Олонецкий патерик. СПб., 2013. С. 297.

[3] Житие преподобного Кирилла, игумена Челмогорского, Каргопольского чудотворца / Предисл., подгот. текста и коммент. А.Б. Мороза // Альфа и Омега. Ученые записки Об-ва для распространения Свящ. Писания в России. М., 1998. № 3 (17). С. 200–236.

[4] См.: Литусов С. Исторические, топографические и камеральные известия о городе Каргополе. Л. 2. Текст из Архива Русского Географического Общества (Олонецкая губерния. Р. XXV.2. 1786 г.) опубликован: Этнография и фольклор Олонецкой и Архангельской губерний. Материалы архива Русского географического общества. 1786 г. URL: http://ethnomap.karelia.ru/library.shtml (дата обращения 01.10.2016).

христианскою верою, т.е. в начале XIV по Р.Х. столетия»[1]. В издании архимандрита Амвросия обитель названа: «Челмогорская или Челменская Покровская мужская упраздненная пустынь»[2].

К этой хронологии присоединились: В.О. Ключевский[3], Е.В. Барсов[4], Н.П. Барсуков[5], граф М.В. Толстой[6], В.В. Зверинский[7], архим. Леонид (Кавелин)[8], составители Православной богословской энциклопедии (1909 года издания)[9], Е.Е. Голубинский[10], Л.И. Денисов[11] и др. авторы[12]. Надо отметить, что разночтения в годе упокоения преподобного 1367/1368 связаны с разными календарными стилями, применявшимися в Древней Руси, когда год начинался не 1 января, а 1 сентября (сентябрьский стиль) или 1 марта (мартовский стиль). Так как первоначальный текст жития преподобного Кирилла составлен не ранее конца XV века, а с 1492 года господствующим на Руси был сентябрьский календарный стиль, при котором год начинался и кончался на четыре месяца раньше январского, то для событий, происходивших с сентября по декабрь, византийская поправка составляет не 5508, а 5509[13]. В связи с этим, по нашему мнению, дату упокоения святого следует читать как 6876-5509=1367 год.

С конца XIX века, с публикаций К.А. Докучаева-Баскова[14], оформилась тенденция относить жизнь и деятельность преподобного к более позднему времени, к XVI веку, так указано и в Олонецком патерике, вышедшем в 1910 году[15]. К этой позиции присоединяются и современные исследователи[16]. Разночтениям в датировке жизнедеятельности преподобного Кирилла

---

[1] Амвросий (Орнатский), архимандрит. История Российской иерархии. Ч. IV. М., 1812. Стл. 345–346.

[2] Там же. Ч. VI. М., 1815. Стл. 654–655. Отметим, что указание на основание Кирилло-Челмогорского монастыря в XI в. — явная опечатка (пропуск символа V). Эта ошибка повторена А. Ратшиным (Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 424), а также (со ссылкой на архим. Амвросия) в Словаре историческом о святых, прославленных в Российской Церкви (СПб., 1862. С. 133).

[3] См.: Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 320–322. Автор привел сведения «о пришествии Кирилла на Челму гору в лето 6824-е» и выразил сомнение о времени написания жития преподобного, но не о времени его жизни.

[4] См.: Барсов Е.В. Преподобные Обонежские пустынножители. Материалы для истории колонизации и культуры Обонежского края // Памятная книжка Олонецкой губернии за 1868–1869 год. Петрозаводск: Губерн. тип., 1869. С. 20–24. Автор указал годы подвига преподобного Кирилла на Челме-горе 1316–1368.

[5] Барсуков Н. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стл. 309: «Кирилл, преподобный Челмский. †1367».

[6] Толстой М.В. Книга, глаголемая Описание о Российских святых. М., 1887. С. 177–178. В тексте автор сообщает: «…святой старец, будучи 82 лет, мирно предал дух свой Господу 8 декабря 1367 года»; правда, в подзаголовке по-другому: «341. Преподобный Кирилл, начальник Челменскаго монастыря Покровскаго, преставился в лето 7000», т.е. в 1492 г.

[7] Зверинский В.В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. Т. 1. СПб., 1890. С. 205–206. № 367: «Покровская Кирилло-Челмогорская или Богоявленский Чермогорский, также Успенская Челменская или Чермозерская мужская пустынь… Основана в XIV ст. преп. Кириллом, скончавшимся в 1367 г. Автор привел библиографию Челмогорской пустыни, начиная с архим. Амвросия.

[8] Леонид (Кавелин), архим. Святая Русь, или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века), обще и местно чтимых. СПб., 1891. № 397: «Кирилл, преп. Челмский, основатель Челмогорского монастыря, в 50 вер. от г. Каргополя. †1367 г. декабря 8».

[9] Богословская энциклопедия. Т. 10. Сост. под ред. Н.Н. Глубоковского. СПб., 1909. Стл. 390–391. Составители указывают дату упокоения святого 1367 или 1368 г., а монастырь называют Покровским на Челме-горе.

[10] Голубинский Е.Е. История канонизации святых в Русской Церкви // Богословский вестник. 1894. Т. 3. Отд. 2. № 8. С. 222: «Кирилл Челмский или Челмогорский, основатель упраздненной Покровской Чолменской или Челмогорской пустыни… скончавшийся 8 декабря 1367 года».

[11] Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 617. Автор указывает только дату основания монастыря — 1316 г.

[12] Правда, Н.Я. Озерецковский (не ясно, на какие источники опираясь) указал дату основания Челмогорской пустыни 7182 (1674) г. (См.: Озерецковский Н.Я. Обозрение мест от Санкт-Петербурга до Старой Русы и на обратном пути. СПб., 1808. С. 49).

[13] См.: Сентябрьский календарный стиль. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/15877/%D0%A1%D0%95%D0%9D%D0%A2%D0%AF%D0%91%D0%A0%D0%AC%D0%A1%D0%9A%D0%98%D0%99 (дата обращения 20.12.2016).

[14] Докучаев-Басков К.А. Челменский пустынник, преподобный чудотворец Кирилл и его пустынь // Христианское Чтение (ХЧ). 1889. Ч. 1. С. 469–510; Он же. История Челменской пустыни // ХЧ. 1889. Ч. 2. С. 223–256, 477–512.

[15] Никодим, архимандрит. Олонецкий патерик. Петрозаводск, 1910. С. 56–59.

[16] См.: Гунн Г.П. О ели и Челмогорской пустыни // Каргополь. Историческое и культурное наследие. Материалы научно-практической конференции, посвященной 850-летию города Каргополя. Каргополь, 1996. С. 111–127;

способствует ряд факторов: отдаленный и не слишком значительный статус монастыря, в результате чего он нечасто попадал на страницы русских летописей; скудость (в силу частых пожаров и разграблений) источников, причем дошедших до нас не в оригиналах, а в более поздних списках[1]. Такая специфика источников обуславливает возможность их разной трактовки. По мнению авторов данной статьи, житийная традиция непротиворечиво вписывается в имеющиеся свидетельства и исторический контекст времени и обстоятельств подвигов преподобного Кирилла.

XIV столетие относится к начальному периоду христианизации Русского Севера. Проникая в северные земли с конца I тысячелетия н.э., в XI–XIII веках славяне заселили бассейны крупных рек и озер, бывших основными дорогами. Среди них – озеро Лаче и река Онега, издавна являвшиеся важнейшими транспортными артериями края и уже с XI века осваивавшиеся новгородцами и выходцами из Верхнего Поволжья[2]. Внутренние, водораздельные территории как более труднодоступные места (к ним относятся берега Лекшмозера, где находится Челмогорская обитель) заселялись тремя – четырьмя веками позднее, в ходе земледельческой колонизации; именно в это время начинается массовая христианизация северян, и Православие становится сердцевиной духовной и материальной жизни русичей. В XIII–XIV веках переселению на север Руси способствовали нещадные поборы и разорение центрально-русских районов, находившихся под монголо-татарским игом. Немалую роль в освоении края сыграли ищущие монашеского безмолвия; монашеские и мирские поселения в древности соседствовали; в «незнаемые земли» инок приходил раньше пахаря[3].

В XIV веке на севере подвизался не только преподобный Кирилл, но и преподобный Лазарь Муромский (Мурманский, †1391), являвшийся представителем византийской духовной традиции. Происходя «из Римской земли, обители Высокогорской» и будучи постриженником игумена Афанасия Дискота, Лазарь пришел в Великий Новгород, а затем поселился на пустынном острове в Онежском озере, создал на острове монашескую общину и стал основателем довольно крупного впоследствии монастыря. Преподобный Лазарь много страдал от своих соседей, именовавшихся «*лопяне и чудь, страшивыя сыроядцы*», о чем сам написал в своем жизнеописании (завещании), записанном старцем Феодосием и дошедшем до нас в более поздних списках: «*Множество притеснений, побоев и ран претерпел я от этих зверообразных людей. Много раз, избив меня, изгоняли они с этого острова и хижину мою огню предавали. А сами, окаянные, все делали по наущению бесовскому и колдовство различное творили. <…> И хотели сыроядцы убить меня и тело мое съесть*»[4].

Сходная картина была и на берегах Лекшмозера, когда «*некрещеные язычники — чудь, говорящая на своем языке и имевшая свою веру*», пыталась сжечь келью преподобного Кирилла, столкнуть ее в озеро, ограбить святого, выгнать его. Просвещая проживавшую в округе Челмы-горы «*белоглазую чудь*», «*казару некрещеную*»[5], преподобный заслужил их уважение. Примечательно, что местные жители несли преподобному не хлеб, а рыбу (чудо преподобного о рыбаках): рыболовство – исконный промысел финно-угорских народностей. Известно было им и подсечное (огневое) земледелие (чудо о дровосеках), в то время как культуру пашенного земледелия несли с собой славянские переселенцы. Видимо, неслучайно при преподобном

Геннадий Русский. Клейма к иконам северорусских святых. М., 2002. С. 8–46; Пигин А.В., Романенко Е.В. Вассиан Строкинский // Православная энциклопедия. Т. 7. М., 2004. С. 266–267; Пигин А.В. Заметки к статьям К.А. Докучаева-Баскова об истории Челмогорского монастыря // Православие в Карелии: Материалы 3-й региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов. Петрозаводск: Изд-во Карельского научного центра РАН, 2008. С. 35–42.

[1] Обзор источников см.: Пигин А.В., Романенко Е.В. Вассиан Строкинский. С. 266–267.

[2] См.: Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 18–27, 163–164; Он же. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990. С. 126; Бернштам Т.А. Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX–XV вв.) // Фольклор и этнография Русского Севера. Л., 1973. С. 5–29; Она же. Поморы. Формирование группы и системы хозяйства. Л., 1978. С. 26–31; Она же. Народная культура Поморья. М., 2009. С. 15–16.

[3] См.: Русский Север. Этническая история и народная культура. XII–XX века. М.: Наука, 2001. С. 16–28; Дмитриева С.И. Очерк этнокультурной истории Архангельского Поморья // Мировоззрение и культура севернорусского населения. М.: Наука, 2006. С. 3–11.

[4] Житие Лазаря Муромского // Новый Олонецкий патерик. С. 44.

[5] См. напр.: Лашук Л.П. Чудь историческая и чудь легендарная // Вопросы истории. 1969. № 10. С. 210–211; Мелехова Г.Н., Носов. Традиционный уклад Лекшмозерья. Ч. 2. М., 1994. С. 27–28, 121.

Кирилле не возникла монашеская община: славянское население, имевшее опыт православной жизни, стало проникать сюда позже.

В то же самое время, когда на Севере подвизались преподобные Лазарь и Кирилл, на Руси протекала деятельность столпа русского Православия – преподобного Сергия Радонежского (†1392). Его труды и молитвы стали духовной основой грядущего возрождения Руси, второй век томившейся под ханским гнетом. Последующий XV век стал периодом интенсивной деятельности духовных чад (детей, внуков), учеников преподобного, многие из которых шли на север и создавали монашеские обители[1]. Но в житии преподобного Кирилла нет упоминаний о связях со школой преподобного Сергия Радонежского. Нет в нем, в отличие от житий святых Зосимы и Савватия Соловецких, преподобного Александра Ошевенского и других, упоминаний о контактах с новгородским боярством, которое с середины XIV века активно захватывало земли и угодья по всему Русскому Северу. Между тем известно, что восточная сторона Лекшмозера в пору могущества Великого Новгорода составляла боярщину Труфана (Трифона) Сарского, деятельность которого протекала в середине XV в. (от имени этого боярина происходит название селения Труфаново, располагавшегося в двух верстах от Кирилло-Челмогорской пустыни)[2]. Все это – косвенные свидетельства жизни святого Кирилла до XV века. Исторический контекст жития преподобного соответствует реалиям именно XIV века.

Одним из аргументов К.А. Докучаева-Баскова в пользу поздней датировки времени жизни преподобного Кирилла является указание жития на то, что его братом был преподобный Корнилий Комельский (†1537), время жизни которого известно. Но еще В.О. Ключевский предположил, что агиограф перепутал преподобных Корнилия Комельского (выходца из московских дворян) и Корнилия Палеостровского[3]. Палеостровский святой жил во 2-й половине XIV века и происходил из псковских земель, которые в то время входили в новгородские пределы. Примечательно, что в наборе икон, размещавшихся в трапезной Покровского храма с. Лядины (Каргопольского уезда)[4] среди 8 северных святых (Макарий Унженский, Иона Климецкий, Лазарь Муромский, Пахомий Кенский, Александр Ошевенский, Александр Свирский, Корнилий Палеостровский, Кирилл Челмогорский) представлен Палеостровский преподобный, а Комельский отсутствует, причем преподобные Кирилл и Корнилий размещаются рядом.

Иконописная традиция изображать рядом Палеостровского, Челмогорского и Муромского преподобных была распространена довольно широко. На иконе Собор карельских святых конца XIX века (г. Куопио, Финляндия)[5] изображены 48 святых; во втором ряду среди 6 святых представлены преподобные Корнилий Палеостровский, Кирилл Челмогорский и Лазарь Муромский (3-й, 4-й и 5-й слева). На другом чтимом образе Собора карельских святых (начала XXI в.) – из одноименного придела Александро-Невского кафедрального собора – преподобные Корнилий Палеостровский и Кирилл Челмогорский тоже располагаются рядом. На иконе Собора карельских святых 1910 года, написанной по благословению Никанора (Надеждина), епископа Олонецкого и Петрозаводского, и считающейся одним из ранних образов данной иконографии (из Екатерининской церкви г. Петрозаводска) преподобному Лазарю Муромскому (в 1-м ряду крайний слева) предстоит именно Челмогорский святой (крайний справа)[6]. Таким образом, житийная и иконописная традиции подтверждают друг друга в вопросе о времени жизни преподобного Кирилла Челмогорского как современника преподобного Лазаря.Сведения о преподобном Кирилле подвергаются сомнению также в связи с тем, что сохранившиеся списки жития относятся к XVIII–XIX векам. Преподобный Кирилл был прославлен (видимо, как местно

[1] См.: Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1990. С. 155–164; Синицына Н.В. Русское монашество и монастыри. X–XVII вв. // Православная энциклопедия. М., 2000. С. 305–324; Монашество и монастыри в России XI–XX вв. Исторические очерки. М.: Наука, 2002. С. 66–72.

[2] Васильев Ю.С. Каргопольский уезд // Аграрная история северо-запада России XVI в. Север. Псков. Л., 1978. С. 39. (сноска); Бассалыго Л.А. Новгородские тысяцкие. Ч. III. Тысяцкое со второй четверти XV века до конца новгородской независимости (Дополнение к Списку В) // Новгородский исторический сборник. Вып. 13(23). Великий Новгород, 2013. С. 115–150.

[3] См.: Ключевский В.О. Древнерусские жития святых... С. 321–322.

[4] Ныне находятся в: ГБУК АО «Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей».

[5] Собор Карельских святых (48). Икона. Россия. Конец XIX в. Храм ап. Иоанна Богослова и прпп. Отцов, просветителей карельских в г. Куопио (в 1970-е годы – храм Духовной семинарии). Финляндия.

[6] См.: Собор Карельских святых. URL: https://azbyka.ru/days/sv-sobor-karelskih-svjatyh (дата обращения 12.03.2017).

чтимый святой) в XV веке, когда новгородский изограф Иоанн написал образ преподобного, и были составлены житие и служба[1], которые позже были утрачены. Но память о святом не иссякала, и в 1655–1656 годах священник Лядинского прихода – «иерей-изограф» Иоанн, уроженец деревни Морщихинской (Иван Венедиктов, как предположил А.Н. Старицын)[2], написал новый образ преподобного Кирилла и составил его житие. Замечено, что оно (вернее, его вторая часть) создано на основе написанного около 1600 года жития преподобного Нила Столобенского (†1554), чья память приходится на день, предшествующий памяти преподобного Кирилла (7 и 8 декабря соответственно)[3]. Действительно, наблюдается общность сюжетов и последовательности их изложения: преподобный поселяется на горе, выкапывает себе «малую пещерку», через зиму строит себе «кельицу» и храм (часовню), живет, обрабатывая землю и молясь, прилагая «*труды к трудам*» и «*подвиги к подвигам, радуясь духом и к высшему ум свой устремляя*». Сходно описаны козни диавола: нападение и ослепление разбойников, попытка стащить келию в озеро. Едины чудеса: о дровосеках, о разбойниках, о рыбаках. Оба преподобных перед смертью предвещают возникновение на сем месте монастыря[4]. Но есть и существенные различия; в частности, только в житии преподобного Кирилла упоминается «чудь белоглазая». Сравнительного филологического анализа двух житий пока не проведено; некоторые признаки позволяют предположить наличие общего протографа.

В XV–XVI веках какое-то время, возможно, удаленная пустынь не функционировала в качестве мужской обители, а использовалась как место ссылки опальных княгинь. Точно известно, что царь Иоанн Грозный в 1563 г. сослал в обитель нескольких постриженных именитых узниц – жену и двух дочерей князя Дмитрия Курлятева-Оболенского: *«…а княгиню княже Дмитрееву Курлятева и дву княжон велел постричи в Оболенску, а, постригши их, велел вести в Каргополе в Челмъской монастырь»*[5]. По-видимому, царь Иоанн использовал пустынь в таком качестве не первый, а опирался на традицию. Об этом свидетельствует переписанная в середине XIX века священником Феодором Гурьевым грамота царей Иоанна и Петра Алексиевичей (1680-е годы), в которой пересказывается челобитье строителя иеродиакона Филофея. В челобитье говорится, что в 1446–1447 гг. соперник великого князя Василия II Темного Дмитрий Шемяка поместил в Челмогорский монастырь мать Василия II великую княгиню Софью Витовтовну[6]. Правда, как заметил А.В. Пигин, Московский летописный свод конца XV века, сообщая под 1447 годом о пребывании Софии Витовтовны в Каргополе[7], не упоминает Челмогорский монастырь. В том же челобитье Филофея сообщается, что в монастыре содержались супруга Ивана III великая княгиня София Палеолог со своей снохой. «*А в то де время игумен и вся братья высланы были вон*», – добавляет Филофей. Информацию о ссылке Софии Палеолог в русских летописях найти не удалось. Не упоминают об этом и исследователи, изучавшие жизнь великокняжеской семьи[8].

Еще одной великокняжеской узницей, находившейся в Каргополе, согласно Постниковскому летописцу, была бесплодная жена великого князя Василия III Соломония Юрьевна Сабурова, в иночестве тоже София (сноха Софии Палеолог). В 1526 г. она была

---

[1] См.: Докучаев-Басков К.А. История Челменской пустыни. С. 227.

[2] См.: Старицын А.Н., Пигин А.В. Источники по истории Наглимозерской пустыни Каргопольского уезда // Вестник церковной истории. 2010. № 3–4 (19–20). С. 147–168. Священник Лядинского Покровского храма Иоанн Венедиктов до 1652 г. проживал в Лекшмозерской (и Долгозерской) волости с женой, сыновьями, матерью и братом; в переписи 1648 г. значился как дьячок церкви Петра и Павла. 30 марта 1652 г. дьячок Иван был рукоположен в иерея и переведен в Покровскую церковь села Лядины.

[3] См.: Житие Кирилла Челмогорского // Новый Олонецкий патерик. С. 299.

[4] См.: Житие прп. Нила Столобенского см.: Ф. 304.I. Главное собрание библиотеки Троице-Сергиевой лавры. Минея Четья. № 672 (1621). Л. 86 об.–108 об. [Электронный ресурс] http://old.stsl.ru/manuscripts/book.php?col=1&manuscript=672 (дата обращения 20.11.2016).

[5] ПСРЛ. Т. 13. Ч. 2. Дополнения к Никоновской летописи. Так называемая Царственная книга. СПб., 1906. С. 344; также Докучаев-Басков К.А. История Челменской пустыни. С. 227.

[6] См.: Пигин А.В. Материалы к истории Кирилло-Челмогорского монастыря (сочинение священника Ф.И. Гурьева, XIX в.) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета / Серия «Общественные и гуманитарные науки». № 5 (134). Август, 2013. С. 14, 20.

[7] См.: ПСРЛ. Т. 25. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 269.

[8] См.: Гордеева Л.И. Софья Палеолог, византийская принцесса, первая российская государыня: Летопись жизни. М.: Книжный клуб «Книговек», 2014. С. 87–93, 115–128; Матасова Т.А. Софья Палеолог. Серия «Жизнь замечательных людей». М.: Молодая гвардия, 2016. С. 217, 236–239, 247–261.

пострижена (насильно или добровольно – мнения исследователей расходятся) и выслана: *«И не по мнозе отпустил ея князь великий в Каргополе, и велел ей устроити* ***в лесу келью****, отыня тыном. А была в Каргополе пять лет и оттоле переведена бысть в Девичь манастырь в Суздаль к Покрову пречистые. Тое же зимы генваря в 24 день в неделю князь великий Василей женил[ся] вторым браком…»* (выделено авторами статьи)[1]. Бургомистр Семен Литусов в 1786 году, ссылаясь на синопсис, тоже сообщал, что великие княгини Софья Витовтовна и Соломония Сабурова были заключены в Каргополев девичьем монастыре[2]. Неоднозначность сведений из исторических источников допускает возможность разных толкований.

Каргополь как место ссылки использовали и князья Шуйские, которые в 1538 г., после смерти матери малолетнего наследника трона великой княгини Елены Глинской, расправились с приближенным к ней боярином Иваном Телепневым-Оболенским и его родной сестрой Агрипиной Челядниной, главной боярыней при наследнике: *«…а сестру его Агрипину сослаша в Каргополе и тамо ее постригоша в черницы»*[3]. Может быть, именно с этими событиями связана жалованная грамота Грозного Челмогорскому монастырю 1544 года.

Эти не очень ясные исторические известия о возможном использовании Челмогорского монастыря как места ссылки, свидетельствуют и о том, что, по-видимому, на значительный период монашеская жизнь обители была прервана, и ***«****манастырь стоял многое время пуст»*. Неслучайно в челобитной 1532 года лядинцы и лекшмозеры жаловались царю Ивану Васильевичу на священников (а не монахов) пустыни Алексея Черемисина и Ивана Граворонова[4]. Явно неместныефамилии священников дают возможность предположить, что они – из свиты узниц. Возможно, в то время и утерялись документы из архива обители; не исключено, что они были уничтожены. Тем не менее в дальнейшем монашеская жизнь в Челмогорской пустыни была восстановлена.

Таким образом, церковная традиция жизнеописания и почитания преподобного Кирилла, как мы стремились показать, не противоречит историческим фактам. Можно считать, что ***в 2016 году исполнилось 700 лет*** со времени поселения преподобного на Челме-горе, а ***в 2017 году грядет 650-летняя годовщина со времени его упокоения***, т.е. это один из древнейших монастырей на Архангельской земле. В то же время очевидно, что богатая событиями история Кирилло-Челмогорского монастыря, несколько раз попавшего на страницы русских летописей, еще ждет своих исследователей.

В настоящее время выявленные данные по истории обители позволили составить ее «историко-археологическую модель» на 1912 год. Источниками модели послужили изображения монастыря на иконах[5], фотографии отдельных сооружений монастыря 1912 года

Г. Сергиевского[6], рисунок панорамы монастыря с юга К.А. Докучаева-Баскова 1871 г. из Отдела рукописей ГИМ[7], археологические описания обители XIX века[8], а также свидетельства

---

[1] ПСРЛ. Т. 34. Постниковский, Пискаревский, Московский и Бельский летописцы. М., 1978. С. 15.

[2] См.: Литусов С. Исторические, топографические и камеральные известия о городе Каргополе. Л. 2.

[3] ПСРЛ. Т. 13. Ч. 1. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб., 1904. С. 123.

[4] См.: Пигин А.В. Материалы к истории Кирилло-Челмогорского монастыря … С. 15, 19.

[5] Обзор икон прп. Кирилла Челмогорского см.: Мелютина М.Н. Иконы с образом преподобного Кирилла - Челмогорского как источник изучения истории и культуры Кирилло-Челмогорской пустыни // Православие в Карелии: материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов. Петрозаводск, 2008. С. 228–239.

[6] Фото Г. Сергиевского 1912 г.: Вид на западные ворота; Вид на Богоявленский храм; Вид на Успенскую церковь (группа учащихся на фоне Успенской церкви); Вид с восточной стороны. Эти фото неоднократно публиковались в наше время и ныне хранятся в фондах Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея и Кенозерского национального парка. Также привлечены: Фото Л. Вороничева 1953 г.: Вид на «Архиерейский дом»; Вид из «Архиерейского дома» на Монастырское озеро; Вид на крыльцо «Архиерейского дома; Фото из частного архива 1958 г. Вид на колокольню и некоторые другие.

[7] См.: ОР ГИМ. Собрание Барсова. № 794. Житие Кирилла Челмогорского. Л. 61.Рисунок К.А. Докучаева-Баскова 1871 г. Этот рисунок из собрания ГИМ продемонстрировал на XII Каргопольской научной конференции «XVII век в истории и культуре Русского Севера» (14–16 августа 2012 г.) А.В. Пигин (доклад «К изучению рукописной традиции жития Кирилла Челмогорского»). Ссылка на рисунок опубликована им же в: Кожевникова Ю.Н., Пигин А.В. Кириллов Челмогорский (Челменский, Чермозерский) в честь Богоявления и Успения Пресвятой Богородицы мужской монастырь // Православная энциклопедия. Т. 34.

[8] См.: Докучаев-Басков К.А. История Челменской пустыни. С. 501–502; Березкин Дм. Освящение Богоявленского храма в Кирилло-Челмогорской пустыни Каргопольского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1899. № 7, 8;

старожилов[1] и современные исследования, проводившиеся в 2015 г. на территории монастыря под руководством сотрудника отдела охранных раскопок Института археологии РАН М.Е. Ворожейкиной[2]. На первом этапе исследования (с 15 октября по 19 октября) археологами была выполнена инструментальная (топографическая) съемка территории монастыря и окрестностей с целью научного исследования и виртуальной реконструкции монастыря. Попытка составить «археологическую модель» Кирилло-Челмогорского монастыря предпринимается не впервые[3]; особенностью представляемой модели является точное топографическое расположение монастырских строений и деревьев Святой рощи, координаты которых зафиксированы археологами. Модель выполнена в среде T-Flex. Для реконструкции использовалась методика совмещения ракурсов камеры фотографа 1912 г. и виртуальной камеры параметрической модели. Благодаря этому способу и 3d-привязке реконструируемых объектов к горизонталям рельефа появилась возможность рассмотреть монастырский комплекс с разных сторон.

История Кирилло-Челмогорского монастыря, многовековая и многотрудная, вписана в малую и большую историю Лекшмозерья, Каргополья, Олонецкой и Архангельской земель, России. Мы верим, что преподобный Кирилл не прекращает своих молитв пред Престолом Божиим за порушенные храмы, за разоренное святое место, за убиенных и погубленных, за неразумных, обманутых и обманувшихся, за нас, грешных. А это означает, что история древней обители еще не завершилась.

Сведения о состоянии церквей, причтов и прихожан, монастырей из ЦГА РК. Ф. 25 (Консистория духовная Олонецкая). Оп. 20: Д. 8/84(1880 г.), Д. 8/88 (1888 г.), Д. 8/92 (1889 г.), Д. 9/95 (1899 г.), Д. 9/96 (1901–1902 гг.) и др.

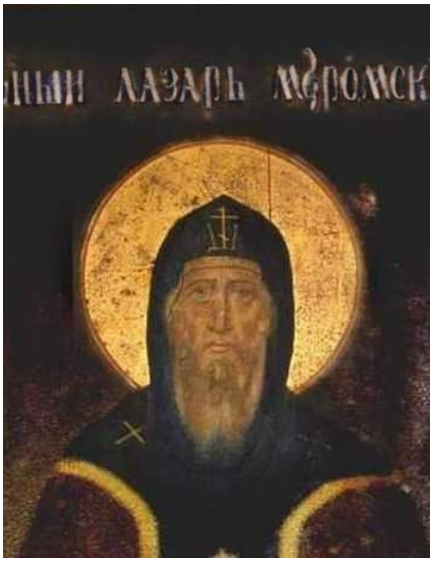
[1] См.: Аудиозаписи бесед Н.Ю. Варшавской с жителями с. Труфаново. 2005–2015 гг. Личный архив Н.Ю. Варшавской.

[2] См.: Шабунин В.П. Пояснительная записка к топографическому плану территории Кирилло-Челмогорского монастыря. Личный архив Н.Ю. Варшавской. Работы выполнялись сотрудниками ФГБУН «Института археологии российской академии наук» по договору №113-14 от 1 сентября 2014 года. Заказчик работ Фонд сохранения культурного наследия Каргополья «Наследие Севера» имени преподобного Александра Ошевенского. Масштабы топоплана М1:500 и М1:1000. Съемка выполнялась при помощи электронного тахеометра Topcon GPT-3100N в условной системе координат, метод съемки – тахеометрический. Система высот принята WGS-84. Ориентирование прибора выполнено условно на истинный север по GPS приемнику. Поиск подземных коммуникаций не выполнялся. Полевую часть работы выполняли В.П. Шабунин и М.А. Клубникина. Обработка полевых измерений и построение цифровой модели местности выполнял в среде AutoCAD В.П. Шабунин. Топографические работы охватили участок площадью 65900 м^2.

[3] См.: Варшавская Н.Ю. «Археологическая модель» Кирилло-Челмогорского монастыря // Культурное и природное наследие Европейского Севера. Архангельск: Поморский университет, 2009. С. 123–127; она же. Кирилло-Челмогорский монастырь в рамках хронологических исследований. 1918–1932 гг. // Научный архив ФГУ НП «Кенозерский».

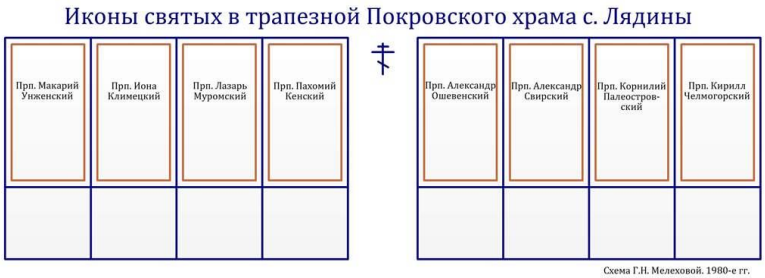
Илл. 1. «Историко-археологическая модель» Кирилло-Челмогорского монастыря на 1912 г. Автор Н.Ю. Варшавская. Публикуется впервые.

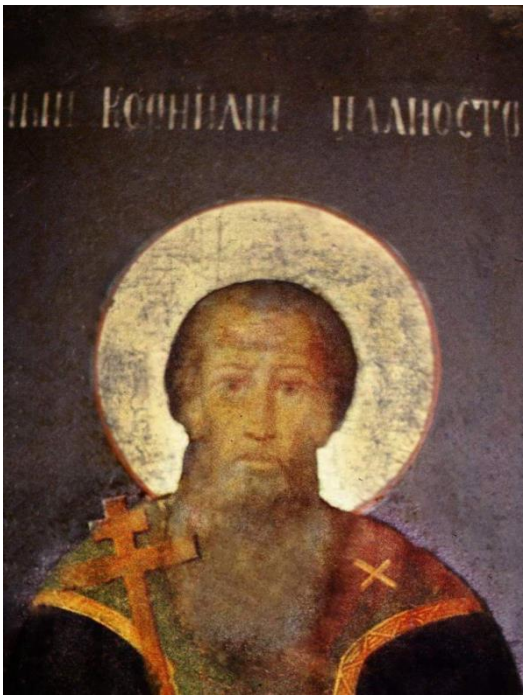
Илл. 2. Прп. Лазарь Муромский. Икона из трапезной церкви Покрова Пресвятой Богородицы (Покрово-Власьевской) Лядинского погоста (ныне в ГБУ культуры Архангельской области «Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей»). XIX в. Фрагмент. Фото В.В. Нарциссова. Публикуется впервые.

Илл. 3. Прп. Кирилл Челмогорский. Икона из трапезной церкви Покрова Пресвятой Богородицы (Покрово-Власьевской) Лядинского погоста (ныне в КИАХМ). XIX в. Фрагмент. Фото В.В. Нарциссова. Публикуется впервые.

Илл. 4. Схема размещения икон в трапезной церкви Покрова Пресвятой Богородицы (Покрово-Власьевской) Лядинского погоста.

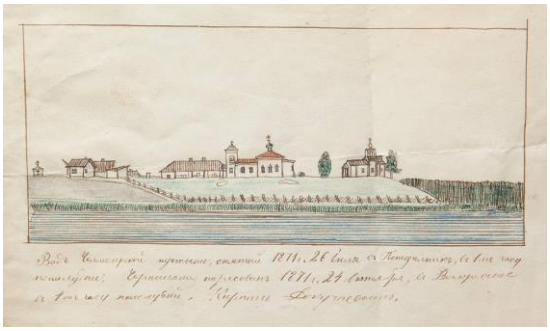
Илл. 5. Прп. Корнилий Палеостровский. Икона из трапезной церкви Покрова Пресвятой Богородицы (Покрово-Власьевской) Лядинского погоста (ныне в КИАХМ). XIX в. Фрагмент. Фото В.В. Нарциссова. Публикуется впервые.

Илл. 6. Собор Карельских святых (48). Икона. Россия. Конец XIX в. Храм ап. Иоанна Богослова и прпп. отцов, просветителей карельских, г. Куопио (в 1970-е гг. – храм Духовной семинарии). Финляндия.

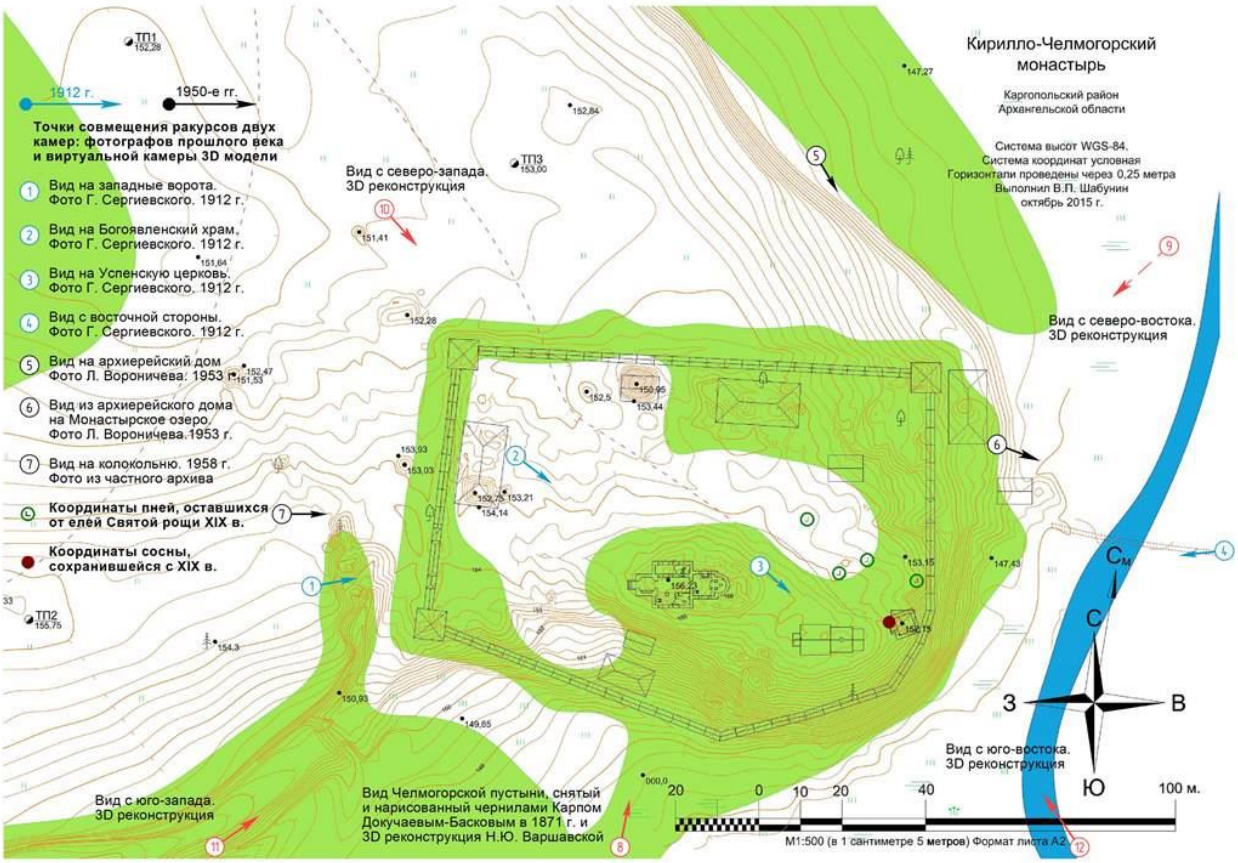
Илл. 7. Прпп. Корнилий Палеостровский, Кирилл Челмогорский, Лазарь Муромский на иконе «Собор Карельских святых» из г. Куопио (Финляндия). Конец XIX в. Фрагмент.

Илл. 8. Вид Челмогорской пустыни, снятый 1871 г. 26 июля. Рисунок К.А. Докучаева-Баскова. ОР ГИМ. Собрание Барсова. № 794. Житие Кирилла Челмогорского. Л. 61. Публикуется впервые.

Илл. 9. Панорама Кирилло-Челмогорского монастыря
с юга. 1871 г. и 1912 г.
Реконструкция Н.Ю. Варшавской.
Публикуется впервые.

Илл. 10. Топографический план Кирилло-Челмогорского монастыря, выполненный сотрудником Института археологии РАН В.П. Шабуниным с дополнениями Н.Ю. Варшавской. Октябрь 2015 г. Публикуется впервые.

Илл. 11. Вид на Кирилло-Челмогорский монастырь с северо-запада. Начало XX вв. Реконструкция Н.Ю. Варшавской. Публикуется впервые.

Илл. 12. Вид на Кирилло-Челмогорский монастырь с юго-запада. Начало XX вв. Реконструкция Н.Ю. Варшавской. Публикуется впервые.

Илл. 13. Вид на Кирилло-Челмогорский монастырь с юго-востока. Начало XX вв. Реконструкция Н.Ю. Варшавской. Публикуется впервые.

Е.С. Намятова (г. Петрозаводск)

Жители Каргопольского уезда – участники Первой мировой войны (по документам Национального архива Республики Карелия)

В Национальном архиве Республики Карелия хранятся тысячи документов периода Первой мировой войны, в которых содержатся сведения о различных сторонах экономической, социально-политической жизни региона, об участниках войны[1].

В 1914 г. Олонецкая губерния включала в себя семь уездов: Петрозаводский, Олонецкий, Вытегорский, Лодейнопольский, Каргопольский, Повенецкий и Пудожский. В фондах Национального архива Республики Карелия наиболее полно представлены сведения по Петрозаводскому уезду. Документы по истории уездов Олонецкой губернии, перешедших в советский период в состав других губерний, в настоящее время хранятся не только в Национальном архиве Республики Карелия. В 1950-е гг. была осуществлена работа по передаче некоторых фондов из Центрального государственного архива Карело-Финской ССР в архивы соседних областей в соответствии с существовавшим на тот момент делением. Фонды организаций уездного уровня и ниже по Каргопольскому уезду в настоящее время находятся на хранении в Государственном архиве Архангельской области (например, фонды Каргопольского уездного по воинской повинности присутствия[2], Каргопольский уездный воинский начальник[3], Каргопольское уездное попечительство по призрению семейств нижних чинов и лиц, призванных на войну[4] и другие).

Документы НА РК по истории Каргопольского уезда в годы Первой мировой войны отложились, в основном, в фондах губернского уровня (фонды Олонецкого губернского по воинской повинности присутствия, Канцелярии олонецкого губернатора, Олонецкой губернской коллегии по делам пленных и беженцев, Олонецкого губернского военного комиссариата и других).

Олонецкое губернское по воинской повинности присутствие наблюдало за ходом призыва и приёма лиц, подлежащих воинской повинности, переосвидетельствовало призывников, рассматривало отчёты уездных присутствий, жалобы на уездные присутствия, протесты податных инспекторов о назначении пенсии нижним чинам и пр. (Председателем Олонецкого губернского присутствия являлся губернатор, Каргопольское уездного – председатель уездного съезда, уездное присутствие подчинялось губернскому по воинской повинности присутствию). Фонд присутствия (Ф. 23.) содержит разноплановые документы по данной теме.

За месяц до начала войны, 19 июня 1914 г., комиссией под председательством начальника Вологодской местной бригады генерал-лейтенанта П.Н. Крицкого была проведена поверка подготовительных к мобилизации работ гражданских учреждений Каргопольского уезда. Были проверены уездное по воинской повинности присутствие, уездная земская управа, уездное полицейское управление, полицейский надзиратель, приставы 1-го и 3-го стана, городское общественное управление, Павловское и Лодыгинское волостные правления, городской, Павловский и Лодыгинский военно-конские участки. Большинство учреждений были подготовлены, однако в заключении указывалось: «При поверке волостных правлений и военно-конских участков как в этот раз, так и в прежние годы в других уездах обнаружилось, что волостные старшины, а в особенности заведующие военно-конскими участками безразлично относятся к своим обязанностям и проявляют полное незнание их. Всем ведают опытные волостные писари, а потому уйди или умри писарь при мобилизации все дело остановится и получится полный хаос»[5].

---

[1] Часть документов вошла в сборник «Карелия в годы Первой мировой войны» (издан Национальным архивом Республики Карелия в 2014 г.) и представлена на виртуальной выставке «Для ограждения чести, достоинства и славы Родины... (Участие жителей Олонецкой губернии в Первой мировой войне)» (http://www.rkna.ru/exhibitions/first-world-war/).

[2] ГААО. Ф. 1320.

[3] ГААО. Ф. 1862.

[4] ГААО. Ф. 1626.

[5] НА РК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 69/27. (Дело о проверке подготовительных к мобилизации работ гражданских учреждений Пудожского и Каргопольского уезда). Л. 10-11 об.

15 июля 1914 г. началась Первая мировая война. Первым днем мобилизации в России было назначено 18 июля 1914 г. Каргопольский уездный исправник И.С. Романович в рапорте олонецкому губернатору М.И. Зубовскому телеграфировал: «Высочайшее повеление о призыве получено в полицейском управлении 17 сего июля в 6 часов 45 мин. пополудни. Все распоряжения призывные исполнены. Нарочные разосланы в 9 часов 44 минуты пополудни»[1]. В уезде начались работы по мобилизации. 19 июля 1914 г. Германия объявила войну России. 22 июля 1914 г. в уезде было объявлено о призыве ратников ополчения 1-го разряда (первым днем мобилизации назначено 25 июля).[2] 26 июля 1914 г. каргопольский уездный исправник И.С. Романович сообщил олонецкому губернатору об отправке 26 июля из Каргополя в Няндому последней партии призванных запасных «при полном все время порядке, настроение весьма хорошее»[3].

В годы войны призывы проводились неоднократно, что требовало решения вопроса об оптимальном размещении призванных. По мобилизационному расписанию для этой цели предполагалось использовать следующие здания Каргополя: общежитие духовного училища (до 350 чел.), городское училище (300 чел.), общественное собрание (350 чел.), чайная Серкова (200 чел.) и другие чайные с меньшей вместимостью. В декабре 1914 г., в призыв ратников ополчения 1-го разряда 1899-1907 гг., на сборный пункт ожидалась явка около 900 человек. Было решено во избежании перерыва в учебных занятиях, разместить ратников в чайной купца Серкова, общественном собрании и в общежитии духовного училища, находящемся в отдельном от самого училища здании.[4]

Среди документов фонда имеются маршруты следования призванных. В качестве примера приведём маршрут новобранцев (30 человек и 1 сопровождающий) из Каргополя в Лугу в 1-й запасной артиллерийский дивизион, составленный 23 января 1915 г. Первая часть пути начиналась 17 февраля 1915 г. «обыкновенным походом» в д. Кириллово, волость Малая Шалга, д. Погост Малошальский, затем 18 февраля – д. Лазаревская, волость Ряговская, 19 февраля – дневка, 20 февраля – д. Липовская, волость Андреевская, 21 февраля – д. Андреевская, волость Андреевская, ж/д ст. Няндома. Далее новобранцы следовали железным путем: 22 февраля – отправление из Няндомы, 23 февраля – прибытие в Вологду, довольствие горячей пищей, отправление из Вологды, 24 февраля – прибытие в Обухово, отправление и прибытие в Петроград, довольствие горячей пищей, отправление из Петрограда, 25 февраля – прибытие в Лугу, сдача 30 новобранцев командиру 1-го запасного артиллерийского дивизиона. Весь путь включал: «обыкновенным походом» – 83 версты, 5 дней марша, 4 перехода; по железным дорогам – 3 дня марша[5].

Олонецкое губернское по воинской повинности присутствие в порядке надзора проводило переосвидетельствование забракованных уездными присутствиями. Например, согласно акту Олонецкого губернского по воинской повинности присутствия от 21 мая 1915 г., были признаны годными к военной службе старший унтер-офицер из крестьян Ошевенской волости Александр Соколов, ефрейтор из крестьян д. Иевлева Богдановской волости Миронский Александр Иванович, фельдшер из крестьян д. Ириньина Богдановской волости Плешков Михаил Леонтьевич, запасной стрелок из крестьян Богдановской волости Костин Кузьма Иванович[6].

В 1918 г. были созданы военные комиссариаты, в задачи которых, в том числе, входило ведение учёта военнообязанных, осуществление призыва. В фонде Олонецкого губернского военного комиссариата (Ф. Р-573.) имеются анкетные листы, учётные карточки, которые могут включать сведения о военной службе в годы Первой мировой войны.

В регистрационной карточке ветеринарного фельдшера Зимина Якова Михайловича, проживавшего в с. Лядины, от 27 ноября 1918 г. указано, что он, 1887 г.р., призван на военную службу в 1904 г., получил образование в г. Белостоке при 12-м драгунском Мариупольском

[1] НА РК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 68/8. (Дело о призыве на действительную военную службу запасных нижних чинов и ратников ополчения). Л. 8.
[2] НА РК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 68/8. Л. 51.
[3] НА РК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 68/8. Л. 121.
[4] НА РК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 68/10. (Дело о призыве на действительную службу ратников ополчения 1-го разряда по 1899 г. включительно). Л. 36-37.
[5] НА РК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 71/14. (Маршруты следования команд новобранцев призыва 1915 г.). Л. 7-8.
[6] НА РК. Ф. 23. Оп. 1. Д. 68/10. Л. 153, 155, 157, 158.

полку в 1907 г. при ветеринарном лазарете, в 1914 г. был призван по мобилизации, участвовал в военных кампаниях при этапном ветеринарном лазарете старшим фельдшером при крепости Свеаборг.[1]

В учётной карточке на инструктора по всеобщему военному обучению Каргопольского уезда Олонецкой губернии от 21 февраля 1919 г. значится Дедов Иван Петрович, 1894 г.р., уроженец Каргопольского уезда, проживавший в д. Кучепалда Нифантовской волости (Красная Ляга). И.П. Дедов поступил на военную службу по мобилизации, с 18 сентября 1915 г. служил в 172-м пехотном запасном полку, с 24 ноября 1917 г. по 25 марта 1918 г. - в 38-м Туркестанском стрелковом полку[2].

В деле «Анкетные списки на военнослужащих Каргопольского уезда» за октябрь-ноябрь 1918 г. имеются сведения об участниках Первой мировой войны, например: Каргалов Петр Афанасьевич (34 года) – до мобилизации работал в г. Архангельске на лесопильных заводах, был мобилизован в г. Архангельске 17 июля 1914 г., во время войны служил в Рижской речной флотилии в должности боцмана; Чеченин Василий Васильевич (32 года) – крестьянин, мобилизован 20 июля 1914 г. в Каргополе, служил в 15-м Финляндском стрелковом полку старшим разведчиком, был в плену в Австрии; Ленин Иван Александрович (28 лет) – до войны служил в г. Выборге в должности телефониста, мобилизован 5 марта 1915 г. в г. Выборге, служил в 10-м осадном артиллерийском дивизионе телефонистом.[3]

Сведения о награждённых содержатся в послужных списках военнослужащих, предписаниях о назначении пенсий, прошениях, переписке. Например, 18 октября 1917 г. командир 294-го пехотного Березинского полка направил в Петрозаводск георгиевский крест 3 степени за № 76258, пожалованный раненному 23 июля 1916 г. и не возвратившемуся в полк старшему унтер-офицеру Кузьме Яковлеву, происходящему из крестьян д. Орема Фатьяновской волости. Олонецкий губернский комиссар направил крест каргопольскому уездному комиссару для вручения при торжественной обстановке ближайшим родственникам. Сопроводительное письмо губернскому комиссару было возвращено с отметкой о том, что крест получил Кузьма Яковлев[4].

В архиве хранятся не только документы о награждении участников войны, но и Георгиевская медаль IV степени. Из документов дела, хранящегося в фонде Канцелярии олонецкого губернатора (ф. 1), известно, что командир 296-го Грязовецкого полка 1 августа 1915 г. направил олонецкому губернатору для вручения родственникам Георгиевскую медаль IV степени № 301221 пожалованную, согласно приказания главнокомандующего от 23 марта 1915 г., за боевые отличия старшему унтер-офицеру Зубову Ивану Васильевичу, пропавшему без вести 25 мая 1915 г. В свою очередь олонецкий губернатор направил медаль каргопольскому уездному исправнику для вручения ее жене или родителям. Согласно рапорта пристава 3 стана Каргопольского уезда каргопольскому уездному исправнику от 9 сентября 1915 г. было установлено, что в д. Кусовской Фатьяновской волости Иван Васильевич Зубов не значился, а был Иван Леонтьевича Зубов, старший унтер-офицер 13 роты 296-го пехотного Грязовецкого полка, находившийся с 25 мая 1915 г. в Австрии в плену. На родине у И.Л. Зубова родителей в живых не имелось, он был холост, переписывался с однодеревцем Дмитрием Андреевичем Бурковым, который предоставил письмо И. Зубова от 30 июня 1915 г. из австрийского лагеря Рейхенберга. Медаль была оставлена до прибытия Ивана Зубова на родину на хранении при делах канцелярии олонецкого губернатора.[5]

Решением вопросов, связанных с оказанием помощи русским военнопленным, занималась Олонецкая губернская коллегия по делам пленных и беженцев. В фонде коллегии (Ф. Р-797)

---

[1] НА РК. Ф. Р-573. Оп. 3. Д. 2/31 (Документы по мобилизации врачей и фельдшеров по Каргопольскому уезду). Л. 169.

[2] НА РК. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 84/702. (Учетные карточки на инструкторов Каргопольского уезда). Л. 127-127 об.

[3] НА РК. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 13/124. Л. 21, 111, 155.

[4] НА РК. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 18/182. (Приказы по штату Красной Армии, списки и учетные карточки личного состава учетного отдела и врачей Олонецкой губернии. Удостоверения и справки военнослужащих, переписка о личном составе). Л. 94. Сведения о георгиевских кавалерах Каргопольского уезда включены в краткий справочник Н.А. Кораблева и Т.А. Мошиной «Георгиевские кавалеры Олонецкой губернии. 1812-1917». (Петрозаводск, 2016). Справочник составлен с использованием документов Национального архива Республики Карелия.

[5] НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 122/26. (Дело о вручении знаков отличия за боевые заслуги уроженцам Олонецкой губернии). Л. 31-39.

имеются прошения родственников о розыске военнослужащих, не вернувшихся на родину. К некоторым прошениям прилагались бланки специальных почтовых карточек с указанием наименования лагерей военнопленных, письма военнослужащих из армии и плена (в фондах НА РК выявлено 31 личное письмо каргопольцев периода Первой мировой войны, из них 28 писем – от военнопленных).

Военнопленный германского лагеря Прейсиш-Голланд М.Г. Власов писал родственникам 26 декабря 1916 г. следующее (в тексте сохранена орфография оригинала): «Многоуважаемые мои дорогие родители, папаша Гаврил Иванович и мамаша Марфа Макаровна, посылаю я вам свое сыновное почтение с пожеланием от Бога доброго здоровия. Еще кланяюсь дорогому братцу Ивану Гавриловичу с супругой своей и с детками вашими. Затем извещаю Вас дорогие родители что я жив и здоров нахожусь в плену. По получении сего письма прошу я вас, дорогие родители, пошлите мне посылку или денег сколько нибудь, затем прошу я вас, адрес мой будет в конверте, ярлычок, вы его наклейте и дойдет хорошо. Лишнего ничего не пишите и в посылку письма не кладите, то уничтожат и посылку. От сего письма остаюсь жив и здоров и вам желаю от Господа Бога доброго здоровия. Любящий Вас сын ваш Михаил Гаврил»[1].

В письме военнопленного германского лагеря Кроссен на Одере Андрея Москина тестю Феопенту Ивановичу Калетину от 12 ноября 1917 г. написано: «Здравствуй дорогой тесть Феопент Иванович и дорогая теща Екатерина Николаевна, уведомляю вас, что я, ваш зять Андрей, нахожусь жив и здоров и кланяюсь вам, и желаю вам всего хорошего, еще кланяюсь дорогой кумушке Анастасии с супругом и желаю им всего хорошего. Пропишите дорогой тесть, почему Евдокия обижается, что ей плохо, кто её обижает. Еще кланяюсь свояку Замуському. Затем до свидание»[2].

Сведения о жителях Каргопольского уезда, участвовавших в Первой мировой войне, можно встретить в фондах уездных учреждений, хранящихся в Национальном архиве Республики Карелия. Так, в фонде Петрозаводского уездного по воинской повинности присутствия (Ф. 72.) в протоколе заседания присутствия указано, что 27 ноября 1914 г. был освидетельствован в годности к военной службе, бывший на испытании в Петрозаводской губернской земской больнице крестьянин д. Лисицинской Заднедубровской волости Иван Сергеевич Попов, который был признан годным и отправлен в войска[3]. В фонде Петрозаводского уездного попечительства по призрению семейств нижних воинских чинов, призванных на войну (Ф. 378) имеется фрагмент раздаточной ведомости получения продовольственного пособия семействами нижних воинских чинов запаса по Каргопольскому уезду – Мелентьевской волости (выдана Каргопольским уездным съездом 14 октября 1914 г.). В ведомости значатся семьи жителей д. Куфтыревской Вохтомского общества Латкина Петра Прокопьевича, Латкина Василия Филипповича, Латкина Василия Викуловича, Артемова Михаила Яковлевича, Константинова Тимофея Григорьевича, Латкина Матвея Васильевича, Латкина Ивана Филипповича (семьи получали пособие с 1 сентября 1914 г.). Также указан состав семьи[4].

Сведения об участниках Первой мировой войны могут содержаться в фондах учреждений, организаций, в которых работал военнослужащий до или после войны. Источником может служить и периодическая печать, например, в газете «Олонецкие губернские ведомости» печатались сведения о раненых, убитых и пропавших без вести.

В целом, документы периода Первой мировой войны, хранящиеся в Национальном архиве Республики Карелия, представляют из себя интересный комплекс источников, однако сведения о жителях Каргопольского уезда носят фрагментарный характер, и поиск данных может занять значительное время без гарантии положительного результата.

[1] НА РК. Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. (Переписка о военнопленных). Л. 197-197 об.
[2] НА РК. Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 276-276об.
[3] НА РК. Ф. 72. Оп. 1. Д. 90/15. (Дело об освидетельствовании лиц в годности к военной службе за другие призывные участки). Л. 161.
[4] НА РК. Ф. 378. Оп. 5. Д. 1/2. (Раздаточная ведомость для получения продовольственного пособия семействами нижних воинских чинов). Л. 20-20об.

Приложение

Письма жителей Каргопольского уезда – военнослужащих Русской императорской армии, выявленные в фондах Национального архива Республики Карелия.

Письмо военнопленного германского лагеря Лимбург на / Л. (Limburg a/L.) Ажгибкова Стефана Васильевича жителю Калитинской вол. Ажгибкову Василию Павловичу от 25 ноября 1917 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 56-56 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Ван (Wahn) Ажгибкова Стефана Васильевича жителю Калитинской вол. Ажгибкову Василию Павловичу [не позднее 6 апреля 1916 г.]. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 151-151 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Стралково Богданова Константина родственникам в [Калитинскую волость] от 1[7] февраля 1918 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 196-196 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Ван (Wahn) Владыкина Федора Алексеевича отцу, жителю Калитинской вол., Владыкину Алексею Ивановичу от 19 ноября 1917 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 190-190 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Прейсиш-Голланд Власова Михаила Гавриловича родственникам в Калитинскую волость от 26 декабря 1916 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 197-197 об.)

Письмо военнослужащего 1-го особого пехотного полка Русского экспедиционного корпуса во Франции Власова Петра Васильевича родственникам в д. Лапинскую Калитинской вол. [не ранее 1916 г. - не позднее 1917 г.] (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 211-211 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Мюнстер в Вестфалии (Münster i. W.(Allemagne) Воронова Дмитрия Филиповича отцу, жителю с. Никола Воронову Филипу от 18 ноября 1917 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 277-277 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Senne Другонина Константина Степановича жене, жительнице д. Волкова, Другониной Анне от 20 мая 1917 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 1/15. Л. 232-232 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря г. Тухель Ершова Алексея Степановича отцу, жителю д. Большекондратовская Калитинской вол., Ершову Стефану Васильевичу от 30 августа 1916 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 215-215 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Ламсдорф Зехова Федора Андреевича отцу, жителю д. Быкова Калитинской вол., Зехову Андрею Васильевичу от марта 1918 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 270-270 об.)

Письмо военнопленного австро-венгерского лагеря Клагенфорт Змеева Авдея Васильевича жене, жительнице д. Белая Калитинской вол., Змеевой Евдокии Петровне от 22 октября 1916 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 264-264 об.)

Письмо военнопленного австро-венгерского лагеря Рейхенберг (Reichenberg, Böhmen) Зубова Ивана Леонтьевича жителю д. Кусовская Фатьяновской вол. Дмитрию Андреевичу Буркову. 30 июня 1915 г. (Ф. 1. Оп. 1. Д. 122/26. Л. 36-36 об)

Письма военнопленного австро-венгерского лагеря [Таратал Медич] Карпунина Семена Митрофановича жене, жительнице д. Попова, Карпуниной Анне Никитичне от 7 апреля и 18 мая 1917 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 257-258 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Ван (Wahn) Карпунина Стефана Васильевича отцу, жителю д. Попова, Карпунину Василию от 14 июня 1917 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 266-266 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Hammenstein Колмакова Павла Михайловича отцу, жителю д. Ютьега, Колмакову Михаилу Ефимовичу 29 мая 1916 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 1/15. Л. 206-206 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Salzwedel Корбуева Владимира Степановича жене, жительнице д. Опихановская Троицкой вол., Корбуевой Евдокии Ивановне от 21 сентября 1915 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 378-378 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря г. Шпроттау, Силезия (Sprottau) Купленникова Евдокима жителю д. Ожибоковская Троицкой вол. Купленникову Петру Степановичу [не ранее 13 января – не позднее 13 февраля] 1917 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 1/15. Л. 112-112 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Пухейм (Puchheim) Кустова Ивана Степановича отцу, жителю д. Тимоховская Троицкой вол., Кустову Степану Петровичу от 25 мая 1916 г. Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 1/15. Л. 228-228 об.

Письмо военнопленного германского лагеря Прейсиш-Голланд Марова Петра Григорьевича жителю д. Васьковская Калитинской вол. Никонову Ивану Моисеичу от 12 января 1917 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 267-267 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Шнейдемюль (Schneidemühl) Мелюшина Дмитрия Яковлевича отцу, жителю д. Бучниковская Троицкой вол., Мелюшину Якову Васильевичу от 23 мая 1917 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 1/15. Л. 275-275 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря г. Арис Милюшина Ивана Алексеевича отцу, жителю д. Михалёво Троицкой вол., Милюшину Алексею Михайловичу от [не ранее 4 августа 1914 г. - не позднее 18 июля 1918 г.]. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 1/15. Л. 361-361 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Кроссен на Одере Москина Андрея тестю, жителю д. Нокола Калитинской вол., Калетину Феопенту Ивановичу от 12 ноября 1917 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 276-276 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Bütow Москина Егора Яковлевича отцу, жителю д. Меньшаковская Калитинской вол., Москину Якову Власовичу от 27 марта 1916 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 268-268 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Нейгаммер на Квейсе (Neuhammer a./Qu.) Одинцова Михаила Феодоровича родственникам в Калитинскую волость от 18 февраля 1918 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 213-213 об.)

Письмо военнопленного австро-венгерского лагеря Harth bei Amstetten Попова Марка жене, жительнице Калитинской вол., Поповой Анне Феодоровне от 26 февраля 1917 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 262-262 об.)

Письмо военнопленного австро-венгерского лагеря Kleinmünchen Самойлова Никонора Васильевича брату, жителю д. Кузьмина, Самойлову Якову Васильевичу от 17 июля 1917 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 256-256 об.)

Письмо военнослужащего 1-й бригады Русского экспедиционного корпуса во Франции Сорокина Николая Васильевича родственникам в д. Лапинская Калитинской вол. от 24 июня 1917 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 209-209 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Hameln Стрелина Алексея Михайловича отцу, жителю д. Самкова Кенорецкой вол., Стрелину Михаилу Тимофеевичу от 10 февраля 1918 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 476-476 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Солтау (Soltau) Тараканова Димитрия Ивановича отцу, жителю с. Ковжа Калитинской вол., Тараканову Ивану Гер. от 22 октября 1917 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 272-272 об.)

Письмо военнопленного германского лагеря Шнейдемюль (Schneidemühl) Турышова Ефима Ивановича отцу, жителю д. Быкова Калитинской вол., Турышову Ивану Петровичу от 6 ноября 1917 г. (Ф. Р-797. Оп. 3. Д. 2/17. Л. 274-274 об.)

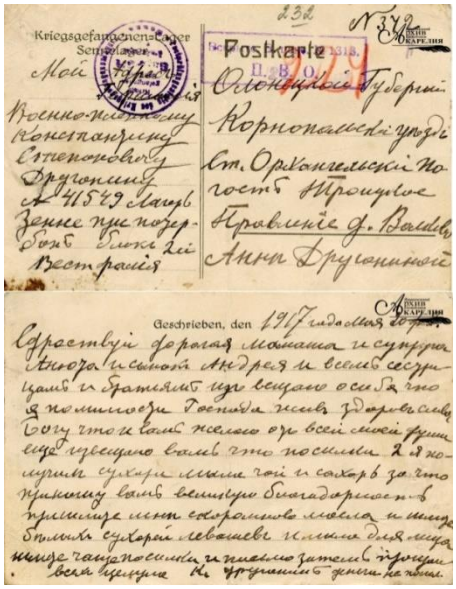
Илл. 1. Объедков Сергей Иванович, унтер-офицер. 1909 г.
С.И. Объедков, 1887 г.р., сын купца г. Тавастгус (Великое княжество Финляндское), в 1907 г. принят на военную службу на правах вольноопределяющихся охотников, в 1909 г. уволен в запас, затем служил в Ковенской губернской тюремной инспекции,
29 мая 1912 г. назначен помощником пристава г. Петрозаводска, 23 июля 1912 г. назначен начальником Каргопольской тюрьмы, в июле 1914 г. призван на военную службу, попал в плен, находился в австро-венгерском лагере Рейхенберг.

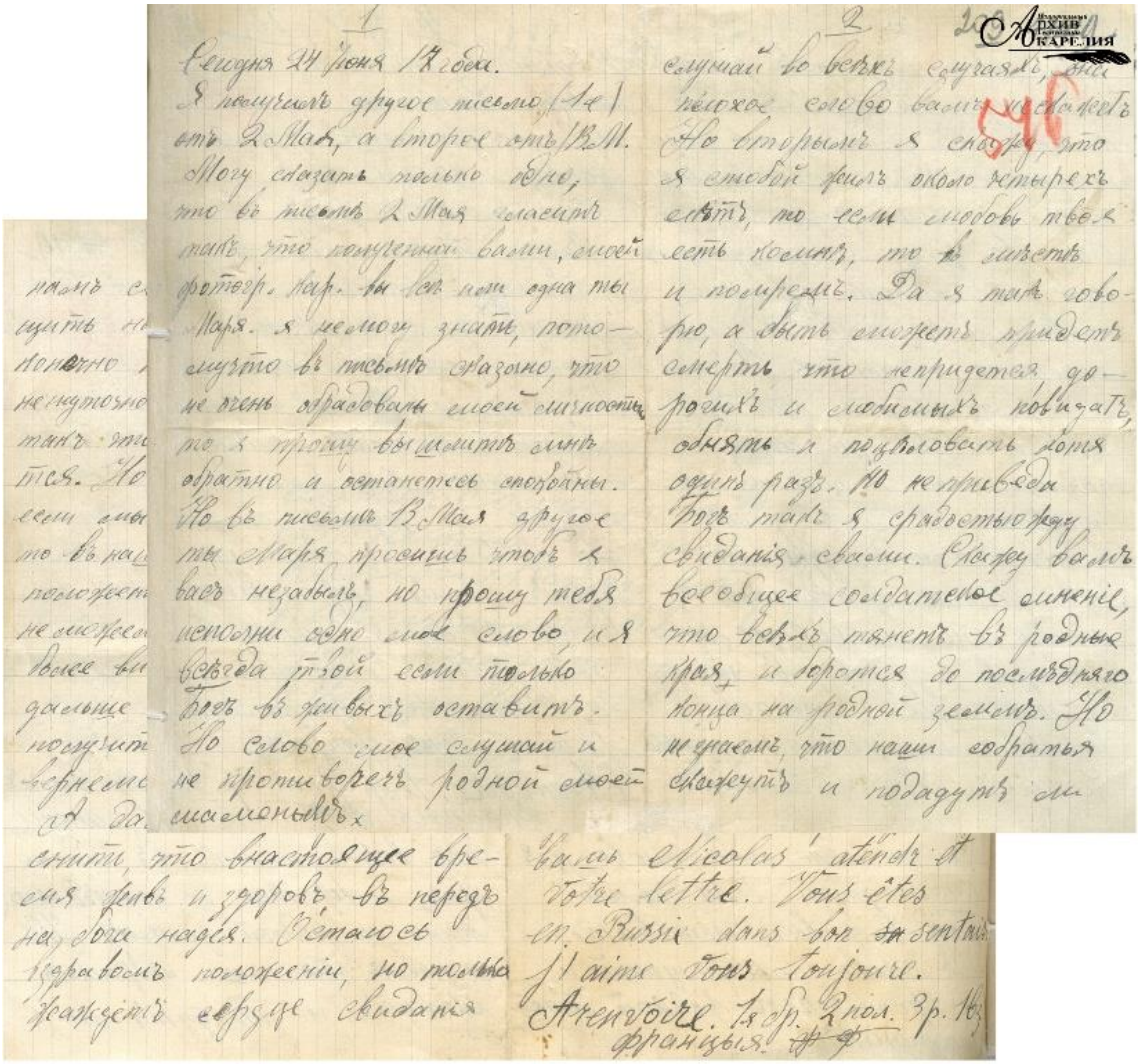
Илл. 2. Георгиевская медаль IV степени № 30122, пожалованная за боевые отличия старшему унтер-офицеру И.В. Зубову.

Илл. 3. Письмо военнопленного австро-венгерского лагеря Рейхенберг И.Л. Зубова Д.А. Буркову. 30 июня 1915 г.

Илл. 4. Письмо военнопленного германского лагеря Senne К.С.Другонина жене. 20 мая 1917 г.

Илл. 5. Письмо военнослужащего 1-й бригады Русского экспедиционного корпуса во Франции Н.В. Сорокина родственникам. 24 июня 1917 г.

Н.И. Решетников (г. Москва)

Первая мировая война в письмах и дневниках крестьян Русского Севера

100-летие начала Первой мировой войны отмечал весь мир в 2014 году. 100-летие её окончания будет праздноваться в 2018 году. В связи с этими юбилейными датами проводится множество различных мероприятий, снимаются кинофильмы, восстанавливаются памятники и братские захоронения. Появляются и различные публикации, как художественные, так и документальные[1].

Однако среди многочисленных публикаций и научных исследований практически не уделяется внимания самому многочисленному классу России – крестьянству. А ведь именно крестьяне кормили страну и армию. И солдатская масса также состояла из крестьян. Мы теперь много знаем о боевых действиях, революционных событиях, генералах и офицерах, георгиевских кавалерах и их подвигах. Но что мы знаем о жизни крестьян в эти суровые годы? Каково было их восприятие этой войны? Как они сопереживали происходящим событиям? Как оценивали всё, что происходило в стране, селе, семейной жизни? Как относились к глобальным переменам в обществе? Как влияли эти перемены на их крестьянскую жизнь?

Эти и масса других вопросов крестьянской жизни остаётся за рамками интереса как исследователей, так и специалистов музейного дела.

Попытаемся мысленно войти в мир крестьянской жизни в переломные годы истории. Откроем крестьянские фронтовые письма и дневники. В их эпистолярном наследии, неприкрытая правда жизни. Правда, не подвергнутая цензуре. Правда, исходящая от прямого сопереживания с внешним миром. Правда, которую можно назвать истинной, ибо авторы писали не для публикации, не по заказу, а по зову души. Что думали, то и писали. В этом и проявляется их достоверность.

О том, как воспринимал крестьянский мир войну, мы узнаём от них самих. И это восприятие, крестьянская оценка характера войны расходятся с мнением так называемого общественного или, точнее скажем, официально признанного, мнения. Современные публицисты обвиняют отечественных публицистов прошлого в том, что в советской историографии война характеризовалась односторонне как империалистическая захватническая. На самом деле, утверждают современные идеологи, война была Второй Отечественной (после Отечественной войны 1812 года) и Великой.

Так ли это? С одной стороны, да. Именно так. И это подтверждается документами, публикациями в печати того времени. Печатались и грамоты, которыми награждались за заслуги в ходе Отечественной войны. И добровольческое движение было. Не только женщины из благородных семей, в том числе княжеских, служили добровольно санитарками в госпиталях. Но таковых были десятки. И о них написаны очерки, книги, отсняты кинофильмы. А добровольцев из крестьянской среды были десятки тысяч. О них практически нет никакой информации, не говоря уже о научных монографиях, научно-популярных книгах и кинофильмах. Может проскользнуть лишь косвенная информация о деревенских жителях. В описаниях героических подвигов солдат тоже говорится лишь об этих самых подвигах, но не о крестьянском происхождении героев и их крестьянском мировоззрении.

Но если посмотреть на проблему с другой стороны, а именно со стороны основной массы населения России – крестьян, то получается иная картина. Не будем интерпретировать их мнение. Предоставим им слово. Они рассказывают о своём житье-бытье в годы войны. Рассказывают не для печати, не для журналистов, а для самих себя.

С этой целью обратимся к крестьянским дневникам и фронтовым письмам. Это дневник тотемского крестьянина А. Замараева[2] (из-под Тотьмы ныне Вологодской области) и фронтовые письма солдат, призванных на позиции из Тотемского уезда. Их авторы И.А. Борисовский,

---

[1] Например, см. издание Государственного исторического музея: Первая мировая война. Исследования. Документы. М., 2014. 320 с., ил.

[2] ТМО. 34454/1-13 Дневниковые записи А. Замараева // Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги / Отв. сост. А.А. Амосов. Вологда, 1982. ТКМ. № 34-47. С. 105-104. Опубликовано: Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1904-1922 годы / Публ., предисл. и коммент.: В.В. Морозов, Н.И. Решетников. М., 1995; То же // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997.

В.А. Зародов, И.А. Кондаков, П.Е. Лунёв, П.П. Марков, А.В. Попов, В.А. Серанов, М.А. Тютиков, В.В. Чекалёв[1].

Во всех этих свидетельствах нет ни одного упоминания об Отечественной или Великой войне. Патриотические настроения крестьян ощущаются, это бесспорно. Но война воспринимается как тяжёлая, ужасная, кровавая, кровопролитная, жестокая, нескончаемая.

Вчитываясь в крестьянские дневники и письма с фронта, начинаешь понимать, сколь противоречиво было восприятие той мировой войны. Для одних - она была империалистическая, захватническая, и они стремились превратить её в войну гражданскую, обернуть солдатские штыки против самодержавия. Для других - война была Отечественной, и Отечество нужно было защищать до победного конца. Для третьих – война жестокая, разорительная, приносящая горе и беду, разорение и разруху, разложение нравственности и морали. Для - четвёртых это была просто война с Германией. В сибирских семьях ещё в 1950-х годах называли её Германской. Когда вспоминали ту войну, рассматривая дореволюционные фронтовые фотографии её участников, говорили: «Ушёл на Германскую», «Пришёл с Германской», «Ранен на Германской», «Это было ещё в Германскую» и т.д.

Если рассматривать объективно, то это была Первая мировая война – и для России, и для других стран. Все остальные названия – это лишь её характеристики различных социальных групп, зависящие от идеологических установок.

Итак, что же пишут крестьяне Русского Севера о войне? Предоставим им слово.

Замараев Александр Александрович, крестьянин-середняк одной из подгородных волостей Тотемского уезда. Его дневниковые записи представляют собой 12 тетрадок без переплёта с гражданской скорописью чернилами и карандашом[2].

Вот некоторые записи за 1914 год:

"18 утром (июля - Н.Р.), в пятницу, как громом ударило всех вестью о мобилизации всего запаса сил, начиная с 1897 г., т.е. за 17 лет, всех без исключения, кроме матросов. Предвидится война с коварной Австрией. Черт бы ее побрал, эту лоскутную империю. В разгаре самого сенокоса утром увели с пожней всех солдат».

Из других записей. «25-го утром уехал в город с подводой. Действительно, народу на лошадях полон город. Принимают и осматривают лошадей и хорошие экипажи. С уезда надо взять 800 лошадей. Цена лошади 100руб. и 150 и 175. В тот день отправили больше 300 человек на пароходе и очень много на лошадях. Мы уехали в три часа вечера. К нам привязали по три лошади, положили по мешку овса и по одному солдату посадили. Страсть что и делается. По всем площадям и улицам солдаты и лошади. Такого сбора еще не помню. Верно, что большая война. Кажется, вся Европа сошла с ума, и лезут друг на друга».

«Кажется, настало великое переселение народов. Сегодня везли ратников из Вельска. И конца-краю нет. Кажется, 950 человек. Сюда, в город, привезли много немцев, 200 человек мирных жителей, проживающих в России. Есть уже с войны, приходят раненые, которые ушли месяц тому назад из запаса».

«Ну уж и война тяжела. Страшное напряжение. Получено, насколько верно, известие, что здешние запасные есть убиты. Сколько крови, сколько слез принес проклятый Гогенцоллерн Вильгельм».

«Сегодня унес помазейную рубашку для отсылки вместе с другими вещами в армию».

«Завтра сбор ратников с трех годов. Когда будет и конец этим мобилизациям. Вот опять слез-то».

Среди прочих запись от 25 декабря 1914 г.: "Нынче молебен после обедни служили не такой, как раньше служили об избавлении России от нашествия французов, а нынче о даровании

С. 247-517.

[1] ТКМ. НА 73.Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 5. Документы советского периода / Отв. сост. Н.И. Решетников. Вологда, 1984. С. 118.

[2] ТМО. 36454/1-13. См. также: Дневниковые записи А. Замараева // Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги / Отв. сост. А.А. Амосов. Вологда, 1982. ТКМ. № 36-47. С. 105-106. Опубликовано: Дневник тотемского крестьянина А.А. Замараева. 1906-1922 годы / Публ., предисл. и коммент.: В.В. Морозов, Н.И. Решетников. М., 1995; То же // Тотьма. Краеведческий альманах. Вып. 2. Вологда: Русь, 1997. С. 247-517.; Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 1. Рукописные книги / Отв. сост. А.А. Амосов. Вологда, 1982. С. 105-106 (№ 36-47).

победы союзным народам над Германией". И, наконец, итог за 1914 г.: "Этот год не будет помянут добром во всех отношениях... для всей России тревога, с 1 июля разразилась эта ужасная война, так что почти все мужское население было встревожено, а именно спросили сразу всех запасных солдат с 17 лет. Потом мобилизация ратников и набор лошадей. Затем в августе взяли опять небольшую партию ратников, а в октябре набор новобранцев и лошадей, в канун ноября - опять ратников с 909, 908 и часть с 907 г. Затем в конце декабря опять распоряжение собрать ратников к 3 января с шести годов, начиная с 902 и 907 г. Война, по-видимому, продлится долго, так как союзники твердо решили довести дело, до конца, несмотря ни на какие жертвы, и уничтожить совсем германское могущество, которое давило в последние годы всю Европу. Пусть бы мечты союзных держав осуществились в скором времени, и наступающий новый 1915 г. принес всему миру счастье и спокойную жизнь, и осушил бы слезы, всех разоренных и осиротевших от этой ужасной войны".

Записи событий, связанных с войной, ведутся постоянно до её окончания, включая 1918 г. Много неласковых слов он пишет в адрес неприятеля. К примеру: "На всех фронтах идут тяжелые бои. Но, кажется, конец Германии и Австрии недалек. Сегодня видел во сне, как наказывали Вильгельма. Его жгли на горячих углях" (19.05.1915).

8 марта появляется первая оценка февральских событий 1917 года: "Романов Николай и его семья низложены, находятся все под арестом и получают все продукты наравне с другими по карточкам. Действительно, оне нисколько не заботились о благе своего народа, и терпение народа лопнуло. Оне довели свое государство до голоду и темноты. Что делалось у них во дворце. Это ужас и срам! Управлял государством не Николай II, а пьяница Распутин. Сменены и уволены с должностей все князья, в том числе главнокомандующий Николай Николаевич. Везде во всех городах новое управление, старой полиции нет".

В октябре появляется тревожная запись: "26 октября в Петрограде было выступление большевиков. Часть Временного правительства арестована и находится в крепости, а Керенский с фронта идет на усмирение советов и большевиков. Чья возьмет - не известно. Жалко бедной России, вся истерзана, разорена. Кругом смута и анархия. Твердой власти нет. Никто ничего не слушает, и никто никому не подчиняется".

Далее все записи безотрадные. 7 ноября: "В Петрограде опять неспокойно. Большевики сгубили все дело. Телеграмм и газет нет. Кажется и Учредительное собрание, назначенное на 28 ноября, в срок не соберется. Везде бунты и голод".

С грустью подводит А. А. Замараев итоги 1917 г.: "Старый год кончается погромами и междоусобной войной. Мир с немцами окончательно еще не заключен. Учредительного собрания нет. Везде смятение и голод, и гражданская война. Дело плохо. Горожане запуганы. Власти твердой и суда нет. Большая часть населения хочет, чтобы власть была одна - Учредительное собрание, а большевикам надо, чтобы управляли советы и народные комиссары. Но этой последней власти никто не желает и не доверяет".

Скорбь и огорчение слышатся в итоговой записи за 1918 г.: "В этом году много неурядицы, большой голод и полная разруха во всем. Большой торговли нет. Купцы все нарушены в городах, а в деревнях у крестьян отобрали хлеб и скот, и взыскана контрибуция. К весне надо ожидать больше голода, хотя этот страшной непрошенный гость давно уже свирепствует сильно в больших городах, также и у нас. В Тотьме дают только по 15 фунтов в месяц на человека, а скоро, говорят, будут давать печеным хлебом по одной четверти фунта на едока в сутки. Ну и жизнь. Зато много советских служащих. Вали, ребята. Сегодня ночью уже молебна не будет. Что-то будет через год, да и доживем ли еще. Бог знает".

Таковы мысли о войне крестьянина А. А. Замараева. Как отзываются о войне другие крестьяне, можно прочитать в опубликованных мемуарах[1], в т. ч воспоминаниях М.П. Попова рукопись которого хранится в фондах Тотемского музея[2] и в письмах с фронта.

---

[1] Мильчик М.И. Предисловие // На разломе жизни. Дневник Ивана Глотова, пежемского крестьянина Вельского района Архангельской области. 1915-1931 годы. М., 1997; Волкова Т.Ф, Филиппова В.В. Предисловие // «Дневные записки» усть-куломского крестьянина И.С. Рассыхаева (1902-1953) / Вступ. статья и подгот. текста Т.Ф. Волковой и В.В. Филипповой; пер. В.В. Филипповой; ком. В.А. Семенов. М., 1997.

[2] ТКМ. НА 84. См. также: Памятники письменности в музеях Вологодской области: Каталог-путеводитель. Ч. 5. Документы советского периода / Отв. сост. Н.И. Решетников. Вологда, 1984. С. 118.

Письма фронтовиков Первой мировой войны является уникальной коллекцией[1]. Уникальность её не только в том, что она единственная, в музеях Вологодской области таких коллекций нет, но и в способе фиксации информации: письма скопированы в 1916 году учеником Тотемской учительской семинарии Н. Юдиным. Возможно, это было сделано по заданию Тотемского краеведческого общества. Письма аккуратно переписаны в тетради в количестве 36 единиц[2].

Борисовский Иван Арсентьевич. Когда началась война, он служил вначале в 8 роте 209 Богородского полка. Первого августа полк дислоцировался в Москве, а уже 17 августа полк с боями подошёл к городу Ковно. Сохранились копии пяти его писем. В одном из писем он пишет:

«1914 года 1 августа. Здравствуй, дорогая моя жена Лизавета Васильевна и дочка Павла. Шлю я тебе всенижайшее почтение и с любовью низкий поклон и желаю быть здоровой. Затем всем своим родным низко кланяюсь, а всем особенно писал я в письме, которое посылал 30 июля. Затем уведомляю я вас Лизавета в том, что я посылаю свои вещи тебе, рубашку, почтаники и сапоги, как приходится здесь мотать не за что, за сапоги, если продавать, то рубля полтора, больше не взять, а нам все выдали казенное, а свое я так расположил, что после сгодится, потому что предполагаем, что скоро вернемся домой, хотя если куда и угонят из Москвы, но все – таки думаем, что не придется вступать в бой. Затем прошу вас Лизавета Васильевна, когда если будете посылать мне письма, то опиши подробнее, как управляла сенокос, пахала пашню и жала жниву, продала или нет корову. Все это мне опиши пожалуйста мне очень хочется узнать. Каждый день мы по десят раз поговорим про вас и про работу рады бы мы помочь вам да очень далеко не как не возможно. Затем посылаю я тебе Лизавета Васильевна две карточки. Захотели сняться конечно ето нечего не ясно увидимся или нет но я думаю что скоро домой приеду так как у меня заболела нога и наверно определят на комисью. Мы захотели сняться Петрушенок Иван и Николай Маришенок мы с ним пьем чай и все вместе. Затем и досвиданья. Остаюсь пока жив и здоров. Хотел послать и пенжак да много денег требуется, а их у меня мало. Разберите по две карточки на память. Адрес мой г. Москва 209 богородский полк в 8 роту Ивану Борисовскому»[3].

Зародов Виталий Александрович. Сохранилось два письма с фронта, когда его воинская часть находилась на Днестре. 3 сентября 1914 г. он пишет:

«Здравствуйте дорогой мой родитель, папаша Александр Иванович от сына вашего Виталья Александровича и шлю я вам свое сыновское почтение и сердечной поклон и прошу я вашего заочного родительского благословенья и ниско кланяюсь дорогому брату с супругой и божаткеМарииИановне и желаю я вам всего хорошаго. Уведомляю я вас, что я сейчас нахожусь в старом здравии, хотя был в бою. Но нам Господь помог победить врага и остались все живы и здоровы, и было сначала страшно, как начался бой, но потом привыкли, так стало интересно смотреть, как летит снаряд и разрывается, и рвались снаряды перед нами и за нам – нас Господь Бог спас и тепере мы каждый день на разном месте, и в бой не знаю когда пойдем, и больше писать нечего. Затем досвиданья. Известный вам сын ваш Виталий Алек. Зародов. Дорогой тятя передайте письмо, когда прочитаете, моей жене Александре Алек».

Марков Павел Павлович служил в артиллерийских частях. В своих письмах представляет себя как караульный начальник ферверкер 23-й непобедимой бригады. С боями он прошёл Польшу, воевал на Австрийском фронте. За боевые заслуги награждён Георгиевским крестом и медалью. Сохранились его письма с 5 ноября 1914 года по 6 июня 1916 года. Одно из его 8 писем.

«1914 года ноября 8 дня. Здравия желаю дорогие родители тятя и мама и прошу заочно родительскаго благословенья, которое может служить во всю царскую службу. Еще кланяюсь дорогим братьям Василию Павловичу, Николаю Павловичу и Александру Павловичу и всем душевно кланяюсь. Спешу уведомить вас дорогие родители и братья в том, что живу пока хорошо. Под город Краков прибыли 5 ноября, до фортов осталось только тридцать верст, а до самой крепости 16 верст. Нередко за 13 верст снаряды прилетают и такие ямки вырывают, что всадник может скрыться, а если человека заденет, то и костей не оберешь. Вот пишу вам про 7 ноября. В четверг 7 ноября было туманное утро и летел первый снежок, все было мертво, только

[1] ТКМ. НА 73. ТМО. НА 73/А-В. См. также: Памятники письменности… С. 118.
[2] Объём статьи не позволяет их опубликовать полностью, поэтому приводятся выборочно для примера.
[3] Здесь и далее в письмах соблюдается написание оригинала.

слышны были отдаленные выстрелы передовых цепей. Нам нужно было обстрелять лес, находящийся около двух верст от нас, и изменили фронт и открыли огонь по ближней опушке леса и не успели выпустить и двух очередей, как вдруг из-за этого же леса зажурчали неприятельские шрапнели, то есть пушечные снаряды и стали рваться над нашей батареей, но мы продолжали стрелять, но в конце концов нам пришлось стрельбу прекратить, потому что неприятель пулями, как горохом, осыпал всю батарею и пришлось укрыться в ровиках. Ящик стоял сзади батареи и был простелен снарядами за которым находились три телефониста. Их всех трех ранило и старший офицер их благородие штабс капитан Козерский был тут же, остался невредим. А бомбардировка нашей батареи продолжалась, ежеминутно лопали шрапнели и пули осыпали наши ровики, как бобов горох валился к нашим ногам. Избили все орудийные щиты, истреляли все ранцы, находящиеся на зарядных ящиках и порвали в них белье, и через два часа неприятельские снаряды стихли и люди из ровиков повылезали и стали танцовать от холода около своих орудий и несчастный австриец заметил, что мы шевелимся и снова начал стрелять и пробил щит и спортил понырамной ящик у 7 орудия и вторично ранил телефониста и пробил ему щеку. К часу дня все это утихло и мы ушли в избы, которые находились недалеко от позиций. Потом до самого вечера только слышались одиночные выстрелы и шрапнели рвались около тех домиков, где мы сидели и один снаряд прилетел к нам на бивак и убил пять лошадей и одного солдата ранил в ногу, который был немедленно отправлен в госпиталь. Еще прошу вас опишите, что новенькое есть и как заговенье проводили. Вася опиши, имеешь ли тальянку и куда больше гулять ходишь. У меня хотя ежеминутно смерть на трудовом кресту, но все таки пока жив, хочу знать про твою гулянку и прошу вас писать. Еще прощайте все леса и горы, луга и болота, все родные и знакомые, наверно мне из-под Кракова не вернуться, потому что ужасное наше положение здесь. Караульный начальник ферверкер Марков».

Кондаков Илья Андреевич по призыву в армию служил первоначально в 11 роте 2010 запасного пехотный батальон. Подготовка к участию в боевых действиях проходила в Ярославле. 20 сентября 1915 г. он находился на фронте под Двинском. В одном из семи писем он пишет:

«1915 года сентября 20 дня. Письмо на родину милым и дорогим родителям Андрею Ильичу и маменке Надежде Васильевне и дорогой супруге Надежде Анеподистовне и дорогим детям Анеподисту и Василью и брату Александру Андреевичу и сестрице Надежде Андреевне и прошу я у вас заочного родительскаго благословенья, которое может существовать на всю царскую службу. А я отправился из Ярославля 15 сент. 5 суток ехали на машине, приехали 20 сент. В городе Двинске. 21 выступим в бой. Неприятель стоит от нас 20 верст. Со мной знакомых Михаил Тютиков и Вячеслав Евсеевич Кандаков и Федор Анефанович, Анеподист Жуков, с Пайсова и с осипихи Анатолий Лунев и с Бирякова Алексан Жуков, с Савкина домовик. А зводной у нас из Митрополья Иван Петухов, аодленый Федор Линко и еще кланяюсь тестю Анеподисту Ивановичу и маменьке Фелицате Васильевне, Василью Анеподистовичу и Настасье Ивановне и Александре Васильевне и всем вопще по низкому поклону. И я ваше письмо получил, которое вы писали 10 сентября и так слезы брызнули из глаз и затем досвиданья дорогие родители тятя и мама и дорогая жена милая Надежда и досвиданья дети дорогие и милы и братец. Живите с Богом. Я поступаю в бой. Жив буду или нет Господь знает. /Адрес/… А мы получили все снаряженье новую винтовку. 125 патронов. Остаюсь от позиции четыре версты. Пишите письмо мне пожалуйста скорее. Слышим стук и грохот пушек, нечево неслышно впроход стук и стук, то и смотри, что скоро пуля в лоб. Затем досвиданья дорогая супруга и милая Надежда Анеподистовна. Остаюсь жыв и здоров и вам того желаю. О Господи. Илья Андреев Кондаков».

Лунев Павел Егорович (сохранилось 3 письма) служил в 9 роте 209 пехотного Богородского полка, участвовал в позиционных боях под Ковно после наступления германских войск в ноябре 1914 г.

Здравствуйте любезный брат Александр Егорович и супругой вашей Павлой Васильевной, деткам Ольгой Александровной и посылаю всенижайшее почтение с любовью по нискому поклону Александру Егоровичу и Павле Васильевне и дочке Ольге во вторых посылаю всенижайшее почтение и с любовью ниской поклон жене моей Александре Александровне и желаю тебе Шура всего хорошаго тестю Александру Ивановичу ниский поклон и желаю всего хорошаго писем не получал. Затем всем родным и знакомым суседям и суседкам по нискому поклону во вторых прошу любезный брат Александр Егорович послать не отказать денежек по

силе возможности так как мое критическое положение взять мне денег негде а купить чтобы непотребовалось то отдать надо тройную стоимость. Но в крайнем случае хотя рублика три и прошу неотказать послать по братски так то я совершенно обеднял и не имею ни одной копейки за исключением вшей на – грош около опушки мы находимся теперь в крепости Ковне а до етого времени были в германии прямо около 150 верст нас оттуда выжили и отступили всего около 300в. прошли пешью полдня деремся да полсуток удираем ввиду того что наша сила совершенно внесколько раз менее и по случаю этого пришлось нам отступать а теперь пока неприятель 60верст от нас и ждем каждый час досвиданья Адрес Действующая армия 209 пехот. Богородский Полк 9 роту».

Попов Анемподист Васильевич первое из трёх писем прислал из Минска 12 сентября 1915 г. Прошёл с боями при отступлении от Брест-Литовска. В 1916 г. находился под Луцком на Австрийском фронте.

«2 августа. Любезныя и неоценныя родители тятя и мама, Володя, Анюта. Живу пока хорошо а в перед Бог сейчас жду я на свою Преображенскую гостя хорошаго немчуру не иначе придет на кануне Спасовской, я так располагаю и прогостит с праздника весь покудова не проводим его своим вином не напоим. Сейчас время такое настает вот вышли мы и на охрану своего форта на свою называемой батареей упорной и мы там расположились ночевать как все равно в тесной и хорошой истопке и выбелено, печь белая хорошая а тесно спать и безпокойно, немца ждем каждый день, даже каждый час, аэропланы каждый день летают вот вчера т. е. 1 августа мы уже встали в землянке утром первый раз стали заниматься и появились 5 аэропланов и начали бомбы опускать мы все ученье прекратили а з других фортов обстреливали из пушек, пулеметов три часа. Немецкий ероплан опустил много бомб две упали на станцию от нас недалеко с ½ версты поврежденья сделал мало и народу прибили мало, а остальныя неизвесно зделали или нет какое повреждение. Выдали всю амуницию брюки рубашку гимнастерку, шинель котомку, бутылку в котомке для воды сейчас занятья реже все работаем снаряды возим по орудиям и укрепляемся. Германец уже 25 верст вечером как когда бывают пожары у нас да заревы у нас так всегда пожар. Письмо начато было писать 31 июля, а окончить пришлось 2августа, писал из трою. Передайте поклоны всем родным и знакомым писать особых писем некогда время свободного ни одной минуты нет. Досвиданья. Пошел на работу в 5 ч. вечера».

Серанов Василий Александрович (6 писем)по призыву в армию находился в Ярославле, где служил в 1 роте 211 запасного батальона. 23 ноября 1915 г. был отправлен на фронт.

«1915 года 13 октября. Здравствуйте дорогие мои родители тятя и мама посылаю я свое нижайшее почтение с любовью низкий поклон и прошу у вас родительского благословенья, которое может существовать по гроб моей жизни. Еще посылаю я …. /поклоны/ … еще уведомляю, мои родители, житье стало не очень хорошее стали хватать холоду и голоду и денги стали выходить все, а без денег жить здесь совсем нельзя потому что хлеба дают совсем мало. Принесут 12 караваев на звод и если кто озевает, так и так сидит без хлеба целый день, и чаю сахару выдавали 2 раз. Один раз выдавали 12 кусков, а другой 7 кусков, а пьем три раза на день и карточки еще не вышли, выйдут дня через три. Нас гоняли в баню уже три раз и за баню по семь копеек за номер. На кажную штуку надо деньги – на ваксу на щетку. Если сапоги нечищеные, то ставят под ружье. Пошлите пожалуйста поскоряе денег. Я слышал что Мити сельскова приезжала сюда и дяде Михайлу Асикритовичу привезли денег, а вы и письма мне не послали и просите – пиши письма чаще, а на письмо надо деньги две копейки, а от вас получил только два письма. Пишите сами чаще погуда не угонили на позицию».

Тютиков Михаил Алексеевич проходил подготовку к боевым действиям в Ярославле, а потом был направлен на позиции под город Двинск.

«1915 года сентября 15 дня. Во первых строках моего письма посылаю Тяте всенижайшее почтенье и с любовью ниско кланяюсь. Еще также и маме посылаю всенижайшее почтенье и с любовью ниско кланяюсь. Еще также и Батькю посылаю всенижайшее почтенье и ниско кланяюсь с любовью. Еще также брате Евгенью и с женой вашей Александрой Вас.посылаю всенижайшее почтенье и с любовью ниско кланяюсь. Еще также посылаю Василью Александровичу всенижайшее почтенье и с любовью ниско кланяюсь. Еще также посылаю Хреснику Николаю всенижайшее почтенье и с любовью ниско кланяюсь и посылаю крестное Благословение которое может существовать по гроб твоей жизни. Еще также кланяюсь своему Дяде Алексею Вас. И всему вашему дому посылаю всенижайшее почтенье и с любовью ниско

кланяюсь. Еще также кланяюсь своему тястю Василью Никифоровичу и всему вашему дому посылаю всенижайшее почтенье и с любовью ниско кланяюсь. Я домой послал посылку сентября 11 дня. Послал пенжак полотенцо лошку две пары портянок в мешочке, тут перевязано ремнем Черемхоскаго Иринея Подшивалова. Я было хотел послать платок да не мог купить собраться. Я от вас получил пять писем всего 12 сентября. Мы сегодня уезжаем из Ярославля на позиции. Мы выпили немного, спирту нашли - землячек угостил. Я иду на позицию с радости, не знаю, что и будет».

Чекалев Василий Васильевич (4 письма) служил в действующей армии на Австрийском фронте в 15 стрелковом полку 4 стрелковой бригады.

«1915 года марта 16 дня. Здравствуйте дорогие мои родные. Во первых дорогая моя мама Павла Васильевна посылаю я тебе мама всенижайшее сыновнее почтение и с любовью ниский поклон и прошу я у тебя мама родительского благословенья, которое может существовать погроб моей жизни еще многоуважаемой жене Александре Александровне с любезнейшим и дорогим моим детям Василью и Ольге Васильевичам всенижайшее почтенье и с любовью ниский поклон и даю я вам дети родительское благословенье которое может существовать погроб вашей жизни… Затем уведомляю я вас мои родные что мы находимся в городе Львове Австрийском и перешли в другия казармы и ходили в баню, за баню отдали 15 коп., и принесли уже нам винтовки и патроны, мы шли от своей границы 22 версты пешком и видели могилы своих братьев, кормят нас здесь очень хорошо, не тужите обо мне а молитесь Господу Богу и Пресвятой Богородице может Господь и не оставит может Господь приведет и домой побывать. На все Господня воля. Теперь прощайте не знаю получу или нет от вас письмо».

Таковы известия с поля брани Первой мировой войны. Такова крестьянская жизнь того времени. Письма, дневники крестьян дают нам яркое представление о суровой правде жизни в годы Первой мировой войны. Война – тяжкое испытание как для солдат-фронтовиков, так и для крестьян, испытывающих на себе все тяготы войны. Они не воспринимают войну ни Великой, ни Отечественной, ни империалистической-захватнической. Для них она тяжёлая и ужасная.

А.К. Галкин (г. Санкт-Петербург)

«…мы и черного борова посвятим в архиереи»
К начальной истории Каргопольского викариатства Олонецкой епархии

В течение столетий Каргополь входил в состав Новгородской епархии (с 1589 г. – митрополии). На Большом Московском Соборе 1667 г. было предположено открыть 20 новых епископий, в т. ч. в Каргополе. Однако проект остался без осуществления[1]. На Севере была открыта только Холмогорская и Архангельская епархия (1682).

В 1764-1787 гг. в Новгородской епархии существовало Олонецко-Каргопольское викариатство. Викарные епископы имели резиденцию в Троицком отделении Александро-Свирского монастыря[2] – на самой окраине викариатства, в его юго-западном углу, вблизи города Олонца. Известно, что 24 января 1783 г. предпоследний из викариев, епископ Виктор (Онисимов), «отправился для посещения епархии» в г. Каргополь[3]. После преобразования викариатства в Старорусское (с пребыванием епископа в Хутынском монастыре под Новгородом) Каргополь в церковном отношении управлялся из Архангельска, а со времен Павла I вновь из Новгорода. При этом город с 1802 г. административно относился к Олонецкой губернии с центром в Петрозаводске. В 1828 г. в границах губернии была учреждена самостоятельная епархия – Олонецкая и Петрозаводская.

Каргополь – древнейший город епархии – посещали многие Олонецкие архиереи, начиная с «первопрестольника», Игнатия (Семёнова). Архиепископ Аркадий (Фёдоров) был от него в восторге: «Сколько благочестия в Каргополе! Нет в нашей епархии подобного ему города!» – писал он в 1864 году[4]. В 1809 г. город становится заметным учебным центром: основанное в нём духовное училище давало начальное образование сыновьям духовенства трёх восточных уездов губернии[5]. В 1898 г. в 78 км к востоку от Каргополя прошла железная дорога, и он стал самым легкодоступным из городов Олонии.

В начале XX века, вслед за изданием 17 апреля 1905 г. указа об укреплении начал веротерпимости, освободившего «расколо-сектантство» от полицейских ограничений, в России произошёл быстрый рост количества викарных епископов. «Для оживления религиозно-нравственной жизни» духовенство Олонецкой епархии на съезде 25 января 1906 г. просило епископа Мисаила (Крылова) возбудить ходатайство об открытии викариатства в Каргополе. Епископ постановил: «Решение вопроса /…/ отложить до следующего епархиального съезда духовенства»[6]. Ровно через год в с. Видлица Олонецкого уезда состоялся съезд представителей Олонецкой и Финляндской епархий. На нём обсуждались меры борьбы с новой опасностью – панфинской и лютеранской экспансией, в какой-то мере угрожавшей целостности Российской империи. Секретарь Олонецкой духовной консистории П.П. Сребрянский рисовал на съезде ближайшее будущее своей епархии в самом радужном виде – как Архиепископии с двумя викариатствами, Каргопольским и Карельским и Салминским – для многосложной борьбы «со старообрядцами и панфинсколютеранскою пропагандою»[7]. Но и этот проект не осуществился, а его автор в марте 1908 г. был переведён на Урал.

На передний край противостояния «панфинско-лютеранскому нашествию» на время вышла Архангельская епархия. 3 июля 1910 г. в ней было учреждено Кемское викариатство. Основной его целью ставилась поддержка приходов Архангельской Карелии, и в центре последней – при

---

[1] Н.Л. Иерархия Олонецкой епархии. (По поводу 75-летия этой епархии и 200-летия города Петрозаводска) // Церковные ведомости. 1903, № 21. Прибавления. С. 796.

[2] Об этом см.: Галкин А.К. Александро-Свирский монастырь как резиденция викарных епископов и центр духовного образования // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. Вып. 34. 2006. С. 11-15.

[3] Здравомыслов К.Я. Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени. Краткие биографические очерки. Новгород, 1897. С. 115.

[4] Материалы для биографии Аркадия, архиепископа Олонецкого и Петрозаводского. Письма преосвященного Аркадия к разным лицам // Христианское чтение. 1890. Сентябрь-октябрь. С. 398.

[5] Подробнее см.: Галкин А.К. Каргопольское духовное училище // Уездные города России: историко-культурные процессы и современные тенденции. Материалы X Каргопольской научной конференции. Каргополь, 2009. С. 67-78.

[6] Журналы XVI Обще-епархиального съезда духовенства Олонецкой епархии // Олонецкие епархиальные ведомости [ОЕВ]. 1907, № 13. Приложение. С. 49.

[7] С-кий. Видлицкий пастырско-миссионерский съезд // Олонецкие губернские ведомости. 1907, № 178. С. 2.

приходской церкви в с. Ухта Кемского уезда (ныне Калевала, Карелия) – создавалось архиерейское подворье. Епископом Кемским назначили настоятеля Веркольского монастыря Архангельской епархии архимандрита Варсонофия (Вихвелина); хиротония которого состоялась 26 августа 1910 г. в Троицком кафедральном соборе Архангельска.

При новом епископе Олонецком, Никаноре (Надежине), вопрос об открытии викариатств в епархии вновь обсуждался в октябре 1910 г., но уже кулуарно. Соответствующий запрос консистория направила в Совет Олонецкого отделения Православного Карельского братства, основанного в ноябре 1907 г. Мнение председателяСовета протоиерея Николая Чукова (1870–1955; – впоследствии митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий) сводилось к тому, что «Карельское викариатство нам не надо; нам желательно восточное – Каргопольское; тогда епарх[иальный] Преосвященный будет иметь больше возможности отдаваться карельскому делу»[1].

При учреждении новых викариатств в условиях свободы вероисповедания (фактически, в парламентской России) строго соблюдались два условия. Все они открывались «на местные средства», т. е. без дополнительных казённых ассигнований (как известно, бюджет Синода, как и все государственные расходы, после манифеста 17 октября 1905 г., обсуждала Государственная Дума), а местопребыванием викария назначался отдалённый уездный город (в Новгородской епархии – Кириллов, во Владимирской – Муром и т. д.). Вопрос об источнике средств на открытие Каргопольского викариатства затронул и о. Н. Чуков, указав, что «можно бы викарного епископа сделать епархиальным миссионером и казённый оклад миссионерам мог бы пойти на содержание викарного епископа, жительствующего в Спасском монастыре [в гор. Каргополе – А. Г.]»[2].

Но для воплощения благой мысли в жизнь нужны кадры: епископов-миссионеров Европейская Россия не видела с далёкого средневековья. Что касается скудной Олонецкой епархии, то «восточное викариатство» она получила – вне правил – за счёт внутренних резервов Св. Синода. Подобное исключение означает, что и уготовано оно было под определённое и весьма важное лицо. Таким лицом оказался давно известный «Августейшим Особам» архимандрит Варнава (Накропин), не принадлежавший к духовному сословию.

Общая канва биографии Варнавы описана в литературе[3]. Он окончил Петрозаводское городское училище, затем достиг несомненных успехов в религиозном самообразовании. Когда в 1895 г. он решил «удалиться от мира», то предпочёл не монастырь со строгим уставом, как например общежительный Александро-Свирский, а ближайший к Петрозаводску Клименецкий (Климецкий). Выдвинуться и занять видное положение в Свирском монастыре было сложно, а на «безрыбье» Клименцов, заштатной, но посещаемой петрозаводскими «тузами» обители, имелись все возможности обратить на себя внимание – оставалось только ждать.

21 октября 1897 г. на место уволенного на покой 83-х летнего епископа Олонецкого Павла был назначен 47-летний епископ Назарий (Кириллов), из викариев С.-Петербургского митрополита. Демонстрируя свою активность, он с середины 1898 г. начал издавать «Олонецкие епархиальные ведомости», где подробно описывались его поездки по епархии. В феврале 1898 г. он впервые посетил Клименецкий монастырь, братия которого показала себя далёкой от исполнения заповеди «возделывать и хранить» (Быт. 2: 15) врученное ей. Епископ нашёл повсюду «грязь, убожество и неопрятность», «хаотический беспорядок». Управляющий получил команду привести обитель, по возможности, в должный вид к следующему визиту архиерея – 6 июня, дню памяти преп. Ионы Климецкого[4].

Между двумя посещениями епископа Клименцов, в апреле 1898 г., Варнава стал иеромонахом, а в 1899 г. началось его возвышение. 9 февраля 1899 г. владыка Назарий назначил его управляющим Клименецким монастырем. Ко дню вступления в должность Варнава уже

[1] Цит. по: Александрова-Чукова Л. Двести лет рядом с Финляндией, или Русский дух православного Карельского братства. Код доступа: http://ruskline.ru/analitika/2011/03/21/dvesti_let_ryadom_s_finlyandiej_ili_russkij_duh_pravoslavnogo_karelskogo_bratstva/

[2] Там же.

[3] Павлова А., Пивоваров Б., прот. Варнава (Накропин) // Православная энциклопедия. Т. VI. М., 2003 . С. 652-653.

[4] Надежин А., прот. От Петрозаводска до Клименецкого монастыря и обратно. (Из второй поездки Преосвященного Назария по обозрению Олонецкой епархии) // ОЕВ. 1898, № 3. С. 24-25.

успел получить 2 тыс. руб. от неизвестной благотворительницы[1]. Дальше – больше. К 7 сентября 1899 г. он «обнаружил выдающееся усердие в устроении монастыря»[2] – так характеризовал епископ Назарий о. Варнаву, ходатайствуя об утверждении его настоятелем (утвержден Св. Синодом 22 сентября 1899 г.).

За 5 лет слава о. Варнавы достигает таких высот, что заботу о его «трудоустройстве» берёт на себя сам товарищ обер-прокурора Св. Синода (тогда еще – К.П. Победоносцева) В.К. Саблер. В письме от 10 ноября 1904 г. он запрашивал преемника епископа Назария, епископа Анастасия (Опоцкого), не признает ли он возможность ходатайствовать «о перемещении настоятеля Климецкого монастыря иеромонаха[3] Варнавы, пользующегося уважением со стороны Августейших Особ, на настоятельскую должность в Задне-Никифоровскую пустынь»[4]. Упомянутая пустынь имела подворье в С.-Петербурге, что давало повод её настоятелю постоянно приезжать в столицу и подолгу жить в ней. Епископ деликатно отклонил просьбу видного столичного чиновника, но вскоре, 9 февраля 1905 г., направил ходатайство о перемещении игумена Варнавы настоятелем Палеостровского монастыря, с возведением в сан архимандрита, которое и было утверждено[5].

В марте 1908 г. о. Варнава взял новый рубеж: по представлению митрополита Московского и Коломенского Владимира (Богоявленского) его переводят настоятелем Ново-Голутвина монастыря в Коломне[6]. Этот уездный город Московской губернии по численности населения в полтора раза превышал Петрозаводск. Через пару лет о. Варнава занял еще более престижное место настоятеля соседнего Старо-Голутвина монастыря.

Давние дружеские отношения связывали Варнаву (Накропина) с «тобольским старцем» Г.Е. Распутиным. Очевидно, они познакомились через общих великосветских почитателей. По меткому слову публициста П. Ковалевского, двоицу связывало «однокашничество по части авантюризма»[7]. Расстриженный в 1912 г. по собственному прошению иеромонах Илиодор (Труфанов), который ранее много общался со «старцем Григорием», оставил рассказ о том, каким путём Варнавы достиг епископства:

В ноябре 1909 г., «будучи в Царицыне, Распутин, болтая обо всём, между прочим, говорил мне: А знаешь ты, Илиодорушка, архимандрита Варнаву? – Который настоятелем монастыря около Москвы? /…/ Знаю, знаю. Слышал. А что? – Да вот что: мама [императрица Александра Федоровна – А.Г.] постоянно говорит мне про него: «Вот беда, Григорий, с сусликом, с Варнавой! Придет этот суслик ко мне, упадет на землю, ухватится обеими руками за ноги, целует их сквозь чулки и одно твердит: матушка-царица, матушка-царица! Сделай меня епископом, хочу быть епископом. Ну что с ним поделаешь? Уже несколько раз так приставал». – Ну и что же из этого вышло? – спросил я «старца». – Да мама говорит: «Как ты, Григорий, так и я». /…/ А суслика надо в епископы. Он очень за меня стоит»[8]. Далее Илиодор отметил, что через пару лет «”суслика” сделали епископом, но с большим скандалом. Члены Синода, по словам Григория, никак не хотели давать Варнаве епископа, потому что он без образования. Но мама чрез Саблера настояла»[9]. Официальные документы и доверительные письма раскрывают подробности.

В начале 1911 г. первоприсутствующий член Св. Синода митрополит С.-Петербургский Антоний (Вадковский) на аудиенции у императора доложил о негативном влиянии Распутина, т. к. от него ложится пятно на царскую семью. На «наветы» «старец» ответил эффектным жестом – он отправился в паломничество в Святую Землю, где встретил Пасху (10/23 апреля). Запись в царском дневнике о радости «видеть Григория по возвращении из Иерусалима и Афона» помечена 4 июня 1911 г.[10]

---

[1] Надежин А., прот. Местная епархиальная хроника // ОЕВ. 1899, № 5. С. 25.
[2] РГИА. Ф. 796. Оп.180. Д. 779. Л. 1 об.
[3] Ошибка Саблера: Варнава к 6 мая 1904 г. был награждён саном игумена.
[4] РГИА. Ф. 796. Оп.186. Д. 603. Л. 3.
[5] Там же. Л. 1.
[6] РГИА. Ф. 796. Оп.189. Д. 644.
[7] Ковалевский П. Гришка Распутин. М., 1922. Код доступа: http://rasputin-g-e.narod.ru/kovalevskiy2.htm
[8] Илиодор бывш. иер[омонах] (Труфанов С.). Святой черт. (Записки о Распутине). М., 1917. С. 109.
[9] Там же.
[10] Коцюбинский А.П., Коцюбинский Д.А. Григорий Распутин: тайный и явный. Спб.-М.: «Лимбус Пресс», 2003. С. 135.

Открытие Каргопольского викариатства «под епископа Варнаву» летом того же года можно рассматривать в качестве тонкой мести митрополиту Антонию. 5 июня, на другой день после радостной встречи царя и «старца», епископ Олонецкий и Петрозаводский Никанор (Надежин) подписал представление об открытии в епархии «викариатства, с наименованием викарного епископа Каргопольским, с назначением ему жительства в Каргополе, в Спасо-Преображенском монастыре». «Вследствие отсутствия в настоящее время местных средств содержания викарному епископу, – признавался владыка Никанор, – почтительнейше прошу Святейший Синод назначить впредь до улучшения местных средств содержания из имеющихся в распоряжении Св. Синода средств. Жалованье викарному епископу желательно определить в 3000 и в крайнем случае 2000 р. в год. Кроме того для приведения Каргопольского Спасо-Преображенского монастыря, крайне бедного средствами, в соответствующее кафедре викарного епископа положение, необходимо единовременно ассигновать от 8 до 12 тысяч рублей».

Кандидатом, в случае соизволения на открытие викариатства, владыка указал «местного уроженца» архимандрита Варнаву. Отдельным пунктом значится просьба «о назначении хиротонии архимандрита Варнавы … в г. Петрозаводске, в целях поднятия религиозного духа среди населения, никогда не видавшего Епископской Хиротонии»[1]

О том, насколько свободно писал епископ Никанор цитируемое представление и что произошло дальше, известно из письма присутствовавшего в Св. Синоде архиепископа Волынского Антония (Храповицкого) к митрополиту Киевскому Флавиану (Городецкому). (Традиционно, летом Св. Синод заседал в «облегчённом» составе, без участия столичных и Киевского митрополитов). 19 июля 1911 г. архиепископ сообщал, что директор Хозяйственного Управления Св. Синода П.С. Даманский, земляк Варнавы и друг Г.Е. Распутина, «убедил, точнее понудил, преосв[ященного] Никанора, аще и не хотяше, представить в архиереи (каргопольские) известного арх[имандрита] Варнаву. Я уломал Влад[имира] Карловича <Саблера, в то время – обер-прокурора Св. Синода – А. Г.> снять это дело с доклада (уже было в повестку внесено) /…/ Очень бы не хотелось быть в числе виновников хиротоний проходимцев».

Саблеру пришлось напоминать, что «в Царском Селе» интересуются о. Варнавой. Наконец, он прямо заявил, что царь желает видеть его епископом. Архиепископ Антоний «начал предлагать разъяснить неудобство его желания». По закону, Синод избирал кандидатов в епископы и представлял их монарху на утверждение: мотивированное отклонение подобного «желания» царя не являлось ни бунтом, ни изменой. В письме митрополиту от 11 августа описано в лицах, как Саблер пошёл на шантаж Синода, заявив, что в отказе «он усмотрит свою неспособность быть посредником между государем и Синодом», и показал «верноподданнейшее прошение своё об отставке». В ответ на этот демарш Антоний и произнёс свою бессмертную фразу: «Для сохранения вас на посту мы и черного борова посвятим в архиереи». Тем не менее, была достигнута договорённость, что архиепископ Сергий (Страгородский), которому на 13 августа была назначена аудиенция у Николая II, доложит обо всех «неудобствах» пребывания Варнавы во святителях. Саблер «согласился, но через час прикатил ко мне на подворье
П.С. Даманский и представил дело так, что В. К. должен в сию пятницу <12 августа – А.Г.> привезть доклад о бытии Варнаве епископом каргопольским, а иначе он уйдет». 8 августа члены Синода «собрались тайно у пр[еосвященного] Сергия и /…/ решили из двух зол избрать меньшее» – т. е. подписать доклад об избрании Варнавы епископом ради сохранения
В.К. Саблера на обер-прокурорском посту. «Скверная история», – заканчивает своё письмо архиепископ Антоний. Через неделю он сообщает в Киев: «Выясняется, что Варнаву провёл в архиереи Распутин»[2]. Провел по цепочке: императрица – император – Саблер – Синод.

Из документов Синодального архива видно, что дело было решено в авральном порядке. Представление епископа Никанора от 5 июня 1911 г. лежало без движение более двух месяцев («снято с доклада), тогда как уведомление о возможности выплачивать содержание викарию Олонецкой епархии на ближайший срок (в оставшиеся месяцы 1911 г. и в 1912 г.) на имеющиеся и ожидаемые средства Св. Синода датировано 11 августа. Таким образом, финансовую справку подготовили после описанного архиепископом Антонием разговора с Саблером. В докладе,

[1] РГИА. Ф. 796. Оп.192. Д. 1251. Л. 1-1об.
[2] Из записной книжки архивиста. В церковных кругах перед революцией. (Из писем архиепископа Антония Волынского к митрополиту Киевскому Флавиану) // Красный архив. Исторический журнал. 1928. Т. 6 (31). С. 204-213.

утвержденном императором 12 августа в Петергофе, местом посвящения Варнавы названа Москва, а не Петрозаводск. Сделано ли это для унижения Олонецкого епископа, сказать трудно.

К чести епископа Никанора следует отметить, что он фактически дезавуировал своё вынужденное представление от 5 июня 1911, напечатав статью, в которой ясно указал на отсутствие острой необходимости иметь в епархии викарного епископа, тем более с проживанием вдали от епархиального центра[1].

Опубликован обзор деятельности епископа Варнавы в пределах викариатства[2]. Не менее интересно знать, как часто и на какой срок он покидал вверенную ему паству. За два с половиной года им совершено 6 длительных поездок в столицу (викариям, не дружившим с Распутиным, такое и не снилось). Первый раз в С.-Петербург, правда, с заездом в Петрозаводск, он путешествовал с 14 ноября по 21 декабря 1911 г. В 1912 г. «по служебным делам» Варнава бывал в С.-Петербурге не менее 4 раз, причём летом останавливался в обер-прокурорском доме (Литейный пр., 34), у Саблера. Об отношении Каргопольского викария к своим обязанностям видно из того, что в июне 1912 г. он прокатился с Распутиным на родину «старца» вместо того, чтобы возглавить крестный ход из Петрозаводска в с. Порос-озеро. В связи с вызовом епископа Никанора в Синод и «болезнью» Варнавы (так он объяснил свое времяпровождение), в Петрозаводск пришлось срочно командировать викария С.-Петербургской епархии епископа Гдовского Вениамина (Казанского).

Перевод Варнавы из Каргополя правящим архиереем в Тобольск оказался не менее скандальным, чем его определение епископом. По рассказу того же Илиодора, «суслику» «сделалось скучно в захолустном городке. Газеты заговорили, что Варнава просится на покой, и что Синод посылает его управлять прежним Голутвинским монастырем. Я /…/ думал, что здесь что-либо не так, – здесь какая-либо хитрость! Действительно, немного спустя Варнава назначается на родину «блаженного старца» на Тобольскую кафедру»[3].

Документы Синодального архива полностью подтверждают свидетельство современника: осенью 1913 г. был разыгран настоящий спектакль.

1 апреля 1913 г. в Старо-Голутвином монастыре освободилось и осталось незамещённым место настоятеля, а 9 сентября скончался экзарх Грузии, архиепископ Иннокентий (Беляев), один из любимых учеников покойного митрополита Антония (Вадковского). Замещение кафедры экзарха Грузии (как и трёх митрополичьих – С.-Петербургской, Московской и Киевской) – прерогатива монарха.

С середины августа 1913 г. царская семья целых 4 месяца находится в Ливадии (до 17 декабря). Цесаревич Алексей закончил там курс лечения после болезни, настигшей его осенью 1912 г. в Спале, когда он едва не скончался. В сентябре-октябре 1913 г. по соседству с Ливадией «гостит» Г. Е. Распутин, которого царь с царицей считают единственным целителем наследника. 5 октября ярко празднуют именины цесаревича (последние в мирное время): накануне в Ялту пришла вся Черноморская эскадра. Между С.-Петербургом и Ливадией снует В.К. Саблер, привозя на утверждение журналы Св. Синода и доставляя высочайшие повеления. Такова обстановка, в которой епископ Варнава в последний день сентября запускает пробный шар:

В Святейший Правительствующий Синод Каргопольского Епископа Варнавы, викария Олонецкой епархии:

«Прошение. Спасо-Преображенский Каргопольский монастырь, в котором назначено жительство викария Олонецкой епархии, расположен в совершенно болотистой местности вблизи реки Онеги. Двухлетнее моё жительство в означенной обители настолько ослабило моё и так не крепкое здоровье, что я вынужден просить об увольнении меня, как от должности викария Каргопольского, так и от управления означенным монастырем. Усердно прошу Святейший Синод по увольнении испросить мне из средств казны пенсию и назначить меня на прежнее место Настоятеля Старо-Голутвина монастыря Московской епархии, которое по имеющимся сведениям в настоящее время свободно. Высокопреосвященный Митрополит Московский и Колом[енский] Макарий снизошел к моей просьбе и лично мне выразил желание иметь меня

[1] Е.Н. К учреждению Карельской епископии // ОЕВ. 1911, № 31. С. 523-524.
[2] Смирнова М.А. Деятельность первого викария Олонецкой епархии епископа Каргопольского Варнавы (Накропина Василия) // Христианство и Север. По материалам VI Каргопольской научной конференции. М., 2002. С. 93-100.
[3] Илиодор. Указ.соч. С. 109-110.

Настоятелем Старо-Голутвина общежительного монастыря. Вашего Святейшества Нижайший послушник Епископ Варнава. Сентября 30 дня 1913 года»[1].

7 октября Св. Синод во главе с первоприсутствующим митрополитом С.-Петербургским Владимиром (бывшим Московским, возглавившим в Москве хиротонию Варнавы) и с участием архиепископа Сергия (Страгородского), председателя летней 1911 г. сессии, возгласившей Варнаве «аксиос!», нашел «ходатайство заслуживающим удовлетворения» и признал «соответственным переместить на кафедру Епископа Каргопольского викария Архангельской епархии Епископа Пинежского Варсонофия». (В 1913 г. епископ Варсонофий стал именоваться «Пинежским», а не «Кемским»). Варнаве причиталась архиерейская пенсия, содержание по должности настоятеля Старо-Голутвина монастыря и прогонные от Каргополя до Коломны[2]. В тот же день был подготовлен синодальный доклад об увольнении Варнавы на покой и В.К. Саблер подписал сопровождающую его бумагу: «Приемлю долг всеподданнейше представить /…/ всеподданнейший доклад»[3]. Но получился, говоря по-современному, «облом».

Из Ливадии Саблер привез высочайший указ Синоду от 4 октября о назначении нового экзарха Грузии. Николай II повелел быть экзархом епископу Тобольскому и Сибирскому Алексию (Молчанову), угодившему Распутину тем, что закрыл дело по обвинению его в хлыстовстве. Прошло несколько дней, и Саблер получил из Ливадии записку: «Напоминаю о своем желании, чтобы на Тобольскую кафедру назначен был епископ Варнава. Николай»[4].

Во второй раз Варнава и Распутин руками царя ставили Синод в унизительное положение. Фактически, они загнали его в ловушку, смысл которой сформулировал митрополит Владимир (он имел «алиби», т.к. не участвовал в «избрании» Варнавы во епископа): «… не исполнить желание царя, и притом письменно выраженное, значило бы стать на бунтарский путь. /…/ Не нужно было соглашаться в своё время на посвящение его в епископа, – это другое дело: тут Синод мог бы настоять, и был он на твёрдой позиции»[5]. Митрополит обвинил в конформизме архиепископа Сергия, будущего советского патриарха «всея Руси». Тот отмолчался.

Весь октябрь в Синоде правили формулировку определения о Варнаве. В текст с датой «11 октября» внесли карандашную вставку: «…Синод, в виду данного по сему предмету предуказания, полагает определить…»[6] Из варианта с датой «28 октября», помеченного грифом «Совершенно секретно», вымарано всё, что касается перемещения епископа Варсонофия[7], а в напечатанном на машинке черновике всеподданнейшего доклада прежние слова вставки вычеркнуты и заменены новыми: «в виду выраженного Вашим Величеством желания…»[8]. Синодалы как бы стремились спрятаться за царскую спину от Божьего суда. Наконец, 2 ноября вымученный доклад Св. Синода получил утверждение.

Епископ Варнава прибыл в Каргополь в 1911 г. победителем в борьбе за существование, а покидал его 20 ноября 1913 г. настоящим триумфатором. Причём спешил он не к Тобольской пастве, как предписывал ему Синодальный указ от 8 ноября[9], а в Ливадию, чтобы составить августейшему семейству компанию на именины царя. До Тобольска он добрался только 22 декабря, о чём донес Св. Синоду подчеркнуто неспешно – 30 декабря 1913 г.[10]

Из-за истории с Варнавой епископ Варсонофий лишний месяц оставался на Пинежской кафедре. Отдельно составленный доклад о бытии ему епископом Каргопольским, викарием Олонецкой епархии, получил утверждение 13 ноября 1913 г.[11]. В Каргополь он прибыл 19 декабря.

Вслед за отречением императора Николая II от престола 2 марта 1917 г., Св. Синод 7-8 марта поставил точку в карьере Варнавы, успевшего 5 октября 1916 г. стать архиепископом. Его

---

[1] РГИА. Ф. 796. Оп. 196. I отд. 5 стол. Д. 464. Л. 1-1 об.
[2] Там же. Л. 2-2 об.
[3] Там же. Л. 3.
[4] Фомин С. В. Последний царский святой. Святитель Иоанн (Максимович) митрополит Тобольский, сибирский чудотворец. СПб., 2003. С. 122.
[5] Там же. С. 121.
[6] РГИА. Ф. 796. Оп. 196. I отд. 5 стол. Д. 464. Л. 8.
[7] Там же. Л. 9-9 об.
[8] Там же. Л. 10.
[9] Там же. Л. 17.
[10] Там же. Л. 18.
[11] Высочайшие повеления // Церковные ведомости. 1913, № 48. С. 527.

увольнение на покой, «последнее и решительное», подписали, в том числе, митрополит (с ноября 1915 г. – Киевский) Владимир и архиепископ Финляндский Сергий. Легко представить, с каким удовольствием они это сделали.

Илл. 1. Епископ Варнава. 1914 г. г. Петрозаводск

С.П. Гриппа, С.Б. Потахин (г. Петрозаводск)

Погодные аномалии в Каргополье (конец XVIII–XX в.)[1]

Во все времена население любой части нашей планеты сталкивалось с природными процессами и явлениями, которые чаще всего называют экстремальными, т. е. «крайними, необычными по трудности, сложности»[2]. Применяется и термин «аномальные явления», означающий отклонение от нормы, общей закономерности, неправильность. Наиболее частым термином, объединяющим эти природные флуктуации и утвердившимся в научной литературе, стал «опасные и неблагоприятные природные процессы и явления» (ОНППЯ).

Природные условия могут быть оценены через количество и силу ОНППЯ – всех видов несоответствия среды тому её состоянию, которое оптимально для человека и тех или иных элементов хозяйственной сферы. Стихийные бедствия – крайняя форма проявления этих природных процессов и явлений, парализующих нормальную жизнедеятельность в затронутом районе и наносящих материальный ущерб. Однако и относительно слабые виды неблагоприятных явлений – туман, утренние заморозки, гололёд, весенняя распутица и т. п. – также могут отрицательно повлиять на различные виды деятельности населения, сказаться на здоровье человека и, конечно, нанести определенный ущерб.

По генезису все неблагоприятные природные процессы и явления обычно разделяют на солнечно-космические, климато-гидрологические, геолого-геоморфологические, геохимические и биологические[3]. В свою очередь, в каждой из названных групп можно выделить виды явленийи процессов, оказывающие преимущественно ударное, разрушительное воздействие и проявляющиеся эпизодически (например, извержения вулканов, ураганы и ливневые дожди), и оказывающие в основном угнетающее воздействие, повторяющиеся регулярно либо непрерывно (например, засухи, затяжные дожди, воздействие кровососущих насекомых и т.д.).

Для Европейского Севера, в том числе и для территории бывшей Олонецкой губернии, в состав которой с начала XIX в. входил Каргопольский уезд, наиболее широко представлены ОНППЯ климато-гидрологического генезиса: градобития, молнии, кратковременные засухи, экстремальные температуры и суммы осадков, сезонные колебания речного стока и связанные с ними биогенные явления, в частности, нашествие сельскохозяйственных вредителей, эпизоотии. Именно эти явления, неблагоприятные для сельскохозяйственной деятельности населения, наиболее часто упоминаются в различных исторических источниках.

Начало постоянных научно обоснованных метеорологических наблюдений в России связано с созданием в апреле 1849 г. при Институте Корпуса горных инженеров Главной физической (ныне геофизической) обсерватории в Санкт-Петербурге[4]. Но, поскольку к первой половине XX в. сеть метеостанций была развита довольно слабо, для характеристики погодных аномалий необходимо использовать исторические материалы.

Нами на основе архивных и историко-литературных источников проанализированы случаи погодных флуктуаций в Каргополье с конца XVIII – начала XX в.

В 1786 г. в России была создана система эстафетных сообщений о погоде, видах на урожай и ценах на земледельческую продукцию. Особое распространение она получила в 1802 г., когда были созданы министерства. Министерству Внутренних Дел было получено собирать сведения о погоде во всех губерниях России, состоянии посевов и продовольственном обеспечении. Полученная информация передавалась по цепочке: волостное правление (оно давало сведения по сельским обществам) – уездное правление – Канцелярия губернатора – Министерство

[1] Исследования проводятся в рамках подпроекта «Опасные и неблагоприятные климато-гидрологические процессы и явления на Европейском Севере России» Программы стратегического развития на 2012–2016 годы.
«Университетский комплекс ПетрГУ в научно-образовательном пространстве Европейского Севера: стратегия инновационного развития».

[2] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1993. С. 942.

[3] Меняющийся мир: географический подход к изучению / Ред. Дж. Р. Матер и Г. В. Сдасюк. М.: Прогресс, 1991. 392 с.

[4] В Каргополе в 1901 г. метеорологические наблюдения проводил учитель-инспектор Городского училища П.Я. Чубаров (НА РК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 4/13. Л. 3-3 об.).

Внутренних Дел. При этом на каждом уровне производились обобщения полученной информации.

В регулярных волостных и уездных отчётах по Олонецкой губернии о произрастании хлебов и трав довольно часты записи о проявлении опасных для сельскохозяйственной деятельности климатических явлений, эпизоотиях, колебаниях уровня водных объектов, появлении «червя» – гусениц.

Информация о ОНППЯ содержится также в дневниках путешественников, годовых отчётах губернатора, а также в газетных и журнальных материалах – «Олонецких губернских ведомостях», издаваемых с 1838 года, «Вестнике Олонецкого губернского ведомства», выходившем с 1907 по 1917 год, «Известиях общества изучения Олонецкой губернии» (с 1913 по 1917 г.). К периодическим изданиям следует отнести и ежегодник «Текущая сельскохозяйственная статистика Олонецкой губернии» (1901-1914).

Остановимся на основных природных явлениях, характерных в прошлом для рассматриваемой территории.

Весенние, летние и ранние осенние заморозки. Весь Европейский Север является территорией рискованного земледелия. Отрицательные показатели температур – заморозки, могут отмечаться даже в самый тёплый месяц года – июль. Заморозками называют понижения температуры в приземном слое воздуха или на почве до 0 °С и ниже на фоне устойчивых положительных температур в тёплое время года, во время вегетационного периода. В русском языке есть синоним этого понятия – «утренник», так как чаще всего понижение температуры отмечаются в предрассветное время. У поморов – русского населения побережья Белого моря, утренники называются сла́нцами. Заморозки также называют «возвратом холодов», когда речь идет о поздних весенних, а на севере и летних заморозков.

В Каргополье в тёплый период заморозки фиксировались каждый второй год. В 1875-1895 годы похолодания отмечались регулярно. Так, в 1884 г. «29 Апреля наступил такой холод, что замёрзла земля и вода в ручьях»[1]. А в 1897 г.: «…поздние же посевы на низких полях местами повреждены бывшими холодами, а именно: 25 и 26 Июля в Мелентьевской волости несколько позябли, 27 и 28 Июля в Лядинской, 28 и 29 Усачевской волости Устьвольского общества деревни Беззаконниковой повреждено по посеву на 10 четвертей на сумму 42 руб. Затем в ночь с 2 на 3 Августа холодом значительно повредило хлеба в Андреевской, Архангельской и Богдановской волостях,… а в Большесторонской … в запольных лесных полянах померзли совсем»[2].

Летние жары. Причиной аномально высоких температур в летний период, как правило, является продолжительно по времени господство антициклонической погоды, когда в дневной период при беспрепятственном поступлении солнечных лучей и безветрии происходит значительный нагрев земной поверхности. Другая причина – поступление жарких и сухих воздушных масс с юго-востока

Аномально жаркое лето отмечалось по всей Олонецкой губернии в 1826 г. Этот факт отмечен не только в официальных документах, но и описан в поэме Ф. Н. Глинки «Карелия». В 1826 г., когда он прибыл в Петрозаводск, высокие температуры и сухость воздуха стали причиной значительных по площади пожаров. Увиденное собственными глазами, автор изложил устами своего литературного героя – монаха-отшельника:

В страну сию пришёл я летом,
Тогда был небывалый жар,
И было дымом всё одето:
В лесах свирепствовал пожар,
В Кариоландии горело!..[3].

Отметим, что неурожаи, вызванные задымлённостью атмосферы и, как следствие, малым поступлением солнечного тепла, были отмечены на следующий год не только в Олонецкой, но и в соседних Архангельской и Вологодской губерниях.

[1] НА РК. Ф. 1. Оп. 11. Д. 48/44. Л. 6.
[2] НА РК. Ф. 1. Оп. 11. Д. 81/56. Л. 131-131 об.
[3] Глинка Ф. Н. Карелия: Описательное стихотворение в четырёх частях. Петрозаводск: Карелия, 1980. С. 46

Летние экстремальные повышения температур отмечались регулярно. Так, в 1876 г. «...погода с 31 Мая в течение минувшей недели стояла очень жаркая: Жар, достигавший до 30°на солнце при бездождии, действовал на растительность не особенно благоприятно...»[1]. Малые урожаи из-за высоких летних температур фиксировались и в 70-е гг. XIX в.

Холодные зимы. Одной из основных причин суровых зим, отражающихся на здоровье людей, перезимовке скота и озимых культур и т. д., является формирование крупных отрицательных аномалий климатического режима зимой на севере Европейской части России и в Сибири. Все эти районы располагаются в непосредственной близости от восточного сектора Арктики – района со слабой изменчивостью циркуляционного и термического режима, где зимой постоянно формируется сухой и холодный воздух. В годы суровых зим арктический воздух распространяется на континентальные районы, где и формируется холодная зима; в годы тёплых зим он занимает только восточные районы Арктики и изолирован от континентов юго-западными ветрами. Другая причина – влияние Сибирского, или Центрально-Азиатского максимума (сезонной области высокого давления). С его южной периферии область с повышенным давлением растекается на Русскую равнину, устанавливая сухую морозную погоду. Простым показателем суровости зимы может служить понижение температуры в одном из зимних месяцев на 6° С и более относительно месячной нормы.

Холодные зимы в рассматриваемый временной промежуток чаще всего отмечались в сороковые годы XIX в., в заключительные стадии так называемого «малого ледникового периода» – в 1842–1843 г., 1844–1845 г., 1849–1850 г.

Градобития. Град – это одна из разновидностей осадков, выпадающих из кучево-дождевых облаков, с которыми связаны грозы и ливневые дожди. Размеры градин колеблются в пределах 0,5-5, мм, но бывают и исключения. В Каргополье в рассматриваемый период зафиксированы градины размером с грецкий орех, с голубиное (17 июня 1866 г, Мелентьевская волость) и даже куриное яйцо. Так, в 1876 г. «4 числа Июня в Фатьяновской волости, в Мошинском обществе выпавшим градом выбило на полях крестьян … хлеба: озимового 39 четвертей и ярового 156 четвертей, на сумму всего 3 403 руб. Град был несколько менее куриного яйца и падал с такой силою, что им поубивало овец»[2]. Градобития происходили практически каждый год. В период с 1879 по 1901 г. они отмечались ежегодно. В среднем за лето отмечалось два градобития. Рекордным оказался 1900 г.: градобития в уезде были отмечены 26 июня, 26 и 28 июля, 3 и 13 августа.

Половодья и паводки. Весенние половодья были связаны с таянием зимних снегов, паводки в летний период, а чаще – осенью, с ливневыми выпадениями осадков. Так, мост, построенный в 1764 г. в черте города, в 1775 г. «большою в вешнее время водою разрушен до основания»[3]. В 1858 г. мощные вешние воды явились причиной значительных разрушений, так «...в ночь на 18 число сего Апреля два ледореза на Демидовской луде и четыре у моста чрез реку Онегу в селе Архангельском Каргопольского уезда уничтожены, один устой, подрезанный льдом, висит, два повреждены...»[4]. Нагонные северные ветры в сочетании с ливневыми дождями являлись причиной повышения уровня речных вод в 1872 г.: «5 Мая вода в реке Онеге значительно поднялась вследствие бывших беспрерывных дождей и сильного северного ветра; возвышение воды достигает 10 четвертей против обыкновенного уровня воды»[5]. А летом 1871 г., 16-18 июля «постоянно с сильными дождями, так что вода в реке Онеге и Моше поднялась на 3 аршина противу своего уровня, затопила береговые покосы»[6].

Молнии. Наиболее часто молнии возникают в кучево-дождевых облаках, реже – в слоисто-дождевых. Молнии могут проходить в самих облаках – внутриоблачные, а могут ударять в земную поверхность – наземные. Наиболее опасные для населения, строений, лесных массивов – наземные молнии. Так, в 1859 г. в Каргопольском уезде во время грозы молнией было убито два человека[7].

[1] НА РК. Ф. 1. Оп. 11. Д. 32/42а. Л. 62.
[2] НА РК. Ф. 1. Оп. 11. Д. 32/42а. Л. 20.
[3] Архив РГО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об.
[4] НА РК. Ф. 10. Оп. 1. Д. 104/118. Л. 11.
[5] НА РК Ф. 1. Оп. 16. Д. 6/152. Л. 125.
[6] НА РК Ф. 1. Оп. 24. Д. 27/17. Л. 29.
[7] НА РК Ф. 2. Оп. 71. Д. 28/220. Л. 48 об.-49.

Гром и молнии, как правило, сопровождаются шквальным ветром, ливневыми дождями и градобитиями. Подобное многочасовое явление было отмечено 28-29 июня 1866 г. в Быковской волости. В результате были значительно повреждены крыши крестьянских строений и ветряные мельницы.

Относительно недавно, 6 июля 2001 г., молния ударила в колокольню на Соборной площади Каргополя, став причиной пожара.

Пожары. Лесные пожары (как низовые, так и верховые), характерные для северной части Олонецкой губернии, где на протяжении долгого времени практиковалась подсечно-огневая система земледелия, на территории «пашенного» Каргопольского уезда практически не отмечались. Крупным пожар, уничтоживший «все обывательские строения» в Каргополе, произошёл в 1765 г.[1]. Практически все отмеченные пожары происходили в населённых пунктах. Причиной их возникновения являлись молнии и неосторожное обращение с огнём.

Представленные данные об аномальных погодных явлениях, без сомнения, нуждаются в дополнениях и дальнейшей обработке, в частности, необходимо выявление периодичности проявления этих событий, их сопоставление с сопредельными территориями.

[1] Архив РГО. Ф. 25. Оп. 1. Д. 2. Л. 2 об.

В.А. Сметанин (г. Архангельск)

О расследовании факта лишения избирательных прав преподавателя Каргопольского педагогического техникума П.Я. Чубарова

Утром в пятницу 24 октября 1924 г. преподаватель Каргопольского педагогического техникума Пётр Яковлевич Чубаров вышел из дома Дергаевой, где снимал квартиру, на улице Розы Люксембург и бодрым шагом направился в профсоюзный клуб на избирательное собрание для участия в выборах делегатов на уездный съезд Советов.

К тому времени П.Я. Чубаров уже около 40 лет жил в Каргополе, где все от мала до велика, начиная от ребёнка-школьника и кончая стариками, знали и уважали его. Разменявший первый год седьмого десятка Чубаров был одинок, вдов и бездетен. По окончании Санкт-Петербургского учительского института он учительствовал в Каргопольском уезде, а затем четверть века в Каргопольском городском училище преподавал физику и естествознание. Последнее десятилетие перед Октябрьской революцией Пётр Яковлевич состоял в дирекции народных училищ Олонецкой губернии инспектором народных училищ Каргопольского уезда, выслужив гражданский чин статского советника, что по Табели о рангах, хотя и был ниже генеральского, однако выше армейского полковника. При нём в Каргопольском уезде для крестьянских детей открывались новые школы и дополнительные комплекты в существовавших школах, а для подготовки учителей в Каргополе была создана своя учительская семинария. Среди крестьян уезда инспектор народных училищ пользовался большой популярностью; его знали за человека безупречной честности, ревностно исполнявшего долг службы. Яркую симпатию выражали Петру Яковлевичу учителя города и уезда, из которых многие были его учениками. Показателен и тот факт, что, несмотря на желание многих почитателей, инспектор народных училищ П. Я. Чубаров отклонил чествование своего 35-летия педагогической деятельности, выпавшее на 1 (14) июля 1915 года, в виду военного времени[1]. Деньги, присланные со всех сторон многочисленными учениками и учителями-сослуживцами на приобретение подарков ко дню юбилея, он пожертвовал на нужды беженцам и пострадавшим от войны гражданским лицам.

После Октябрьской революции в 1918-1919 учебном году Чубаров преподавал физику в Каргопольской учительской семинарии и на педагогических курсах. С 1 сентября 1919 г. он занимал должность преподавателя физики на педагогических курсах города Каргополя, замещая на них председателя и заведующего хозяйством, читал лекции по физике в школе 2-й ступени, располагавшейся на Пролетарской улице, а также на одногодичных педагогических курсах, находившихся в здании по улице III Интернационала[2].

На представленной фотографии, снятой весной 1925 года, изображены учащиеся IV курса Каргопольского педтехникума. Во втором ряду третьим слева сидит П.Я. Чубаров. Он в очках, распахнутом полушубке и лихо заломленной кубанке. Справа от него – преподаватель русского языка и литературы Константин Михайлович Бурсин-Сатановский, уроженец Бережнодубровского прихода, выпускник Олонецкой учительской семинарии. Пять лет он проработал в педтехникуме, с 1923 по 1928 гг., был и заведующим учебной частью, временно исполнял должность заведующего техникумом. Учителем от Бога называли его курсанты Архангельского морского училища, где он позже многие годы работал заместителем начальника по учебной части. Это его внук Александр Альбертович Бурсин прислал мне несколько фотографий своего деда с учащимися Каргопольского педтехникума. Однако на фотографиях последующих лет среди преподавателей педтехникума П.Я Чубарова уже нет. Слева от Чубарова сидит заведующий педтехникумом Ф.В. Старостин, выпускник Псковского учительского института.

Итак, поднявшись на крыльцо профклуба, и, пройдя прокуренные сени, Пётр Яковлевич вошёл в зал, где собрались школьные работники, так называли учителей в первые годы Советской власти, или шкрабы, как тогда было модно сокращать. Подошедший к П.Я. Чубарову заведующий педагогическим техникумом Ф.В. Старостин словно окунул его в холодную купель,

[1] Каргополь: 35-летний юбилей инспектора народных училищ // Олонецкое утро. 1915. 8 сентября.
[2] ГААО. Ф. 2360. Оп. 3. Д. 205. Л. 83.

предложив покинуть зал во избежание неприятностей, ибо мандатная комиссия лишила его избирательного права, как бывшего члена Союза русского народа. От неожиданности П.Я. Чубаров даже потерял дар речи и смог только произнести: «Фу, какая мерзость!»[1].

Словами Старостина Пётр Яковлевич был так ошарашен, что, покинув клуб, в первые минуты не знал куда идти. Это была небывалая наглая и к тому же далеко небезобидная ложь, а вернее злостная клевета, ведь он в Союзе русского народа никогда не состоял. Ещё в 1918 году тогдашняя Чрезвычайная Комиссия всех членов Союза русского народа, находившихся в Каргополе, арестовала. П.Я. Чубарову же тогда не было предъявлено обвинения, да и не за что, так как он никакого отношения к этому Союзу не имел[2].

На другой же день в субботу Пётр Яковлевич зашёл на службу к Ф.В. Старостину, чтобы узнать, на каком основании ему было предъявлено такое чудовищное обвинение. Было досадно это услышать от человека, с которым уже три года работал на стезе народного просвещения бок о бок, и который прекрасно знал прошлое П.Я. Чубарова. Обидно было и то, что клевету на Чубарова Ф.В. Старостин повторил публично перед избирательным собранием. П.Я. Чубаров заявил Ф.В. Старостину, что будет привлекать виновных в клевете к ответственности, на что последний ответил, что он действовал по указанию избирательной комиссии[3].

В понедельник 27-го октября П.Я. Чубаров подал заявление на имя заведующего уездным отделом народного образования (УОНО) А. Лузенкова, в котором он, в частности, написал: «В виду того, что публичное оклеветание порочит не только меня – гражданина и преподавателя, но и то учреждение, где протекает моя работа, прошу УОНО, в ведении которого я нахожусь, оказать содействие к восстановлению меня в избирательном праве, расследовать это дело и виновного привлечь к ответственности»[4].

А. Лузенков заявление П.Я. Чубарова препроводил начальнику городской милиции для установления причины, на основании которой избирательная комиссия причислила П.Я. Чубарова к черносотенцам, «ибо недопустимо иметь воспитателями молодого поколения людей из "Союза русского народа"[5].

Следствие началось с объяснения ответственного секретаря Уездкома работников просвещения Докучаева. При этом он пояснил, что по получении им предписания из Упрофбюро с предложением к 15 октября составить список членов союза работников просвещения, имеющих право выбирать и быть избранными в Советы, он отношением Уездкома работников просвещения его исполнил. Причём в своём отношении на имя уполномоченных коллективов работников просвещения города Каргополя, в том числе и педагогического техникума, Докучаев поместил специальный пункт, гласящий о том, что ответственность за составление списков и своевременное их предоставление возлагалась лично на уполномоченных коллективов. В представленном списке уполномоченным коллектива педтехникума Мащалгиным в примечании было указано следующее: «Перечисленные в сём списке члены коллектива имеют право избирать и быть избранными в Советы за исключением П.Я. Чубарова, как бывшего члена Союза русского народа».

При получении списка с примечанием Докучаев в то же утро, прежде чем отослать его в Упрофбюро, зашёл в УОНО к Ф.В. Старостину с целью узнать у него, как человека, работавшего с П.Я. Чубаровым три года и поэтому хорошо его знавшего, насколько правильны сведения относительно принадлежности П.Я. Чубарова к Союзу русского народа. На его вопрос: «Вы слышали, что товарищ Чубаров состоял в Союзе русского народа?» Старостин, пожимая плечами, ответил неопределённо: «Да-а!». Приняв этот ответ, как подтверждение сообщению В.Г. Мащалгина, он обратился к П.С. Бархатову – бывшему секретарю союза работников просвещения, упрекая его за то, что он допустил пребывание в союзе черносотенца. На этот упрёк Бархатов ответил полным незнанием того, что П.Я. Чубаров был членом Союза русского народа. Считая сведения в отношении П.Я. Чубарова, данные уполномоченным коллектива

[1] Там же. Оп. 5. Д. 2. Л. 37.
[2] Там же. Оп. 5. Д. 2. Л. 43 об.
[3] Там же. Л. 41.
[4] Там же. Л. 37 об.
[5] Там же. Л. 37.

педтехникума В.Г. Мащалгиным, как лицом официальным, правильными, и до известной степени подтверждёнными Старостиным, Докучаев и отправил их в Упрофбюро[1].

Затем в качестве свидетеля был опрошен Василий Георгиевич Мащалгин. Было ему 35 лет, работал он в педтехникуме делопроизводителем. В.Г. Мащалгин был выходцем из крестьян деревни Негодяевской Калитинского райсовета Каргопольского уезда и волости, проживал он в доме № 4 по улице Ленина, был женат, но бездетен, в партии не состоял. По существу дела В.Г. Мащалгин объяснил свои действия в отношении П.Я. Чубарова так, собственноручно написав: «Оберегая интересы республики, я вспомнил, что Чубаров значился в списке неблагонадёжного элемента в бытность мою в 1921 году уполномоченным по осведомлению в бывшее Политбюро. На основании этого и, кроме того, за время пребывания на службе в педтехникуме я усматриваю из разговоров, хотя и под титлами, (то есть непонятными, загадочными, в таком виде, что требуют расшифровки В.С), что Чубаров не особенно настроен в интересах пролетариата, но делает только видимость, что якобы и он осоветился»[2].

Заведующего Каргопольским педтехникумом Фёдора Васильевича Старостина в качестве свидетеля опрашивал старший милиционер горотряда Каргопольской милиции Батутин. Свидетелю на ту пору было 38 лет, он из крестьян, уроженец деревни Заозерья Воезерской волости Каргопольского уезда. Ф.В. Старостин был женат, имел двух детей, состоял кандидатом РКП(б), под судом не был. Он подтвердил, что в день избирательного собрания 24 октября он ещё до его начала по указанию избирательной комиссии сообщил шкрабу Каргопольской школы 1-й ступени Флегонту Васильевичу Куюкину и преподавателю педагогического техникума П.Я. Чубарову, что они не могут присутствовать на собрании из-за лишения их выборных прав. По существу дела Ф.В. Старостин собственноручно написал, что о принадлежности П.Я. Чубарова к Союзу русского народа до октября 1924 г. он не знал, но слышал только то, что тот при царизме был ярым защитником существовавшего строя. Перед выборами Ф.В. Старостина вызвал председатель Упрофбюро В.И. Маслинский и поручил провести выборы от профсоюза на уездный съезд Советов. За день до выборов он получил список лиц, лишённых избирательных прав. В нём он увидел и фамилию П.Я. Чубарова, как члена Союза русского народа. Это его страшно удивило и даже неприятно поразило, так как П. Я. Чубаров состоял преподавателем педтехникума. Обратившись к Маслинскому с вопросом о достоверности этих сведений, тот заявил, что сведения достоверные и нужно в ближайшее же время исключить П.Я. Чубарова из числа членов профсоюза.

После же избирательного собрания Маслинский заболел, а когда поправился, то Старостин вновь спросил его, не нужно ли немедленно уволить П.Я. Чубарова с занимаемой должности. На этот вопрос Маслинский ответил, что до разбора дела нужно оставить П.Я. Чубарова на месте. В правлении союза работников просвещения вопрос о П.Я. Чубарове разбирался, но Старостин на нём не присутствовал, а знал лишь со слов Бархатова, что П.Я. Чубарова из союза не исключили. Бархатов, между прочим, сказал, что тут избирательная комиссия «пересолила»[3].

Инспектора уездного ОНО Павла Степановича Бархатова по делу обвинения Чубарова в принадлежности к партии «Союз русского народа» в качестве свидетеля опросили 16 декабря. Ему было 28 лет, он из крестьян деревни Ившинской Лекшмозерской волости Каргопольского уезда. Проживал он с женой и сыном в доме по улице Каменке, был беспартийным и ранее не судимым. Из протокола его опроса узнаём, что до осени 1920 г., то есть до поступления в управленческий аппарат УОНО он П.Я. Чубарова не знал, так как учился и работал в Иваново-Вознесенской губернии. При поступлении же его в Каргопольский УОНО П.Я. Чубаров состоял преподавателем педагогических курсов и был даже членом правления уездного отдела союза просвещения. В анкете, заполненной П.Я. Чубаровым, на члена союза работников просвещения какой-либо пометки о принадлежности его в прошлом к черносотенной организации не имелось.

Бархатов сообщил также, что от сослуживцев по УОНО не слышал о том, что П.Я. Чубаров состоял в Союзе русского народа. Из числа сослуживцев - авторитетных общественных работников, знавших хорошо П.Я. Чубарова, он работал с бывшими заведующими УОНО

[1] Там же. Л. 38-38 об.
[2] Там же. Л. 39.
[3] Там же Л. 40-41 об.

Я.П. Кузьминым и И.И. Прибытковым. В момент экспертизы со стороны УОНО преподавателей педтехникума, а это можно видеть из протокола Упрофкома, в отношении П.Я. Чубарова также не была зафиксирована принадлежность его к Союзу русского народа, и он был утверждён преподавателем. Да и до момента последних выборов в Советы Бархатов не слышал о принадлежности Чубарова к Союзу русского народа. На упрёк Докучаева ему, как бывшему председателю Упроса в прошлом с сентября 1923 г. по август 1924 г., он заявил, что об этом только сейчас впервые от него и услышал. «Нужно проверить и, если действительно Чубаров был членом этой гнусной организации, то немедленно же исключить из союза. Полагаю, что сослуживцы Чубарова по педтехникуму, а равно сотрудники УОНО и Упроса в дни существования в городе Союза русского народа могут дать самые нужные сведения. В профсоюзе же П.Я. Чубаров состоит с первых дней организации союза»[1].

Председатель Каргопольского Упрофбюро Василий Изотович Маслинский, 38 лет, уроженец города Каргополя, женатый, член РКП (б), не судимый был опрошен в качестве свидетеля последним - 9 января 1925 г. По существу дела он показал, что документальными данными подтвердить не может принадлежность П.Я. Чубарова к Союзу русского народа, но знает об этом лишь потому, что в городе были слухи о связи его с этой организацией[2].

В тот же день милиционером городского отряда Беляевым был допрошен в качестве обвиняемого Пётр Яковлевич, который показал следующее: «Я в Союзе русского народа не состоял и ничего общего с последним не имел. Это есть злостная клевета. В 1918 г. тогдашняя Чрезвычайная комиссия после расследования, числившихся в списке членов Союза русского народа, всех арестовала. Ко мне в то время не было предъявлено никакого обвинения, как не имеющего никакого отношения к данному Союзу. Эта клевета не только на меня, но и на то учреждение, в котором я состою»[3].

По результатам проведённого следствия начальник Каргопольской уездной и городской милиции А. Власов, препровождая материалы по делу о принадлежности гражданина Чубарова Петра Яковлевича к числу членов Союза русского народа, под грифом «секретно» сообщал в УОНО, что произведённым дознанием принадлежности к числу членов Союза русского народа гражданина Чубарова не установлено, и в списках, имевшихся в милиции, гражданин Чубаров членом Союза русского народа не числился. «Но что касается того, что гражданин Чубаров антисоветский элемент со старой закваской этого отрицать никто не будет. В остальном предоставляю право судить самим»[4].

11 февраля 1925 г. заведующий УОНО Кудряков известил П.Я. Чубарова что «по Вашему заявлению от 27 октября 1924 г., произведённым расследованием уездной милицией, установлено, что Вы в Союзе русского народа не состоите»[5].

Таким образом, на этот раз всё закончилось как будто бы благополучно. Однако преподаватель П.Я. Чубаров подобно главному герою повести М.А. Булгакова «Собачье сердце» профессору Ф.Ф. Преображенскому в глазах властей и части сослуживцев оставался антисоветским элементом. Поскольку на фотографиях учащихся педтехникума 1926 и 1927 года он отсутствует, то можно предположить, что в эти годы он уже в педтехникуме не преподавал, и его дальнейшая судьба мне пока неизвестна.

В данном конкретном случае советский служащий Мащалгин, как говорится, «перебдел» до возведения клеветы на коллегу, по тем временам далеко не безобидную для последнего, но якобы, «оберегая интересы республики». Примерно по такой схеме - клевете и заводились многие следственные дела в годы репрессий. Другой совслужащий Старостин оказался равнодушным к судьбе коллеги, о котором якобы слышал, как о яром защитнике самодержавия. Подобное равнодушие и приспособленчество были главными причинами размаха террора в последующие года. Третий советский чиновник Маслинский, бывший артист, взлетевший на вершину власти, поверил не проверенным сведениям о членстве в организации черносотенцев известного в городе человека, принимая слухи за факты. Этот инцидент ещё раз показывает, что

[1] Там же Л. 41 об.- 42 об.
[2] Там же. Л. 43.
[3] Там же. Л. 43 об.
[4] Там же. Л. 34.
[5] Там же. Л 33.

причины многих подобных дел, хотя и поощряемых властями, но всё же инициировались снизу «бдительными людьми».

Что же касается состояния народного просвещения на Каргополье в первые годы Советской власти, то можно сказать лишь то, что оно было далеко от идиллической картины[1].

Илл. 1. IV курс учащихся Каргопольского педтехникума. 1925 г.

[1] Прим. ред.: что и подтверждается содержанием статей Е.А. Калининой и Т.Н. Жуковской в нашем сборнике.

Г.Н. Мелехова (г. Москва),
Л.И. Фаркова (с. Печниково Каргопольского района)

Дневник Степана Петровича Абакумова

При изучении дел репрессированных священников Печниковской округи в архиве регионального управления ФСБ России по Архангельской области в деле лядинского священника Викентия Ивановича Хотеновского[1]был обнаружен дневник Степана Петровича Абакумова, арестованного вместе с В.И. Хотеновским[2]. По сведениям из документов дела, Степан Петрович Абакумов родился в 1886 г. в д. Стрелковская Панфиловской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии. В 1930-е годы проживал в д. Дудкинская Лядинского сельсовета. Отец Степана Петровича до 1908 г. занимался торговлей, сам Степан Петрович до 1917 г. имел дом, гумно, амбар, баню, лошадь, корову. Он был женат, имел, видимо, семерых детей: в 1933 году указаны четверо, старшей дочери было 17 лет, младшему сыну – полтора года; смерти троих дочерей (в 1920, 1928, 1933 годах) упоминаются и описываются в дневнике. По-видимому, крестьянским трудом Степан Петрович занимался немного, с 1911 по 1917 годы он с семьей проживал в Кронштадте, где работал паспортистом полицейского управления купеческой части, позже счетоводом. В 1916 г. он был мобилизован в действующую армию, служил рядовым на Румынском фронте, работал в должности старшего писаря. По возвращении с фронта он заведовал Лядинской библиотекой-читальней (1918–1920-е годы); в 1920–1930-е годы работал счетоводом и бухгалтером в разных организациях[3].

С.П. Абакумов был арестован в апреле-мае 1933 года. При обыске у него обнаружили три охотничьих ружья, о которых он давал показания, и дневник, приложенный к делу как свидетельство его нелояльности к советской власти. В ходе следствия он неоднократно допрашивался. Во время допроса 27 мая он попытался отказаться от записей в своем дневнике: «В моей записной книжке есть выражение: “неужели не оправдается наш труд?”; <его> я отношу непосредственно к своему ежедневному труду, не подразумевая никакого другого. Все мои записи в книжке, <которые> написаны мною, считаю абсурдом, т.к. я заблуждался, и сейчас глубоко раскаиваюсь, сильно. В какой-либо организации не состоял и никогда врагом советской власти не был»[4]. Это признание его не спасло, он был приговорен к 3 годам ссылки. Его дальнейшая судьба пока не известна.

Дневник представляет собой записную книжку размером примерно 10,5х16,5 с коричневой дерматиновой обложкой и его содержание охватывает 1928 и 1933 годы. Он интересен как документ, раскрывающий восприятие крестьянством политических и хозяйственных реформ советской власти и свидетельствующий о его нежелании вступать в колхозы и перекраивать жизнь на новый социалистический лад. В колхозе жизнь крестьянских семей значительно ухудшалась, нарушалось традиционное ведение хозяйства, распространялся принудительный подневольный труд, начинался голод. Степан Петрович, человек грамотный и обладающий неплохим литературным даром, описывает свои наблюдения за переменами в деревне. В дневнике семейные переживания и невзгоды переплетаются с тяжелой перестройкой уклада жизни деревни.

Весь текст дневника занимает 15 страниц, текст 1-й страницы не доступен. Записи выполнены частью карандашом, частью ручкой. События 1928 года описываются в середине дневника; до и после них расположены записи 1933 года. При публикации текст выстроен по хронологии описываемых событий. Последняя запись сделана 26 марта 1933 года, за два дня до ареста священника Викентия.

---

[1] Викентий Иванович Хотеновский — священник Лядинского прихода. Сын псаломщика, родился в 1875 году, проживал в д. Столетовская Лядинской волости Каргопольского уезда Олонецкой губернии, окончил духовную семинарию. Был женат, имел 4-х детей, лишен избирательных прав. Арестован 28 марта 1933 г. по обвинению в создании «контрреволюционной группировки церковников». 9 июля 1933 г. постановлением тройки ПП ОГПУ выслан в Северный край на три года. См.: Архив РУ ФСБ по Архангельской области. Д. П-3423. Л. 115–116; За веру Христову. Духовенство, монашествующие и миряне Русской Православной Церкви, репрессированные в Северном крае (1918–1951). Биографический справочник. Сост. С.В. Суворова. Архангельск, 2006. С. 587.

[2] См.: Архив РУ ФСБ по АО. Д. П-3423. Л. 77–90.

[3] См.: Там же. Л. 113–114.

[4] Там же. Л. 114 об.

Страницы имеют две нумерации: архивного дела (л. 76–89) и С.П. Абакумова (2-15). Листы в числителе дроби относятся к архивному делу; нумерация автора дневника приведена после черты дроби. Текст, подчеркнутый следователем, подчеркнут и при публикации; в двух местах следователем подчеркнуты целые абзацы слева от текста; это показывает, на что, в первую очередь, обращало внимание следствие. При публикации сохранена стилистика оригинала, орфография и пунктуация приведена к современной, авторский текст выделен курсивом[1].

Записи С. П. Абакумова[2]

(Л. 81/7) (Записи сделаны чернилами)

25 июня 1928 г. в 5 час. утра умерла моя бедненькая маленькая Кланя. 24 июня я пришел с Печникова вечером, Кланя уже мучилась и страдала, я дал ей пряник, взяла и держала в руках до самой смерти. В пятом часу утра я проснулся, Клане было очень тяжело, я поил ее водой с чайной ложки. Видимо, у нее была сильная жара, ложку с водой она хватала обеими руками и тянула в рот. Перед самой смертью запросилась ко мне на руки. Я взял бедную Кланю на руки, но она стала показывать на постелю, я положил ее на постелю, но Кланя опять стала показывать на зыбку, я перенес ее в зыбку, и лег на постелю. Через минуту или две жена закричала мне, что Кланя умирает. Я быстро склонился над ней, но Кланя уже умирала, сердце не работало; несколько конвульсий, и дорогой малютки не стало. Перестало биться маленькое любящее сердце. Не услышишь больше радостного «па», с которым встречала меня Кланя, когда я приходил домой с Печникова. Жаль до боли маленькой Клани, как она меня любила, когда<…> // (Л. 81 об./7 об.) *… не стало моей бедненькой малютки, неумолимый рок унес навеки от меня дорогую малютку. Жаль, но что поделаешь, нам, смертным, остается только подчиняться неумолимым законам свыше. Прости меня, дорогая малютка, навеки.*

Вечная тебе память. Осенью прошлого года Кланя болела воспалением легких. И после того не была здоровой. Была веселая, но больная, и частенько заболевала серьезно. Тяжела была ее жизнь, она не жила, а мучилась. Кто виноват, что Кланя потеряла здоровье, я не знаю, хотя полагаю, что Нюша плохо с ней водилась, она, видимо, ее простудила, а это привело Кланю в могилу.

27 июня. Сегодня пришел с дому в Печниково: день работал в конторе, сейчас 9 часов вечера. Ужасная тоска, передо мной неотступно стоит образ моей малютки Клани, и сознание, что ее уже нет с нами, как молот, бьет меня по голове, и жалко, и обидно, что я не в силах был оставить Кланю жить, что я не мог сделать ее здоровой и сильной, жизнерадостной. Мало жила с нами // (Л. 82/8) <…> тяжело, я не могу мириться с мыслью, что Клани больше нет.

Кланя – это второй «я», в ней мой облик, мой характер, мой темперамент. Моя привязанность к ней, а ее ко мне – унаследованы, но что делать; все слагается не так, как мы хотели.

В 1920 году умерла Вера, она тоже была с моим темпераментом, но их нет, они не живут с нами.

Тяжело, трудно их растить, воспитывать – жизнь не особенно нас балует, но тяжелее всего их потерять.

Я живу. Я хотел бы, чтобы жили и мои малютки, а если посмотреть на жизнь прямо, так, какая она есть во всей своей наготе, то становится ужасно. Один из культурников УОНО сказал: «Гуманность – порок». Это что значит? А это значит, что все чистое, светлое, хорошее – порок, негодное, вредное для навязанной нам культуры. Хорошее – порок, значит худое, злое, коварное стало хорошим. Оно подменило хорошее на худое, на злое, и в этом хаосе лжи и коварства погибает наш народ. Он опутан сетями этого зла. Этим злом, этой ненавистью пропитано до мозга костей человечество. И становится ужасно, когда над этим задумываешься. Сколько вражды, сколько ненависти у брата к брату, у соседа к соседу, и эту вражду, эту ненависть искусственно поддерживают, стараются// (Л. 82 об./8 об.) *<…> зло вошло в жизнь и прочно засело в серой мужицкой массе, он <мужик> запутан, он выведен в*

[1] Публикуется по: Архив РУ ФСБ по АО. Д. П-3423. Л. 75 об.–89.

[2] Подготовка к публикации, вступительная статья, комментарии и примечания Л.И. Фарковой, Г.Н. Мелеховой.

тупик, он не видит выхода. Не к лучшему ли, что мои дорогие малютки не захотели жить среди этого зла и коварства?

Можно ли ожидать лучшего, когда насадители современной культуры называют гуманность пороком. //Л. 75 об./1 об. (без даты, записи сделаны карандашом) *А как процветает на л<есо>заготовках «свободный» труд – это же описать трудно! В лес гонят всех трудоспособных, не считаясь, есть ли у него одежда, обувь, или нет. Норма выработки дается такая, что ее никто не может выработать. Невыработавшим нормы хлеба и продуктов дается мало (хлеба 300 гр. в сутки). Применяются различные меры наказания: черная доска, травля через печать, штрафы, отдача под суд, который несудит, а осуждает, так что принудиловка и исправдом стал нашим общим уделом, Наша несчастная страна превращена в общую тюрьму, концентрационные лагеря на всех окраинах страны переполнены несчастными страдальцами только за то, что они жили своим трудом, что не были паразитами. Но разве можно описать все ужасы, что мы пережи // ли (Л. 76/2) и переживаем. Сколько среди нас шпионов, как следит и до всего дощупывается ГПУи наши местные бурбоны, совсем не терпят возражений, их слово для народа закон. Их можно умилостивить только куском мяса, куском хлеба.*

2 III 33 г. Вечер перед сном. Правы иностранцы, что русский человек не способен ни на что высокое, духовное. Русский ничего не изобрел, даже мышеловки. Да, они правы, мы не сумели даже придумать для себя, какие муки создать для себя из жизни. Это придумал для нас немец К. Маркс, а обезьяна Ульянов (И.[1] *Ленин), как он себя именовал, перенял это у Маркса, выработал теорию страданий Русского мужика и применил на деле – на жизни несчастного народа несчастной страны. Вот до чего мы, Русские,* //(Л. 76 об./2 об.) *глупы, даже систему страданий нам придумал немец.*

Но почему я только жалуюсь на тяжесть жизни и в тоже время поддерживаю и укрепляю эту систему лжи и насилия? Что меня к этому принуждает? Семья, обязанности перед детьми? Да, пожалуй, это. Как тяжело видеть, как нравственно развращается родной народ, как он коснеет в злобе и ненависти, как становится звероподобным и не видит зла, породившего все эти ужасы, не видит причины причин. Молчит, раболепствует и страдает. Да, мы рабы, только рабы способны спокойно смотреть на переживаемые ужасы, коварства, ложь, дикое варварское насилие; мы переживаем времена средневековья, времена слова и дела. Да, мы рабы, а для рабов и законов не пишут.

// (Л. 77/3) *Бывают ошибки трудно поправимые, так ошибался и великий пророк Толстой, когда обличал существующий строй (его времени), разрушая его своей исповедью, проповедью и критикой. Разрушая веками собранное достояние, он думал создать свое – новое, «непротивлению злу», а создал для своего духовного брата величайшее зло, противящееся всякому добру со звериным ожесточением. Ужели его светлый ум не предвидел этого! Он, возмущающийся при виде всякой лжи и насилия, способствовал созданию величайшего зла.*

Но почему же я всегда спихиваю на других вину в этом, и если бы спросили меня: а что я сделал, чтоб этого не было, что я мог бы ответить, чем бы я оправдал себя перед своей совестью? Нет, оправдания нет. Я не только ничего не сделал, но, наоборот, укреплял это зло всей своей деятель //ностью (Л. 77 об./3 об.) *за эти 15 лет. В душе я возмущался, а на деле способствовал укреплению этого позора русского народа. А вот и ответ: раб ни на что другое и не способен. Правдивы пророчества Некрасова: «Иль судеб повинуясь закону, все, что мог, ты уже совершил, – создал песню, подобную стону, и духовно на веки почил?...»*[2] *Он прав и не прав. Нет, русский мужик еще не почил духовно. Мы – нищи, темны, мы босы и голы, мы жалки и забиты, но мы сохранили свою духовную волю, мы не почили духовно, а наша духовная воля еще спит. Вот вопрос, кто и когда разбудит эту волю? Это покажет будущее, а что русский мужик проснется от своего кошмарного сна, я в это верю.*

//(Л. 78/4) *«Непротивление злу»! Мы это переживаем, мы не противимся злу. Этот завет пророка мы исполняем, а что из этого будет? Не скуем ли рабских цепей для наших поколений*

[1] Видимо, «Ильич».

[2] Некрасов Н.А. Размышления у парадного подъезда. 1858 г. // Полное собрание стихотворений Н.А. Некрасова. М.-Л.: ОГИЗ, 1929. С. 63.

этим непротивлением. Или мы не выучим наших притеснителей добродетели, а скорее, укрепляем их самих в правоте их лжи?

3 III 33 г. Проводятся самозаготовки хлеба. Под словом «самозаготовка» скрыт грабеж. На деревню дано задание сдать государству 15 центнеров хлеба с деревни, а проводится под словом «самозаготовка», а между прочим известно, что если кто будет упрямиться сдать хлеб, того исключат из колхоза. Это говорит наш «управляющий» гр-н Дьяков Митька. Вот какая самозаготовка!//

(Л. 78 об./4 об.) *«Там трудно мыслить и дышать, где стон и вопли слышит ухо»*[1].

8 III. В газетах объявлен налог на картофель: с десятины посева 8 цн.<центнеров>сдать государству.

Печать уделяет большое внимание событиям в Германии. Там у власти стали национал-социалисты, и между ими, т.е. правительством в лице Гитлера, с одной стороны, и коммунистами, с другой, идет сильная борьба. Коммунисты подготовили заговор, направленный к свержению государственной власти и захвату власти в свои руки. Это было своевременно обнаружено, кроме этого коммунисты подожгли здание рейхстага. За это правительство громит их вовсю. Закрыты все газеты, идут аресты актива коммунистов по всей стране. Тельман[2] *арестован в подвале одного рабочего в предместье Берлина.*

//(Л. 79/5) *Вчера получил телеграмму из Каргополя от директора экстрактного завода Пузырева, приглашает на завод на службу ст<аршим>бухгалтером, зарплата 250–300 руб. Просит приехать для окончательных переговоров. Хотя и рискнул подать заявление о принятии на службу, но это сделал я напрасно. В Каргополе – эта «чахотка». Старцевым А.А., секретарем райкома, на меня будет травля, с которой мне не мириться, лучше уехать подальше от этих бурбонов на производство*.

(Дальнейшие записи сделаны чернилами)

15 марта. Всю ночь почти не спал. Моя бедная маленькая Маруся всю ночь билась в страшных муках. Приступы болезни повторялись через каждые час-два. Маруся мечется в постельке и кричит душу раздирающим голосом: «Ой, маменька, худо». Бедная Маруся! Я совсем измучился, глядя на ее муки, а чем-либо облегчить ее страдания мы не в силах. Рад бы переложить в нее самого себя, только бы избавить ее от страданий, но и этого сделать невозможно. Маруся заболела 7-го марта, и вот уже восьмой день не встает и ничего не ест, пьет только воду, и той очень мало. Исхудала сильно. До 13 III она лежала в постели спокойно, ни на что// (Л. 79 об./5 об.) не жаловалась и ничего не просила. 12 III вечером у нее начался сильный приступ болезни, Маруся мечется в постели и кричит душу раздирающим криком: «Ой, маменька, худо». Последний приступ болезни у нее был 12 III вечером: она уже перестала кричать, вся задрожала, глаза широко открылись и с ужасом уставились в одну точку, все тело передернула конвульсия, рот перекосился, дыхание почти прекратилось. Я уже предположил, что она умирает. Все мы простились с ней, но прошло с полчаса, и к ней как будто вернулись силы, сердце заработало, хотя слабо, но без перебоев. Она стала узнавать маму и меня и всю ночь спала сравнительно спокойно. Утром 14 III она вновь забеспокоилась, приступы болезни возобновились сильнее прежнего: Маруся мечется и кричит, маму не отпускает прочь. Пригласил священника, хотели причастить ее св. тайн, но она уже была не в состоянии принять Св<ятые>Дары. Священник прочел над ней молитву, благословил, а причащение пришлось отложить. Всю ночь на 15 III она ужасно мучилась. Приступы болезни повторялись с новой силой и причиняли Марусе сильные страдания. 16 III: заметно, что Марусе стало легче, стала принимать ландрин[3]*, поела каши, но все время не отпускает прочь маму, заставляет тереть спину.<В>ночь на 17 III не дала нам нисколько спать, // (Л. 80/6) все кричала «тяжело» и заставляла тереть спину. 17 III с утра Маруся повеселела немножко, поела, просит ландрину, говорит нормально.*

Вчера возвратился из города. Тряпицын П. сдал скот по мясозаготовке: 2 телят и 4 овец, все они вытянули 295 кг живого веса, а в уплату засчитали 225 кг, 75[4] *кг скинули. Оказывается,*

[1] Суриков И.З. Все стихотворения. URL: http://russian-poetry.ru/PoetF.php?PoetId=90 (дата обращения 28.12.2016).

[2] Эрнст Тельман (1886-1944) — лидер немецких коммунистов, депутат рейхстага в 1925-1933 годах, один из главных политических оппонентов Гитлера. Расстрелян в концлагере Бухенвальд.

[3] Ландрин — леденцы, монпансье, название происходит от имени фабриканта.

[4] Ошибка в источнике: надо 70 кг.

т.т. <товарищи>передумали, вместо назначенных к сдаче 26 кг мяса в живом весе стали засчитывать 1,350 кг живого веса скота за 1 кг уплаты; значит, вместо 26 кг надо сдать 35 кг живого веса скота. Мужик все равно заплатит. Видимо, хотят выжать из мужика все соки. Вчера на пленуме с/сов<ета> вынесено решение: работать в лесу на Калме со своими харчами, л/пункт снимает со снабжения всех рабочих и лошадей; пробуют терпение мужика, а все равно этим еще не донять: пока есть кусок хлеба, мужик будет терпеть всякие издевательства, он – раб, а раба этим не доймешь. В Рубчевском[1] колхозе семей 8 сидят совсем без хлеба. Собираются в кучки, горюют, переживают и продолжают сидеть голодом, не знают, как найти выход от голода; обращаются в с/совет, а там и заявляют, что это дело не их: где знаете, там и добывайте хлеб.

//(Л. 80 об./6 об.) *Ходят бригады из активистов, досрочно выколачивают платежи: культ-сбор-заем, штрафы и т.д.; на днях будут описи имущества у недоплательщиков и продажа с молотка. Да если все, что у нас творится, писать, то придешь в ужас: такого насилия, такового варварства не переживало человечество <с тех пор>, как оно стало обладать членораздельной речью. 13 III арестовали и увезли в Каргополь тетушку Феоктисту: у нее ГПУ требовали отдать золото. 45 руб. она отдала им, и ее кряду же увезли в Каргополь в тюрьму. 16 III ее разыскивали и ничего не могли узнать, где она и находится. В ГПУ нет, в тюрьме нет; предполагают, что ее ухлопали в ГПУ и схоронили концы. Вот как пролетариат разделывается с крестьянами. Что значат средневековые пытки, инквизиция, гильотина, застенки – все это меркнет перед современными средствами насилия, употребляемыми т.т. против крестьян.*

// (Л. 82 об./8 об.) *18 марта 1933 года. В газете объявлен налог на хлеб из урожая с/г по 95 кг с гектара посева. С нашего колхоза придется сдать налога около 500 пуд. Потом отчислить семена, фонд на многосемейных и направленных в отход на производство, фуражный фонд, запасной и т.д., на трудодни-то почти ничего не останется. Не надо быть пророком, чтоб предсказать голод в 1934 году – голод положительно уничтожающий, если ничего не изменится.*

В былое время бывали неурожаи в какой-либо части страны, правительство и весь народ били тревогу, сыпались пожертвования, кто чем мог, и голод ликвидировался, а теперь, наоборот, голод создают насильно, хлеб отбирают а людей оставляют голодать: // (Л. 83/9) <…> *голодай, а не говори, умирай и молчи – вот как проводит в жизнь свою диктатуру кучка озверевших узурпаторов.*

19 марта Маруся вновь заболела, опять сильный жар, температура 38.8, мечется и кричит маму, всю ночь на 20 III билась, только под утро притихла и уже не могла ничего говорить, силы ей изменили, сердце ослабевает и работает с перебоями. Поставили клизму, после этого оправилась под себя, уже не могла попроситься оправиться.

20 III. Утром Маруся в беспамятстве: то откроет, то закроет глаза, уже перестала жаловаться на боль. Дыхание тяжелое, говорить ничего не может. Бедная маленькая Маруся! Она тает на глазах, а помочь мы ничем не можем. 17 и 18 III ей было легче, поела каши, просила ландрину и, что было, весь съела. Как я обрадовался, что Маруся поправится и поживет с нами хотя бы до осени. Но Богу, видимо, неугодно так, <к> ней вновь вернулись страдания, и, видимо, конец ее жизни близок. Бог с тобой, моя малютка; современная проказа// (Л. 83 об./9 об.) *еще не заразила твоего любящего сердца. Как знать, может быть, и к лучшему, если ты сойдешь <в> обитель Творца чистым непогрешимым ангелом, может быть, там тебе будет лучше. Что ребенок может получить теперь от жизни: нищенское существование, систематическое недоедание, непосильный труд на современных душителей, растление разума, беспрерывные насилия и издевательства. Для этого трудного пути нужен крепкий организм. Нужно много сил духовных и физических, а ты, моя малютка, больна и слаба, тебе трудно было бы жить среди зла и насилий. Да будет исполнено <предназначенное> свыше.*

Учение Сталина о работе в деревне заостряется на усилении партийной бдительности за каждым колхозником. Он <Сталин> требует создания колхозов исключительно большевистских, проповедует беспощадную расправу с чуждым для них элементом в колхозах. По его теории выходит, что кулак – тот, кто не полностью выполняет наряды, по нарядам на хлеб, лен, масло, сено и т.д., или кто осмелится хотя бы словом их критиковать; тому грозит

[1] Рубчевская, Рубцово — местное название лядинской деревни Гавриловская.

ликвидация как класса: тюрьма, принудиловка, высылка, голод и все остальные коммунальные прелести. Разве они не могут подвести меня под понимание чуждого элемента? Конечно, могут и подведут, если я сво // евременно (Л. 84/10) *не смогу улетучиться с Лядин. Как можно скорее нужно удрать вновь на производство или в Карелию, или в Архангельск, а то здесь заклюют меня мои враги, они беспрестанно следят за мной, а предлог они найдут, ведь все равно тебе никто не поверит, будь ты на 100% прав, тебя обвинят.*

Какой кошмар, какой ужас, – лучше не думать об этом, а думать приходится. Ведь если уберут меня, то что будет с моими детьми, кто им даст средства для жизни? С моей гибелью грозит гибель и им – от голода. Будем жить, будем бороться за жизнь, еще есть силы. Будем жить; Боже мой, научи меня, как жить и зачем жить. Ужели не оправдается наш труд. Ужели труды нашей жизни только и достойны этого позора, до которого мы дожили. Нет, не может быть. Я верю, что есть правда, если не на земле, то на небе, и она снизойдет к нам, она заполнит наши сердца ненавистью к притеснителям, она приведет нас к светлому будущему, если не для нас, то хотя бы для наших детей. Хотя бы дети-то не проклинали за нашу глупость 1918 г.

Мои двое детей ходят в школу. Посмотришь книжки, по которым их учат, там восхваляется Ленин, воспевается классовая борьба, расхваливаются // (Л.84 об./10 об.) *колхозы и совхозы, обоготворяются вожди партии. Ребенку вколачивается в голову ненависть к кулаку, к буржую, от него требуют презрения ко всему некоммунистическому, проповедуют вражду и ненависть между собой – да разве все перечислишь, как уродуют душу ребенка. Что же выйдет из наших детей, из нашего молодого поколения, ведь его подготовляют на убой, а бедные дети – разве они это понимают, к чему их готовят. Наш долг объяснить это детям и вскрыть им кошмар действительности.*

20 III. в 12 час. дня Маруся лежит уже без движения, не слышно жалоб на боль, она уже не может говорить, временами еще открывает глаза на один момент и вновь закрывает. Мы ушли в другую комнату пить кипяток, Маруся, видимо, заволновалась, не видя нас, она чаще стонала и все искала кого-то глазами. Я потер ей рукой спину, и Маруся успокоилась, стихла.

Сегодня оттепель, по дороге вода. Пришла Вера, зовет меня домой. Марусе тяжело.

21 III. Бедная Маруся всю ночь стонала, говорить не может. Глаза открывает; когда ей говоришь, то силится, как будто, что-то сказать, но выходит протяжный стон; оправляется под себя. Вчера// (Л. 85/11) пришла с ней проститься Уля, дала ей ландрину. Ландрин съела, а воды или чего-либо другого не принимает. На правом легком стал сильный хрип, в горле тоже хрип, до вчерашнего дня у нее этого не было. Господи Боже, какие муки терпит моя дорогая малютка.

(Дальнейшие записи сделаны карандашом)

22 III 33 г. В 9 час. утра умерла моя дорогая Маруся. Всю ночь перед смертью она сильно стонала, паралич отнял у нее правую сторону тела и парализовал нижнюю челюсть; она не могла уже открывать рта. Для того чтоб напоить водой, нужно открывать ей рот и вливать воду, она жадно глотала воду. 21 III я поехал на Лунево[1] *за дровами, с Марусей простился; вечером приехал с дровами, но Маруся еще жива. Весь вечер и ночь не закрывала глаз; когда с ней говоришь, то она силится заплакать, ноздри и ротик заходит, но заплакать уже не может. Боже мой, какое терзание, глядя на ее муку, сердце готово разорваться на части, когда вспомнишь, как она кричала: «Ой, папенька, тяжело, ой, маменька, тяжело». У меня как будто оторвалось что-то от сердца, такая* // (Л. 85 об./11 об.) *тоска, что трудно выразить словами.*

23 III. Утром, как встал и вымылся, зашел посмотреть на Марусю: она лежит светлая, неземная, на устах улыбка спокойствия и ангельской невинности. На меня нахлынула такая тоска, слезы полились градом, сердце стало работать с перебоями, – видимо, у меня миокардит усиливается, весь организм потерял способность к действию, я упал. Жена испугалась, поняла, что я умираю, назвала людей, наделала крику бесполезного и ненужного. Я сам тоже испугался, что может получиться разрыв сердца. Я попросил позвать священника. Батюшка не замедлил явиться. Прочел молитву, успокоил меня своим пастырским наставлением, и я несколько успокоился. Принял хина[2] *и валерьяновых капель, и, слава Богу, прошло, сердце стало работать*

[1] Лунево — лесное угодье в округе Лядин.
[2] Хина — медицинский препарат.

нормально. Как Бог пособит похоронить Марусю. Гроб и крест я вчера сделал, а могилы копать не могу, что-то ослаб, а мои соседи отказались помочь копать, я так и знал, что не помогут. Наш // (Л. 86/12) народ, а в особенности мои соседи – это мои враги, они рады моему несчастью и стараются его еще усугубить. Без страшной боли на сердце не могу видеть Марусю. Как посмотрю на нее, так как будто кто ножом ударит в сердце. Хотя бы мне не умереть вслед за Марусей.

Вчера было колхозное собрание. Опять требуют сдать в 1933 году 500 пудов сена и сдать хлеб по самозаготовке. Люди голодают, а т.т. сдирают самозаготовку хлеба, получается впечатление, как будто все они помешались в уме. Неистовствуют, как безумные.

Мы виноваты, что не досмотрели, дали простудиться Марусе. Прошлое лето она болела все лето, только к осени немного оправилась. Я не обратил как следует на это внимания. Конечно, виной к этому было убийство брата, оно заняло все мое внимание, всего меня. Я пропустил время лечить Марусю. Уже в январе я показал ее доктору Голикову, и тот дал заключение, «что умрет ранней весной или осенью». Я питал надежду, что хотя бы до осени-то поживет моя Маруся. Но болезнь приняла какую-то крутую острую форму и унесла от нас ее. Вот она лежит на диване под иконой с немым // (Л. 86 об./12 об.) *укором на устах. Прости нас, милая Марусенька; быть может, там, по ту сторону грешного мира, мы увидимся. Вечная тебе память. Прости, моя ненаглядная малютка, что-то думается, что скоро и я приду к тебе. Силы мои заметно убывают. Обстановка лжи, ... ненависти и коварства быстро отнимает остаток сил.*

(Дальнейшие записи сделаны чернилами)

23 III похоронили дорогую мою Марусю. Могилку выкопали рядом у церкви Егория, недалеко от Клани. Земля промерзла глубоко, всю могилу высекли в мерзлой земле. Помогли копать свои колхозники. Марусю хоронили с выносом: несли гроб в церковь Марусины божатки[1] Уля и Маня Старцева, провожали много детей и взрослых. После отпевания вынесли на могилку с открытым лицом. Маруся лежит, как уснула. На ее лице блаженность и чистая невинность, светлая неземная торжественность и серьезность. Батюшка пропел молитву, и потом я закрыл гроб крышкой. Последний раз поглядел я еще на бедную Марусю, а сердце готово разорваться от боли, ведь я больше не увижу своей Маруси. Прости навеки, моя дорогая крошка, папа очень о тебе мучится. Не знаю, могу ли хотя бы сколько-нибудь успокоиться, а забыть Марусю – никогда.

// (Л. 87/13) 24 III. Ночь спал худо. Образ Маруси все время стоит передо мной и как будто зовет меня: папа, папа. Встал и не могу найти покоя, чего-то утерял и не найти. Ушел в контору, а сердце гложет тоска. Моя бедная Марусенька, как тебе не хотелось умирать, во время приступов болезни она все звала папеньку и маменьку, видимо, думала, что мы ее спасем от смерти, а мы и не могли ее спасти. Это свыше наших сил.

В с/совете есть ГПУ, допрашивают людей об убийстве брата. Убийцу Патракеева водили на допрос несколько раз, допрашивал тетку Паню и дейну[2] Васиху. Чего опять ищут? Я полагаю, что опять ищут моей несуществующей вины.

Знаменательные события происходят в Германии, компартия запрещена, ее актив арестован, редакции газет компартии и соц.-демокр. партии закрыты. Правительство Германии составлено из соцнационалистов, их вождь Гитлер – премьер-министр; в рейхстаге подавляющее большинство мандатов имеет правящая партия. Аресты и преследования коммунистов продолжают с большой настойчивостью и последовательностью. Германский народ, видимо, решил раз и навсегда избавиться от коммунистической заразы. Тоже самое происходит и в Австрии. Заметна // (Л. 87 об./13 об.) *солидарность в действиях обоих правительств. Коммунисты зашевелились: с какой злобой наша печать помещает сообщения о событиях в Германии, какие дикие выпады появляются в газетах против руководства Германских фашистов, и в особенности против их лидера Гитлера, а чем-либо помочь они не в силах: если сунутся с помощью, может получиться каша, на которую не хватит масла. Два противоположных мира – коммунистический и капиталистический – спешно готовятся к последней схватке не на жизнь, а на смерть.*

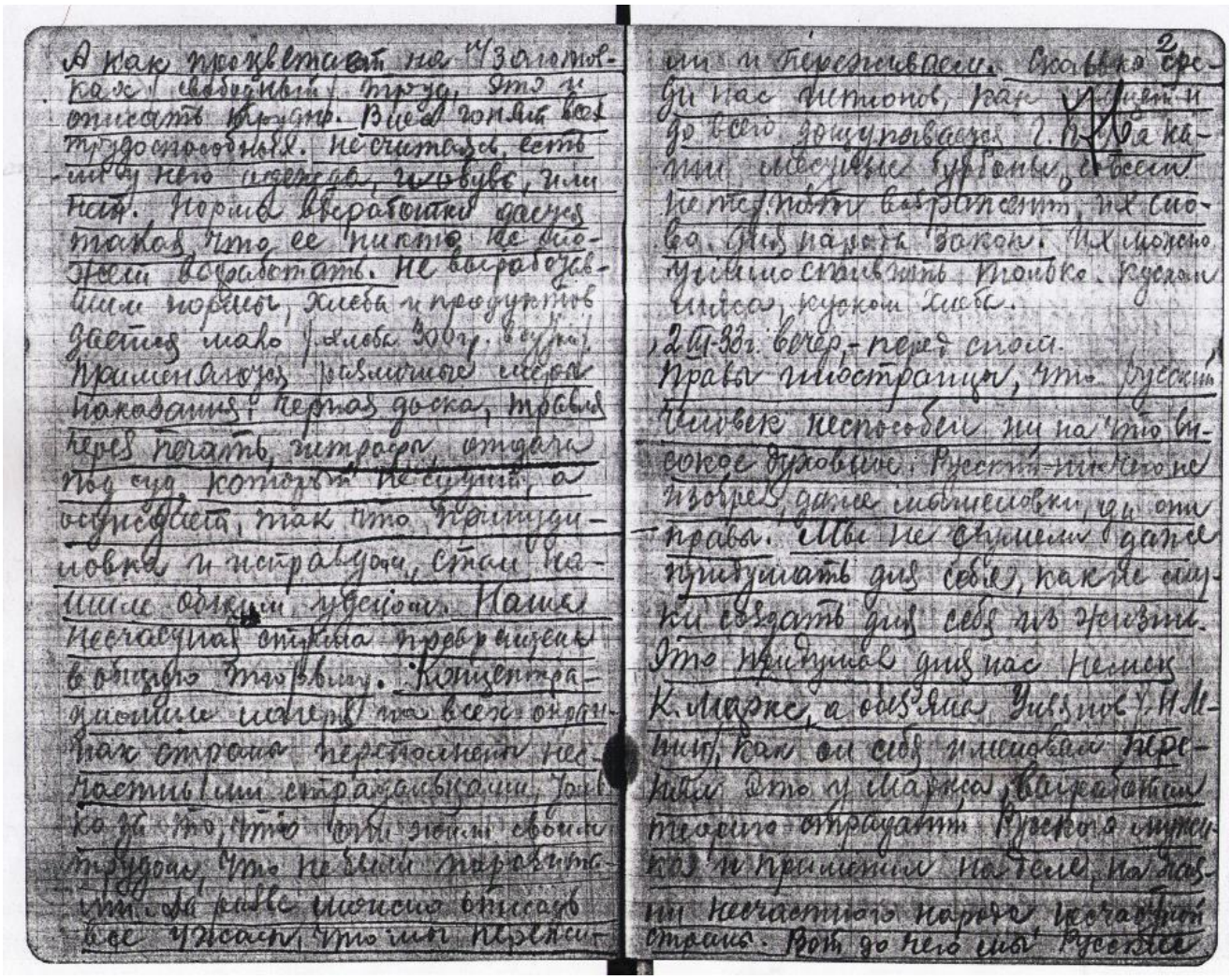
[1] Божатка — крестная мать.
[2] Деина, деинка — жена дяди.

Сходил на могилку к Марусе, вот она тут, в мерзлой земле, ее отделяет от меня только один аршин земли, но и это неодолимая преграда. Маруся ушла из бытия в небытие, хотя она и тут, близко от меня, но уже не услышит моего голоса, не примет моих ласк. Боже мой, какая мука, какие терзания! Нигде не найду покоя; дома скучно, сходил в Рубцову, в с/совет, к сестре Оле, к Мишковым, пришел в контору, но тоска ходит вместе со мною, она преследует меня по пятам, видимо, мне не уйти от нее.

26 III. Ночью вызвали на общее собрание, прихожу в контору, почти вся деревня в сборе. По заданию с/совета требуют, чтоб на собрание явились все без// (Л. 88/14) *исключения. Перед открытием собрания председатель колхоза заявил, что собрание будет проводить до тех пор, пока не соберем 30 п<удов> хлеба для продажи его государству по самозаготовке; причем, если кто уйдет с собрания раньше окончания, того будем считать дезертиром и подрывателем советской власти. А если кто не продаст государству хлеба, того завтра проведем по деревне с плакатом, как вредителя. Вот так в стране социализма проводится закупка государством хлеба у колхозников. По декрету правительства о самозаготовках хлеба, подлежат продаже государству только излишки хлеба. Это так стоит вопрос официально, а закулисно так: дается твердое задание на колхоз сдать 30 п<удов> хлеба, независимо от того, есть ли излишки или нет. Сидели на собрании до трех часов ночи. Сдирали с каждого по 5-10 кг сколько – было скандала, сколько слез, а все же хлеб сложили, последнее отдали. Многие задают вопрос: «Если мы отдаем сейчас последний хлеб, то кто его нам потом даст, не будем ли сидеть голодом?». А кто на это смеет ответить! Боже мой, какое насилие, какое варварство, у мужика отбирают последний кусок хлеба, отбирают молоко, сено, мясо, фураж – одним словом, все, что он вопроизводит, по твердым ценам: рожь по 1 руб. 30 коп., овес <по> 1 руб.20 коп., и т.д. А если// (Л.88 об./14 об.) купить хлеб на частном рынке, то надо платить руб.60–80 за пуд. Вот какую экономику проводит социализм в быт крестьянина. А он, бедный, превратился в бессловесную тварь, покорно отдает последние крохи и все молчит, все терпит, – а для кого это нужно, кому от этого польза? Ужели социализм только и может существовать за счет пота и крови мужика и при помощи такого варварского насилия, какое мы переживаем.*

Из нашего колхоза 9 лошадей работает на лесозаготовках с 1 февраля. Работают усиленно, делают ежедневно 3 поездки с 5<го>километра. Норму задания выполнили, а что они получают? Хлеб им посылают с дому, овес и сено для коней доставляет колхоз. Никто из работающих не получил за работу ни одной копейки, да и получать нечего. Говорят, еще останемся должными. Снабжение одеждой, обувью и т.п. отсутствует, люди работают с глухим ропотом на эти безобразия. Но все же молчат и работают, а долго ли так будет продолжаться такое, ведь это же ужас.

Моя бедная Марусенька, твой светлый образ неразлучно со мной. Какая мука, какие страдания! Ты так близко от меня и в то же время так далеко. Закон небытия не победим для человека. Дорогая Маруся, слышишь ли ты меня, как папа по тебе страдает? Если слышишь, то скажи // (Л. 89/15) мне что-либо, утешь меня. Или ты превратилась в ничто, и тебя больше нет ни здесь, ни там, по ту сторону нашего грешного бытия. Бедная Маруся, тебе так хотелось жить, но злой недуг лишил тебя этого дара. Прости, моя дорогая Маруся.

Илл. 1.Страницы из дневника Степана Петровича Абакумова

Н.И. Тормосова (г. Каргополь)

Эволюция системы сельского расселения Верхнего Поонежья

Каждый регион Русского Севера по-своему неповторим. Но всем им присуще то общее, что является своеобразной «визитной карточкой» – богатейшее культурное наследие. Система сельского расселения является его важнейшей частью. Изучение особенностей социально-пространственной организации территории способствует созданию объективной картины историко-культурных процессов в регионе. История формирования культурного ландшафта на Каргополье начинается с началом славянской колонизации (XI- XIII вв.). В период активного хозяйственного освоения края (XIV-XV в.) происходил интенсивный рост селений на Севере. Двигаясь вдоль основных путей сообщения, которыми служили реки и озера, славянские поселенцы постепенно заселяли и осваивали северную землю. Из всех известных форм сельских поселений на Севере, и особенно в Северо-Западном Поморье, преобладала деревня. На Каргополье, как и везде на Русском Севере, деревни обычно концентрировались на определенных, часто небольших, территориях, наиболее удобных для хозяйственной жизни. Постепенно формировались кусты поселений, в которых в среднем было от 10 до 50 деревень, что зависело от возможностей земли и от близости к основным торговым путям. Эти кусты поселений хозяйственно и административно объединялись в особую общинную организацию «волость».

Термин “волость” бытовал несколько столетий. Поэтому, естественно его использование при освещении истории развития историко-культурного ландшафта Каргополья. Большой научный интерес представляет проблема формирования и развития волости как “сообщества поселений”. В этом значении волость – главный составляющий элемент традиционной системы сельского расселения.

Основной тип поселений на Каргополье, как и в целом на Русском Севере, – приречный. Главная водная артерия Каргополья – большая северная река Онега. Исток берет в озере Лаче, крупнейшем в Архангельской области, и впадает в Белое море. У истока реки вот уже более восьми веков находится г. Каргополь. Городских поселений, кроме Каргополя, в регионе не было. В конце XVIII в. преобразован в г. Онегу погост Усть-Онежской волости, и только во второй половине XX в. появляются ст. Плесецк, г. Мирный и п. Североонежск. Протяженность Онеги 416 км. Она протекает по территории трех административных районов Архангельской области: Каргопольского, Плесецкого и Онежского. Поонежье условно подразделяется на три региона – Верхнюю, Среднюю и Нижнюю Онегу. Это деление основано на природных, экономических и культурных особенностях. Река Онега в верхнем течении имеет множество участков небольших порогов, вследствие чего практически несудоходна. Достаточно большие площади плодородной земли определили основное занятие жителей района на протяжении столетий – земледелие. На Средней Онеге десятки километров интереснейших природных ландшафтов с таежным лесом и высокими скально-известняковыми берегами. Залежи бокситовых руд дали толчок промышленному развитию района в середине XX в. В этом же районе расположен космодром «Плесецк». Для нижней Онеги характерны широкие плесы, невысокие глинистые берега. Ее богатство – соляные источники, которые имели большое значение в прошлом, в настоящее время лес и, конечно, близость моря.

В данной статье я остановлюсь на более подробном рассмотрении территории Верхней Онеги, а конкретнее, на характеристике волостей, которые в настоящее время входят в состав Каргопольского района. На территории бассейна Верхней Онеги находится два важнейших структурообразующих элемента – река Онега и Архангельский тракт, проходящий вдоль левого берега реки. В пределах Каргопольского района Архангельский тракт начинается (как и все местные тракты) от г. Каргополя и направляется на север вдоль левого берега р. Онеги до Архангельской волости (с. Архангело). Там он пересекает реку и уходит в пределы Плесецкого района. С середины XVIII в. эта часть дороги являлась частью государственного почтового тракта С-Петербург-Архангельск.

На Верхней Онеге богатые сельхозугодия – открытые пространства и мозаичная структура лесных угодий, которые имели активное хозяйственное использование. Сельхозугодия в основном были привязаны к побережьям рек, и в первую очередь, р. Онеге, и тянулись полосами от 3 до 5 км. Естественно, основным направлением производственной деятельности, было

земледелие. Волосовская и Троицкая волости славились самыми обширными полями. Уровень жизни в этом крае, в сравнении с другими, был достаточно высок, деревни считались зажиточными, население активно участвовало в торговле. Среди дополнительных заработков крестьян в поонежских волостях были некоторые отличия. В Надпорожской и Усачевской волостях местные жители занимались сбором рыжиков на продажу, выжиганием извести, извозом, лесосплавом. В Архангело и Троице широко практиковался уход на отхожие заработки в С-Петербург. В деревнях по Архангельскому тракту жили самые искусные мастерицы-золотошвеи. Со всей округи они принимали заказы на шитье золотных платков, женских кокошников и девичьих перевязок.

Территории волостей на этом участке Верхней Онеги непосредственно прилегают к обоим берегам р. Онеги в ее верхнем течении на протяжении около 80 км. Если бы мы двигались по этой дороге 100 лет назад, то первой на нашем пути была Надпорожская волость. Церковь погоста, возвышавшаяся на левом берегу Онеги, была хорошо видна с дороги. Дорога не всегда подходила к самому берегу, но большинство деревень (даже на правом берегу) были видны, так как кругом лежали распаханные поля. Деревни тянулись чередой, одна за другой. Большинство из них были небольшими (в среднем 10-15 дворов), но из-за их большого числа создавалось впечатление очень плотно заселенной местности. Так оно и было: с самого начала освоения северного края территория вдоль реки Онеги всегда была одной из самых густонаселенных.

За Надпорожьем, почти непрерывной чередой, тянулись деревни Ольховской и Устьвольской волостей, которые с середины XIX в. были объединены в одну административную единицу – Усачевскую волость. Погосты Ольховца и Усть-Волги стояли вблизи тракта и являлись своего рода доминантами, каждая из которых обозначала центр своей округи. В Усть-Волге ландшафт местности несколько меняется – Онега принимает здесь первый крупный приток – реку Волошку, впадающую справа. Вверх по Волошке убегают деревни, которых с дороги уже не видно.

Многочисленные деревни по р. Онеге в районе впадения в нее реки Волошки, сформировались в одну традиционную волость, которая в житии святого Александра Ошевенского (XV в.) названа общим именем «весь Усть-Волга». Наименование волости напрямую связано с ее географическим местоположением: деревни обширной округи расположились по обоим берегам реки Онеги и по обоим берегам, впадающей в Онегу реки Волошки, или по-местному – «Волги» (трансформация слова: Волошка – Волежка – Волга). Отсюда – «устье реки Волги», или «Усть-Волга».

В марте 1861 г. создается административная Усачёвская волость, которую составили традиционные Устьвольская, Волосовская, Ольховская и Надпорожская[1]. Свое название новообразованная волость получила по имени устьвольской деревни – Усачевская, местное название которое Семёнова. Именно в этой деревне расположилось волостное правление новой административной волости. Со временем название «Усачевская» сохраняется и продолжает бытовать до настоящего времени. «Усть-Волга» забыта… Это один из немногих примеров, когда традиционное самоназвание претерпело значительную трансформацию.

Из описания волости в начале XX в.: «Усачевская волость, состоящая из двух сельских обществ – Ольховского и Устьволгского, лежит к северу от Каргополя, по Архангельскому тракту, при чем первая деревушка этой волости находится в 14 верстах, а последняя в 23 верстах от г. Каргополя. …Входя в пределы Усачевской волости, дорога все время тянется по левому берегу р. Онеги. Из 58 селений волости 48 расположены по обоим берегам р. Онеги, остальные – по берегам речки Воложки, впадающей в Онегу с правой стороны. …Два более значительных пункта – погост Ольховский и Устьволгский находятся на большой дорог[2].

Современная история Усть-Волги – Усачева типична. Деревни на неперспективном правом берегу Онеги и на Волошке забрасываются, дома перевозятся на главную дорогу – Архангельский тракт. За 30 лет – 1970-1990-е гг. формируется большой поселок, официально именуемый деревней Усачево.

Г. Гунн, проплывший по р. Онеге в 1960-е гг., образно описал верховья реки: «За Каргополем Онега поначалу тихая и широкая, в низких сырых лесистых берегах. Но вскоре, за

[1] ГААО. Ф. 1322. Оп. 2. Д. 1376. Л. 30.
[2] ВОГЗ. 1917. № 6-8.

деревней Надпорожский Погост картина меняется – начинаются пороги, река становится извилистой, узкой, в голых высоких берегах. Так тридцать километров клокочет, бурлит Онега, вздымается валами на многочисленных порогах, из которых самый большой носит устрашающее название “Мертвая голова”. По берегам реки стоят деревеньки, выстроились на пригорке избы, смотрят окнами на стремительно бегущие воды. Небольшие поля в окружении чахлых лесов. Крохотные луговины, обнесенные изгородью… Только своенравная река оживляет однообразие картин… Но вот Онега, закончив свой разбег, за устьем реки Волошки притихла, успокоилась, легла спокойными плёсами… Впереди Волосово»[1]. Сейчас, к сожалению этой картины мы наблюдать не сможем.

Процесс разрушения традиционной системы сельских поселений коснулся в первую очередь правобережья р. Онеги. С конца 1960-х гг. новые фермы и производственные комплексы строились именно в деревнях на центральном тракте и близлежащих дорогах. Сеть деревень правобережья Онеги с более обширными и плодородными угодьями стала разрушаться. Люди устремились в деревни-центры левобережья. Бывшая когда-то основой жизнедеятельности река Онега стала основной причиной “неперспективности” деревень на ее правом берегу. К началу 1980-х гг. практически все правобережье опустело. Зарастающие кустарником и лиственным мелколесьем поля, одиночные разваливающиеся дома с цветущим Иван-чаем на местах утраченных функциональных зон, пустынные берега – таков современный ландшафт правого берега Верхней Онеги. Кардинально изменилась картина и на левом берегу. Здесь также утрачены многие деревни, которые оказались слишком удаленными (4-8 км) от совхозных усадеб. Укрупненные деревни получили несвойственную для сельского Севера типовую застройку. Хотя, справедливости ради надо отметить, что на центральных усадьбах Архангельского тракта типовые дома не превалируют. До начала 1990-х гг. для нормального ведения хозяйства существующих площадей сельхозугодий явно не хватало. В 1970-80-е гг. активно проводилась мелиорация. Основные сельхозпредприятия на этой территории в начале XXI в – «Агрохолдинг «Каргопольский» (с. Архангело) и «ООО «Комсомольский» (с. Усачево).

Храмовые комплексы поонежских погостов в пределах Каргопольского района почти не сохранились. Исключение – две деревянные церкви XVIII – начала XIX в. Архангельского погоста и две каменные церкви второй половины XVIII в. (в руинированном состоянии) Троицкого погоста. В аварийном состоянии деревянная церковь XVII в. Волосовского погоста. Почти нет часовен.

В Волосовской волости уже далеко не все деревни привязаны к Онеге – часть из них “берет на себя” р. Чучекса, левый приток главной водной магистрали; часть деревень располагается в обширных полях. Но Волосовский погост, как и полагается главному сакральному центру, находился на высоком левом берегу Онеги. Далее, за Волосовской округой, начинаются поля деревень Архангельской волости, которые от Онеги практически не отрываются. И сегодня можно увидеть прекрасный храмовый ансамбль Архангельского погоста, находящийся вблизи пересечения дороги и реки. Переправа через Онегу до конца XX в. доставляла много неудобств проезжающим, так как моста не было, а только паромный перевоз. Железобетонный мост был построен в 1991 г.

Если не следовать тракту, уходящему на другой берег реки, а двинуться дальше вдоль левого берега Онеги, то через несколько верст начинались деревни обширнейшей Троицкой волости, которая с середины XIX в. официально именовалась Быковской. От Троицкого погоста, каменные церкви которого пока стоят, уходило много дорог местного значения: вдоль реки через Волово на Плёсо, на запад – в Кену и на Кенозеро, на юг – в Ошевенск и на Лекшмозерье. Возможно, поэтому именно при Троицком погосте проводилась крупнейшая в Каргопольском уезде Алексеевская ярмарка. В XX в. эти дороги потеряли свое значение и практически не используются. Большинства деревень нет, население катастрофически убывает. В настоящее время Троица является последней и, можно, сказать “тупиковой” округой Архангельского тракта в границах Каргопольского района.Подводя итоги, можно отметить ряд моментов:

- Верховья реки Онеги отличались сплошной полосой малодворных деревень, равномерно расположенных по обоим берегам реки.

[1] Гунн Г.П. Каргополье-Онега. М., 1974. С. 76-77.

-к концу XX в. опустело почти все правобережье. Наибольшие утраты произошли в ближних к Каргополю волостях.

- на Верхней Онеге все волостные названия имеют корни в славянских языках. Они почти все сохранились, несмотря на утраты деревнь.

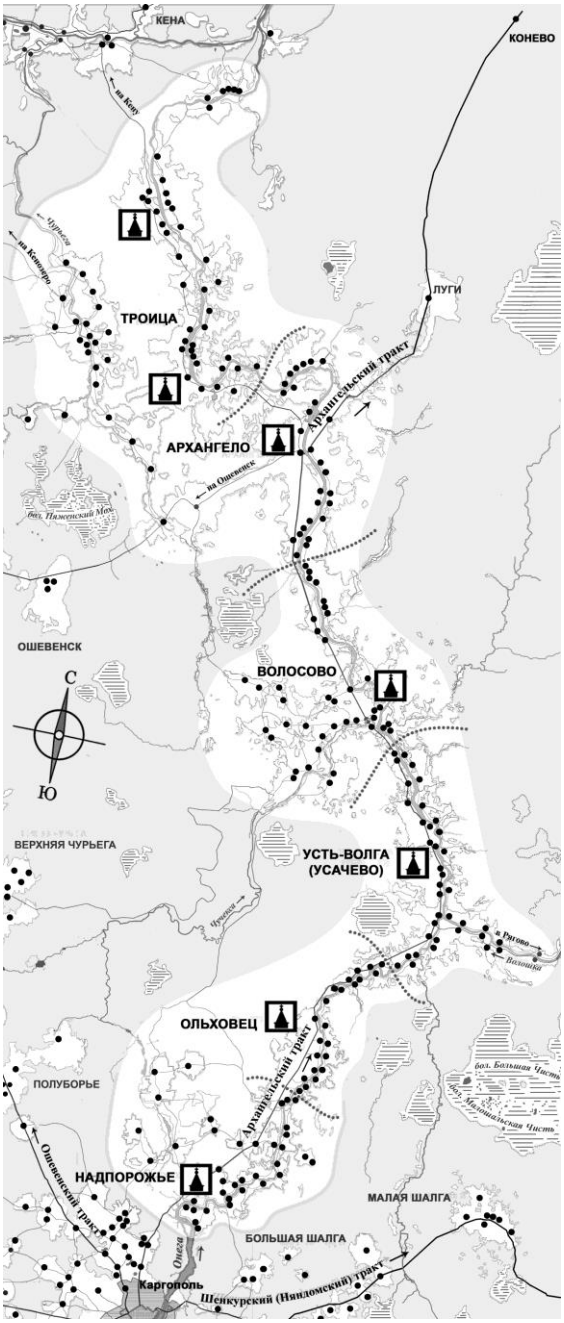
И самое главное, Верхняя Онега “определяла лицо” Каргополья, так как имела ярко выраженную специфику поселений по берегам порожистой реки, имеющих достаточно прочные связи друг с другом и с городом-центром, каковым на протяжении столетий является Каргополь. Плотность населения здесь была самой высокой[1].На участке от Каргополя до впадения р. Кены (это менее 100 км) было 6 волостей. В них насчитывалось 223 деревни, в которых в конце XIX века проживало 16000 человек. Границы волостей по картам определить очень сложно. Большинство кустов деревень Верхней Онеги располагалось на побережье реки ровной линейной полосой с небольшими промежутками между деревнями. Поселений на участках тракта (когда он удален от реки) были единицы. Большинство деревень были малодворными, четко выраженных групп деревень немного. Гнездовой тип расселения, считающийся распространенным на Русском Севере, здесь практически не встречается. С конца XX в. верховья р. Онеги не столь густо населены, но численность населения по-прежнему остается высокой (относительно остальных территорий Каргопольского района). В 2008 г. жилыми считалось 39 деревень, проживало в них 2298 человек. Но из этих деревень полноценно функционирующими можно назвать не более 10, а число жителей ежегодно уменьшается. См. Таблица 1.

Изучение системы сельского расселения необходимо при изучении истории каргопольского культурного ландшафта. В частности, при изучении истории волостей, конкретных деревень, сельских приходов, системы сельского самоуправления, особенностей сельскохозяйственного и кустарного производств, взаимосвязанных процессов в народной культуре, для составления картосхем бытования промыслов и ремесел и т.д. Волостей на Каргополье много. Мы рассмотрели только очень небольшую их часть. Большой интерес представляют волости, расположенные вокруг оз. Лаче, на Пудожском и Ошевенском трактах. Подробнее с ними можно познакомиться в книге «Каргополье. История исчезнувших волостей»[2].

волость	Число деревень, 1894 г.	Число жителей, 1894г.	Число деревень2008 г.	Число жителей2008г.
Надпорожье	35	1721	3	162
Ольховец	23	1018	1	50
Усть-Волга	37	2317	6	548
Волосово	40	3026	8	281
Архангело	29	2726	11	857
Троица	59	5200	10	400
Всего:	223	16008	39	2298

[1] «Дазиметрические карты Семенова Тян-Шанского». Фрагмент: территории Каргопольского, Пудожского и Вытегорского уездов. 1915 г. Условные обозначения: красно-коричневый цвет – 50-80 человек на 1 кв. версту. Темно-серый – 100-200 чел. на 1 кв. вер. Каргопольский музей, КП 9856.

[2] Тормосова Н.И. Каргополье: история исчезнувших волостей/ Н. Тормосова [Федер. Целевая программа «Культура России»]. – Каргополь: Каргопольский музей, 2011. – 712 с.: ил. Серия «Мы родом из деревни». Архангельск, издательство ОАО «ИПП “Правда Севера”.

Илл. 1. Схема поонежских волостей
на конец XIX в. Составлена Д. Тормосовым
для книги Н.И. Тормосовой «Каргополье.
История исчезнувших волостей», 2011 г.

Илл. 5. Остатки водяной мельницы на берегу
р. Онеги около д. Ильино (Надпорожье).
Фото 2006 г. Каргопольский музей, научный архив.

Илл. 2. Вид на деревни Подрезовскую
и Семеново, на р. Онегу и Архангельский тракт
(Усачево). Фото 2008 г.
Из архива Усачевской школы.

Илл. 3. Церковь Михаила Архангела (слева)
и Сретенская церковь. Фото А. Сорина, 2000 г.
Каргопольский музей, научный архив.

Илл. 4. Генрих Павлович Гунн около церкви
Троицкого погоста. Фото 2000 г.
Каргопольский музей, научный архив.

А.М. Грязов (г. Каргополь)

Археологические находки Саунинской округи

Развитие сельских поселений на территории Каргополья в эпоху средневековья связано, прежде всего, с притоком на Северные земли предприимчивых выходцев из Ростово-Суздальского и Новгородского княжеств. Осваивая новые земли, они находили места для пристанищ с плодородными почвами. Облюбовав их в недалёкой близости от основного речного торгового пути, начинали ведение крестьянско-промыслового хозяйства. Как правило, для деревень выбирались места близ малых рек, озерков, карстовых воронок.

Примером служат бывшие деревни Бодухино и Косолапиха, входившие в состав Саунинской округи около г. Каргополя и расположенные в полях вблизи двух небольших стоячих водоёмов, по-местному, ляг ***(илл. 1).***На распаханных полях здесь был собран подъёмный археологический материал, отражающий этапы освоения и заселения территории в эпоху средневековья и нового времени (селища Бодухино и Косолапиха) и позволяющий оценить характер материальной культуры этого периода. По собранному вещевому материалу у этих селищ можно судить также о характерных традициях в оформление северных костюмов различными украшениями и пуговицами[1].

Наиболее ранним типом украшения является полая подвеска в виде двухголового конька из Бодухино, выполненная в технике литья по восковой модели (тип XX, по Е.А.Рябинину)[2]. Грива изображений передана проволочными колечками, уши выделены двумя колечками, развернутыми перпендикулярно к голове коня. На шее находится ещё по одному колечку, вероятно, для подвешивания миниатюрных бубенчиков. Тулово орнаментировано рельефной волнистой линией. У основания тулова припаяно шесть колечек для крепления на цепочках «шумящих подвесок» - колокольчиков, бубенчиков, или конических привесок ***(илл. 2)***. Датировка полых подвесок определяется по аналогичным находкам в слоях древнерусских поселений. Согласно хронологии ювелирных изделий древнего Новгорода, они датируются концом XII-XIV вв. (возможно и началом XV в.)[3]. В бассейне оз. Лаче двухголовая коньковая подвеска встречена впервые. Необычной особенностью изделия является кольцо из железной проволоки, вставленное в одну из петель для подвески «шумящих» подвесок (в другой сохранилось бронзовое звено цепочки). Налицо следы грубого ремонта подвески, очевидно, произведённого в более позднее время. Не исключено, что это украшение в течение нескольких поколений передавалось в наследство по женской линии, как было принято в каргопольских деревнях еще в XIX – начале XX в.

Среди подъёмного материала присутствуют также пуговицы-гирьки, пуговицы шаровидной формы, найденные на обоих селищах:

1.Шаровидная бронзовая пуговица диаметром 10 мм, с плоским ушком, выполненная путём отлива. На сферической поверхности пуговицы нанесён рисунок в виде трилистника, путем гравирования ***(илл. 3-1)***.

2. Шаровидная пуговица пустотелая, выполненная из листового серебра путём чеканки и последующей пайки из двух половинок с припаянным ушком ***(илл. 3-2).***

3. Бронзовая пуговица биконической гранёной формы, с плоским ушком, выполненная путём отлива в форме, украшенная выемчатой многоцветной не прозрачной эмалью, чистых тонов. Композиция создаёт некую мозаику, среди которой наиболее сочны в своём цветовом сочетании голубые, белые, жёлтые и зелёные тона ***(илл. 3-3)***.

4. Пустотелая шаровидная пуговица, диаметр в окружности 16 мм, выполненная из серебра, с припаянным ушком, способ изготовления ковка, ажурно украшенная по окружности пуговицы сканью; завершает выполненную композицию припаянная в центре пуговицы маленькая бусинка, с восемью отверстиями по окружности ***(илл. 3-4).***

---

[1] Из коллекции автора.

[2] Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси// Свод археологических источников. Вып. Е1-60. Л., 1981. С. 35-43, Рис. 10, 11.

[3] Лесман Ю.Н. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X-XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990. С. 58, Рис. 6-*1.2*.

5. Пустотелая шаровидная пуговица с припаянным ушком, диаметром14 мм, выполненная из серебра, с нанесением по окружности колечек из скани, верхняя сферическая поверхность заполнена скрученной в спираль проволочкой в виде скани ***(илл. 3-5).***

6. Шаровидная, прорезная, пустотелая пуговица, диаметром 12 мм, украшенная сканью и зернью в виде колечек, выполненная из серебра. Способ изготовления: ковка, пайка ***(илл. 3-6).***

7. Бронзовая шаровидная литая пуговица, выполненная путём отлива с плоским ушком, с нанесением точек, расположенных на сферической поверхности в виде концентрических кругов различных размеров ***(илл. 3-7).***

8. Бронзовая шаровидная, пустотелая, прорезная пуговица, выполненная путём ковки и чеканки, с нанесением на прорезные дольки рисунка в виде циркульного орнамента ***(илл. 3-8).***

9. Бронзовая литая пуговица с плоским ушком круглой формы с углублением со стекловидной вставкой ***(илл. 3-9).***

Наиболее часто встречаются на литых пуговицах шаровидной формы рисунок в виде круга с расположенной в центре шестиконечной звездой, концентрически расходящихся окружностей, с нанесением гектограммы, квадрата, треугольника с сочетанием точек. Для большинства пуговиц, выполненных из серебра – любимого на Руси металла, художественные приёмы изготовления были очень разнообразны: скань и зернь, чеканка и ковка, чернь и позолота. Форма, размер, украшение пуговиц и их количество на одежде, говорили о богатстве человека и его социальном положении, были визитной карточкой владельца. Аналогичные пуговицы были популярны на Русском Севере и датируются в хронологическом интервале XVII-XIX вв. – возможно, и ранее (музейные собрания Сольвычегодска, Тотьмы, Великого Устюга, Вельска)[1].

Другая категория находок– это бронзовые перстни и кольца. Среди найденных перстней, есть рубчатые перстни, выполненные методом литья. Они могут быть датированы XV-XVII вв. ***(илл. 4-6).*** Представлены также щитковые перстни, украшенные изображениями сказочных птиц в различных композициях (Бодухино) ***(илл.4-1,2,4).*** Одно из них напоминает рисунок на Тверских пулах, датируемых XV в. ***(илл.4-3).*** Интересен щитковый перстень, выполненный из бронзы, путём отлива, с проковкой щитка и нанесением рисунка в виде пересекающихся линий, выполненных методом гравирования ***(илл. 4-5).*** Отметим и другие варианты – бронзовый щитковый перстень с тонкой круглой дужкой, с плоским щитком, орнаментированном тремя циркульными точками, выполнен путём отливки в глиняной форме, предполагаемая датировка XV-XVII вв. ***(илл. 5-1)***; перстень со вставкой из янтаря, изготовленный путём отливки ячейки для вставки и припаянной к кованому жгуту дужки, вероятно, является изделием городских ремесленников XV-XVIвв. ***(илл.5-2);*** бронзовый замкнутый пластинчатый перстень с изображением равностороннего креста, нанесённого методом гравировки в виде черточек, датировка XV-XVII в. ***(илл. 5-3).***

Отдельную группу находок представляют нательные кресты-тельники XV-XIXвв., найденные на обоих селищах:

1. Крест нательный, медный сплав, литьё (XVIII-начало XX). Композиция четырёхконечного креста заключена в обрамление барочных очертаний, украшена растительным орнаментом (так называемый листик). Оглавие выполнено в виде бусины с тремя венцами вверху, символизирующими Святую Троицу. На оборотной стороне псалма. По номенклатуре мастеров литейщиков, крест близок к т.н. «Крупным женским» ***(илл. 6-1)***[2].

2,3. Крест нательный, медный сплав, литьё, вторая половина XVII-XIX вв. Четырёхконечный с прямоугольными концами и лучистым венцом, вокруг средокрестия (лучи в виде шариков с завитками). На лицевой стороне помещён рельефный восьмиконечный Голгофский крест, с Главой Адамовой в пещере. Данный тип крестов сформировался во второй

[1] Сольвычегодский историко-художественный музей: альбом-путеводитель по коллекциям. М., 2015, С. 114-115; Тотемское музейное объединение: альбом-путеводитель по коллекциям. М., 2015, С. 92-93; Великоустюгский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник: альбом-путеводитель по коллекциям народного и декоративно-прикладного искусства. М., 2013. С. 85; Вельский краеведческий музей имени В.Ф.Кулакова: альбом-путеводитель по коллекциям. М., 2012. С. 94-95.

[2] Куколевская О.С. Медное художественное литьё Красносельской волости Костромской губернии в конце XIX-начале XX в. // Краеведческие записки. Вып.V. Кострома,1993. С. 91-92.

половине XVII в. В конце столетия подобные кресты уже встречаются на русском Дальнем Востоке и широко бытовали на территории России до XX в. ***(илл. 6- 2, 3)***[1].

4. Крест нательный, медный сплав, предположительноXVв. Двухсторонний, с овальными завершениями концов. «Распятие Христово» с избранными святыми и Николаем Угодником. Оборотная сторона креста несёт на себе изображение в средокрестии ростовую фигуру мученика Никиты, побивающего беса. Святой изображён в три четверти влево. Он держит в правой руке цепь, левая рука сжимает рога беса. На концах горизонтальных лопастей, в клеймах, избранные святые. В нижнем окончании креста образ преподобного Сергия. Оглавие в виде широкого ушка с рельефным крестиком ***(илл. 6-4).***

5. Крест нательный четырёхконечный, двухсторонний с расширяющимися лопастями, медный сплав, литьё, XV-XVII вв. На лицевой стороне изображение восьмиконечного креста с копьём и тростью по сторонам и Главой Адамовой в пещере. Над крестом надпись ЦАРЬ СЛАВЫ в две строки, по сторонам перекладины креста - монограммы: ІСХС, под титлами. На оборотной стороне креста псалма 67 «Да воскреснет Бог» ***(илл. 6-5).***

6. Крест нательный, оловянисто-свинцовистый сплав, литьё. Возможно, XIV-XV вв. С рельефными дугами в средокрестии, своими концами образующими парные выступы на лопастях. В центре углублённого ромбовидного средокрестия помещено рельефное изображение четырёхконечного крестика. Оглавие в виде тонкого ушка. Оборотная сторона гладкая ***(илл. 6-6).***

7. Крест килевидной формы «Старица», медный сплав, литьё, предположительно XIV-XVI вв. В средокрестии изображён Спас Нерукотворный, с предстоящими по бокам. В левой руке Спасителя свиток, на нижнем конце – Николай Чудотворец. Состояние креста и качество отливки предполагает одну из первых копий. Здесь хорошо видно, что Спаситель сидит на престоле с разворотом ¾ вправо. Оглавие креста утрачено. Подобные нательные кресты известны по раскопкам в Тверской земле, особенно в Старице ***(илл. 6-7)***[2].

8. Редкий килевидный нательный крест предположительно XV-XVI вв., медный сплав, литьё. В средокрестии образ Спаса Нерукотворного с предстоящими на краях горизонтальных лопастей: Богородицы и Жёны мироносицы - справа и Иоанна Богослова и Лонгина Сотника - слева. В килевидном окончании, отделённом от образа Спаса табличкой с надписью НІКОЛ, образ Николая Чудотворца, оборотная сторона гладкая. Килевидное окончание имеет декоративные вырезы. Верхняя часть креста утрачена ***(илл. 6-8).***

9. Оглавие от круглоконечного энколпиона, гранёно-втульчатое, с рельефным изображением Нерукотворного Образа Спаса. Медный сплав, литьё,XV-XVII вв., Москва ***(илл. 6-9)***[3].

Среди вещевого материала, собранного на селище Бодухино, представлены и другие категории предметов:

1. Плитка прямоугольной формы со скошенными краями, размером 2х2 см и толщиной 1 см, предположительно весовая гирька. Медный сплав, литьё. На лицевой стороне нанесена композиция в виде расходящихся лучей из центра круга, напоминающая изображения на древнерусских амулетах-змеевиках. На оборотной стороне трудноразличимый рисунок, с точками в центре квадрата. Датировка не определена ***(илл.7-1).***

2. Гранёная бусина, медный сплав, литьё. Циркульный орнамент. Датировка не ясна ***(илл. 7-2).***

3. Круглая ременная пряжка с углублённой прорезью в виде равностороннего креста, с нечитаемой надписью по окружности. С обломанным ушком от соединительной ременной накладки, предположительно XVII в. ***(илл. 7-3).***

На обоих селищах собран нумизматический материал, который отражён в таблице. Он охватывает период с середины XV до конца XIX в.:

---

[1] Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьев Н.М. Тысячелетие креста. Произведения русской христианской металлопластики X-XX веков из частных собраний. М., 2003. С. 11.

[2] Гнутова С.В., Зотова Е.Я. Кресты, иконы, складни. Медное художественное литьё XI-начала XX века из собраний Центрального музея древнерусской культуры и искусства им А. Рублева. М., 2000. С. 41, Рис. 21.

[3] Станюкович А.К., Осипов И.Н., Соловьев Н.М. Тысячелетие креста... С. 10. Рис. 1-21.

Правитель	Номинал	Год	Количество
Иван III Васильевич	деньга	1462-1505	4
Василий III Иванович	деньга	1505-1533	3
Иван IV Васильевич	полушка деньга деньга копейка	1533-1547 1547-1584	1 6 2 2
Федор Иванович	деньга	1584-1598	2
Борис Федорович	деньга	1598-1605	2
Михаил Федорович	деньга копейка	1613-1645	4 7
Алексей Михайлович	полушка копейка	1645-1676	2 2
Петр Алексеевич	Полушка деньга копейка	1682-1721	10 8 6

Среди них представляют интерес монеты Ивана III, Ивана Грозного найденные на селище Косолапиха:

- Медное тверское пуло с изображением птицы, держащей в клюве цветок, и построчной надписью «ПУЛОТВЕРЬ» на оборотной стороне, отчеканенной в Твери.

- Деньга с изображением воина с мечом в правой руке и надписью «ДОЗОРОМ», на оборотной стороне изображён всадник с саблей в руке.

- Деньга с изображением в центре монеты цветка и круговой надписью «К В ИВАНЬ ВАСИЛЬЕВИЧ», на оборотной стороне изображен всадник с саблей в руке, под конем буквы СЛ.

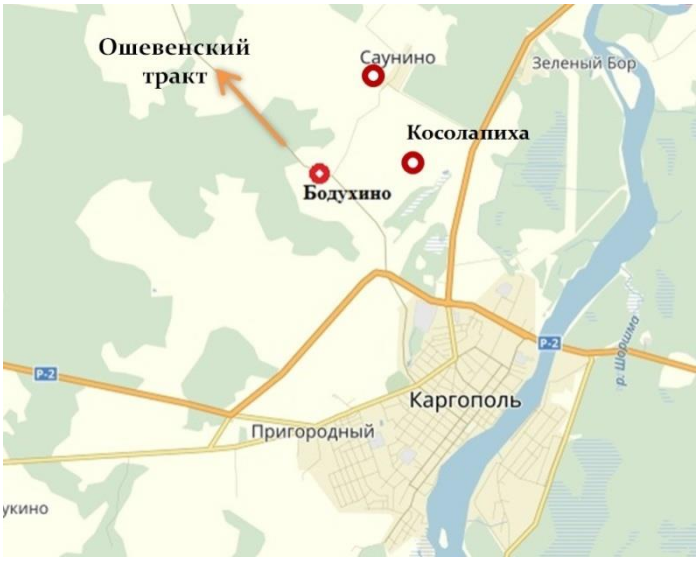
Здесь же найдена деньга Василия III, с надписью «Государь В Руси», на оборотной стороне изображен всадник с саблей руке, под конем отрубленная голова.

Среди монет, найденных на селище Бодухино, отметим полушку Ивана Грозного, с изображением птицы и надписью вязью «Гдарь» на оборотной стороне.

На Каргополье они встречаются крайне редко и указывают на направления торговых связей с такими городами как Москва, Новгород, Тверь.

Найденный вещевой материал позволяет сделать ряд предварительных замечаний по истории саунинских деревень в эпоху средневековья. Аналогичные типы изделий представлены в сопредельных регионах Русского государства, что вполне определенно является показателем торгово-экономических связей в разные отрезки времени.

Так, двухголовая коньковая подвеска прибалтийско-финского типа, несомненно, поступила сюда из новгородских земель. Для более позднего периода можно выделить особую группу ювелирных изделий, относящихся к произведениям тверских ремесленников – например, килевидные кресты с изображениями святых и перстни с рисунками в виде птиц, напоминающими изображения на тверских пулах.

Илл. 1. Расположение селищ Бодухино и Косолапиха.

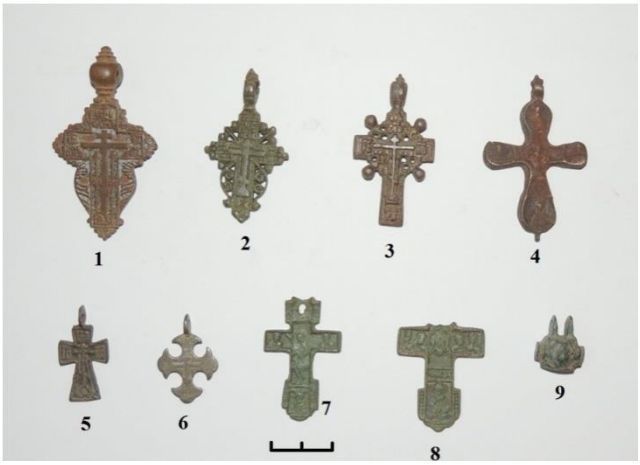
Илл. 2. Подвеска из Бодухино.

Илл. 3. Пуговицы: *1,2,9* – Косолапиха; *3-8* – Бодухино.

Илл. 4. Перстни: *1*- Косолапиха; *2-6* – Бодухино.

Илл. 5. Кресты – тельники: *1-3, 8, 9* – Бодухино; *4-7* – Косолапиха.

Илл. 6. Перстни: *1,3* – Бодухино; *2* – Косолапиха.

Илл. 7. Находки из Бодухино.

РАЗДЕЛ II. КАРГОПОЛЬСКАЯ ЗЕМЛЯ И РУССКИЙ СЕВЕР: КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

А.С. Миронов (г. Москва)

Роль былин Русского Севера в культурной трансмиссии ценностей православной цивилизации: проблема «силы», «чести» и «хвастовства»[1]

Первооткрыватель былинного мира П.Н. Рыбников полагал былину фактором русской идентичности, он писал: по крайней мере здесь, в Олонецком крае, русские «на украйне между корелою и чудью… должны были поддерживать свою народность былевою памятью о славном киевском и новгородском прошедшем»[2].

Бережное отношение народа к своим сказителям указывает на то, что былина являлась для русских не столько хранилищем коллективной памяти об исторических событиях, не кладбищем мифологических представлений, сколько актуальным средством народной педагогики, осмысления национальной идеи и исторического призвания.

В контексте миссии освоения и христианизации европейского Севера, многочисленных украйн, а впоследствии Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки функция эпоса как средства народной педагогики была чрезвычайно важна.

Былина транслировала новым поколениям русских не только ценности, но информацию о социальных нормах, закреплённых в народном правосознании. Пока филологи спорили об историзме былин и заимствованиях, историки и юристы приходили к выводу, что эпос берёт на себя функции «писаного» закона, устанавливая и ценностно осмысливая социальные нормы.

Так, историк права Д.Я. Самоквасов в конце XIX века писал, что «до времени введения письменного княжеского и наместнического делопроизводства» нормы, устанавливающие «права для одних лиц и обязанности для других, хранились устным народным преданием»[3].

Любой гимназист узнавал из учебника русской словесности А.Д. Галахова, что «народная поэзия… обнимает и религиозные и нравственные интересы народа», поэтому «народ видит в своей поэзии драгоценное достояние, которое в течение многих столетий одни поколения завещевали другим. Она имеет смысл священной старины, неприкосновенного предания, которое должны усваивать люди молодые с тем, чтобы в свою очередь передать его потомкам»[4].

В.Ф. Миллер полагал былину важным фактором трансмиссии ценностей. Сказители былин «сохранили свято духовное добро, которым питался и услаждался в течение веков русский народ…», отмечал он. Но какова эффективность трансляции этого духовного добра новым поколениям сегодня? Возможно ли использовать для этого средства современных творческих индустрий? Чтобы оценить перспективы культурной трансмиссии подлинных ценностей, смыслов русских былин, нужно, прежде всего, ответить на вопрос: каковы эти ценности?

Былина, как и песня, и деревянное зодчество, содержит ключи к ценностной картине мира русской цивилизации. Самое поверхностное знакомство с русской былиной убеждает в том, что эти ценности – и их иерархия – уникальны.

Добрыня Никитич освобождает Забаву Путячишну[5] от Змеи. Для героя античного эпоса, равно как и западноевропейского, избавленная от злодея красавица есть законная добыча. То, что Добрыня даже не думает насладиться любовью Забавы, - уникальная модель поведения, утверждающая ценностную доминанту русского эпоса.

Удобной отправной точкой для изучения ценностной системы былины представляется аксиологическая система эпоса античности. Главный ценностный концепт гомеровского эпоса –

---

[1] В дополнении этой темы также см.: Миронов А.С. Русский былинный эпос как система ценностей. К постановке проблемы // Новый филологический вестник РГГУ. N3 (38). 2016. С. 45.

[2] Рыбников П.Н. Заметка собирателя // Песни, собранные П.Н. Рыбниковым / Под ред. А.Е. Грузинского. М., 1909. Т. I. С. LXVI.

[3] Самоквасов Д. Древнее русское право. Лекции 1902-1903 академического года. М., Университетская типография, 1903. С. 210.

[4] Галахов А.А. История русской словесности. Изд. 2-е, 1880 г.т. I. С. 1-4,

[5] В других вариантах былин называется как Забава Путятишна или Запава Путевисьна

концепт чести (τιμή-славы, признания потомков), концепт «чести-хвалы богатырской» также является ключевым для былины.

В бою с Ахиллом Гектор ободряет себя тем, что погибнет «не без славы», ибо ныне он совершает нечто великое, о чём «и потомки услышат»[1]. Но если в античном эпосе честь (память потомков) есть индивидуальное задание героя, его личный прорыв в бессмертие, то для русского богатыря честь есть скорее бремя и обязанность.

Гомеровский герой всеми способами добивается чести, а русский былинный герой этой честью уже обладает в силу принадлежности к богатырскому роду и потому озабочен её сохранением. Русская былина не знает личной чести, но исключительно «честь-хвалу богатырскую», которой обладает корпорация богатырей.

Честь богатырского племени – коллективная «выслуга» и одновременно общественный статус защитников русской земли, это почётное «среднее место» за пиршественным столом князя Владимира.

Когда старый богатырь Данила Игнатьевич просится у князя разрешить ему постричься в монахи, Владимир отвечает прямо, что уйдет славушка великая по всей вселенной, что разошлись богатыри по монастырям:

«Уш ты ойеси, Данило да сын Игнатьевиць!
Я спущу как тибя да ф три манастырях –
Да не будёт у миня да думы крепкоей,
Да не будёт у миня да слуги ве́рноёй:
Да не будёт стены да быгородовоей!
Да пройдёт тут славушка великая
Да по всей бы земли, по фсей фселенною,
Да уйдёт эта слава ф проклету Орду,
Що розошлись эти богатыри по мана́стырям!..»[2].

Постоянная угроза внешнего нашествия заставляет богатырей (и прежде всего «старого» Илью, их главу) следить за тем, чтобы ценность богатырского племени не была девальвирована. Именно поэтому, а не из-за личной обиды, Илья Муромец столь резко отзывается на попытку принизить статус богатырства и посадить его «на нижний конец»[3] стола. Он возражает князю, что:

«Не по чину место, не по силе честь[4].

«Обида» Ильи имеет мало общего с гневом Ахилла, у которого отобрали Брисеиду. Илья возмущается попранием сложившейся иерархии социальных групп при княжеском дворе. Когда князь вынужден просить у Ильи прощения, тот требует не более чем вернуть богатырству прежний статус. Богатыря теперь хотят посадить на «место верхнее», однако он «садится на место на среднее»[5].

Когда во Киеве была добра пора,
Тогда во Киеве было защитчиков,
Защитчиков и заступчиков.
А как стало во Киеве недобра пора,
Так нет во Киеве защитчиков,
Защитчиков и заступчиков[6].

В связи с этим требует решения проблема эпического хвастовства. Ф.И. Буслаев полагал, что «хвастовство богатырей на пиру – содержание самих былин»[1], однако данное наблюдение

[1] Гомер. Илиада. Пер. Н. Гнедича. СПб. Типография Императорской Российской академии. Глава XXII, стихи 304-305.
[2] Данило Игнатьевич и его сын Михайло: («А-й во стольнёмво городе во Киеве...») / [Садков Егор Дмитриевич] // Архангельские былины и исторические песни, собранные А.Д.Григорьевым в 1899-1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. СПб.: Тропа Троянова, 2002-2003. (Полное собрание русских былин; Т. 2).Т. II. Ч. 3: Кулой. 2003. С. 155-169.
[3] Песни, собранные Т.П. Рыбниковым, в 3-х т. М., 1910. Том 2. С. 158.
[4] Бунт Ильи Муромца против князя Владимира // Былины: Сборник. Л.: Сов.писатель, 1986. С. 101-103. (Б-ка поэта. Большая серия).
[5] Песни, собранные Т.П. Рыбниковым, в 3-х т. М., 1910. Том 2. С. 164.
[6] Илья Муромец, Ермак и Калин-царь // Былины: Сборник. Л.: Сов.писатель, 1986. С. 121-125. (Б-ка поэта. Большая серия).

означает лишь то, что рассказ о подвиге на пиру совпадает с сюжетом самой былины. Это не даёт оснований некоторым современным исследователям[2] возводить похвальбу и желание богатыря сделаться героем «средневековой светской хроники»в ранг главного мотива его действий.

В системе ценностей былины «хвастовство» совершенно оправдано: похвальба богатыря это ни что иное как «доклад» князю и миру об уже произведённой богатырской работе. Она не может быть обещанием подвига или своего рода рыцарским обетом:

Да у нас на Руси
прежде дела не хвастают,
Когда дело сделают,
Тогда и пофастают[3].

Напротив, для иноземных поединщиков характерно хвастаться ещё не одержанной победой – они так и называются: «нахвальщики».

Представители других сословий – королевичи, паны-улановья, бояре, гости и купцы, крестьяне – за княжьим столом преспокойно хвастают чем угодно (богатством, женой, оружием и др.). И только богатырь не может хвастать ни золотом, ни конями – ничем, кроме «выслуги»:

Как скачен нам жемцюг да всё не выслуга,
Кабы чистоё серебро – не пóхвальба[4].

В былинном мире похвальба преждевременная, или «не по заслуге», непременно наказывается. Ставер, похваставший молодою женой, оказывается в заточении; Святогор, похваляющийся, что «как бы я тяги нашел, так я бы всю землю поднял», угрязает в землю[5]. Речка Смородина прямо указывает утопающему богатырю на действие духовного закона: «не я тебя топлю, добрый молодец, топит тебя похвальба – твоя пагуба»[6].

Богатыри, хвастающие тем, что готовы завоевать всю землю и даже небо, либо сразу каменеют, либо получают строгое увещевание свыше: «сохраняйте Русею от неприятеля, а хвастать по-пустому не знайте“»[7].

Наказание за преждевременную похвальбу ожидает и Сухана. Он похвалялся добыть «лебедь белую, некровавлену» – задача ничтожная по сравнению с битвой, предпринятой им с вражьей силой. Но киевский князь спрашивает богатыря не о великой битве с татарами, а о белой лебеди, которую ему так и не удалось добыть.

Чтобы богатыри не перевелись, необходимо также, чтобы слава об их подвигах распространялась по земле, вплоть до Индеи. В этом случае в Киев будут прибывать новые «добры молодцы» – такие, как Дюк Степанович.

В былине «Про Дюка» есть один стих, чрезвычайно важный: Дюк объясняет матушке, зачем ему надо ехать прочь из дома:

Пора зъездить мне бурушка косматого
И утешить мысли молодецкия.

Что за «мысли молодецкия» не дают ему покоя?

Восприятие русского былинного героя как «пассионария», которому хочется разгуляться и потешиться от делать нечего, вовсе не точно. Добрыня, по сути, бежит из дому, ведь оставаясь в кругу сверстников, он рискует превратиться в ненавидимое всеми чудовище, которое, не рассчитав силушки, может поневоле оторвать приятелю руку или ногу. Константинушка Саулович тоже воспринимается окружением как урод. Преизбыток силы, воспринятой Ильёй Муромцем у Святогора, – не удача, но смертельная опасность, «лишняя» сила грозит гибелью:

Здохнул Светогор Ильи Муромцю –
Не припал Илья Муромец к гробовой доски,

---

[1] Буслаев Ф.И. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887. С. 207.
[2] См., напр.: Козловскии С.В. Хвастовство в социальнои практике Древнеи Руси 1Х-ХШ вв. // Исследования по русскои истории. Сборник статеи к 65-летию проф. ИЛ. Фроянова. СПб.; Ижевск, 2001.
[3] Кострюк. Миллер В.Ф. Исторические песни русского народа XVI-XVIIвв. Пг, 1915. С. 148.
[4] Алеша Попович и сестра Петровичей-Збродовичей: [Былина] № 117 // Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин.Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. (Свод рус.фольклора). Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. 2001. С. 530-533.
[5] Святогор и сумочка переметная // Былины. М.: Сов. Россия, 1988. (Б-ка русского фольклора; Т. 1). С. 34.
[6] «Когда было молодцу пора-время великая». Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. / Подгот. А.П. Евгеньева и Б.Н. Путилов. М., 1977. № 33.
[7] Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года. Т. 2. М.: 1938. С. 613.

Тогда бы Илью силой разóрвало[1]. Контролировать собственную силу – непростая задача для богатыря. Илья Муромец вынужден избавляться от «излишней» силы, после того, как им одержана победа над войском Полубелого:

Он копал яму да сам великую,
Утолял силу свою великую[2].

В античном эпосе, чем больше силы у героя, тем лучше; сила идеального античного героя безгранична. В русском былинном эпосе не так. Сила ощущается одновременно как бремя и как чудесный дар: «Грузно от силушки, как от тяжелого бремени»[3].

Тот, кто использует дар силы для достижения личной выгоды – обогащения, власти, посягательства на чужую жену, для того, чтобы дать волю собственным страстям – гневу, жажде мщения и т.д., в былинном мире не выживает. Примеров много: Соловей Разбойник, Сокольник, дочь Ильи Муромца, Василий Буслаев. Сила может оставить того, кто начинает вести себя несообразно миссии сострадания. Например, Сухман вступает на путь богатырского служения в момент, когда проникается жалостью к Непре-реке, которая «помутилась»: она каждую ночь выбивается из сил и вымывает переправы, которые за день успевают навести татары:

Я теку, река, не по-старому,
Я теку, река, да не по-прежнему:
Как за мной-то стоят, да за Днепрой-рекой,
Сорок тысяч да злых татаровей,
Они мост мостят да с утра до ночи.
Что в день намостят, то в ночь я вымою[4].

Однако по завершении битвы Сухман изменяет своей благородной миссии, опускаясь до хвастовства и глумления над противником. Благодать оставляет его, он делается уязвим для метательных снарядов неприятеля и погибает.

Уникальность концепта силы в былине состоит в том, что, в отличие от героев восточных эпосов, сила русского богатыря не является титанической «земной» силой; об Илье, Добрыне или Потыке невозможно сказать так:

Щеки его - с полскалы,
Голова его - с целую скалу.
Между двумя его глазами
Сорок баранов могут стоять[5].

Сила Ильи измеряется не аршинами и не количеством съедаемого на обед. В былине «Илья и Идолище» последний узнает, что Илья обычного роста, а «хлеба есть по три калачика крупивчатых, а пьёт зелена вина на три пятачика медныих», и потому сомневается в силе Муромца:

Да это какой богатырь, говорит Издолина,
Как тремя калачиками сыт бывает:
Я по семи пудов хлеба ем,
И по три быка яловика наварю[6].
А пью-то вина по три ведра мерныих[7].

Цикл былин об Илье Муромце представляет собой, по сути, историю восхождения от одной миссии сострадания к другой, и каждая ступень требует более высокого уровня силы.

Илью поднимает на ноги не желание выздороветь, но та русская «жалость», которая является искрой, волевым актом, с которого начинается богатырская работа. Уже в этом

[1] Святогор и Илья Муромец: [Былина] № 4 // Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. (Свод рус. фольклора). Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. 2001. С. 163-164.
[2] Былины: Илья Муромец и Соловей Разбойник. № 11. // В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. (Свод рус. фольклора). Т. 7: Былины Пинеги: Север Европейской России. 2012. С. 160.
[3] Святогор и тяга земная // Былины: Русский героический эпос / Вступ. ст., ред. и примеч. Н.П. Андреева. [Л.]: Сов. писатель, 1938. С. 269.
[4] Сухман: [Былина] № 195 // Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. (Свод рус. фольклора). Т. 2: Былины Печоры: Север Европейской России. 2001. С. 122.
[5] Маадай-Кара. Алтайский героический эпос. М.: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1973, абз. 351-374.
[6] Песни, собранные Т.П. Рыбниковым, в 3-х т. М., 1910. Том 2. С.303.
[7] Там же. С. 99.

начальном акте сила даётся не для самовольного действия, но для помощи другим. В одном из вариантов былины перехожие калики, исцелив сидня, сразу ставят перед ним первую задачу: иди и помоги родителям на работушке хлебопашеской.

Говорят на то ищэ калики-то:
«Кабы есь у отця, у отця ле, нонь у матушки,
Кабы есь нонь у их полё посеяно,
Зашел ноньце скот да кабыто пьцетле,
Ты поди огороди, огороди как ноньце божей дар»[1].
А пошол где Илья да к своёму оцьцю
А на ту же на роботочку на хресьяньскую,
Ише где его отець да тут роботаёт[2].
И стал им помогать поле чистити,
И стал дубья рвать со ко́ренём[3].

Этот образ отсылает слушателя к образу «оратая» Микулы Селяниновича – ключевому для понимания былинной концепции силы. Противопоставление Микулы и Вольги есть антитеза русского концепта силы и свойственного другим локальным цивилизациям концепта удали. По наблюдению А.С. Панарина, этот выбор был сделан в пользу смиренного хлебопашца, невзирая на то, что «кочевник на коне выглядел аристократом по сравнению с копошащимся в земле пахарем»[4]. В понимании русского человека сила смиренного оратая несравненно выше аристократической удали.

Приложение Илье Муромцу новой силы сопровождается деконструкцией привычного образа богатыря. Богатырь превращается в нищего. Заметим, что былина подробно рассказывает как, снаряжаясь в дорогу, Илья «подпрягает двенадцать подпруженек», накладывает седлышко на войлучек и так далее. Однако доспех и снаряжённый конь богатырю не понадобятся. Он обменивает всё это на платье и посох странника. Акт обмена очень важен в аксиологическом плане. В очередной раз былина убеждает нас в том, что сила русского богатыря не зависит от оружия, доспехов, даже богатырский конь не является необходимым для победы.

В мире былины акт сердечного сострадания даёт богатырю силу, а сила без совестного сердечного акта есть зло. Так, герой оказывается беззащитным перед чарами Маринки Потравницы, вторгаясь на её «территорию». Он никого от Маринки не выручает, и более того, нарушает родительскую заповедь, а значит, не имеет моральных прав на победу:

А ты не езди, Добрынюшка
Во тыя улочки Маринские,
Во тыи переулочки Игнатьевские.
И забыл Добрынюшка наказаньице матушкино[5].

Русский эпический герой бессилен против зла, если он не исполняет миссию сострадания. Эту идею закрепляет образ нагого, безоружного богатыря, заплывшего в реке «за третью струечку» вопреки другой материнской заповеди:

Не съезжай-ко ты, молоденькой Добрынюшка,
Ко той славною ко матушки к Пучай-реки,
Не ходи-ко ты купаться во Пучай-реки,
То Пучай-река очюнь свирипая,
Во Пучай-реки две струйки очюнь быстры их:
Перва струечка в Пучай-реки быстрым быстра,
Друга струечка быстра, быдто огонь секет[6].

---

[1] Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 41 // Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. (Свод рус. фольклора). Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. 2001. С. 269-276.
[2] Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 66 // Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. (Свод рус. фольклора). Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. 2003. С. 309-314.
[3] Исцеление Ильи Муромца: [Былина] № 40 // Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. (Свод рус. фольклора).Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. 2001. С. 261-269.
[4] Панарин А.С. Православная цивилизация / Сост., предисл. В.Н. Расторгуев / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 5.
[5] Песни, собранные Т.П. Рыбниковым, в 3-х т. М., 1910. Том 2. С. 315.
[6] Добрыня и змей («Да йспородила Добрыню родна матушка...») // Добрыня Никитич и Алеша Попович. М.: Наука, 1974. С. 5-15. (Лит. памятники).

Добрыня бессилен потому, что вторгается на «чужую» территорию, в горы Сарачинские, не будучи окрылён миссией любви. И отправляется он туда вовсе не для того, чтобы избавлять «полоны расейские», даже палицу берёт с собой не для битвы, а для «потехи»:

Да с собою брал он паличку булатнюю,
Да й не для ради да драки кроволитьица великого.
А он брал-то для потехи молодецкою[1].
Похотелось-то моло́домуДобрынюшке
Ёму съездити́ во да́лече чисто поле,
Дай ко тым горам ко сорочинскием,
Дай ко тым норам да ко змеиным.

Поэтому, взявшись было топтать змеёнышей, богатырь оказывается не в силах справиться с этой задачей:

Приезжал он ко горам да к сорочинскием,
Стал он ездить по роздольицу чисту полю,
Он-то ездил целый день с утра до вечера,
Потоптал он много множество змеёнышов.
Й услыхал-то тут моло́денькой Добрынюшка:
Ёго доброй конь да богатырскии
А й стал на́ ноги да конь припадывать.
А й поехал-то молоде́нькой Добрынюшка
От тых славныих от гор от сорочинскиих
Дай от тых от нор он от змеиныих,
Дай поехал-то Добрыня в стольнёй Киев-град[2].

В логике духовных законов былинного мира спасти героя может только срочное принятие миссии любви. К счастью для Добрыни, принять эту миссию ему помогает сама Змея. Собираясь сожрать богатыря, она глумится над теперь уже несбыточным предсказанием «святых отцов» о том, что именно Добрыня должен выручить «полоны расейские»:

Налетела Добрынюшку на синём мори,
А сама говорила таково слово:
«Уж ты ойеси, Добрынюшка сын Микитич млад!
А святы оцьци писали-те – прописалисе;
А сказали: „От Добрынюшки Змеи смерть прыдёт”,
А тепере от Змеи Добрыни смерть прышла!»[3].

В этот миг в сердце богатыря вспыхивает ревностная любовь: он впервые слышит о таком предсказании, ощущает личную ответственность за то, что авторитет святых отцов будет поруган. Тем самым Добрыня принимает только теперь завещанную «отцами» миссию, и это тут же даёт ему силы чудесным образом избежать смерти.

Восходя от одной миссии сострадания к другой, герои былин накапливают так много силы, что для гордых это становится подлинным испытанием: возгордившись, некоторые намереваются сразиться с силой небесной. В этом случае неприятель, каким бы «поганым» он ни был, берёт на себя божественную миссию справедливости и укрощает русских гордецов. Орудием Божией воли становятся «татары», «литва» и т.п. недруги.

Важнейшей и, возможно, уникальной особенностью былинного эпоса является то, что сила и непобедимость героя не являются непременным атрибутом русских богатырей в силу самого рождения и национальной принадлежности. Русский герой остаётся положительным героем до тех пор, пока его действия согласуются с правдой Божией, справедливостью и сердечным состраданием, разделяемым сказителем и слушателями.

В этом заключается важнейшее аксиологическое отличие русской былины от мифа. Как отмечал Е.М. Мелетинский, миф создаёт единую систему, в которой взаимно поддерживают друг

[1] Там же. С. 6.
[2] Добрыня и змей («Да йспородила Добрыню родна матушка...») // Добрыня Никитич и Алеша Попович. М.: Наука, 1974. С. 6. (Лит. памятники).
[3] Добрыня Никитич и Змей: [Былина] № 8 // Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. (Свод рус. фольклора). Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. 2003. С. 131-133.

друга личное поведение человека и «аксиологически ориентированная модель мира»[1]. Однако боги и герои мифа могут не считаться с нравственными ценностями мира людей, с социальными нормами.

Мораль мифа навязывается простым смертным при помощи божественного авторитета действующих лиц, чьи действия (в силу божественности) неподсудны с точки зрения этой самой морали. В эпосе, напротив, сказитель и слушатель имеют некую общую систему ценностных координат, которая «выше» индивидуальной морали героев эпоса и позволяет оценивать их поведение как должное и недолжное. Как можно видеть, аксиологическая картина мира русской былины – не мифологична. Если пользоваться терминологией М.М.Бахтина[2], «ценностный центр» сказителя и слушателя былины (или волшебной сказки, исторической песни) совпадает с «ценностным центром» героя (за исключением специальных ситуаций, связанных с испытанием героя либо его наказанием). Следует также отметить, что аксиологическая система былины не содержит главной ценности, характерной для языческого миропонимания: непобедимой героической силы как способа снискания индивидуальной чести для прорыва в бессмертие через память потомков. Можно сколько угодно говорить о двоеверии былины, о следах языческих верований, однако на уровне глубинных ценностей былина – совершенно христианский текст.

В психологической науке установилось разделение ценностей на объективные, связанные с идеалом, и субъективные, связанные с удовольствием. Разделяются ценности в смысле объективно существующих идей, предметов или свойств, и ценности в смысле субъективной значимости, «ценностности» для индивида. Как отмечает Рамон Лемос в «Природе ценности», «существует довольно значимое различие между тем, чтобы 1) предмет нравился независимо от того, насколько благим мы его считаем, и 2) предмет воспринимался как благо, независимо от того, нравится ли он нам», поэтому «если мы говорим о ком-либо лишь то, что он положительно оценивает данный предмет, это может означать любой из двух вариантов и не содержит указания на то, что же имеется в виду»[3] (пер. мой – А.С.).

Если говорить о ценностях былинного мира, то здесь всегда «имеется в виду» исключительно следующее: образ поведения героя воспринимается как благо (или зло) независимо от того, нравится ли нам такое поведение. Система ценностей былины объективна: например, если Ивану Годиновичу хочется «сотворить блуд» с родной сестрой, то такая связь не может быть признана былиной ценностью на том лишь основании, что таково острое желание героя, нацеленное на получение им удовольствия.

Пользуясь замечательной народной формулой, которую так любил И.А. Ильин, можно определить, что русский герой «не по милу хорош, а по хорошему мил». Алеша Попович мил сказителю и слушателю потому, что «хорошо» поступает и ровно до тех пор, пока не начинает поступать «плохо» (например, претендовать на жену Добрыни). С этого момента ценностный центр сказителя и слушателя перестает совпадать с ценностным центром героя. Если бы это произошло, русская былина превратилась бы в захватывающее описание адюльтера (на манер «Тристана и Изольды»), в котором симпатии рассказчика будут вовсе не на стороне обманутого мужа, но этого, как мы знаем, не происходит.

Ценностная система былинного мира может быть, на наш взгляд, замечательной иллюстрацией к выводам, которые делает Н.О. Лосский в своей книге «Ценность и бытие. Бог и царство Божие как основа ценностей», где он, в частности, критиковал распространённые психологические теории, «субъективирующие ценность и отвергающие существование абсолютных ценностей». В былинном мире сугубо гедонистическая (эвдемонистическая) ценностная мотивация как конечная цель действия, безусловно, присутствует, однако противоречит образу социальной нормы.

Н.О. Лосский, разделяя позицию «едва ли не всех Отцов Церкви, особенно восточных», называет «подлинной конечной целью» и ценностью человеческой жизни – «обожение», то есть θέωσις»[4]. Поскольку, как было показано выше, уникальный ценностный концепт силы, утверждаемый русской былиной, связан не с приращением физической мощи, но с развитием

[1] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 2000.
[2] Бахтин М.М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000.
[3] Lemos R.M. The Nature of Value.Axiological Investigations.Gainesville, 1995.P. 14.
[4] Лосский Н.О. Ценность и бытие. Бог и Царство Божие как основа ценностей. Париж: YMCA-PRESS, 1931.С. 95.

способности любить, горячо и деятельно отзываться на чужое страдание, нам представляется, что восхождение былинного богатыря из силы в силу соответствует этой конечной цели и ценности человеческого существования. На этом пути случаются падения: сила теряется при злом умысле, при совершении греха, которые отдаляют человека от цели.

Еще одна безусловная ценность былинного мира – «честь-хвала богатырская» – предстает в качестве бремени, которое должен нести каждый представитель богатырского рода. Главная задача героя языческого эпоса – снискание чести - не стоит перед былинным богатырем; его хвастовство на пиру является вынужденной мерой: информация об уже совершённом подвиге поддерживает репутацию Киева, находящегося под покровительством богатырей.

В.П. Кузнецова (г. Петрозаводск)

Духовные стихи в записи каргопольского крестьянина К.А. Докучаева

Карп Андреевич Докучаев является известным краеведом, историком, автором ряда исследований об истории монастырей, православных святынь и старообрядчества в Каргопольском крае. Не имея ни законченного школьного, ни гимназического образования, он, благодаря своей настойчивости и целеустремленности, достиг значительных результатов в избранной им области. Исследователи неоднократно обращались к изучению его биографии и творчества. Так, в последнее время были найдены новые материалы, рассмотренные в исследовании И.В. Онучиной[1]. Значение историко-краеведческой работы К.А. Докучаева-Баскова было отмечено в работах А.В. Пигина[2].

Карп Андреевич обладал незаурядными способностями, позволившими ему уже в молодом возрасте проявить себя в качестве исследователя. В 1873 г. в Олонецких губернских ведомостях появилась публикация, озаглавленная «Духовные стихи»[3]. В пояснении значилось, что тексты произведений народной религиозной поэзии были записаны крестьянином Каргопольского уезда Карпом Андреевым Докучаевым. Молодому исследователю было тогда всего 24 года. Впоследствии, в 1880-е годы у него появляется псевдоним Докучаев-Басков[4]. Почему он обратился к этому жанру? Возможно, примером для него послужили публикации фольклорных произведений, с которыми можно было ознакомиться в губернской газете. С 1859 г. в «Олонецких губернских ведомостях» стал печататься П.Н. Рыбников, собирательская деятельность которого началась с духовных стихов[5]; в 1867 г. в нескольких номерах появилась крупная публикация преподавателя Петрозаводской духовной семинарии Е.В. Барсова, записавшего духовные стихи от И.А. Федосовой[6]. Возможно, что К.А. Докучаеву были знакомы и публикации духовных стихов, появлявшиеся в других губернских изданиях. О своем методе собирательской работы он говорит в замечании, предпосланном к одному из текстов: «Пишу э вместо я для того, чтобы вернее сохранить выражение слова, причем, я не изменял ни малейшей йоты и не позволял себе никаких грамматических поправок»[7]. Примеры из этого текста:

Народилсэ Христос во Ефлиеме…
Во Божию есель возложилсэ.
Да Ирод царь возмутилсэ…
Он милосердной прослезилсэ.

Эта запись свидетельствует о том, что исследователь понимал значение точной фиксации фольклорного текста и недопустимость авторской правки. В то время таких принципов придерживались далеко не все собиратели, поскольку ещё не были выработаны научные методы собирательской работы, некоторые собиратели позволяли вносить свою правку в записанные тексты, составлять из нескольких текстов один, на их взгляд наиболее полный и в таком виде публиковать фольклорные произведения.

Всего в записи К.А. Докучаева было напечатано восемь духовных стихов: «Стих плача Иосифа Прекрасного, егда продаша братия его во Египет», «О Борисе и Глебе», «Милостивая жена», «О Страшном суде», «Михаил Архандел», «О распятии», «Расплачется душа моя» и «Рождество Христово». Публикация была снабжена пометой, свидетельствующей о том, что

---

[1] Онучина И.В. К.А. Докучаев-Басков – исследователь православных святынь Русского Севера // Православие в Карелии. Материалы III региональной научной конференции, посвященной 780-летию крещения карелов (16-17 октября 2007 года, г. Петрозаводск). Петрозаводск, 2008. С. 358-364.

[2] Пигин А.В. Заметки к статьям К.А. Докучаева-Баскова об истории Челмогорского монастыря // Там же. С. 33-39; Пигин А.В. Карп Андреевич Докучаев-Басков // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. Пробный выпуск. М., 2010. С. 158-159.

[3] Духовные стихи // Олонецкие губернские ведомости (далее: ОГВ). 1873, № 53. С. 624-625; № 54. С. 635-636; № 55. С. 646-647.

[4] Онучина И.В. Указ.соч. С. 360.

[5] Духовные стихи Русского Севера / Сост. В.П. Кузнецова / Сост. нот.прил. Г.В. Лобкова, М.Н. Шейченко / Науч. ред. Т.Г. Иванова. Петрозаводск, 2015. С. 9.

[6] Барсов Е-ор. Из обычаев обонежского народа // ОГВ. 1867, № 11, 18 марта. С. 177-178; № 12, 25 марта. С. 192-194; № 13, 1 апреля. С. 214-216; № 14, 8 апреля. С. 233-234.

[7] Духовные стихи // ОГВ… С. 636.

первые два стиха являются списками из тетрадей, а остальные были записаны со слов калики. К сожалению, К.А. Докучаев не приводит археографического описания рукописи, с которой был сделан список двух стихов, и нет никаких данных о калике, репертуар которого он зафиксировал.

Самый первый список – это стих об Иосифе Прекрасном, источником которого является сказание об Иакове из Ветхого Завета (Бытие: 37; 39-50). Стих повествует об Иакове, имевшем трех сыновей, среди которых самым любимым был младший Иосиф. Произведение, записанное К.А. Докучаевым, состоит из плачей Иосифа, обращенных сначала к отцу Иакову, где рассказывается о том, что братья продали его купцам, а затем Иосиф обращается с плачем к умершей матери Рахили, просит ее о помощи, рассказывая о том, что находится в плену.

«Кому повем печаль мою?
Кого призову к рыданию?
Токмо Тебе, Владыко мой,
Известен плач сердечный мой,
Своему Творцу, Создателю
И всех благих подателю.
Кто бы мне дал источник слез?
Я плакал бы день и нощь,
Рыдал бы я о гресех своих,
Пролиял бы от очию, аки реки Едемския,
Погасил бы я огонь геенский.
Кто бы мне дал голубицу вещающую,
Беседа моя возвестила бы Израилю,
Отцу моему Иакову:
Отче, отче Иакове!
Святый муж Израилю,
Пролей слезы ко Господу,
О своем сыне Иосифе.
Не знаешь ты, Иакове,
Что ныне мне приключилося:
Твои дети, мои братия,
Продаша мя во ину землю.
Исчезнуша мои слезы
О моем с тобою разлучении.
Умолкнула гортань моя.
Несть того, кто б утешил мя.
Земле, земле! Вопиявшая
Ко Господу за Авеля,
Возопий ныне ко Израилю,
Отцу моему Иакову.
Видев я гроб своей матери,
К Рахили плач начал зело…».
(Духовные стихи // ОГВ… С. 624-625).

Иосиф рассказывает купцам, как братья обманули отца, сказав, что он погиб. Купцы перепродают Иосифа в Египетское царство. Жена фараона пытается обольстить юношу и предъявляет ложное обвинение. Иосифа заключают в темницу, из которой он освобождается, разгадав сон фараона. Благодаря разгаданным предсказаниям, царство фараона богатеет.

В стихе отсутствуют эпизоды, повествующие о счастливых днях Иосифа в доме отца, а также нет замечательной сцены встречи Иосифа с отцом. Заключительная часть произведения значительно сокращена: Иосиф разгадывает сон фараона, после чего становится царем, и на этом стих заканчивается.

Предание об Иосифе было распространено как в письменной, так и в устной формах. В публикациях имеется не так много вариантов, они записаны в основном в средней России. Одна из северных записей принадлежит П.Н. Рыбникову, в Беломорском районе это произведение зафиксировано краеведами в Пертозерском скиту; данный стих исполняли также старообрядцы в

селе Усть-Цильма[1]. Среди духовных стихов это произведение является одним из наиболее крупных по своему объему. Так, объем текста, записанный П.Н. Рыбниковым со слов калики, составил 637 стихов, он был впервые опубликован в сборнике П. Бессонова[2], впоследствии в сборнике Ф.М. Селиванова[3]. Это произведение известно в двух редакциях – эпической, наиболее полной и лиро-эпической, являющейся более краткой. Список К.А. Докучаева - это эпическая редакция стиха, хотя он значительно меньше по объему, чем запись П.Н Рыбникова, он состоит из 257 стихов.

Вторым списком К.А. Докучаева является стих о Борисе и Глебе. Этот сюжет встречается на Русском Севере довольно редко, известны варианты, записанные в Поморье (с. Сумпосад), Обонежье[4], а также список П.Н. Рыбникова, вошедший в сборник «Калеки перехожие» П. Бессонова[5]. Сюжет повествует о сыновьях киевского князя Владимира Святославича Борисе и Глебе. Источником стиха является «Чтение о житии и погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба» Нестора. Князь Владимир оставляет в наследство своим трем сыновьям княжество. Старший брат Святополк замышляет убийство младших братьев, чтобы завладеть всем наследством. Он осуществляет свой замысел и совершает злодеяние. Смерти братьев сопутствует затмение солнца. Во имя святых строится каменная церковь, от мощей братьев происходят чудеса исцеления и спасение от нашествия врагов.

В этом произведении встречается много церковнославянизмов, текст довольно устойчив, хотя в устной передаче он обычно значительно сокращен. В данном случае Докучаеву удалось сделать список полного текста, в котором сохранены все основные перечисленные выше эпизоды. Текст обнаруживает практически полное совпадение со списком, сделанным П.Н. Рыбниковым, различия очень незначительные, например: в списке Докучаева «старшаго Святополка», у Рыбникова «старейшаго Святополка»; Вышгород у Докучаева назван «Воспределы» у Рыбникова «Вышпределы»; у Докучаева «не имамы зрела возраста», у Рыбникова «не имамы злаго порока»; в списке Докучаева «Не пощадел двух незлобных агнец», у Рыбникова «Не пощадев двух некласных агнец» и т.д. Незначительные различия в этих двух списках вполне естественны, в рукописной традиции они наименее вариативны.

Прежде чем перейти к рассмотрению следующих записей К.А. Докучаева-Баскова, в которых зафиксирован репертуар бродячего певца, необходимо напомнить, что Каргопольский уезд известен как один из районов Русского Севера, где было много калик, зарабатывавших на жизнь пением «божественных» стихов. П.Н. Рыбников в своей поездке по Каргопольскому уезду встретил калик, бравших с него плату за исполнение, поскольку они смотрели на свое пение как на ремесло. Собиратель надеялся найти певцов былин в этих краях, но на р. Онеге и в Каргопольском уезде ему чаще говорили о каликах, которые пели стихи[6]. Не только П.Н. Рыбников, но и другие авторы, а также и современные экспедиционные исследования указывают на то, что именно в Каргопольском крае было много крестьян, занимавшихся таким промыслом как пение стихов не только в своих родных местах, но и в других районах Русского Севера. От каргопольских стихопевцев многие северные крестьяне усвоили традиции религиозной поэзии[7].

Репертуар духовных стихов, которые К.А. Докучаев записал от каргопольского калики, можно назвать типичным для такого рода исполнителей. Это шесть произведений, источником которых является Евангелие. Среди них – стих о Рождестве Христовом, прославляющий

---

[1] Духовные стихи Русского Севера… С. 195-199; 284-299; 553-554.

[2] Калеки перехожие: сборник стихов и исследование П. Бессонова. М., 1861-1864. Вып. 1-6. № 37.

[3] Народные духовные стихи / Сост., вступ. статья, подгот. текстов и коммент. Ф.М. Селиванова. Приложение и послесл. А.В. Кулагиной. М., 2004. № 8.

[4] Духовные стихи Обонежья (по материалам экспедиций 1926-1932 гг.) / Публикация Л.И. Петровой // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. С. 439-491; Неизданные материалы экспедиции Б.М. и Ю.М. Соколовых: 1926-1928: по следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2 т. / Вступ. Статья, подгот. текстов, науч. комментария, справочного аппарата В.А. Бахтиной. М., 2007. № 17, 18.

[5] Калеки перехожие… № 151.

[6] Песни, собранные П.Н. Рыбниковым / Издание подгот. А.П. Разумова, И.А. Разумова, Т.С. Курец. Петрозаводск, 1989. С. 67. Т. 1.

[7] Кузнецова В.П. Нищие стихопевцы на Русском Севере // Кенозерские чтения-2015: «Заповеданное Кенозерье: природа, культура, человек». Сб. материалов VII Всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2016. С. 120-127.

рождение Христа в Вифлееме. Существует много стихов, относящихся к рождественскому циклу. Обычно в них говорится о появлении звезды, путешествии в Вифлеем волхвов, избиении младенцев и т.д. В данном тексте присутствуют следующие мотивы: рождение Христа в Вифлееме и пребывание в вертепе; царь Ирод рассылает по земле «волхов» и повелевает убить младенцев; 14 тысяч младенцев убивают, но не могут найти Христа; «волхи» разыскивают в вертепе Христа; персидские цари приходят с дарами; Младенец принял дары и «прослезился»; персидские цари поклоняются Христу, воздают Ему славу, величают Пресвятую Богородицу; персидские цари смеются над Иродом. В этом произведении «волхи» (в Евангелие от Матфея это волхвы, мудрецы) выступают в качестве воинов царя Ирода, они ищут Христа и убивают тысячи младенцев. Вслед за «волхами» приходят персидские цари со своими дарами, поклоняются Младенцу. В отличие от первоисточника, в стихе действуют и «волхи», и персидские цари, тогда как Евангелие повествует только о волхвах, пришедших поклониться Младенцу и Его Матери. Индивидуальной вставкой является и мотив Иисус, приняв дары, прослезился.

Стих «Милостивая жена», имеющий в некоторых редакциях название «Аллилуева жена» повествует о чуде, которое совершает Иисус, будучи младенцем. Этот эпизод отсутствует в Евангелие, но по содержанию он стоит близко к рождественским стихам, содержащим мотив избиения младенцев. В записи Докучаева произведение содержит следующие мотивы: Милостивая жена стоит на краю дороги, держит своего сына младенца на руках. Богородица просит милостивую жену бросить своего сына в огонь и взять Младенца Христа на руки. Жиды-супостаты ищут Спасителя, Милостивая жена говорит им, что бросила Христа в печь. Они открывают заслонку, видят догорающего младенца, радуются и убегают прочь. Милостивая жена открывает печь и видит своего сына, читающего Евангельскую книгу и гуляющего по травам и цветам. Этот текст содержит все традиционные мотивы, входящие обычно в данный сюжет, оригинальным мотивом следует считать наказание преследователей: жиды проваливаются в «пропасти земляные, в огни вековые», то есть, в ад.

Стих «О распятии» повествует о последних днях земной жизни Иисуса Христа. Он известен во множестве вариантов, на Русском Севере он также получил широкое распространение. Как правило, стих начинается с предсказания о рождении и смерти Христа, далее повествуется о поисках Богородицей своего Сына. Она встречает двух жидов, от которых узнает о распятии и смерти. В этом произведении выделяется особая часть – плач Марии, скорбящей о Сыне. Иисус утешает её, говорит о грядущем воскресении и о том, что он возьмёт её к себе. Текст, представленный в публикации К.А. Докучаева, имеет значительные расхождения с другими северно-русскими записями. В нём отсутствует мотив предсказания пророков о рождении и смерти Спасителя, стих начинается с описания собрания иудеев, книжников, фарисеев, решающих, где распять Христа. Далее следует мотив предательства Иуды, картина распятия и дележа его одежды, плач Марии; Христос утешает плачущую Богородицу и предсказывает своё воскрешение. Данный текст является своеобразной редакцией сюжета, значительно отличающейся от других северно-русских вариантов. Тексты на этот сюжет перекликаются со стихом «Сон Богородицы», рисующем картину распятия и где также говорится о будущем воскресении Христа и почитании Богородицы.

Два стиха в записи К.А. Докучаева «О Страшном суде» и «Михаил Архандел» представляют собой два варианта одного и того же сюжета. Михаил Архангел трубит в золотую трубу, возвещая живым и мёртвым о начале Страшного суда, он же в данных вариантах и судит, в то время как по Евангелию, Судьёй является Иисус Христос. В стихах присутствует драматичный эпизод расстановки всех на правую и левую стороны: праведники становятся по правую сторону от престола, они наследуют царство Божие и жизнь вечную, грешники становятся по левую сторону и направляются в ад. Каргопольский калика вставил в начало стиха необычный мотив: оплакивание смертного часа, когда душа расстаётся с телом и спешит на Страшный суд. В его тексте присутствует мотив космических и земных катаклизмов, сопутствующих Второму пришествию.

Плачу и рыдаю
Во смертной час помышляю,
Егда душа с телом ростaвалась,
На страшен суд поспешалась.
Сойдет с небес Судья праведна

На ту-ли гору на Сионску,
Сойдет со престолом со Божьим,
Станет судить живых и мертвых.
Вострубил трубу да золотую:
Небо, земля да потресетце,
Сонце, мисец потаитце,
Луна во тму да предложитце,
Спадут с неба звезды на землю,
Востанут умершие от гробов,
Грядут на суд на праведной…
(Духовные стихи // ОГВ… С. 636).

О втором пришествии и Страшном суде говорится и в стихе «Расплачется душа моя». Это произведение относится к циклу покаянных стихов, особенно распространенных в старообрядческой среде. В стихе говорится о плаче души, о раскаянии человека, стоящего перед образом Спасителя. Появление его в репертуаре калики вполне объясняется тем, что в Каргопольском уезде, на реке Онеге жило много старообрядцев, которые охотно слушали «божественные» стихи и не любили былины, о чём писал еще П.Н. Рыбников[1]. Старообрядчеством, как известно, были охвачены и жители других районов Русского Севера, куда отправлялись каргопольские калики, чтобы добыть пропитание пением «божественных» стихов.

Подводя кратко итог, можно сказать, что исполнитель, репертуар которого зафиксировал К.А. Докучаев, в целом придерживался традиционного содержания произведений, но допускал и собственную редакцию некоторых духовных стихов.

Публикация Карпа Докучаева является большой ценностью, поскольку она является если не первой, то одной из первых, представляющих традицию духовных стихов Каргополья. Несмотря на имеющиеся публикации, до сих пор полное представление о жанре духовных стихов в этой местности составить затруднительно. Кроме того, эти записи дополняют имеющиеся материалы о репертуаре калик перехожих и об особенностях исполнения, а также о рукописной традиции произведений народной религиозной поэзии.

[1] Песни, собранные П.Н. Рыбниковым… С. 68.

Т.М. Кольцова (г. Архангельск)

Мастера каргопольских резных иконостасов (по данным письменных источников)

Некогда богатейшая культура создания резных иконостасов на Русском Севере мало исследована. Исключение составляют отдельные части иконостасов, как, например, Царские врата или декоративная скульптура, которые попали в поле зрения специалистов[1]. В то же время письменные и изобразительные источники дают богатейший материал для атрибуции сохранившихся памятников, а также сведений об иконостасных мастерах, работавших на Русском Севере. Выдающиеся резчики по дереву трудились в Холмогорах, Архангельске, Вологде, Великом Устюге. Столяры, резчики и позолотчики известны и среди жителей Каргопольского уезда XVIII – начала XX в.

В Каргополье сохранилось мало резных иконостасов. Большинство находится в действующих церквях или музейных комплексах. Следует заметить, что до конца XVII в. иконостасы на Севере были исключительно тябловыми. На рубеже XVII – XVIII вв. их стали постепенно заменять каркасными конструкциями. Этот процесс продолжался в XVIII – начале XX в., и тябловые конструкции довольно долго бытовали на Севере наряду с новыми формами иконостасов.

Высокие пятиярусные иконостасы возводили преимущественно в крупных, холодных каменных и деревянных церквях. В теплых храмах устраивали невысокие иконостасы, в основном двух или трехъярусные. В придельных храмах и часовнях также возводили небольшие иконостасы, в основном один-два ряда (хотя, как исключение, по документам известны даже четырехъярусные). Для придельных храмов и часовен Каргополья характерны иконы, заменяющие собой целый иконостас – с множеством объединенных на одной доске сюжетов, выстроенных в системе иконостаса[2]. Спаренные и многочастные иконы наиболее распространены во второй половине XVII – первой половине XVIII в. Но они не ушли из каргопольской культуры и в XIX в.

Иконостас каждого храма был самостоятельным художественным произведением, базирующимся на синтезе архитектуры, живописи, скульптуры и декоративно-прикладного искусства. Каркасные резные иконостасы появляются на Русском Севере лишь с конца XVII века. Период наиболее активного создания начинается со второй половины XVIII века. Первые резные иконостасы созданы в эпоху Нарышкинского барокко в крупных городских и монастырских соборах, что наложило отпечаток на конструкцию и декор. С этого времени стала важна индивидуальная архитектура иконостаса, что привело к созданию проектов. Древняя тябловая конструкция легла в основу каркасных иконостасов. Жёсткий каркас выполняли опытные плотники по индивидуальному рисунку, с учетом размеров храма и нагрузки конкретных икон. Форма тябла была постепенно усложнена и обрела подобие античного антаблемента с его традиционными составными частями (архитрав, фриз, карниз). Фризы и карнизы декорировали многочисленными накладными деталями, выполненными в технике сквозной или рельефной резьбы. Благодаря вертикальным и горизонтальным членениям иконостаса каждая икона обретала своё обрамление. Формы киотов разнообразны: прямоугольные, круглые, овальные, с арочным и трехлопастным завершением и другие. Вертикальные членения иконостаса декорированы в каждом ряду объемными колоннами или полуколоннами, установленными на базы и завершенные капителями. Активным центром иконостаса была вертикальная ось, сформированная Царскими вратами. Венчает иконостас

[1] Левина Т.В. К вопросу об истории развития пропильной резьбы в последней четверти XVII–нач. XVIII века // Коломенское: Материалы и исследования. Вып. 4. М., 1993. С. 172-194; Мальцев Н.В. Центры и мастерские деревянной скульптуры Русского Севера // Проблемы каталогизации произведений искусства в художественном музее. Л., 1988; Бусева–Давыдова И.Л. Русский иконостас XVII века: генезис типа и итоги эволюции // Иконостас: Сборник статей (ред. А.М. Лидов). М., 2000. С. 621-646; Кольцова Т.М. Иконостасные мастера Архангельского Севера в XVIII – XIX вв.//Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера: Сборник статей. Архангельск, 1995. С. 20-20; Кольцова Т.М. Искусство Холмогор XVI – XVIII веков. М., 2009. С. 201-244.

[2] Деисусный и праздничный чины. XVII в. Из церкви с. Малая Шалга в Каргополье. АОМИИ. Инв. 876-држ; Деисусный, праздничный и пророческий чины. Из церкви с. Малая Шалга в Каргополье. АОМИИ. КП 20488/95; Деисусный чин (девятифигурный). XVI в. Из Никольской церкви с. Волосово в Каргополье. ГРМ. № 3068.

навершие, расположенное по центральной оси, в виде Распятия с предстоящими святыми, которое было утверждено Московским церковным собором 1666–1667 гг. [1]. Фигуры навершия могли быть объёмными, вырезаны из дерева, или написаны на деревянных досках, обрезанных по контуру (например, в Христорождественском соборе и Воскресенской церкви г. Каргополя). Каркас иконостасной рамы окрашивали в однотонный цвет, на этом фоне накладные позолоченные резные детали выглядят необычайно нарядными и объемными.

Смена архитектурных стилей влияла на конструкцию и систему декорации резных иконостасов. В Каргопольском районе сохранились иконостасы разных стилей: барокко, классицизм, эклектика. Их проектировали и приспосабливали к интерьерам конкретных храмов, в связи с этим появились редкие конструкции. Например, в церкви Богоявления с. Ошевенское и церкви Ошевенского монастыря [2] иконостас разместился на трех восточных гранях центрального восьмерика храма. Его завороты равны по ширине центральной части и установлены к ней под тупым углом. Таким образом, «восьмерик от основания» храма во многом определил форму этих иконостасов.

Конструкция и декор иконостасов чутко реагировали на смену архитектурных стилей. На рубеже XVIII – XIX вв. творчество мастеров-резчиков эволюционировало от динамичного барокко к уравновешенному классицизму. В этот период уменьшается высота и объем рельефа резных накладных деталей иконостасов и Царских врат. Больше используется плоскорельефная резьба: иконостасы Покровской церкви с. Лядины (в настоящее время утрачена) и Богоявленской церкви с. Ошевенское.

С 1830-х гг. эклектика, с частой сменой архитектурных предпочтений, повлекла за собой изменение образа даже провинциальных иконостасов. Мастера постепенно осваивают исторические архитектурные стили: псевдоренессанс, псевдобарокко, псевдовизантийский и псевдорусский стиль. Пример тому, иконостасы третьей четверти XIX в., известные по фотографиям и чертежам в Покровской церкви с. Большая Шалга и церкви Введения Богоматери во храм в с. Красная Ляга.

В конце XIX – начале XX в. в России стремились унифицировать иконостасные конструкции и их детали, что привело к созданию типовых образцов[3]. Однако на Севере России они не получили широкого распространения.

В каргопольских храмах сохранилось несколько подлинных иконостасов XVIII-XIX вв. Тем ценнее документы, которые подтверждают датировку памятников или рассказывают о мастерах. Пятиярусный иконостас собора Рождества Христова г. Каргополя органично вписался в стиль зарождающегося классицизма 1770-х гг. (илл.1). Этому соответствуют четкие структурные формы, построенные на основе симметрии; использование конструктивных элементов античного ордера. В то же время в сложной системе орнаментального декора присутствуют барочные мотивы. Аналогичный иконостас создан в Воскресенской церкви г. Каргополя, что наводит на мысль об участии в их создании одних мастеров. К работе над иконостасом собора Рождества Христова, учитывая масштабность объема работ, привлекли столяров, резчиков, позолотчиков и иконописцев. Основным подрядчиком был столярный мастер, уроженец д. Фомины Горы Кенозерской волости, крестьянин Иван Федоров Голодов, который в 1774 г. заключил контракт «о подряде церковного иконостаса» со старостой каргопольского собора, Николаем Федоровым Спиридоновым. Иконостас возводился вплоть до 1778 г. За это время главный подрядчик,
И.Ф. Голодов, был причислен сначала к каргопольскому мещанству, а затем – к купечеству. Он привлек к созданию иконостаса других мастеров и помощников. Например, каргопольского мещанина Ивана Иванова Иконникова (род. в 1727–1729 гг.), с которым заключил в 1777 г. договор «добропорядочно вызолотить самым хорошим чистым мастерством» главный иконостас г. Каргополя [4]. Известно, что в 1777–1779 гг. И.Ф. Голодов создавал пятиярусный иконостас деревянной Благовещенской церкви Усть-Мошского прихода Каргопольского уезда. В процессе этой работы ему не выплатили деньги, и Голодов обратился с прошением к императрице Екатерине II. Он сообщил, что за образец им был взят главный иконостас собора Рождества Христова г. Каргополя: «В сходственность манером против каргопольской соборной Рождества

[1] Деяния Московского Собора в 1666-1667. М., 1881. С. 21.
[2] Фототека ИИМК. Нег. V-15867; МА. Фототека. Нег. I-686.
[3] Альбом иконостасов. Санкт-Петербургское общество архитекторов. 1904.
[4] ГААО. Ф. 1481. Оп. 3. Д. 12. Л. 576-577 об.

Иисус Христова церкви работы, с тем, чтоб наперед всех тому иконоставу прежде начатия резной работы сделать модели, против помянутого соборного иконостава» [1].

В дальнейшем, на протяжении всего девятнадцатого столетия к работам над интерьером главного собора Каргополя были привлечены многие каргопольские мастера, которые постепенно насыщали его новыми иконостасами, киотами, а также выполняли текущий ремонт. В соборе было семь престолов! Активно трудился Спиридонов Николай Ильин (род. в 1783), мещанин г. Каргополя, столярный мастер, который «пропитание имеет от столярнаго мастерства» [2]. В 1825 г. «за сделание новой рамы для разных пятничных образов и за крашение оной заплачено три рубля восемдесят копеек»; в 1829 г. «за работу кивоты заплачено мещанину Николаю Спиридонову десять рублей» [3]. Напольные киоты стояли на двух уровнях собора около стен и столбов.

Над большими иконостасами работали целыми артелями, привлекая резчиков из других регионов. Известно об участии братьев Ивана и Леонтия Степановых Скомороховых, потомственных резчиков, экономических крестьян Спасского стана Архангельского уезда Архангельской епархии, в создании высокого резного иконостаса Воскресенской церкви Каргополя в 1797–1780 гг. [4]. Архитектура, система декорации и характер резьбы этого иконостаса необычайно близки главному иконостасу собора Рождества Христова. Оба памятника возведены в одно время, после большого пожара Каргополя в 1765 г., и дошли до наших дней с утратами.

Резная работа в Воскресенском храме была ответственной и длительной. К сожалению, приглашенные мастера-резчики Скомороховы вели себя недостойно. поведение рассматривал Каргопольский городовой магистрат: «1780 года сентября 10 дня прибыли по полуночи бургомистр Николай Спиридонов в 8-м часу, бургомистр Стефан Лыткин в 8-м часу, ратман Петр Немчинов в 8-м часу, ратман Иван Солодягинов в 8-м часу, ратман Иван Прибытков в 8-м часу, ратман Григорей Поздеев в 8-м часу. Слушали: По челобитной явочной каргопольскаго мещанина Ивана Васильева сына Прибыткова, коей представляет, что имеющиеся у него на фатере по договору в доме его, обязавшиеся к построению в Каргопольской Воскресенской церкве иконостава, Архангелогородскаго уезда економическаго ведомства крестьяне Иван и Леонтей Степановы дети Скомороховы, жительство продолжают весьма беспокойно и между ими и их женами по часу чинят многие ссоры и драки тем, что иногда, идучи возарт друг на друга, приступают с ножами и его Прибыткова… смертельно били»[5]. Так, неблаговидные поступки мастеров позволили им остаться в документальных свидетельствах эпохи. И это не единичный случай. Жалобы на поведение позолотчика Христорождественского иконостаса И.И. Иконникова также неоднократно становились предметом рассмотрения Каргопольского городового магистрата. То он задерживал работы по договору, то покидал Каргополь без паспорта, то не платил подати [6]. Благодаря этому, нам известно, что мастер имел заказы в Кириллове и Белозерске.

Во второй половине XVIII в. высокие, четырех-пятиярусные иконостасы появились во многих деревянных храмах Каргополья. Созданы высокие иконостасы в селах Ошевенское, Лядины, Нименьга [7]. Местные иконостасные мастера после секуляризации «вышли из тени» монастырских заказов и стали самостоятельно или артелями брать подряды на иконостасные работы. На территории Каргопольского уезда постепенно сформировалась представительная группа местных иконостасных мастеров. Это были преимущественно городские мещане, которые, выполняя заказы приходских храмов, разъезжали по всему уезду.

Городовые обывательские книги Каргополя сохранили сведения о местных мастерах. В конце XVIII – начале XIX в. мещанин Иван Григорьев Иконников имел «за собою столярную

[1] ГААО. Ф. 1481. Оп. 3. Д. 36. Л. 144.
[2] ГААО. Ф. 994. Оп. 3. Д. 180. Л. 315.
[3] ГААО. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 13. Л. 7об., 8 об., 10об., 32.
[4] НАРК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54 а. Л. 28.
[5] ГААО. Ф. 1481. Оп. 3. Д. 39. Л. 388.
[6] ГААО. Ф. 1481. Оп. 3. Д. 12. Л. 576-576об., 580, 582.
[7] Померанцев Н.Н., Масленицын С.И. Русская деревянная скульптура. М., 1994; Резные иконостасы и деревянная скульптура Русского Севера: Каталог выставки (Автор-сост. Т.М. Кольцова). М., 1995; Кольцова Т.М. Иконы Северного Поонежья. М., 2005.

работу», а Петр Павлов Лукин – «резное мастерство». Каргопольский мещанин Михайло Васильев Марков «пропитание имеет от столярнаго мастерства»[1]. Резчик, мещанин Турыгин Евдоким делал в XVIII в. иконостасы в каменных церквях Иоанна Предтечи (илл. 2) и Входа Господня в Иерусалим г. Каргополя. Иконостас в обеих церквях «столярной с нарезками в пяти ставах» [2].

В Онежском уезде в XVIII в. работали потомственные мастера-резчики Спицыны, родом из Турчасовского стана. Трудно установить, кто был родоначальником этой талантливой династии. Но известно, что все они были крестьянами, родом из деревни Грихновской Онежского уезда[3]. Работали над многими иконостасами в храмах Онежской округи. В 1806–1807 гг. Иваном и Федором Спицыными был выполнен иконостас церкви Входа Господня в Иерусалим с. Верхняя Мудьюга Онежского уезда[4].

Известна плеяда каргопольских мастеров Лукиных. Мещанин Каргополя, резчик Петр Павлов Лукин (род. в 1742–1744), для вновь построенной в 1797-1798 гг. каргопольской Воскресенской церкви «12 киот праздничных резал… за сто двадцать рублей»[5]. Каргопольский мещанин, резчик Михаил Лукин, работавший в первой четверти XIX в., выполнил резьбу иконостаса Введенской церкви, а также в церкви Спаса Всемилостивого сделал придельный иконостас – «простенький, в два отделения[6]. В Приходно-расходной книге Христорождественского собора Каргополя зафиксировано, что в октябре 1817 г. им же сделана «под образ Отечества рама золоченая», за которую заплачено двадцать пять рублей[7]. Речь идет об одном из пристенных киотов, сохранившихся в соборе и в наши дни.

Столярной работой занимались каргопольские мещане Андрей и Дмитрий Васильевы Малышевы[8]. Д.В. Малышев (1798–1861) в 1861 г. делал иконостас единоверческой церкви Волосовского погоста[9].

В годовом отчете о деятельности Каргопольского полицейского надзирателя за 1881 г. сообщается, что в Каргополе жили три столяра по фамилии Оглоблин[10]. Все трое заключали церковные подряды. Судя по всему, старшим из них был Оглоблин Василий Флегонтов. Он был родом из мещан г. Буй Костромской губернии. В 1862 г. заключил контракт в Каргопольском городовом магистрате о том, чтобы в каргопольской церкви во имя святителя Николая Чудотворца в трех приделах иконостасы «обзолотить», а в 1863 г. сделал два иконостаса для кладбищенской церкви Каргополя [11]. Дети В.Ф. Оглоблина, Андрей и Василий, продолжили ремесло отца. Они постоянно жили в Каргопольском уезде и были записаны в местное мещанство и крестьянство. Оглоблин Андрей Васильев, мещанин г. Каргополя, в 1877–1880 гг. сделал иконостас в церкви Введения Богоматери во храм Красноляжского погоста. Сохранился авторский чертеж (илл. 3) [12]. Оглоблин Стефан Васильев, крестьянин Каргопольского уезда Павловской волости Златоустовского общества, дер. Пасковщины, в 1886 г. получил деньги за «смывку иконостаса» Христорождественского собора Каргополя [13], в 1890-е гг. обновлял другие иконостасы собора[14].

Сведения об иконостасных мастерах, проживавших в Каргопольском уезде, немногочисленны. К примеру, Маслов Егор Прокопьев (1798–1878), крестьянин Калитинской волости Каргопольского уезда, который в 1846 г. был приглашен сделать иконостас с резьбой,

[1] ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 69.
[2] НА РК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54 а. Л. 10об.
[3] Кольцова Т.М. Иконы Северного Поонежья. М., 2005. С. 132-138.
[4] Иконостас вместе с храмом погиб во время пожара в августе 1998 г. Фрагменты резного декора иконостаса хранятся в собрании СГИАПМЗ.
[5] НА РК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54 а. Л. 28об.
[6] НА РК. Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54 а. Л. 28об.
[7] ГААО. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 7. Л. 53об.
[8] ГААО. Ф. 994. Оп. 3. Д. 180. Л. 210.
[9] ГААО. Ф. 1312. Оп. 1. Д. 559. Л. 250об., 262.
[10] ГААО. Ф. 1516. Оп. 1. Д. 94. Л. 38.
[11] ГААО. Ф. 1481. Оп. 1. Д. 558. Л. 207об.-211 об.; ГААО. Ф. 1481. Оп. 1. Д. 560. Л. 57об.-6об.
[12] ГААО. Ф. 104. Оп. 3. Д. 515. Л. 6-6об., 13; ЦГА Карелии. Ф. 25. Оп. 20. Д. 51/ 578. С. 54-55.
[13] ГААО. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 64. Л. 18об.
[14] ГААО. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 90. Л. 1об., 9об.

новые киоты, а также исправить старые иконостасы и киоты в храме Богоявления нижнего яруса каргопольского собора Рождества Христова [1].

Реформы Николаевского времени наложили ограничения на развитие местного иконостасного искусства. В первую очередь, повлиял указ Его Императорского Величества от 1829 г. о запрещении церковнослужителям допускать к иконописным работам мастеров, которые не имеют от консистории свидетельств[2]. Получить такое свидетельство могли только искусные художники. К тому же предусматривались «торги» между теми, кто претендовал на создание иконостасов[3]. Участвовать в конкурсе могли только освидетельствованные мастера, а выигрывал тот, кто просил за работу меньшую сумму. В этой связи иконостасные подряды в приходах Каргопольского уезда в первой половине – середине XIX в. нередко выполняли столяры и резчики из сопредельных регионов, особенно из Вологодской губернии.

Самой значительной фигурой из приезжих иконостасных мастеров был вологодский мещанин, затем – купец и цеховой мастер Иван Васильев Дружинин. В первой четверти XIX в. им выполнены наиболее ответственные заказы. Он создал фрагментарно сохранившиеся киоты вокруг столбов церкви Воскресения Христова. В 1794 г. выполнил иконостас Благовещенской церкви г. Каргополя: «… иконостас искусной работы с резьбою, по полименту золоченный червонным золотом; Царские врата с оливковою резьбою и резными евангелистами, состоит из 4-х ярусов». Известен по дореволюционной фотографии. До наших дней дошел каркас иконостаса.

По контрактам 1820–1821 гг. Дружинин работал в Успенском храме Успенского монастыря г. Каргополя: «За работу иконостаса со всеми материалами, на полимент озолоченного, заплачено города Вологды мастеру мещанину Ивану Васильеву Дружинину пять тысяч шестьсот рублей»[4]. Его работы выполнены в стиле классицизм и отмечены высоким профессионализмом.

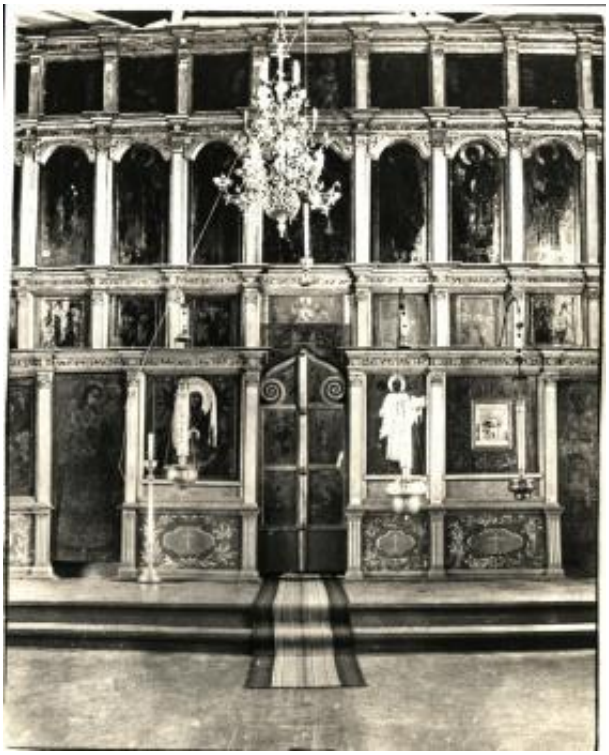
В 1809–1810 гг. чертёж и резьбу иконостаса каргопольской церкви Введения Богоматери во храм выполняли вологодские резчики: мещанин Дмитрий Биляев и купеческий сын Петр Александров Попов[5]. Однако, Попов к подряду не явился; а Биляев, хоть и начал работу, но пьянствовал. В результате – основной объем работ был выполнен каргопольскими мастерами. Резчик, мещанин Каргополя Михаил Лукин в 1810–1811 гг. создавал резьбу иконостаса Введенской церкви[6]. Иван Григорьев Иконников (род. в 1752), мещанин г. Каргополя и столярный мастер, золотил в 1814 г. иконостас главного престола и придела Введенской церкви[7]. Каргопольскому мещанину Алексею Малышову заплатили в 1814 г. десять рублей «за рисовку плана для иконоставу в трапезу Введенской церкви» [8]. Наиболее значительные работы по иконостасу придела выполнены Николаем Спиридоновым. В апреле 1815 г. «за работу клиросов» Введенской церкви ему выдано сорок рублей и «за работу столярнаго иконостаса в трапезу Введенской церкви сто осьмдесят рублей»[9]. Михаил Ермолаевский, мещанин г. Каргополя в 1817 г. помогал делать резьбу: «за тела под капители и пореску» он получил сорок рублей»[10].

Сегодня крайне сложно проследить эволюцию развития иконостасного искусства на севере России. Слишком мало сохранилось церквей с неразрушенными интерьерами. Тем важнее атрибутировать немногочисленные, дошедшие до нашего времени произведения. И в этом неоценимую услугу оказывают письменные и изобразительные источники. Именно в них мы находим уникальные чертежи иконостасов северных церквей, сведения об их авторах, материалах и времени исполнения. Эти сведения дополняют картину развития иконостасного искусства в России.

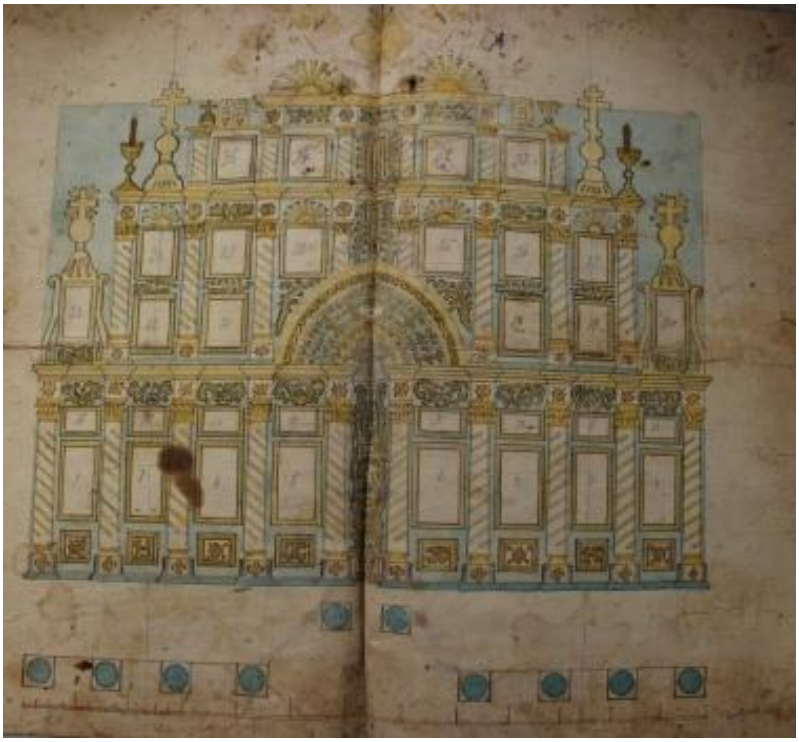
[1] ГААО. Ф. 1481. Оп. 1. Д. 495. Л. 93об.-94об.
[2] ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 2. Д. 1246. Л. 17.
[3] ГААО. Ф. 29. Оп. 43. Д. 19.
[4] Ф. 27. Оп. 2. Д. 4/54 а. Л. 19 об., 28об., 78об.
[5] ГААО. Ф. 1343. Оп. 3. Д. 2. Л. 6-6об., 9; ГААО. Ф. 1003. Оп. 4. Д. 276. Л. 46.
[6] ГААО. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 7. Л. 12об., 15.
[7] ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 69. Л. 190; ГААО. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 7. Л. 38, 42, 52об.
[8] ГААО. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 7. Л. 39.
[9] ГААО. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 7. Л. 46.
[10] ГААО. Ф. 1513. Оп. 1. Д. 7. Л. 52об.- 53.

Илл. 1. Фрагмент иконостаса собора Рождества Христова г. Каргополя
Фото Я. Лейцингера, 1912 г.
Фотоархив ИИМК

Илл. 2. Иконостас церкви Рождества Иоанна Предтечи в Каргополе
Пересъемка со старой фотографии
Н.Н. Померанцева

Илл. 3. А.В. Оглоблин. Проект иконостаса церкви Рождества Богородицы Красноляжского погоста. 1870-е гг.
Собрание ГААО

А.В. Кузнецов, А.М. Новосёлов (г. Тотьма)

К вопросу о происхождении архитектурного стиля «Тотемское барокко»

Архитектура тотемского барокко в настоящее время изучена явно недостаточно. Некоторые исследователи говорят о тотемском барокко как о разновидности «устюжского», или, шире, «северного»; в некоторых работах местный стиль барокко характеризуется даже как «сибирский». Во многом это связано с тем, что исключительная архитектура тотемских храмов редко становилась объектом для исследования и в дореволюционную, и в советскую эпохи.

Едва ли не первая известная нам попытка выделить храмовую архитектуру Тотьмы и отнести её к какому-либо архитектурному стилю принадлежит А.В. Луначарскому. Будущий нарком просвещения, отбывавший в Тотьме недолгий срок ссылки (1903-1904), в своих «Вологодских воспоминаниях» отмечал: «Тотьма — очаровательный, узорный городок, с церквами в стиле рококо, на берегу громадной реки, за которой тянутся тёмные леса…»[1]. Наверняка пышные узоры картушей на стенах и орнаменты, в которых были использованы звёзды и раковины, напомнили Анатолию Васильевичу украшательство западноевропейских зданий. Если считать рококо поздней версией барокко, как полагают многие историки искусства, то А.В. Луначарский был не так уж и неправ; тотемское барокко оказалось последним (но зато настолько ярким!) вздохом барочного стиля в наших северных краях, потом надолго уступив место провинциальному (и зачастую исключительно скучному) классицизму.

Некоторые авторы начала XX века, оставляя газетные отзывы или публикуя свои литературные труды, отмечали красоту и торжественную устремлённость ввысь местных храмов. Однако об особом архитектурном стиле речь не шла. Подтверждение тому – опубликованная спустя семь десятков лет большая работа краеведа, одного из основателей Тотемского краеведческого музея Дмитрия Александровича Григорова (1860-1929) «Тотьма и её окрестности». В этой книге подробно описана история создания 10 церквей местного стиля в Тотьме и ближайшем Окологородье, но отдельно о церквах с удивительными орнаментами картушей Д.А. Григоров не писал и внимания на этот тип декора не обращал. Возможно, это было связано с тем, что краевед более концентрировал внимание на православной истории храмов и на их внутреннем убранстве[2].

Лишь в советские годы, когда некоторые выдающиеся памятники тотемского барокко были уже безвозвратно стёрты с лица земли, а часть доживала свой век в виде колхозных складов и ремонтных мастерских, целый ряд учёных, изучавших архитектуру Русского Севера, обратил внимание на совершенно особенный облик тотемских церквей. Сравнивая образцы этой архитектуры с сольвычегодскими, устюжскими, лальскими, вологодскими, исследователи приходили к выводу о своеобразии тотемского стиля. Так, стала отмечаться необычность конструкции храма: большая высота при относительно малой площади основания, оптическим эффектом которой было «исчезновение» основного объёма церкви при взгляде с торца здания. Эта «высотность» стиля выгодно отличалась от пропорций приземистых храмов, создававшихся в более восточных уездах губернии. Появилось образное сравнение «храм – корабль, колокольня – мачта». Также было обращено внимание на купола местных храмов, небольшие, однако, поставленные очень эффектно относительно основного объёма здания.

Выделяя эти черты в облике местных храмов, все исследователи сходились в том, что в первую очередь тотемское барокко характеризуется наличием своеобразных каменных украшений на стенах церквей, называемых обычно в литературе картушами, хотя известно и их подлинное местное наименование – клéйма. Термин ка́ртуш в значениях «виньетка; недоразвёрнутый свиток, на котором помещались гербы, эмблемы или надписи» был заимствован из французского cartouche – «изящное обрамление» (в настоящее время в русском языке это слово иногда произносится с ударением на первом слоге, но во французском языке ударение было на последнем). Слово клеймо в старину на Руси также имело несколько значений: «знак, налагаемый на предметы; метка, печать; герб с именем хозяина»[3]. В архитектуре

[1] Луначарский А.В. Из вологодских воспоминаний. // Север: Орган научного Северного краеведения. Вологда, 1923. Кн. 2. С. 4.
[2] Григоров Д.А. Тотьма и её окрестности. // Тотьма: Историко-литературный альманах. Вып. 1. Вологда: Русь, 1995.
[3] Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 2. М.: Русский язык, 2000. С. 94.

картушами называют украшения, покрывающие межоконные проёмы на стенах зданий и обрамляющие сами окна. Вид и многообразие картушей зависят от времени и стилей строительства в разных странах и городах. В этом альбоме термины картуш и клеймо будут использоваться на равных правах, как синонимы.

Тотемский исследователь Станислав Зайцев настолько ярко и образно отзывался о тотемских клеймах, что сложно написать лучше: «В отличие от обычных, рисованных или лепных, картуши на тотемских храмах являются частью кладки стены. Они значительно выступают своей плоскостью над её поверхностью и обрамлены лекальным кирпичом. На полях картушей – цветы и раковины, кресты и звёзды… Задерживая собой скользящий свет северного солнца, они как бы вписывают храмы в кружева облаков. Они и сами как облака, разные на каждом храме, на каждом фасаде, на каждом ярусе. Сделанные не по штампу, живой рукой мастера, они словно оживают, если смотреть на них поочерёдно».

Впервые употребил термин «картуши» относительно декора тотемских церквей историк П.А. Тельтевский (1915-2002)[1] в своей статье. Введение же в научный оборот именно словосочетания «тотемские картуши», которое сейчас широко известно всем тотьмичам и любознательным туристам, принадлежит В. Хромову, который опубликовал небольшую статью с таким названием в 1971 году. В ней автор попытался описать процесс создания картушей-клейм. «Жители Тотьмы оказались изобретательными порядовщиками – формовщиками кирпича. Они изготовляли фигурный подпятный кирпич, глина для которого вдавливалась в подоную форму пятой ноги, а не бесчувственной деревянной ступой. Кирпич обжигался в домашних печах и поступал на строительство в виде вкладов от крестьянских дворов. Этим, очевидно, объясняется его разнокалиберность… Во внешнем убранстве тотемских церквей нет лепки. Декор – это кладка, барочное «узорочье» из кирпича. В «наборе» каждого храма не более 10 элементов. Их размерная неточность и отклонения в конфигурации связаны с особенностями кирпичного производства»[2]. Неясно, откуда В. Хромов взял эту информацию. Вероятно, будучи в Тотьме, он беседовал с бывшим директором Тотемского краеведческого музея Н.А. Черницыным, от которого и мог почерпнуть эти сведения.

П.А. Тельтевский также высоко оценил значение и архитектурную привлекательность картушей: «Нарядные картуши, которые придают большое своеобразие и запоминающийся архитектурный облик тотемским храмам, имеют в разных сооружениях различную форму… Мастера проявили большое искусство и художественный вкус: в различных сочетаниях заготовленных ранее керамических элементов глаз не находит монотонности и повторения»[3]. Остаётся загадкой, кто же создавал формы для фигурного кирпича и придумывал конфигурацию клейм на стенах церквей? Имена этих русских мастеров неизвестны…

Учёные в своё время называли неодинаковое количество храмов, выстроенных в Тотьме и Тотемском уезде в стиле, получившем у архитекторов и искусствоведов полное название – тотемское провинциальное барокко. В уже упоминавшейся статье П.А. Тельтевского говорится о 5 барочных храмах города Тотьмы, но без подразделения их на раннебарочные (без клейм) и позднебарочные (с клеймами)[4].

С.С. Подъяпольский (1928-2002) в конце 60-х годов XX века насчитал в Тотьме всего 4 церкви с картушами на стенах[5]. Архитектор В.П. Выголов (1929-1995), изучавший тотемские памятники церковного зодчества в 1970-е годы, рассказал в своей публикации о 7 храмах с картушами, выстроенных во второй половине XVIII века в самом городе Тотьме и об одном сельском храме (в Усть-Печеньге)[6]. Наконец, итог постарался подвести С.М. Зайцев (1939-1992), когда сообщал о 20 памятниках тотемского барокко[7]. В более поздних рукописях краеведа, хранящихся в архиве Тотемского музейного объединения, это число возрастает до 22.

---

[1] Тельтевский П. Памятники архитектуры XVIII века в Тотьме. // Архитектурное наследство: 14. – М., 1962. – С. 203-210.

[2] Хромов В. Тотемские картуши // Декоративное искусство СССР. М., 1971. № 4. С. 28.

[3] Тельтевский П.А. Указ.соч. С. 206.

[4] Там же.

[5] Подъяпольский С.С. По Сухоне и Северной Двине. М.: Искусство, 1969. С. 11.

[6] Выголов В.П. Архитектура барокко в Тотьме // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М.: Наука, 1980. С. 103-125.

[7] Зайцев С.М. «…Клейма зделать какъ наилутче возможно…» // Декоративное искусство СССР. М., 1981, № 12. С. 28.

История строительства тотемских церквей с клеймами на стенах до конца ещё не раскрыта. Существует несколько версий о причинах возникновения и упадка этого оригинального архитектурного стиля. Наиболее эмоционально высказывался на страницах печати всё тот же С. М. Зайцев: «Тотемская архитектура оказалась каменной летописью эпохи великих географических открытий XVIII века, когда вершилась одиссея тотемских землепроходцев и мореходов на Тихом океане. Взгляните на любую карту того времени. Название её помещалось не прямо на листе, а в любовно украшенном свитке-картуше. Тотемские картуши будто перекочевали с мореходных карт… Церкви Тотьмы, словно тихоокеанские парусники, торжественно и радостно плывут по северному небу»[1].

В подтверждение своей гипотезы С.М. Зайцев приводил факты вложения денег в строительство ряда тотемских церквей купцами, разбогатевшими на дальневосточной и тихоокеанской торговле и промыслах. Однако, об истории строительства большинства барочных храмов XVIII века в Тотьме и уезде мы не имеем практически никаких источников. Потому данное утверждение можно считать правдивым только отчасти – в случае с пятью храмами из двадцати трёх, о которых и пойдёт речь.

Навигационные карты тотемских мореходов в северной части Тихого океана вообще не могли украшаться картушами – большинство таких роскошно изданных карт, о которых пишет С.М. Зайцев, появлялось уже постфактум, после исследования восточных земель, которое и проводили в числе прочих тотьмичи. Когда тотемские купцы-компанейщики отправлялись в плавание из Охотска, большинство земель к востоку для них было «белыми пятнами». Стоит только сопоставить простейшую карту Алеутских островов тотьмича Петра Шишкина, которую он нарисовал сам по данным, предоставленным алеутами, с вариантом карты, изданном в Петербурге при Императорской академии наук и имеющем рисованный картуш. Разница очевидна! А если учесть тот факт, что деревянные корабли (кочи) мореходов второй половины восемнадцатого столетия в северной части Тихого океана были невелики по размерам, высотой матч и парусного оснащения отнюдь не блистали, выходит, сравнивать высотные тотемские церкви и здесь не с чем. Где же тогда найти разгадку?

Ещё больше может запутать исследователя тот факт, что схожие по декору с тотемскими барочными храмами церкви известны в Сибири. Картуши имеются на стенах культовых зданий в Приангарье, Иркутске и Забайкалье. Причём даты строительства сибирских и тотемских церквей, украшенных картушами, на всём пространстве от Сухоны до Селенги очень близки. С.М. Зайцев писал об их прямой взаимосвязи с тотемскими храмами, отмечая: «следующую фазу угасания тотемских картушей можно увидеть в Забайкалье»[2]. Противоположные гипотезы выдвигали такие современные исследователи, как Лев Масиель Санчес (о влиянии тотемской архитектуры на сибирскую) и Марк Головизнин (о влиянии сибирской – на тотемскую).

Более реалистичной кажется эволюционная версия происхождения тотемского храмового барокко и картушей. Известно, что каменное церковное зодчество в Сольвычегодске и Великом Устюге имеет более ранние истоки, чем в Тотьме. Прекрасный собор Введенского монастыря в Сольвычегодске был создан в 1688-1693 годах. Тогда на деньги купеческого рода Строгановых каменных дел мастера возвели первый на Севере храм-образец в нарышкинском стиле[3]. В соседнем Устюге барочные формы церквей, датируемых периодом с 1690-х по 1730-е годы[4], возможно, появились не без влияния петербургской архитектуры. Свою роль в возникновении «тотемского стиля» сыграло то немаловажное обстоятельство, что церковное зодчество было сильно ограничено объёмами строительства. Когда кончились заказы в Сольвычегодске, часть зодчих обратила внимание на Тотьму, а другая устремилась на восток – через Лальск, Вятку, Урал и Тобольск, вплоть до Иркутска и Забайкалья. Таким образом, пышное барокко Сольвычегодска в Тотьме во второй половине XVIII столетия оказалось выхолощено; картуши-клейма приобрели простые (но довольно изящные и своеобразные!) очертания. Подтверждением этой версии могут являться очевидно схожие с украшательством Введенского собора, но сильно упрощённые и «засушенные» элементы декора на Благовещенском Вожбальском и Спасо-

[1] Зайцев С.М. Тайна тотемских картушей // Наш современник. М., 1982. № 11. С. 176.
[2] Там же. С.178.
[3] В советских изданиях по архитектуре иногда трактуется как «московское барокко».
[4] Бочаров Г., Выголов В. Сольвычегодск. Великий Устюг. Тотьма. М.: Искусство, 1983. С. 67-78, 122-192.

Преображенском Тиксненском храмах, а также единственное сохранившееся имя зодчего «тотемского стиля» Фёдора Титова, выходца из сольвычегодских крестьян.

Помимо того, в доказательство вышеприведённой гипотезы следует обратить внимание на одну из сельских церквей бывшего Устюжского уезда. Это храм Николая Чудотворца в селе Комарица на высоком левом берегу Северной Двины в нынешнем Котласском районе Архангельской области. Церковь была построена в 1773-1781 годах, то есть, в тот же период, что и большинство тотемских барочных храмов. На стенах Комарицкой церкви выложены из фигурного кирпича удлинённые филёнки и только один вид клейм, схожих с тотемскими образцами. Относить здание храма в Комарице к тотемскому барокко, пожалуй, не стоит: формы храма не совсем типичные для тотемского стиля, колокольня совсем далека от него, да и расположен храм на значительном удалении от того «куста», где расцвело настоящее, классическое тотемское барокко. Но само существование Николаевского Комарицкого храма подтверждает тезис о сольвычегодских истоках северного каменного узорочья. В самом Сольвычегодске в течение восемнадцатого столетия было построено несколько барочных церквей того же конструкционногорешения, что и в Тотьме, только без картушей. Декор сольвычегодских храмов был ограничен простыми филёнками и фронтонами.

Будет уместно здесь привести цитату из статьи московского архитектора В.П. Выголова, опубликованную им ещё в 1980 году, но не потерявшую актуальности до сих пор. И хотя автор исследовал только барочные храмы города Тотьмы, его заключения касаются всего стиля местного барокко: «Есть все основания утверждать, что мастера храмов Тотьмы были выходцами из Великого Устюга[1]. Начавшие строительство в конце 1730-х годов и затем осуществлявшие его почти непрерывно вплоть до конца XVIII века, эти мастера явно осели в самой Тотьме, где они постепенно, к 70-м годам, выработали свои собственные, своеобразные приёмы и формы. В возводимых по заказам и на деньги местных купцов храмах, безусловно, нашёл отражение пафос разносторонней деятельности просвещённого русского купечества XVIII века с его помыслами и стремлениями, далеко перешагнувшими границы Российской империи. С этим и связана подчёркнутая парадность облика тотемских церквей, отличающихся богатым и пышным узорочьем фасадов и устремлённостью вверх всех форм»[2]. Однако непосредственно с мореходством и географическими картами В.П. Выголов у храмов Тотьмы никаких связей не усмотрел.

Вопрос относительно этой взаимосвязи, о которой часто рассказывают экскурсоводы в Тотьме и о которой так восхищённо писал Станислав Зайцев, остаётся открытым. Близким к истине кажется тот факт, что на архитектурный стиль тотемских храмов могли повлиять вкусы заказчиков – тех самых «просвещённых купцов», о которых говорит В.П. Выголов. Вероятно, они могли задать приглашённым мастерам какие-то новые ориентиры, предъявить новые требования, которые те с разной степенью успеха исполняли. Возможно, в содержании этих требований и возникали те самые клейма, наличие которых на стенах здания заказчики считали обязательным условием, свидетельствующим о красоте постройки. Подтверждением тому может служить подрядная грамота на строительство Троицкой церкви, в которой напрямую указывается требование Черепанова: «клейма зделать как наилутче возможно»[3]. Не следует забывать и о том, что вторая половина восемнадцатого века отмечена взлётом провинциального барокко, элементы которого использовались буквально везде, и потому купечество Тотьмы, безусловно, ориентировалось на некие образцы данного стиля…

Можно со значительной долей уверенности предполагать и определённую преемственность процессов, когда ряд храмов строился с оглядкой на созданные ранее. Это же касается и картушей-клейм, высшая форма которых – на Входоиерусалимском Тотемском и Троицком Зашугомском храмах – присутствует в самый поздний период развития стиля. В случае же с церквами, которые строились не на купеческие деньги, а «вскладчину», силами приходов, особенно на сельских территориях, картуши возникали не как дань моде, а как подражание лучшим образцам, создаваемым в Тотьме.

---

[1] и / или Сольвычегодска (прим. авторов).

[2] Выголов В.П. Архитектура барокко в Тотьме // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М.: Наука, 1980. С. 124-125.

[3] Контракт на строительство Троицкой церкви с сольвычегодским крестьянином Титовым. Фонд ТМО. Опубликован в изд.: Кузнецов А.В., Новосёлов А.М. По следам тотемского барокко / Вологда: Древности Севера, 2016.

Храмы в стиле тотемского барокко возводились всю вторую половину XVIII века. Местный стиль, судя по всему, зародился в самой Тотьме, а затем постепенно распространялся по уезду, чтобы к 1790-м годам указанного столетия достичь самых отдалённых его уголков (улусцев). Интересны особенности вертикальной планировки храмов, среди которых выделяются два типа: 1) сочетание тёплого храма на первом этаже с возведённым над ним холодным двусветным (преобладали в Тотьме и в крупных волостях); 2) холодные двусветные храмы (на скромных деревенских погостах). Сельский тип церквей, судя по всему, имеет вторичное и более позднее происхождение. Выбор того или иного, скорее всего, зависел от платёжеспособности заказчиков. Изначальные барочные картуши на стенах тотемских храмов, вероятно, были выложены руками каменных дел мастеров из Сольвычегодска и Устюга, но, попав на благодатную почву, эволюционировали и формами, и содержанием, превратившись в отдельное архитектурное течение.

В изданном в декабре 2016 года альбоме-путеводителе «По следам тотемского барокко» мы собрали информацию о 23 памятниках, построенных в данном архитектурном стиле на территории Вологодской и Костромской областей[1].

В июне 2017 года в рамках гранта ПАО «Северсталь», выделенного в рамках конкурса «Музеи Русского Севера», нам удалось посетить Бурятию, Иркутскую область и Красноярский край, где мы ознакомились с местными храмами, построенными с элементами тотемского стиля. Поездка позволила нам сделать следующие выводы:

1. В настоящий период можно говорить о девяти памятниках Сибири, которые имеют в себе черты тотемского барокко. Из них 5 находится на территории Республики Бурятия (Улан-Удэ, Троицкое, Староселенгинск, Турунтаево, Батурино), 2 – в Иркутской области (Иркутск, Урик), 2 – в Красноярском крае (Красноярск, Енисейск). Ещё ряд памятников, имевших данные черты, уничтожен в XX столетии (Балаганск, Енисейск, Иркутск и др.).

2. Говорить о прямом заимствовании профилированного рисунка тотемских картушей мы можем лишь в единственном случае – с иркутским Харлампиевским храмом, когда клейма буквально идентичны клеймам памятника Тотьмы (Входоиерусалимской церкви). В остальных случаях мы имеем дело с перенесёнными на местную почву орнаментами, вероятно, заимствованными со стен тотемских церквей, но решёнными уже по-своему, в плоскостном варианте, без использования так называемого «подпятного» кирпича, о котором пишет В. Хромов.

3. Образцы рисунков тотемских клейм, по которым создавались местные картуши, могли распространяться в эскизных вариантах по всей территории Сибири, в освоении которой тотьмичи (и вологжане в целом) принимали активное участие. Нам не удалось выявить тотемские фамилии среди заказчиков и строителей данных храмов (преобладают устюжские и вятские), однако размах культурных контактов Тотьмы не оставляет сомнений в том, что успешно развивавшаяся на Русском Севере тотемская архитектурная традиция могла в это время восприниматься в Сибири как разумный компромисс между требованиями властей строить по канонам классицизма и народной архитектурой, тяготевшей к богатому узорочью.

4. Исходя из дат строительства храмов, мы можем сделать вывод о том, что архитектурная традиция всё-таки распространялась с запада на восток, из Тотьмы – в Сибирь, а не наоборот. Даты строительства в Сибири храмов с картушами совпадают с датами расцвета и угасания барочного стиля в Тотьме, однако зарождение данного стиля всё-таки относится к 1740-м годам[2]. В данный период храмы с картушами в Сибири еще не строятся, доминирует местная архитектурная традиция. Картуши возникают в Иркутске только в 1770-е годы, когда, например, в Тотьме уже существует великолепная Казанская церковь, сверху донизу украшенная клеймами, а на Вожбале купцами Пановыми уже построен Благовещенский храм. Таким образом, можно считать, что украшение тотемских храмов было благотворно воспринято строителями храмов Сибири, которые – по-видимому, благодаря эскизам – переносили элементы тотемского стиля на местную почву, зачастую донельзя их упрощая.

[1] Кузнецов А.В., Новосёлов А.М. По следам тотемского барокко: альбом-путеводитель. / Вологда: Древности Севера, 2016.

[2] Об этом авторы материала пишут в вышеуказанном издании «По следам тотемского барокко» 2016 года.

Илл. 1. Входоиерусалимская церковь в Тотьме – признанный шедевр эпохи расцвета «тотемского барокко». Построена на средства купцов Г.А. и П.А. Пановых.

Илл. 2, 3, 4. Разновидности картушей на тотемских церквях

Илл. 5. Николаевская церковь в селе Комарица Котласского района

Илл. 6. Картуши Харлампиевской (Михайло-Архангельской) церкви в Иркутске

Илл. 7. Картуши Троицкого собора Троице-Селенгинского монастыря (с. Троицкое, Республика Бурятия)

Илл. 8. Упрощённые до примитива плоскостные картуши на Сретенской церкви в Батурино (Республика Бурятия)

Н.Е. Плаксина (г. Сыктывкар)

Художественное наследие старообрядцев-странников «Каргопольского предела» в государственных и частных собраниях Северо-Западного Федерального округа

На территории бывшей Волосовской волости Каргопольского района в д. Залесье в начале XX в. действовала мастерская старообрядцев-странников, в которой создавались иконы и книги для странников толка статейников Каргопольского предела. Рукописно-книжное наследие этой мастерской, сохранившееся в собраниях Рукописного отдела Библиотеки РАН (Санкт-Петербург), Научной библиотеки Сыктывкарского государственного университета, фондах Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея, давно является предметом пристального внимания археографов. Иконописное наследие, сохранившееся в семьях потомков странников, проживающих в Удорском районе Республике Коми, попало в поле внимания исследователей гораздо позже – в середине 1990-х годов[1].

В составе собраний Отдела рукописей БАН сформировался уникальный комплекс письменных и изобразительных источников, позволяющих реконструировать деятельность этой мастерской. Это сочинение историка страннического согласия Максима Ивановича Залесского «Илья Репкин и Антипа Смирнов…» (Каргоп. 83), рукопись Ф.И. Виноградова «Антипа Смирнов как художник» (Каргоп. 86), а также «уникальная по целостности материала»[2] коллекция образцов, привезенная экспедицией БАН в 1975 г. из скрытнического скита в деревне Залесье (Каргоп. 283, 284)[3]. Впервые на ценность этих документов для изучения художественной традиции старообрядцев-странников обратила внимание В.Г. Подковырова[4]. В контексте книжной традиции уделил внимание коллекции образцов Г.В. Маркелов, отметивший разнообразие техник и материалов копирования, а также широкий масштаб деятельности мастерской странников[5]. Лицевые рукописи и часть коллекции образцов (иконные прориси, рисунки, фрагменты музыкальных рукописей) были опубликованы в 10 томе «Описания рукописного отдела Библиотеки РАН» «Лицевые старообрядческие рукописи XVIII – первой половины XX веков»[6]. Автором данной статьи было предпринято сопоставление образцов этой коллекции с иконами, сохранившимися в семьях потомков удорских странников на территории Республики Коми, что позволило атрибутировать памятники и дать общую характеристику иконописного искусства каргопольских странников[7].

Страннические согласие толка статейников представляло собой разветвлённую и хорошо организованную общину с центром в Ярославской губернии, состоявшую из отдельных «пределов» и «округов», каждый из которых находился под управлением «предельных» и «окружных» старейших. В конце XIX в. община была разделена на 5 округов (стран): Даниловский, Ярославский, Вичугский, Каргопольский и Казанский[8]. В Каргопольский предел

---

[1] Шарапов В.Э. Графическая и свободно-кистевая роспись по дереву // Атлас Республики Коми. М. 2001. С. 166.

[2] Маркелов Г.В. «Налепные образцы» в традиционномкнигописании // ТОДРЛ. Т. 53. СПб., 2003. С. 286.

[3] Амосов А.А., Бубнов Н.Ю. Археографические экспедиции Библиотеки АН СССР в Каргопольский и Плесецкий районы Архангельской области (1975-1976) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей и редкой книги. Л., 1978. С. 275-276; Подковырова В.Г. Иллюминированные страннические рукописи в составе Каргопольского собрания БАН России // Христианство и Север. По материалам VI Каргопольской научной конференции / Науч. ред. и сост. Н.И. Решетников. М. 2002. С. 165-166; Маркелов Г.В. «Налепные образцы» в традиционномкнигописании… С. 286-287.

[4] Подковырова В.Г. Иллюминированные страннические рукописи... С. 165-166.

[5] Маркелов Г.В. «Налепные образцы» в традиционномкнигописании… С. 286-287.

[6] Лицевые старообрядческие рукописи XVIII- первой половины XX вв. / Авт.-сост. Н.Ю. Бубнов, Е.К. Братчикова, В.Г. Подковырова. СПб, 2010. С. 558-561.

[7] Об этом см.: Плаксина Н.Е. Иконописное наследие удорских крестьян-старообрядцев // «Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность». Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, посвященной 45-летию музея «Малые Корелы» (Архангельск, 8-10 июля 2009 года). Архангельск, 2010. С. 531-542; Плаксина Н.Е. Иконописцы и иконостасные мастера в Коми крае (XVII - начала XX века): Словарь / Науч. ред. Т.М. Кольцова, Л.П. Рощевская. Сыктывкар, 2010. С. 33-37, 59-60, 67-69, 127-128; Плаксина Н.Е. Иконописное искусство каргопольских странников // Антиквариат: предметы искусства и коллекционирования. 2012. № 3 (94). С. 4-20.

[8] Прокуратова Е.В. Старообрядческая культура Коми края XVIII-XX веков: книгописная деятельность и литературное творчество удорских староверов. СПб.,2010. С. 47.

входили территории Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерний. В состав Каргопольского предела входили и старообрядцы-странники, проживавшие на территории Важгортской волости Яренского уезда Вологодской губернии (в деревнях в бассейне притока Мезени реки Вашки, современный Удорский район Республики Коми). Вероучение последователей странников толка статейников, или иерархитов, появилось здесь с 1860-х гг., а при деятельном участии Прохора Филиппова Виноградова (в миру Павел Филиппович Ильин (1861/1865-1922 (?)), зырянина, уроженца деревни Муфтюга, укрепилось в удорских деревнях Чупрово, Муфтюга, Верхозерье, многие жители которых, как правило, связанные родственными узами, становились странниками либо странноприимцами.

Возникновение иконописной мастерской в Каргопольском пределе стало результатом стремительного разрастания последователей страннического вероучения со второй половины XIX в. Странники, как и поморцы, особенно ревностно относились к иконам, поклонялись лишь древним дониконовским образам и не принимали икон других беспоповских старообрядческих согласий: «принцип не поклоняться иконам, писанным рукой иначе мудрствующих, заставлял их иметь для этого своих мастеров»[1]. «Вопрос о снабжении странников иконами своего письма, как требовал того устав и обычай, был обсуждён странниками на соборе 1848 года <в Сопелках Ярославской губернии – Н.П.>, и скоро кризис снабжения был разрешен»[2]. Этому способствовало налаженное обучение иконописцев из своей среды. Центр страннического иконописания находился в Ярославском пределе, где было организовано обучение и свидетельствование произведений иконописцев-странников. В итоге к началу XX в. искусство иконописания стало рассматриваться как обязательное для «старейших», в число которых определяли «заслуживших достойное уважение» не только «по ведению божественных писаний и по беспорочности жития», но «и по опытности искусства»[3]. Очевидно, каждый из страннических «пределов» имел своих иконописцев. Благодаря М.И. Залесскому, известны страннические имена иконописцев Каргопольского предела[4]. Это сам наставник Прохор Филиппов Виноградов, Иоаким Яковлевич, ученики Прохора Ильина Лапкины Фома Васильев и его племянник Елеазар Трофимович родом из пределов Шуньги Повенецкого уезда, а также двое зырян - Иоасаф Егорович и Александр Михайлович Виноградов. Под страннический именем Виноградова скрывается племянник наставника Прохора Стефан Михайлович Козырев, в котором Прохор Ильин видел и готовил своего преемника, что подразумевало обязательное владение иконописным искусством. Александр Виноградов носил ещё одну фамилию, которой подписывался на иконах, книгах и иконных образцах, - Яблоков. Несколько фамилий - Орлов, Виноградов, Ларионов – были и у самого Прохора Филипповича.

Точная дата организации мастерской в Каргопольском пределе не известна. По сведениям М.И. Залесского Прохор Ильин, как и другой иконописец Иоаким Яковлевич, после периода обучения в Ярославском пределе вернулись в Каргополье в 1878 г. Возможно, уже с этого времени он писал иконы. В 1905 г. Прохор Виноградов становится наставником и заместителем главы Каргопольского предела истинно православных христиан странствующих[5]. В это же время выходит указ об укреплении начал веротерпимости, который облегчил положение старообрядцев и, возможно, позволил легализовать некоторые стороны их жизни. 1905 г. - наиболее ранняя дата на сохранившихся подписных образцах мастерской. Тогда же наставник Прохор предпринимает активные действия по увеличению братства. В 1908 г. он увозит с собой с Вашки в Каргополье 15 человек. Среди них – Платон Егорович Коровин (в странничестве Иоасаф), ставший искусным переписчиком книг. По данным Ю.В. Гагарина, основной состав скрытников в Залесье состоял из зырян. Их было несколько десятков человек, жили они в кельях, где обучали грамоте и занимались рукоделиями[6].

Иконописная и книгописная мастерская странников объединяла людей разного возраста, в ней было налажено обучение, копирование образцов, возможно, существовало разделение по видам работ. Мастерская выполняла заказы для скрытников всего Каргопольского предела,

[1] БАН. Каргоп. 83. Л. 91.
[2] Цит. по: Подковырова В.Г. Иллюминированные страннические рукописи… С. 166.
[3] БАН. Каргоп. 83. Л. 50.
[4] Там же. Л. 81.
[5] Прокуратова Е.В. Старообрядческая культура Коми края XVIII-XX веков... С. 201.
[6] Научный архив КНЦ УрО РАН. Ф. 22. Оп. 1. Д. 52. Л. 16 об; Д. 53. Л. 68-69.

проживавших на обширной территории Олонецкой, Архангельской и Вологодской губерний, а также для странников, проживавших в других пределах. Иконы заказчикам посылались с почтой или через ярмарки. Сохранились приходно-расходные записи за 9 мая 1916 г. с указанием стоимости икон. Так, например, 8 вершковый образ Казанской Богородицы с четырьмя предстоящими стоил 13 руб., а икона «Троицы» аналогичных размеров 18 руб. По индивидуальным заказам создавали произведения уникального иконографического состава: в письме некоего «М. Ив.» к наставнику Прохору Филипповичу содержится подробный заказ на икону Седмица с изображением 30 святых в четыре ряда[1].

Значительным потрясением для общины, вероятно, стала ранняя смерть в 1911 г. талантливого двадцатилетнего иконописца Александра Яблокова, на которого наставник Прохор возлагал большие надежды; затем в первую мировую войну пропал без вести Фома Лапкин. После смерти наставника Прохора, который утонул в 1922 г., все зыряне уехали из Каргополья, многие вернулись на родину. Здесь, в тайных кельях удорских странноприимцев, они продолжили переписывать книги и писать иконы. Вернувшиеся на родину странники, в том числе Ольга и Платон Коровины, не приняли коллективизацию, агитировали односельчан против колхозов, были арестованы и расстреляны в 1936-1937 гг. С ними пресеклась недолгая художественная традиция Каргопольских странников.

На сегодняшний день выявлено около 20 икон каргопольских странников (в том числе известные только по фотографиям экспедиций 1990-х гг. и 2005 г.). Одна икона этой мастерской - «Спас Вседержитель» с надписью на обороте: «7421 год [1913] майя 16 гописалъ иконный изуграфъотрокъ 30-летний І.Е.З.» - сохранилась в собрании Архангельского областного музея изобразительных искусств и опубликована в его каталоге подписных икон[2]. Иконописец «І.Е.З.», вероятно, это зырянин Иоасаф Егорович из списка М.И. Залесского, личность которого пока не установлена. Это единственная известная автору статьи икона каргопольских странников, сохранившаяся в государственном музейном собрании.

Большая часть икон всё еще бережно сохраняется в семьях потомков удорских странников и странноприимцев на территории Удорского района Республики Коми и г. Сыктывкара. Все иконы по своим размерам приближаются к стандартному аналойному формату 36х28 (8 на 6 вершков), написаны на досках, сделанных из древесины хвойных (?) пород. Основа, как правило, цельная или состоящая из двух крепко сбитых досок, скреплённых широкими врезными сквозными, слегка сужающимися встречными плоскими шпонками, не выступающими над поверхностью доски. На лицевой стороне почти все иконы имеют глубокий ковчег с пологой лузгой. Паволока, как правило, не просматривается, возможно, она использовалась только в среднике. Левкас меловой. Живопись выполнена в технике тщательного многослойного письма по сусальному золоту с применением цветных лаков. Отличительная черта – особое усердие в украшении полей, которые никогда не остаются пустыми. По всему периметру на них размещаются тиснёные по левкасу фантазийные плетёные орнаменты, образы небесных покровителей заказчика иконы на шахматных поземах, образы избранных святых деисусного чина в круглых клеймах. Поля и лузга обрамлены поясками тиснёного по левкасу жемчужника. Надписи выполнены строгой поморской вязью и полууставом.

На обороте ряда икон имеются подписи, как правило, выполненные карандашом. Они содержат дату создания иконы, страннического имя и возраст иконописца, а также имя адресата иконы. На обороте иконы «Воскресение Христово – Сошествие во ад» (частное собрание Н.С. Коровиной, г. Сыктывкар) имеется карандашная надпись: «Ольге Петровнъ Коровиной писана въ ЗУЗІ (1908) года писалъ Александръ Михайловичъ Яблоковъ ноября Его числа 17ти лътний юноша». На верхней шпонке иконы «Успение Пресвятой Богородицы», принадлежавшей ранее странноприимнику Ивану Егоровичу Коровину из с. Муфтюга (частное собрание, Удорский р-н РК) имеется потухающая карандашная надпись: «7425 году писалъ иконный изограф…» (далее неразборчиво). Подписные памятники служат эталоном для атрибуции икон каргопольских странников. По иконе «Воскресение Христово – Сошествие во ад», содержащей надпись с инициалами иконописца «ПФ» (частное собрание, Удорский р-н РК), удалось выявить

[1] БАН. Каргоп. 164. Л. II-III; Лицевые старообрядческие рукописи … С. 152.
[2] Подписные и датированные иконы в собрании АОМИ. Каталог / Авт.-сост. Вешнякова О.Н., Кольцова Т.М. Архангельск, 1993. С. 39.

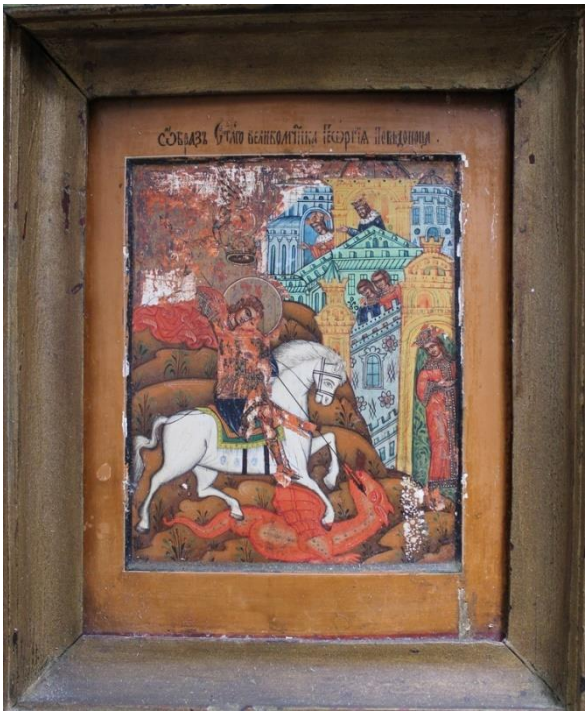
произведения самого наставника Прохора Филипповича. Они очень отличаются от икон каргопольских странников начала XX в., и возможно, были созданы ранее, в последней четверти XIX в., когда мастерская ещё не была организационно оформлена. Размеры его икон более разнообразны – от 28х23 до 49х35. Основа приготовлена часто небрежно. Золото практически не используется (только в нимбах). Скорописная и графичная, часто небрежная манера иконного письма, вероятно, отражает живой темперамент этого человека, и в некоторых образцах вполне соответствует нелестной оценке, которую дал М.И. Залесский странническому иконописанию.

Особый интерес представляет вышеупомянутая коллекция образцов, привезённая экспедицией БАН в 1975 г. из скрытнического скита в деревне Залесье (Каргоп. 283, 284). В её составе присутствуют иконные образцы на кальке и бумаге, выполненные в техниках сколка, налепка, припороха, перевода, карандашного рисунка: целые композиции, а также отдельные фигуры святых, образцы орнамента полей, нимбов, картушей для теонимограмм и надписей, воплощение которых можно видеть на сохранившихся иконах. Кроме того, представлены образцы книжных заставок, заставок-рамок, концовок, инициалов, также выполненных в разнообразных техниках перевода. Большую ценность собранию придают подписи, монограммы, даты, сопровождающие многие изображения. Ряд листов помечен именем или инициалами Прохора Филиппова Виноградова. Имеются листы с монограммами «Ф.В.» – возможно, инициалы Фомы Васильева Лапкина, инициалами «Е.Т.», очевидно, Елиазара Трофимовича. Несколько листов коллекции помечено инициалами «І.Е.З.» - Иоасафа Егоровича (?). Образцы книжного орнамента подписаны именем Платона Коровина. Наибольшее число листов подписано Александром Михайловичем Яблоковым. Это его детские, возможно, учебные рисунки, сколки орнаментов, выполненные в разных техниках листы с изображением отдельных фигур святых для перевода на иконные поля, законченные композиции. Среди других имён на иконописных образцах встречаются: Агапит (Агапиус) Матвеев (Матвеевич) Буров, В.И. Мухин, Стефан Сергеевич, Василий Иванович, Ф.Е. Солов (…), Петр Дим (…).

В составе Каргопольского собрания Отдела Рукописей БАН имеется незаконченный «Иконописный подлинник и Святцы» с 8 миниатюрами (Каргоп. 164), привезённый в 1967 г. археографической экспедицией из входившей в состав Залесья деревни Гришутинской[1]. Пометы на страницах подлинника, а также сохранившиеся на обороте переплета и между его страницами документы – письмо, адресованное наставнику Прохору Филипповичу, лист с приходно-расходными записями за продажу икон, вырезка из газеты с картой военных действий и надписью о работе полевой почты, – позволяют атрибутировать этот подлинник как произведение рассматриваемой нами мастерской.

Таким образом, в государственных и частных собраниях Северо-Западного федерального округа (Санкт-Петербург, Архангельск, Каргополь, Сыктывкар, Удорский район Республики Коми) сохранился уникальный по своей полноте датированный комплекс письменных и изобразительных источников, характеризующих художественную традицию Каргопольской ветви старообрядчества странического согласия. Сохранившиеся материалы позволяют оценить странническое иконописание как яркое и незаслуженно забытое явление в художественной культуре старообрядчества второй половины XIX – начала XX вв., изучение которого позволило бы полнее изучить феномен странничества, понять пути формирования региональных, в частности, северных, старообрядческих художественных центров. Одним из перспективных направлений исследований по данной проблематике должно стать выявление и атрибуция на основе этих материалов памятников художественной культуры странников в других музейных собраниях, а также объединение исследователей и всех заинтересованных людей для популяризации наследия странников.

[1] Лицевые старообрядческие рукописи … С. 151-154.

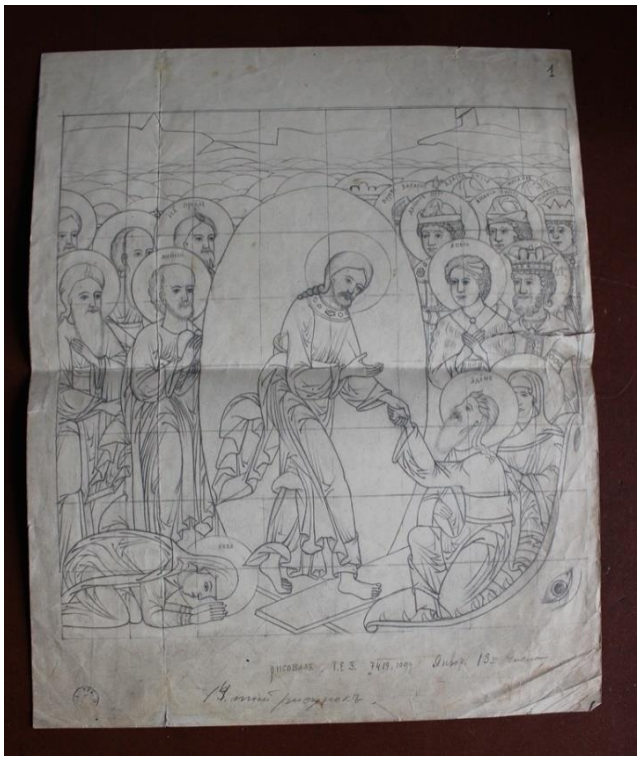
Илл.1. Икона «Чудо Георгия о змие». Конец XIX – начало XX в. Иконописец П.Ф. Виноградов (?). Частное собрание, г. Сыктывкар.

Илл. 2. Икона «Святитель Никола Чудотворец». Начало XX в. Частное собрание, г. Сыктывкар.

Илл. 3. Прорись «Воскресение Христово – Сошествие во ад». Иконописец I.E.З. (Иоасаф Егорович?). 1911 г. БАН. Каргоп. 283. Л.1

Илл. 4. «Вечеря Господня в чертоге Его». Иллюстрация из Лицевого Апокалипсиса. Художник Ольга Петровна Коровина (?). Частное собрание, г. Сыктывкар.

А.Б. Бодэ (г. Москва)

Проблемы сохранения и реставрации памятников деревянного зодчества на примере храмов Каргополья

Памятники деревянного зодчества, вне всякого сомнения, составляют едва ли не самую оригинальную и самобытную часть культурного наследия России и по достоинству могут представлять культуру страны на мировом уровне. Вместе с тем, в силу недолговечности материала, человеческого небрежениях сложившихся сегодня условий в сфере реставрации, деревянные памятники, действительно надо признать, самой хрупкой частью архитектурного наследия.

С первых десятилетий XX в. страна понесла огромные утраты объектов культурного наследия, особенно деревянных церковных построек. Но, несмотря на это, в разных областях европейской части России ещё остаётся около 130 церквей, построенных в XVII-XVIII вв. и ранее. Если к ним прибавить стилевые постройки XIX – начала XX в., то общее количество церквей явно превысит две сотни. В северорусских областях сохранилось не менее трёхсот деревянных часовен, включая постройки в традиционном исполнении и стилевые конца XIX – начала XX в. Кроме того, во многих поселениях и исторических городах по-прежнему сохраняется очень большое количество деревянных жилых домов, хотя и они массово исчезают с каждым годом.

На волне послевоенных реставраций и в последующие десятилетия была проведена огромная работа по паспортизации памятников деревянного зодчества и формированию музеев под открытым небом. Со своих мест были перевезены и отреставрированы десятки церквей и часовен, а также не менее сотни жилых домов и хозяйственных строений. Перевозка в музеи позволила спасти от разрушения множество памятников, но всё же эта мера не решает проблему сохранения памятников деревянного зодчества. Общеизвестно, что наибольшую ценность имеют объекты, сохранённые на своих местах во взаимосвязи с ландшафтом и окружением. К тому же, недавние разборки и перевозки церквей из Леждомы и из Яндомозера показывают, что к подобным мероприятиям в современных условиях надо подходить с большой осторожностью.

В настоящее время большинство деревянных церквей и часовен на местах находится в неудовлетворительном состоянии, многие из них расположены вне населённых пунктов по причине исчезновения последних. По-прежнему много неучтённых построек, хотя в их судьбе это ровным счётом ничего не меняет. Утраты следуют одна за другой. Перечень аварийных объектов, на реставрацию которых требуются очень большие средства, огромен. Государственных средств хватает на реставрацию лишь относительно небольшого количества памятников федерального значения. Это крупномасштабные работы с многомиллионными бюджетами, нацеленные на осуществление полного цикла реставрационных работ. На консервацию или реставрацию памятников регионального уровня, которых большинство, средств почти не выделяется, и они неизбежно приближаются к своему естественному разрушению.

Что касается сохранения всего деревянного наследия Русского Севера, надо признать, ситуация достаточно безнадежная. В ближайшие десятилетия массовые утраты кажутся неотвратимыми. Тем не менее, думается, что сохранение хотя бы части погибающих деревянных памятников возможно, но это требует целенаправленных усилий и неотложных действий.

Рассмотрим проблемы, перспективы и возможности сохранения памятников деревянного зодчества на примерах объектов в окрестностях Каргополя, где их сохранилось на редкость много. В своем большинстве это крупномасштабные храмы, обладающие выразительной архитектурой и сложным конструктивным решением. Именно такие деревянные объекты культурного наследия представляют наибольшую ценность.

Среди каргопольских деревянных памятников единственный объект, прошедший полную реставрацию – церковь Иоанна Златоуста в селе Саунино. Это было в конце 1980-х гг. Церковь имеет сложную строительную историю, неоднократно реконструировалась и поновлялась. Трапезная была возведена не одновременно с церковью, до пристройки трапезной существовала галерея, огибавшая основной четверик. Проект предусматривал воссоздание до обшивочного облика, но с элементами более раннего времени, оставшимися от первого строительного этапа.

Возвращение памятнику первоначального или, во всяком случае, до обшивочного облика находится в русле основной тенденции реставрационных работ 1950-1960-х гг. Нацеленность на раскрытие памятника от позднейших наслоений и достижение художественной целостности образа отчетливо присутствует в работах А.В. Ополовникова, его современников и последователей.

На примере саунинской церкви перед нами раскрывается проблема воссоздания первоначального или близкого к первоначальному облику, которое обычно достигается путём удаления позднейших наслоений и воссозданий утраченных частей. При реставрации памятника под удалённой обшивкой открылись следы утраченных частей, таких как кокошники, галерея у северной и южной стен основного сруба, двухвсходное западное крыльцо. В результате реставрации на этом памятнике получилось много раскрытий, позволяющих зрителю самому домысливать утраченное. Правда, дверные проёмы, которые некогда соединяли молитвенное помещение и галерею, оказались ведущими в никуда. Относительно достоверными воссозданиями являются кокошники и не первоначальное южное крыльцо. Кроме того, одна из проблем заключается в воссоздании первоначальных проёмов, позднее растёсанных. Для того чтобы их восстановить, не перебирая всего здания, приходится делать вставки, которые выглядят искусственно и грубо. На срубе трапезной реставраторы попытались воссоздать обрезанные выпуски бревен, но это тоже получилось очень грубо. Утраты на срубе могут быть восполнены только путём замены брёвен. То есть приходится либо мириться с частичными утратами на срубе, либо заменять подлинные старые бревна новыми.

Реставрированные деревянные здания нуждаются в постоянном наблюдении и уходе. Единоразовых мер для их сохранения недостаточно. Сейчас на церкви в с. Саунино вновь обветшала кровля, и требуется её замена или консервация.

Совершено иной реставрационный подход мы видим на примере Богоявленской церкви в с. Лядины. Разница в подходах определяется главным образом отношением к позднейшим наслоениям – изменениям, которые происходили на здании в течение его истории. Богоявленская церковь изначально была без обшивки, в XIX в. здание поновлялось, стены получили обшивку, кровли остались деревянными, но всё здание было окрашено. По старым до реставрационным фотографиям можно увидеть, что покраска была полихромной, включавшая красные, темно-синие, зеленые цвета и незамысловатую роспись карниза.

Проектное реставрационное решение по Богоявленской церкви подразумевало сохранение всех позднейших наслоений, включая воссоздание покраски. Это так называемый исторический подход. Недостаток подобных реставраций заключается в том, что остаётся нераскрытой строительная история и ранние строительные этапы, наиболее ценные с архитектурной и художественной точки зрения. Богоявленская церковь хорошо сохранила облик позднейшего строительного этапа со всеми деталями. Исторический подход здесь оправдан. Однако при переборке здания оказалась полностью утрачена старая обшивка. Известно, что доски, прибитые коваными гвоздями, держатся очень прочно и демонтировать их надо с большой осторожностью, иначе они раскалываются. Видимо, так и произошло в Лядинах. При возобновлении памятника обшивка была сделана полностью из нового материала. Покраска стен была сделана упрощённо в два цвета, не так, как это было исторически. В итоге памятник выглядит, как новодел, а грубая покраска и вовсе лишает его исторического облика. Недостатки реставрации Богоявленской церкви очевидны.

Богоявленская церковь входила в грандиозный храмовый комплекс, утраченный в результате пожара несколько лет назад. Есть замыслы его воссоздания, но целесообразно ли это, учитывая сегодняшний низкий уровень работ и катастрофическое состояние уцелевших памятников, на поддержание которых могли бы быть направлены средства?

Аналогичным образом недавно был отреставрирован комплекс Порженского погоста. До реставрации это была удивительно поэтичная церковь, потаённая, труднодоступная, запрятанная в лесной глуши. Ее облик без покраски, даже в обветшавшем состоянии удивительно гармонично сочетался с окружением. После реставрации с воссозданием покраски, даже безотносительно её корректности, радикально изменился дух места, исчезла патина времени, памятник засиял современной городской новизной.

Нельзя однозначно сказать, что один реставрационный подход хорош, а другой плох. На каждом объекте своя сложившаяся ситуация, и исходя из её анализа, взвешенности всех

аргументов, принимается проектное реставрационное решение. Кроме того, очень многое зависит и от качества реализации. Плохое исполнение может безнадежно погубить самый лучший замысел. Но в целом, относительно подходов можно заключить следующее.

В реставрации памятников деревянного зодчества при сосуществовании разных подходов всё же преобладает стремление к полному раскрытию и воссозданию первоначального облика или близкого к первоначальному (до обшивочного) облика. Однако результаты при этом получаются разные. От вполне корректных раскрытий с минимумом воссозданий до очень большого объёма воссозданных частей, которые существенно умаляют подлинность памятника. В этом собственно и слабая сторона подобного подхода, которую полностью избежать практически никогда не удаётся. Недостаток реставраций с сохранением всех позднейших наслоений заключается в том, что остаётся нераскрытой строительная история и ранние строительные этапы, наиболее интересные с архитектурной и художественной точки зрения.

Надо отметить, что деревянные памятники обладают своей спецификой. По сравнению с каменными зданиями, они легче поддаются перестройкам. Дошедшие до наших дней деревянные постройки состоят из разновременных частей и несут очень много разнокачественных наслоений, а также и утрат, в т.ч. сейчас уже достоверно невосполнимых. Художественно цельное и единое решение для этих разновременных частей памятника найти, по-видимому, и невозможно, разве, что в ущерб подлинности памятника.

Известно, что для максимального сохранения подлинности реставрируемого объекта требуется минимум воссозданий и удалений. Представляется, что на многих памятниках деревянного зодчества оптимального баланса между воссозданием и удалением можно достичь при фрагментарном решении, дифференцированно подходя к каждой разновременной части здания. Это позволяет максимально полно раскрыть историю здания и, вместе с тем, сохранить подлинные позднейшие его части и детали. Примеров подобных реставрационных работ немного. Среди них Спасская в Нижнем Починке, Никольская в Согиницах, Никольская церковь в Нёноксе, Сретенская церковь в Заостровье (ныне в процессе реставрации).

Так же как нельзя назвать однозначно приоритетным какой-либо один метод производства реставрационных работ на деревянных памятниках. Универсальных решений, единых для всех памятников, не существует. Ситуация везде разная. Раньше, когда ремонтировали срубы, делали это либо путём его подъёма и замены нижних венцов, либо сруб разбирали, заменяли гнилые бревна и собирали заново. Эти два способа составляют основу и сегодняшних методов реставрации.

Подъём здания даёт возможность устроить новый надёжный фундамент или укрепить старый, заменить нижние сгнившие венцы, то есть обеспечить памятнику прочное основание. Правда эти меры иногда оказываются недостаточными, поскольку поврежденные брёвна могут оказаться и в середине стены. Необходимость замены брёвен в разных частях сруба способствовала разработке метода лифтинга. Этот метод позволяет разжать сруб на любой высоте, и произвести замены гнилых бревен. Вокруг здания ставится ряд металлических стоек, по которым вертикально передвигаются крепёжные элементы, обжимающие брёвна сруба. Метод лифтинга успешно применяется на невысоких зданиях, например, домах, но в реставрации высоких срубов он мало апробирован.

Переборка памятника позволяет выявить все повреждения и устранить их, но перебранные здания, как показывает практика, теряют много подлинных деталей. Обшивка и другие дощатые элементы при разборке обычно раскалываются и потом воссоздаются уже в новом материале, как мы увидели в Лядинах. Храмы, перебранные и восстановленные в обшивке, внешне производят впечатление вообще новых построек и имеют с подлинником только формальное сходство. Полная переборка – это вынужденная мера для реставрации тех памятников, которые имеют большое количество повреждений по всем стенам сруба.

При производстве реставрационных работ на деревянных памятниках особенно важно сохранение подлинного материала. В современных работах это часто упускается. Форму можно воспроизвести, но утрата старых частей и деталей невосполнима. Каждое старинное бревно или доска несут на себе следы обработки инструментом и патину времени, впитывают в себя дыхание веков и старинные молитвы, звучавшие в древнем храме. Материал создаёт неповторимую фактуру, свидетельствующую о древности памятника, и никакие мастерские подделки не в состоянии заменить подлинник.

Необходимость замен, как характерная особенность процесса реставрации деревянных памятников, обязывает в точности копировать заменяемые исторические элементы. Для воспроизведения имеющихся на памятнике следов обработки древесины применяются исторические технологии и инструменты. Это особая сфера деятельности, связанная с постоянными новыми исследованиями на каждом реставрируемом памятнике, и требующая подготовки и обучения специалистов.

Ещё один очень важный аспект производства реставрационных работ, относящийся к их организационной части. Общеизвестно, что сейчас открыта возможность получения контрактов на реставрацию организациям, не умеющим это делать и выполняющими функцию посредников. Нередко работа ведётся не с объектами культурного наследия, а с деньгами. Эта проблема, в той или иной мере присутствующая в каждой работе по государственным контрактам, оказывает крайне негативное влияние на качество и результат реставрационных работ.

В недавние годы стал проявляться интерес к возрождению заброшенных северорусских храмов. Нередко за восстановление своих церквей или часовен берутся сами местные жители и делают это теми силами и средствами, которыми располагают. При этом внимание обращается в основном на возобновление функции, а не на сохранение исторического облика здания. Заметным явлением стали инициативные и волонтерские работы по сохранению деревянных храмов, осуществляемые приезжими горожанами. Самое простое – это проведение уборки и наведение элементарного порядка внутри и снаружи. Далее следуют противоаварийные и консервационные работы. Для многих ещё не запущенных памятников подобные небольшие работы спасительны и реально продлевают их жизнь. Есть примеры работ, приближённых к профессиональным реставрациям.

С одной стороны, инициативные работы, проводимые на объектах культурного наследия без оформления соответствующих разрешений, противоречат установленному порядку. Но, с другой стороны, в условиях инертности, бюрократичности и неспособности государственных органов к каким-либо радикальным мерам по спасению погибающих памятников, подобные работы естественны и неизбежны, как крик народной души, выражающий боль за погибающие святыни. Значение инициативных работ не только в физическом сохранении исторических зданий, но в процессе оживления малых поселений, возрождения духовности и культуры.

Среди каргопольских деревянных памятников немало церквей и часовен, где проводились подобного рода работы. Наверное, первое место среди них занимает Сретено-Михайловская церковь 1655 г. в Красной Ляге. Памятник стоит совершенно один на месте исчезнувшей деревни. Начиная с 2011 г. в Красной Ляге регулярно проводятся противоаварийные и восстановительные работы. Памятник имеет федеральный статус, и проводившиеся на нём работы согласовывались в органах охраны памятников. Немалую роль в этом сыграла общественная организация «Общее дело». Наиболее актуальными были работы по ремонту кровель, полов, потолка в алтаре, обшивки. В 2016 г. на основной главе восстановили крест, что потребовало возведения сложной системы трапов по граням шатра и лесов вокруг главы ***(илл. 1).***

Здание Сретено-Михайловской церкви перестраивалось в конце XIX в., но в основном сохранило свои первоначальные формы. Внешне его покрывает позднейшая обшивка, в прошлом также имевшая яркую раскраску. Проводимые в Красной Ляге работы, по сути, являются консервацией, что представляется единственно приемлемым для данного объекта. Опыт работы на этом памятнике показывает, что, располагая даже небольшими средствами, при разумном планировании можно проводить поддерживающие работы, обеспечивающие сохранность старого здания.

В 2016 г. проведены первоочередные противоаварийные работы на церкви Рождества Христова в Большой Шалге. Памятник много лет стоял заброшенным, в 2000-х гг. была утрачена трапезная, а недавно восьмерик и шатер начали крениться на южную сторону. Хотя в целом сруб церкви ещё сохраняет прочность, значительные повреждения гнилью возникли в местах протечек кровли. Памятник пришёл в крайне аварийное состояние и грозил обрушением. Работы проводились по инициативе и на средства, привлечённые Институтом природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачёва. В повреждённых местах сруба были установлены укрепляющие и поддерживающие конструкции, устроены консервационные кровли. Это, конечно, самый необходимый минимум мер, но он позволит продержаться старому зданию ближайшие

несколько лет. Хочется верить, что будет возможность сделать нечто большее для сохранения храма Рождества Христова.

Силами «Общего дела» в недавние годы проводились противоаварийные работы на часовнях в деревне Кириллово (Малая Шалга) и в урочище Грихневском (Поздышевская округа). Это памятники регионального значения, сохранение и поддержание которых вообще не имело никаких перспектив.

В 2016 г. силами волонтёров произведена расчистка завалов в срубе, оставшемся от Никольской церкви 1670 г. в с. Волосово. Этот, казалось бы, обречённый памятник, тем не менее, можно ещё сохранить, укрепив основной четверик сжимами и устроив консервационную кровлю ***(илл.2).*** Это тоже может быть осуществлено только на общественные средства.

Необходимо обратить особое внимание на Ильинскую часовню в с. Слобода (д. Большая Кондратовская). Несколько лет назад была выполнена её реставрация с заменой нижних венцов и разборкой притвора. При этом звонница, стоящая над притвором, была без разборки снята и потом вновь поднята на место ***(илл. 3)***. Поражает аккуратность этой работы и бережное отношение к подлинности, отличающее настоящую реставрацию, хотя здесь работали не профессиональные реставраторы.

Масштабы инициативных работ, проведённых на деревянных храмах Русского Севера за последние несколько лет, впечатляют. Хотя возможности общественных движений не велики. Реставрация больших памятников, конечно же, задача государственная. Но сила общественных инициатив в продуманности действий и рациональном расходовании средств. Сопоставление государственных реставраций последних лет и опыта частных инициативных работ наводит на серьезные размышления. В работе по сохранению деревянных памятников деятельность общественных организаций и инициативных групп очень перспективна.

Илл. 1. Лестницы и леса для установки креста на Сретено-Михайловской церкви в Красной Ляге, 2016 г.

Илл. 2. Сруб Никольской церкви в с. Волосово

Илл. 3. Отреставрированная часовня Ильи Пророка в с. Слобода (д. Большая Кондратовская)

Дарил Энн Хардмэн
(г. Лондон, Англия)
Daryl Ann Hardman

Колокола для Турчасово

Преображенский приход села Турчасово – один из древнейших приходов в Северном Поонежье. В настоящее время он относится к Онежскому благочинию Архангельской епархии, в дореволюционное время соответственно к Онежскому уезду а до конца XVIII века Турчасово входило в состав Каргопольского уезда, поэтому исторически находился на территории Каргополья. Храм и колокольня относятся именно к «каргопольскому» периоду[1].

Село Турчасово расположено в среднем течении реки Онеги, примерно в 120 километрах от Белого моря. В XI-XII веках это территория так называемого Заволочья. Река Онега начинаясь от озера Лаче, находилась на стыке двух потоков экспансии русского населения из Новгорода и из Ростовских земель. Как указывают современные исследователи (Васёв и Семушин),[2] первым документом, который упоминает Заволочье и предположительно указывает на погост у Турчасова, является Устав новгородского князя Святослава Ольговича 1137 года о податях в пользу церкви и Новгородского епископа[3].

Тудоров погост, прочитываемый также как Туров погост, связывается исследователями с Турчасово. В отношении лингвистических корней словообразования названия села Турчасово, наиболее вероятной считается версия о происхождение от слов Тур – башня и час – дозор, т.е. «дозорная башня», которая могла существовать в качестве дозорного и оборонительного сооружения в стратегически удобном месте, каковым является холм и излучина реки в районе с. Турчасова.

Достоверное упоминание села Турчасова в документах встречается в грамоте 1436 года, на которую указывает Токмаков Н.Ф. со ссылкой на Историко-географический словарь Российской Империи П. Семенова Тян-Шанского[4]. В грамоте отмечается о существовании церкви Св. Николая Чудотворца. По писцовым книгам XVII в., в Турчасовском погосте насчитывалось от двух до семи «келий» - небольших изб, в которых размещались, кроме монашествующей братии, различные приходские службы, где находили приют нищие и странноприимцы.

В конце XVI – начале XVII века Турчасово и Турчасовский стан были подвергнуты нескольким волнам иноземных нашествий. В 1613 г. через Турчасово прошли войска неких Сидорки и Барышпольца. «Воры» сожгли церкви и острог, разорили деревни. В одной только Турчасовской волости погибло до 2500 человек[5]. После этого здесь прошло ещё две волны литовско-польского нашествия, в 1617 и 1619 гг.

В 70-е годы XVII века острог был восстановлен. Сооружение Преображенского храма связано с характерным для Поонежья направлением в зодчестве – строительство больших летних храмов с обширным внутренним пространством. Аналогичные храмы строятся в тождественной по формам Преображенской церкви в селе Чекуево (1689) (не сохранилась), Владимирской церкви в с. Подпорожье (1741) (в настоящий момент в аварийном состоянии) и др. Строительство Благовещенской церкви с приделами Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев и Архистратига Михаила было завершено в 1683-1684гг.

В 1776 г. Турчасовские храмы с колокольней и всеми пристройками сгорели по неизвестной причине. Возрождение Турчасовских храмов началось со строительства трапезной с приделами Архангела Михаила и прпп. Зосимы и Савватия Соловецких Чудотворцев. Трапезная с приделами была завершена в скорости после пожара в 1777 г. Благовещенский храм был

[1] Материалы взяты из аттестационной работы «История Преображенского Прихода Села Турчасово Онежского Благочиния Архангельской Епархии», Сютина Алексея Викторовича.
[2] Васёв В.Н. Поонежье: прошлое и настоещее. Вельск, 2008. С. 51.
Семушин Д. Русский Север. Пространство и Время. Архангельск.
[3] Указ Сочинение, С. 2.
[4] Материалы взяты из аттестационной работы «История Преображенского Прихода Села Турчасово Онежского Благочиния Архангельской Епархии», Сютина Алексея Викторовича. Указ Сочинение, С. 2.

завершён только в 1795 г. Строительство главного Преображенского храма было начато по указу, данному 15 января 1781 г. и завершено в 1786 г.

Преображенский храм (сохранившийся до настоящего времени) трёх-престольный: во имя Преображения Господня, Усекновения главы Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца, по плану и фасаду построен крестообразно. Храмы были восстановлены в прежних соотношениях главных и придельных церквей.

После завершения строительства Преображенского храма, в 1793 г. с разрешения Преосвященного Вениамина, Епископа Архангельского и Олонецкого, иждивением прихожан была выстроена шестиярусная колокольня высотою в 22 сажени. Согласно истории Турчасовского прихода, в 1894 г. на ней было 8 колоколов, вылитых в разные годы.

Т.М. Кольцова отмечает, что иконостас Преображенского храма был первым полным пятиярусным иконостасом, появившемся в XVII в низовьях Онеги. Значительная часть убранства древних храмов была спасена и вошла в состав иконостасов в новых храмах. Она пишет, что по Онеге подобные литые врата более нигде не встречаются, но были распространены в холмогорских храмах, в Сольвычегодске и Великом Устюге[1]. В настоящее время в Никольском приделе сохранился остов Царских врат с отдельными элементами орнамента на сени, а остовы других врат и арки найдены во время уборки мусора и разбора завалов в подвальном помещении, и сохраняются в алтаре храма.

Роспись «неба» и стен на холстах в храмах Поонежья встречался только в храмах с. Турчасово и в с. Верхняя Мудьюга (последний ансамбль храмов полностью погиб от пожара в 1996г.). Описание эпизодов росписи на холстах в том виде, как они сохранились на 1985 год, было сделано в паспорте на Преображенский храм Министерства культуры. А в углах объёма, подобно парусам в каменных храмах, были расположенысимволы четырёх Евангелистов. В настоящее время на небе сохранился только образ Архангела Михаила и два символа Евангелистов на восточной стороне. «Небо» обрушилосьв 1990-х годах в результате накопления птичьего помета и усиления протекания кровли в верхней части кровли.

В начале XX в., в 1906 г. в с. Турчасово появился новый священник Павел Титов. Он энергично взялся за проведением ремонта колокольни и храма. Ремонт кровли и покраска Преображенского храма были завершены в 1907 г. Облик храма сразу по совершении ремонта был запечатлён архитектором Плотниковым из Санкт-Петербурга в 1907 г., на снимках которого ещё видны не до конца разобранные леса. Ремонты, проведенные в конце XIX и начале XX в., способствовали тому, что здания храмов смогли простоять в сохранности до середины XX века.

В годы гражданской войны Онежский уезд оказался в противоборстве партизанских отрядов, как белых, так и красных. Определённую роль сыграли союзнические войска, среди которых в этом районе были американские, английские и французские, а так же польские части. По различным архивным данным и дневникам участников тех экспедиционных отрядов[2] известно, что вдоль реки Онеги до Турчасова дошли соединения американского 339-го пехотного полка, участвовавшего в т.н. экспедиции «Полярные Медведи» на Север России. Вплоть до зимы патрули союзников, основные гарнизоны которых базировались в Чекуево, регулярно перестреливались с большевистскими разъездами, но крупных действий не предпринималось. В направлении Турчасова была проведена операция с 30 декабря 1918 г. по 1 января 1919 г., в результате которой обе стороны понесли потери.

Последним священником, служившим в с. Турчасово, был отец Николай Зуев. Судя потелеграмме от 28 октября отцу Николаю в Нижнюю Золотицу, где он ранее был приходским священником, его утверждение в Турчасовский приход состоялось в октябре 1919 г. В книге памяти «За веру Христову» сведения о последнем священнике в Турчасово Зуеве Николае Васильевиче довольно кратки. Привожу отрывки: «Зуев Николай Васильевич, священник. 30 апреля 1873 г. родился в с. Церковническое Архангельской губернии. Сын псаломщика. Окончил Духовную семинарию. Проживал в селе Турчасовское Плесецкого р-на Архангельской обл. Служил священником при церкви Посадского сельсовета. «1921 – арестован за «антисоветскую

[1] Кольцова Т.М. Иконы Северного Поонежья. М. «Северный паломник». 2005. С. 278.
[2] Архивы Экспедиции Белых Медведей на севере России, 1918-1919 [Электронный ресурс] http://quod.lib.umich.edu/p/polaread/russian.html (11 апреля 2014)

агитацию», осуждён за «связь с белыми» на один год лишения свободы. Внесён в список неблагонадёжных.

1936 – арестован, осуждён за недостачу церковного имущества на два года лишениясвободы. Из под стражи освобождён через полтора месяца в связи с прекращением уголовного дела.

1937, 25 сентября – арестован по обвинению в «контрреволюционной агитации», так как убеждал не работать в воскресные дни и церковные праздники.

1937, 11 октября – по постановлению тройки УНКВД заключён в ИТЛ на 10 лет. Дальнейшая судьба не известна. 1989, 12 сентября – реабилитирован»[1].

После удаления священника храмы оставались под присмотром местных жителей вплоть до 1953 г., когда ключи были сданы в сельсовет и после этого храмы стали использоваться в нуждах колхоза в качестве зернохранилища и хранилища удобрений.

Трагическая судьба постигла Благовещенский храм на Петров день 12 июля 1964 года, когда в главный купол ударила молния. По воспоминаниям жителей весь день была сильная гроза. В грозу оборвало связь на почте и только через метеостанцию с трудом удалось сообщить о пожаре, установив линию через Чекуево и Обозерскую на Архангельск, откуда выслали вертолёт, прилетевший с мотопомпой к 1-му часу ночи. Первая помощь пришла из воинской части в Шомокше в 8 километрах, и солдаты помогли отстоять от огня Преображенский храм. Таким образом, классический Онежский тройник от которого остался один храм и колокольня, по словам архитектора Ополовникова[2], осиротел.

Преображенский храм пережил тяжелейшие времена. Вплоть до 1980-хгодов многие иконы и росписи «неба» оставались на месте. В советский период храмы села Турчасова интересовали специалистов как образцы архитектурного наследия, на которые были составлены паспорта, с фиксацией размеров и расположения, описания и фотографии. Музейные экспедиции спасали иконы из заброшенных храмов, увозя их на реставрацию.

По свидетельству Т.М. Кольцовой в музеях (Архангельском Областном Музее Изобразительных Искусств и Государственном Эрмитаже) находятся десять икон местного ряда иконостаса Преображенского храма, девять икон деисусного (апостольского) чина, десять икон спаренного пророческо-праздничного ряда. По её же свидетельству из Благовещенского храма сохранилось только четыре иконы[3].

В перестроечную пору директор местного совхоза Верещагин Альберт Александрович, отважился взяться за ремонт храма, употребив на это весь культурный бюджет совхоза. Незадолго до этого, по его же инициативе, главная усадьба совхоза была построена непосредственно перед храмом, с тем, чтобы он находился в непосредственной близости и под присмотром администрации. Для ремонта храма была нанята бригада двух братьев армян в 1985 и 1986 годах. Их работа была оборвана в связи с тем, что в Армении в Спитаке, откуда они были родом, произошло землетрясение, и они вынуждены были уехать домой.

В 1998-2002 годах Турчасово стал посещать монах отец Михей, взявшийся возрождать Кожеозерский монастырь, который находился в труднодоступной тайге. Отец Михей останавливался на ночлег у местных жителей, а местные мужики неоднократно ходили в монастырь на работу, помогая ему обустраиваться на месте. Не без влияния отца Михея некоторые местные жители брались за то чтобы начать расчистку храма от мусора, накопившегося за годы забвения. К тому времени уже обвалилась большая часть небес от тяжести птичьего помёта, который отяжелел от протечки кровли, и посреди храма лежала гора мусора. Впервые после долгих лет жители собрались в храм для молитвы на память прп. Никодима Кожеозерского 16 июля 2005 г. С того времени храм начал расчищаться от завалов и мусора, которого только с пола было вывезено 10 тракторных телег. Первые визиты священников для проведения молебнов и крещения состоялись в 2007 г. С того времени жители собираются в храм на чтение акафистов по воскресным и праздничным дням.

---

[1] Дело об освобождении священника Николая Зуева от заведования Нижне-Золотницким приходом Архангельского уезда и о назначении (определении) священника Николая Зуева в Турчасовский приход Онежского уезда. 1919 г. //ГААО. Ф. 5300. Оп. 2. Д. 94.

[2] Материалы взяты из аттестационной работы «История Преображенского Прихода Села Турчасово Онежского Благочиния Архангельской Епархии», Сютина Алексея Викторовича.

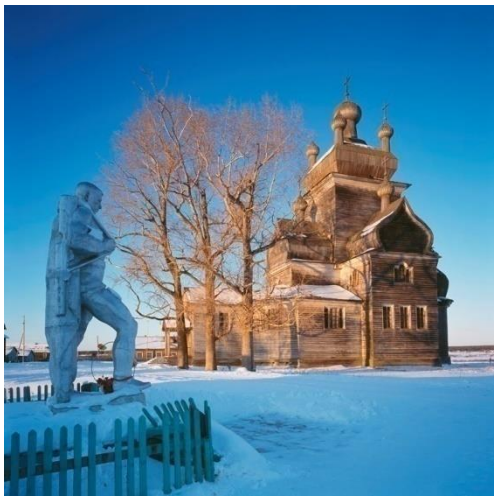
[3] Кольцова Т.М. Иконы Северного Поонежья: Монография. М., «Северный паломник», 2005.

В 2012 г. община села Турчасово была приписана к Онежскому приходу. С 2012 г. Турчасово стала посещать группа семинаристов Сретенской Духовной Семинарии участников экспедиции проекта «Общее Дело» во главе с иеромонахом Иринеем. В храме снят помёт и мусор с оставшейся части «неба» – более 5 телег, вычищена и полностью отремонтирована колокольня. Работой над храмом и колокольней управляет сын уроженки с. Турчасова, Алексей Сютин, который ежегодно посвящает летний отпуск, порой и зимний, реставрации объектов, став по ходу дела и сам мастером-столяром. В 2004 г. я впервые попала в Турчасово, как участница частной байдарочной экспедиции по реке Онеге, а в тот самый год, зимой, посетил село и английский фотограф Ричард Дейвис, в рамках своего проекта создания книги «Деревянные Церкви». Познакомившись в 2012 г. в Лондоне, на выставке его фоторабот, мы выявили общую любовь к деревянным храмам русского Севера и стали вместе с ним путешествовать. Зародилось желание помочь в восстановлении храма. Турчасово отвечало многим требованиям: жилое село, активная община бережёт храм, уже много реставрационной работы профессионально и качественно сделано. В разговоре с Алексеем, мы решили, что самый нужный подарок храму и общине – это колокола. Звон колоколов смело объявляет о жизни и о возрождении общин не только в самом Турчасове, но за многие километры вокруг.

Мы решили отлить колокола в России. Собрали деньги у частных лиц в Англии (все они англичане) и у одного анонимного американского спонсора. Весной 2015 г. я заказала 6 колоколов на заводе Николая Шувалова в г. Тутаеве. Из Сретенского монастыря забрали их на своём транспорте, довезли до Турчасова. Летом 2015 г. мы с Дейвисом и нашими гостями присутствовали при установлении колоколов на колокольне. С тех пор в них звонят по воскресеньям и церковным праздникам.

Илл. 1. Тройник в с. Турчасово. 1907 г.
Фото Плотникова

Илл. 2. с. Турчасово, 2006.
Фото Ричарда Дейвиса

Илл. 3. Семинарист Григорий звонит на колокольне.
с. Турчасово

Илл. 4. Колокольня в с. Турчасово после установки колоколов (июль 2015 г).
Фото Ричарда Дейвиса

Е.С. Кутукова (г. Москва)

В поисках архива Г.В. Алфёровой

Светлой памяти Г.В. Алфёровой
посвящается

25 июля 2012 года исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося историка архитектуры и талантливого архитектора-реставратора Гали Владимировны Алфёровой (25.07.1912-27.04.1984). Её труды были посвящены значительным памятникам русской архитектуры: палатам Троекурова в Охотном ряду XVII в. (совместно с П.Д. Барановским), палатам Аверкия Кириллова и церкви Николы на Берсеневке XVI-XVII вв., Спасо-Преображенский собору Мирожского монастыря в Пскове XII-XV вв., Никонову скиту в Ново-Иерусалимском монастыре XVII в., ансамблю Крестного монастыря на Кий-острове XVII в., храму Воскресения Христова в Кадашах конца XVII в., Александро-Ошевенскому монастырю XVI в. Каргопольского района Архангельской области. Научное наследие Г.В. Алфёровой – это публикации в научных сборниках, статьи в газетах и журналах по вопросам истории архитектуры и градостроительства, монографии.

Г.В. Алфёрова была одним из главных инициаторов создания Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПиК) и его активнейшим участником. С 1966 г. она член бюро секции архитектуры, с 1967 – председатель реставрационной комиссии.

В конце 1960-х годов Гали Владимировна сумела организовать силами студенческих отрядов консервационные работы на Кий-острове по восстановлению Крестного монастыря – уникального памятника архитектуры. Студенты Химико-технологического института имени Д.И. Менделеева в 1968-1970 гг. под её руководством расчищали здания от строительного мусора, ставили кружала и крепления на аварийных проёмах и сводах, делали временные кровли на гибнущем памятнике. Эскизный проект реставрации первоначального облика был выполнен Г.В. Алфёровой (опубликован, но не осуществлён).

Гали Владимировна была стойким и принципиальным борцом за сохранение культурного наследия. Убеждённость в правоте давала ей силу остановить действия разрушителей, а людей, далёких от проблем реставрации, привлечь к участию, сделать их союзниками и энтузиастами в общем деле сохранения наследия.

Многочисленные интервью, обращения в редакции центральных и местных газет, письма к влиятельным лицам, представителям власти в области культуры – свидетельства её неутомимой деятельности в этом направлении. Она пропагандировала в печати новые формы изучения и сохранения культурного наследия: создание музеев-заповедников под открытым небом, разработку маршрутов по городам и сёлам, где ещё уцелели кварталы старинной застройки, церкви, монастыри, и где можно почувствовать композиционные принципы ансамбля. Об этом её книга «Каргополь и Каргополье»[1]. В реставрационных работах Гали Владимировны всегда присутствовал градостроительный аспект. Работая над конкретным объектом, она определяла его место и значение в структуре города, считала важнейшим условием сохранения культурного наследия сохранность исторической среды памятника архитектуры.

Работы по реконструкции городов во многих случаях велись и ведутся без учёта их структуры, сложившейся в течение веков. С болью Гали Владимировна видела, как новая застройка грубо вторгается в исторические ансамбли, лишает памятники архитектуры обзора, уничтожает их доминирующую роль в городе. Древняя градостроительная система безжалостно разрушается, зачастую безо всякого смысла, в силу непонимания властями и проектировщиками самого факта существования этой системы.

Всеми возможными средствами она пыталась противостоять разрушению градостроительного наследия, многократно выступая в печати. Как учёный-теоретик и практик-реставратор, участвовала в создании «рекомендаций» комиссии Центрального совета ВООПиК (1969-1970), согласно которым проект детальной планировки Москвы 1969 г.,

[1] Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М.: Стройиздат, 1973.

предусматривавший снос 80% старой застройки в пределах Садового кольца и замену её высотными зданиями, был отклонён.

Эти рекомендации послужили основой для дальнейшей работы секции архитектуры по сохранению 115 городов России. Выступления в печати с критикой проекта 1969 г., а также положения, сложившегося в градостроительстве, определило направление в исследованиях Гали Владимировны: она углубляется в изучение истории создания русских городов XVI-XVII вв., считая, что возникновение и рост множества городов-крепостей в этот период не было стихийным процессом, а подчинялось государственным регламентам, имело законодательную базу, определявшую все аспекты градостроительной деятельности.

Г.В. Алфёрова оказалась первым архитектором-исследователем «Кормчей Книги», в которой от внимания лингвистов, давно с ней знакомых, ускользали разделы, посвящённые строительству городов[1]. «Закон градский» ей удалось обнаружить в одном из вариантов «Кормчей книги» и в чине «Закладки города». Это было важным открытием в истории русского градостроительства. Закон так определял основные моменты закладки города, что создавался целостный ансамбль высокого эстетического уровня.

Город не сводился к плоскостной планировке и задумывался как объёмно-пространственный комплекс с определёнными соподчинёнными доминантами и увязанный со всеми природными факторами: рельефом, водоёмами, направлениями господствующих ветров и т.д. Отсюда неповторимый и запоминающийся силуэт древнего города, который следует фиксировать и бережно сохранять (предложение Алфёровой о ландшафтной инвентаризации). Ею было обследованы десятки городов, сохранивших хотя бы частично древнюю структуру, и это подтвердило определяющую роль «Закона градского», изложенного в «Кормчей книге».

На более древнюю восточную систему, корни которой лежат в градостроительстве Греции и Византии накладывалась чуждая ей, но более известная и широко распространённая в Европе западная система. Г.В. Алфёровой удалось по архивным источникам и летописям проследить пути проникновения греко-византийской системы на Русь. Это её статьи в сборниках «Византийский временник»[2]. В книгах о градостроительстве Каргополя и Киева также раскрываются эти положения. Названные исследования легли в основу её докторской диссертации[3]. Гали Владимировна скончалась 27 апреля 1984 года в день рассылки автореферата. Защита докторской диссертации так и не состоялась.

Научный архив Гали Владимировны был утрачен. Близких родственников у неё не было, а далёкие забрали всё ценное, рукописи же были просто выброшены. Большую работу по сохранению наследия Г.В. Алфёровой провели её близкая подруга Вера Георгиевна и архитектор Елизавета Петровна Саратовская, сегодня – активный участник музея «Кадашевская слобода» при храме Вознесения Христова в Кадашах. Мы случайно встретились с Елизаветой Петровной, когда начали искать исследования Гали Владимировны по Каргополью. Оказалось, что большинство материалов из спасённого архива Г.В. Алфёровой Вера Георгиевна и Елизавета Петровна аккуратно систематизировали и передали в Государственный музей архитектуры имени Щусева, где они и хранятся сегодня. Так неожиданно нашелся ответ на загадочный вопрос.

Изучая наследие Г.В. Алферовой[4], мы опять поднимаем сегодня те же проблемы, что и сорок лет назад, – берега Северной Двины продолжают «очищаться» от памятников культуры, архитектуры и народного быта. В Каргополье еще сохраняется много удивительных творений русских зодчих, однако и они находятся под угрозой полного уничтожения. Одни – из-за большой ветхости и отсутствия кровель, другие – в результате пренебрежительного отношения к ним.

---

[1] Алфёрова Г.В. «Кормчая книга» как ценнейший источник древнерусского градостроительного законодательства: её влияние на художественный облик и планировку русских городов // Византийский Временник. РАН. Том 35. М.: Наука, 1973; Она же. «Кормчая книга» и законы градские // Художник. №7, 1971. С. 36-41.

[2] Алфёрова Г.В. Византийские традиции в русском градостроительстве XVI-XVII вв. // Византийский Временник. РАН. Том 43. М.: Наука, 1982.

[3] Алферова Г.В. Методы проектирования и строительства русских городов в XVI-XVII веках. Специальность 07.00.02 - История СССР, 18.00.01 - История архитектуры. Автореферат, на правах рукописи, диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук. М. 1984.

[4] Алферова Г.В. «Кормчая книга» и законы градские // Художник». № 7, 197. С. 36-41.

В связи с постройкой в городах новых благоустроенных домов, куда переселяется население из всей округи, из всех небольших удалённых деревень, забрасывается большое количество великолепных старинных изб и других построек, оставляется много вещей, представляющих художественную ценность. Или же они продаются скупщикам антиквариата и часто увозятся из нашей страны. В древних часовнях с крашеных или резных икон местной работы смотрят потемневшие лики святых, списанных с крестьян и крестьянок близлежащих деревень и сёл. Иконы, наряду с их ценностью как произведения искусства, представляют отдельный интерес для изучения истории и быта края. В предыдущие годы были приняты меры для их сохранения – Русский музей, Третьяковская галерея, реставрационные мастерские и другие – организовывали экспедиции для спасения произведений искусств. Сегодня многие иконы Каргополья мы можем увидеть в музеях Санкт-Петербурга, Архангельска, Москвы, Новгорода и других городов.

Село Лядины. Отдельная боль. На Пасху, 5 мая 2013 года, от удара молнии загорелась деревянная Покровско-Власьевская церковь, за ней –стоящая рядом колокольня. Через несколько часов пожар потушили и констатировали утрату двух объектов культурного наследия федерального значения, на реставрацию которых как раз нашлись деньги в этом году. Огонь не добрался до третьего элемента ансамбля – Богоявленской церкви. Только самого ансамбля уже нет. Подобных «тройников» – двух деревянных храмов и колокольни – до пожара в Лядинах специалисты насчитывали от четырех до (с оговорками) семи на всю страну, самый известный Кижи. Теперь стало на один меньше. А Богоявленская церковь, спасшаяся от огня, недавно пережила не лучшую реставрацию и стоит в ожидании новых реставраторов, способных исправить работу предшественников.

Село Ошевенское, Ошевенская слобода, занимающая совершенно исключительное место среди северных древних деревенских комплексов. В своей книге Г.А. Алферова[1] даёт описание Ошевенской слободы XV века. Авторская выкопировка карты XVIII века иллюстрирует положение деревень Ошевенской слободы, две из которых – Большой и Малый Халуй, видимо, существовали до возникновения Ошевенской Слободы. Древняя планировка и пространственно видовая схема Ошевенской слободы, идущая вдоль реки Чурьеги, образовалась двумя приёмами – свободным и рядовым. Рядовой представлен домами, идущими на некотором расстоянии от реки и образующими отчётливый ряд, но не геометрически ровный, а с отклонениями по прямой. Дома в этом ряду ставились параллельно дороге, проходящей между ними, и перпендикулярно к ней. Другой свободный прием планировки представлен домами, которые спускались свободно к реке, оторвавшись от основной части деревни; их окружали баньки и амбары, создающие живописные группы разбросанных по лугу построек.

Великолепные пейзажи с лесами, реками и озёрами, в которые с любовью и с удивительным вкусом и художественным чувством местные жители вкомпоновывали свои избы, амбары и церкви, сегодня лишаются этих творений, сросшихся с родным краем.

Богоявленская церковь с росписью. Великолепный шатровый храм с отдельно стоящей колокольней сохранились с XVIII века, при том, что это не музейный объект, а действующая церковь. Сруб церкви датируется 1787 годом - с иконостасом, практически без икон, а на своде росписи - «небо». Верхний, «праотеческий» ряд иконостаса до 2015 г. ещё находился в церкви до тех пор, пока не был украден. Грабителей нашли, иконы вернулись, но уже не в храм, а в музей Архангельской и Холмогорской епархии – до тех пор, пока не будет отреставрирована Богоявленская церковь.

Для понимания масштабов угрозы потери культурного наследия можно привести печальную статистику. Из 74 памятников, расположенных в Каргополье, в неудовлетворительном состоянии находятся 21, в аварийном – 18, утрачено – 9, руинирован – 1, не обследованы 11.

На территории Архангельской области расположены следующие памятники деревянного зодчества:

местного значения – 0 объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации (далее – объекты культурного наследия);

регионального значения – 1064 объекта культурного наследия;

[1] Алферова Г.В. Каргополь и Каргополье. М.: Стройиздат, 1973.

федерального значения – 117 объектов культурного наследия.

Из них 591 объект культурного наследия нуждаетсяв проведении реставрационных работ.

В 2016 г. работы по сохранению проводились на следующих объектах:

3 объекта культурного наследия федерального значения:

«Церковь деревянная», с. Бережная Дуброва, Плесецкий район - 15,4 млн. руб.;

«Церковь Одигитрии», дер. Кимжа, Мезенский район - 6,2 млн. руб.

Итого: 31,0 млн. руб.

Находятся в процессе реставрации:

2 объекта культурного наследия федерального значения:

«Сретенская церковь», Заостровье – лимит финансирования 32,9 млн. руб.;

«Курная изба», музей «Малые Корелы» – лимит финансирования 23,7 млн. руб.

1 объект культурного наследия регионального значения:

«Часовня Фрола и Лавра», д. Калитинка, Каргопольский район – 500,0 тыс. руб.

Итого: 57,1 млн. руб.

В 2016 г. проводились противоаварийные работы на 2 объектах культурного наследия федерального значения:

«Сретенско-Михайловская церковь», с. Красная Ляга (опустевшеее), Каргопольский район – 200,0 тыс. руб.;

«Церковь Рождества Христова», д. Казаково (погост Большая Шалга), Каргопольский район – 200,0 тыс. руб.;

и на 3 объектах культурного наследия регионального значения, расположенных на территории ФГБУ «Национальный парк «Кенозерский» – 6,5 млн. руб.

Итого: 6,9 млн. руб.

Думается, что эти цифры не требуют комментариев.

В Архангельской области еще сохранились 225 из 410 деревянных церквей, а также около 155 из 330 деревянных часовен. Между тем в федеральной целевой программе «Культура России (2012-2018)» в Перечне объектов для федеральных государственных нужд, финансируемых за счёт государственных капитальных вложений, в рамках федеральных адресных инвестиционных программ на 2012-2018 годы Архангельская область представлена практически только Соловецким государственным историко-архитектурным и природным музеем-заповедником.

Утраты памятников культуры невосполнимы в силу их индивидуальности, взаимосвязью с определённой эпохой, определёнными мастерами. К сожалению, нам известны печальные примеры утраты уникальных объектов по причинам халатности, невнимания, безразличия людей, местных жителей и власть имущих.

Сохранение памятников культуры необходимо для «нравственной оседлости» людей. Г.В. Алфёрова в своих трудах говорила о том, что вопрос сохранения каждого из памятников требует индивидуального подхода. Если это объект, находящийся на территории жилого села, деревни, то нужно с людьми работать, чтобы жители следили за сохранностью памятника, потому что бюджетных денег на его восстановление нет.

В целях сохранения культурного наследия разработан проект создания музея под открытым небом «Ошевенская волость». Сюда вошли и сооружения ныне действующего Александро-Ошевенского мужского монастыря, значение которого для Каргополья может быть сопоставлено со значением Троице-Сергиевой лавры для Центральной Руси, и Богоявленская церковь, и часовни деревень Низ, Большой Халуй, Гарь. Создающийся музей будет действовать как некоммерческая организация, учреждённая жителями Ошевенска. При музее будет создан Совет, который будет взаимодействовать с Попечительским советом при Александро-Ошевенском монастыре.

Экономические и политические события последних лет, происходящие в современной России, позволяют сделать вывод о том, что проблему финансирования работ по сохранению наследия наряду с государством и частными собственниками могло бы взять на себя и общество: малый, средний и крупный бизнес, инвесторы, меценаты, просто граждане, заинтересованные в сохранении прошлого и думающие о будущем своей страны. Мировая практика показывает, что в этот сектор могут быть привлечены немалые финансовые ресурсы для благотворительных целей.

В качестве конкретных мер можно было бы предложить разработку системы налоговых льгот для бизнеса, принимающего активное участие в восстановлении объектов наследия, а также разработку федерального закона о доверительном управлении имуществом с обязательным учетом особенностей историко-культурного наследия. Также необходимо расширить федеральную целевую программу «Культура России (2012-2018)» подразделом «Сохранение исторических поселений» и разработать дополнения в законодательные акты, устанавливающие ответственность за причинение ущерба памятникам федерального значения.

Е.П. Васильева (г. Москва)

О происхождении меднолитых складней XVIII века «Двунадесятые праздники»

Четырехстворчатые складни «Двунадесятые праздники» примечательны среди произведений медной литой пластики XVIII – XIX вв. ***(илл. 1)***. Они выделяются конфигурацией плакеток с килевидными кокошниками, количеством створок и большими для мелкой пластики размерами[1]. Этот тип складня устойчиво связывается с русским Севером, с выгорецкими старообрядческими скитами в Поморье.

Изучению складня посвящено немало исследовательских страниц. Он лег в основу моей диссертации 1989 г.[2]. Результаты этой работы частично изложены мною в статьях 1991 г[3]. В них была осуществлена публикация сохранившейся в фотографиях литейной формы для тиражирования складней и редкого раннего экземпляра, отлитого по этой матрице, из старообрядческой Рижской Гребенщиковской общины,

Начало исследованиям было положено здесь, на Севере, усилиями *Татьяны Михайловны Кольцовой* и при моем участии в 1987 г. В Архангельском музее изобразительных искусств была впервые устроена специализированная выставка мелкой пластики из меди[4].

В 1994 г. к 300-летнему юбилею Выгорецкого общежительства в Историческом музее в Москве прошла выставка[5], собранная *Еленой Михайловной Юхименко*, где я также принимала участие. На ней экспонировался датированный складень 1717 года. Ему посвящены статьи хранителей фонда металлопластики Исторического музея *Татьяны Владимировны Берестецкой* и *Ларисы Анатольевны Петровой*[6]. Хранитель другого подписного складня – 1729 г. из Эрмитажа – *Мария Даниловна Малченко* опубликовала его в 1997 г[7]. Из монографических работ нужно назвать статью 2004 г. хранителя Музея им. Андрея Рублева *Елены Яковлевны Зотовой*[8] о недавно обнаруженном еще одном датированном экземпляре 1718 г. из частных рук в Москве. Наконец, замыкает подписные складни публикация памятника 1719 г. из Русского музея, который впервые был представлен на выставке старообрядческого искусства 2008 г. в Петербурге[9]. Исследовательская картина вполне впечатляющая. Но «белые пятна» и проблемы остаются и требуют обсуждения.

Одна из них – «О зачале медного дела на Выгу», о происхождении тех великолепных образцов, которые легли в основу литейного производства в старообрядческих скитах Поморья и породили целую школу северной мелкой культовой пластики.

---

[1] В сложенном виде – от 156 х 98 х 15 мм до 184 х 110 х 18 мм; в раскрытом виде по длине – от 357 до 420 мм

[2] Винокурова Э.П. Основные принципы классификации русской медной художественной пластики конца XVII – XVIII века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата искусствоведения (Институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И.Е.Репина). Л., 1989.

[3] Винокурова Э.П. Модель меднолитого складня «Двунадесятые праздники» конца XVII – начала XVIII в. // Древнерусская скульптура. Проблемы и атрибуции. Сборник статей. [Вып.1] / Редактор-составитель А.В.Рындина. М.: Академия художеств СССР, 1991. С.125-178.

[4] Русская мелкая пластика из меди XVII – XIX вв. / Авторы-составители Э. Винокурова и Т. Кольцова. Буклет к выставке (Архангельский музей изобразительных искусств). Архангельск, 1987.

[5] Неизвестная Россия. К 300-летию Выговской старообрядческой пустыни. Каталог выставки / Составители раздела медной пластики: Э.П. Винокурова, О.В. Молчанова, Л.А. Петрова. М.: Государственный Исторический музей, 1994.

[6] Берестецкая Т.В. О некоторых проблемах изучения «выговского» литья // Художественный металл в России: Материалы конференции памяти Г.Н. Бочарова. М.: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), 2001. С.190–194 (на основе докладов 1987 и 1993 г.); Петрова Л.А. Меднолитой складень 1717 г.: К вопросу о начале меднолитейного производства в Выговской пустыни // Старообрядчество в России (XVII – XX вв.). Научный сборник. Вып.2. / Под ред. Е.М. Юхименко. М.: Языки славянской культуры, 1999. С.381-401.

[7] Малченко М.Д. Редкие датированные произведения русского медного литья XVIII – XIX вв. из собрания Эрмитажа // Страницы истории русской художественной культуры: Сборник научных трудов. СПб., 1997. С. 36-47 (на основе доклада 1984 г.)

[8] Зотова Е.Я., Юхименко Е.М. Уникальный владельческий меднолитой складень 1718 г. // Старообрядчество в России (XVII-XVIII вв.). Вып. 3 / Отв. ред. и сост. Е.М. Юхименко. М.: Языки славянской культуры, 2004. С.259-273, цв. воспр. – на отдельном приложении к сборнику.

[9] Образы и символы старой веры: Памятники старообрядческой культуры из собрания Русского музея: Альманах, № 217. СПб., PalacEdition, 2008. С.44-45, № 30.

Имеются разные предположения. Известно, что литейные мастерские существовали на Севере еще в XYI в., в частности, в Александро-Свирском монастыре[1]. Изустное предание повествует о литейной мастерской на Соловках в XYII в. Это суждение подробно разбирает В.Г. Дружинин[2]. А, поскольку Выговское братство было тесно связано с мятежными соловецкими выходцами, то и возникла версия о соловецком истоке литой пластики в Поморье. Анализ насельников Выгореции показывает в том числе «медников», родом из Великого Новгорода[3]. Отсюда появляется «новгородская» гипотеза. Все эти версии недостаточны и требуют более углубленного рассмотрения.

В настоящей статье хотелось бы вернуться к этому спорному вопросу об истоках поморского литья. Мне представляется, что здесь нужно различать три вещи, которые зачастую перепутывают, сливают вместе или вовсе не имеют в виду: 1) происхождение, 2) производство и 3) бытование.

Попробуем с этой точки зрения проанализировать приводимые в литературе свидетельства в пользу «выговского» происхождения складней. Под «выговским»[4] подразумевается старообрядческое поселение на р. Выг. Большей частью, начиная с первого исследователя этого материала *Василия Григорьевича Дружинина*, они сводятся к тому, что в *«поморских скитах льют створы».* Сюда относятся и расспросные речи по доносам на раскольников, и изобразительные схемы выговской усадьбы, где обозначена «медница», и указание на мастеров-медников среди поселенцев, и цитаты из переписки старообрядцев с упоминанием створов, и описания выговских историков, что на Выгу, наряду с другими постройками, *«поставиша мастерскую медную»* и т.п. Да, действительно, – *«льют»*, причем по всему старообрядческому суземку.

Сюда же как косвенное подтверждение добавляются указания на участие насельников киновии в разработке и добыче медных руд, на их связь с Олонецкими меднолитейными заводами. Совершенно очевидно, что все эти бесспорные доказательства относятся ко второму из указанных трех пунктов о поморском литье – к производству. Непосредственно к нему примыкает и вопрос о мастерах, которые «льют створы», – «медниках», «литейщиках», как их называют в источниках. Здесь опять-таки происходит смешение, совмещение двух, даже трех специальностей. Во-первых, это знаменщик, создавший рисунок и всю композицию сложного памятника из 20 клейм, во-вторых – скульптор-модельщик, который переводит рисунок в рельефный вид, готовит форму для литья, и, наконец, – тот самый мастер-литейщик, который по этой форме, отливает в металле тираж. Насколько известно из практики древнерусского художественного ремесла и иконописи, эти специальности были разделены. В качестве примера процитируем документ из воспоминаний московского мастера-эмальера о создании медного посеребряного эмальированного венчика для иконы. «Основа венца сделана из красной меди мастером Федосеевым... Филигрань на венце сделана из серебра мастером Крыловым…, рисунок сделан и напаян тем же мастером Крыловым. После этого я Лаврентьев П.Н. наложил эмаль»5. Для создания небольшого декоративного украшения потребовалось мастерство четырех умельцев-специалистов. На планах-схемах Выговской усадьбы среди построек значатся, помимо

---

[1] Озерецковский Н.Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск: Карелия, 1989. С.198, примеч.25; Брюсова В.Г. По Олонецкой земле. М.: Искусство, 1972. С.110-113

[2] Дружинин В.Г. Введение (Из корректуры книги «О поморском литье» [1913 г.]) // Русское медное литье. Сборник статей. Выпуск 2 / Сост. и научн. ред. С.В. Гнутова. М.: Сол Систем, 1993. Приложение. С.111-115. Более подробно о неопубликованном труде В.Г. Дружинина см.: Винокурова Э.П. Рукопись о поморском литье В.Г. Дружинина // Труды Отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ). Л.: Наука ЛО, 1988. С.405-410; Берестецкая Т.В. Дружинин В.Г. - собиратель и исследователь поморского литья // Русское медное литье. Сборник статей. Выпуск 2 / Сост. и научн. ред. С.В. Гнутова. М.: Сол Систем, 1993. С.30-36

[3] Дружинин В.Г. Введение ... С.108-109; Принцева М.Н. К вопросу об изучении старообрядческого медного литья в музейных собраниях // Научно-атеистические исследования в музеях. Сборник научных трудов. Л.: Издание Государственного музея истории религии и атеизма, 1986. С.66-67

[4] Вопрос терминологии – отдельная тема, которая освещена мною недавно в особой статье: Васильева Е.П. Северная литая мелкая пластика из меди XVIII-XIX вв.: Вопросы терминологии // Изучение и сохранение историко-культурного наследия Русского Севера. Сборник научных статей и материалов Межрегиональной научной конференции с международным участием, посвященной 80-летию профессора А.А. Куратова. Архангельск: КИРА, 2017. С. 400-407. Блок илл. между сс. 260-261. Л.33-34. Рис. 1-6.

[5] Художественный металл в России: Материалы конференции памяти Г.Н. Бочарова. М.: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), 2001. С.198-200. Илл. на с.199.

«медни», еще «горновая» и «формовая» избы[1]. В «горновой», где стояло два горна[2], плавили металл. Здесь же заливали жидкий горячий металл в подготовленные литейные матрицы. В «формовой» готовили особую формовочную смесь для опок и заформовывали в них образцы (формы) для литья, создавая в земле оттиски (матрицы). В «медне» высвобождали из опок готовые остывшие изделия, обрабатывали их, наводили финифть. И в каждом из этих цехов работал, надо думать, не один мастер, причем разных специальностей. Все это – напомним – относится к разделу производства.

Заметим, что показанная картина свидетельствует о вполне налаженном деле, зафиксированном источниками не ранее середины XVIII века. Нас же будут интересовать вопросы генезиса, начала этого процесса, т.е. более ранний период конца XVII – начала XVIII в. Отливание складней на Выге еще не означает, что их первоисточник, т.е. сама форма для литья была создана там же. Ее могли заказать на стороне либо заимствовать готовую.

Второй комплекс используемых источников – владельческие надписи на самих предметах. Они свидетельствуют исключительно о бытовании складней (третий из рассматриваемых пунктов о поморском литье). Проанализируем шесть надписей до середины XVIII в.

1). 1717 г. (ГИМ) – Сие моление олончанина посадского человека Михайла Семенова сына а работано сие мастерство лета 1717 года месяца сеньтября 23 день;

2). 1718 г. (частн. владен, Москва) – В лето 7226 [1718]. Стяжателя сих створов достоинство купец, имя Федор, отчеименство Симеонов, прозвание Копнин;

3). 1719 г. (ГРМ) – Труды и моление старца Андрея лета 7227 (1719);

4). 1729 г. (ГЭ) – Сии створы состроены тщанием купца Ивана Васильева Большаго 1729 лета 21 дня марта;

5). 1738 г. (неизв. частн. владен.) – Сие моление олончанина посадского человека Захария Иванова Мартьянова употреблено сим художеством 1738-го году[3] ***(илл.2);***

6). 1751 г. (ГИМ) – Сие моление Якова Филипова а зделаны сии створы 1751 года мая 2 дня[4].

Кроме имени владельца, кому принадлежит *«сие моление», «стяжание»*, т.е. обладание, приобретение, бывает указано место его проживания (или откуда он родом) (*«олончанин»* - г.Олонец). Также указывается его сословие (купец, старец) или социальное положение (посадский человек). Иногда видим *«тщанием»*, т.е. его усердием, по его заказу, на его средства. Но все эти данные, да и сам факт собственности, ничего не прибавляют к происхождению предмета, которым он владеет. С другой стороны, в надписях при датах как бы есть некие указания на создание складней: *«работано сие мастерство», «сии створы состроены», «употреблено сим художеством», «зделаны сии створы»*. Но ни кем, ни где они сделаны –, ничего отсюда не следует.

В результате можно говорить лишь о бытовании складней «Двунадесятые праздники» в 1-й половине XVIII в. в Олонецких пределах, где жили владельцы, в купеческой среде, у посадского населения. Но и только. Из надписей не следует даже, что они являлись старообрядцами.

Теперь переходим к первому из трех обозначенных выше пунктов изучения нашего складня – об истоках поморского медного дела. Возвращаемся к упомянутой металлической литейной форме. Сама форма не дошла до нас (или, может быть, пока не обнаружена), но сохранились архивные фотографии[5], передающие все великолепие этого замечательного произведения миниатюрной рельефной скульптуры. При них имеется легенда, в которой памятник поименован «формой для большого складня». Помечено, что съемка осуществлена в 1914 г. в епархиальном

---

[1] Филиппов Иван. История Выговской старообрядческой пустыни. СПб., Издатель Д.Е. Кожанчиков, 1862. Приложение - план-схема Выговского подворья с обозначением построек; К истории поморского согласия: I. Лексинский летописец // Бонч-Бруевич В.Д. Материалы к истории и изучению русского сектанства и раскола. СПб., 1908. Вып. 1. С.287; Смирнова Э.С. По берегам Онежского озера. Л.: Искусство ЛО, 1969. С.100-101 – илл., разворот

[2] Озерецковский Н.Я. Указ. соч. С.174; К истории поморского согласия… С.287

[3] Винокурова Э.П. Модель меднолитого складня… С.143, примеч.35 на с.170; Берестецкая Т.В. О некоторых проблемах… С.191-192

[4] Неизвестная Россия… С.54, № 6. Илл. на с.42

[5] Негативы (4 единицы – на каждую из створок) хранятся в фотоархиве Института истории материальной культуры (ИИМК РАН СПб). Ф.18, № II-45797-45800. Первая публикация - Винокурова Э.П. Модель меднолитого складня… С.126. Илл. между с.135-136.

Древлехранилище Олонецкой губернии. И далее сказано, что форма служила для отливания медной иконы мастерами села Колодозера Олонецкой губернии. В описании церковных предметов Древлехранилища, изданном в 1912 г., значатся пять складней с кокошниками, причем «пятый экземпляр створов отличается от четырех. Те литы сплошной массой, а этот составлен из отдельных иконок (подчеркнуто нами – Е.В.), вставленных в рамку. Надо полагать, что последние (т.е. эти иконки праздников) были образцом для выговских мастеров при работе подобных изображений (т.е. складней)»[1]. На одном из негативов форма показана в процессе сборки ***(илл.3)*** – *«отдельная иконка»* вынута из рамки. При закрытии скитов на Выге в середине XIX в. предметы старины свозились в Повенец и Петрозаводск, откуда часть изделий поступила в Олонецкое епархиальное древлехранилище[2]. В их числе была и *«форма для большого складня».*

Сравнивая в деталях форму для литья и ранние экземпляры складня (Рига, ГИМ-1717, ГЭ-1729) убеждаемся в их идентичности. Все они отлиты по одной матрице. Назовем эти первичные (с самой формы) отливки «матричными». Их даты укладываются в 1-ю четверть XVIII в. Между тем, процесс литья на Выгу налаживается, как было сказано, к середине XVIII в. и позже, ко времени расцвета хозяйственного комплекса Выговской общины[3]. Естественно возникает вопрос, где были созданы форма и «матричные» экземпляры этого удивительного памятника?

Здесь необходимо обратиться к самому раннему периоду устроения старообрядческого жития на Севере. Об этом написаны фундаментальные труды, и, тем не менее, вопрос о меднолитом деле освещен недостаточно. По некоторым свидетельствам, идущим по преданию *«от отец»*, мастера-одиночки начали работать в маленьких лесных скитах и кельях в конце XVII – начале XVIII в., когда старообрядцы подвергались правительственным гонениям. Боязнь доносов и связанных с ними ревизий и проверок подвигала первых мастеров к тайному промыслу. Отливали крошечные крестики и образки-тельники, миниатюрные складные иконки в 2-3 створки размером в 2-3 см., которые можно было унести на себе, спрятав в карманы[4]. Отливка же такого большого и сложного изделия, как четырехстворчатый складень, требовала налаженного производства, оснастки, оборудования, чего в полукустарной обстановке тайного промысла ожидать было трудно. Логично предположить о стороннем происхождении матрицы.

Оперируя письменными документами, уповая на точность надписей и высказывания очевидцев, мы забываем еще об одном источнике – главном свидетеле тех времен – о самом произведении искусства, художественный язык которого красноречиво говорит о той эпохе, когда он был создан. Подробный искусствоведческий разбор стилистики складня сделан мною в статье 1991 года. Стилистика явно тяготеет к иконописи. Перед нами фактически иконописные миниатюры, выполненные скульптурными средствами. В разработке рельефных композиций чувствуется рука опытного знаменщика, тонкого иконописца, виртуозно владеющего приемами «мелочного» письма. На крошечной поверхности клейма (55 х 42 мм) художник разворачивает многоплановые, многофигурные сцены, до предела насыщенные подробностями и реалиями. Так, в сюжете «Сретение» ***(илл.4)*** переданы балясины и волюты на балюстрадах, капители колонн, сеть слюдяных оконцев, декор мебели, плиток пола и т.п. Проработаны не только детали архитектуры и мебели, но и лики персонажей, наделенных разнообразием эмоциональных выражений. Результаты анализа убедительно показали, что памятник принадлежит к сложному периоду истории русского искусства на переломе двух эпох от Средневековья к Новому времени, к концу XVII – началу XVIII в. Он относится, безусловно, еще к допетровской эпохе, но элементы новых исканий, достигших расцвета в московской школе царских изографов последней четверти XVII в., вполне нашли в нем свое воплощение. Таких «переходных» памятников не так много. Они узнаваемы. Ни одна местная школа, даже с классическими традициями, тем более

[1] Островский Д. Краткое описание церковных древностей Олонецкого епархиального церковного древлехранилища с доп. В.И. Срезневского. Петрозаводск, 1912. С.17, № 67.
[2] Майнов В.Н. Мертвый городок (Из путевых заметок) // Исторический вестник. 1880. Т. III, № 11. С.542-546; Островский Д. Указ. соч. С.16-17.
[3] Дружинин В.Г. 1). Введение… С.107-111; 2). К истории крестьянского искусства XVIII-XIX веков в Олонецкой губернии (Художественное наследие Выгорецкой поморской обители) // Известия Академии наук СССР. Л., 1926. Серия VI, № 15/17. С.1483-1486.
[4] ИРЛИ РАН (Пушкинский дом). Отдел древнерусской литературы. Древлехранилище. Собрание И.Н. Заволоко, № 350 – письмо Ф.А. Каликина к И.Н. Заволоко.

удаленная от Центра, этого законодателя нового художественного стиля, не создавала тогда ничего подобного.

Там же, думается, были отлиты и первые великолепные – серебряные, золоченые – «матричные» экземпляры. Все они имеют свои особенности, сохраняя общую иконографию и высочайшую степень пластического мастерства, указывающую на единую для всех исходную матрицу. Все они отлиты не из меди (сплава), а из серебра, позолочены, на тыльной стороне содержат индивидуальные надписи и рисунки в стиле раннего московского барокко конца XVII – начала XVIII в., выполненные резцом поверх готовой отливки. ***(илл.5)*** Уникальность каждого из этих складней никак не вписывается в массовую продукцию, на которую было нацелено выговское производство.

В пользу их **«довыговского»** происхождения свидетельствуют и некоторые письменные источники. В завещании одного из основателей Выговского пустынножительства Петра Прокопьева имеются следующие пожелания о распределении остающихся после него вещей, книг и святынь: «… *Трифону Петровичу... праздники дванадесятые створы, что мне дал Илия Москвитин* (подчеркнуто нами – Е.В.) *...Анастасии Даниловне створы медные золоченые мои»*[1]. Петр Прокопьев умер 5 апреля 1719 г[2]. К этому времени складни *«медные золоченые»* с московским адресом уже существовали, помимо Выга. Созданию формы и первых отливок в Москве не противоречит и легенда «матричного» памятника из Риги[3]. Он привезен в Гребенщиковскую общину жителем Даугавпилса (Двинска) Даниилом Давыдовым Михайловым, а к нему пришел от жителей деревни Легенешки Зингальского района Латвии. Заингалия была тесно связана с Москвой. Легенешки – одно из первых поселений старообрядцев в Латгалии – была основана выходцем из Московии. *«Первым настоятелем храма в Легенешках был Терентий, который приехал сюда со своим сыном Афанасием от страны Московския в 1676 году»*[4]. Другой «матричный» складень, отлитый в серебре и позолоченный, – 1729 г. из Эрмитажа – происходит, согласно семейной легенде бывших владельцев, из г. Ржева, густо населенного старообрядцами вплоть до XX в.[5], который вполне также входит в черту Московского региона.

Подводя итог всему сказанному, можем сделать вывод, что, скорее всего, где-то здесь, в московских пределах, среди художников столичного круга конца XVII в., сочувствовавших старообрядцам, – а таковых было немало – нужно искать знаменщика, резчика, литейного мастера, причастных к созданию образца и первых «матричных» складней. Не исключено, что идея и заказ такой иконы исходили от выговских наставников и богословов. А затем по старообрядческим каналам через миссионеров, которые часто бывали в Москве, форма для литья была доставлена на Выг, где и легла в основу будущего литейного производства.

[1] ОР РГБ. Ф.17 (Е.В. Барсова), № ЕВБ-861- Сборник выголексинских уставных статей. Л.239, 240об.
[2] К истории поморского согласия… С.277.
[3] Сведения о складне сообщены автору И.Н. Заволоко.
[4] Волович А.И. История староверия в б. Прибалтийском крае // Родная старина. Рига: Изд. рижского кружка ревнителей старины под ред. И.Н.Заволоко. 1927. Пробный номер (24 окт. – 6 нояб.). С.10-13; Заволоко И.Н. О старообрядцах города Риги: Исторический очерк // Родная старина, 1933. С.3-4.
[5] Малченко М.Д. Указ. соч. С.40.

Илл. 1. Характерный образец складня «Двунадесятые праздники. Поклонение чудотворным иконам Богоматери». Поморское литье. XVIII в. Собрание автора.

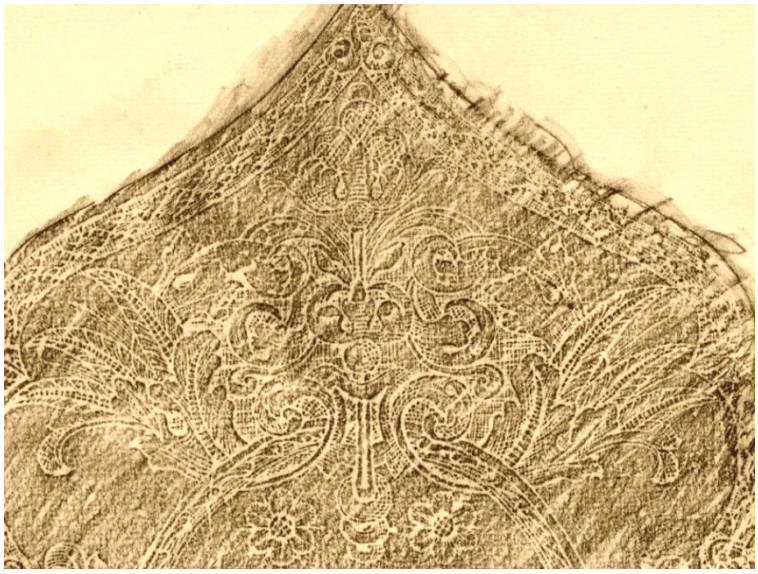
Илл. 2. Складень 1738 г. с владельческой надписью. Карандашная калька оборота центральной створки, снята в 1954 г. Складень принадлежал А.И.Тороповой из с. Усть-Цильма Архангельской обл. Фотография происходит из архива И.Н.Заволоко. Экземпляр из собрания автора, получен от И.Н.Заволоко в 1981 г.

Илл. 3. Металлическая форма для литья. Богородичная створка «Поклонение чудотворным иконам Богоматери. Похвала Богоматери». Московский круг. Кон. XVII – нач. XVIII в. Государственный архив Института материальной культуры (ГАИМК). Ф.18, № II-45800.

Илл. 4. Металлическая форма для литья. Клеймо «Сретение». Московский круг. Конец XVII – начало XVIII в. Государственный архив Института материальной культуры (ГАИМК).
Ф.18, № II-45798.

Илл. 5. Складень 1729 г. Серебро, литье, золочение, гравировка. Карандашная калька наружной стороны центральной створки. Снята автором в 1989 г. Фрагмент гравированного орнамента. Государственный Эрмитаж, инв. № ЭРО-9405.

М.Г. Бабалык (г. Петрозаводск)

Сочинения о «ризном украшении» в севернорусских рукописях XVII-XX вв.*

В XVII в. Россия встала на путь европеизации. Постепенно общество разделилось: для одной части населения влияние Запада было эквивалентно Просвещению, а следование традиции трактовалось как невежество; для эсхатологически настроенных слоев европейская культура вторгалась в русский христианский мир как предвестник антихристова царства. Узнавание в исторических лицах предтеч антихриста, а то и самого антихриста, определение даты конца света по приметам, ожидание грядущего апокалипсиса стали главной темой в среде «истинно верующих» христиан. Внешний облик и одежда начали восприниматься как своего рода маркер, определяющий, к какому лагерю относится тот или иной человек, к «своим» или «чужим».

Уже писатели XVII в. осознавали, что русское общество в его отношении к внешнему облику разделилось на традиционалистов и новаторов. В частности, очень ярко на эту тему высказался в своем трактате «Политика» писатель Юрий Крижанич, сравнивший русские одежды с неудобными узкими мешками и при этом писавший о европейских одеждах как о функциональных и удобных. Обращал он внимание и на беспорядочный запущенный внешний вид волос и бороды у русских людей и благообразие иностранцев[1].

В рукописных собраниях сохранилось большое количество произведений, преимущественно старообрядческих, посвященных осуждению человеческих пороков: пьянства, матерной брани, курения табака, а также сочинений о «ризном украшении», или о западноевропейской моде. Данные тексты образуют единый смысловой корпус: все они повествуют об отпадении христиан от истины, о приобщении к миру зла вследствие европеизации. В некоторых поздних сочинениях выстраивается своего рода эволюция греха: от пьянства, постепенно разрушающего душу человека, ведущего к аморальному поведению, подкрепленному матерной бранью, сравниваемой с лаем пса, словом сатанинским, к новомодному поголовному курению и иноземным одежде и прическам.

Данная статья посвящена произведениям о «ризном украшении», выделяющимся в старообрядческой рукописной книжности XVIII-XX вв. в отдельную тематическую группу сочинений, в которых осуждаются брадобритие, модное европейское платье, женские высокие парики, украшение лиц и волос «вапами» (красками) и т.д.

Материалом для нашего исследования служат произведения, выявленные в рукописях, созданных старообрядцами-беспоповцами поморского, филипповского, страннического и иных согласий Русского Севера и Прибалтики. На данный момент определен ряд не обращавших на себя внимание рукописных памятников, посвященных одежде. Среди них «Книга Летописец <…>. Аще кто в чюжеязычную одежду облечется…» (ИРЛИ, колл. Заволоко, № 23), «Кирила Иерусалимскаго, книга Соборник. Иже лице мастьми мажущии…» (ИРЛИ, Латгальское собр., № 57), «О обычней и необычней одежде» (ИРЛИ, собр. отдельных поступлений, оп. 24, № 154) и др.

Представим небольшой обзор этого материала. Например, в лицевом старообрядческом полемико-догматическом сборнике из Каргопольского собрания Библиотеки Российской Академии наук (БАН, Каргопольское собр., № 292) последней трети XIX века помещены статьи-выписки: «О стрижении власов»; «Страдания Ермогена и Евграфа» («Царь Гермогену рече: но и того друг сотворился еси и остригл себе главу»); «Номоканон, правило 174; Матфей же в 9 правиле» («Стихия возбраняет верным украшати себе, или власы браде стрищи, и вапстати власы, или плести власы главы своея, неповинующихся отлучати повелевает»); «Книга о правой вере. Глава 28. Лист 257» («К сему же и сие безумие западных мнимых духовных воспомяну оголении усов и брад, тому начальника поведают Петра Гугниваго папежа[2], а в царех

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 15-04-00207 (Рукописные сочинения о «материнском слове», моде, табаке и винопитии в русской книжности XVII—XX веков).

[1] См.: Крижанич Ю. Политика. М.: Новый свет, 1997. Электронный вариант в библиотеке Якова Кротова. [Режим доступа: http://www.krotov.info/acts/17/krizhanich/krizh_00.html].

[2] О Петре Гугнивом см: Брайчевский М. Ю. Утверждение христианства на Руси. Электронный ресурс. [Режим доступа: http://wordweb.ru/christ/69.htm].

Константина Кавалина[1] еретика, иконоборца, иже обезумившеся Богом созданную доброту в первом человеце губят, и проказят лица своя, евнухом подобящеся») и другие.

Брадобритие, введенное в России Петром Первым, породило волну протеста в среде старообрядцев. Для своей защиты приверженцы древлеправославия обращались к ветхозаветным преданиям («в Ветхом законе сам Бог Моисею отрече: да не обреете брад ваших»[2]), различным уставам, писаниям святых отцов и подвижников («ох, увы и горе и в грех сего не полагаху, еже постригати брады и растлевати богозданная доброта, забыв реченная писанием, паче же Великим Василием на Евнопия», «якоже Никита мних и презвитер монастыря Студийскаго пореклом Скифит о пострижении брад пишет: не писано ли есть в законе, не постригайте брад ваших, се бо женам лепо, мужем же неподобно»[3]), считая, что «яко мерзско есть Богу беззаконное дело, еже брад бритие»[4]. В качестве примера стойкости духа и крепости веры часто приводятся примеры мучеников Антония, Иоанна и Евстафия, пострадавших в Вильне от царя Олгерда, а также мученика Исидора, убиенного «от безбожных немец в Юрьеве граде литовском»[5].

Некоторые статьи в рукописях представляют собой компиляции, составленные из мелких выписок со ссылками как на реальные, так и несуществующие источники. Например, сборник XIX в. из Древлехранилища Пушкинского Дома (ИРЛИ, колл. Каликина, № 62) включает целую подборку кратких произведений о «ризных украшениях».

Культ идеальной внешности в среде светских модниц достиг своего расцвета в XVIII в. Как отмечает В.И. Покровский, «лицо щеголихи <…> должно быть приятно, пленительно, а таковым оно оказывалось, когда было “нежно”, “бело”, “румяно”, “свежо”, “мягко”. Чтобы придать лицу такие свойства, красавицам XVIII века косметики[6] предлагали разные средства: воды, уксусы, бальзамы, мази, румяны, паты и т. д.»[7].

В статье из указанного сборника в коллекции Каликина, под названием «О красоте девиц», светским модницам противопоставлена благочестивая девушка, которая имеет «долу зрение», «устнама молчание», «смирение глубокое» и т.д. Автор сочинения считает, что истинная красота девицы заключается в «целомудрии несмущенном», «девстве некрадомом», «чювствам хранении», «языку удержании», «лица бледостою». Бледность лица ценилась и светскими модницами. Но разница состоит в том, что они добивались ее искусственно, добавляя для свежести румянца, а у истинной христианки это естественное состояние – результат воздержания и молитвенной привычки. В другой статье этого сборника, в поучении «инока Захарии к своему ученику Евфимию», в числе разных западных новшеств (табакокурение, чаепитие, различные греховные зрелища) осуждаются и модные одежды[8]. Европейские моды трактуются здесь как примета «антихристовых времен», «ересь», козни дьявола.

Иногда сочинения призваны объяснить происхождение тех или иных модных предметов. Например, полюбившийся «новым» христианам галстук – удавка на шее, которой некогда сенаторы задушили короля фряжской земли Евписиана Нумерианова[9]. Модницы XVIII в. всюду брали с собой мушки, «маленькие кружки из черной тафты, величиною не много менее пятачка», которые хранились в специальной коробочке с зеркальцем на крышке[10]. Считается, что во Франции мушки вошли в моду с XVI века и были популярны не только у женщин, но и у мужчин и даже у священнослужителей[11]. Русские кокетки использовали их как условный язык; существовали даже специальные гадательные книги, объясняющие значение налепленных мушек. Например, в рукописи второй половины XVIII века (РНБ, НСРК, Q. 187) на л. 108 об. –

[1] О Константине-иконоборце см: Карташев А.В. Иконоборчество. Электронный ресурс. [Режим доступа: http://azbyka.ru/dictionary/03/kartashev_vselenskie_sobory_10-all.shtml].
[2] См. рукопись конца XVIII века, шифр: РНБ, НСРК, F. 465. Л. 388.
[3] Там же. Л. 387, 388.
[4] Там же.
[5] Там же. Л. 388об.
[6] Здесь: производители косметики.
[7] Покровский В.И. Щеголихи в сатирической литературе XVIII века. М., 1903. С. 7.
[8] См: Пигин А.В. «Слово от Старчества»: Беседа инока Захарии с учеником Евфимием об антихристе — малоизвестное старообрядческое сочинение XIX в. // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромодановской. М., 2015. Т. 2: Исследования. Посвящения и воспоминания. С. 406-422.
[9] См.: Успенский М.И. Старообрядческое сочинение XVIII в. об одежде. СПб., 1905.
[10] Покровский В.И. Щеголихи… С. 17.
[11] Там же С. 18-19.

110 помещена таблица, где расшифрованы 54 положения мушек на лице и теле («на середине щек: правой – любовь, левой – ласковый прием», «на переносице – помню, отмщу», «под носом на средине – смеюся вам», «в середине между грудей – тем же плачу», «на руках где бы то ни было – не старайся напрасно» и т.п.). Писатели-старообрядцы считали, что мушки – происки дьявола, их придумала блудливая сенаторша Карамша в косметических целях, желая скрыть следы побоев на лице, оставленные ее любовником, а преподнесла их светскому обществу как новую моду[1].

В период европеизации сменилась мода на костюмы. Если Ю. Крижанич, как мы упоминали выше, неудобным считал традиционное русское платье, то старообрядцы были с этим не согласны и критиковали новую моду. Так, узкое «немецкое» платье, по их мнению, изобретено дьяволом, чтобы отучить людей от коленопреклонения Богу[2]. Нечистый дух в одной из повестей рассказывает старцу, что когда-то «бесове весь образ добрый сами с себя сложили и отдали человеком, любящим красоту» – так появилось «ризное украшение» (ИРЛИ, колл. Заволоко, № 26, посл. четв. XIX в.).

Особый интерес для изучения данной темы представляют произведения, созданные в Выговской старообрядческой пустыни. Они свидетельствуют о том, что мода и интерес к красивым одеждам проникали даже в саму старообрядческую среду. Одно из них – «Описание о нелепых случаях и необычных пустынному житию действах, внесшихся от своеволников», созданное в промежутке между сентябрем 1740 и декабрем 1744 годов и опубликованное Н.С. Гурьяновой. Исследовательница предполагает, что автором данного сочинения был выговский историограф Иван Филиппов (1661-3.12.1744)[3]. В указателе Е.М. Юхименко данное сочинение значится среди произведений анонимных авторов под номером 474[4]. В данном сочинении автор описывает негативное влияние пришлых людей на жителей Выга: нарушался строгий устав, процветали сластолюбие, презрение целомудрия, нехранение чистоты, несоблюдение девства. Помимо прочего, появилась у жителей Выгореции и страсть к ризным украшениям: женщины «...украшаются не кротостию и благоговением, но одеждами добрейшими – сарафанцами и свитками, и шубками, и рясками, покромцами широкими и треушками с пухами широкими, и перевязочками широкими, ступенцами щапливыми и чулочками белыми...». Мужчины не отстают от женщин: «Полукавтанья ищет получше, по своему намерению, аки жених. Обущей требует не худых, но избранных и новых, и кушаки пестрыя, хорошие, дабы мог показатися хорош женскому полу…»[5]. Трактат Ивана Филиппова был призван обратить внимание единоверцев на проблему оскудения веры и призвать к покаянию согрешивших.

Данное сочинение не единственное в выговской письменности на эту тему. Особого внимания заслуживает достаточно пространное старообрядческое сочинение «О древнем обряде», опубликованное в сокращенном виде М.И. Успенским. Как пишет исследователь, «этот трактат является одним из памятников борьбы, происходившей в XVIII в. между защитниками древнерусских традиций и сторонниками усилившегося влияния западно-европейской культуры»[6].

В Древлехранилище им. Малышева в ИРЛИ находится еще один список данного сочинения в сборнике 1886 г. из Латгальского собрания (№ 16). Оба списка (опубликованный М.И. Успенским и латгальский) близки в передаче текста, в обоих указано, что выписаны они «из книги поморской рукописной в лето 7288 (т.е. в 1780 году), апреля в 28 день» в Выговской пустыни. В указателе В.Г. Дружинина это сочинение упоминается под заглавием «О нововводных обычаях» (по списку из ИПБ (ныне РНБ), О. I. 472, XIX век)[7]. Е.М. Юхименко указывает еще один список, 1825 г.: РГБ, собр. Барсова, № 372, под заглавием «О новомодном платье и носящих длинные власы». В этом списке указан автор сочинения – «Лексинскаго

[1] См.: Успенский М.И. Старообрядческое сочинение...
[2] Там же.
[3] Гурьянова Н.С. «Описание о нелепых случаях и необычных пустынному житию действах, внесшихся от своеволников» // Русское общество и литература позднего феодализма. Новосибирск, 1996. С. 226-227.
[4] Юхименко Е.М. Новонайденные сочинения выговских писателей // ТОДРЛ. СПб., 2003. Т. 53. С. 378.
[5] Гурьянова Н.С. «Описание о нелепых случаях...». С. 232-233.
[6] См.: Успенский М.И. Старообрядческое сочинение…
[7] Дружинин В.Г. Писания русских старообрядцев. СПб., 1912. С. 337. № 258.

погоста болшак Тимофей Андреев»[1]. Тимофей Андреев (Серебренников) (1745-1809) – выговский писатель и наставник, уделявший «большое внимание воспитанию паствы, в частности, его волновало проникновение мирских обычаев в монастырскую жизнь»[2].

В своем сочинении Тимофей Андреев сокрушается, что как и в бытность библейского пророка Софония люди увлеклись иностранными одеждами и оскудела их вера (Софоний. 1; 8), так и нынешнее поколение впадает в тот же грех. Обильно цитируя Писание, Тимофей Андреев пытается показать пагубность увлечения современными нововведениями, он хорошо осведомлен в светских модах и одеждах. Отказ от национального платья в пользу «немецкого» трактуется им по сути как измена вере. Следуя западным обычаям, считает Тимофей Андреев, люди уподобляются «не точию иноязычником, но и самому дияволу»: известно, что дьявол являлся праведникам, например Сергию Радонежскому, «со множеством вой бесовских <…> во одеждах и шапках литовских и островерхих», «а не (в) древлероссийском и всеспасительном и богоугодном одеянии».

Мысль о том, что западная одежда – происки дьявола, подкреплялась еще и тем, что многие нехристианские народы не поддавались западному влиянию: «мнози и неверии языцы, не знающеи отнюд Бога, како твердо своя обычаи держат без ушербу, якоже индияне, перси, китайцы, турцы и прочии бесурмане, толь крепко своя обычаи сохраняют, яко и остати от них всяко не терпят». Здесь нет противоречия, ведь нехристианские народы не интересуют дьявола, они и так идут в погибель по доброй воле. Дьявола больше интересуют души православных христиан, именно им он уготовал искушения модой. Дальнейшее изучение этого произведения позволит установить его литературные источники, а также, вероятно, актуальные полемические цели, которые преследовал автор.

Старообрядческие сочинения XVIII в. о «новомодном облике» интересно сравнить с просветительской сатирой этого времени, в которой увлечение модой также становилось объектом критики. Различия заключаются, однако, в том, что старообрядцы обличали моду как знак отпадения от Христова учения, просветители же обрушивали свою сатиру на тех, кто, облекаясь в новомодные одежды, пренебрегал знаниями, принимал европейскую культуру только в ее внешних проявлениях.

Ещё один аспект изучения этих произведений, который можно пока лишь обозначить, так как это предмет самостоятельного исследования, – анализ поэтики сатирического и приёмов создания в них комического эффекта.

[1] Юхименко Е.М. Выговская старообрядческая пустынь. Духовная жизнь и литература. М., 2002. Т. 2. С. 14.
[2] Юхименко Е.М. Андреев Тимофей (Серебренников) // Православная энциклопедия. М., 2001. Т. 3. С. 347-348.

А.В. Бабалык (г. Петрозаводск)

Толковые азбуки в рукописях из севернорусских собраний

В рукописных хранилищах разных городов России сохранилось большое количество списков популярного древнерусского памятника Толковые азбуки. По структуре эти произведения представляют собой акростих, где каждая новая строка начинается с очередной буквы славянского алфавита, поэтому часто азбуки называли границами (от слова гран – стих), а также азбуками-литицами (от слова литица – молитва)[1]. Традиция акростихов восходит к античности, к сакральным молитвам. Жива она и по сей день: встречается акростих как в авторской поэзии, так и в фольклоре. Например, в стихотворении Н. Гумилева Анне Ахматовой «Ангел лег у края небосклона…».

Происхождение толковых азбук связывают с моравской и древнеболгарской традицией, деятельностью славянских первоучителей Кирилла и Мефодия. Наиболее ранней из известных считается азбука «Аз есмь всему миру свет». Чешский исследователь Ф.В. Мареш атрибутировал ее Кириллу (Константину) Философу, создателю первой славянской азбуки. Однако, по мнению Н.С. Демковой и Н.Ф. Дробленковой, которые исследовали рукописную традицию этой азбуки, предположение о создании азбуки св. Кириллом «вряд ли когда-нибудь будет бесспорно доказано»[2].

Толковые азбуки и азбучные молитвы привлекали внимание многих ученых. Так, в своих трудах И.И. Малышевский, Ив. Франко, Е. Георгиев поддерживают точку зрения, что автором азбучной молитвы является Кирилл (Константин) Философ. Исследователи В.М. Ундольский, О.М. Бодянский, П.И. Шафарик, еп. Антоний, А.И. Соболевский, А. Вайан, Э.Г. Зыков, К.М. Куев пишут о том, что азбучная молитва – это лирическая исповедь Константина Преславского[3]. Факт существования в рукописях большого количества азбучных стихов отмечали А.И. Соболевский (ему было известно около 20 азбук-акростихов, которые он называл «азбучными молитвами») и В.П. Адрианова-Перетц, указавшая разные типы толковых азбук-акростихов и списки некоторых из них[4].

С.Д. Бабашин считает, что азбуки-границы использовались с методической целью. Ребенок, выучив акростих наизусть, запоминал алфавит и правильную очередность букв в нем[5]. Многие исследователи придерживаются мнения, что изначально Толковые азбуки были созданы как памятники вероучительного характера, а позже вошли в учебную практику и стали применяться для обучения детей грамоте[6]. Так, уже в первом русском печатном учебнике – Букваре Ивана Федорова (Львов, 1574) – была помещена азбука «Аз есмь всему миру свет». Как отмечает И. Дарчевска, самые ранние списки азбук встречаются в сборниках XIV, XV, XVI веков[7]. Начиная с XVII века тексты толковых азбук появляются в букварях и в азбуках-прописях.

Если по форме изложения Толковые азбуки схожи между собой, то по содержанию могут существенно разниться. Так, некоторые из них представляют собой тексты молитв («Азбучная молитва» Константина Преславского), в других излагаются библейские сюжеты (история Адама в «Азбуке об Адаме»), третьи посвящены теме покаяния («Покаянная азбука»), «вопросам бытовой морали» («Азбука писана о хмелю»), некоторые азбуки имеют антииудейскую

---

[1] Бабашин С.Д. Как учили писать на Руси // Русская речь 1979. № 5. С. 120-125.

[2] Демкова Н.С., Дробленкова Н.Ф. К изучению славянских азбучных стихов // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 36.

[3] Подробнее см.: Кенанов Д.В. Азбучная молитва // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1. С. 32-34.

[4] См.: Демкова Н.С., Дробленкова Н.Ф. К изучению славянских азбучных стихов… С. 27-28.

[5] Бабашин С.Д. Как учили писать на Руси…

[6] См.: Лукьяненко В.И. К истории русского букваря: (Роль и значение азбучного акростиха в процессе обучения русской грамоте в XIV, XV и первой половине XVI вв.) // Труды Ленинградского государственного библиотечного института им. Н.К. Крупской. Л., 1958. Т. 4. С. 239-254; Сетин Ф.И. Обучение родному языку в Древней Руси // Русская речь. 1977. № 5. С. 135-136; Дарчевска И. Старинные славянские азбуки и буквари: (К вопросу о единой истории древнеславянского литературного языка в ареале «греко-славянского мира») // Советское славяноведение. 1979. № 4. С. 61-63.

[7] Дарчевска И. Старинные славянские азбуки… С. 61-63.

направленность. Существуют разные жанры Толковых азбук, например, Азбуки-поучения, Азбуки-полемики и др.[1]

Как отмечают А.В. Пигин и М.Г. Бабалык, «азбуки включались в состав рукописных сборников, причём, иногда в виде циклов сразу из нескольких памятников этого жанра, но могли переписываться и отдельно. В последнем случае они изготовлялись нередко в форме свитков, склеенных из нескольких листов бумаги. Иногда в длину такие азбуки-свитки достигают 9 – 10 метров»[2].

Несмотря на большой интерес исследователей к Толковым азбукам, изучение истории текста этого памятника еще далеко от завершения, так как огромное количество списков еще не попадало в поле зрения исследователей. В своем исследовании мы уделяем преимущественное внимание севернорусским спискам азбук. Нас интересуют следующие вопросы: какие типы азбук получили распространение на Севере, в какой среде и с какой целью они использовались, каково окружение азбук в рукописных сборниках, и др.

На данный момент нам удалось проанализировать около 30 списков Толковых азбук XV-XX веков из хранилищ Санкт-Петербурга, Петрозаводска и других городов. Азбуки переписывались и в Каргопольском уезде, о чём свидетельствует, например, рукопись из Каргопольского собрания БАН, № 242[3]. По нашим наблюдениям, в списках рукописных Толковых азбук может встречаться разное количество букв (от 14 до 38). Довольно часто выпадают строки на такие буквы, как «кси», «пси», «фита», «ижица», «юс большой», «юс малый», «ять», «ер», «ерь», «ы». В некоторых списках Азбук одна и та же буква может повторяться не один раз. Так, например, в списке БАН, 45.12.108. между буквами «ю» и «я» появляется «омега», встречающаяся в тексте ранее. Иногда бывает, что привычный порядок букв в Азбуке нарушается.

В рукописных сборниках зачастую соседствует несколько списков Азбук, как, например, в сборнике XV в. из Российской национальной библиотеки (Q. I. 1130.) подряд следуют 4 списка разных редакций этого памятника. Иногда азбуки переписывались отдельно в форме свитков (Палеостровская азбука).

Кратко представим несколько списков Толковых Азбук, с которыми мы работали. Список из рукописи первой четверти XVIII века из Библиотеки академии наук (шифр: БАН 33.15.211). Принадлежал некогда крестьянину Петру Ведениеву из деревни Ялгоры (Ялгубской волости), о чем в рукописи сделана соответствующая запись. Кроме Азбуки здесь помещены два духовных стиха: об Антихристе и умилении души, а также тропарь Пасхе. Что касается списка Азбуки, то к сожалению он неполный, заканчивается на букве «м», но представляет собой распространенную редакцию азбуки: «Азъ есмь всему миру свет».

Еще один дефектный список (утрачено начало) первой четверти XVIII века также находится в Библиотеке академии наук (шифр: БАН 45.12.108). Текст азбуки заключен между двумя полосами, буквы написаны в разных начертаниях чернилами, а изречения киноварью под буквами. Начинается Азбука с буквы «н». Несмотря на неполноту данного списка, восстановить текст его не составляет труда, подобный вариант Азбуки мы находим в скорописной Азбуке графа Петра Андреевича Аракчеева, оригинал которой хранится в Нижегородской областной научной универсальной библиотеке (шифр: НОУНБ, 1-2-124). Азбука этой редакции представляет собой обращение Господа к людям. Начинается она традиционно: «Азъ есмь прежде всех век и всему миру свет». Затем говорится о том, что людям нужно уповать на Бога, но они погрязли во грехе, хотят спасения, но от греха не отстают («Желаем христиане спастися, желаем и неправду делать»). Далее говорится о том, что людям следует помнить о смерти: «имамы все христиане три печали: умрете, не вемы когда, где будем». Эта фраза часто встречается в рукописях в виде выписок на полях, а также входит в состав других произведений,

[1] См.: Пигин А.В, Бабалык М.Г. «Аз ти глаголю добрейшее, юноше…»: о некоторых учебных текстах в русских рукописях XVIII-XIX вв. // «Мудрости бо ти имя подадеся…»: сборник статей к юбилею профессора Софьи Михайловны Лойтер. Петрозаводск, 2011. С. 10-21.

[2] Там же. С. 11.

[3] С этим списком нам ознакомиться, к сожалению, пока не удалось.

например, Беседы трех святителей[1]. Затем автор текста сокрушается о том, что несмотря на любовь ко греху, людей еще терпит земля, солнце и звери, говорит, что раз мы любим нашего Создателя, то должны и заповеди Его любить и всех христиан, для спасения необходимо творить милостыню, потому что «милостыня бо аки печать человеку в будущем веце». Далее дается наставление, какой должна быть жизнь христианина: не общаться с другими женами, держаться правды, творить милостыню, исповедаться в церкви, почитать учителей и пастырей, избегать ложного учения, не лениться, сохранять целомудрие, душевную и телесную чистоту, не посещать увеселительных мест и т.д. Источник этого варианта текста установить пока не удалось, но не исключено, что это может быть копия какого-то печатного издания.

Следующий список из Библиотеки Академии наук находится в рукописи конца XVIII века (шифр: БАН 21.9.32.). Рукопись написана скорописью, содержит всего 191 лист. Она была приобретена в деревне Паяница Повенецкого уезда Олонецкой губернии. Список Азбуки из этого сборника интересен тем, что по жанру текст относится к нравоучениям, что отражено в заголовке «Нравоучение от Священного Писания по алфавиту. Слыши, сыне, и вразумляйся». Некий учитель обращается к ученику. Нам удалось установить источник этого текста. Эта Азбука представляет собой не что иное, как первую Азбуку гражданской печати, составленную по указанию Петра I и опубликованную в 1710 г. Считается, что это было одно из первых пособий по гражданскому шрифту. Позже в 1717 г. вышло в свет литературно-педагогическое произведение «Юности честное зерцало», в состав которого была включена эта гражданская Азбука.

Список из Библиотеки академии наук, из рукописи XVIII века (шифр: БАН, 33.15.238.) написан скорописью, всего в рукописи 25 листов. Рукопись была приобретена в Заонежье, в Фоймогубе. В XVIII веке Фоймогуба была экономическим и административным центром, здесь зарождалась Российская металлургия. В рукописи имеются владельческие записи «Фоймогуйской волости сей азъбук деревни Сиверной государственного крестьянина Федора Михеева 1764 году подписал сам своеручно в лето 7272 лета от Адама». Запись сделана тем же почерком, что и вся азбука. Кроме азбуки здесь имеются молитвы, оформленные как заговор, а также популярные народные изречения, выписки из Беседы трех святителей, тропарей Рождества Христова и Пасхи и другие. Список Азбуки из этой рукописи интересен тем, что соединяет в себе несколько редакций. По крайней мере две нам удалось установить: это известная азбука «Азъ есмь всему миру свет» и редакция, известная нам по списку XV века (РНБ Q. I. 1130.) «Азъ к тебе припадаю милостиве грехи многими держимъ». Кроме того список содержит строки из других, еще нам неизвестных редакций. Составитель этого текста (по всей видимости, это крестьянин Федор Михеев) соединял разные редакции следующим образом: на каждую букву он подбирал несколько строчек из разных Азбук и писал их одну за другой. Но, как нам кажется, соединение это не механическое. Выбранные создателем фоймогубского списка тексты сближает тема крестных страданий Спасителя.

Еще одна азбука XVIII века (1717 года), написанная на свитке, происходит из Палеостровского монастыря. Она хранится в Научном архиве Карельского научного центра РАН (шифр: разряд I, оп. 2, д. 92.). Поскольку этот список попадал в поле зрения исследователей, и ему посвящена исчерпывающая статья А.В. Пигина с публикацией текста[2], подробно останавливаться на этом списке мы не будем. Отметим лишь то, что азбука была составлена иноком Палеостровского монастыря Иоасафом, затем она принадлежала жителю Толвуйского погоста Семену Семенову Колмакову, по жанру она относится к азбукам-поучениям: учитель заповедует ученику внимать учению, избегать соблазнов, лжи, многословия, лени, пороков, особенно пьянства.

И последний список Азбуки, который мы представим, находится в сборнике второй половины XIX века из Древлехранилища Пушкинского Дома (шифр: ИРЛИ, Карельское собрание, № 76.). Эта рукопись написана полууставом на 70 листах и включает произведения, посвященные последним временам, приходу и воцарению антихриста, поучение о матерной

[1] См.: Бабалык М.Г. Беседа трёх святителей // Памятники книжной старины Русского Севера: коллекции рукописей XV-XX веков в государственных хранилищах Республики Карелия / Сост., отв. ред. и автор предисл. А.В. Пигин. СПб., 2010. С. 491-503. (Вопрос 42).

[2] Пигин А.В. Азбука-свиток из Палеостровского монастыря // Вестник Карельского краеведческого музея. Петрозаводск, 2011. Вып. 6. С. 63-71.

брани, выписки из разных книг. Толковая азбука находится на листах 61 об.-62. По своему типу она относится к молитвам и начинается словами: «Азъ есть всему миру Творец». Эта Азбука интересна тем, что предваряет ее текст магического содержания – «печать царя Соломона». Она представляет собой квадрат с вписанными в него буквами, буквы складываются в магические слова («сатор», «арепо», «тенет», «опера», «ротас»). Эти слова можно читать как по горизонтали, так и по вертикали. Далее следует составленный по азбучному принципу ключ к квадрату – это перечень букв и толкования на каждую букву в слове. По-видимому, этот текст могли использовать как гадательный или игровой. Любопытно, что ключ к магическому квадрату тематически примыкает к толковым азбукам, и в толкованиях можно найти цитаты из Азбук. Так, например, на букву «а» в слове «сатор» читаем «Азъ есмь отец и всему миру Творец», а в слове «арепо» – «Адама сотвори Бог по своему образу». Но все же текстуальные совпадения единичны, в остальном тексте наблюдается лишь тематическое сходство. Магический квадрат излагает всю историю мира: от его сотворения до Второго пришествия Христа. Примыкающая к нему Толковая азбука рассказывает о крестных страданиях Спасителя, она оформлена в виде послания Иисуса Христа людям: «Азъ есмь всему миру Творец / Бог есмь прежде всех век / Вижу всю тайну человеческую / Глаголю же вам сыновом человеческим» и т.д. Господь говорит, что является жизнью для всего мира и праведным гневом на всех грешников и законопреступников, затем рассказывает, какой путь он прошел для того, чтобы освободить человеческий род от греха. Если рассматривать эти два текста – печать царя Соломона и Толковую азбуку – в их взаимосвязи, то этот завет Христа должен был стать руководством для спасения человечества в последние времена.

Рассмотренные списки Азбук содержат тексты разных вариантов – популярную азбуку «Аз есмь всему миру свет», азбуку гражданской печати начала XVIII в., азбуку графа П.А. Аракчеева, Палеостровскую азбуку, азбуку «с магическим квадратом» и смешанный вариант азбуки. Они относятся к таким жанровым разновидностям азбуки, как азбука-молитва, азбука- наставление и азбука-послание. Азбуки происходят как из монастырской, так и из крестьянской среды.

Дальнейшее изучение Толковых азбук позволит нам сделать более глубокие выводы об их бытовании на Русском Севере, выявить разнообразные источники азбук, установить связь между списками разных редакций и вариантов.

О.В. Орлова (г. Сыктывкар)

Духовная книга гражданской печати XIX –начала XX веков (Архангельская губерния)

Подлинное знание национальной культуры невозможно без ясного и точного представления о книжном богатстве страны. Задача данного исследования - реконструкция культурных, просветительских, духовно-творческих достижений русской провинции через книжный репертуар «духовной книги» гражданской печати. Печатная продукция – самый яркий выразитель достижений нации, аккумулятор её интеллектуального потенциала.

Книжный репертуар «духовных книг» гражданской печати, изданный и напечатанный в середине XIX- начале XX веков в типографиях Архангельской губернии на сегодняшний день составляет более 120 книг и брошюр (половина devisi) периода XIX – начала XX веков. Составлен по различным библиографическим, справочным, литературным, архивным источникам и книгохранилищам (Москвы, Санкт-Петербурга, Вологды, Великого Устюга, Архангельска, Сыктывкара).

О «пробуждении в публике религиозного сознания и религиозных интересов, заметное развитие духовной литературы и её очевидное стремление сделаться вполне современною. Сблизиться с обществом и его литературой, стать в уровень с их потребностями и настоящим положением»[1], – писалось в статье «Книжного вестника» в 1860 г.

Из изданий можно выделить несколько групп: теоретические труды богословского характера, религиозно-нравственная литература для народа (Жития, Беседы, Поучения, Заповеди), учебные пособия с религиозным уклоном, путеводители, отчёты, миссионерская литература, иллюстрируемые альбомы.

В отчёте 1879 года Отдела Общества любителей духовного просвещения по распространению духовно-нравственных книг за седьмой год его деятельности отмечалось: «Цели, преследуемые Отделом, близки сердцу русского человека, жаждущего просвещения в духе Православной Церкви»[2]. Эту миссию осуществляли «Епархиальные ведомости», которые стали самым распространённым видом изданий. Оттиски и перепечатки статей составляют более половины книжного репертуара из «Архангельских епархиальных ведомостей» (1846-1915)[3], «Архангельских губернских ведомостей» (1889-1915)[4] выходили самостоятельными выпусками в

---

[1] «О духовных журналах» // Книжный вестник. Журнал русской литературной деятельности, книжной торговли, книгопечатания и т.п. СПб. 1860. № 4. С. 55.

[2] Распространение духовно-нравственных книг // Прибавление к ВЕВ. 1879, № 4, 15 февраля. С. 86.

[3] Заринский Мамонт. Важеский богословский монастырь. Архангельск. 1846. Без тит. и обл. Из АГВ. 1846. № 43 и 44; Заринский М. О распространении христианства в пределах Архангельской губернии. 4 с. Из АГВ. 1846. № 12); Заринский Мамонт. О церквях города Шенкурска. Архангельск. 1846. Из АГВ. 1846. № 14 и 15; Историко-статистическое описание Николаевского Корельскоготретьекласного монастыря. Архангельск. 1852. Губ. тип. АГВ. № 9, 10, 11; Заринский Мамонт. Некролог [настоятеля Соловецкого монастыря архимандрита Димитрия]. Архангельск. Губ.тип. 1852. АГВ. № 35. № 1852; Хронологический указатель актов Николаевского Корельского монастыря. 1852. Архангельская губ.тип. 39 с. Из АГВ. 1852. №№ 15, 17, 18, 19; Присоединение к православию обратившегося из раскола, именуемого старообрядчеством. Архангельск. Губернская типография. 1884. Из АГВ № 45 1884;Воробьёв В. [Священник, Воробьёв Владимир Иванович]. Заповеди блаженства (По поводу настоящих событий). Архангельск. Губернская типография. 1906. Из АГВ. 1906; Дьяков Н. [священник]. Восстановление церкви Морского ведомства в Соломбале. Краткий очерк к истории Архангельского дисциплинарного флотского экипажа. Архангельск. Губернская типография. 1908. Из АГВ. 1908;Дьяков Н. [священник]. Приход и храм св. великом. Никиты. Что на острове Ягановского озера, Череповецкого уезда, Новгородской губ. Исторический очерк с 3 рисунками. Архангельск. Губ. тип. 1908. Из АГВ. 1908; Торжественное освящение церкви подворья Красногорского монастыря в г. Архангельске [Текст] / А.П. Кулаков. Архангельск: Арханг. губ. тип., 1911. Из АГВ. 1911; Смирнов В. Краткое историческое описание Архангельского Свято-Троицкого собора. Архангельск: Типо-лит. насл. Горяинова. 1915.

[4] Мероприятия Архангельского епархиального начальства к религиозно-нравственному просвещению поселенцев (самоедов) на Новой Земле. Архангельск. Типо-лит. наслед. Д. Горяинова. 1889. Из АЕВ. 1889;Историческое описание крестного второклассного монастыря Онежского уезда Архангельской губернии [Текст]. Архангельск: Типо-лит. наследн. Д. Горяинова, 1890. Из АЕВ. 1890**;** Сибирцев Иустин М. Исторические сведения о Рождественской церкви в городе Архангельске. Архангельск. Типо.-лит. наслед. Д. Горяинова. 1893. Из АЕВ. 1892-1893; Добровольский Иван. Историко-статистическое описаниеПертоминского монастыря. Архангельск. 1894. Типо.-лит. насл. Горяинова. Из АЕВ. 1894; И. Сибирцев. Исторические сведения из церковно-религиозного быта

типографиях Губернского правления и частных типографиях («АЕВ» печатались в типографии "Наследники Д. Горяинова", отдельные издания в типо-литографии Торгового Дома «В. Черепанова Наследники», Наследников Заворохина и типографии Губернского правления).

К изданиям, выходившим в типографиях г. Архангельска, можно выделить несколько групп авторов и составителей книг и брошюр. Первая, самая большая, включает, главным образом, священство: Епископ Архангельский и Холмогорский Варлаам (Василий Иванович Успенский)[1], настоятель Соловецкого монастыря архимандрит Мелетий[2], автор московского издания 1881 года «Исторического описания ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря» (1894; 1896); Епископ Никанор[3]; Попечитель Архангельского духовного училища для девиц духовного звания и других сословий, кафедральный протоиерей Николай Жданов (1864); преподаватели Архангельской духовной семинарии Митрофан Семёнович Григоревский (Григоревский, 1897), настоятель Свято-Троицкого кафедрального собора Архангельска, историк, один из учредителей Архангельского церковно-археологического комитета Иустин Михайлович Сибирцев[4] (1893, 1894-1896, 1899, 1914).

Привлекались к сотрудничеству и простые священнослужители (Легатов Илия Иванович (1884, 1890-1892, 1895, 1905); А. Кириллов (1902); Владимир Иванович Воробьёв (1906, 1907); Н. Дьяков (1908); Алексий [иеромонах] (1910); Алексий 2-й [иеромонах] (1913);Аркадий Васильевич Кириллов [протоиерей] (1914);Д.П. 1910; I.C.[И.С.]. 1912).

Вторую группу составляют литераторы и писатели: А.Н. Муравьёв (1884, 1891, 1894), И.И. Соловьёв (1896), М.С. Григоревский (1897, 1902),Г.К. Бугославский (1904, 1905, 1906, 1907), Мамонт Заринский (1846,1852), А.Н. Попов (1914), Н.Д. Козмин (1915), В.А. Ленгауэр (1912).

Большая часть изданий выходила без авторства: с обозначением инициалов: А.Г. (Житие Преподобного, 1897), Е.Н. (О синодиках Кожеозёрского монастыря. 1895), I. С-въ (К истории Михайло-Архангельской, 1896), Григорий К. (Рукописные Евангелия, 1904), Д.П. (Посещение

г. Архангельска в XVII и первой половине XVIII века. Архангельск. Типо.-лит. насл. Д. Горяинова. 1894. Из АЕВ. 1893-1894; Возобновление Михаило-Архангельского монастыря в Архангельске. [Архангельск]. Губ. тип. [1895]. Из АЕВ. №№ 71-73, 75-76; Сибирцев И.М. К истории Михайло-Архангельского монастыря в г. Архангельске. Опись монастыря 1683 г. Архангельск. Типо-лит. насл. Д. Горяинова. 1895. Из АЕВ. 1895;I. С-въ [Сибирцев И.М.]. К истории Михайло-Архангельской церкви в г. Архангельске. Архангельск. Типо-лит. насл. Д.Горяинова. 1896. Из АЕВ. 1896; И. С-в [Соловьёв Ив. Ильич]. К истории Трифоно-Печенгского монастыря. Архангельск. Типо-лит. насл. Д. Горяинова. 1896. Из АЕВ. 1896; Отчёт о составе, деятельности и средствах Архангельского комитета православного миссионерского общества за 1896 год. Архангельск. Типо-лит. насл. Д. Горяинова. 1897. Из АЕВ. 1897;И.С. [Сибирцев И.М.]. Архангельские иерархи с 1845 по 1871 г. Архангельск. Типо-лит. насл. Д. Горяинова. 1899. Из АЕВ. 1899; Козмин [Ник. Дм.] Двоеверие народа русского, выразившееся в его духовных стихах. Архангельск. Губ. тип. 1900. Из АЕВ. 1900;Козмин Н. Попытки ума человеческого объяснить троичность лиц в едином божестве. Архангельск. Губ. тип. 1900. Из АЕВ. 1900 г. №№ 47, 48, 49;Легатов И. [Илия Иоаннович, протоиерей]. О современных нуждах единоверия и о мерах для сближения старообрядцев с православною церковью. Архангельск. Типо-лит. В. Черепанова. 1905. Из АЕВ. 1905; Бугославский Г. [Григорий]. Рукописные исторические сборники Архангельского епархиального древнехранилища. III. Степенная книга Антониева-Сийского монастыря. Архангельск. 1906. Из АЕВ. 1906; Бугославский Г. [Григорий]. Рукописные исторические сборники Архангельского епархиального древнехранилища. IV. Хроника Мартина Бельского Антониева-Сийского монастыря. Архангельск. 1906. Типо-лит.насл. Д. Горяинова. Из АЕВ. 1906; [Григорий Бугославский]. Рукописные исторические сборники Архангельского епархиального древнехр. V. Исторические сборники других книгохранилищ б. Двинской земли. Архангельск. Типо-лит. насл. Д. Горяинова. Из АЕВ. 1907; Зав-в И.С. О Кожеозёрском монастыре. Корреспонденция с дороги. Архангельск. 1910. Типо-лит. Торг.дома «В. Черепанова Наследники». Из АЕВ. 1910. № 17; Зав-в И.С. О Кожеозёрском монастыре. Архангельск. Тип. В. Черепанова. 1911. Из АЕВ. 1910 № 17; Кириллов Аркадий Васильевич, протоиерей. Монастырь Св. Архистратига Михаила в городе Архангельске. Церковно-исторический очерк. Изд. 2-е. Архангельск. Тип.насл. Заворохина. 1914. Из АЕВ. 1898; Козмин Н.Д. На Новой Земле. К вопросу о русской колонизации острова «Новая Земля» и о церковно-просветительской деятельности среди его обитателей). Архангельск. 1915. Из АЕВ за 1914-1915; Смирнов В., протоиерей. Краткое историческое описание Архангельского Свято-Троицкого собора. Архангельск. Типо-лит. насл. Горяинова. 1915. Из АЕВ. 1915.

[1] В 1851 году преосвященный Варлаам благословил иеромонаха Митрофана и его брата строителя Пармения на возобновление Кожеозёрского Богоявленского мужского монастыря в Архангельской губернии, упразднённого в 1764 году.

[2] Мелетий (Шергин) Михаил Алексеевич (1814-1893). Епископ Архангельский и Холмогорский (1879-1891).

[3] Архиепископ Никанор (Никифор Тимофеевич Каменский) (1847-1910). Епископ Архангельский и Холмогорский (1893-1896).

[4] Сибирцев Иустин Михайлович (1853-1932), историк, археограф. Преподавал в Архангельской духовной семинарии.

обители, 1910), И.С. (Посещение его преосвященством, 1912), А.В. (Страничка из прошлого, 1913) или под псевдонимом: «Почитатель» (50-ти летний юбилей, 1913).

В статье «Текущая духовная литература и журналистика» 1865 г. отмечалось, что «самое меньшее число падает на книги, которые обращаются в среде самого духовенства и его школ»: богословская наука, богословские сочинения, а самое большее на книги популярные, обращающиеся в простом народе и открытых духовенством школах (жизнеописания святых, разные размышления нравоучительного характера)[1].

Графические таблицы как способ изображения статистических сведений наглядно демонстрируют динамику книгопечатания. Согласно издательской статистике, в год в г. Архангельске выходило не более одного-двух изданий духовного содержания. Активной издательской деятельностью частных типографий (В.А. Черепанова, Д. Горяинова, С.М. Павлова) характеризуется период с 1990-х – 1910-х годов.

Год	Количество
1845	2
1846	3
1856	2
1864	3
1878	1
1881	1
1884	8
1885	1
1887	1
1888	1
1889	1
1890	3
1891	3
1892	2
1893	2
1894	6
1891	1
1893	1
1894	4
1895	6
1896	5
1897	4
1899	2
1900	5
1902	8
1903	1
1904	1
1905	3
1906	5
1907	4
1908	3
1909	1
1910	7
1911	2
1912	3
1913	6
1914	7
1915	3
1917	2

[1] *А.В-й*. Текущая духовная литература и журналы. // Книжный вестник. 1865. № 7. 15 апреля. С.136.

С перерывами от 8 до 10 лет с 1845 по 1848 г. вышло 10 изданий (до 1864 г. отпечатанных в «АГВ»).

Первые архангелогородские издания относится к 1845 году - «Речь, произнесённая 7-го октября 1845 года в Архангельском Свято-Троицком кафедральном соборе Варлаамом, епископом Архангельским и Холмогорским и Кавалером, при вручении жезла новопроизведённом Ставропигиальныя Соловецкия обители – архимандриту Димитрию» и «Слово, произнесённое 26-го Августа 1845 года в Архангельском Свято-Троицком Кафедральном Соборе» (Варлаам, 1845); «Важеский богословский монастырь», «О церквях города Шенкурска»[1] (Заринский, 1846). Сброшюрованные оттиски без обложки, титульного листа, текст в две колонки, экземпляры которых находятся в РНБ.

Типичное для северной провинции издание, впрочем, и для всех крупных географических регионов, – это небольшая по объему книга (чаще брошюра) среднего формата, в мягкой цветной обложке (Сибирцев И.М., 1893; Соловьев И.И., 1896; Сибирцев И.М., 1896), украшенной орнаментальной рамкой. Большинство изданий имели скромную, но декоративно-оправданную наборную рамку вокруг заглавия на передней и ту же на задней стороне наборной обложки без всякого текста, иногда с ценой или с дозволительной цензурной надписью (Муравьёв, 1884; Руководитель…, 1884). На некоторых изданиях цензурное разрешение было напечатано на обороте титула (Муравьёв, 1991; 1894; Мелетий, 1896).

Титульный лист нередко отсутствует (Что такое пасха, 1894; Возобновление Михаило-Архангельского, 1895), заглавие издания обычно повторяется на первой спусковой полосе набора. Среди скромных украшений – линейки, концовки и заставки, изредка – инициалы. Средством внешнего убранства служит и шрифтовое оформление заголовка. Страницы текста чаще всего заполняются мелкими компактными шрифтами зауженных начертаний, почти без полей и пробелов. Для текстовых выделений используются различные начертания шрифтов, инициалов. Наиболее эстетическую нагрузку несла обложка, последняя, по большей части, отсутствовала (Варлаам, 1845; Заринский, 1852; Бугославский Г., 1906; Никодим, 1910).

С середины XIX века подчёркивались не только углы (Сибирцев И.М., 1896), но и боковые стороны обрамления (Путешествие преосвященного, 1895; Козмин Н., 1900;) или простая линеечная рамка (Муравьёв, 1884). В оформлении изданий активно использовались виньетки, заставки (Кириллов А., 1902).

Для «оживления» печатно наборной обложки типографы (В.Черепанов, Д. Горяинов) использовали цветную бумагу: мраморную (Варлаам, 1845), вводили «вторую краску»: коричневую – (Заринский, 1852; Муравьёв, 1884), синюю (Руководитель…, 1884; Муравьёв, 1891; Воробьёв В., 1907), светло-зелёную (Муравьёв, 1894; Мелетий, 1896; Соловьев И.И., 1896; Описание…, 1905; И.С., 1912), сиреневую (Григоревский,1897), фиолетовую (Сибирцев И.М., 1899), розовую (Сибирцев И.М., 1896; Козмин Н., 1900; Встреча…, 1913), апельсинового цвета (Путешествие преосвященного, 1895).

Частные типографы, в отличие от типографии губернского правления, уделяли большое внимания оформлению и украшению книг и брошюр, не зависимо от вида издания. Самые разные отчёты (О деятельности приходского совета, 1914) оформлялись в декоративные рамки, с заставками.

В 1917 г. в типографии Д. Горяинова были напечатаны «Журналы Архангельского общеепархиального съезда духовенства и мирян» в серой обложке на папиросной бумаге.

В отличие от светской книги, «духовная книга» оформлялась грамотно. Объясняется это тем, что она проходила через комитет духовной цензуры: На обороте титульного листа значилось: «от СПб ком. Дух. Ценз. Печ. Дозв. Марта 3 дня 1884 года. Цензор Архимандрит Тихон» (Муравьёв, 1884); (Кириллов А., 1902); «От Моск. Дух.-ценз. Комитета печ. Дозволяется. Москва, 19 авг. 1904 года. Цензор. Протоиерей Иоанн Петропавловский» (Описание..., 1905); «От СПб духовного цензурного Комитета печатать разрешается. 4 декабря 1901 г.» (Кожеозёрская обитель. 1910); «От архангельского комитета православного миссионерского общества печатать разрешается. 1894 года Октября 24 дня» (Люгюккяйни священной история, 1895).

[1] На экземпляре – печать: «Из библиотеки М.П. Погодина».

Книги и брошюры печатались в губернских и частных типографиях.

Губернская типография	Тип.-лит. наслед. Д. Горяинова	Типо-литог. Торг. Дома «В. Черепанова Наследники».	Соловецкий монастырь	Типо-литогр. С.М. Павлова	Тип.насл. Заворохина
34	50	16	1	3	1

В частной типографии В. Черепанова[1] вышла брошюра самым большим тиражом – (Крестный монастырь Архангельской епархии. Воззвание к жертвователям 8000 экз.).

Издания губернских типографии представляли сброшюрованные листы статей (чаще всего использовались гранки периодических изданий – губернских и епархиальных ведомостей) со «слепым титулом». Издания, печатавшиеся в губернских типографиях, не были иллюстрированы, т.к. этого не позволяла ни материальная, ни техническая оснащённость. Многотиражные брошюры являлись перепечаткой из периодических изданий – «Епархиальных ведомостей» (Никодим, 1910); «Губернских ведомостей» и др. (I.С.[И.С.]). Посещение его преосвященством преосвященнейшим Нафанаилом, Соловецкого монастыря и г. Кеми. Архангельск. Типо-лит. насл. Д. Горяинова. 1912).

Брошюры (от 4 до 40 страниц) распространялись, главным образом, бесплатно после религиозно-нравственных чтений или продавались за небольшую цену – 10 коп. (Никанор. О синодиках… 1895; Кулаков А.П. Торжественное освящение.., 1911); 12 коп. (Греков А. Жизнь Преподобного… 1891); 20 коп. (Сибирцев И.М. Исторические сведения…, 1993; Житие Никодима…, 1900; Спутник…, 1910); 30 коп. – (Руководитель…, 1884; Легатов И.О современных нуждах…, 1905). Отдельные издания выходили в двух вариантах (Никанор. Старые синодики Антониево-Сийского…, 1896): в переплёте за 15 руб., в мягкой обложке – за 10 коп. Сочинение М.С. Григоревского «Ученик Святого Иоанна Златоуста о браке» (1902), представленное на степень магистра богословия, продавалось за 2 руб. 25 коп.

Цена на книгах и брошюрах указывалась редко. На путеводителе для богомольцев и туристов (Спутник при поездке в Соловецкий монастырь, 1910) цена проставлена на обороте, в центре обложки. Информацию о стоимости изданий печатали в «Книжном вестнике»[2], в «Книжной летописи» (Спутник при поездке, 1910), в «Каталоге магазина духовной и других книг И.Л. Тузова» (Легатов И. Дополнительные уроки…, 1891; Григоревский М., 1902), в «Книжных новостях», ИАОИРС (Лангауэр В.О., 1912) и др.

Издавалась книга на средства и «тщанием» Соловецкого монастыря ([Мелетий, арх.], 1894; [Мелетий, арх.],1896; Двухкратное посещение…,1902), Архангельского Епархиального начальства (Атлас Архангельской…, 1890), Православного миссионерского общества (Люгюккяйни священной история, 1895), Епархиального церковно-археологического комитета (Бугославский Г.К., 1904; Алексий, 1913), Свято-Богоявленского Кожеозерского монастыря (Алексий, 1910). В редких случаях на средства священослужителей (Легатов И. Беседы о церкви, 1890).

В архангельской типографии издателя Виктора Артемиевича Черепанова было выпущено ряд книг (Туашев Н., 1884; Муравьёв А.Н., 1884, 1891, 1894; Руководитель…, 1884; Мелетий, 1896), брошюр и альбомов, содержащих цветные крупноформатные литографии Преподобного Трифона Печенгского, Преподобного Никодима Кожеозёрского, Соловецкой обители (Кольцова, 2006, с.88), черно-белые «Святого Николая чудотворца» (Легатов И. Беседы о церкви, 1890), Кафедрального собора г. Архангельска (Люгюккяйни священной история, 1895). В 1900-е гг. рисунки появляются в самом тексте: «Вид моста, ведущего к восточной стороне Ягановского храма» и «Святой мученик Никита» (Дьяконов Н., 1908).

Типографское дело является одной из областей, где потребность в привнесении художественного элемента ощущается больше с появлением новых современных технических достижений в обществе.

[1] Типография архангельского 2-й гильдии купца Василия Черепанова была открыта в 1872 г.

[2]Книжный вестник. Журнал книжно-торговой, издательской и литературной деятельности в России. СПб. 1884-1916.

В Архангельске во второй половине XIX в. открылось несколько литографий, где монастырь заказывал печатную продукцию: типография и магазин Семёна Павловича Павлова (с 1873), частная типография архангельского купца второй гильдии Виктора Артемьевича Черепанова (с 1871). В заведении последнего выходили книги, выполненные на высоком полиграфическом уровне. В 1885 г. В.А. Черепанов выписал из Мюнхена фотолитографический станок.

В губернских типографиях в конце XIX в. появились первые издания с фотоиллюстрациями. На протяжении нескольких десятилетий литография и фотомеханика мирно уживались на страницах изданий (часто одного и того же), однако литография по-прежнему оставалась наиболее творческой и гибкой.

В начале XX века издания с черно-белыми фотографиями всё чаще выходят в губернских типографиях. В небольшие издания вклеивались «живые» фотографии: «Вид Ягановского храма с южной стороны» (Дьяков Н., 1908), «Соловецкий колокол, возвращённый из плена Великобританского» (Встреча пленного…, 1913).

Историческая	Теоретические труды	Религиозно-нравственная (жития, слова, беседы, поучения, заповеди и т.д.)	Учебные пособия	Путеводители	Отчёты	Миссионерская	Уставы, некрологи и др.
69	4	17	4	1	14	7	9

Из изданий можно выделить несколько групп:

религиозно-нравственная литература для народа (Речи – 1845; Слова – 1845; Беседы – 1890; Жития – 1887, 1891, 1909, 1910; Заповеди – 1906); некрологи – 1852; история описания монастырей, скитов – 1884, 1891, 1894, 1894, 1896, 1897, 1913; посещения обителей (1912), встречи (1913), путеводители (1884) и спутники (1910); очерки – 1902; сборники – 1905; учебные пособия (1878, 1891, 1892, 1895); миссионерская (1884, 1914).

«Спутник при поездке в Соловецкий монастырь» (Спутник…, 1910) предназначался для широкого круга читателей. В нём подробно описаны маршруты, расценки, виды транспорта при поездке в Архангельск и на Соловки; достопримечательности всего острова. Предназначенный, главным образом, для богомольцев и туристов, написан простым, но образным языком.

К уникальным изданиям можно отнести издание книги А.Н. Муравьёва «Подвиги Соловецкой обители» (Муравьёв, 1891), переизданной и напечатанной трижды в типо-литографии В.Черепанова (Муравьёв, 1884, 1891, 1894). На экземпляре РНБ – надпись карандашом: «Соловецкий монастырь. 1892 г. – Июнь»).

Краткая священная история Ветхого и Нового Завета («Люгюккяйни священной история, 1895) была напечатана на русском языке с переводом на корельский язык.

Трижды переизданное, в том числе, и в Москве (1882) и Санкт-Петербурге (1912) «Историческое описание Голгофораспятского скита на Анзерском острове» (Мелетий, 1896).

В единичных экземплярах сохранились брошюрованные издания (РНБ) до 6 страниц 1845 года (Речь…, Слово…, 1845), напечатанные без обложки (или в мягкой обложке) и титула. Согласно собранным данным - 80 процентов всех печатных изданий составляют небольшие брошюры.

Тиражи книг и брошюр были разные: от 100 экз. (газетные оттиски) до 1200 (Руководитель …, 1884), 3600 (Муравьёв, 1884), 5000 (Описание…, 1905). В губернских типографиях печатались «не для продажи» брошюры небольшими тиражами (Варлаам, 1845; Никодим…, 1910). Самыми большими тиражами были напечатаны очерк о посещении Государем Петром Великим Соловецкого монастыря (Двукратное…, 1902), осуществленное по заказу Соловецкого монастыря в Архангельской губернской типографии – 5020 экземпляров и воззвание к жертвователям (Крестный монастырь Архангельской епархии, 1910) – 8000 экземпляров.

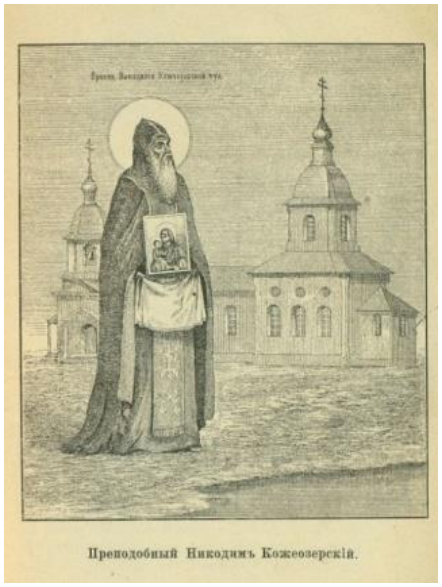
Тираж некоторых изданий возобновлялся по мере необходимости… Так, «Подвиги Соловецкой обители» Андрея Николаевича Муравьёва переиздавались с 1855 по1912 год одиннадцать раз (Москва, Санкт-Петербург), в том числе в архангельской типо-литографии В. Черепанова (Муравьёв, 1884, 1891, 1894). Большая часть литературы была рассчитана на многочисленных паломников: трижды переиздавались описания «Голгофораспятского скита на Анзерском острове» составленные архимандритом, настоятелем Соловецкого монастыря (1879 по 1891) (Мелетием (Москва – 1882, Архангельск – 1896, Санкт-Петербург – 1912). Четвёртым изданием вышло в 1884 г. «Руководство для поклонников по Соловецкому острову».

Начиная с середины 1880-х до началаXX в. небольшая печатная книга стала одной из главных целей издателей форматом в 8, 16 и 32 (Руководитель…, 1884) доли, объемом от 26 до 83 страниц: издания, посвященные истории монастыря (Мелетий, 1894,1896; Григоревский, 1897; Описание…, 1905). А также путеводители для поломников (Спутник…, 1910), которые по настоящее время не потеряли своей актуальности, как исторический источник.

В начале 1900-х годов продолжали выходить малоформатные, общепросветительские брошюры духовного содержания объемом 4 страницы – Жития (Блаженные…, 1909; Никодим, 1910). Такие издания можно характеризовать как предшественников современных буклетных изданий.

Восстановление провинциального книжного репертуара «духовной книги» (сохранившегося в некоторых случаях в единичных экземплярах) позволит дополнить уникальную полноценную источниковую базу по истории духовной книги.

Издания региональных типографий по настоящее время не потеряли своей актуальности как исторический источник и как источник по истории книжного дела.

Преподобный Никодимъ Кожеозерскій.

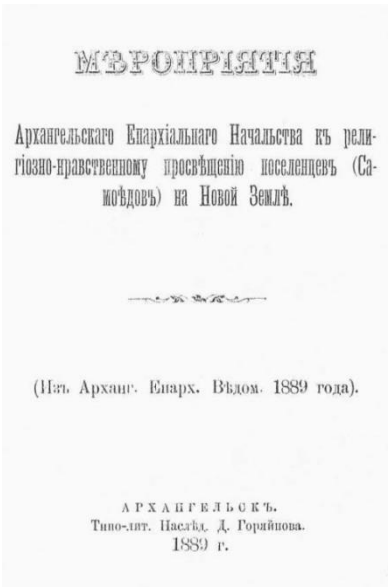
Илл. 1.

Ан. Поповъ.

Мелочи архіерейской жизни XVII—XVIII вв

(Изъ прошлаго Архангельской епархіи).

Илл. 2.

МѢРОПРІЯТІЯ

Архангельскаго Епархіальнаго Начальства къ религіозно-нравственному просвѣщенію поселенцевъ (Самоѣдовъ) на Новой Землѣ.

(Изъ Арханг. Епарх. Вѣдом. 1889 года).

АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Типо-лит. Наслѣдн. Д. Горяйнова.
1889 г.

Илл. 3.

Г. Ж. Бугославскій.

РУКОПИСНЫЯ ЕВАНГЕЛІЯ

ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩА

Архангельскаго епархіальнаго церковно-археологическаго Комитета.

1966 г.

1955

1948

Архангельскъ.
Типо-Лит. Насл. Д. Горяйнова.
1904.

Илл. 4.

Е. Никанор.

СТАРЫЕ СИНОДИКИ

Антоніево-Сійскаго

МОНАСТЫРЯ.

(Архангельской губ., Холмогорскаго уѣзда).

АРХАНГЕЛЬСКЪ.
Типо-лит. Наслѣдн. Д. Горяйнова.
1888.

151422

Илл. 5.

В.Г. Кондратьева (г. Санкт-Петербург)

Синефонные прялки Нижнего Поонежья

Памятники народной живописи Поонежья – обширной территории по берегам реки Онеги и её притоков – уже давно введены в научный оборот и достаточно полно изучены. Однако, справедливо это, в первую очередь, по отношению к региону Верхнего Поонежья – Каргополья, входившему ранее в состав Олонецкой губернии.

Так, имена мастеров, занимавшихся росписью домов и прялок, были выявлены в 1949-1950-х годах экспедицией Государственного исторического музея под руководством Н.Р. Левинсона и Н.А. Маясовой, обследовавшей Ошевенскую волость[1].

В 1963 г. экспедиция Государственного Русского музея под руководством Н.В. Мальцева впервые выделила в особую группу прялки, изготовлявшиеся в селениях по реке Онеге в районе с. Конёво, которые исследователями были изучены и названы конёвскими прялками[2]. В этом же году экспедиция выявила и изучила другую группу каргопольских прялок, названных кенозерскими – изготовлявшимися на берегах Кенозера и притока Онеги реки Кены[3].

Изучением резьбы и росписи по дереву Каргополья занимались экспедиции Загорского музея (О.В. Круглова, 1963)[4], Научно-исследовательского института художественной промышленности (В.М. Вишневская, 1963; аспирант В.Б. Вольпина, 1968), Государственного Эрмитажа (И.Н. Уханова, 1964), Архангельского музея изобразительных искусств (М.В. Миткевич, В.П. Соломина, 1967), Архангельского краеведческого музея (Т.Н. Яковлева, 1967; Ю.П. Прокопьев, 1969), Архангельского музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» (В.А. Шелег, 1978).

В последние десятилетия изучением творчества каргопольских мастеров наиболее активно занимались сотрудники Государственного Русского музея[5] и сотрудники Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея[6].

Народная живопись Нижнего Поонежья – территории от устья реки Онеги, впадающей в Белое море, до селения Турчасово – региона, входившего в Онежский уезд Архангельской губернии, напротив, изучена крайне слабо и не нашла должного освещения в научной литературе. Практически нет публикаций, посвящённых народным росписям Нижнего Поонежья. Поэтому в рамках настоящей статьи будет представлена группа ранее не публиковавшихся памятников – синефонных прялок, происходящих из кустов деревень Нижнего Поонежья.

Прялки этого типа с росписью, выполненной по синему фону, есть в собраниях Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства, Государственного Русского музея, Архангельского краеведческого музея, Государственного музейного объединения «Художественная культура Русского Севера», Соловецкого историко-архитектурного и природного музея-заповедника, Онежского историко-мемориального музея. Экспедиции этих музеев в разные годы работали в Нижнем Поонежье.

В этой коллекции известны датированные памятники. Самая ранняя дата – на прялке из собрания Архангельского краеведческого музея. Её фиксирует надпись, вырезанная на донце:

---

[1] Левинсон Н.Р., Маясова Н.А. Материальная культура Русского Севера в конце XIX – начале XX века. (Каргопольская экспедиция 1950 г.) // Историко-бытовые экспедиции 1949-1950 гг. Сборник. М., 1953. С. 11, 14.

[2] Мальцев В.Н. Типы народной художественной резьбы в бывшей Олонецкой губернии // Советская этнография. 1974. № 4. С. 93.

[3] Мальцев В.Н. Типы народной художественной резьбы в бывшей Олонецкой губернии // Советскаяя этнография. 1974. № 4. С. 97.

[4] Круглова О.В. Русские прялки. Каталог. Чехов,1971.

[5] Тарановская Н.В., Алексеева О.В. Резьба и роспись по дереву // Народное искусство Каргополья. Сборник. СПб.: Palace Editions, 2006. С. 27-41.

[6] Каргопольское путешествие. Семь маршрутов по севернорусской земле с Каргопольским историко-архитектурным и художественным музеем. М.: Программа «Первая публикация» Некоммерческой благотворительной организации «Благотворительный фонд В. Потанина», 2014.

«1866 года сенте 17 дн.»[1]. На нескольких прялках, датированных семидесятыми и восьмидесятыми годами XIX столетия, даты написаны краской[2].

Анализ информации о прялках в собраниях музеев и архивных материалов позволяют определить куст деревень, где была распространена роспись этого типа в Нижнем Поонежье – это Мардинская и Кокоринская волости Онежского уезда Архангельской губернии, население которых было православным. По одному старообрядцу мужского пола проживало в Подпорожском и Кожском приходах[3].

Уже с XVIII века в Нижнем Поонежье – Онежском уезде развивается отход («отлучка»), прежде всего – на лесоразработки как внутри уезда, так и за пределы губернии. Так, в 1866-1867-х годах в Кирилловской волости, где отходничеством занимались 110 человек, совокупный доход от этого промысла составил 1904 рубля[4]. В Наволоцкой волости – 373 человека получили доход 11404 рубля[5], в Посадной волости 783 человека – 77514 рублей[6], в Кокоринской волости 223 человека – 12805 рублей[7].

В Мардинской волости приоритет отдавали бурлачеству, которым были заняты 1125 человек (доход – 29975 рублей), население здесь занималось также звероловством и птицеловством, рубкой леса и солеварением[8].В Кокоринской волости помимо отходничества были распространены мореходство, рыбная ловля, рубка и сплав леса[9].Таким образом, в XIX веке почти всё трудоспособное мужское население с весны до глубокой осени уходило из деревни, что вело к деградации земледелия и исчезновению крестьянских промыслов[10].

В отличие от Нижнего Поонежья, Верхнее Поонежье – Каргополье – один из густо населённых уездов Олонецкой губернии, основное занятие населения которого было земледелие в сочетании с кустарными промыслами и домашними ремеслами. Отходничество здесь также получило развитие, но в отход уходило избыточное население, земледелие оставалось основой благополучия крестьянской семьи[11].

Именно эти различия в организации хозяйственной жизни двух регионов Поонежья во многом определили пути развития здесь искусства народной росписи по дереву во второй половине XIX столетия.

Отличительная особенность исследуемой нами группы прялок – тёмно-синий фон росписи. Можно предположить, что подобная приверженность к синему фону происходит от особо почитаемой иконы в Нижнем Поонежье. Это икона XVI века из села Верхняя Мудьюга «Богоматерь Одигитрия, со святым Георгием и избранными святыми». Изображения святых здесь представлены в традициях ростовской иконописи – на глубоком темно-синем фоне. Позднее – во второй половине XVII века – икона была заключена в живописную раму с акафистом Богоматери, а в XIX веке закрыта металлическим окладом[12].

Согласно исследованиям искусствоведа Т.М. Кольцовой, из деревень Мардинской волости Нижнего Поонежья происходят крестьянские иконописцы. Уроженец деревни Огрушинской Михаил Алексеев в XVII столетии возглавлял иконописную артель вотчины Крестного монастыря[13]. В XVIII – начале XIX века на Онеге работала иконописная артель Ивана Иванова Богданова-Карбатовского (1716-1801). Приставка Карбатовский к фамилии иконописца свидетельствует о его происхождении из деревни Карбатово Чекуевского прихода Мардинской волости на Онеге[14]. В разные годы в составе артели работали жители онежских деревень: Иван

[1] Прялка АОКМ. КП-4378.
[2] Прялки 1873 г.: ОИММ КП-1879, ОИММ КП-4837, ОИММ КП-3763; Прялка 1882 г. ОИММ КП-4351.
[3] ГААО. Ф. 29. Оп. 1. Т. 1. Д. 784. Л. 13;Ф. 29. Оп. 2. Т. 3. Д. 468. Л. 10.
[4] ГААО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 151. Л. 21.
[5] Там же Л. 34.
[6] Там же Л. 20.
[7] Там же. Л. 6.
[8] Там же. Л. 12.
[9] Там же. Л. 6.
[10] Шелег В.А. Промыслы, ремесла, торговля и пути сообщения Каргополья и Онеги во второй половине XIX–начале XX вв. // Тематико-экспозиционный план Каргопольско-Онежского сектора. 1985. Научно-технический архив ФГБУ музея «Малые Корелы». Ф.1. Оп. 1. Д. 1206. Л. 16–17.
[11] Там же. Л. 16.
[12] Кольцова Т.М. Иконы Северного Поонежья. М.: «Северный паломник». 2005. С. 22.
[13] Кольцова Т.М. Иконы Северного Поонежья. М.: «Северный паломник». 2005. С. 39-40.
[14] Там же. С. 45.

Васильев Минин (1747 – после 1811), Иван Алексеев Богданов-Карбатовский (1761-1835), Григорий Федоров Максимов (1760-1833), Филипп Яковлев Поликарпов (1764 – после 1812). Артель на протяжении почти столетия была ведущей в иконописной культуре бассейна реки Онеги[1].

В первой половине XIX века продолжали сохранять традиции онежской артели младшие из учеников И.И. Богданова-Карбатовского и их последователи. Традиции были поддержаны отцом, сыном и внуком Максимовыми, крестьянами деревни Лемпиевской Мондинского прихода Мардинской волости Онежского уезда. Младший из иконописной династии – Алексей Павлов Максимов (умер в 1887 г.), сын П.Г. Максимова, как и отец постоянно проживал в Мондинском приходе Онежского уезда. Он работал один, без товарищей в основном – на «поновлении» иконостасов в церквах Пиялы и Малошуйки[2].

В XIX столетии в отсутствие иконописных заказов мастера не гнушались и «малярной» работы, стали постепенно переходить к домовой росписи, украшению предметов домашнего обихода. Тем самым иконописные традиции стали базой для формирования в XIX веке профессиональной среды мастеров северной народной росписи по дереву[3].

Итак, росписью на бытовых предметах из дерева занимались живописцы, иконописцы и маляры. Уточним, прежде всего, кого называли малярами. Необходимо отметить, что в разные периоды времени само понятие «маляр» меняло оттенки своего значения. Слово «маляр» (старое написание – моляр) происходит от немецкого «Mahler», что означает живописец, впервые было употреблено в русском языке в 1665 году[4]. В XVII веке малярами называли мастеров, расписывавших что-либо красками, живописцев[5]. Понятия маляр и живописец были в ту пору тождественны, означали один уровень мастерства.

Во второй половине XIX века толкование слова «маляр» было уже несколько иным. В знаменитом словаре Владимира Даля читаем: «Маляр – слово иностранного происхождения – см. «малевщик». Малевщик – ремесленный живописец, особенно по раскраске по готовому, колеровщик, занимающийся размалёвкою чёрных картин. Маляр – грубый, простой живописец, малевальный мастер, ремесленник, занимающийся окраской и размалёвкой комнат, повозок»[6].

В конце XIX – начале XX века малярами называли ремесленников, занимавшихся росписью, окраской, разделкой окрашенных поверхностей «под дерево», «под мрамор», разрисовкой узоров и надписей через трафарет как экстерьеров, так и интерьеров домов, культовых сооружений, а также мебели и предметов быта. Имена некоторых мастеров нам удалось выявить в документах Государственного архива Архангельской области.

Источники 1865-1866 гг. сообщают о проживании в Кокоринской волости в деревне Наумовской (второе название Потайбалье) Подпорожского прихода двух маляров[7]. В деревне Карельской Порожского прихода в 1865 г. проживал один маляр[8]. Согласно материалам Всероссийской переписи населения в 1897 г. в той же деревне проживал и работал маляр – хозяин Галасьев Емельян Петров, 50 лет[9]. В 1897 г. в деревне Павловской (она же Мала Сторона) Порожского прихода, проживал и работал иконописец подмастерье Воронцов Иван Фёдоров, 22 года[10].

В Мардинской волости в 1897 г. в деревне Каменской Мондинского прихода жил иконостасный мастер Овчинников Степан Андреев, 70 лет[11].В этой же деревне жил другой мастер, назвавший себя при переписи столяром, но оставивший на расписанных им вещах своё имя. Это – Овчинников Иван Ефимов, 51 год, и его сын, помощник Овчинников Алексей Иванов, 19 лет[12]. В собрании Всероссийского музея декоративно-прикладного и народного искусства есть

[1] Там же. С. 50.
[2] Там же. С. 53.
[3] Там же.
[4] Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1967. С. 565.
[5] Словарь русского языка XI-XVII веков. Вып. 9.М., 1982. С. 24, 257.
[6] Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2.М., 1956. С. 296.
[7] ГААО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 133. Л. 172 об.
[8] ГААО. Ф. 6. Оп. 9. Д. 133. Л. 159.
[9] ГААО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 110. Л. 499-499 об., 554.
[10] Там же. Л. 344, 421.
[11] ГААО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 107. Л. 28–29.
[12] Там же. Л. 62-63.

предметы с оставленными подписями мастеров. Это, находящиеся в экспозиции, сани-пошевни с росписью по белому фону и надписью «Иванъ Ефимовъ Овчиниковъ ·ра·кр·» (Иван Ефимов Овчинников работал, красил). Сани были приобретены в музей старшим научным сотрудником Т.М. Олейник в деревне Поле Мардинской волости. Синефонная прялка, расписанная его сыном с надписью на обороте: «Краси Алысой Овчиниковъ» (Красил Алексей Овчинников)[1]и другая прялка, расписанная отцом, были приобретены в деревне Сельский Бор той же волости. Всё это свидетельствует о том, что мастера выполняли заказы жителей соседних деревень.

По материалам переписи 1897 г. в Кожеозерском Богоявленском мужском монастыре проходил послушание Тимофеев Иван Михайлов, 30 лет, родом из Новгородской губернии. Основное занятие богомольца было пономарство (пономарь), дополнительное – экипажный маляр[2]. В подмастерьях у И.М. Тимофеева по малярному делу проходил шестнадцатилетний богомолец на послушании из Мардинской волости, Гаврилов Павел Андреев, помощник конюха[3].

Остановимся на характеристике прялок. Прялки Нижнего Поонежья вырубались и вырезались из ели или сосны. В отличие от прялок Верхнего Поонежья с достаточно массивными лопастями и укороченными ножками, прялки Нижнего Поонежья имеют более миниатюрную лопасть и высокую стройную ножку. Это цельные, то есть комлевые (копыльные) прялки, или составные, где стояк с лопастью соединен «в шип» с донцем, но форма прялок повторяет форму комлевых прялок. Стройные лопасти прялок имеют прямоугольное завершение или заканчиваются тремя выступами, образованными двумя дугообразными выемками. Боковые края лопастей с профильной обработкой, окрашены в красный цвет, фон синего цвета[4].

Излюбленными тонами фонов прялок в Поонежье были зеленый, голубовато-зеленый, позднее коричнево-красный. Прялки с синими фонами встречаются на территории Карелии, Карельского и частично Поморского берегов Белого моря.

Прялки декорированы в технике свободной кистевой росписи, то есть выполненной кистью от руки без предварительного рисунка. Технической основой этой росписи является свободный кистевой мазок с белильными оживками. Роспись выполнялась масляными красками.

Свободная кистевая роспись была широко распространена в центральной России, на Русском Севере, Урале, Алтае и Сибири[5]. Манера свободной кистевой росписи своими корнями уходит в искусство Древней Руси, в культуру Древнего Новгорода. В XVIII столетии она была обогащена мотивами красочной книжной миниатюры, получившей своё развитие в Выго-Лексинском общежительстве. После его закрытия в середине XIX века, монастырские художники в одиночку и артелями уходили на заработки, пополняя армию сельских ремесленников. Их искусство вошло в быт русского населения Заонежья, Поморского и Карельского берегов и ближайших к нему районов Архангельской и Олонецкой губерний[6].

В основе росписи прялок – два вазона с растущими из них букетами цветов. Вазоны с букетами симметрично расположенных цветов, характерны для периода классицизма, но активно использовались в народных росписях второй половины XIX столетия. В центре букета – стебель с красными круглыми цветами, напоминающими розы, цветами-розетками, бутонами и небольшими полевыми цветами с тычковыми лепестками симметрично расположенными по сторонам. Белильные оживки на круглых цветах – розанах выполнены с разной степенью мастерства. На ряде прялок отсутствуют вазоны, но композиция из двух букетов с центральным стеблем, с цветами и изогнутыми листьями остается. На одной из прялок в собрании

[1] ВМДПНИ. КП-9879. Инв. ДДР-589. (Прялка)
[2] ГААО. Ф. 6. Оп. 18. Д. 108. Л. 437–438.
[3] Там же. Л. 439-440.
[4] СГИАПМЗ. КП-3499.Инв.Д-21; КП-2107.Инв. Д-22; КП-6903. Инв.Д-966. АОМИИ. КП-2978. Инв.Д-634; КП-621. Инв.Д-182; КП-2979. Инв.Д-635; КП-929. Инв.Д-41; КП-924. Инв.Д-39; КП-925. Инв.Д-40; КП-456. Инв.Д-186; КП-926. Инв.Д-46. ОИММ. КП-561; КП-562; КП-938. Инв.Д-32; КП-1818; КП-1877; КП-4568; КП-4780; КП-5731/1; КП-6069.
[5] Вишневская В.М. Свободные кистевые росписи // Русское народное искусство Севера. Сб. статей. Л. 1968. С. 7-8, 17.
[6] Вишневская В.М. Свободные кистевые росписи… С. 10-16; Уханова И.Н. Резьба и роспись народных мастеров северо-западного Поморья // Фольклор и этнография Русского Севера. Сборник статей. Л., 1973. С. 117-118.

Соловецкого музея-заповедника по сторонам центрального тюльпанообразного цветка написаны две сидящие птички[1].

В росписи ряда прялок присутствуют книжные орнаменты. На прялках – мотив чашечки цветка и пары листьев с плодами, напоминающими виноградную гроздь, в обрамлении длинных изогнутых листьев, бутонов и плодов северной розы – шиповника. Все орнаментальные мотивы обведены тонкими коричневыми линиями, создающими эффект графически проработанного обрамления. Гамма росписей состоит из нежных жёлтых, коричневых и красных тонов[2].

Широко распространенные в декоративно-прикладном искусстве второй половины XIX века цветущие деревья, вазоны с цветами были очень популярны, связывались в народе с пожеланием счастья.

В начале XX века появляются композиции с одним изогнутым стеблем, растущим из вазона, с мелкими ассиметрично расположенными цветами. Росписи демонстрируют стремление народного художника творить в соответствии с веяниями стиля модерн, господствующего на рубеже XIX-XX веков[3].

Среди синефонных прялок выделяется одна прялка, расписанная по белому фону с двумя деревьями, напоминающими процветшие деревья, изображающие обычно рай на иконах. На прялке дата«1880 год». На обороте прялки по синему фону изображено красно-охристое древо с мелкими круглыми плодами. Прялка была вывезена из деревни Хачела Мардинской волости и находится в собрании Онежского историко-мемориального музея[4].

Прялки Нижнего Поонежья демонстрируют многочисленные варианты исполнения росписи одного типа композиции. Мастера, декорирующие их, в разной степени владели искусством росписи на бытовых предметах. Росписи многих прялок из собрания музеев носят профессиональные черты. Но, кем бы ни выполнялась роспись на этих прялках, она привлекает своей выразительностью, порой бьющей яркостью красок, порой тонким чувством гармонии мягких приглушённых тонов красок.

Илл. 1. Прялка. Вторая половина XIX века. Поступила из деревни Мондино Чекуевского с/с Онежского района Архангельской области. Собрание Соловецкого музея-заповедника.

Илл. 2. Прялка. Вторая половина XIX века. Поступила из деревни Мондино Чекуевского с/с Онежского района Архангельской области. Фрагмент. Собрание Соловецкого музея-заповедника.

Илл. 3. Прялка. Последняя четверть XIX – начало XX века. Поступила из деревни Грибаниха Кокоринского с/с Онежского района Архангельской области. Собрание Соловецкого музея-заповедника.

[1] СГИАПМЗ. КП-2096. Инв.Д-20.
[2] ОИММ. КП-324. Инв.Д-35; КП-1789. Инв.Д-33; КП-3490.
[3] СГИАПМЗ. КП-6904. Инв. Д-967.
[4] ОИММ. КП-284.

Илл. 4. Прялка. Последняя четверть XIX века. Собрание Онежского историко-мемориального музея.

Илл. 5. Прялка. Начало XX века. Поступила из деревни Мудьюга Чекуевского с/с Онежского района Архангельской области. Собрание Соловецкого музея-заповедника.

Илл. 6. Прялка. 1880 год. Поступила в музей из деревни Хачела Хачельского с/с Онежского района Архангельской области. Собрание Онежского историко-мемориального музея.

Е.В. Ворожцова (г. Южно-Сахалинск)

Произведения народного искусства Каргополья в фондах Сахалинского областного художественного музея

Сахалинская область находится на самой окраине России, если смотреть из столицы, на краю земли. Геополитическое положение островного региона, имеет свои особенности - соседство с Японией, Кореей, Китаем. Создание условий, при которых жители Сахалинской области не будут ощущать себя оторванными от русской национальной культуры, фундаментальной частью которой является народное искусство - одно из направлений деятельности Сахалинского областного художественного музея (СОХМ). Задачи выставок и экспозиций, посвящённых русскому декоративно-прикладному искусству – демонстрирование образцов художественной культуры русского народа, многообразия локальных вариантов художественных школ, образов и сюжетов народного искусства, формировавшихся в течение сотен и тысяч лет. Произведения народного искусства являются неотъемлемой часть национальной культуры, открывают особый мир, связанный с бытом, трудом, восприятием жизни людей.

Коллекция декоративно-прикладного искусства в фондах СОХМ, образованного в 1983 году, начала формироваться с 1986 года и насчитывает более 2600 единиц. Это работы мастеров русских художественных промыслов: богородская и абрамцево-кудринская резьба по дереву, искусство Хохломы и Городца, керамика знаменитых промыслов Гжели, Скопина, каргопольская, дымковская, филимоновская глиняная игрушка, изделия из кости Холмогор, Тобольска, Чукотки и Якутии, коллекция лаковой миниатюры Федоскино, Палеха, Мстеры и Холуя, произведения ростовской финифти и казаковской филиграни, жостовские подносы, различные виды народной вышивки и кружевоплетения.

Среди значимых поступлений в коллекцию ДПИ в первые годы существования музея можно отметить глиняную игрушку, авторскую и традиционную современную (созданную художниками народных промыслов). В 1988 г. музеем была приобретена дымковская, филимоновская, каргопольская игрушка. С течением времени увидели, что в антикварных магазинах и у частных коллекционеров возможно закупать ещё и предметы старины.

Произведения народного искусства II пол. XIX – I пол. XX века

Комплектование коллекции предметами народного искусства по многим направлениям было также начато и в Каргополе. Наш молодой островной музей имеет ограниченные возможности по комплектованию в силу исторических особенностей. Сахалинская область – регион позднего русского заселения, старинные художественно украшенные предметы русской культуры можно встретить крайне редко, поэтому приобрести и показать подлинные предметы народного искусства жителям Сахалина очень важно.

Народное искусство Русского Севера сыграло значительную роль в развитии русской художественной культуры. На протяжении многих столетий складывались его художественные традиции. Воплощение общерусской идеи торжества добра и красоты мира имело здесь особую жизнеутверждающую силу и величие.

Наследие Каргополья составляет богатейшая крестьянская культура. Особенности географических и климатических условий формировали характерный для этого региона круг ремёсел: резьба и роспись по дереву, вышивка, ткачество, гончарный промысел.

Приобретённый в командировке в г. Каргополь в 2007 г., во время транспортировки выставки «Тепло женской души» из фондов Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея,сарафанный комплекс стал первым подлинным старинным традиционным костюмом в коллекции СОХМ. Комплекс традиционного русского северного женского костюма, включающий в себя рубаху женскую из пестряди кон. XIX- нач. XX века[1], косоклинный льняной пинежский сарафан кон. XIX- нач. XX века[1], пояс с кистями нач. XX века[2], поступил из антикварного магазина.

[1] СОХМ. КП-7956, ДПн-2675.

К коллекции костюма можно отнести орнаментированный подол – одна из наиболее украшаемых частей рубахи, мог перешиваться с изношенной на новую рубаху. На подоле рубахи[3], созданной в технике браного ткачества, изображены женские фигуры и ромбы. Русский орнамент связывают с олицетворением сил природы и земледельческим культом и видят в нём сцены поклонения женскому божеству земли и плодородия. Женское изображение отождествляют с матерью-сырой землёй. Чередующиеся «девы» с поднятыми руками «матери» с опущенными имеют тесную связь со славянскими роженицами. Обращает на себя внимание соединение женских изображений с ромбом, символизирующим плодородие[4].

В 2009 г. удалось найти для закупки каргопольский кокошник XIX века, представляющий уникальное произведение искусства - праздничный головной убор замужней женщины украшен бисером, жемчугом, галуном, перламутром[5], ***(илл. 1)*** и платок, украшенный растительным орнаментом, выполненный в технике золотного шитья[6], ***(илл. 2).***Удивительные по красоте, неповторимые по форме праздничные женские головные уборы – золотные платки и жемчужные кокошники созданы руками местных мастериц. Праздничный головной убор поражает своим богатством и великолепием. Очелье и опускающиеся на виски «пауши» кокошника выложены речным жемчугом, бисером, перламутровыми плашками. Тяжёлая, многорядная поднизь из жемчуга или перламутра обрамляют убор, мерцающие переливы которого придают ему необычайно нарядный вид. Вышитый золотными нитями белый коленкор платка подчёркивает богатство головного убора. Иногда золотные платы одевали на девичьи перевязки[7]. Промысел золотошвейных платков в Каргопольском уезде был развит всю вторую половину XIX в. и прекратил своё существование в начале XX столетия. Кокошник и золотный плат были частью праздничной одежды. Каргопольский уезд Олонецкой губернии (ныне Архангельская область) – богатейший край народной вышивки, равным которому вряд ли можно найти среди районов России.

В коллекции художественного текстиля можно выделить особую группу произведений декоративно-прикладного искусства - полотенца. До 2007 г. художественно украшенные полотенца в коллекции СОХМ представляли произведения современных художественных промыслов, датируемые II пол. XX в. - поступления из НИИ художественной промышленности. Первые предметы, отмеченные «печатью времени», появились благодаря закупкам из Каргополя. Позднее комплектование было продолжено подобными предметами к. XIX – нач. XX в., приобретёнными в Великом Устюге, Котласе, Москве.

Произведения, выполненные в технике браного ткачества, характеризует плотный рисунок геометрического орнамента красного цвета с такими элементами, как ромбы и косые кресты. Одно из полотенец[8], отличает яркий насыщенный колорит – красный, синий, розовый, зелёный цвета полос узора создают праздничное настроение. Всего из Каргополя поступило 6 полотенец, одно из них – современное, выполненное на ручном ткацком стане Т.В. Паниной в 2007 г.

В разделе художественной обработки металла представлены такие произведения, как ендовы и светцы. Все они поступили из Архангельской области, первые предметы – непосредственно из Каргополя. Ендова[9] из коллекции СОХМ напоминает о временах, когда при праздничных застольях эти предметы служили для подачи и разливания хмельных напитков. Из ендовы наливали в питьевые сосуды вино, пиво, мёд, брагу и другие напитки. Ендова бытовала на Руси до начала XX века.

Приобретённый в 2008 г. втычной светец кон. XIX- нач. XX в. - старинный осветительный прибор, в форме которого угадывается образ цветка[10]. Светец, привезённый из Каргополя, отличается лаконичной, но в то же время, выразительной формой. Крестьянское искусство,

---

[1] СОХМ. КП-7957, ДПн-2706
[2] СОХМ. КП-8007, ДП-2752
[3] СОХМ. КП-9912, ДП/н-3602
[4] Изобразительные мотивы в русской народной вышивке. Музей народного искусства. М.: Советская Россия, 1990. С. 6-11
[5] СОХМ. КП-8736, ДПн-3096
[6] СОХМ. КП-9127, ДПн-3265
[7] Как сделать золотный плат //Чудесные мгновения. Традиционный костюм. Выпуск 2 (6). 2005. С. 28
[8] СОХМ. КП-7963, ДП/н-2712
[9] СОХМ. КП-7950, ДП/н-2699
[10] СОХМ. КП-8342, ДПн-2881

связанное с художественным оформлением народного быта, оставило нам оригинальные произведения, выполненные в технике кованого железа. Железно-кованые «светцы» - подставки для лучин, заслуживают внимания не только как памятники материального быта старой России, но и как произведения кузнечного мастерства, как одной из выдающихся отраслей народного художественного творчества[1].

В 2007 г. во время командировки в Каргополь у частных владельцев были выбраны для коллекции музея две прялки вологодского типа, цельной (неразъёмной) конструкции, на которой украшали преимущественно лопасть. Данные произведения народного искусства демонстрируют местные особенности резьбы и росписи по дереву. До этого в фондах СОХМ имелись только два прялочных городецких донца.

Резьба и роспись по дереву в Каргопольском уезде родственны традициям этих видов народного искусства, веками формировавшихся в Новгородской, Олонецкой, Архангельской, Вологодской и Тверской губерниях. В Каргопольском уезде эти виды народного искусства представлены трехгранно выемчатой резьбой и цветочной свободной кистевой росписью[2].

Форма прялок в верховьях Онеги, около Каргополя и на запад от него на Кенозере, а также в Лядинах, очень характерна, и восходит к наиболее древним типам: они имеют очень низкую ножку, а полотно широкой ножки спускается к её основанию[3]. Различны по сложности композиции с многолепестковыми цветами, написанные в полихромной гамме с множеством светлых оживок, с точечной обводкой, иногда на излюбленном зеленом фоне. Одна из поступивших из Каргополя прялок, с невысокой фигурной ножкой, украшена резьбой и росписью с изображением круглых розеток, ромбической сетки, цветов[4]. Цвета росписи: жёлтый, красный, бордово-коричневый, оранжевый, белый, чёрный на светло-синем фоне. Обратная сторона украшена только небольшой росписью в виде цветов. Вторая, приобретённая там же прялка, декорирована геометрической резьбой с орнаментом в виде кругов, треугольников, полос[5]. У неё спилена верхняя часть лопасти, предположительно с зубцами.

Произведения народного искусства II пол. XIX – I пол. XX в. (порядка 25 предметов), приобретённые в Каргополе в период с 2007 по 2013 год, представляющие предметы текстиля, металла, дерева составляют небольшой, но интересный и значимый для коллекции СОХМ комплекс.

Произведения традиционных художественных производств II пол. XX века

В 1988 г. сотрудники музея А.М. Марамзина и Л.А. Голованова во время первой экспедиции музея посетили три художественных промысла народной глиняной игрушки: с. Филимоново Одоевского района Тульской области, г. Каргополь Архангельской области и г. Киров. Это была первая экспедиция музея. Приобретённая каргопольская игрушка была представлена династией Шевелевых, которой она во многом обязана своим развитием. 4 игрушки Клавдии Петровны Шевёлевой, 19 – Дмитрия Васильевича, 14 игрушек Анны Федоровны Шевелёвой, 39 – Валентина Дмитриевича.

По словам А.М. Марамзиной, курировавшей коллекцию декоративно-прикладного искусства СОХМ, архаичность, близость к образам первобытного искусства, скупая роспись, присущие каргопольским игрушкам, присутствуют в работах мастеров супругов – В.Д. и А.Ф. Шевелёвых «Вороны в лодке», «Возок», «Олень со ступой», «Полкан». Реально ощутима архаичность фигурок женщин с птицами, ребёнком, пирогами: строг и неулыбчив их взгляд, сдержанны и значительны их позы. Впечатление усиливает геометрический орнамент из крестов, кругов и овалов – символических знаков солнца и земли. Наряду с такими игрушками

[1] Кованые железные светцы XVII-XIX веков из собрания Государственного исторического музея. Москва: Исторический музей, 2013, 236 с., илл., с. 8.
[2] Тарановская Н.В., Алексеева О.В.. Резьба и роспись по дереву / Государственный Русский музей представляет: Народное искусство Каргополья. Альманах. Выпуск 142. Спб, Editions, 2006. С.27.
[3] Прялки. Каргопольская кистевая роспись //Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей. Каталог-путеводитель / Изд., сост. С. Митурич. М.: Три квадрата, 2011. 152 с.: илл, фот., с. 105.
[4] СОХМ. КП-7962, ДП/н-2711.
[5] СОХМ. КП-7961, ДП/н-2710.

существуют и другие, с заглаженными пластическими формами, бытовыми и сказочными сюжетами: «Конёк» А.П. Шевелёва, «На водопое», «Лисичка» К.П. Шевелёвой, «Чаепитие», «Возок» А. Кононовой. В этой коллекции можно отметить игрушки - обварную и поливную, созданную по старинным образцам. Дополнили коллекцию игрушки изделия гончарного цеха п/о «Беломорские узоры» - 42 единицы. Авторы: О.А. Дикаревская, С.И. Рябов, А. Самодульская, И.Б. Петровская, С.Н. Яковлева, М. Тяглова, Е.А. Пискунова, К.П. Шевелева,
Н.П. Шевелёв. Собранная коллекция, дополненная народными игрушками, приобретенными в 1989 г. у московского коллекционера Г. Блинова, позволила при открытии музея в отреставрированном здании бывшего банка создать отдельную экспозицию «Народная глиняная игрушка», принятую зрителями с большим восторгом[1].

Сегодня работы каргопольских мастеров известны широкому кругу любителей искусства. Яркая и выразительная, игрушка привлекла внимание многочисленных этнографов, искусствоведов и художников. Каргопольская игрушка как художественное явление по праву занимает одно из первых мест среди своих российских собратьев – дымковской, филимоновской, абашевской и других. В каргопольской игрушке с большой художественной силой отразилось мировоззрение и эстетические идеалы русского крестьянства[2]. В пластике и орнаменте каргопольских «баб» сохраняются черты, присущие, например, изображениям древних земледельцев[3]. Мужские фигурки представляют стоящих или сидящих крестьян и солдат, которые курят трубку, играют на гармони, широко расставив ноги и изогнув стопы, что делает их устойчивее. Роспись лица состоит из намеченных чёрной краской глаз, борода наведена чёрными или красными полосами[4]. Любят мастера лепить гармонистов, балалаечников. Глиняная игрушка Каргополья – лишь одна из многих составных частей духовной жизни русского народа.

Фигурки каргопольской игрушки приземисты, как правило, окрашиваются тёмными тонами, сплошными локальными пятнами. Кресты, ромбы, овалы, круги – не просто узор, а символические знаки, сохранившие древние следы культа Солнца и земли. Поэтому так значительны каргопольские игрушки – их художественным языком выражена взаимопроникающая связь мира природы и мира человека. И язык этот во многом близок самой природе. Сдержанная спокойная роспись – это благородные краски северной природы[5]. Простота произведений народных мастеров – кажущаяся. За этой простотой – опыт многих поколений художников, их чуткость к материалу, форме, цвету.

Произведения традиционных художественных производств Каргополья второй половины XX века в СОХМ включают в себя коллекцию глиняной игрушки (порядка 128 единиц) с момента своего появления в музее активно используются в лекционной и экспозиционно-выставочной работе. ***(илл.3)***

Произведения народных промыслов XXI века

Комплектование художественными произведениями декоративно-прикладного искусства Русского Севера было продолжено в XXI веке. При согласии Каргопольского историко-архитектурного и художественного музея на экспонирование замечательной выставки «Тепло женской души» в Южно-Сахалинске, сотрудники СОХМ получили возможность вновь побывать в Каргополе в 2007 г. Сотрудничество продолжилось и позднее в 2013 г., когда в Каргополе демонстрировалась выставка с Сахалина «Остров рыбы в дальнем море». Каждый визит в Каргополь старались использовать для возможного пополнения фондов. Комплектование произведений XXI века затронуло такие разделы, как глиняная игрушка, художественный текстиль, произведения из бересты.

Композиция «Каргопольская тройка» была преподнесена в дар Каргопольским историко-архитектурным и художественным музеем в 2007 г. Создал этот сюжет ещё А.П. Шевелев, соединив в единую композицию фигурки, которые традиционно лепили одиночными: возок, кони, фигурки людей.Также коллекция каргопольской игрушки была пополнена в 2007 г.

[1] Марамзина А.М. О коллекции народного декоративно-прикладного искусства/ Рукопись1997-1998 гг., с. 2.
[2] Богуславская И.Я. Русская глиняная игрушка. Л.:Искусство, 1973 С. 13.
[3] Дурасов Г.П. Каргопольская глиняная игрушка. Л.: Художник РСФСР. 1986. С.107.
[4] Там же. С.52.
[5] Дайн Г.Л. Русская игрушка. М.: Советская Россия, 1987, 195. С. 42.

закупкой игрушек мастеров в Центре народных ремесел «Берегиня», и у Владимира Дмитриевича Шевелева. Были приобретены работы В.Д. Шевелёва, О.В. Валевиной, Т.С. Водяницкой, З.А. Мишакуриной, О.Е. Исаковой, Г.В. Таскаевой, О.Н. Фарутиной, Л.В. Шаньгиной, Н.Е. Придеиной. На 2016 год коллекция игрушки составляет142 единицы.

Именно в Каргополе начала формироваться совершенно новая коллекция нашего музея - коллекция тряпичной куклы. Первой стала кукла автора О.Л. Калининой из Центра народных ремёсел «Берегиня». Кукла-скрутка, изображающая женщину, одетую в платок бордового цвета, бело-голубую рубаху в цветочек, бордовый сарафан с узорами[1]. Тогда, в 2007 г., поступило 12 кукол О.Л. Калининой и Т.А. Сысоевой. Впоследствии в коллекции появились работы О.И. Леонтьевой, Н.И. Титовой, Л.В. Андреевой, М.А. Сысоевой и М.Ю. Дмитриевой, а начало было положено в Каргополе. Эти приобретения положили начало новой работе. Новые поступления совпали с возросшим интересом посетителей к данной теме, впоследствии вылившихся в проведение выставок и мастер-классов по русской тряпичной кукле.

Каргополь - богатейший центр России по художественному наследию в области женских ремёсел – ткачества, вышивки, лоскутного шитья. Предметы лоскутного шитья коллекции СОХМ появились благодаря закупкам в Каргополе. Изготовление лоскутных одеял известно с глубокой древности и символизировало идею бесконечности человеческой жизни. Благодаря сохранившейся в народе традиции лоскутное шитьё является в наши дни одним из видов народного искусства. Покрывало «Зима в Каргополе», лоскутные наволочки и панно выполнены О.Л. Калининой из ЦНР «Берегиня». Ни один район Русского Севера не сохранил в таком разнообразии традиционную культуру изготовления лоскутных изделий, как Каргопольский[2]. Исторические корни этой традиции восходят к глубокой древности. У многих народов – в Египте, Риме, Китае, странах Азии – этот обычай носил обрядовый характер и символизировал идею бессмертия, связь с космическими силами. В России лоскутные изделия известны с середины XIX века, с момента появления и развития недорогих тканей. Технология собирания лоскутной структуры – из мелких первоэлементов: уголков, полосок, квадратов - символизирует собой акт творения, создания картины мира. Текстиль, таким образом, обретал новую жизнь, получал второе рождение. Коллекция художественного текстиля пополнилась в 2007 г. современным произведением ручного ткачества, выполненным в традициях - домотканое полотенце Т. В. Паниной из ЦНР «Берегиня».

До 2008 г. в Сахалинском областном художественном музее не было традиционных русских головных уборов. В 2008 г. народным мастером Н.А. Оганесян был сделан каргопольский кокошник, выполненный в традициях, который демонстрируется на лекциях, посвящённых русскому костюму.

Филёнка «Лев»[3], выполнена свободной кистевой росписью современной мастерицей Т.Ю. Савчук по эскизам XVIII в., скопированных в ходе экспедиций по северным деревням. Изображения львов с воинственно раскрытой пастью, густой многоярусной гривой, проработанной мазками-полукружьями почитались за свою охранительную функцию не только на Каргополье, но и от Урала и Вятки до Костромской губернии и Севера России. Филёнки предназначались для украшения предметов интерьера – различных шкафчиков.

Продолжается в Каргополе дело берестяных мастеров. Произведения из бересты – короба, коробочки, солонки, латки - работы В.Е. Порошиной отличаются своеобразием художественных форм.

Предметов, созданных мастерами Каргополья XXI в., в фондах СОХМ насчитывается 46 единиц основного фонда. Произведения народного искусства Каргополья в фондах СОХМ (всего около 200 ед. о.ф.) включают в себя следующие предметы: костюм, головные уборы, платки, полотенца и концы полотенец, прялки, ендова, светец, рубель, туесок, предметы, созданные современными мастерами «Беломорских узоров», «Берегини» - лоскутное шитьё, ручное ткачество, тряпичная кукла, глиняная игрушка, произведения из бересты. На самом деле значение продолжения традиций в Каргополе велико. Отрадно, что есть мастера, сохраняющие и развивающие художественное наследие предшествующих поколений.

[1] СОХМ. КП-8032, ДПн-2771.
[2] Каргополь, мастерами славный / Авт.-сост. Н. Филева: ЗАО «Архангельский печатный двор», 2006. С. 24.
[3] СОХМ. КП-8035, ДПн-2774.

Предметы этого раздела коллекции экспонировались на многочисленных выставках в СОХМ: «Анималистический жанр в народном декоративно-прикладном искусстве», «Русское застолье», «Образ народного защитника в русской народной глиняной игрушке», «Русская игрушка», «Русское чаепитие», «Медвежьи потешки», «Там чудеса…», «Образ птицы», «Кони, кони - вы сказка и песня», а также на передвижных выставках в музеях Сахалинской области; в экспозициях «Народная глиняная игрушка», «Живые традиции» ***(илл. 4)***, использовались на лекциях и занятиях «Русская глиняная игрушка», «Русский традиционный костюм», «Орнамент в русском декоративно-прикладном искусстве», «Русские прялки в коллекции СОХМ», «Русская тряпичная кукла» ***(илл.5)***, «Мир женщины в традиционной русской культуре».

Сегодня без музейных предметов, демонстрирующих художественную культуру Русского Севера, невозможно представить коллекцию декоративно-прикладного искусства СОХМ, выставки и многочисленные мероприятия. Для музея это не только замечательная коллекция декоративно-прикладного искусства, но и олицетворение связи времён и народов на обширной территории России.

Илл. 1. Женский головной убор (кокошник). XIX в. Ткань, галун, жемчуг, перламутр, бисер, картон, стекло, фольга, металл, блёстки, шитье, вышивка, низание, сажение по бели. Каргопольский уезд, Олонецкая губерния. КП- 8736, ДП/н-3096.

Илл. 2. Головной платок. Кон. XIX в. Каргопольский уезд, Олонецкая губерния. Ткань, нить золотная, вышивка. КП-9127, ДП/н-3265.

Илл. 3. Каргопольская игрушка.
Фото к статье «Образ птицы в произведениях декоративно-прикладного искусства из коллеции СОХМ» в сборник статей №5 (2013-2014) СОХМ:
- Водяницкая Т.С. Свистулька «Мужичок». 2007 г. Глина, обжиг, роспись.
КП-7972, ДПн-2721.
- Шевелев Д.В. Ворон обварной. 1980-е гг. Глина, обжиг, роспись.
КП-1152, ДП/н-667.
- Шевелев Д.В. Вороны в лодке. 1980-е гг. Глина, обжиг, роспись.
КП-1142, ДП/н-657.
- Шевелев Д.В. Крестьянка с птицами. 1980-е гг. Глина, обжиг, роспись.
КП-1168, ДП/н-683.
- Шевелёва А.Ф. Олениха с птицей. 1980-е гг. Глина, обжиг, роспись.
КП-1099, ДП/н- 614.

Илл. 4. Фрагмент временной экспозиции «Живые традиции». СОХМ. 2014г.

Илл. 5. Лекция «Русская тряпичная кукла», сопровождаемая мастер-классом. СОХМ. 2016г.

И.А. Зимина (г. Архангельск)

Каргопольские пояса в собрании Архангельского музея изобразительных искусств (АМИИ)

Большинство поясов из Каргопольского уезда Олонецкой губернии, имеющихся в собрании АМИИ, поступили благодаря экспедициям музея 1970-1980-х годов, лишь некоторые из них были приобретены в частном порядке. Они бытовали в различных местах Каргопольского уезда. Все датируются концом XIX – началом XX века.

Однако можно предположить, что подобные пояса встречались в тех же местностях и в более ранний период, поскольку основная цветовая палитра и техника изготовления существенно не менялись долгое время. Важными событиями для ткачества того периода стали рост и развитие промышленного производства различных текстильных материалов, а также появление разнообразных химических красителей. Это отразилось, прежде всего, на качестве используемых нитей, а также значительно обогатило цветовую палитру не только поясов, но и всего костюма в целом.

Представленные в коллекции пояса – двадцать пять предметов – достаточно разнообразны как по технике изготовления, так и по применяемым материалам. Некоторые из них сотканы из пряжи домашнего производства и крашения, некоторые – из покупных нитей, которые затем были выкрашены в домашних условиях, другие полностью кустарного или артельного производства.

Изделий, выполненных в технике плетения и полутканья, происходящих из рассматриваемого региона в собрании не имеется.

Каргопольские пояса из собрания АМИИ можно разделить на группы в соответствии с техникой изготовления[1]:

ткачество на дощечках, в кружках (заправочное, с перекладыванием, узорное);

ткачество на бёрдечке, бёрдышке (заправочное);

ткачество на стане (простое, золотное, уточно-закладное);

ткачество браное (перебором 1 к 2).

К первой группе относятся шесть поясов, из них один пояс узорный, два – с заправочным узором, три пояса выполнены в технике с перекладыванием дощечек.

На представленных в коллекции заправочных поясах, сотканных на дощечках, центральный рисунок представляет собой чередующиеся поперечные полосы, которые из-за технологических особенностей больше похожи на волнообразные линии или галочки. Кромочные нитки однотонные, совпадают по цвету с фоном центрального узора.

Цветовая гамма заправочных поясов традиционная: красный, коричневый и белый цвета в сочетании с жёлтым, зелёным и чёрным. При этом пояс ***(илл. 1А)*** под учётным номером КП-672 (294х0,7), поступивший из д. Тёгра Коношского района (ранее Каргопольский уезд), полностью соткан из шерсти домашнего прядения и крашения, а в поясе ***(илл. 1Б)*** № КП-6624 (150,5х0,5) – из д. Низ, с. Ошевенское – часть льняных ниток основы являются выработанными и окрашенными в домашних условиях, а другая часть – покупными, о чём свидетельствует блеск и сильная крутка нитки.

Пояса, сотканные на дощечках в технике с перекладыванием, имеет простые рисунки, но достаточно разнообразные по цветовой гамме. Пояса под номерами КП-7458(172,5х0,8) – происходит из д. Меленьтев Пал – и КП-7216(164х0,7) – из д. Анфимово, с. Хотеново – имеют схожий узор, выполненный при помощи симметричного перекладывания двух из четырёх центральных дощечек сначала по направлению к центру, затем – от центра через определённое количество прокидок утка ***(илл. 2А).*** Первый из них выполнен в пастельной гамме из льняных покупных ниток: центральный узор образован светло-зелёными и светло-оранжевыми нитками в обрамлении продольных серых полос, кромки – светло-оранжевого цвета. Другой пояс соткан из

[1] Беднарчик А.А. Узорные пояса на бёрдышке и на ниту из коллекции Архангельского Государственного музея деревянного зодчества и народного искусства «Малые Корелы» // Традиционная праздничная одежда и сценический костюм: сб. докладов Междун. науч.-практ. конф XIV Межрегион. Фольклорного фестиваля-конкурса им. А.Я. Колотиловой, 16 нояб. 2013 г. Архангельск, 2013. С. 7.

шерстяной пряжи синего и красного цветов. Уток в обоих случаях взят под цвет кромки, концы оформлены небольшими кистями из распущенных рабочих ниток.

Пояс ***(илл. 2Б)*** № КП-19268 (187х1,3), поступивший из частного собрания, несмотря на бóльшую ширину, по технике исполнения существенно не отличается от тех, что были описаны выше. Для формирования центрального узора перекладывают те же четыре центральные дощечки, а разноцветные кромки ткут простым заправочным рисунком. Несмотря на простоту изготовления, такой пояс, безусловно, смотрится более нарядно и празднично за счёт интересного узора и двухъярусных кистей из дополнительных шерстяных ниток, которые завершают пояс.

Узорный пояс №КП-8790 (148х2,9), сотканный на дощечках, происходит из д. Погост Наволочный, с. Река. Пояс соткан на двадцати четырёх дощечках, в качестве нитей основы взята фабричная шерсть. Подобные пояса были широко распространены по всему Русскому Северу, поскольку изготавливались кустарным способом, были однотипны как по материалам, так и по количеству дощечек, использовавшихся для их изготовления (24, 26, 28 или 34)[1]. Центральный узор пояса, имеющегося в собрании АМИИ, представляет собой чередующиеся красные и сине-зеленые поперечные полосы в обрамлении узких белых. Боковые стороны пояса вытканы красными однотонными нитками и отделены от кромок желтой узкой продольной полоской.

Ко второй группе относится лишь пояс ***(илл. 3)*** КП-4478. (277х7,4),происходящий из д. Угол, с. Волосово, сотканный на бёрдышке из шерстяных ниток домашнего производства без использования перебора основы. Узор пояса несимметричный, состоит из бело-синих, красных, бирюзовых и светло-оранжевых продольных полос различной ширины. Кромка с одной стороны белого, с другой – синего цвета. По характеру изготовления и качеству использованных ниток пояс можно отнести к кушакам[2]. Он, вероятно, являлся предметом мужского гардероба.

Пояса, сотканные на стане, составляют большую часть коллекции поясов Архангельского музея, происходящих из Каргопольского района, и насчитывает семнадцать поясов, один из которых выполнен в технике уточно-закладного ткачества, два из них – кушаки, сотканные простым полотняным переплетением, остальные четырнадцать – золотные пояса «со словесами».

Пояс под номером КП-7217. – д. Анфимово, с. Хотеново – выполненный в технике закладного уточного ткачества, соткан из льняных и разноцветных шерстяных ниток, образующих поперечные полосы и геометрический «полусвастический» узор.

Пояса КП-6637. (274х7,8) – д. Погост, с. Ошевенское – и КП-6677. (319х9,7) – д. Малый Холуй, с. Ошевенское – в учётной документации записаны как «Кушак мужской, тканый». Оба сотканы из шерстяной основы и льняного утка домашнего прядения и окрашивания. Цветовая гамма кушаков, помимо преобладающих красного, белого и коричневого цветов, дополнена синими, бирюзовыми и бежевыми нитками.

Золотные пояса «со словесами», представленные в собрании, вытканы на стане в технике браного ткачества. При этом «выбиралась» только центральная полоса пояса, где размещался текст, а боковые стороны выполнялись простым полотняным переплетением в виде разноцветных продольных полос различной ширины. Все пояса сотканы из шёлковых, хлопчатобумажных и мишурных нитей основы и хлопчатобумажного или шёлкового утка. Текст обычно вытканы чёрными нитями на золотом или оранжевом фоне, но встречаются варианты с совместным применением чёрных и коричневых ниток. Преобладающими цветами боковых полос являются розовый, оранжевый, синий, зелёный и красный, реже встречаются голубой, коричневый, чёрный, жёлтый и бежевый и бирюзовый цвета. Ширина колеблется от пятидесяти восьми узорных нитей (из них десять нитей образуют текст, десять – фон) до девяносто четырёх (четырнадцать «текстовых» нитей, 14 – фоновых). Концы поясов в большинстве случаев оформлены плетёными трехъярусными кистями из толстых белых хлопковых ниток в мишурной обмотке, к которым прикреплены кисточки из цветных нитей шелка-сырца или мишурных нитей. На изнаночной стороне некоторых поясов пришита подкладка из красного кумача или цветного ситца.

[1] Беднарчик А.А. Чтение и заправка тканого пояса по схеме. Петрозаводск, 2014. С. 3.

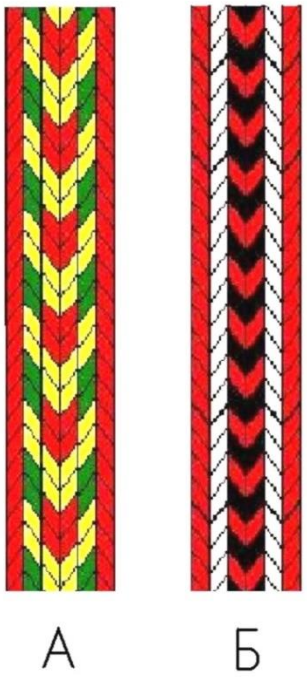
[2] Григорьева Г.А. Ткани и одежда Поморья в собрании Соловецкого государственного историко-архитектурного и природного музея-заповедника: Каталог. Архангельск, 2000. С. 11.

На четырёх золотных поясах из собрания имеется застёжка, которая пришивалась для того, чтобы лишний раз не «тревожить» хрупкие мишурные нити при завязывании пояса[1]. Для этого его складывали и фиксировали особым образом: полотно два раза последовательно сгибали под углом 45˚ так, чтобы концы ложились в вертикальной плоскости лицевой стороной вверх, ровно и без перекручивания. В месте сложения пришивалась застёжка: металлическая (крючок и петля) или в виде петли и пуговицы. Особенно интересная застёжка у пояса № КП-6674 (172х2,6), приобретённого в д. Малый Халуй, с. Ошевенское: петля из кумача и перламутровая пуговица с цветочной розеткой.

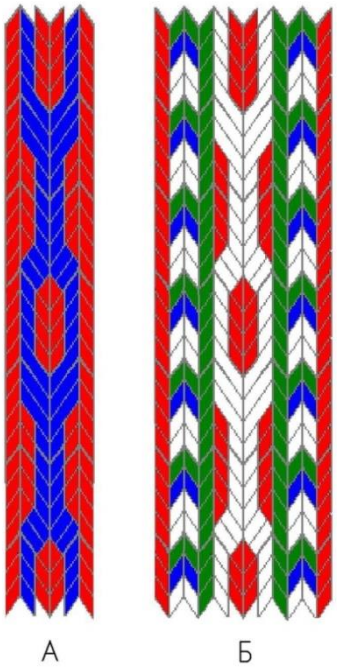
В четвертую группу поясов, сотканных в технике браного ткачества перебором 1 к 2, входит всего один пояс. Отличительной особенностью данной техники является выпуклый, явно выраженный рисунок из узорных нитей (часто шерстяных) на контрастном фоне из более тонких нитей (льняных или хлопчатобумажных).

Пояс ***(илл. 4)*** под учетным номером КП-7457., происходящий из д. Мелентьев Пал Коношского района, является ярким примером, иллюстрирующим особенности такой техники ткачества. На хлопчатобумажном белом фоне тёмно-лиловыми шерстяными нитями выбран геометрический орнамент в виде полуромбов с отростками в обрамлении полос синего, жёлтого и тёмно-лилового цветов. Концы пояса оформлены в виде простых кистей, выполненных из распущенных рабочих ниток основы. Определить, с помощью какого приспособления выткан данный пояс, достаточно сложно, поскольку ширина орнамента составляет 15 узорных нитей[2].

Таким образом, Каргопольские пояса, представленные в собрании Архангельского музея изобразительных искусств, выполнены в разнообразных техниках тканья, широко бытовавших на Русском Севере, имеют богатую цветовую гамму, что не позволяет выделить характерную палитру красок для рассмотренного региона.

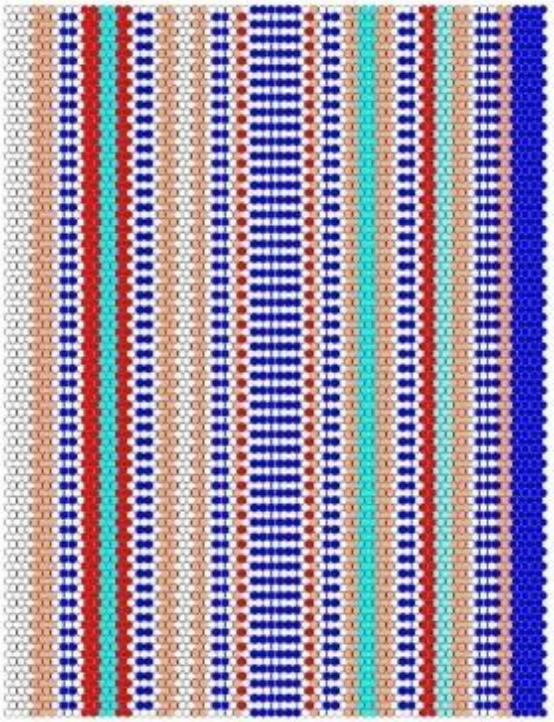

Илл. 1А – Пояс КП-672. (начало XX века); д. Тёгра Каргопольского уезда. Шерстяные нитки; ткачество на дощечках.
Илл. 1Б – Пояс КП-6624. (начало XX века); д. Низ Ошевенской волости Каргопольского уезда. Льняные и шерстяные нитки; ткачество на дощечках.

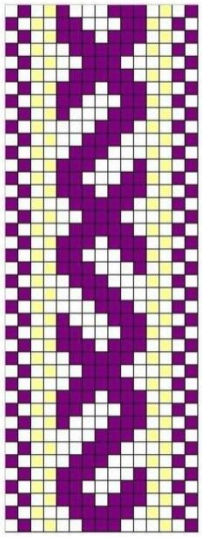

Илл. 2А – КП-7458. (первая четверть XX века); д. Меленьтев Пал Каргопольского уезда. Льняные нитки; ткачество на дощечках.
Илл. 2Б - КП-19268. (начало XX века); Каргопольский уезд. Шерстяные и льняные нитки; ткачество на дощечках.

[1] Кислуха Л.Ф. Олонецкие пояса «со словесами» // Мода и дизайн: исторический опыт – новые технологии: Материалы XVIII-й Междунар. науч. конф. / Под ред. Н.М. Калашниковой. СПб.: ФГБОУВПО «СПГУТД», 2012. С. 412. С. 412.
[2] Беднарчик А.А. Узорные пояса на бёрдышке и на ниту... С. 9.

Илл. 3. КП-4478. (начало XX века); д. Угол Волосовской волости Каргопольского уезда. Шерстяные и льняные нитки; ткачество на бёрдышке.

Илл. 4. КП-7457. (первая четверть XX века); д. Мелентьев Пал Каргопольского уезда. Шерстяные и льняные нитки; ткачество браное.

Ю.М. Наумов (г. Петрозаводск)

К вопросу о народном судостроении и судоходстве Каргополья

При изучении темы сбор информации проводился по методике, разработанной автором[1], которая позволяет получить сведения о традиционном судостроении, различных технологиях и типах лодок, а так же истории конкретного центра традиционного судостроения. Важными источниками для изучения темы являлись беседы с мастерами-лодочниками, натурные исследования лодок и технологии судостроения[2]. Основной временной период исследований охватывает немногим более ста лет – конец XIX – начало XXI века.

Некоторые исторические аспекты истории судоходства и освоения водных путей, ведущих на Север к Белому морю, прослеживаются по опубликованным историческим источникам. В Национальном архиве Республики Карелия, в архивах ИЯЛИ КарНЦ РАН, фондов и архивов Национального Парка «Кенозерский», музея «Кижи» Каргопольского музея сохранились редкие сведения и фотографии традиционных судов и лодок начала XX – XXI веков, которые позволяют сделать некоторые выводы о судостроении и судоходстве Каргополья.

Традиционная лодка реки Онеги. г. Каргополь[3] ***(илл. 1)***

Традиции и особенности судоходства, названия плавсредств и терминология судостроения локальных центров на территории Каргопольского района, которые удалось собрать в процессе работы, представлены в Таблице 1. В этой же таблице для сравнения представлена информация о соседних с Кенозерьем районах Каргопольского района Архангельской области и Пудожского района Республики Карелия. При составлении таблицы автор использовал результаты своих исследований традиционного крестьянского лодкостроения. Терминология крестьянского лодкостроения Водлозерья были описаны в совместной статье с К.К. Логиновым[4]. Можно отметить, что лодки и терминология лодкостроения в разных локальных центрах имеют различия, которые связаны с зарождением и развитием судостроения.

ТАБЛИЦА 1

Лодочные термины русских центров народного судостроения Северо-запада России

Конструктивные элементы	Лекшмозеро	Кенозеро	Каргополь р. Онега	д. Никола оз. Лаче	Водлозеро
Названия и размеры дощатых лодок	Лодки. Каргопольские и наколянские. Плоскодонки. Килевые лодки с реки Водла. Чалны с широким днищем в 3 набоя.	Лодки. Карбаса. Большие лодки - двухгребёлки. Маленькие лодки 4.5 - 5.0 м на лесных озёрах и р. Кена.	Лодки - карбасы «ходовая длина» - 6 м	Карбасы	«Водлозерка» «Килевая» «Куйто» «Кенозёрка»

[1] Наумов Ю.М. К вопросу о методике изучения народного лодкостроения: Материалы VI научно-практического семинара «Методика полевых работ и архивация фольклорных, лингвистических и этнографических материалов». Петрозаводск, 27-28 марта 2013 года. Петрозаводск, 2013 С. 201-211.

[2] Начало работы и такой подход к литературе по теме исследований народного судостроения описан в книге автора «Кижанка» - лодка Онежского озера. Петрозаводск, 2011.

[3] КГИАХМ. НВФ 5193. Фото не позже 1920 г.

[4] Логинов К.К., Наумов Ю.М. Славянское и дославянское в названиях водных транспортных средств и традиционной лодкостроительной терминологии Заонежья и Водлозерья // Материалы научной конференции «Бубриховские чтения: гуманитарные науки на Европейском Севере». Петрозаводск, 1–2 октября 2015 г./ Ред: Н.Г. Зайцева, Е.В. Захарова, И.Ю. Винокурова, О.П. Илюха, С.И. Кочкуркина, И.И. Муллонен, Е.Г. Сойни. Петрозаводск 2015. С. 125-135. [Электронный ресурс]

Названия и размеры плотов и долблёных лодок	Чалны долблёные с досками по бокам Дубаны - спаренные корыта.	Плоты из сушняка. «Харчева» – крепкий плот на шпонках «Дубаны» соединяли по два «корытья»	Плоты из сушняка. «Чо(ё)лны» долблёные разведенные. .	Плоты из сушняка. «Челны» долблёные разведенные.	Плоты из сушняка. Долблёнок не помнят
Плоскодонки	«Плоскодонки»	«Плоскодонки»	«Плоскодонки»	«Плоскодонки»	«Плоскодонки»
Стапель для строительства лодок	На улице у дома на брёвнах	На улице у дома на брёвнах	«Слёги» - 2 чурака	На сарае	«Козлы» на сарае
Строить лодку	Шить	Шить	Делать	Шить	Шить
Киль	«Днище»	«Днище»	«Днище»	«Днище»	«Днище», раньше «колода»
Отверстие в киле для слива воды из лодки	Дырки с тычкой		Дырка в днище, затыкали «чёбиком».		
Фальшкиль	не делали никогда	не делали	«Шина» когда во льду рыбачили	не делали	не делали
Штевни	«Кокора»	«Куймы, кумы»	«Кокора, корга», «коксы»	«Корги»	«Кокоры»
Доски обшивки	«Набои»	«Набои», тесьё	«Набои»	«Набои»	«Набой». Тёс
Крепёж	Шитьё корнем – вицей, подковными гвоздями	Вереса» – «вичья», подковными гвоздями	Гвозди подковные	Гвозди ковали сами	Раньше шили «вицей», потом подковными гвоздями
Конопатка	Хвощ трубчатый, не на мох и не на паклю	Конопать – просмолённые нити - «пряти»	Высушенный тростник – «ловгус», «сетняк»	Высушенный тростник «ловгус» «сетняк»	Мох и пакля
Шпангоуты	«Тогуны»	Тугуны самородные	«Обнабойка» - тугуны	Упруги, креньки, закоренки	«Упруги или кокоры»
Усиленные шпангоуты	Нет	Нет	В нос и корму – «коренные»	Закоренки	
Внутренний брус	«Опорубня»	«Порубень»	«Обнабойка»: обортовка с «бобышками» для уключин.	Обноска, обнос	«Порубень» бортовой
Привальный брус	«Обноска», раньше не было	Не было	«Обнабойка» - обортовка	Обноска, обнос	Не было
Нос	Под обноску врезались	Бруски (4х3см), вытаскивать на	В носу «беседка»	Доска в носу –	

	доски или бруски	берег	специально с дыркой для мачты с парусом	ниже бортов, под парус	
Дополнит				Лейка	
Переборки				Тугун – ящик под рыбу между сиденьям и	
Сиденья	«Скамейки»	«Скамейки, беседки»	«Обнабойка» - бесёдки	Сиденья	Сиденья, банки
Настилы	«Ставеньки» - настилы между «тогунами» из поперечных досок	Под невода носилочки и упоры для гребли кидали	«Нашести» между тугунами. «Опалубка» - настил по «тугунам»	Нет	«Мостки»
Уключины	Оключина из ёлки с сучками – целиковые «уключины»		Оключины «Круглое» или «палец» и плоская часть – вместе «уключина»	Оключин а – съёмные с круглым штырём	В «порубнях» по два пальца и «оключины» - кольца из берёзовых веток
Вёсла	Вёсла были широкие – 7 сми с дыркой там, где оключина.	Три весла: гребли двумя бортовыми и кормовым - «кормяным» управляли	Обычно «двое гребли» и «кормовое весло» – лопасть - «перо» пошире для руля.	Вёсла – всегда с дыркой в уширении – одевать на оключину	Две пары вёсел – носовые, нижние и одно кормовое.
Мачта			Мачта 2,5 – 3м	Мачта, жердина – 3м	Мачта высота метра 2
Парус	Прямой квадратный с рейкой	Паруса прямые. «Вехи» из ели, сосны или берёзы	Парус	Парус	Паруса были - один угол косой
Шкоты			«Верёвка» с нижнего угла.	«Верёвка » нижнего угла	
Рея косая	Рейка		«Откосина»	Жердина, рейка	
Якорь			4 лапы – «кошка»		
Причалы	«Пристань»	«Лавы» плавающие			«лава» из плах в полдерева с двумя корнями
Слипы для подъёма-спуска лодок	«Лёжни»	Две жердины и вальки деревянные.	«Лёжни»		«покати» – «лестница» из двух жердей

Для изучения традиций и направлений развития лодкостроения в районе исследований исходя из имеющейся на сегодняшний день информации важно определить самые ранние изображения лодок, что бы определить традиции лодкостроения отдельных локальных центров Поонежья конца XIX – начала XX века.

Свой традиционный вид озёрные лодки стали терять с конца 1950-х гг., когда лодки стали оснащать подвесными моторами. Конструктивный набор изменился за счёт устройства транцевой кормы для крепления подвесного мотора. Но это изменение не привело к изменению терминологии местных лодок и они сохраняют свои функции. Местные жители различают несколько типов лодок, которые имеют свои местные названия: «кенозерка», «лекшмозерка», «водлозёрка», «каргополка». Постепенно в деревнях, после ухода из жизни старых местных мастеров особенно с 1990-х годов, традиционные лодки вытесняются более простыми в изготовлениями деревянными лодками-«плоскодонками», и металлическими (в основном дюралюминиевыми), пластиковыми и резиновыми лодками, которые не требуют бережного отношения при хранении, ежегодной подготовки к навигации и специального ухода.

В 2007-2009 и в 2016 гг. автору удалось зафиксировать имена мастеров и записать отдельные сведения о локальных центрах: мастерах, технологиях строительства различных типов лодок и особенностях местного судоходства. Собранные материалы позволяют автору настоящей статьи описать народное лодкостроения и внутрихозяйственное использование лодок Каргополья.

Традиционные лодки озера Лёкшмозеро

Большое село Морщихинская – бывший центр Лёкшмозерской волости объединяет несколько деревень, расположенных на невысоких холмах вдали от озера. Берег озера низкий и заболоченный, все лодки деревни стоят на двух песчаных пляжах недалеко от церкви. Почти все лодочные места оборудованы для вытаскивания лодок на берег специальными слипами из тонких поперечных брёвен, связанных сверху двумя долевыми и ручными лебёдками-воротами на двух столбах. Рядом с местами стоянки лодок сараи из досок для хранения лодочных моторов и рыболовных приспособлений и снастей. ***(илл. 2)***

Раньше здесь шили лодки в основном на улице около сараев у своих домов, кили – днища делали из целого бревна, тесали топором, сейчас распиливают на пилораме. Н. И. Попов шьёт на сарае в своём доме, на двух брусках 150х150, выставляет по уровню, а дальше шьёт «на глазок», «днище» из ели, иногда из сосны толщиной 8-9 см, шириной не меньше 24 см – до 30 см – на узком днище лодка менее устойчива. Штевень – «кокора», необработанная ель с корнем «корга». На дне между «тогунами» укладывались настилы из поперечных досок – «ставеньки», а сейчас не делают и ходят по днищу. В корме лодки в днище сверлится отверстие для слива воды, которое затыкается пробкой – «тычкой». На южном берегу оз. Лекшмозеро, в с. Орлово народное лодкостроение имеет общие признаки, у одного из домов зафиксирована интересная находка - заготовка для «днища» с кокорой - из ствола ели с корнем. На Лёкшмозере были лодки из Каргополя: «пономарёвские» с низким около 30 см бортом, и много лодок постройки Каргопольского Промкомбината – из узкой доски и покрашены масляной краской – служили 20 лет без ухода, но у «комбинатовских» высокие борта 40-45см, что на сетках хуже – в ветер лодка «парусит».

В Визит-центре Национального парка на Лёкшмозере хранятся древние традиционные плавсредства – долблёнки, в Каргополье они называются – «дубаны». Эти разных размеров катамараны, для передвижения и ловли рыбы на небольших озёрах и реках, местные жители делали прямо на берегу лесных озёр из двух выдолбленных осиновых стволов, борт к борту скреплённых друг с другом врезными шпонками или круглыми нагелями. На небольших озёрах делали долблёнки-«челны» длиной 3,5-4 м. с обоих бортов набито по доске, ещё были «чалны» - с широким днищем – 40 см и в 3 набоя, длиной около 4 м – занимались «торбаньем», загоняли рыбу в сетки, на маленькие озёра делали и сейчас делают «плоскодонки».

По заказу НП «Кенозерский» мастера шьют лодки на туристические маршруты по системам озёр Лёкшмозерья – на маршруте «5 озёр» работает 6 деревянных лодок, а на маршруте «3 озёра» – 2 деревянные и 3 пластиковых лодок.

Традиционные лодки озера Лаче

Село Никола – единственное стоит на самом берегу, до него можно было добираться только водой или зимником по льду, дорога построена в 1990-х годах. В этом селе рыболовный

промысел и лодкостроение были развиты более, чем в других сёлах, расположенных вблизи побережья озера Лаче. Здесь шили много лодок для рыбалки и для лесосплава, но во второй половине XX века лодки шили уже единицы. Технология лодкостроения была одинакова с другими районами Каргополья, но местные лодки немного отличались размерами и формой. Основные лодки – «карбаса», длина 6-7м, нокольские лодки более «седловатые» – средина бортов заметно ниже носа и кормы. ***(илл. 3)***

Замок на корге «сковородник» крепится в паз на днище и забивается один клин. Лучшим лодочником был Н.М. Корякин. Он делал лодки на сарае своего дома. Последний из старых мастеров В.И. Пригодин сделал около 100 лодок в гослов, на сплав и своим деревенским рыбакам. Последняя его лодка лежит на берегу озера и в ней сохранилась традиционная для Каргополья «оключина». На фотографиях первой половины XX века видны такие уключины – съёмные, вытесанные из берёзы пластины с круглым штырём, на который «надевали» вёсла с дыркой в уширении, с собой брали всегда запасные.

Сын В.И. Пригодина – Владимир Васильевич (1949 г.р.) помогал отцу и после его смерти стал шить лодки для себя и немного по заказам соседей. На озере Лаче и в г. Каргополе зафиксирована технология гидроизоляции, информации о которой ранее не встречалось – в этом центре лодкостроения между набоями в две нитки прокладывают высушенный тростник-«логус» – он не пропускает воду и не гниёт.

На оз. Лаче все пользовались парусом, в носу лодки – ниже кромки бортов крепили доску под парус с отверстием для мачты высотой около 3м. Парус из холстины домотканины – привязывали к мачте верёвкой, в верхний угол рейку ставили по диагонали. Нижний угол косой держали – верёвкой – шкотом. Посредине лодки два сиденья, между ними тугун – ящик для рыбы.

На малых озёрах рыбачили с плотов, рядом с деревней и по реке Ковже были осиновые «челны» выдолбленные тёслами, у которых потом разводили борта. Хорошие челны делали единицы – специалисты очень ценились. Старики делали их в лесу – уходили с теслом, да с ружьём, сделает мастер лодку, глухарей настреляет и уже с добычей на лодке домой вернётся. В с. Нокола сохранился один такой чёлн, который сделал на реке Ковжа последний мастер И.Н. Пригодин. ***(илл. 4)***

Озеро Лаче неглубокое, бывают ямы до 10-11 метров. Сейчас озеро зарастает, раньше лес сплавлялся, мельницы работали, берега обкашивались, неводом рыбачили – дно чище было. Ноколяне летом рыбачили много – места лова близко от деревни. Ловили неводом, с одной, двух, четырёх лодок, в лодках крепили ворота. Невода были разные, для рыбалки сшивали и ловили большим неводом с 4 лодок, малым – с двух. Мутником с одной лодки ловили осенью ерша на сущик.

Через оз. Лаче перегоняли в плотах 200000 куб. м. леса в год. Сплавляли лес и «кошелями», завозили на лодках якоря по 200-300 кг, были плоты с лебёдками, которые тянули лес до Каргополя. Маяков не было, немного вех на поворотах, да створный знак, вот и вся навигационная обстановка на озере. Ходили с плотами на буксирах-водомётах до заморозков, ночью определяли глубину шестом, опытный капитан по грунту мог определить, где находится.

Административный центр Каргополья расположен на левом берегу реки Онега в 3 км от озера Лача, где река Онега берёт начало, до устья реки более 400 км. Каргополь был большой порт и центр судостроения, где строились большие суда для перевозки грузов и малые лодки. Известно, что в XIX веке перевозка хлеба из центральных областей России в Поморье велась на соймах-«расшивах» или баржах, которые строились в районе г. Каргополя. Традиционные лодки-карбасы по всему течению реки Онеги от истока до устья были однотипны, что можно увидеть на старых фотографиях.

На фотографиях начала XX века и в нижнем течении река Онеги можно увидеть специальные суда для перевозки хлеба из Каргополя в Поморье – мелкосидящие соймы, которые опытные лоцманы проводили через пороги. Очевидно, после выгрузки хлеба в г. Онега навесы над ценным грузом разбирались и соймы использовались для перевозки различных грузов, поэтому, как несамоходное судно получили здесь своё новое название – «баржа». ***(илл.5)***

Интересно, что и во второй половине XX века небольшие плоскодонные суда с невысокими бортами – баржи, продолжали строить для перевозки по реке колхозного скота, сена и других

грузов. Автору посчастливилось найти одну такую баржу из досок на берегу у д. Камениха (Онежский район).

Город Каргополь

Самый известный мастер-лодочник Пономарёв Пётр Иванович (1927 г.р.) родом с Лёкшмозера из д. Анфимовская, его отец Иван Ефимович (1888-1968) хорошо шил большие лодки. П.И. Понамарёв уникальный мастер, который начал шить лодки в войну с 13 лет, за жизнь сшил более 1000 лодок. В 2009 г. он говорил: «Я шью на глаз и углы все никогда не мерял. Раньше делали за 3 дня вдвоём: 1 день – днище, 2 – борта (5-8 набоев), 3 день – «обнабойку»: обортовку, тугуны, бесёдки, оключины, и в теперешние годы один лодку за неделю сделаю. Уже на пенсии один год было, за лето один сшил 24 лодки больших и маленьких. Сейчас ещё заказывают лодки, собираюсь шить 9-ти метровую лодку, но отговариваюсь на 7 м – тяжело одному с бока на бок поворачивать. Делаю модели лодок – в 2008 г. около 30 штук сделал, таких как мои лодки: копыльный штевень, киль со шпунтом, опруги цельные». В экспедиции 2016 года в Каргополе удалось зафиксировать несколько деревянных лодок П.И. Понамарёва. У берега в кустах стоит старая большая лодка с тугуном, а на воде его новая лодка на которой он ездит под мотором и под парусом – «Парус всегда с собой брали, на вёслах – вдвоём гребли, а кормовым веслом помогали и правили, а если мелко, то и от дна отталкивались. Гребли 18 км – за 4-5 часов», – рассказал старый мастер.

В 2000 г. Каргопольский музей организовал экспедицию от Каргополя до Белого моря на трёх традиционных лодках-каргополках, построенных мастером П.И. Пономарёвым. ***(илл. 6)***

В 2011 г. он сделал новую лодку длиной 10 м для местных рыбаков, которые ловят большим промысловым неводом – помогали сами заказчики. В лодке установлена лебёдка, помогают с другой лодки, большую лодку рыбаки оставляют на якоре в озере Лаче, а туда ездят под мотором.

В 2016 г. в Каргополе спустили на воду новую лодью «Финист» длиной 13 метров. Лодью для экспедиции по реке Онеге и до Архангельска построили члены клуба «Рарог» из Ярославля, руководитель клуба Леднев Максим родом из Каргополя. Прошли по всем порогам, но в море не вышли – штормило, подняли краном на берег в г. Онега, собираются в следующем году дойти до Архангельска.

На притоках реки Онеги и в верховьях бассейна Поонежья на небольших озёрах и реках были только развёрнутые долблёнки, в основном все на одного человека - для рыбалки, но были и большие – по 6 человек переправлялись на такой через реку. У одного хозяина бывало до трёх лодок на разных озёрах, там он их и делал. В д. Ступинская ещё делают такие долблёнки – все развёрнутые.

Судоходство и лодкостроение на оз. Кенозеро

Ещё во второй половине XX века на малых озёрах и реках использовались примитивные древние плавсредства: плоты и долблёнки. Долблёнки-«дубаны» выдалбливали из толстой осины, потом распаривали – грели камни, наливали воду и ставили распорки из ветвей.Длина таких дубанов около 5 м, ширина до метра и с бортов прибивали по одному набою, в уже готовый корпус вставляли тугуны, были и с уключинами для вёсел, не только шестом толкались. Были дубаны и из двух долблёных стволов осины – соединялись два «корыта» шпонками, были и маленькие – меньше 4 м, всего для 1- 2 человек. ***(илл. 7)***

По словам всех информаторов основными плавсредствами в Кенозерье были разных размеров лодки из досок. На маленьких озёрах лодки до 5 метров и меньше и на р. Кене были маленькие лодки 4.5-5 м, – только реку переехать, так как там не было рыбалки, а рыбу покупали. Большие «карбаса» здесь не шили, длина традиционной лодки на оз. Кенозеро до 6 м, ширина 1.20-1.30 м, корму делали поуже, а в носу за 1.5 м «выводили скулу», делали его яйцеобразной формы, как щука. «Днище» из сосны, делали толщиной 60-70 мм, шириной 25 см и шире, чтобы лодка была устойчива на волне. «Куймы» из ели с корнем, раньше заднюю куйму делали цельную с килём, сейчас с транцем под мотор. Угол наклона примерно 40-45 градусов, к днищу куйму вставляют в замок с клиньями с боков и крепят на три нагеля. Между набоями раньше прокладывали по две верёвки изо льна и не смолили, «накрой» тоже «насухо», смолили уже готовую лодку. Для рыбалки и перевозок использовали лодки-«двухгребёлки» у них по 2 пары вёсел с рулевым веслом, но лодок больше 6 метров в крестьянских хозяйствах не было. При

попутном ветре за носовую доску ставили «вехи» из молодой ёлочки или сосёнки, а когда лист хороший то и из берёзы.

В Усть – Поче ещё до войны шили артелью на продажу – был лесопункт, пилили доски, поэтому в мастерской сплавной конторы были 3 мастера: Ф.И. Калитин, Н.Т. Новожилов (1912-1980) и А.С. Пиалкин (1900-1970), которые шили много лодок для сплавных работ и по заказам. В той же мастерской иногда шили большие лодки-«карбаса» длиной по 8 м, что бы можно завести на специальный крепкий на шпонках плот-«харчева» людей-сплавщиков, завозные (заводные) якоря весом по 12 пудов (ок. 200 кг - ЮН) якоря, ворота-лебёдки, канаты, лошадей и другое оборудование для сплава.С помощью больших лодок-карбасов сплавленные по рекам брёвна собирали в плоты и «кошели», потом две недели перегоняли с Усть-Почи до Кены. Плоты («гонки») связывали – «плотили», а кошели «набивали» лесом. Карбасами с плотов завозили вперёд по движению якоря и на канатах подтягивались к ним воротами с помощью лошадей. Так плоты с лесом перегоняли через все озёра в реку Кену, где «кошель» открывали, и дальше лес сам плыл по течению.

В 2007 г. в д. Усть-Поча начала работать лодочная мастерская, в которой молодые местные жители попытались строить кенозерки по заказу Национального парка для развития водного туризма. К сожалению, из-за отсутствия опыта организации лодкостроения и проблем со сбытом продукции, поработав немного, мастерская закрылась. В 2016 г. в д. Усть-Поча на пляже стояло около десятка лодок, среди них есть новые «двухкуймовые».

Интересная особенность технологии строительства лодок-кенозерок в д. Усть-Поче, которая больше нигде в Каргополье не встречается – подрезка нижней кромки досок в носовой части для более лёгкого прижатия при подгонке и закреплении набоев у носового штевня-куймы. ***(илл. 8)***

Не только на Кенозере и Лекшмозере, но по сообщению информаторов, и на небольших озёрах – Порженское, Масельгское, Терехово, Долгое, Святозеро Торосозеро в деревнях тоже шили свои лодки длиной не больше 4 м – на них в основном рыбачили. Наличие своих мастеров-лодочников в деревнях на малых озёрах традиционно для всего Русского Севера – каждый водоём имел свой судостроительный потенциал, местные не возили для себя лодки из других мест.

С реки Онеги из с. Конёво для перевозки грузов пригоняли большие «карбаса» – длиной 7 м, высотой борта 60 см, с двумя парами вёсел. На них перевозили из Конёва продукты и товары для магазина, через пороги шли бичевой. После войны появились подвесные моторы, в 1950-х стали ставить стационарные.

Интересно сравнить особенности лодок Поонежья с традиционными лодками Кенозерья и пограничных локальных центров Пудожского района: Водлозера, Колодозера и верховьев реки Водла, что бы проследить возможные тенденции возникновения и развития традиций лодкостроения в бассейне реки Онега. В словаре «Народное судостроение в России» есть описания лодок «каргополок» и «кенозерок»[1], которые используются для рыбной ловли и хозяйственных надобностей и применяются в наши дни, указаны некоторые местные термины, есть описание постройки кенозерки, её оснастки и паруса. Некоторые сведения указанные со ссылкой на работу А.В. Ружникова[2] не совпадают с материалами автора и требуют уточнения. В частности, утверждение о происхождении каргополки от лодок озера Лаче, не имеет достаточных оснований, т.к. местные жители отличают озерные лодки от речных. В Каргополе на р. Онеге записано местное название лодок – «карбас», а характерной особенностью озёрных лодок, построенных в с. Нокола, местными мастерами определяется сильная «седловатость» – более высокие нос и корма в штевнях, что усиливает линию изгиба бортов. Это необходимо для лодок, ведущих промысел в открытом озере, и отличает их от лодок реки Онеги, Кенозера и Лекшмозера. По мнению автора, каргополками стали называть лодки, сделанные в мастерских Промкомбината в Каргополе, откуда они привозились не только на Кенозеро, но и на все водоёмы исследуемого района бассейна реки Онеги. Для определения конкретных типов

[1] Филин П.А., Курноскин С.П. Народное судостроение в России. Энциклопедический словарь судов народной постройки. СПб. 2016. С. 153, 170-171

[2] Ружников А.В. Судовладельцы Поморья: парусный флот. Архангельск: КИРА. 2013. 196 с.

традиционных лодок локальных центров необходимо детальное описание особенностей корпусов, оснастки и терминологии лодок основных центров и их сравнение.

Собранные в экспедициях материалы дали возможность определить сохранность традиций народного лодкостроения Каргополья. В экспедициях 2007-2016 гг. удалось зафиксировать более около 20 работающих мастеров, более 100 традиционных лодок и несколько плоскодонок постройки конца 1990-х – начала 2000-х гг. Хотя в этих районах в конце XX века традиции лодкостроения были нарушены, но остались мастера сохраняющие местные традиции и продолжающие шить лодки.

Зафиксированная грубая технология шитья лодок из досок, позволила понять, что в отдельных локальных центрах лодкостроения, удалённых от развитых центров судостроения она встречалась и в XIX в., очевидно, поэтому некоторые исследователи того периода называют народные лодки, грубо сколоченными ящиками. В Каргополье и в XX веке кроме мастеров, были самоучки, не работавшие с опытными лодочниками, не получившие хороших профессиональных навыков. Хотя лодок некачественной постройки за последние годы стало больше, но всё-таки развитые традиции лодкостроения на этих озёрах, не позволяют местным лодочникам опускаться ниже среднего уровня качества и заставляют учиться и перенимать опыт у лучших мастеров

В начале 2000-х годов для рыбалки на Лекшмозере и в Кенозерье многие хотят использовать не металлические, пластиковые или резиновые лодки, а предпочитают деревянные лодки, сделанные местными мастерами. В Морщихинской на озере Лекшмозеро, благодаря Н.И. Попову не только строятся деревянные лодки, но идет процесс обучения новых мастеров, в том числе и молодых, делающих свои дощатые лодки с использованием местных традиций. В большинстве деревень Кенозерья подобная активность традиций лодкостроения не зафиксирована, но ещё осталось много деревянных лодок, есть несколько работающих старых мастеров, делаются попытки шитья местных лодок и молодыми лодочниками.

Таким образом, период завершения традиционного судостроения в регионе связан в первую очередь с уходом из жизни мастеров 1910-1930-х гг. рождения, и не особенно зависит от распространения лодок и катеров заводской постройки. Там, где оставались старые мастера, традиционное лодкостроение сохранялось до конца XX в. Исследования позволили выделить Каргополье, как район в котором до сих пор живут традиции местного народного лодкостроения. Благодаря сохранению этих традиций, здесь строится деревянных лодок больше, чем в любом другом районе Архангельской области.

Итак, проведённое исследование даёт основание говорить о возможных путях сохранения традиций лодкостроения в Каргополье. Например, заказы НП «Кенозерский» в 2000-е годы помогли сохранить потенциал лодкостроения на Лекшмозере. Результаты многолетней работы музея «Кижи» показывают, что системная работа по изучению и музеефикации традиционного судостроения, проведение конкурсов лодочников и соревнований по народной гребле способствуют сохранению исчезающих традиций лодкостроения.

Автор надеется, что материалы статьи помогут привлечь интерес, в том числе у молодёжи, к народному лодкостроению и судоходству Каргополья, что поможет оценить его современное состояние, собрать новую уточняющую информацию важную для изучения и сохранения его истории и традиций.

Илл. 1. Традиционная лодка верховьев реки Онега. г. Каргополь. Фото нач. XX века из фондов Каргопольского музея. НВФ 5193.

Илл. 2. Лодки на берегу оз. Лекшмозеро. д. Морщихинская. Фото Ю. Наумова. 2016 г.

Илл. 3. Традиционная лодка оз. Лаче (НА РК, фотофонд № 148. Фото нач. XX века).

Илл. 4. Чёлн – долблёнка с разведёнными бортами. Мастер И.Н. Пригодин. Фото Ю. Наумова. 2016 г.

Илл. 5. Сойма для перевозки хлеба – «расшива» и лодка-«карбас» на р. Онега. (НА РК, фотофонд № 158)

Илл. 6. Лодка постройки П.И. Пономарёва на реке Онега. Фото из архива Каргопольского музея. 2000 г.

Илл. 7. Кенозерские «дубаны»-корыта. Фото В.Е. Пучкина. 2009 г.

Илл. 8. Двухкуймовая лодка в д. Усть-Поча с подрезкой нижней кромки обшивки у носовой куймы. Фото автора. 2016 г.

Ж.В. Гвоздева (г. Петрозаводск)

К вопросу о вечериночной традиции Каргопольского уезда Олонецкой губернии второй пловиныXIX – началаXX века

С 2005 г. научным сотрудником музея-заповедника «Кижи», кандидатом филологических наук Р.Б. Калашниковой (1952-2005), планировалась подготовка к изданию книги "Вечериночные песни Олонецкой губернии конца XIX – начала XX вв." К сожалению, Регина Борисовна не успела осуществить подготовку издания. С 1999 г. она работала над научной темой «Вечеринки Олонецкой губернии» в рамках проекта «Праздничный календарь русских Олонецкой губернии». Р.Б. Калашникова собирала информацию по Пудожскому, Вытегорскому, Каргопольскому, Лодейнопольскому, Олонецкому уездам. В рамках работы над темой ею опубликованы материалы по Заонежью, а также Вытегорскому и Пудожскому уездам. Это монография «Бесёды и бесёдные песни Заонежья»[1], статьи в научных сборниках «Вечериночная традиция Вытегорского уезда»[2] и «Пудожская вечериночная традиция»[3]. Изданные материалы используются сотрудниками музея-заповедника «Кижи» в проведении экскурсий, а также участниками музейного фольклорного коллектива в практической работе по подготовке программ.

В 2003 г. Регина Борисовна начала работу по изучению вечериночной традиции Каргополья. В отделе изучения и музейной презентации фольклорного наследия музея-заповедника «Кижи» в электронном виде находится незаконченный отчёт Р.Б. Калашниковой за 2003 год по теме: «Каргопольские вечеринки»[4]. Он содержит библиографию по теме и часть собранных материалов. В отчёте представлены некоторые архивные, экспедиционные и опубликованные в дореволюционной печати источники. Цель данной статьи – познакомить читателей с материалами по вечериночной традиции Каргополья, собранными Р.Б. Калашниковой.

В первую очередь, следует отметить этнографический материал о проведении Каргопольской вечеринки, опубликованный в газете Олонецкие губернские ведомости за 1888 год. Статья называется «Большешальские беседы, игры, танцы и песни в Каргопольском уезде»[5]. В указанной статье даётся описание времяпрепровождения молодёжи в зимнее время. Приведём краткое содержание статьи. Молодёжь советуется о подходящей избе для посиделок. Выбранную избу называли «клуб». Парни решают вопросы заготовки дров, лучины в течение зимы, а девушки думают, как помочь хозяйке выпрясть часть её льна и мыть пол её избы по субботам. Первыми на вечеринку приходят девушки, обязательно с прялками. Все рассаживались по широким лавкам, знатные да славутные поближе к «большому углу», остальные без разбору. Обменявшись новостями, пошутив, посмеявшись, принимались за прядение. Работа в молчании длилась недолго, как вдруг из «большого угла» раздался ровный голос девушки запевалы, остальные подхватили, и полилась красивая песня «*Лучше бы я красная девушка с Пахомом век жила*». Почти сразу стали петь другую песню «*Цвели, цвели цветики, да поблекли*». Неожиданно на улице раздалась весёлая громкая песня толпы парней, идущих к девушкам на бесёду. Они пели «*Экой Ваня разудала голова*». Ватага парней человек двенадцать ввалилась в избу, один из них был с гармоникой под мышкой. Вмиг всё оживилось, один бравый парень предлагает сплясать местную пляску «паны» под песню «*Ходим паны за горами, а красны девушки за нами».*

Почти во всей Олонецкой губернии существуют предания о так называемых «панах»; лучше всего эти предания уцелели в Заонежье с прилежащими к нему частями Пудожского и Повенецкого уездов. Существуют также предания о пребывании панов и в Каргопольском уезде.

---

[1] Калашникова Р.Б. Бесёды и бесёдные песни Заонежья второй половинрыXIXвека. Петрозаводский государственный университет. Г. Петрозаводск. 1999. 142 с.

[2] Калашникова Р.Б. Вечериночная традиция Вытегорского уезда Олонецкой губернии второй половины XIX века // Кижский вестник № 6. Петрозаводск. 2001. С. 96-111.

[3] Калашникова Р.Б. Пудожскаявечериночная традиция конца XIX-нач. XXвв. // Кижский вестник № 10. г. Петрозаводск. 2005. С. 161-178.

[4] Отчёт по теме «Каргопольские вечеринки», автор Р.Б. Калашникова находится в электронном варианте в отделе изучения и музейной презентации фольклорного наследия музея-заповедника «Кижи».

[5] [И.С.] Большешальские беседы, игры, танцы и песни, в Каргопольском уезде // ОГВ. 1888. №84. С.822-823; № 85. С.832-834; №87. С. 857-858.

Паны в народном представлении – ни народ, ни сословие, ни род, ни племя; это чужие люди, приходившие обращать крещёных в свою веру. Они приходили в деревни, жгли дома, храмы, убивали народ, грабили и уходили восвояси. Что касается Русского Севера и Олонецкой губернии в частности, то «паны» как собирательный образ вобрали в себя и трансформировали народные воспоминания о внешних врагах: польско-литовских набегах в начале XVII в., столкновениях русских и карел со шведами в разные эпохи[1]. Эти представления нашли отражения в народной культуре, в частности, в песнях. В 2002 г. во время экспедиционной поездки в г. Каргополь Р.Б. Калашниковой была записана пляска под песню «*Шли паны за горами…»* от участников фольклорного ансамбля «Олонецкая губерния»[2]. В сюжете этой песни паны попросту украли девушку, т.е. они вели себя, как разбойники, о чём и говорится в преданиях.

Вернёмся к описанию вечеринки по материалам «Олонецких губернских ведомостей». После пляски «Паны» все рассаживались по лавкам, теперь уже девушки вместе с парнями. Некоторые из парней без всякой церемонии усаживались к девушкам прямо на колени. Сдержанный шёпот прерывался иногда звонкими поцелуями. После общения друг с другом все громко запели песню «*Что не ржавчинка у нас на болоте травушку съедает, поедает*». Закончив эту песню, девушки запели следующую «*Посылала Иванушка мати яровое в поле жито жати*». В описании бесёды есть ещё несколько песен, которые исполняла молодёжь: *«Зародилася Дуня, не велика, не мала»* и «*У стола парень стоял, слёзно плакал и рыдал».* На этом описание каргопольской вечеринки в статье Олонецких губернских ведомостей заканчивается.

В документах Р.Б. Калашниковой было обнаружено небольшое издание «Вечеринки Каргополья», подготовленное по материалам очерка И.И. Березина, который хранится в Каргопольском музее[3]. Очерк содержит информацию о молодёжных развлечениях начала XX в. Материалами для очерка послужили рассказы, записанные И.И. Березиным в 20-х годах XX в от его бабушки Марфы Осиповны Березиной (?-1928), прожившей более ста лет, и его отца И.М. Березина (1880-1965). Собиратель, сравнивая свои впечатления с рассказами бабушки и отца, делает вывод, что за целый век мало, что изменилось как в содержании, так и в формах проведения вечеринок. Однако в этой же публикации всё же говорится об изменениях, наблюдавшихся к началу XX века под влиянием отходничества. Бурлаки привозили в свои деревни из дальних краёв новые песни-частушки, стали появляться гармошки[4]. С течением времени в Каргополье, как и на всей территории Олонецкой губернии традиционный хоровод, бесёда стали уходить в прошлое. Всё чаще ходили кругом под гармонь, плясали кадриль под сопровождение музыкальных инструментов. В описании И.И. Березина перекликается традиционный ход вечеринки (окупание избы, приход девиц с рукоделием, затем приход парней, и т.д.) с исполнением частушек и кадрили. В описании уже не упоминаются традиционные молодёжные игры (хоровод, круг) и протяжные песни.

В ходе работы по теме «Каргопольские вечеринки» Р.Б. Калашникова обращалась к архивным документам и материалам дореволюционной печати второй половины XIX века, которые свидетельствуют об огромном просветительском потенциале сельского духовенства. Просветительская миссия духовенства состояла не только в том, что, начиная с 1830-х и вплоть до 1870-х годов, церковнослужители Олонецкой губернии обучали в собственных домах крестьянских детей. Историческая миссия церковного причта заключалась и в том, что именно священники и учителя были лучшими бытописателями крестьянского уклада, традиционной обрядности. От сельских священников, зачастую непосредственно занятых крестьянским трудом, можно было получить детальную и вместе с тем красочную информацию о жизни крестьян. Трудами священников были сформированы фонды многих архивов, в том числе фонд Олонецкой губернии Русского географического общества (С-Петербург)[5]. Для более подробного и

[1] Лойтер С.М. Возвращаясь к деятельности учителя–краеведа Ф.И. Дозе // Кижский вестник № 12. Петрозаводск. 2009. С. 131.

[2] НАМК Ф.1. Оп. 4. Ед. хр. 149. Экспедиционная запись Р.Б. Калашниковой в 2002 году с Третьяковой О.С., Проничевой Н.И, ансамблем «Олонецкая губерния» при Каргопольском музее.

[3] Вечеринки Каргополья. По материалам И.И. Березина. Подготовила. О.А. Рудомётова. Каргополь. 1999.

[4] Там же. С. 3-4.

[5] Калашникова Р.Б. Священники-бытописатели Олонецкой губернии в середине XIX века (А. Петропавлоский, И. Ивановский, А. Георгиевский) // Кижский вестник № 8. Петрозаводск, 2003. С. 36.

тщательного описания предлагалась программа исследования русской народности, которая состояла из вопросов по разделам: «Наружность», «Язык», «Домашний быт», «Особенности общественного быта», «Умственные и практические способности и образование», «Народные представления и памятники»[1]. Отправленные в 1850-е годы в ИРГО рукописи священников описывали с этнографической точки зрения практически все уезды Олонецкой губернии, кроме Каргопольского. Возможно, часть рукописей не дошла до Географического общества, но была опубликована в периодической печати, либо «осела» в рукописных фондах музеев и библиотек, о чём пишет Р.Б. Калашникова в своей статье «Священники бытописатели Олонецкой губернии…»[2]. Среди таких примеров – рукопись священника Каргопольской градской Предтеченской церкви Иоанна Матфиева Ивановского за 1860-1861 годы. Материал составлен из подробных ответов на вопросы программы ИРГО и адресован благочинному г. Каргополя Христорождественского собора протоиерею Василию Яжелбицкому. Среди разнообразных этнографических материалов имеются очень интересные подробности о свадебных обычаях, народном веселье и праздничном костюме, особенно женском[3].

Во время экспедиции в ноябре 1991 г. в Каргополь сотрудники музея-заповедника «Кижи» Р.Б. Калашникова, Л.В. Трифонова, Е.И. Яскеляйнен записали беседу с местной жительницей Куликовой (в девичестве Колпаковой) Елизаветой Ивановной (1906-2000) о женском костюме[4]. Предлагаемый фрагмент расшифровки из научного архива музея-заповедника «Кижи» также был включен Р.Б. Калашниковой в отчёт при описании вечериночного женского костюма: «…Которые такие побогаче девицы приезжали, дак у них ведь богатые платья были, много платья привезут и платки такие большущие и перевязки с жемчугом. Такой здесь жемчуг на перевязке. А женщины в кокошниках таких тоже, жемчуга здесь очень много. Вот они приезжают, в своих ситцевых платьях сходят, пройдут разочек взад-вперед, приходят, одевают *тканево платье*. Опять в тканевом платье сходят, разочек пройдут, приходят, переодевают шерстяное уже платье, сарафан шерстяной и казачок шерстяной. Потом в это время будет уже холодно, дальше тут они приходят, опять раздеваются, одевают шелковое платье. Опять сходят раз, пройдутся. Если кто побогаче, может там, которая побогаче девица может одеть *што**п**ный,* еще *пара што**п**ная*, как вот *што**п**ная р*иза у священника. *Што**п**ные* такие *с мажентами*и с такими этими нашивками [*имеются в виду што**ф**ный сарафан, што**ф**ная пара – прим. авт.*]. Такие, ну как у священника на ризе вот в аккурат такие нашивки всё по подолу-то. Длинные такие сарафаны, на подкладках всё. Платки длинные такие оденут, приколют, тут приколют. А девицы на косу, дак десять лент приплетут, десять лент привяжут на косу. А ленты вот атласные, вот такой шириной *на с**и**б**и* наплетают, какие уж я забыла. И вот так опять походят и, *придут,* начинают переодеваться уже в обратную сторону. Свои богатые наряды одевают уже обратно. До вечера доходят так, а вечером уже так в худеньком там в шерстяном платье ходят, ночь-то гуляют. На ногах ботиночки такие носили на шнурочках. Потом были такие *шеблеты* на резинках. Резинки сбоку и два ушка. Здесь ***ушок*** и здесь, в таких ходили ботиночках. Сережки-то были, а бус-то я не видела, не знаю. Золотые носили все, таких не носили. Но, это, конечно сережки были у более богатых, у зажиточных таких девиц. Дак которые и побогаче, дак те и с сережкамы золотыми. А вот они сарафаны и носили. У них сарафаны были и кофта. Сарафан, а потом и, значит, сверху казачок. И ситцевый был и шерстяной сарафан и всё было сарафанами. Вся одежда сарафанами. А с ситцевым, дак больше всё кофты носили потом. Свободные кофты. А вот мы дак шерстяные да такие, дак это уже казачки. Ну, вот сарафаны очень удобные, узеньки лямочки были, здесь вот так высоко. И сзади как-то вот таким вот *клинчиком.* Прилегает очень удобно. *Оне* передник привязывали всегда. Всегда ходили в переднике. И к шелковым [сарафанам] передники одевали. Какое платье, такой и передник подходящий, когда с кружева*м**ы***, когда с оборками, когда что, а с кружевами-то это обязательно. Но это праздничные, а так, обыкновенные передники, дак там со складочками или со *сборочкой* были, всё равно ходили в передниках. Без передников не ходили. Девицы дома, на вечеринки ходили в передниках все. А вот у них такая уж не знаю мода: надо было им передник…».

[1] Там же. С. 37.
[2] Там же. С. 45.
[3] Там же. С. 45.
[4] НАМК. Ф.1. Оп.4. Ед. хр. 4. Экспедиционная запись от Куликовой Е.Г. в ноябре 1991 года в г. Каргополе. Собиратели Калашникова Р.Б., Трифонова Л.В., Яскеляйнен Е.И. Расшифровка Поповой А.А. 1997 года.

Необходимо отметить, что подробные детали при описании традиционных костюмов, очень важны для комплексного изучения молодёжной вечериночной традиции.

***

В рукописи «К вопросу о Каргопольской вечеринке» представлен список литературы и источников, предлагаемый Р.Б. Калашниковой, с небольшими её комментариями.

Литература

Кораблев С.П. Этнографический и географический очерк г. Каргополя, Олонецкой губернии, с словарем особенностей тамошнего наречия. М., 1851.

Кораблев С.П. Этнографический и географический очерк г. Каргополя, составленный С.П. Кораблевым. М., 1851 (второе издание)

Куликовский Г.И. Словарь областного Олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

Вечеринки Каргополья. По материалам И.И. Березина. К публикации подготовила О.А. Рудомётова. Каргополь. 1999.

Архивные материалы

НАМК. Ф.1. Оп.4. Ед. хр. 4. Экспедиционная запись от Куликовой Е.Г., в ноябре 1991 года в г. Каргополь. Собиратели сотрудники музея-заповедника «Кижи» Калашникова Р.Б., Трифонова Л.В., Яскеляйнен Е.И. Расшифровка Поповой А.А. 1997 года.

НАМК. Ф.1. Оп. 4. Ед. хр. 149. Экспедиционная запись Р.Б. Калашниковой в 2002 году с Третьяковой О.С., Проничевой Н.И, ансамблем «Олонецкая губерния» при Каргопольском музее.

Рукописный отдел Каргопольского музея. КП № 10538. Ивановский И.М. (священник Каргопольской Градской Предтеченской церкви). Рукопись, адресованная Благочинному г. Каргополя Христорождественского Собора Протоиерею Василию Яжелбицкому 1860-1861 гг.

Источники:

Андреев И.Н. Статистический очерк Архангельской волости Каргопольского уезда // ОГВ. 1873. № 23-25 (местность, население, занятия, промыслы, торговля, подати, нар. нравственность, просвещение).

А-ский С. Троицын день в Каргополе // ОГВ. 1898. № 52.

(Б.п.) Продолжительность святок (в Ошевенской волости) // ОГВ. 1887. № 100.

(Б.п.) Троицын день в Каргополе // ОГВ. 1857. №26/27.

Б-ов Е. Из обычаев Обонежского народа // ОГВ. 1867. №11,12,13, 14, 15.

Б-ов Е. Черты из психологии Обонежского народа // ОГВ. 1867. №1, 2, 8.

Барсов Е. Свадебные причитания Каргопольского уезда Архангельского прихода // ОГВ. 1867. № 25, 26.

Б-ов Е. Каргопольские свадебные причитания // ОГВ. 1867. № 3, 4.

Воронов А.П. Древний народный обычай // ОГВ. 1887. № 95. (Рит. убийство бычка в Ильин день в Моше).

Докучаев-Басков К.А. Своеобразные народные праздники // Церковные вести. 1890. № 16. С. 283-284. («Баранье воскресенье», праздник «коровьего бога», праздник «стенам и ободверинам»).

Ильинский В. Свадебные обычаи в Ряговском приходе Каргопольского уезда. Петрозаводск. 1889. Переп. Из ОГВ. 1889. № 84-90.

В. Свадебные обычаи в Ряговском приходе, Каргопольского уезда // Олонецкий сборник. Вып.3. Петрозаводск. 1894. С.347-366.

И.С. Большешальския беседы, игры, танцы и песни, в Каргопольском уезде // ОГВ. 1888. №84. С.822-823; № 85. С.832-834; № 86. С. №87. С. 857-858.

Куликовский Г.И. Общественный пир в Каргопольском (уезде) // ОГВ. 1895. № 9. (Ильин день).

Куликовский Г.И. Беседные складчины и ссыпчины Обонежья // Олонецкий сборник. Петрозаводск, 1894.Вып. 3. С. 405-410 (паг. 2-я).

Макарьевский В. Свадебные обычаи в Мишковской волости Каргопольского и Пудожского уездов // ОГВ. 1862. № 2, 3, 4, 7, 10/11, 28, 29, 49, 50; 1863. № 1, 2. Ч. неоф.

Малиновский Н.Л. О свадьбном обряде. О колдунах в Воезере // ОГВ. 1878. №74. С.888.

Малиновский Н. Свадебные обычаи в Воезерском приходе (Каргопольского уезда) // Олонецкий сборник. Вып.2. Петрозаводск, 1886. С.35-36. То же.Ол. сб., Петрозаводск, 1902. Вып. 4. С.35-38 (паг. 2-ая).

Нименский В. Ильин день в Шильде // ОГВ. 1873. № 64.

Надежин А.К вопросу об уводе невест в Каргопольском уезде // Олонецкий сб., Петрозаводск. 1902. Вып. 4. С. 73-74 (паг. 2-ая).

Петров К. Устьмоша (Из путевых заметок) // ОГВ. 1864. № 22, 24. (История, предания, церкви, занятия жителей, семейные праздники, пища, игры).

П.М. Ильин день в селении Виданы (Петрозаводского уезда) // ОГВ, 1891. № 60.

[С-в Ив.] Валдиево (Сельский приход, Каргопольского уезда) // ОГВ. 1892. №46. С.486-487; №48. С.509-510.

Соколов И. Увод девиц и некоторые свадебные обычаи в Каргопольском уезде // ОГВ. 1875. № 83. То же Олонецкий сб., Петрозаводск. 1875/76. Вып. 1. С.28-35 (паг. 2-ая).

Унин Л. (Лунин С.М.) На вечеринке (в Карг. уезде) // Изв. О-ба изучения Рус. Севера. 1911. № 2. С. 93-99.

Л.Г. Козинская (г. Архангельск)

Локальные традиции праздника Масленицы на Русском Севере

Исследователи отмечают: «Среди множества календарных крестьянских праздников Масленица занимала особое место. Она была древнейшим истинно народным праздником, отразившим двойственность крестьянского мироощущения, вобравшего в себя элементы как христианских, так и языческих верований»[1]. «Празднование Масленицы совпадает с новолунием, напоминая о том, что в Древней Руси она праздновалась как начало Нового года по лунному календарю. С XVI в. после церковной реформы, упразднившей мартовское новолетье и утвердившей 1 сентября (по ст. ст.) как начало нового года, масляная неделя стала восприниматься как праздник проводов зимы и встречи весны»[2]. ***(илл 1)***

На севере России

Этнограф и археолог А.В. Терещенко своей книге «Быт русского народа» (1847-1848), сообщает: «На северном конце России, именно в Архангельской губернии, сохранялся обычай отправления масленицы, несколько сходствующий с римскими вакханалиями… Здесь масленица начинается с четверга. В этот день ездят по городу на больших санях с кораблем, который обвешивается флагами разноцветными и испещряется изображениями рыб, птиц, волков, медведей, тигров, лисиц, львов, и пр., с разинутою пастью. На мачтах висят шкуры этих животных и чучела птиц и рыб. Замаскированные идут позади; музыка сопровождает общее веселье. Почётные жители, купцы, мещане и другие горожане одеваются в нарядное платье; некоторые из них являются в уродливых масках; за этой весёлой толпою тянутся рядами экипажи, и все отправляются с поздравлением к начальнику города и другим почетным особам. После поздравления возвращаются домой пировать. В пятницу и субботу продолжается поезд, но с меньшею пышностью, и уже ездит каждый ремесленный цех со своими значками, например рыболовы с изображениями рыб и других предметов, принадлежащих к их ремеслу; мастеровые со своими вывесками, а купцы с вывескою своих товаров, кто чем торгует. В воскресенье повторяется первый поезд. Все это действие называется масленица едет. В эти дни также на санях катаются с гор, качаются на качелях и едят блины с икрою»[3].

В книге «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» (1837-1839) И.М. Снегирёва читаем: «В Архангельске, подобно как в Париже, мясники возят по городу о Сырной неделе быка на огромных санях, кои запряжены несколькими десятками лошадей и связаны с другими санями»[4].

А вот как писал (1884) историк Архангельского порта С.Ф. Огородников:«...В масляницу на Соломбале, против каменных казарм, занимаемых морскими командами, на площади строились высокие ледяные горы, одна против другой, на столбах, а по сторонам катища, густо обставлявшегося, как и самые горы, ёлками, устраивались ледяные павильоны с лавками, столиками, графинами и рюмками тоже изо льда. Вокруг гор образовывалось на лошадях настоящее гуляние, и такое же, по особым дорожкам, – для пешеходов. Горы пестрели флагами, оглашались музыкою и украшались разноцветными фонариками...***(илл. 2)*** Вдруг, бывало, раздастся в народе говор: «Масляница едет! Масляница!». Мы, ребятишки, бежим в ту сторону, откуда доносится сперва неясный шум бубен и трель барабанов, а затем едет и сама «масляница», доставлявшая нам неописанный восторг. Это было не что иное, как большой карбас, ставившийся на широкие полозья и возимый несколькими парами разукрашенных лошадей. В карбас укреплялись две высокие мачты и бушприт, обвешанные по снастям сверху донизу пёстрыми флагами, а на вершине одной из мачт укреплялось человеческое чучело в самоедском костюме. На самом же карбасе помещались доморощенные музыканты, песенники и плясуны, одетые по сезону в различные меховые костюмы, испещренные разноцветными лоскутками лент и с выпачканными сажею лицами. Такие же субъекты сидели и на передних

[1] Соснина Н.С. Масленица // Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря. Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Искусство, 2001. С. 325.
[2] Тульцева Л.А. Календарные праздники и обряды. Масленица // Русские. М.: Наука, 2005 . С. 625.
[3] Терещенко А.В. Быт русского народа. Часть VII. СПб. 1848. С. 338 – 340.
[4] Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды: Ч. 1/Под ред. А.Г. Кифишина. М.: Сов. Россия, 1990. С. 72.

лошадях. Шум, гам, дикая музыка, бряцанье колокольчиков, народный говор и смех стояли стоном в воздухе, и «масляница» двигалась тихо по главным соломбальским улицам. Случалось, что таких «масляниц» появлялось на Соломбале зараз три, с двух концов: из города и из-за реки…»[1].

Описание похорон Масленицы в г. Варзуге

Г.А. Носова, картографировавшая масленичную обрядность, утверждала, что «в областях Русского Севера издавна сложился определённый обрядовый комплекс. Так обряд проводов Масленицы, составляющий ядро праздника в центральных областях, на Севере не отмечен наблюдателями…»[2].

Полевые записи и редкие опубликованные источники, собранные мною и другими исследователями, убедительно показывают: проводы – похороны Масленицы были также распространены на Севере России.

Н.П. Колпакова в книге «Терский берег» привела из дневника своего деда С.П. Колпакова интересное описание похорон Масленицы в г. Варзуге, происходивших 20 февраля 1896 года: «Зимний простор тундры раскинулся вокруг Варзуги неподвижным бархатом, белизна которого слепила глаза. С утра по угорам деревни слышны были звуки гармоник, смех и песни. Надо сказать, что это был последний день масленицы... По улице шла процессия. Впереди, выплясывая и припрыгивая перед народом, вертелся парень с гармонью в руках. За ним на плохих дырявых санках девушки везли соломенное чучело, по-бабьи повязанное платком. Дальше шли девушки и жёнки в тулупах, малицах и пестрых рукавицах…

- Это что ещё за галдёж? – с недоумением осведомился Петр Николаевич, подошедший к окну одновременно со мной.

- Масленицу хоронят, – отозвался вошедший к нам хозяин, – так уж у нас по старинке каждый год ведется.

Процессия уже спустилась к реке и теперь с теми же песнями и припляскими перебралась на высокий правый берег Варзуги. Там, недалеко от узкой церкви с затейливыми кокошниками и остроконечными деревянным шатром, шествие остановилось. Чучело сняли с саней и с громкими криками веселья спихнули с обрыва. После этого женщины стали поочередно подходить к краю берега и что-то кричать вслед Масленице.

«А мы Масленицу проводили, об ней не потужили…»;

«Уходи, зима, ко дну, присылай весну…»;

«Масленицу провожаем, света-солнца ожидаем…»[3].

В середине прошлого века традиционные праздники запрещались и постепенно были забыты древние семейно-родовые и аграрно-земледельческие традиции крестьян.

Не понимая сути, исконного смысла народных праздников, велась научно-атеистическая пропаганда и над традициями праздников насмехались. В настоящее время празднование Масленицы, сводится к одному дню и воспринимается как праздник «Проводов зимы», а прощёное воскресенье – прощённый день остался в памяти некоторых старожилов под названием «Зимнее заговенье».

Перейдём к описанию локальных традиций масленичных обрядов на примере полевых записей, собранных мною в Коношском районе в бывшем Кадниковском уезде Кремлёвской волости и Каргопольском уезде Меленьтьевской и Клёновской волостей. Материалы записаны в 1989-2004 гг. от очевидцев, родившихся в первой половине прошлого столетия.

С. Треть. д. Мотылево

В Трети, бывшей Кремлёвской волости, молодёжь в зимнее Заговенье устраивала кружала, качели, горки. Около них устраивали гулянья с песнями и плясками.

«Катя: Да Заговенье былё. И катались.

[Это называлось Заговенье? А на Масленицу чево делали еще?]

Катя: А это я не помню Масленичю, ничео не помню.

[А как одевались на Заговенье?]

---

[1] Огородников С.Ф. Воспоминания бывшего кадета. Кронштадский вестник, 1884. № 81.

[2] Соколова В.К. Весенне–летние календарные обряды русских украинцев и белорусов XIX–начало XX в. М.: Наука, 1979. С. 16.

[3] Колпакова Н.П. Терский берег. Вологда: Сев.обл. изд-во, 1937. С. 74-76.

Катя: А чево, дольник наложим, дольник да, дубленку да, хфату да… Дак дольник новый наложим, хороший с прошвой да.

Сима: Ой! Зимное-то Заговенье дак качули деляли да, кружала деляли да. Празники справлели да, качелисе да, виселилисе да, каталисе да. А чёво ищё россказать?...Справлели Заговенье. Справлели добро. Веселилисе. Была и пляска, и писни – всё былё.

Катя: Да-да. Зимой, зимой. Катались. Стелюги были. Качюля была вот за нашей избой в Паунинськой. Высока. Вот в Заговенье и каталисе всё на качелях.

Потом возьмём сани не то дровни, уйдём на Василёво. Катались деувки да робята. Там у нас на Василёве горушка такая была, туды к Чюблаку. Дак вот седём и туды все поидём! Дак хто куды валеемсе… Нет, мы то сани возьмём, то возьмём дроувни.

[А как вместях, парами или не парами?]

Катя: Не-е. Мы сколько налипитче. Сколько может налипитче…».

«Мода была ведь зетя возили»

В середине прошлого столетия жители с. Треть помнят, как в изукрашенных санях приезжали за молодожёнами. Возили зятя к тёще на блины. Катались на лошадях по всему селу.

«Сима: Костя у нас приедёт этта на лошадé, дак увезёт нас туды к своим на родину. Мода была, ведь зетя возили. Молодых возили. Костя всё наш приезжал… Приидёт на лошадé, увезёт нас. Вот ищо дядя этта Олёкса был. Тоже мамкину сестру брал. Дак дядя то Олёкса ишто говорит: «Вот, Иван Иванович, вот мы с тобой не ошиблись жонились то. По ково приедут то?! А по нас приехали!». На лошадé, на санях приедут.

[Красивые сани были?]

Сима: Были красивые раньше то. Модные. По-старинному! А сани цево? Были все выкрашены да изукрашены. Сани дак сани и есь. Это по серёдке была беседка. Кучер, как говоритче, на беседке сидит. А гости сидят назадé ту дака…

[И куда возили?]

Катя: А на родину. Куды? Вот мы были из Паунинськи.

Сима: А вот, деувка, добро было то да.

[Заговенье когда было?]

Сима: А я не знаю, масленичя то, памяти сейчас нет дак. Маленичя, я вот так думаю. Сперва Заговеньё на мясо, потом уж вот эта та Масленичя идёт.

[Было мясное Заговенье?]

Сима: Первую нидилю.

[А бочку или колёса не жгли у вас?]

Сима: Нет, этово не было у нас. У нас только катались да, качелись да. На конях то издили вот раньше то говорят дак, бойко издили на лошадях то. Были свои те кони да сани те да всё былё то дак. А мы то уж малёе тово захватили…».(Зап. 2001 г. в д. Мотылево от группы женщин: С.М. Овадовой, 1930 г.р., А.Д. Рудаковой, 1929 г.р., Е.М. Мальцевой, 1924 г.р., урож. д. Паунинская с. Треть, Даниловского с/с, Коношского района).

Полученные в 1990 г. сведения от А.Л. Шиловой, 1914 г.р., Островецкого с/с Каргопольского района, говорят о том, что в их деревне «жгли чучело Масленицы, а мужики её ругали, как-то, кричали».

С. Кленово. д. Гора

В деревне Гора в бывшей Клёновской волости Каргопольского уезда мною зафиксирован уникальный обычай в Заговенье «собирались деушки славутницы на полозок».

Собирались на полозок славутницы

«Нет. Девок ставили на показ у нас в Заговеньё… И слаутницы все стоят в ряд и по обе стороны.

[Расскажи про слаутницу. Как одевалисе, ставали для чего?]

-Дак вот одёвалисе всё, што сáмо хорошо. Вот разны платки… Вот у церкви-то, у цясовенки, на Горе. Называлсе – полозком.

[Полозок?]

- Да. Вот собирались на полозок почему-то так… И вот все эти деушки слаутницы розодетые, в отласных платках стоят на полозке. И вот проеждают мужики на санках, посадят, и когда посадят тибя в санки-те, да.«Ой-ой-е-ей!» – бабки-те шепчутче – «Ой, погляди-ко

Анюшку-то!».(Анюшкой звали в диревне, не Нюра, не Аня). «Анюшку-то посадили. Анюшку!» «Ну, дак она слаутница и есь!»

[Девки стоят на полозку?]

-Стоят мно-о-го! В один ряд стоят на полозке. Да девок писят стоят. Аха. Вот такой. Вот ты вот стоишь с той стороны. В один ряд все стоят. И проездяли вот парни-те, дак народу-то было! Говорю, на одной биседе писят пять парней.

[А как вот выбирали девушек, славутниц? Как, например, тебя выбрали?]

-Дак миня выбирал тот, кто миня любит, жоних.

[Каждая девушка могла встать?]

-Увсе вставали, увсе. Вот снацяла в центре стояли слаутницы. А там уж бедны. Те одеты бедно... Но ехали больше к слаутницам.

[Богатые в середине, а бедные по краям?]

- А бедные по краям.

[А парни подъезжали на лошадях и выбирали, да?]

-Аха. С прозвончиками да.

[А парень-то один был в санях?]

- Один. Ну на полозок и привозил. Прокатит туда, в поле, да до дому, завернутче да, и опеть на полозок.

[А бабы судят, стоят?]

-А бабы-те, дак чео им не судить? Ой! Мало я ето времё захватиля. А потом ето советськя-та влась сталя. Стали церкви-те зорить, да всё…». (Зап. в 2004 г. от А.М. Куриченковой, 1915 г.р. урож. д. Гора Клёновский с/с, в п. Коноша).

В селе Вохтома

В селе Вохтома нынешнего Коношского района, в бывшей Мелентьевской волости Каргопольского уезда, Масленицу встречали и провожали следующим образом.

д. Куфтырёвская. (Погост)

«Масленичя начиналась токо горушку зделают. Да катютче всю ниделю, ходят на санках вечёрами.

[И как эта неделя называлась?]

-Масленичя… Великий пост наступает, а конечь промеж говиньё кончяетче к Пасхе. Это вот Говинье то которо идёт. Дак то начинаетче, промеж говиньё кончаетче. Первое воскрисеньё, когда ниделя начинаетче масленичи, деляют горку. Высекают лоток. Это лоток секут такой, што вот в лотке катитче, с горушки то скатисе, штобы в сторону то никуда то санки, никуда ни ушли, дак лоточик высекут такой небольшой и у нас тутака катало до речново мосту.

[Это сверху горы?]

-Сверху с горы.

[А это лодок такой ледяной?]

-Дак обливалимы водой.

[А высекали из снега. Да?]

-Да в снегу. Вот зделают это всё молодёжь, всё мóлодёжь. Старики тут ни касались. Тёсу принесут. Горку высокую зделают, такие стелюги. На эти стелюги этово тёсу накладут, потом на бока положат. Штобы санки, входили даже дровни, на лошадях которы ездят. На этих дровнях вот в праздники, воскресеньё вот в последний день дак каталисе и старые, и малые и пожилые, ну всякие там зберутче, к горушке народ ходил. Да со всей диревни придёт дак. Сядут на эти дровни, сядут и туда катятче, под гору каталисе.

«…ни почелуитесь, дак ни покатитесь!»

[Молодые у вас катались на саночках расписных?]

-Катались…

[Катались парами девка с парнем?]

-Вот этово, когда они, когда заберутче туда наверх на этот мосток катитче, токо сядут на санки, их зафатывают то мужики, то там рибята, да и бабы зафатят. «Вот пока ни почелуитесь, дак ни покатитесь!» Это было!

[Они женаты были первый год?]

-Нет. Просто неженатые. А вот девка с парнём там залезают, парень садитче, а девка к ёму в колени садитче на санки. Девка вперёд, а он взади, на санках. Он управляет санками едет, это в заде сидит. И вот катимсе туды. ***(илл. 3)***

[А девку как выбирали, любую брал или сама девка садилась?]

-А когда девка у парня попроситче, што ну там Ваня ли, Коля ли, Вася ли идёт так: «Вася, прокати миня!». Он, если с санками, он скажот: «Пойдём!». Или он подойдёт к девке, которая ёму там надо прокатить так: «Пойдём покатаемсе!». Весь вечёр и катаютче. Домой едва прибредёшь до чево докатаешьсе.

[Это в последний день?]

-Ни последний день, а ниделю целую так мы ходим катаемсе вечером.

Ездили на лошадях кругом деревень

[А на лошадях как ездили, в какой день?]

-А на лошадях ездили в субботу. К нам приезжали в субботу, к нам вот сюда, в нашу диревню, со всей волости. Тожо. У-уй! Народу то набьётче. Дак веть лошадей то дак! Сохрани, Хосподи! Дорогу-то розомнут вот тут дак, как толокно. Идёшь чуть за катаньки ни черпаёшь. Как вода, россыпаетче снег-то, весь розомнут лошадями-то да санками да. Все наряженные лошади-то, там лентами украсят да бантиками всякими, да и збруя-та всякая такая, у которых куплена хорошая. Раньше збруи-то покупали хорошие, а всё на полусаночках. Санки хорошие всё. Приедут. Вот сюды приедут, этта поездят около кругом диревни, и все опеть приходят к горушке. У горушки покатаютче, там кто чаю попьет, скодит куда-нибудь попьёт, опеть поезжают домой, опеть катаютче кругом диревни и уезжают. А нашина Больший Пал да на Малый дак поезжали в воскресенье. Вот.

Проводы. Жгут бочку. Хороводы

В воскресеньё вечёром, вот в пять часов вечера, зажгут эту бочку и она горит весь вечёр. Она горит, когда это вот горку розворочают. Служба веть идёт в тот день. Уже начинаетче Великий пост. Пройдёт служба, ну там вечерняя нибольшая служба, служба нидолгая, так сразу начинают эту горушку ворочать. Розворочают, а бочка горит. Потом караводами и ходят по диревне девки и молодёжь.

[А хараводами как, в круг?]

- А вот идут по диревне, поют зафатятче, идут и поют.

«Богачей волочили»

И вот богачей-то тоже тогда волочили, на сани посадят, стул поставят в сани. Этот богачь седёт там на этот стул, ево от диревни к диревне и волочат бабы да девки!

[Тоже на масленицу?]

- На масленицу вечером.

[А бочка всё время горит на горе?]

-Да, она и горит-то, где была горушка, дак от горушки так в боку горит.

[Так и горит всю ночь?]

-А горит, а человек охраняет, штобы ни загорело там, дома то веть рядом.

[А вот масленицу готовили, горушки готовили это все в основном молодёжь?]

- Горушку молодёжь, да. А вечерами вот мы собирёмсе, покатаемсе эдак вот навечеру. Чясов в семь все собираемсе, ну где биседа в каком дому. На ету биседу. На эту биседу приходим, молодёжь приходит, посидим: «Ну давай, девки, собирайтесь, пойдём горушку обливать!». Берём ушаты, санки и волочим воду. Горушку обольём, всё туды нальём. Ярый лёд дак! Лотком горушка эта. Ярый лёд…».(Зап. в 1989 г. от А.П. Ильиной, 1907 г.р. в д. Куфтыревская, Вохтомского с/с).

д. Турово

В 1991 г.в д. Турово мною записаны оригинальные обычаи: «Ездить на горушку», обряд проводов Масленицы – «Чучело пинали в кругу».

«Масленичя начинаетче в ето восресенье. Будет мясное Заговенье 6 марта. Потом начинается Заговенье нидиля до 13 марта, последний день Масленичи.… Делаем в эту нидилю горушки. Большую горушку делают и маленьких, тех ни одну сделают робятишкам. Большую делают на диревне, где людей меньше ходило. Около Кости Ожигина избы туды зделают. Делают стелюги, врубают брёвна, врубают поперечно. Три бревна, бывают и по два. Между

бревнами (для крепежа) кряжики. Делают из снега и воды лоток, уходит в землю, в снег. Всю неделю катаютче до субботы…».

«Ездить на горушку»

Катается обычно молодежь по кругу, делая десятки вёрст, вокруг своих деревень. Это означало «ездить на гору», «на горушку».

«Мы берем катаемсе в субботу на лошадях. Товарищ с товарищем, …девка, котора с парнем гуляет. Маленькие санники длина 1,5 метра. Санки маленькие, чёрные под лак, по двое на маленьких санках. Изукрашены, свúтают даже взáде. Подножки с вольной стороны, а не внутри. И тутака приделано, как ноги положит. Парень садитче по праву сторону, девка по леву. Парень правит, одну ногу выкидывает.

В субботу с 10 часов большие сани, побольше берём. Днём тащит лошадь Бурка. Батюшка в тот день овсом кормит. Часа два надо издить по диревне в Заговенье в субботу. Дорогу зделают, што толокно…Договариваютче:«На горушку в субботу на твоей лошади». Поúдем на горушку на Погост и Верховье в субботу. Приеждяют вечером. Домой приеждяют, берут мою лошадь. В Воскресенье уж на Большой Пал и Малый Пал. Ездили, ездили, все катаютче… Едут домой друг за дружкой. К Погосту к дороге всех ждут… И девки бегают, как с горушки… те будут приезжать, и старые ходили смотреть. Скотину накормят пораньше. По диревне два разка проедут. …Едут уже на другой лошади. Тётушки, с горушки едут, стоят да глидят, как катаютче, кто с кем смотрят, а какая свекровка. …«Девочьей то красоты ни забудёшь».

По диревне с песнями катаемсе в субботу: «На проходике то у нас», «Пташка вольная», «Кинарейка» обизательно, частушки».

Проводы Масленицы

Вечером на деревне жгут бочку с дёктем. Мужики, стоя в кругу, пинали чучело птицы «куричю».

«…На диревне жгут бочку с дёгтем, пустая, только штобы был дёготь. Она на снегу. Она горит и деревянная, дёготь пока не сгорит и вся. Всё выгорит и летом заметно, что травка здесь не ростёт.

Чучело пинают около бочки на диревне. Чучело набивают соломой, сеном, делают как куричю. Из черного материалу, желтый, красный грибешки. Один пнёт, другой пнёт. Это всё в кругу. А на дороге издят, боисе и через дорогу перебижать… Даже разъехали деушку Верушку, под санки попала, ниделю хромала.

Охотники специально делали чучело, …а то из охотников принесёт. Ево растреплют… Только тряпочки и сено валеетче… или охотники уносят…Ногами все пинали, все ногами пинали. Часа три пинали ни один…Надоть кажному пнуть и пока… человек ни упадёт. Пинают в чучело и в ково попадёт.

Дéдюшка Тоша всё чучело… Тоша приносила чучело. С горушки едут, бочка горит, а чучело пинают парни. Только мужики пинали.

[А девки?]

- Девки скромнее были… А уж позно, уж вечером бочку снегом закидают, только искра летит».(Зап. в 1991 г. от В.Г. Козициной, 1918 г.р., урож. с. Турово, в д. Осташевская, Вохтомского с/с).

«На горушку на Масленицу издили. С субботу и воскресенье на Погост, на Малый Пал… «Поехали на лошадях на горушку!» …С колокольчиками, прозвона три. Звуки разные. Проезждают, на диревне бочку жгут… у Толиной избы лужочик на горушке. Чучело мужики пинали. Когда от горушки едут, подъезжает, мúнят лошадей…». (Зап. от А.А. Козициной,1930 г.р., урож. с. Турово, д. Осташевская, Вохтомского с/с)

На Русском Севере масленичные обряды и обычаи при сходстве в целом с общерусскими имеют и свои оригинальные черты и названия. Это обряды, связанные с молодожёнами и молодёжью вообще: «первогодние молодые «горку мазали»; «солить рыжики на пост»; «трясти шапки»; выкуп «на мечь»,«вставать на мечь»; загораживание дороги «порох на губе!»; смотры молодожёнов, «столбы»; «на полозке стоять».

Отметим только некоторые из них с показом иллюстративных материалов, реконструированных ФЭТ «Славутница» на территории Архангельского музея деревянного зодчества «Малые Корелы». ***(илл. 4- 5)***

«Выдвижение на первый план новобрачных, чествование их, давшее повод некоторым исследователям утверждать, что масленица в целом – праздник молодожёнов, органически связано с сущностью масленицы как первого весеннего праздника. Молодые, недавно поженившиеся пары, по древним воззрениям должны были магически способствовать плодородию и одновременно, сами участвуя в обряде, получали как бы новые силы, укрепляли семью, обеспечивали потомство. Особенно явственно магия плодородия выступает в катании молодых с горы, в наваливании на них присутствовавших на гулянии, зарывании их в снег и т.п.»[1].

Изучение и научная реконструкция обрядов в наши дни является неотъемлемой задачей по сохранению традиционных крестьянских праздников. Мы понимаем, как важно показать истинный народный смысл этих праздников молодому поколению и всем, кто хотел бы познать свои корни, ближе узнать свой народ.

Илл. 1. Б.М. Кустодиев.
Масленичное катание, 1919 г.

Илл. 2. Деревянная горка в Соломбале.
Фотография с почтовой открытки нач. XX в.

Илл. 3. «Катание молодых» – реконструкция ФЭТ «Славутница» в музее «Малые Корелы». Фото И. Дейнеко, 2002 г.

Илл. 4. Смотры молодых – «столбы водить». Реконструкция ФЭТ «Славутница» в музее «Малые Корелы». Фото И. Дейнеко, 2000 г.

[1] Соколова В.К. Масленица (её состав, развитие и специфика) // Славянский балканский фольклор. М.: Наука, 1978. С. 63.

Илл. 5. Выкуп «на меч». Реконструкция ФЭТ «Славутница»
в музее «Малые Корелы».
Фото Т. Ишениной, 2007 г.

В.Б. Шмакин (Вологодская обл.)

Геополитическое значение походов северорусских землепроходцев на Северо-Востоке Азии в XVII –начале XVIII века

Русско-Американская компания, основанная в 1791 г. и возглавлявшаяся А.А. Барановым, к середине XIX в. от имени Российской Империи управляла огромными территориями в Северной Америке – свыше 1,5 млн км^2, с самой большой береговой линией среди всех государств американского континента. Если считать от Форта Росс, русские владения простирались от 37˚ до 71˚ с. ш. – от Арктики почти до субтропиков.

Каковы же геополитические и исторические корни появления таких огромных владений? Обычно при описании истории появления Русской Америки используется простая схема: к началу XVIII века плавание Семёна Дежнёва было забыто, и не был ясен вопрос о соединении Азии с Америкой; в неведении император Пётр I послал первую экспедицию В. Беринга, в 1728 г. открывшую пролив между Чукоткой и Аляской; далее в ходе второй экспедиции в 1741 г. русские высадились на Алеутских островах, после чего началось их движение к востоку и югу вдоль побережья и постепенное заселение Аляски[1].

Америка по этой схеме трактуется пассивно – как уже по праву принадлежащая Британии, Испании и Франции, а русские предстают агрессивными новичками.

Эта схема при внимательном рассмотрении оказывается мифом. Из любопытства такие грандиозные предприятия, как обе Камчатские экспедиции, не совершаются.

Экспансия – свойство любых империй, необходимое условие их устойчивости, независимо от реальной потребности в новых территориях. Прекращение экспансии, как показывает история всех европейских империй сXV до XX вв., ведёт к распаду империи. Для обоснования экспансии главную роль играет та или иная геополитическая идея.

Испанская экспансия в Америку началась ещё в XV в., британская – в XVI в. К середине XVIII в. американские колонии этих империй уже имели значительные территории и население, экономический потенциал, и даже свою историю и традиции.

России же, как империи, ни в XV, ни даже в XVII веках просто не существовало. Морскими путями она не владела, Америка была от неё бесконечно далеко. И вдруг в 1775 г. испанская экспедиция Эрнандеса и де ла Бодеги, впервые за два века проникнув вдоль западного побережья Америки от Мексики за 55˚с.ш., встречает русские поселения! Требования этой экспедиции и последующих походов Фидальго (1790 г.) и Маласпины (1791 г.) о признании испанского суверенитета над Аляской (со ссылками ещё на папские буллы XV в.!) не вызвали никакой реакции у русских, кроме саркастического недоумения, – они уже считали эту землю своей, что вскоре и закрепили созданием Русско-Американской компании, первый указ о которой был издан Екатериной II ещё в 1784 г.

На самом же деле к середине XVIII в. ни Британия, ни Испания не имели не только владений, но и какой-либо информации о северо-западной половине Северной Америки. Это хорошо видно из карты Герарда Фридриха Миллера 1758 г. ***(илл. 1)***, на которой учтена вся географическая информация на середину века. Хорошо видно кардинальное отличие изученности Российской Азии, с одной стороны, и Северной Америки, с другой. Если география первой по детальности уже близка к современной (за исключением разве что Сахалина и севера Чукотки), то на севере Америки на карту были положены только восточные берега вплоть до Гудзонова и Баффинова заливов (результат плаваний Фробишера, Дэвиса и Гудзона с 1576 по 1671 гг.). Встреча с русскими подтолкнула Испанию и Британию к экспансии на Тихоокеанском побережье.

На середину XVIII в. западное побережье Америки было известно весьма приблизительно – по существу, лишь её береговая черта, как результат нескольких испанских плаваний из

[1] Ефимов А.В. Из истории русских экспедиций на Тихом океане. Первая половина XVIII века / А.В. Ефимов. М.: Воениздат, 1948. С. 176.

Акапулько с 1542 по 1683 гг. до нынешнего Орегона. Лишь в том же 1683 г. была основана первая католическая миссия в Сан-Бруно в Калифорнии, считавшейся испанцами далёким севером. Те же миссии, т. е. небольшие постоянные поселения, в Сан-Диего, Монтеррее и Сан-Франциско появились лишь в 1769-1776 гг. А всё, что известно было к 1758 г. по американским берегам и островам севернее Орегона, - это исключительно русская информация, на то время тоже довольно отрывочная.

Великобритания на конец XVIII в. на западном побережье Америки отметилась лишь эпизодическим посещением её Ф. Дрейком в 1579 г. (залив Селезня возле нынешнего Сан-Франциско), объявившим всё побережье на основе той же папской буллы «Новой Англией». Но на этом требовании всё британское присутствие на два века и ограничилось, вплоть до Третьего плавания Дж. Кука 1778 г., который положил на карту всё побережье от Орегона вплоть до севера Чукотки. А трансамериканская экспедиция О. Маккензи и кругосветная - Д. Ванкувера, географически связавшие оба побережья Северной Америки и уточнившие карты Кука, были осуществлены лишь в 1792-1794 гг.

Таким образом, русские, впервые пройдя вдоль американского берега в 1732 г. и высадившиеся на острова в 1741 г., были там для местного населения первыми европейцами. О присутствии мифических испанцев в далёкой Мексике до местного населения доходили лишь вековые легенды через многих посредников.

Экспансия, особенно в самые удалённые области Земного шара, каковыми на XVIII в. являлись северо-западные регионы Америки, - дело очень дорогое, требующее целеустремлённости, базирующейся на сильных идеологических предпосылках. Таких геополитических идей, подталкивавших продвижение европейских держав в Северную Америку, можно выделить три. Они показаны на схеме рис. 2 «облаками»; на этой же схеме «домиками» обозначены поселения, треугольниками – карты, овалами – личности.

Первую идею можно назвать «Анианской». Она оформилась в середине XVI в. в Риме – тогдашнем не только религиозном, но и интеллектуальном центре Мира - после плаваний Магеллана и Васко да Гамы, получения первых реальных сведений из Китая и Японии, что позволило в целом понять очертания главных материков Земного шара. Суть Анианской идеи в том, что Азия и Америка на севере должны быть разделены проливом, который назван Анианским. Первое упоминание этой идеи известно на карте Б. Аньезе (1554 г.), она была закреплена Г. Меркатором в Атласе 1569 г. Практический смысл Анианской идеи состоял в возможности достижения Китая, считавшегося тогда сказочно богатым по сравнению с Европой, с севера - либо Северо-Восточным проходом вокруг северной Азии, либо Северо-Западным – вокруг Америки.

Анианская идея довольно быстро стала известна в Москве – вероятно, через московского посланника в Риме Д. Герасимова, знакомого с картой Б. Аньезе. Однако у нас она не получила развития и осмысления – ведь проблема достижения Китая была уже к середине XVII века решена сухопутным путем русскими землепроходцами Сибири.

Вторая идея чисто русская – это идея «Большой Земли». Она основана на историческом опыте как самих русских, так и сибирских народов[1]. Этот опыт убеждал, что везде за северными морями есть большие острова – от древнего Груманта до мифической «Земли Санникова» уже XIX века. А за этими островами предполагалась уже единая Большая или Новая Земля. С идеей Большой Земли перекликается европейская идея XV-XVII вв. об Арктиде – материке в районе Северного полюса, который, возможно, соединяется или с Азией, или с Америкой. Истоки этой идеи неясны.

Совершенно надёжное знание о богатой Большой Земле за Чукотским морем было у народов Чукотки – очевидно, вследствие постоянных миграций эскимосов от Чукотки до Гренландии и обратно в последние 6 тыс. лет. Русские, появившись на Колыме, тут же восприняли эту идею, как свою – впервые она изложена в скаске М. Стадухина 1646 г. и затем на его отписке 1650 г. со схемой Чукотки по данным С.И. Дежнёва.

[1] Чукотка. Природно-экономический очерк / Администрация Чукотского автономного округа. М.; Анадырь: Арт-Литэкс, 1995. С. 174-180.

Наконец, третья идея, проистекая из первых двух, имела более реальные очертания и развилась в Европе и России в начале XVIII века. Её уже можно назвать «Американской». Сущность её – в целенаправленном поиске не условной «Новой» или «Большой» Земли, а конкретного, наверняка имеющегося в обозримом расстоянии к востоку от Чукотки и Камчатки Американского континента. Именно эта Американская идея подтолкнула Петра I к выделению огромных средств на Первую Камчатскую экспедицию В. Беринга. Она, таким образом, является важнейшим геополитическим посылом русской экспансии в Америку и её становление необходимо разобрать подробно.

Ясно, что помимо идеи, основанием для такого грандиозного предприятия, как Камчатские экспедиции, не могло быть одно лишь усилие воли императора, или его декларации территориальных требований, подобных испанским или британским. Должна была быть и некоторая материальная база. И этой базой был русский Северо-Восток (под которым мы понимаем всю территорию к востоку от правого водораздела бассейна Лены[1]), где была уже к тому времени и достаточная освоенность, и наличие активного (пассионарного) населения. По существу, русская экспансия в Америку шла не за 10 тыс. км из коренной Руси, а всего за несколько сотен км – с опорой на уже освоенные побережья Охотского моря, Камчатки и Чукотки.

Таким образом, можно сделать выводы о двух генеральных факторах быстрого продвижения и закрепления к концу XVIII века России на Аляске:

1. Эта экспансия опиралась на прочный материальный фундамент, в географических терминах – на базу освоения, каковой был русский Северо-Восток Азии.

2. Эта экспансия опиралась на мощную геополитическую идею, кратко именуемую нами «Американской».

Глубинные исторические причины появления обоих этих факторов – в сибирских походах русских землепроходцев конца XVI- начала XVIII в. Эти люди, среди которых подавляющее большинство составляли уроженцы Русского Севера, совершили небывалый исторический подвиг - менее чем за век, причём в условиях глубокой политической нестабильности в метрополии и оторванности от неё, не просто исследовали, но заселили и освоили громадные территории – свыше 10 млн. км^2.

Обратим внимание на одну особенность освоения Сибири в отличие, например, от освоения Америки Испанией. Русские казаки - «служилые люди», имея целью освоение легкодоступных природных ресурсов Сибири, в первую очередь пушных, всегда шли на новые земли бок о бок с людьми коммерческого направления – купцами и охотниками, и всегда практически сразу же основывали постоянные поселения на этих новых землях – зимовья, затем перераставшие в остроги. Для сравнения: испанцы за полтора века своих плаваний на север из Акапулько не основали ни одного даже небольшого поселения, и до конца XVIII века лишь в Калифорнии появились считанные чисто религиозные миссии.

Ещё одна особенность, часто упускаемая современными исследователями освоения Сибири, – что этот процесс освоения был направлен с севера на юг. Особенности географии Сибири, целенаправленности землепроходцев на определенные ресурсы и их глубинной внутренней психологии привели к тому, что они двигались, на фоне общего восточного вектора «встречь Солнцу», от северных морей и крупнейших рек – к их притокам и истокам, от малонаселенных местностей – к более густо населенным, т. е. в каждом очередном сегменте Сибири (бассейне очередной крупной реки) - с севера на юг.

Эта закономерность прослеживается вплоть до XX века. Первым крупным поселением в Сибири была Мангазея - в устье Оби, за Полярным кругом. На Енисее первым был Туруханск, потом Енисейск и уже потом Красноярск. Якутск старше Иркутска, Охотск – Николаевска, Николаевск – Хабаровска, и тем более Владивостока. И даже в середине XX века самым развитым регионом Советского Дальнего Востока был Север - территория Дальстроя (нынешняя Магаданская область).

Та же закономерность характерна и для ранней истории Северо-Востока. Первыми острогами здесь были заполярные Нижнеянский, Индигирский и Нижнеколымский, вскоре появились Среднеколымский и Анадырский, и только потом – более южные корякские и

[1] Север Дальнего Востока / СВКНИИ ДВНЦ АН СССР; ИГ АН СССР. – М.: Наука, 1970. С. 9.

камчатские остроги. Ключевую роль в этом сыграл способ продвижения русских, сочетавших сухопутные походы с морскими; причём последние даже по ледовитому Восточно-Сибирскому морю оказывались более быстрыми и безопасными, чем по гористому бездорожью. Поэтому, как правило, пионерные походы были североморскими, с Лены на восток, и в низовьях очередной реки ставилось зимовье, быстро развивавшееся в острог. А затем уже искались сухопутные пути и осваивались природные ресурсы региона – в первую очередь пушные.

Именно таким пионерным походом было героическое плавание 1648 г. С.И. Дежнёва вокруг Чукотки – венец в цепи движения русских землепроходцев «встречь Солнцу». При анализе этого события современные исследователи основное внимание уделяют подробностям собственно плавания, причём нередко (и совершенно неквалифицированно[1]) стараются поставить под сомнение не только детали, но и сам факт этого плавания. Однако забывают, что, помимо огромных заслуг С. Дежнёва в освоении всего Севера – от Анабара до Анадыря, помимо его героического плавания 1648 г, он совершил деяние, ставшее по своим последствиям главным итогом его жизни – основал, в традициях всех походов того времени, зайдя с моря в новую реку, Анадырское зимовье, ставшее впоследствии острогом. Именно Анадырский острог (в XVIII в. именовавшийся уже просто Анадырском) сыграл ключевую роль как в процессе дальнейшего освоения земель Северо-Востока, так и в становлении Американской идеи, т.е. в обоих факторах последующей русской экспансии в Америку.

С точки зрения материальной базы дальнейшего освоения большую роль сыграло местоположение Анадырского острога, идеально выбранное С. Дежнёвым после изнурительного плавания и пешего похода. Вопреки тогдашней традиции, он не стал обосновываться в устье Анадыря – негостеприимном, ветреном и безлесном, где погибли 8 из 24 преодолевших тяжелейший путь казаков. Едва перезимовав, в 1649 г. Дежнёв сумел подняться на 500 км (!) вверх по Анадырю, в его внутреннюю дельту, где все лишения землепроходцев были вознаграждены почти родным северорусским пейзажем с берёзами, тополями и лугами. Подчеркнём, что этот небольшой островок (около 150 х 50 км) благоприятных природных условий, где возможно земледелие и скотоводство – единственный на сотни км кругом. Уже в XVIII в. окрестности Анадырска (район нынешнего с. Марково) искренне признавались коренным населением за русскую землю.

Помимо благоприятной природы, местоположение Анадырска отличалось и удобными дорогами – и вниз по реке на восток, и на Пенжину и далее в Охотское море, и на Камчатку, и на северо-запад, через Анюйские перевалы, на Колыму. Всё это позволило ему в короткий срок стать важнейшим опорным пунктом всего Северо-Востока. Так, на 1720 г. гарнизоны всех северо-восточных острогов, даже знаменитого Охотска, составляли не более 100-200 чел., и лишь Анадырска – 300 чел.![2] Ему подчинялись 8 острогов, включая все камчатские, основанные вышедшими из того же Анадырска Л. Морозкой и В. Атласовым.

Таким образом, ко времени основания Петром Российской империи крайний Северо-Восток Азии был уже вполне освоенным регионом и мог служить базой для дальнейшей экспансии. Но обратим внимание и на информационную составляющую этого факта. Из Анадырска отправлялись многочисленные экспедиции в разные районы Чукотки, Корякии и Камчатки, начиная уже с похода первого начальника острога Курбата Иванова на Восточную Чукотку (1659). Через Анадырск прошли по службе тысячи людей, которых в Якутске и Москве именовали «заносцы», т.е. живущие «за Носом» - за нынешним мысом Дежнёва; их уважали, как наиболее заслуженных. Ни для кого из них не была секретом общая география крайнего Северо-Востока Азии, оканчивающегося полуостровами Чукотки на востоке и Камчатки на юге. И допустить, что эта информация была неизвестна в Якутске и в Сибирском приказе в Москве – совершенно невозможно.

Откуда же возник миф о забытости результатов плавания С.И. Дежнёва вокруг Чукотки? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть весь ход географической информации с Северо-Востока, представленный на схеме рис. 2.

---

[1] См. об этом: Шмакин В.Б. Историко-географические обстоятельства плавания Семёна Дежнёва / В.Б. Шмакин // Устюжане в Сибири, на Дальнем Востоке и в Русской Америке XVI-I пол. XIX вв. Великий Устюг: ВИАХМЗ, 1998. С. 14.

[2] Ерегин Ю.А. Геополитические последствия плавания С.И. Дежнёва / Ю.А. Ерегин // Устюжане в Сибири, на Дальнем Востоке и в Русской Америке XVI – перв. пол. XIX в. Великий Устюг: ВИАХМЗ, 1998. С.18.

Якутским воеводой с марта 1649 г. по август 1651 г. был Дмитрий Францбеков – крещёный ливонский немец, настоящая фамилия которого Фаренсбах, с 1633 по 1636 г. бывший посланником в Швеции, где не смог добиться поддержки Москвы в «польских и крымских делах»[1], однако был возвращён в Москву с благодарностью.

Хотя в начале царствования Алексея Михайловича в целом отношения со Швецией были мирными, именно на 1650-1651 гг. приходятся известные конфликты с избиением во Пскове шведского посланника Нумменса с выкупной казной за переселенцев после Столбовского мира, бесчинств шведских посланников в Москве и со встречными попытками выдачи из Стокгольма русских бунтовщиков[2]. Великодержавная Швеция того периода, политика которой была направлена на монополизацию связей с Европой «варварской» Московии, искренне считавшейся шведами нуждающейся в протекторате и управлении с Запада, сыграла начальную роль в развитии будущей Американской идеи.

Алексей Михайлович при направлении Францбекова в Якутск выдает ему наказ активизировать походы на восток и юг. ***(илл. 2)*** Следуя этому, Францбеков организует в 1649 и в 1650 гг. походы Ерофея Хабарова на Амур, завершившиеся блестящим успехом. И одновременно осенью 1650 г. в Якутск поступает через Ю. Селиверстова первая отписка М. Стадухина, и Францбекову становится известно о плавании Дежнёва, основании им Анадырского зимовья и открытии богатейших моржовых лежбищ в устье Анадыря. Но, несмотря на такие грандиозные успехи, 30 августа 1651 г. Францбеков был снят с должности и отозван в Москву. Как полагает С.М. Соловьев, это произошло из-за ставших известными жестокостях и злоупотреблениях Францбекова.

Однако могла быть ещё одна причина его опалы.

Давним знакомым Францбекова был шведский посланник в Москве Иоган де Родес, известный своим стремлением в рамках упомянутой стратегии просвещения и управления Московией перенести главный маршрут экономических контактов Руси с Европой с Белого моря на Балтийское и таким образом поставить их под контроль Швеции (см. статью С.Н. Третьяковой в настоящем сборнике). Весной 1652 г., т. е уже после снятия Францбекова, но до возвращения его в Москву, де Родес в своих донесениях в Стокгольм неоднократно упоминает его имя. В частности, 28 апреля он пишет: «…Францбекову в Сибирь… решили отправить… несколько чужестранных офицеров для предполагаемого путешествия в Америку и чтобы продолжить полное овладение богатой страной, открытой Францбековым»[2].

А.В. Ефимов[3] и вслед за ним другие исследователи русских землепроходцев полагают, что в данном донесении под «богатой страной» подразумевается Чукотка. Однако разумнее предположить, что это действительно богатые Амур и Даурия, открытые Хабаровым, тем более что Дежнёв пошёл на Анадырь ещё до Францбекова. Тем не менее, Францбеков моментально оценил сведения и от Дежнёва и Стадухина, в том числе идею «Новой Земли» и срочно выделил весной 1651 г. огромный кошт на поход туда Ю. Селиверстова с проводником Гаврилой Алексеевым (окончившийся, впрочем, неудачей[4]). Раз уже весной 1652 г. эти сведения были известны де Родесу, то, с учетом срока хождения корреспонденции до Москвы, ещё зимой-весной 1651 г. только что полученная информация и об Анадыре, и о «Новой Земле» за Чукотским морем, и об Амуре, в том числе схема Стадухина, сообщалась де Родесу Францбековым. Это не могло утаиться от Сибирского приказа, и в итоге именно эти шпионские сообщения Францбекова могли стать причиной его неожиданной отставки, а на все сообщения из Якутска по поводу Анадыря (а в дальнейшем и Камчатки) была наложена строгая секретность.

В 1664 г. С. Дежнёв возвращается в Москву, где наверняка оставил в Сибирском приказе достаточно полную информацию о Чукотке. Вскоре Алексей Михайлович издает указ о составлении «Чертежа Сибирской Земли», который и был «сбиран» в Тобольске в 1667 г. и повторно в 1673 гг. с текстовым «Списком с чертежа Сибирской Земли». На этих картах есть реки Анадырь и даже Камчатка, хотя первый известный туда поход Л. Морозки состоялся лишь в

[1] Соловьев С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. изд. 2-е. Т.IX. М.: В Университетской Типографии, 1866. С. 268-270.
[2] Курц Б.Г. Состояние России в 1650-1655 гг. по донесениям Родеса / Б.Г. Курц. М., 1915. С. 85-92.
[3] Ефимов А.В. Из истории великих русских географических открытий в Северном Ледовитом и Тихом океанах. XVII – первая половина XVIII в. изд. 2-е / А.В. Ефимов. М.: Географгиз, 1971. С. 85.
[4]. Белов М.И. Подвиг Семена Дежнева / М.И. Белов. М.: Мысль, 1973. С. 157-158; С.164.

1695 г. – очевидно, что это сведения из Анадырска. По поводу «Носа» на востоке Чукотки «Список…» практически цитирует отписку С. Дежнева[3] и эта цитата затем перешла в «Сказание…» Н. Спафария (1678), атлас Ремизова (1698) и другие материалы конца XVII в. ***(илл. 2)*** Но на московских и тобольских картах «Нос», очевидно, по соображениям секретности, не рисуется, хотя для заносцев он никакого секрета не представляет (см. например, схему А. Шестакова 1676 – 1719 гг. ***(илл. 3)***

Между тем «Нос» и соответствующий пролив, несмотря на секретность, всё же быстро стали известны в Европе - очевидно, через Швецию. Нами обнаружена в г. Воткинске, в Доме-Музее П.И. Чайковского, французская карта полушарий 1683 г. с отсылкой на более раннюю голландскую карту, где очертания Чукотки, р. Анадырь и пролив с двумя островами показаны в точном подобии с картой Шестакова – очевидно, имеющей своим источником в части Чукотки ещё схему Стадухина (через де Родеса). Идея «Носа» показана и на других картах конца XVII в., кроме карты Витсена 1687 г. (На рис. 2 карты, на которых точно показан «Нос» и пролив вокруг него, выделены красным, карты, где этот «Нос» показан условно – оранжевым, и где его нет совсем – чёрным).

Именно в Европе, несмотря на полное отсутствие каких-либо сведений о северо-западной половине Североамериканского континента, исследователи поняли, что он должен близко подходить к берегам уже известных, несмотря на русскую секретность, Камчатки или Чукотки и возможно – соединяться с ними. Так выкристаллизовывалась Американская идея. Собственных сил для её воплощения, для исследования района возможного схождения континентов, у европейских держав не было, однако в этот период в России началось новое время – на смену «варварской Руси» пришла эпоха Петра, и появилась возможность открыть, например, Северо-Западный проход, - русскими силами.

В первый период правления Петру Алексеевичу было не до Сибири. Открыв окно в Европу, он в первую очередь укреплял западные границы и новую столицу. Однако ещё до официального провозглашения Империи он начал чисто экспансионистскую политику в южном и восточном направлении. Его целями были Кавказ, Каспий, Средняя Азия, с прицелом на Индию. Были даже помыслы об экспедициях на Мадагаскар и Калифорнию[1].

Дальневосточное направление стало интересовать Петра только после неудачного похода на Хиву и Яркенд в 1715 г. Важно, что тема Америки пришла к Петру с Запада. Впервые она была поднята Лейбницем через Лефорта ещё в 1697 г. и обсуждалась им лично с Петром в Пирмонте в 1716 г.; затем об Американской идее говорили Петру члены голландской делегации в Санкт-Петербурге в 1717 г.

Пётр «клюнул на Америку» и затем неоднократно обсуждал тему походов туда с наиболее образованными сподвижниками – К. Кириловым, А. Брюсом, Ф. Соймоновым (воспоминания 1718-1722 гг.). И вот в 1717 г. Пётр I поручает кн. Гагарину собрать сведения о возможных границах сибирских земель с Америкой, и тот посылает в Анадырск для этой цели П. Татаринова, вернувшегося в 1718 г. и привезшего сведения о «большой земле» с лесами и густым населением «с птичьими головами» (очевидно, перья головных уборов) и карту анадырцев Львова и Ельчина, составленную в 1710-1714 гг.

С её учётом и по указу Петра в 1718 г. его крестник П. Миллер составляет (повторно в 1720 г.) «Генеральную карту расселения народов Северной Азии» ***(илл. 4)***. На этой карте уже показаны реальные народы Северо-Востока, в том числе «заносцы». Обратим внимание на три незаконченных «мысоперешейка» (термин М.И. Белова), тянущихся от Анадырского края на юг, юго-восток и северо-восток. В первом легко узнать Камчатский перешеек. Хотя к тому времени очертания Камчатки и Курильских островов были в общих чертах известны (ср. с рис. 3), они на карте П. Миллера опущены, но добавлены ещё два «мысоперешейка», которых не было на предшествующих картах.

М.И. Белов[2] полагает, что это следствие ошибок П. Миллера, продублировавшего картографические и текстовые сведения о чукотском и камчатском «Носах». Однако трудно предполагать такое неведение после получения карт Шестакова, Львова и Ельчина

[1] Вернадский В.И. Труды по истории науки в России / В.И. Вернадский. М.: Наука, 1988. С. 114-125.
[2] Белов М.И. Подвиг Семена Дежнёва / М.И. Белов. М.: Мысль, 1973. С. 172-174.

непосредственно из Анадырска, где были чётко показаны и Камчатка, и Чукотский «Нос» с двумя островами против него. Скорее эти незавершенные «мысоперешейки» - картографическое отображение сомнений Петра I о трёх направлениях поиска Америки.

В 1719 г. Пётр I начинает готовить экспедицию А. Шестакова и посылает на поиски новых земель экспедицию Лужина и Евреинова. В наказе они прямо нацеливаются на сбор сведений о возможных контактах Камчатки с Японией и Америкой в южном и восточном направлении. В результате были открыты и нанесены на карту Курильские острова.

На картах К. Кирилова (1724) и П. Гомана (1725) очертания Чукотки и рек Анадырского бассейна изображены в полном соответствии с анадырскими источниками, нанесены и Курильские острова ***(илл. 5).*** Гипотетическая Америка, вслед за П. Миллером, показана в двух местах – недалеко к востоку от Камчатки и от Чукотки, но уже безо всяких гипотетических «мысоперешейков», явно отделенная проливами.

Именно карта Гомана, новейшая к тому времени, стала итогом информационных поисков Петра I для посылки исключительно дорогой экспедиции В. Беринга, который её имел с собой в экспедиции. Подчеркнём два момента идеологии этой экспедиции:

Беринг точно знал о возможности обхода Чукотки морем с Колымы на Анадырь.

Беринг был нацелен на поиски Америки в основном к юго-востоку от Камчатки.

О первом говорят письма Беринга, в частности из Енисейска, где он предлагает Адмиралтейств-коллегии маршрут на Камчатку через устье Колымы «что преж сего сим путем хаживали, то могло бы быть исполнено желаемое с меньшим коштом»[1]. Эта же мысль повторяется в письмах Беринга уже после плавания.

О втором убедительно свидетельствует сам маршрут плавания В. Беринга, восстановленный по его судовому журналу А.А. Сопоцко лишь в 70-х гг. XX в.[2]***(илл. 6)***.Из этой карты и журнала отчетливо видно, что основное время и внимание Беринг уделял вовсе не походу к Чукотке и её восточным мысам, а осмотру каждого мыса, выдающегося на юго-восток, вплоть до лавирования галсами. Поэтому упрёки Берингу, что он мало времени провёл в Чукотском море, безосновательны – там он нашел ожидаемую, общеизвестную ещё от плавания Дежнёва ситуацию. Гораздо неизвестнее были более южные мысы, где и предполагалось найти Америку.

Вернулся Беринг уже после смерти Петра I и отчет писал императрице Анне. И надо отдать ей должное в организации Великой Северной экспедиции – крупнейшего научного предприятия России по вложенным в него ресурсам, вплоть до Атомного проекта Берии. Указ об Экспедиции был также сразу засекречен, но одним из главных её результатов стала высадка русских в 1741 г. на американские берега, которая и положила начало исследованию и освоению Русской Америки. Американская идея реализовалась.

Итак, очевидно, что только благодаря подвигам русских землепроходцев XVII в. (большинство из которых, кстати, происходило из бассейнов Северной Двины и Онеги) стали возможными плавания Беринга в XVIII в. и дальнейшая экспансия в Америку Российской империи, а вдогонку за ней – экспансия Британии и Испании, а затем и США.

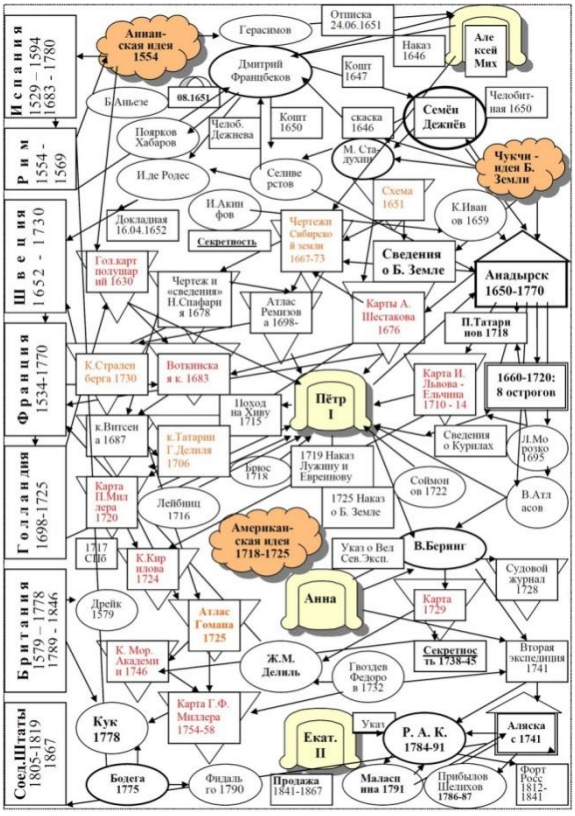
Таким образом, ни о каком «забвении» подвигов землепроходцев Петром I и его последователями не может быть речи. Они имели поистине глобальные последствия.

[1] Полонский А. Первая Камчатская экспедиция Беринга 1725-1729 годы /А. Полонский // Отечественные Записки. Т. 75. № 3. СПб., 1851. С. 96.

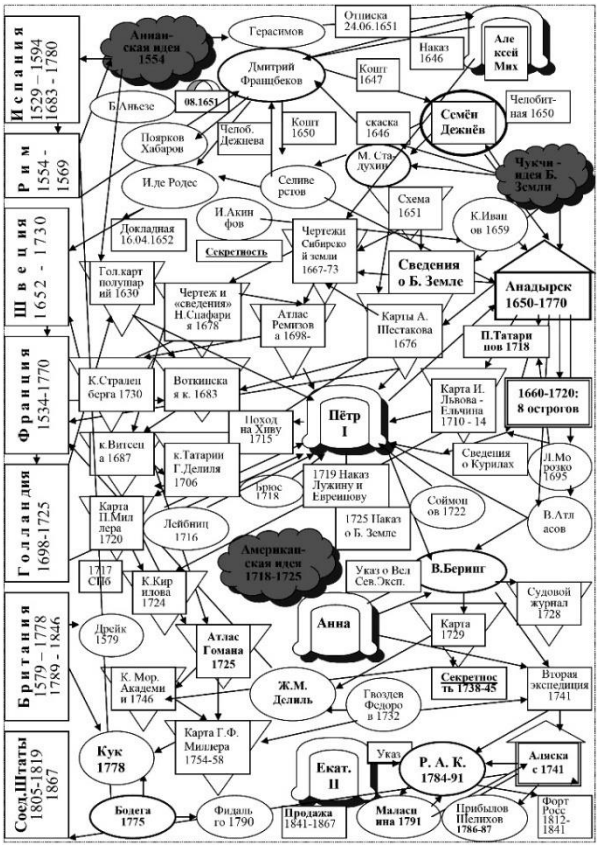
[2] Сопоцко А.А. История плавания В. Беринга на боте «Св. Гавриил» в Северный ледовитый океан / А.А. Сопоцко. М.: Наука. 248 с. Прил. 1.

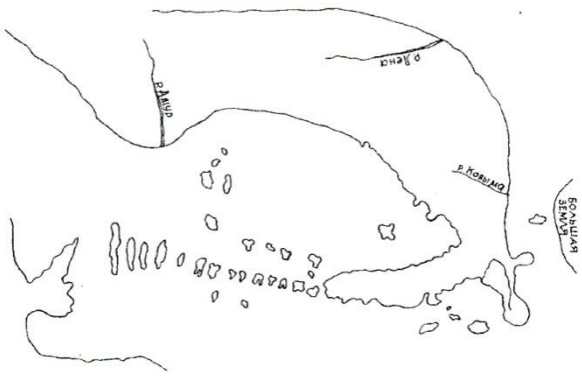
Илл. 1. Новейшая карта русских открытий в Северной Америке Г.Ф. Миллера 1758 г.

Илл.2А. Личности, документы, карты, идеи и поселения - корни русской экспансии в Америку.

Илл.2Б. Личности, документы, карты, идеи и поселения - корни русской экспансии в Америку.

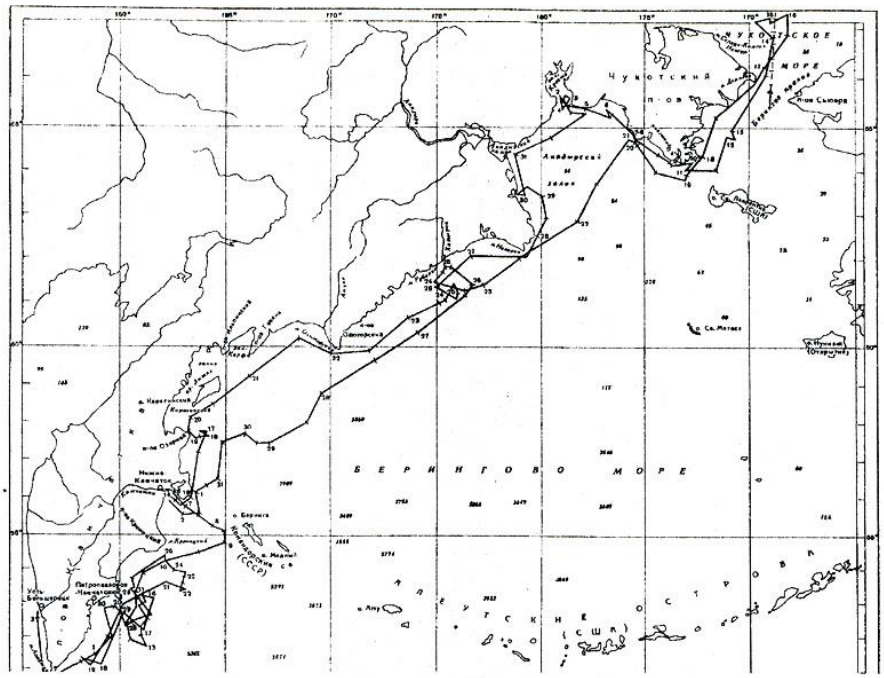
Илл. 3. Схема восточного «конца» Сибири А. Шестакова, по данным Анадырского острога (1676 г.) и последующих походов Атласова и Евреинова (1719 г.)

Илл. 4. Схема к Генеральной карте расселения народов Северной Азии Петра Миллера 1718-20гг. 24– Анадырский острог, 25– алала (чукчи), 26 – коряки, 27– Анадырское море, 28– Олюторский острог

Илл. 5. Карта Камчатки из атласа П. Гомана 1725 г.

Илл. 6. Точная карта плавания Беринга 1728 г. по судовому журналу

А.Ю. Петров[1] (г. Москва)

Значение уроженца Каргополя А.А. Баранова в истории Русской Америки[2]

В 1867 г. Россия продала США полуостров Аляску и прилегающие к ней острова. Америка получила огромную территорию со значительными природными ресурсами и суровым климатом, на которой обитает один из самых крупных хищников планеты – кадьякский бурый медведь. Удивительно, но всё это – и обширная территория, и природные богатства, и климат, и медведь – стало для американцев символом Советского Союза, а потом и современной России. Другими словами, Аляска перед жителями американских континентальных штатов предстала своего рода Россией в миниатюре[3].

В широком смысле мы понимаем Русскую Америку как Новый Свет, новые рубежи в сознании наших предков. «Америка» – термин, который обозначает не столько континент, сколько новую, неизвестную землю, границу. Только в первой половине XIX в. из России отправилось более 50 кругосветных экспедиций. Первые экспедиции были осуществлены при активной поддержке каргопольского купца Александра Андреевича Баранова, ставшего первым главным правителем всех русских колоний Российско-американской компании.

Промышленное освоение и закрепление за Россией Аляски началось в 1740-х годах. После окончания второй Камчатской экспедиции, когда вернувшиеся из плавания к берегам Америки спутники В. Беринга и А.И. Чирикова привезли с собой большое количество шкур морской выдры — калана (русские называли его морской бобр), а также другой пушнины, десятки купцов стали организовывать дальние «вояжи». Они создавали компании и снаряжали суда, нанимали охотников на морского бобра, песцов, лисиц и др. пушных зверей, обитавших в северной части Тихого океана. В течение 1740–1790 гг. было организовано около 100 плаваний, в ходе которых открыты и изучены все Алеутские острова.

В последней четверти XVIII века выделилась компания, возглавляемая купцом из г. Рыльска Григорием Ивановичем Шелиховым. Этой компании в 1780-х гг. удалось закрепиться на крупном острове Кадьяк, основать там первые постоянные русские поселения и организовать добычу калана, мех которого ценился буквально на вес золота в Китае и Санкт-Петербурге[4]. В 1790 г. Г.И. Шелихов заключил договор с А.А. Барановым, который согласился отправиться на Кадьяк и стать главным правителем компании Голикова–Шелихова. Дальнейшие события показали, что выбор Г.И. Шелихова оказался крайне удачным и дальновидным.

Благодаря купцу А.А. Баранову – их первому управляющему — российские колонии на Аляске получили развитие. Именно он заложил основу того, что мы называем наследием Русской Америки, который как историко-культурный феномен мы рассматриваем в разных аспектах. В узком смысле – это Аляска, группы Алеутских островов, поселения в Калифорнии, на Гавайских, Курильских и Командорских островах. Это район деятельности Российско-американской компании (РАК), управлявшей данными территориями в 1799–1867 гг.

К моменту своего назначения управляющим компании Голикова–ШелиховаБаранов был в расцвете сил. Он родился в 1746 году в г. Каргополе (ныне Архангельская область на границе с Вологодской областью) в купеческой семье. Вел торговлю в Олонецкой губернии, Москве и Санкт-Петербурге. В поисках прибыли отправился в Сибирь, где в Иркутске открыл стекольный завод и занялся откупами, был избран в члены Вольного экономического общества. Однако вскоре его коммерческие дела оказались не в лучшем состоянии, попытки организовать скупку пушнины у чукчей на Анадыре не принесли желаемого успеха. Шелихов несколько раз предлагал Баранову должность правителя своей компании, но согласился Александр Андреевич

---

[1] Петров Александр Юрьевич, д.и.н., главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

[2] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01567)
В РГУ им. С.А. Есенина

[3] Петров А.Ю., Митрополит Климент (Капалин), Малахов М.Г., Ермолаев А.Н., Савельев И.В. История и наследие Русской Америки: итоги и перспективы исследований // Вестник Российской академии наук. 2011. № 12. С. 1090–1099.

[4] Шелихов Г.И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам. Хабаровск, 1971.

лишь в 1790 г. Отправляясь в августе того же года на судне «Три Святителя» из Охотска на остров Кадьяк, Баранов еще не знал, какие трудности и испытания его ждут впереди. В октябре во время шторма парусник разбился у берегов острова Уналашка. Все пассажиры судна спаслись, но большая часть груза погибла. Баранов послал на Кадьяк за подмогой отряд, возглавляемый Александром Молевым, но на его отряд напали эскимосы, убили 5 человек, а сам Молев вынужден был бежать на остров Унга, где некоторое время скрывался от враждебных местных жителей. Тем временем Баранов вынужден был остаться на зимовку на острове Уналашка. Как писал биограф А.А. Баранова и известный деятель Русской Америки
К.Т. Хлебников, «сам он подобно спутникам своим жил в земляной наскоро построенной юрте и питался травами, кореньями, китовиной и раковинами. Юкола (сушеная рыба), получаемая от алеутов, была для них лакомством. Только в большие праздники они роскошествовали: варили из ржаной муки жидкую похлебку, называемую промышленниками затуран, и делили ее поровну». Наравне со всеми Баранов участвовал в охоте на сивучей. В один из таких походов он попал ногой в расставленные кляпцы (самолов на лисиц) и получил ранение. Только весной 1791 года, выстроив несколько байдар, русские промышленники во главе с Барановым отплыли на Кадьяк[1].

На Кадьяке Баранов первым делом занялся восстановлением русского селения, разрушенного землетрясением и цунами в 1788 году. Потом он перенес свою контору в Павловскую гавань и организовал несколько исследовательских экспедиций. В одной из таких экспедиций Баранов участвовал сам. В 1792 году на двух больших байдарах с 30 русскими и 150 байдарках с 300 алеутами Баранов исследовал залив Принс-Уильям (самая северная часть залива Аляска). Здесь на острове Нучек отряд Баранова подвергся неожиданному ночному нападению индейцев – тлинкитов (русские их называли колошами). Как пишет К.Т. Хлебников: «колоши были одеты в воинских доспехах, состоявших из деревянных лат, крепко обшитых китовыми жилами. Лица прикрывались масками, изображающими морды медведей, тюленей и других животных, поражающих ужасным видом; на голове были высокие и толстые деревянные шапки, прикрепленные к прочим уборам ремнями. Оружие их состояло из копий, стрел и двухконечных кинжалов»[2]. В ночном сражении, продолжавшемся до рассвета, промышленники потеряли 12 человек убитыми (2 русских и 10 алеутов), 15 человек были ранены. Сам Баранов спасся только благодаря железной кольчуге, которую он всегда носил под одеждой и не снимал во время походов даже ночью.

Первое столкновение с тлинкитами показало всю опасность и воинственность этих туземцев. Однако Баранова это не остановило, он продолжил укрепляться на новых территориях. В 1795 г., возглавляя отряд русских промышленников, он прибыл в залив Якутат. Местный индейский вождь согласился с присутствием русских и даже выдал им своего сына в знак гарантии мирных намерений. Позднее Баранов его крестил и дал имя Федор. Крепость в Якутате была окончательно построена в 1796 г., в этом же году в глубь территории материковой Аляски был отправлен отряд Дмитрия Тарханова с целью изучения реки Коппер.

В 1794 г. в Америку прибыла первая Православная духовная миссия из Валаамского и Коневского монастырей для просвещения местных жителей и взаимодействия с русскими промышленниками. При всех сложных отношениях с монахами в первое время, взаимодействие удалось наладить уже через несколько лет. Были построены церковь и школа. Деятельность же убогого Германа, по сей день свято почитаемого в Русской Америке, стала настоящим примером для подражания и идеалом подвижнической жизни[3].

Пока в Америке, благодаря стараниям А.А. Баранова, шло продвижение русских вдоль берегов на запад и на юг, основывались новые селения, строились первые корабли, устанавливались дружеские или нейтральные отношения с индейцами и добывались тысячи шкур пушных зверей, – в России завершился процесс складывания единой монопольной Российско-американской компании. В 1795 г. умер Г.И. Шелихов, и дела его компании стала вести его вдова – Наталья Алексеевна[4]. В 1797 г. иркутские купцы создали Иркутскую

[1] Хлебников К.Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, главного правителя Российских колоний в Америке. СПб., 1835. С. 8–10.
[2] Хлебников К.Т. Указ.соч. С. 16–17.
[3] Митрополит Климент (Капалин). Деятельность Русской православной церкви на Аляске до 1917 года. М., Олма Пресс 2009. С 1–195.
[4] Петров А.Ю. Наталия Шелихова у истоков Русской Америки. М.. Наука, С. 125 – 215.

коммерческую компанию, к которой присоединилась компания Голикова-Шелихова. В 1798 г. был утвержден устав Соединенной Американской компании, а в 1799 г. она была взята под покровительство императора и получила название Российско-американская компания[1].

После объединения всех купеческих компаний в одну организацию Александр Андреевич Баранов стал главным правителем всех русских колоний в Америке. В 1799 году он возглавил экспедицию на остров Ситха – в самое сердце владений индейцев тлинкитов. Здесь у местных вождей он купил землю под постройку новой крепости. Строительство началось незамедлительно. Крепость получила название Михайловская (нередко ее называли Ново-Архангельской). В новой крепости Баранов остался на зимовку. Это была одна из самых сложных зимовок. Из-за недостатка продовольствия среди русских промышленников началась цинга. Несмотря на все сложности, продолжался промысел пушного зверя. Всеми силами Баранов пытался наладить дружественные отношения с индейцами. Но случались и конфликты, в которых главный правитель старался воспитать среди индейцев уважение к русским. Так, в день Святой Пасхи весной 1800 года он отправил толмачку (переводчицу) к индейским вождям и пригласил их в русскую крепость на праздник, но тлинкиты проигнорировали приглашение. Через несколько дней Баранов приплыл на лодке к индейскому селению с 22 промышленниками и сумел договориться об установлении мирных отношений[2].

Однако это было временное затишье. Летом 1802 г. тлинкиты уничтожили Михайловскую крепость. Нападение было столь внезапным и хорошо подготовленным, что спаслось всего несколько человек. Одновременно индейцы напали на несколько промысловых партий. Всего во время восстания погибло более двух десятков русских и около двухсот туземцев-партовщиков, работающих на русских. Это были огромные потери[3].

Почти два года Баранов готовился к реконкисте острова Ситхи,возвращение которого теперь можно было осуществить только военным путем. В 1804 г. начался поход на враждебных индейцев. Основной отряд русских на двух кораблях выдвинулся прямо на Ситху. Сам Баранов отправился на остров на небольшом боте «Ермак». Этот поход оказался для него опаснейшим – еще до встречи с индейцами он чуть не погиб. Недалеко от Якутат в Ледяном проливе внезапно налетел туман, потом начавшимся приливом «Ермак» понесло в залив, изобилующий подводными камнями и скалами. Даже видавший виды Баранов охарактеризовал этот эпизод как бросок «в адскую пропасть». Судно чудом удержалось на плаву и не наскочило ни на один из многочисленных подводных камней. Но через некоторое время потерявший управление бот отливом понесло обратно в пролив. При этом вместе с маленьким судном из залива вынесло огромные глыбы льда, некоторые из которых касались реев бота. Команда, как только могла, пыталась шестами отталкивать лед. Огромные водовороты, как щепку, бросали «Ермак» то к одному, то к другому айсбергу. Более 12 часов бот метало из стороны в сторону, пока не выбросило на чистую воду[4].

В сентябре 1804 г., скопив значительные силы при поддержке, совершавшего кругосветное плавание корабля «Нева» (командир Ю.Ф. Лисянский), Баранов начал осаду индейской крепости на Ситхе. 20 сентября русские предприняли штурм крепости. Промышленников в атаку повел сам А.А. Баранов, а десантом с «Невы» командовали лейтенанты П.П. Арбузов и
П.В. Повалишин. Несмотря на обстрел крепости из пушек, индейцы отбили атаку. Причем одна из ружейных пуль пробила навылет правую руку Баранова, серьезно был ранен и лейтенант Повалишин. Русские вынуждены были отступить. Только через несколько дней тлинкиты бежали из своей крепости, а русские снова заняли Ситху и основали там новую крепость, назвав ее Ново-Архангельском. Позднее сюда была перенесена столица Русской Америки.

В августе 1805 г. в Ново-Архангельск прибыл камергер двора Его Императорского Величества Николай Петрович Резанов. Он имел огромные полномочия по инспекции и реформированию русских колоний в Америке. Колонии он нашел в очень сложном положении: продовольствия не хватало, промышленники находились в экстремальных условиях. Колонии продолжали развиваться только благодаря энергичной деятельности А.А. Баранова. Резанов

[1] Петров А.Ю. Образование Российско-американской компании. М., 2000. С. 50–107; Ермолаев А.Н. Российско-американская компания в Сибири и на Дальнем Востоке. Кемерово, 2013. С. 57–85.
[2] Хлебников К.Т. Указ.соч. С. 54–55.
[3] Зорин А.В. Битва за Ситку. Эпизод из истории Русской Америки. 1802–1804. М., 2016. С. 50–73.
[4] Хлебников К.Т. Указ.соч. С. 79–80.

писал директорам РАК: «Я Вам скажу, милостивые государи, что г. Баранов есть весьма оригинальное и при том счастливое произведение природы. Имя его громко по всему западному берегу до самой Калифорнии. Граждане Соединенных Штатов Америки, или, как их называли русские, “бостонцы”, почитают его и уважают, а американские народы, боясь его, из самых дальних мест предлагают ему свою дружбу». В том же письме Резанов точно и однозначно дал оценку Главному правителю колоний: «Но о г. Баранове скажу Вам, что потеря сего человека для здешнего края есть потеря не для Компании, но для всего Отечества, который честь свою выше жизни ставит»[1].

После завоевания Ситхи авторитет Баранова среди туземцев возрос. В течение последующих лет главный правитель восстановил русское влияние на архипелаге Александра и наладил отношения с воинственными тлинкитами, которые предпочитали жить в мире.

Благодаря развитию торговли с предпринимателями из США, Баранов сумел наладить снабжение колоний продовольствием. При этом все же проблема недостатка хлеба решена не была. Между тем в соседней Калифорнии хлеб всегда имелся в изобилии. В 1806 г. камергер двора Его Императорского Величества Н.П. Резанов посетил испанские владения и закупил там продовольствие. Но этого было мало – для организации надежной системы снабжения хлебом Русской Америки нужно было устроить в Калифорнии собственное сельскохозяйственное поселение. Эту мысль высказал Резанов, а Баранов ее реализовал. После проведения нескольких разведывательных экспедиций, в 1812 г. в заливе на Севере Калифорнии были основаны селение и крепость Росс. Заложил их сподвижник Баранова, мещанин из г. Тотьмы Иван Александрович Кусков.

В 1816 г. по инициативе Баранова на Гавайские острова был отправлен доктор Георг Шеффер. Ему было поручено вернуть разграбленное имущество корабля РАК «Беринг», который разбился у берегов острова Кауаи, а также наладить отношения с местным гавайским правителем королем Камеамеа. Шеффер заключил договор о присоединении к России двух северных Гавайских островов. Но ему не удалось удержаться на островах, и он покинул их в 1817 г. А в следующем году император Александр I по политическим соображениям отказался принимать острова в состав Российской империи.

В 1818 г. при смене Баранова новым главным правителем колоний Л.А. Гагемейстером была проведена оценка имущества РАК в Русской Америке – ценность его в колониях составила 2,5 миллиона рублей. Это были строения, корабли (построенные в колониях или купленные у иностранцев), различные товары и припасы, крупный и мелкий рогатый скот. В период правления Баранова ежегодно в Россию отправлялось 1–2 корабля, нагруженных пушниной (шкурами морских бобров, песцов, лисиц и т.д.). Только за период 1806–1818 гг. Баранов отправил в Россию пушнины на 15 млн. рублей! Сумма астрономическая по деньгам того времени. За 28-летний период нахождения Баранова в Америке русские колонии расширились от небольшой полосы побережья Аляски и Алеутских островов до Калифорнии и Гавайских островов, охватив почти всю северную часть Тихого океана. Баранов был настоящим строителем империи, неслучайно еще при жизни его называли «российским Писарро». При этом сам он почти не скопил никакого имущества. Все люди, лично знавшие Баранова (Н.П. Резанов, К.Т. Хлебников, Г.И. Давыдов, В.М. Головнин), подчеркивали его бескорыстие, щедрость, заботу о ближних, честность и порядочность.

17 апреля 1819 года в Зондском проливе, отделяющем острова Ява и Суматра, с корабля Российско-американской компании (РАК) «Кутузов», следовавшего из Ново-Архангельска в Санкт-Петербург, в воды Индийского океана было спущено тело первого главного правителя русских колоний в Америке – коллежского советника, кавалера ордена Св. Анны 2-й степени Александра Андреевича Баранова. Вместе с ним ушла в прошлое целая эпоха, наполненная драматическими событиями и удивительными успехами в деле освоения северо-западных берегов Америки. Все новые земли осваивались горсткой русских промышленников, находящихся в постоянных лишениях, оторванных от родных берегов России тысячами верст океана и просторов Сибири – однако, благодаря развитию Русской Православной Церкви, сохранивших духовность и связь с родиной.

[1] Тихменев П.А. Историческое обозрение образования Российско-американской компании и действий ее до настоящего времени. Т. 2. СПб.,1863. С. 199, 218.

К.Т. Хлебников ставил его на одну ступень с Ермаком: «если славят отважного Ермака и Шелихова, то Баранов станет, конечно, не ниже их; ибо он удержал и упрочил завладения Шелихова и до возможной степени просветил и образовал народ ему вверенный»[1].

P.S

В России у Александра Баранова остался брат Петр, который занимался торговлей, состоял в купечестве. Еще у него было две сестры: Авдотья и Василиса. Сам Баранов был женат на купеческой вдове Матрене Александровне Марковой. Они воспитывали двоих детей — сына Аполлона (умер в раннем возрасте) и дочь Афанасию, вышедшую замуж за губернского секретаря В.Ф. Беляева. В колониях А.А. Баранов женился на крещеной дочери кадьякского тойона Анне Григорьевне Раскащиковой. У них родилось трое детей: сын Антипатр (1797-1822), который получил хорошее домашнее образование, знал навигацию, английский язык, арифметику, грамоту, в 1819 г. прибыл в Санкт-Петербург и учился в Морском кадетском корпусе; дочь Ирина (1802—1824) в 1818 г. вышла замуж за главного правителя русских колоний С.И. Яновского, который в будущем стал схимонахом в Калужской Епархии; дочь Екатерина (1808-??), которая вышла замуж за приказчика Г.И. Сунгурова и имела сына Николая (р. в 1822).

Илл. 1. А. А. Баранов

Илл. 2. Карта Русской Америки

[1] Хлебников К.Т. Указ.соч. С. 187.

Robin Joy Wellman (Форт Росс, США)

Личное влияние лорда Баранова в истории Калифорнии. Человек, лидер, дворянин

Используя литературу и ряд документов, автор представляет свое видение личных качеств Баранова и его роли в истории Русской Америки и Форта Росс.

Thank you to the Kargopol State Museum of History, to Natalia Tormosova Chief Organizer and Conference convener, to Irina Onuchina and Ekaterina Makorova for the welcomed invitation to participate in this conference and to Radik Adnobaev and AndrewAgapitov for encouraging me to visit Kargopol when several years ago they visited California and Colony Ross. Coming to Kargopol has been on my mind since that first introduction and I am thrilled to be here. Being in the home town and birthplace of Alexander Baranov is a dream for me. Kargopol is a place I could easily live as it reminds me of my own home town with forests, rivers, nearby oceans, wind, and fresh air. While on a recent trip last April to Archangelsk I discovered to my amazement that this area was actually the first port and trade center of Russia. New Archangel, the small town in Alaska also referred to as Sitka, is the name sake city of Archangelsk named by Baranov. To many of us this is significant in the Russian American Company (RAC) history and of course to Kargopol where this legacy has reached across oceans.

The history of the Russian American Company along the shores of California has its beginning vision of expansion and the building of a great company with Alexander Baranov as owner of those dreams. His direct influences upon Ivan Kuskov, a trusted friend, are important to the many successes that followed in California for the RAC. I am certain if Baranov's life had not been cut short he would have made his way to California, but as it stands he never did. My own love affair with the Russian American Company started with reading and learning about this remarkable man, Lord Baranov. That first read, I have to admit, over 26 years ago in regards to the Russian American Company and Lord Baranov was a fictional title "*The Lord of Alaska*"[1]. The book was thrilling and captivating and created a picture of Baranov as a survivor, a do-gooder, yet sometimes hard to get along with, and at times ruthless. This captured my attention enough that I continued to read and research more about this fascinating person and his personal history. As I kept reading more primary documents it was clear that all the above mentioned about Baranov was true in regards to his character.

In the many years that created Lord Baranov, a man, a leader, and a noble, you must also understand his life with the Russian American Company (RAC). During his many years living in Alaska as he built a successful company he faced many difficulties. Most of the difficulties would have easily turned us away from such work and effort. But what I find really hard to understand is that big decisions for the RAC from the beginning of his time in Alaska until his last year in Company service were not being made by him nor was he often included in the conversations which the high officials held in regards to the company's successes or failures. Yet it was Baranov who knew the true meaning of living in Alaska and what was sorely needed. In the end with the lack of support he wanted out of the RAC altogether. As an example Count Nikolai Rezanov sent several letters to the Viceroy of Spain in regards to new trade possibilities as well as many letters between Buldakov, a Principal Director of the RAC and Emperor Alexander I concerning trade in California. Where was Baranov in all this? Baranov shared and put together the ideas of California. Not once was he mentioned in the letters, decisions which often created even more hardships for him and for the Company. Company officials who had no idea of what life was like in Alaska often said to him that it should not be too difficult to accomplish the building of Alaska with little funds or support.

Baranov became a true stand alone, his own leader. Baranov was often without basic needs such as decent foodstuffs. His roof is said to have leaked, and he could not depend on anyone as he had no trusted friends although this changed when Ivan Kuskov came ashore. He didn't make friends easily as he had to have strict rules and guidelines to survive. "He imposed a tight discipline, before the flagpole in the square he made the men parade on Sundays and holidays and stand at some semblance of attention as the flag was raised…while some other subordinate read the prayers for the day. He

[1] Chevigny, Hector; Lord of Alaska - Baranov and the Russian Adventure, Portland, Oregon: Binfords & Mort, 1951.

abolished gambling…would suddenly appear in cabin or bunkhouse ….and quite openly look for evidences of gaming. His appearance in the bunkhouse often meant the start of a song fest or a dance."[12] In all things, 'He made do!' He gained respect of the native peoples for the most part, depended on them when times were rough, and soon came to depend on the children that grew up around him, the creoles. His replacements either died enroute or had a change of heart. When Baranov would ask for replacements the personnel were generally low level serfs, peasants, and priests that demanded comfy beds, food, and servants which often caused more headache for Baranov than good. Fort St. Michael in 1804 was burned to the ground by Tlingit's, and again, the problem of how to feed the employees was in front of him. The supply of fresh food had fallen so low that the settlers were dying of scurvy. Luckily things changed with the arrival of a Russian ship that had stopped first in Hawaii and brought food and supplies courtesy of the ruler King Kamehameha an admirer of Baranov, who only wished to help, and never asked for payment. These were common struggles which in turn created a leader. To build an engaged, self-reliant company he had schools built and he had the natives taught the skills of the modern world. At times Baranov was dealing with insurrection, mutiny, massacres by some of the natives all the while trying to establish the settlements for RAC. It seemed the decision makers were mostly unaware of these sorts of true Alaskan hardships.

Count Rezanov, a decision maker, began to soften when he lived through a harsh winter in Alaska with little supplies and realized that Baranov had been accurate in his letters to the main office of his desperation. Rezanov wrote to the Administrators of the RAC regarding Baranov on November 6, 1805…"I can tell you that the loss of this man from this region would be a loss not just for the Company but for the entire Fatherland… if we lost Baranov we would be deprived of the means to realize the sweeping plans…..while he receives praise from the other nations he drinks from the cup of bitterness of his own people. And Oh God! He accomplishes everything with such successful management…"[3] Rezanov suggested to Baranov that in order to continue in Alaska he would attempt to establish trade with the Spanish in California, as though it was his idea. He set sail from the newly established port at Sitka on the *Juno*, a former American ship which he purchased. The *Juno* was loaded with trade goods for the Spanish in exchange for food stuffs. Baranov knew that Rezanov would be dealing with the priests of the California missions as well as the Government officials of Spanish California. He included on the ship goods of interest to the church such as cloth, utensils, tools, and spices as well as goods for the families of the officers including material, a clock, and a mirror. Both Rezanov and Baranov agreed that the colony must begin to move south for agricultural reasons and felt this was the right thing to do for the RAC.

It was soon realized by Baranov that California was loaded with 'black gold', the sea otter. When Baranov started contracting with American and English trade ships to hunt in California he was wrongly judged. June 17th, 1806, Count Rezanov to Count Rumiantsev in regards to Baranov "he saved the region…I see him as a man who has vision and dedication, and will stop at nothing to achieve success. Baranov often did what was necessary and the *O'Cain* contracted with Baranov with 40 baidarkas to hunt sea otters on an equal basis, purchase supplies for RAC …whether he (the captain of the *O'Cain*) deceived Baranov or whether Baranov was to have profited from this fraud, I leave it you Your Excellency to decide, I will only add that at the time Baranov's people were starving to death and their lives were saved by several barrels of flour brought by the *O'Cain"*.[4] Timofeev Tarakanov, like Ivan Kuskov, was a trusted employee to Baranov and it is Tarakanov he put on those American ships in 1806-1807.

It was noted in several documents that Baranov didn't mind at partnering with the English Ships and dividing the profits, but this was not his ideal situation. He did not want to divide the profits with anybody. In 1803, in earlier years, he had given specific instructions to Shvetsov and in 1806 to

---

[1] Chevigny, Hector; Lord of Alaska - Baranov and the Russian Adventure, Portland, Oregon: Binfords & Mort, 1951. Pages 86-87

[2] While I understand Lord of Alaska is fiction, from all my research about this man this description proves accurate.

[3] Basil Dmytryshyn, E. A. P. Crownhart-Vaughan, Thomas Vaughan, Oregon Historical Society Press, 1989 - Alaska The Russian American Colonies, 1798-1867: **A Documentary Record** p. 105

[4] Basil Dmytryshyn, E. A. P. Crownhart-Vaughan, Thomas Vaughan, Oregon Historical Society Press, 1989 - Alaska The Russian American Colonies, 1798-1867: **A Documentary Record**p 137

Slobodchikov, two Russian officials who went out on the American and English ships to 'make detailed observations of the quantities and habits of the valuable marine mammals.'[1]
After 1807 Baranov did little to advance Rezanov's work to establish trade in California as he went into a funk, a depression. "Finally, according the "Table of Ranks devised by Peter the Great, he was promoted as collegiate council, a civil service designation theoretically a level with admirals and colonels. He is entitled to be addressed as Excellency"[2]. Rarely did he receive this title in public and rarely did he get this sort of respect from officers except the likes of Ivan Kuskov". Baranov is now a noble, but to whom? After deciding to stay and continue his work with the RAC and receiving many new benefits his goal was to establish a Colony at the mouth of the Columbia River and north of San Francisco. His trusted employee, Ivan Kuskov continued to push Baranov to move south into California and meet this goal. Many of the traits I noted earlier about Baranov rubbed off on Kuskov, a trusted friend, creating a successful venture.
The first independent hunting was in 1809 with Ivan Kuskov working under Lord Baranov. Two ships went out from Sitka but one was shipwrecked enroute. Kuskov again went in 1811 this time to look for a place to build a fort but also for hunting and in 1812 established the Ross Colony. 'Baranov provided clear details to Kuskov – to explore the coast and establish permanent location which to hunt sea mammals'. [3]While Baranov did not necessarily meet his goal of being truly an independent Company, he would partner with American and English ships for many years to come bringing in huge profits. In the year's between 1809 to 1818 or so – they were getting 15,000 to 19,000 pelts a year. The entire coastline was black with sea otter and other valuable fur mammals, whose pelts were some of the most expensive pelts in the world market creating a fur rush. China paid the highest price, thus the continued partnerships with the American and English Trade ships were a necessity as they were welcome in the ports of Canton while the Russian ships were not.
October 14th, 1808, in a letter to Kuskov asking for "God's assistance in this endeavor…to dispatch a hunting party to the coast of the American New Albion…with complete accuracy (on the maps), ….my poor health and advanced years, but I am determined to use whatever strength and years I have left to do everything in my power to work for the benefit of this country". [4] He goes on to speak about loyal devotion to our generous monarch and Fatherland. In the same letter he speaks about the Native people which is important to me personally. He states "…strictly prohibit even the slightest exploitation of the local natives either by Russians or by members of the hunting groups; they must not be either insulted or abused…win their friendship and affection…you must not use fear…kind gestures based on humanity…pardon minor transgressions….entertain their respected leaders'[5]. While this clear it did not always take place, the protocol was there.
Baranov also speaks about Bodega Bay and Drakes Bay in California. He asks Kuskov in 1811 to inform the Spanish family, the Argüello's and specifically the 15 year old daughter, Dona Conception, of the death of Rezanov. This so called love story seems to creep into many history journals but is worth noting that many facts are often left out. And since this paper is not about the noted love story we will save this for another time. It is important to note however the rock opera *Junos and Avos* is more dramatic than history states.
May 15th, 1814 – During the administration of Rumiantsev, "Baranov instructed Bakadorov to try to establish friendship with any of the local missionaries through gifts" [6]. However, the Main Administration said to not build schools in California. "March 22, 1817. … If we stablished a school they would view our enterprising settlement with entirely different eyes than is now the case…keep the Ross Settlement in such condition the Spanish will have no reason to consider it…a simple

[1] Basil Dmytryshyn, E. A. P. Crownhart-Vaughan, Thomas Vaughan, Oregon Historical Society Press, 1989 - Alaska The Russian American Colonies, 1798-1867: A Documentary Record p 171-173, p 184-186
[2] Hector Chevigny,The Viking Press 1966, *Russian America: The Great Alaskan Venture, 1741-1867* page 113 –115
[3] Glenn J Farris,So Far from Home: Russians in Early California, Heyday (July 1, 2012) p. 48
[4] Basil Dmytryshyn, E. A. P. Crownhart-Vaughan, Thomas Vaughan, Oregon Historical Society Press, 1989 - Alaska The Russian American Colonies, 1798-1867: A Documentary Record pages 165 –166.
[5] Basil Dmytryshyn, E. A. P. Crownhart-Vaughan, Thomas Vaughan, Oregon Historical Society Press, 1989 - Alaska The Russian American Colonies, 1798-1867: A Documentary Record p 168-169
[6] Basil Dmytryshyn, E. A. P. Crownhart-Vaughan, Thomas Vaughan, Oregon Historical Society Press, 1989 - Alaska The Russian American Colonies, 1798-1867: A Documentary Record p 214

promyshlenniki outpost …[1] Nov 3, 1818 – to Alexander I from Chief Director Mikhail Buldakov – "The chief Administrator, Collegiate Counselor Baranov is as of now relieved of his responsibilities…elderly man of 70 who spent 27 years in Company service. …distant savage places, deprived of association with family, friends, and cultured society, and burdened by constant cares and concerns… [2]
For Several years Baranov made every attempt to make the trade legal in the so called Spanish waters. Governor Sola in 1817 was sent a request for equal trade but in the end did nothing, no decisions. Sola to Baranov responded that Russians should first withdraw from California before he would feel justified in asking the viceroy in Mexico City. After Baranov, the two following Governors would continue asking this same request of trade and hunt, and never received a positive reply. Baranov was often seen as incompetent in some areas of international trade so with these two Governors asking the same request, it was clearly not the fault of Baranov. Baranov, in his own way, saw these initial denials as a benefit. Going back to his original goals while he was hunting illegal in the California waters he also did not have to share the profits with the Spanish. [3]
In 1835 Vasilii Stepanovich Zavoiko, a naval officer, on a round the world voyage stopped at Bodega Bay and visited the Kostromitinov ranch, managed by Efim Munin, 'an old man of Baranov's time. Their host, recounted the story of the needs and difficulties which the Russians had faced and had to overcome, and of the heroic victories of Baranov…"[4] The time of the RAC in California waters was short lived. All in all from some of the earliest explorations in 1803 to some of the last partnerships during the Gold Rush we are looking at about 47 to 50 years of influences. Baranov created the Russian American Company with his own hands, passion for his work, overcoming many great difficulties. Baranov was party to the initial interests in California with foresight, he negotiated with the Spanish to keep his Colonies in Alaska thriving with the trade of food supplies, he established the Ross Colony, and partnered with trade ships to bring profits to the RAC. When he died in 1819 he left California in good hands with Ivan Kuskov one of his most trusted employees.
I want to close with a statement from Baranov to Kuskov in the letter and instructions dated October 14th, 1808. Baranov says to Kuskov - … "send fitting gifts and ask about hunting in the San Francisco Bay. …entrust you to be as humane as you possibly can, and have the greatest regard for all peoples. [5]
This is a Man, a Leader, and a Noble.

[1] Basil Dmytryshyn, E. A. P. Crownhart-Vaughan, Thomas Vaughan, Oregon Historical Society Press, 1989 - Alaska The Russian American Colonies, 1798-1867: A Documentary Recordp 239
[2] Basil Dmytryshyn, E. A. P. Crownhart-Vaughan, Thomas Vaughan, Oregon Historical Society Press, 1989 - Alaska The Russian American Colonies, 1798-1867: A Documentary Record p 171-173, p 306-307
[3] Glenn J Farris, So Far from Home: Russians in Early California, Heyday (July 1, 2012)
[4] Richard Pierce, Russian America: A Biographical Dictionary (Alaska History)– University of Alaska Press (January 1990) page 554
[5] Basil Dmytryshyn, E. A. P. Crownhart-Vaughan, Thomas Vaughan, Oregon Historical Society Press, 1989 - Alaska The Russian American Colonies, 1798-1867: A Documentary Record page 171

Russian American Company employees from Kargopol and Arkhangelsk

This is by no means a complete list of possible employees who were in Russian American Company service. Source: **Pierce, Richard A.** *Russian America: A Biographical Dictionary*. Limestone Press, Kingston, Ontario, and Fairbanks, Alaska. 1990

Mikhailo Ivanovich Nosov, a Kargopol citizen and RAC employee around 1822. Lived in the new Arkanglesk area as a trader and prikashchik. Married to wife Ekaterina and four children.

Grigorii Petrovich Dengin, a seafarer from Arkhangelsk. In early 1850's he entered RAC service. He commanded company vessels to colonel ports in Alaska, California, and China. He was married to Ekaterina in 1866. In the summer of 1867 he traveled to San Francisco and Honolulu.

Peter Bashmakov was a townsman from Arkhangelsk, skipper of several vessels. He participated in the earliest of Alaskan exploration and fur trade.

Semen Ivanov Dezhnev, 1605 to 1673, an arctic sea farer. He often traveled the Arctic Ocean to the Pacific. He made several voyages throughout the arctic and in 1647 a crew had to survive several locations in the Arctic. In 1662 he traveled overland and arrived in Moscow in 1664. He was made a Cossack ataman and assigned to Iakutsk where he remained until 1671 when he returned again to Moscow where he died in 1673

Dimitri Gragin – peasant of Totma maritime fur trade. Started moving east to the RAC colonies in 1762 finally reached Unalaska. For close to a year a team of hunters were attacked and constantly under attack by Natives. Many of them together returned to Kargopol on the brig Troitsa in 1766. He made his way back to Totma and in 1772 joined a Totma merchant brig and sailed to Okhotsk making his way to Unalaska once again. Ten years later he was inmilitary service as corporal and in 1785 was a lieutenant and in 1790 he entered government service as an assessor and in 1808 he served in the Arkhangelsk criminal court. He soon learned of the many stories of the fur trappers and became entranced with working with the RAC. With many events in between his final sail to Alaska – on his last sail he perished as the ship ran aground.

Kondratii Moshlov, a seafarer from Arkhangelsk around 1720's he explored his way to the east becoming a crew member on Bering's first expedition in 1728 and in 1732 reached the shores of the mainland of North America.

Mikhail Karlovich von Kiukhelbeker, naval officer. In 1819 he sailed from Arkhangelsk to Novaia Zemlia. He captained several ships and voyages sailing to California in 1822 staying for the winter. He stayed at the Colony Ross. He returned to Sitka in 1823, returning again to California waters in 1824. He was a Decembrist and charged. He died in 1857 or 1859 near Lake Baikal.

Kurepanov was an Arkhangelsk townsman and in RAC service around 1836.

Е.С. Макарова, И.В. Онучина (г. Каргополь)

Наследие А.А. Баранова в историко-культурном контексте Каргополя

Наиболее яркая часть истории Российских колоний в Северной Америке связана с их первым главным правителем Александром Андреевичем Барановым (1746-1819), навсегда вписавшим Каргополь в летопись Американского континента.

Для Каргополя имя Баранова значимо особо. С одной стороны, он являлся типичным представителем предприимчивого каргопольского купечества, с другой – в делах своих он шагнул намного дальше, выйдя за пределы сословных рамок.

Александр Андреевич родился в 1746 г., а пятью годами раньше 2-я Камчатская экспедиция В. Беринга и А. Чирикова достигла берегов Северной Америки. Мог ли тогда кто-либо предполагать, что эти два события свяжутся воедино.

Род Барановых происходит из деревни Кухтыревской[1], что на правобережье Онеги близ Каргополя, но уже его прадед Борис Олуферов жил в самом городе.

Каргополь середины XVIII в. входил в состав Новгородской губернии и был административным центром огромного уезда, простиравшегося в бассейне реки Онеги от её истока до Беломорского побережья. По административной реформе конца XVIII в. нижняя Онега была выведена из состава уезда и стала самостоятельной территориальной единицей. Сам город в 1785 г. представлял из себя следующее: «/…/ Все каргопольское общество состоит мужеска и женска пола и их детей две тысячи сто двадцать пять душ /…/ Церквей в городе каменных 14, деревянных 6, монастырей мужской и девичий /…/ 52 лавки /…/»[2]. Почти всё податное население было занято в торгово-промысловой сфере. Более развиты на то время скорняжное, шапочное (меховое), прядильное, винокуренное и кожевенное производство. Деятельность каргопольцев была связана с постоянными отлучками. География мест, где они бывали, разнообразна: Архангельский город, Тотьма, Вятка, Кольский уезд, Сумский острог, Москва, Петербург, Соль Камская, Ирбит, Тобольск и другие города.

В семье мещанина Андрея Ильича Боранова (Боранов-Баранов – два варианта написания одной и той же фамилии)[3], отца будущего правителя, было четверо детей: два сына и две дочери. Александр – второй ребёнок и старший из сыновей. Коммерция была семейным делом в купеческой среде. На правах старшего сына Баранов с юности помогал отцу в его торговых операциях. Подобным образом и приобретался практический опыт. Известно, что благодаря умелому ведению дел и удаче предприимчивый Александр нажил капитал и начал вести дела самостоятельно. Впоследствии его помощником станет брат Пётр, а затем и племянник Иван Куглинов, сын сестры Вассы.

Мы также знаем, что свойственники по первому браку Баранова, Марковы, были состоятельными людьми и видными предпринимателями. Его тесть, Александр Матвеевич Марков, купец 2-й гильдии, вступал в различные подряды, в т. ч. винные откупа, исправлял обязанности городового старосты, гражданского головы. Он построил в Каргополе каменную соборную колокольню, выиграв на это подряд; кирпич же на ее возведение производился на заводе отца подрядчика[4]. Брат жены А.А. Баранова Иван Александрович Марков «с товарищи» образовал компанию сельдяного промысла (1766 г., сельдь засаливали голландским способом, отличавшимся по качеству от старорусского), получив на 10 лет исключительное право торговли сельдью. Именовался он «сельдяного промысла коронный поверенный»[5].

В 1768 г. семья А.И. Баранова с женой и детьми, включая старшего сына Александра, упоминается в исповедной книге городского прихода Сошествия Святого Духа. Это один из

[1] Подр. см. в настоящем сборнике: Старицын А.Н. Родословная Александра Андреевича Баранова.

[2] Цит. по: Пигин А.В. Каргополь и Каргопольский уезд в конце XVIII века: по сведениям вновь найденной рукописи из собрания Археологического общества // Культура Поонежья X – XXI век: общерусские черты и региональные особенности: материалы XIКаргопольской научной конференции (18-22 августа 2010 г.) /Науч.ред. и сост. И.В. Онучина, Н.И. Решетников. Каргополь, 2011. С. 124.

[3] В документах Каргополя XVIII – начала XIXв. фамилия писалась через «о» Боранов, в документах Иркутска (1780-1790) через «а» Баранов.

[4] ГААО. Ф.994. Оп. 3. Д.1. Л. 68.; РГАДА Ф. 1051. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.О строительстве в г. Каргополе каменной колокольни.

[5] Русский Север и Западная Европа. СПб, 1999. С.415-422.

ранних выявленных документов об этой семье[1]. Сестра Александра Андреевича, девка Евдокия, и другие родственники отмечены в его духовных росписях и в последующие годы (1795, 1802)[2]. О том, что Александр Баранов входил в состав паствы Свято-Духовского прихода, сообщает священник Ивановский[3]. В фондах музея есть происходящие оттуда икона Димитрия Солунского и скульптурный образ святителя Николая, датируемые XVIIв.[4] Именно этот образ Николы почитался каргопольцами как чудотворный. Очень вероятно, и Баранов, отправляясь в дальние путешествия, не раз молился перед ним об удаче.

Обе сохранившиеся приходские церкви перестраивались в камне при Александре Андреевиче. Стоят и другие, видевшие Баранова городские храмы XVI-XVIII вв.: собор Рождества Христова, церкви Рождества Пресвятой Богородицы и Благовещения, Воскресения Христова и Рождества Иоанна Предтечи, сохранились крепостные валы Смутного времени. В бытность Александра Андреевича сформировался современный градостроительный образ, когда после опустошительного пожара 1765 г. Каргополь отстраивался по разработанному для него регулярному плану. А.А. Баранов наряду с другими горожанами выстроил собственный дом. В реестре жилых построек Каргополя за 1777 г. он значится по ул. Благовещенской за № 12, в нем 5 покоев[5]. Городовая обывательская книга 1786-1788 гг. дополняет, что «Боранов Александр Андреев /…/ имеет построенный собой дом в 1 части 1 квартала планового строения под № 12»[6]. Оставаясь жителем Каргополя, но по факту живя в отлучках, к началу XIX в. недвижимости здесь он уже не имел[7]. К сожалению, место дома Баранова выявить не удалось. Единственное, что можно сказать определенно, находился он по ул. Благовещенской (ныне пр. Октябрьский) между Соборной площадью и ул. Базаихой (ныне ул. Онежская). Между тем, в едином государственном реестре объектов культурного наследия домом Баранова называют вполне конкретное строение по улице Сергеева, 1. И хотя оно находится в указанном нами квартале, на самом деле это дом конца XIX в. мещанина Петра Дмитриевича Осыкина.

Сведения о семье нашего земляка сообщает Городовая обывательская книга за 1788-1790 гг.: «Боранов Александр Андреев сын, 37 лет, старожил, женат на дочери купца Александра Маркова Матроне, имеющей 30 лет. В его семействе брат Петр 23 лет, сестра Евдокия 39 лет /…/ Живет в отлучке по паспортам, не объявил за собой никакого капитала»[8]. В 1804 г. аналогичный документ дополняет, что купцы Александр и Петр Андреевы Барановы состоят во 2-й гильдии, объявили за собой капитал 2005 рублей. «Александр по высочайшему повелению пожалован в коллежские советники. /.../ женат на Матроне Марковой /…/. Детей не имеют, дому не имеют»[9]. Однако в подписанном в Охотске между Г.И. Шелиховым и А.А. Барановым договоре упоминаются двое малолетних детей последнего, сын Аполлон и дочь Афанасия, о которых говорится, что это его воспитанники, усыновленные «дети природы»[10]. Видимо, факт усыновления и дал исследователям основание полагать, что Баранов был женат на вдове, и что это её дети от первого брака. Между тем, в ревизских сказках 1782 г. в строках о семье А.М. Маркова указано, что его дочь Матрёна выдана замуж за Александра Баранова. Основываясь на этих и других сведениях, мы не склонны считать, что Матрёна Александровна состояла ранее в другом браке и, овдовев, вышла за Александра Баранова. Однако этот факт все же нуждается в уточнении. Будучи бездетной, чета Барановых усыновила детей, и произошло это в период их жизни в Иркутске. Находясь в Америке, вдали от семьи, Александр Андреевич материально обеспечивал её, передавая ежегодно значительную сумму денег[11]. Видимо, и дочь

[1] ГААО. Ф. 29. Оп. 30. Д.2. Л. 45.
[2] ГААО. Ф. 29. Оп. 30. Д.2. Л. 25, 87; Оп. 3. Д. 6. Л. 38, 44об., 45.
[3] КГИАХМ. КП 10538. Л. 51об.
[4] КГИАХМ. КП 2122, КП 1744.
[5] ГААО. Ф. 1481. Оп. 3. Д. 3. Л. 18об.
[6] ГААО. Ф. 994. Оп. 3. Д. 1. л. 2.об.
[7] ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 69. Л. 47об.-48.
[8] ГААО. Ф. 994. Оп. 3. Д. 5. Л. 173.
[9] ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 69. Л. 47об.-48.
[10] Из договора между Г.И. Шелиховым и каргопольским купцом А.А. Барановым об условиях сотрудничества в Северо-восточной американской компании // Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века: сборник документов /сост. Т.С. Федорова. М., 1989. С. 289.
[11] Хлебников К.Т. Жизнеописание Александра Андреевича Баранова, Главного Правителя Российских колоний в Америке. СПб, 1835. С. 5.

Афанасия была выдана за служащего Главного правления РАК в Санкт-Петербурге губернского секретаря Василия Федоровича Беляева[1] не без участия отца.

Александр Андреевич связей с малой родиной не порывал, да он и не мог этого сделать, принадлежа к податному сословию. В Иркутске он записался в число иногородних гостей и значился каргопольским купцом. Из Америки он выплачивал в городскую казну платежи с капитала по 2-й гильдии и другие гражданские подати за себя и брата. Не имея возможности ежегодно пересылать деньги, он несколько раз, в том числе через Главное правление РАК, препровождал значительные суммы за несколько лет вперед. Например, в 1898 г. – 1 тыс. рублей, в 1803 г. – 2 тыс. руб. Баранов также распоряжался об отдаче излишек денежных сумм в заём надежным гражданам и передаче процентов с них на воспитание нуждающихся детей и содержание гражданского училища. Училище для мальчиков в родном городе Баранова было открыто в 1787 г., когда Александр Андреевич давно не жил там, тем не менее, он знал об этом, что косвенно подтверждает контакты с родиной. О его платежах и пожертвованиях мы узнаем из письма, отправленного главным правителем 15 июня 1803 г. с острова Кадьяк в Каргопольский городовой магистрат. С далёких берегов Тихого океана он писал: «/.../поныне состою в гражданстве Каргопольском и за честь себе поставляю всегда считаться в оном/.../»[2].Подлинник был обнаружен в городском архиве работавшим над историческим очерком о Каргополе священником Иоанном Ивановским, был им скопирован в 1852 г. и размещен в его рукописном сборнике[3]. В дополнение к письмам Ивановский сообщал, что Матрёна Баранова со времени отъезда мужа проживала в Москве, получая купецкие паспорта[4]. То, что она жила вне Каргополя, косвенно подтверждается и другим документом[5].

Помимо писем Баранова, в музее есть женский портрет, имеющий, по нашему представлению, американский след[6]. На холсте – поясное изображение темноволосой женщины в трёхчетвертном повороте влево. При его реставрации в 2014 г., когда сняли слой тёмной олифы, взору открылось нечто необычное. Незнакомка с выдающимися скулами и чуть раскосыми глазами, одетая в европейское платье, носила нехарактерное для европейцев украшение: в нижнюю часть носовой перегородки продето небольшое кольцо. Подобные украшения известны у коренных народов Северной Америки. Её костюм и прическа позволяют датировать портрет не ранее чем серединой 40-х годов XIX в. Вероятно, он написан в России.

Мы выдвинули несколько рабочих гипотез происхождения данного портрета. Прежде всего, мы предположили, что это портрет жены-креолки каргопольского купца Михаила Ивановича Носова (†1843), служившего приказчиком в Русской Америке с 1817 г. Он отличался бесстрашием и хорошим знанием тлинкитского языка, неоднократно выступая переводчиком. Однако эта версия расходится с датами его краткого возвращения в Россию. Со всей семьей он покидал Америку с 1828 по 1830 гг., после чего вернулся обратно и оставался там до конца дней[7]. Его сын Николай Михайлович Носов (1832-?) работал в Ново-Архангельске шлюпочным мастером и в 1856 г. выехал в Россию на корабле «Николай I»[8]. Еще одно предположение: не связан ли этот портрет с племянником главного правителя Иваном Александровичем Куглиновым, который находился в американских колониях с начала 1800-х гг. и отбыл в Россию вместе с Барановым[9]. О дальнейшей судьбе Н.М. Носова и И.А. Куглинова мы ничего не знаем.

---

[1] Гринёв А.В. Кто есть кто в истории Русской Америки. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. академика Н.Н. Болховитинова. М., 2009. С. 56.

[2] КГИАХМ. КП 10538. Л. 50 об.

[3] КГИАХМ. КП 10538. Рукопись сер. XIX в. Автор – священник прихода Рождества Иоанна Предтечи г. Каргополя Иоанн Ивановский. 82 листа сброшюрованы и сшиты, вложены в твёрдый переплёт. Бумага машинная без маркировки. Записи черными чернилами на обеих сторонах листа. Содержит сведения по истории, географии, экономике, этнографии Каргополя и Каргопольского уезда, словарь местного наречия и другие сведения.

[4] Там же. Л.51 об.

[5] ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 69. Л. 47 об-48.

[6] КГИАХМ. КП 14724.

[7] ГААО. Ф.1481. Оп. 1. Д. .131; Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова». М., 1985. С. 292; Гринёв А.В. Кто есть в истории Русской Америки. Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. академика Н.Н. Болховитинова. М., 2009. С. 385.

[8] Гринёв А.В. Кто есть в истории... С. 385.

[9] Гринёв А.В. Кто есть в истории... С. 273; Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова. М., 1985. С. 46, 290.

Портрет загадочной незнакомки принадлежит к ранним музейным коллекциям и остается нераскрытой тайной.

В конце 1980-х гг. группа каргопольцев под началом А.А. Агапитова объединилась в общественную организацию «Отечественный союз», возглавившую движение за сохранение памяти Александра Андреевича Баранова в его родном городе. Члены союза предложили одну из улиц назвать именем знаменитого земляка и собрали подписи горожан в поддержку. Городская власть поддержала эту инициативу, и с 1991 г. набережная носит имя А.А. Баранова, а в 1997 г. здесь установлен памятник, автором которого является архангельский архитектор и художник Игорь Скрипкин.

Выставки, конкурсы, чтения, интеллектуальные игры, посвящённые Русской Америке, не раз проходили в нашем музее. В новой исторической экспозиции, открывшейся в конце 2015 г., один из разделов знакомит с деятельностью главного правителя. Год спустя экспозицию дополнила выставка, решённая как интерактивное образовательное пространство для проведения занятий, лекций по этой теме.

Однако нашей давней мечтой является создание музея А.А. Баранова, видение которого с годами трансформируется. Надеемся, что в недалёком будущем наконец появится первый музей, который расскажет правдивую историю первого главного правителя Русской Америки. Героическая и загадочная фигура А.А. Баранова, в прямом смысле овеянная легендами, способна заинтересовать, увлечь, стать примером предприимчивости, мужества и стойкости, предложить широкий круг тем, разнообразные формы работы с посетителями, простор для исследований и творчества.

Приложения

Письма и обращения А.А. Баранова в Иркутский и Каргопольский городовой магистрат[1]

В Иркутский
городовой магистрат
иногороднего гостя
каргопольского купца
Александра Баранова
Объявление

Со времени обнародования высочайше изданного городового положения записан я здесь по городу Иркутску на временное пребывание в числе иногородних гостей во вторую гильдию, объявя капиталу пять тысяч сто рублей, по которой и поныне считаюсь, платя с объявленного капитала в казну принадлежащие процентные, и на городовые расходы обществом градским возлагаемую подать бездоимочно. Имею здесь собственный дом и стеклянную вместе с господином надворным советником Кириллом Евстафьевым Лаксманом фабрику.

А как по силе того городового положения следует всякому в гильдии состоящему, а паче иногородним, объявлять желание и капитал в каждом годе в одном декабре месяце, почему и я ныне на будущий 789 год изъявляю свое желание остаться здесь в числе иногородних гостей во второй гильдии на таковом же основании как сначала записан был. И тот же самый капитал пять тысяч сто рублей у себя объявляю.

Иркутский городовой магистрат покорно прошу на будущий 789 год в число иногородних гостей по второй гильдии с показанием вышеобъявленного капитала меня включить. К сему объявлению иногородний гость города Каргополя купец Александр Баранов руку приложил.

21 декабря 1788 г.

ГАИО. Ф. 70. Оп. ОЦ. Д. 19. Л. 79-79об. Рукопись. Автограф. Подлинник.

В Каргопольский городовой магистрат
Каргопольского купца Александра Баранова,
Покорное прошение

[1] Здесь и далее тексты документов приближены к современным языковым нормам. Стиль, грамматика и орфография в соответствии с источником.

Известно уже сему магистрату, что я давнего времени занимаюсь небезважными для Отечества делами на Американских берегах, Российскому владению принадлежащих, и за ревностные труды мои во благо общее удостоился получить в минувшем 1802 году от щедрот монарших милость: для ношения на шее золотую медаль на ленте ордена Святой Анны.

А как я поныне состою в гражданстве каргопольском и за честь себе поставляю всегда считаться в оном, в рассуждении каковом и препроводил я в 1798-м году отсель на платеж с капитала и на прочие гражданские подати и раскладки одну тысячу рублей, прося считать нас с братом Петром Барановым во второй гильдии; каждогодно же подавать объявление о капитале по силе городового положения нет нам возможности, ибо он обращается за Охотском в Гижигинском ведомстве около реки Анадырь, я на Американских берегах тринадцатый уже год занимаюсь правлением Северо-восточной компании, почему и опять при сем чрез компанейское главное С-Петербургское правление представляю две тысячи рублей, да ежели и от брата, сколько когда доставлено и доставлено будет, присоединить к оной же сумме и вычитать принадлежащие каждогодно по второй гильдии с капитала проценты и прочие раскладки, а излишки хранить и раздавать надежным торгующим гражданам за указанные проценты, которые, не присоединяя к капитальной препровождать в сиротский суд, дабы тот употреблял те на воспитание бедных сограждан-детей и на содержание гражданского училища.

Того ради в полученной от нас сумме и в платеже с капитала процентах доставить в главное Санкт-Петербургское компанейское правление квитанции и нам паспорта семилетние.

К сему доношению Александр Баранов купец каргопольский руку приложил.

По неимению здесь гербовой бумаги писано сие на простой, за оную благоволено будет вычесть из суммы моей показанной. Александр Баранов.

1803 года июня от 15 числа.

С Американского острова Кадьяк.

КГИАХМ. КП 10538. Л.50 об.-51. Рукопись. Копия.

Объяснение Александра Баранова

На требование Каргопольским магистратом в 1812 году от 28 мая взыскания с Александра и брата его Петра Барановых с торговых капиталов 480 р. 48 к. и сверх того градских повинностей от Александра Баранова от 21 июня 1815 года прислано объяснение при указе Олонецкого губернского правления от 6 сентября 1816 года за № 8,155 в городовой Каргопольский магистрат, в котором прописывается, что он Баранов отлучился из Сибири в Америку в 1790 году и никогда после не возвращался ни в Сибирь ни в Россию, и что в 1802 году пожалован высочайшею грамотою Государя Императора чином коллежского советника, и что он не получал никогда ответа от Каргопольского магистрата, куда израсходованы им посланные деньги, и что о пожаловании его чином коллежского советника должно быть известно Каргопольскому магистрату.

Сверх того он Александр Баранов и брат его Петр отлучились из России в Сибирь в 1781 году и с того времени по городу Каргополю оба не имели никаких торговых оборотов и промыслов, записавшись потом в Иркутске в число гостей по той же 2-й гильдии, как состояли и в Каргополе. И он Александр Баранов пробыл по тому званию до 1790 года, в коем и в Америку отлучился. А брат его имел прежде по Анадырю и Гижиге, а ныне только по последней и Охотску производит торговый оборот и имеет довольное состояние, чтобы оплачивать, какие следует повинности, когда требование напишете на него чрез Охотское правительство. Ибо за отдаленными его отлучками по Гижигинскому и к реке Анадырю краю не всегда иметь может надежные способы к пересылке с капитала процентов и повинностей городовых. Но от городового того магистрата не просить в пересланной моей сумме отчет по предреченный 1802 год, с коего я уже перешел в другой класс достояния и никаких торгов ни а Сибири ни в России уже не произвожу, а занимаюсь в Америке делами знаменитой сей компании от самого соединения господина Шелихова с прочими и до привилегии еще у него здесь же находился правителем десять лет, а всего теперь 26 лет как отбыл из Охотского порта, следовательно никаких податей платить не обязан. Но ежели паче чаяния предъявите законное на то право,

то покорно прошу компанию удовлетворить требованию на счет мой и платеж принять обязуюсь.

Александр Баранов.
29 июня1815 г.
Порт Ново-Архангельский.

КГИАХМ. КП 10538. Л. 51-51 об. Рукопись. Копия.

Илл. 1. Неизвестный художник. Портрет А.А. Баранова.
Сер. XX в. по литографии П. Смирнова (1863). КГИАХМ. НВФ 3787.

А.Н. Старицын(г. Москва)

Родословная Александра Андреевича Баранова

Поиски сведений о предках А.А. Баранова[1] следует начинать с описания его собственной семьи. Сведения о составе семьи А.А. Баранова содержатся в каргопольских обывательских книгах, в которых фиксировались происхождение, возраст и род занятий домовладельцев г. Каргополя и всех членов их семей. В «Книге обывателей каргопольского городского общества за 1788-1790 годы» в разделе «Посадские безкапитальные» отмечен «Боранов Александр Андреев сын 37 лет старожил, женат на Матрене дочери купца Александра Маркова 30 лет. В его семействе брат Петр 23 лет, сестра Евдокия 39 лет. Живет в построенном собою собственном доме означенной первой части сея книги № 12. Живет в отлучке по пашпортам. Не объявил за собою никакого капиталу»[2]. Младшая сестра Баранова Васса (1758 года рожд.) не попала в описание членов его семьи, потому что раньше вышла замуж за мещанина Александра Семеновича Куглинова и была упомянута в составе семейства Куглиновых в «Городской обывательской книге на 1786, 87, 88 годы». У них был сын Афанасий 3 лет и взятые на воспитание две дочери умершей сестры Куглинова Матрены (Агафья 8 лет и Евдокия 5 лет)[3]. В «Книге записи обывателей г. Каргополя за 1801 г.» отмечены: «купцы Александр 56 лет и Петр 49 лет Андреевы Борановы, из коих Александр по высочайшему повелению пожалован в коллежские советники, сестра их Евдокия 58 лет девка. Капитал 2005 р., дому не имеют, живут в отлучке, торг имеют в Сибири, в службах не были. Александр женат на Матрене купца Александра Маркова дочери 49 лет, детей нет. Петр холост»[4]. В той же книге встречается запись о семье мещанина Ивана Боранова старожила, вдовца, умершего в возрасте 62 лет в 1795 г. У него остался сын Петр 51 года, который был женат на дочери мещанина Алексея Яркина Авдотье 50 лет. У них дети: Павел 30 лет, Агафья 30 лет (замужем за мещанином Иваном Ильичём Насоновым), Василий 23 лет, Евдокия 15 лет. У Павла дочь Любовь 4 лет. За Петром дом в 3 квартале наследственный от его отца. Он служил в 1791 и 1795 годах десятским в магистрате. Пётр Иванов занимался рыбной торговлей[5]. Агафья в замужестве родила двух дочерей: Евдокию (1791 года рожд.) и Агриппину (1798 или 1799 года рожд.)[6]. У Петра Ивановича Боранова была еще одна дочь Анна, которая вышла замуж за мещанина Алексея Ватагина. В 1843 – 1848 годах в Каргопольской городской думе рассматривалось дело о наследниках купца Василия Петровича Боранова, умершего в 1826 г. Среди них были упомянуты его сестры Анна Петровна Ватагина и Агафья Петровна Насонова и племянница вдова Любовь Павловна Потылицына[7]. В какой степени родства состояли Пётр Иванов и Александр Андреев Борановы станет ясным при обнаружении сведений об их отцах и дедах.

В «Духовных росписях приходов Каргопольского уезда за 1768 г.» среди исповедовавшихся и причастившихся прихожан Духовской церкви отмечены Иван Васильев Боранов 45 лет, его дети: Петр 19 лет, Евдокия 18 лет, Дарья 15 лет, Ирина 10 лет[8]. В том же приходе исповедовались Андрей Ильин сын Боранов 44 лет, его жена Анна Григорьева 44 лет, их дети: Евдокия 22 лет, Александр 21 года, Петр 12 лет, Васса 8 лет[9].

Материалы III ревизии за 1762 г. содержат сведения о деде Александра Андреевича – Илье Борисове, которому в 1744 г. было 48 лет, а в 1747 г. он уже умер. Вместе с ним упомянуты его сын Андрей 36 лет, его жена Анна Григорьева 40 лет, их дети: Евдокия 17 лет, Александр 15 лет, Васса 4 лет и Петр 1 года[10]. Вслед за семьей Ильи Боранова записана семья его брата Федора Борисова 61 года. Его жена Ефимия Иванова 55 лет происходила из Кенозерской волости, была дочерью успенского священника Ивана Иванова младшего. Их сын Пётр (1732 года рожд.) в 1760

[1] Во всех рассмотренных в данной статье источниках фамилия Баранов пишется через «о» – Боранов.
[2] ГААО. Ф. 994 (Каргопольская городская дума). Оп. 3. Д. 5. Л. 173.
[3] ГААО. Ф. 994 (Каргопольская городская дума). Оп. 3. Д. 1. Л. 119 об.
[4] ГААО. Ф. 994 (Каргопольская городская дума). Оп. 1. Д. 69. Л. 47 об.
[5] Там же. Л. 91 об.
[6] ГААО. Ф. 29 (Духовная консистория). Оп. 30. Д. 8. Л. 46 об.
[7] ГААО. Ф. 994(Каргопольская городская дума). Оп. 1. Д. 1238. Л. 1 – 31 об.)
[8] ГААО. Ф. 29 (Духовная консистория). Оп. 30. Д. 2. Л. 44 об.
[9] Там же. Л. 45.
[10] РГАДА. Ф. 350 (Ландратские книги и ревизские сказки). Оп. 2, ч. 1. Д. 1279. Л. 631 – 631 об.

году был отдан в рекруты. С Федором и Ефимией Борановыми проживала жена их сына Петра Ирина 23 лет со своим сыном Иваном 4 лет. Ирина была дочерью крестьянина Устьвольской волости Федора Докучаева. Вместе с семьей Федора Боранова упомянута его 28-летняя племянница Мавра Михайлова. В документе поясняется «братня дочь», что можно понимать как дочь родного или двоюродного брата. Так как о Михаиле Борисове нет вообще никаких сведений, то предпочтительнее придерживаться второго варианта. Мавра была выдана замуж за крестьянина Волковской волости Ивана Петрова Папышева[1].

Материалы II ревизии за 1744-1748 годы зафиксировали названия улиц, на которых проживали семьи Борановых. На Пятницкой улице, вероятно, в одном доме жили Илья и Федор Борисовы. С ними жил их отец Борис Олферов (Олуферов) (1657 года рожд.), умерший до ревизии. Отдельно от младших братьев проживал Василий Борисов Боранов (1684 года рожд.) с сыном Иваном (1725 года рожд.). На улице Базаевой зафиксирован без указания фамилии некий Василий Олферов (Олуферов) (1684 года рожд.) с сыном Иваном (1725 года рожд.). Совпадение в возрасте и именах с Василием Борисовым (не совпадает только отчество) заставляет задуматься, что, возможно, произошла описка, и речь идет не о сыне, а о младшем брате Бориса. Но это предположение ничем больше не подтверждается. На улице Потанихе отмечен Федор Боранов (1662 года рожд.) и его сын Михаил (1692 года рожд.), умершие до ревизии[2]. Исходя из вышеприведенных сведений о двоюродной племяннице Федора Борисова, можно допустить, что Михаил Федорович и есть отец Мавры и двоюродный брат Фёдора Борисова. Тогда его отец Федор должен быть сыном Олфера и братом Бориса Олферова. Материалы I ревизии за 1722 г. позволяют уточнить род занятий Борановых. Борис Олферов с Пятницкой улицы занимался торговым промыслом, а Федор и Михаил с улицы Потанихи были «портные швецы»[3].

Переписная книга г. Каргополя и уезда 1712 – 1713 годов сообщает более подробные сведения о семье Бориса Олферова. У него была жена Евдокия и дети: Василий, Илья, Федор, Параскева. Названы жена Василия Евдокия и их дочь Анна. Двор, в котором жили Борановы на Пятницкой улице во время переписи, был пуст, а все его обитатели скитались в поисках пропитания[4]. В этой же переписи на улице Каменке упомянута пустая изба нищей вдовы Анны Григорьевой Борановой, муж которой Михаил умер до переписи, а она вынуждена скитаться в миру[5].

Переписная книга г. Каргополя и уезда 1648 г. зафиксировала на улице Пономарихе жившего во дворе Александро-Ошевенского монастыря захребетника пристава съезжей избы Семена Боранова с детьми Ефимом, Евдокимом и Ларионом. На Иванской улице жил Семен Осипов Боранов с детьми Дмитрием и Иваном[6]. Дополнительных сведений об этих людях не выявлено. Поиски прапрадеда Александра Андреевича Боранова, носившего редкое имя Олфер (вероятно, производное от Алфей), среди жителей посада не увенчались успехом. Но в уезде удалось его отыскать. В волости Большая Шалга в деревне «Кухтыревской Глазуновской тоже» была зафиксирована семья крестьянина Григория Артамонова сына Боранова с сыном Олфером. В соседнем дворе проживал брат Григория Василий Артамонов сын Боранов с детьми Епифаном, Львом, Ефимом, 7-летним Василием и 5-летним Антоном[7]. Представляется, что Олфер Григорьев Боранов и был прапрадедом Александра Боранова. Вероятно, в конце XVII в. Олфер Григорьев оставил деревню и обосновался в Каргополе на Пятницкой улице, где впоследствии проживали непосредственные предки Александра Андреевича. Основным занятием отца, деда и прадеда А.А. Баранова, как явствует из документов, было торговое дело.

На основании имеющихся сведений можно составить родословную роспись Борановых. Так как некоторые родственные связи установлены гипотетически, в дальнейшем возможны изменения в росписи. Автор счёл возможным включить в роспись сведения о ближайших родственниках А.А. Баранова, проживавших в Каргополе и носящих другие фамилии.

[1] Там же. Л. 631 об.
[2] Там же. Д. 1269. л. 2 об.; Д. 1270. Л. 10, 30; Д. 1271. Л. 16 об., 44 об.
[3] Там же. Д. 335. Л. 588, 622 об.
[4] Там же. Оп. 1. Д. 167. Л. 75.
[5] Там же. Л. 35.
[6] РГАДА. Ф. 1209. (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 168. Л. 18, 36.
[7] Там же. Л. 438 об.

Римские цифры в росписи обозначают поколение, арабские цифры обозначают: первая – порядковый номер персоны, вторая – порядковый номер отца (или матери).

РОДОСЛОВНАЯ РОСПИСЬ БОРАНОВЫХ

I. 1. Артамон (конец XVI-XVII в.) крестьянин из деревни Кухтыревской (Глазуновской тоже) волости Большая Шалга (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 168. Л. 438 об.).

II. 2. 1. Василий (XVII в.) крестьянин из той же деревни (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 168. Л. 438 об.).

3. 1. Григорий (XVII в.) крестьянин из той же деревни (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 168. Л. 438 об.).

III. 4. 2. Епифаний (XVII в.) крестьянин из той же деревни (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 168. Л. 438 об.).

5. 2. Лев (XVII в.) крестьянин из той же деревни (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 168. Л. 438 об.).

6. 2. Ефим (XVII в.) крестьянин из той же деревни (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 168. Л. 438 об.).

7.2. Василий (1641 год рожд.) крестьянин из той же деревни (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 168. Л. 438 об.).

8. 2. Антон (1643 года рожд.) крестьянин из той же деревни (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 168. Л. 438 об.).

9. 3. Олфер (Алфей) (XVII в.) крестьянин из той же деревни. Вероятно, записался в посад города Каргополя во второй половине XVII в. (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 168. Л. 438 об.).

IV. 10. 9. Борис (1657 – после 1725 г.) посадский человек г. Каргополя, проживал на ул. Пятницкой в собственном дворе, занимался торговлей. Во время голодных лет (1705-1712) был вынужден скитаться с семьей. Потом вернулся на прежнее место жительства. Жена Евдокия (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 167. Л. 75; Оп. 2. Д. 335. Л. 588).

11. 9. Фёдор (1661 – после 1725) посадский человек г. Каргополя, проживал на ул. Потанихе в собственном дворе, занимался портновским шитьем (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 335. Л. 622 об.; Д. 1267. Л. 38 об.; Д. 1270. Л. 30.).

V. 12. 10. Василий (1684 года рожд.) посадский человек г. Каргополя, до 1712 г. проживал на ул. Пятницкой во дворе своего отца. Вероятно, после скитаний в голодные годы (1705 – 1712) отделился от отца и жил в собственном дворе, занимался торговлей. Жена Евдокия. (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 167. Л. 75; Оп. 2. Д. 1269. Л. 2 об.).

13. 10. Илья (1696-1747) посадский человек г. Каргополя, проживал вместе с братом Федором в отцовском дворе на Пятницкой ул., занимался торговлей (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 167. Л. 75; Оп. 2. Д. 335. Л. 588).

14. 10. Фёдор (1701 – после 1762) посадский человек, проживал в одном дворе вместе с братом Ильей на ул. Пятницкой, занимался торговлей. Был женат на Ефимии Ивановой дочери успенского священника из Кенозерской волости (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 167. Л. 75; Оп. 2. Д. 335. Л. 588).

15. 10. Параскева (XVIII в.) дочь посадского человека (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 167. Л. 75).

16. 11. Михаил (1691 – до 1744) посадский человек г. Каргополя, проживал на ул. Потанихе в отцовском дворе, занимался портновским шитьем (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 335. Л. 622 об.; Д. 1267. Л. 38 об.; Д. 1270. Л. 30).

VI. 17. 12. Анна (XVIII в.) дочь посадского человека (РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Д. 167. Л. 75).

18. 12. Иван (1723 – 1795) посадский человек г. Каргополя, проживал в отцовском дворе. Жена Евдокия (1740 – 1798) (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1269. Л. 2 об.; ГААО. Ф. 29. Оп. 30. Д. 2. Л. 44 об.).

19. 13. Андрей (1727-?) посадский человек г. Каргополя, проживал на ул. Пятницкой, занимался торговлей. Жена Анна Григорьева, дочь каргопольского посадского человека (родилась в 1722 г.) (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1279. Л. 631).

20. 14. Петр (1732 года рожд.) посадский человек г. Каргополя, проживал на ул. Пятницкой вместе с отцом и дядей, в 1760 г. отдан в рекруты. Жена Ирина, дочь крестьянина Устьвольской волости Федора Докучаева (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1279. Л. 631 об.).

21. 16. Мавра (1734 года рожд.) дочь каргопольского посадского человека, выдана замуж за крестьянина Волковской волости деревни Абросимовой Ивана Петровича Папышева (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1279. Л. 631 об.).

VII. 22. 18. Пётр (1749 года рожд.) каргопольский купец, служил десятским в городском магистрате, занимался рыбной торговлей. Жена Авдотья Алексеевна Яркина (1750 года рожд.) (ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 69. Л. 91 об.).

23. 18. Евдокия (1750 года рожд.) дочь каргопольского мещанина (ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 69. Л. 91 об.).

24. 18. Дарья (1753 года рожд.) дочь каргопольского мещанина (ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 69. Л. 91 об.).

25. 18. Ирина (1758 года рожд.) дочь каргопольского мещанина (ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 69. Л. 91 об.).

26. 19. Евдокия (1745 года рожд.) дочь каргопольского посадского человека, замужем не была (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1279. Л. 631 об.).

27. 19. **Александр** (1746 – 1819. 16. 04) каргопольский купец, первый главный правитель русских поселений в Америке, коллежский советник. Женат на Матрене (1754 года рожд.) дочери каргопольского купца Александра Матвеевича Маркова (ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 69. Л. 47 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1279. Л. 596, 631).

28. 19. Васса (1758 года рожд.) дочь каргопольского посадского человека, замужем за каргопольским мещанином Александром Семёновичем Куглиновым (1750 года рожд.). (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1279. Л. 631 об.; ГААО. Ф. 994. Оп. 3. Д. 1. Л. 119 об.).

29. 19. Пётр (1760 года рожд.) сын каргопольского посадского человека, холост (ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 69. Л. 47 об.; РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1279. Л. 631).

30. 20. Иван (1758 года рожд.) сын каргопольского посадского человека (РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Д. 1279. Л. 631 об.).

VIII. 31. 22. Павел (1771 года рожд.) сын каргопольского мещанина (ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 69. Л. 91 об.).

32. 22. Агафья (прибл. 1774 года рожд.)[1] дочь каргопольского мещанина. Замужем за каргопольским мещанином Иваном Ильичём Насоновым. Овдовела до 1837 г., проживала в доме своего деверя купца Петра Ильича Насонова, была отмечена как прихожанка Владимирского прихода (ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 69. Л. 91 об.; Там же. Ф. 29. Оп. 30. Д. 8. Л. 46 об.; Д. 17. Л. 22; Д. 20. Л. 25 об.).

33. 22. Василий (1782 – 1826) сын каргопольского мещанина, записался в купцы (ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 69. Л. 91 об.; Там же. Ф. 994. Оп. 1. Д. 1238. Л. 1 – 4 об.).

34. 22. Евдокия (1786 года рожд.) дочь каргопольского мещанина (ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 69. Л. 91 об.).

35. 22. Анна (даты жизни не выявлены) дочь каргопольского мещанина. Замужем за каргопольским мещанином Алексеем Ватагиным (ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 1238. Л. 4 об-5).

36. 28. Афанасий (1783 года рожд.) сын Вассы Андреевны и каргопольского мещанина Александра Куглинова (ГААО. Ф. 994. Оп. 3. Д. 1. Л. 119 об.).

IX. 37. 31. Любовь (1797 года рожд.) дочь каргопольского мещанина. Замужем за каргопольским мещанином Дмитрием Васильевичем Потылицыным, овдовела до 1843 г. (Ф. 994. Оп. 1. Д. 1238. Л. 5).

38. 32. Евдокия (1791 года рожд.) дочь Агафьи Петровны и каргопольского мещанина Ивана Ильича Насонова (ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 69. Л. 91 об.; Ф. 29. Оп. 30. Д. 8. Л. 46 об.).

39. 32. Агриппина (1798 или 1799 года рожд.) дочь Агафьи Петровны и каргопольского мещанина Ивана Ильича Насонова. В 1837 г. проживала в доме своего дяди купца Петра Ильича Насонова. Замужем не была (ГААО. Ф. 994. Оп. 1. Д. 69. Л. 91 об.; Ф. 29. Оп. 30. Д. 8. Л. 46 об.; Д. 17. Л. 22).

[1] Дата вычисляется приблизительно, т.к. данные источников варьируются.

РОДОСЛОВНАЯ СХЕМА БОРАНОВЫХ

I Артамон
II Василий, Григорий
III Епифаний, Лев, Ефим, Василий, Антон, Олфер, (Алфей)
IV Борис, Фёдор
V Василий, Илья, Фёдор,Параскева, Михаил
VI Анна, Иван, Андрей, Петр, Мавра
VII Петр, Евдокия, Дарья, Ирина, **Александр**, Евдокия, Васса, Петр, Иван
VIII Павел, Агафья, Василий, Евдокия, Анна, Афанасий (Куглинов)
IX Любовь, Евдокия, Агриппина

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА БОРАНОВЫХ

Поколение	Имена	Даты жизни	Проживание
I	Артамон Боранов	Конец XVI-XVII в.	Волость Большая Шалга, д. Кухтырёвская (Глазуновская)
II	Василий Артамонов	XVII в.	Там же
	Григорий Артамонов	XVII в.	Там же
III	Епифаний Васильев	XVII в.	Там же
	Лев Васильев	XVII в.	Там же
	Ефим Васильев	XVII в.	Там же
	Василий Васильев	XVII в.	Там же
	Антон Васильев	XVII в.	Там же
	Олфер (Алфей) Григорьев	XVII в.	Там же
IV	Борис Олферов,	1657 – после 1725 г.	Каргополь, ул. Пятницкая
	жена Евдокия		
	Фёдор Олферов	1661 – после 1725 г.	Каргополь, ул. Потаниха
V	Василий Борисов,	1684 г. р.	Каргополь, ул. Пятницкая (до 1712 г.)
	жена Евдокия		
	Илья Борисов	1696 – 1747	Каргополь, ул. Пятницкая
	Фёдор Борисов,	1701-после1762	Там же
	жена Ефимия Иванова	XVIII в.	Там же
	Параскева Борисова	1691 – до 1744 г.	Каргополь, ул. Потаниха
	Михаил Федоров		
VI	Анна Васильева	XVIII в.	Каргополь
	Иван Васильев,	1723-1795	Каргополь
	жена Евдокия		
	Андрей Ильин,	1727 г. р.	Каргополь, ул. Пятницкая
	Жена Анна Григорьева		
	Пётр Федоров,		
	жена Ирина Фёдорова Докучаева	1732 г. р.	Каргополь, ул. Пятницкая
	Мавра Михайлова,		
	муж Папышев Иван Петрович	1734 г. р.	Волковская волость, д. Абросимова
VII	Пётр Иванов,	1749 г. р.	Каргополь
	жена Авдотья Алексеева Яркина 1749 г.р.		
	Евдокия Иванова	1750 г.р.	Там же
	Дарья Иванова	1753 г.р.	Там же

	Ирина Иванова	1758 г.р.	Там же
	Евдокия Андреева	1745 г. р.	Каргополь, ул. Пятницкая
	Александр Андреевич, жена Матрёна Александрова Маркова	1746 – 1819 гг.	Каргополь, ул. Пятницкая
	Васса Андреева, муж Куглинов Александр Семёнович 1750 г.р.	1758 г. р.	Каргополь
	Пётр Андреев	1760 г. р.	Каргополь, ул. Пятницкая
	Иван Петров	1758 г. р.	Там же
VIII	Павел Петров	1771 г. р.	Каргополь
	Агафья Петрова, муж Иван Ильин Насонов	1774 г. р.	Там же
	Василий Петров	1782-1826	Там же
	Евдокия Петрова	1786 г. р.	Там же
	Анна Петрова, муж Алексей Ватагин	?	Там же
	Афанасий Александров Куглинов	1783 г. р.	Там же
IX	Любовь Павлова, муж Дмитрий Васильев Потылицын	1797 г. р.	Каргополь
	Евдокия Иванова Насонова	1791 г. р.	Каргополь
	Агриппина Иванова Насонова	1798/99	Каргополь

Дальнейшее исследование продолжается.

М.В. Гузакова (г. Вологда)

Семейный архив Шелиховых-Булдаковых, как источник по истории торговой деятельности купечества конца XVIII – нач. XIX века[1]

Семейный архив Шелиховых-Булдаковых не раз привлекался в качестве источника по темам, касающимся истории Русской Америки и Российско-американской компании[2]. Материалы фондов активно использовались при изучении процесса образования Российско-американской компании, ее функционирования в последующие годы и некоторых других вопросов, посвященных истории Русской Америки. Нередко исследователи обращались к этим сведениям с целью уточнения некоторых биографических данных отдельных деятелей Русской Америки (Г.И. и Н.А. Шелиховых, М.М. Булдакова, А.А. Баранова, Н.П. Резанова и др.). Однако материалы, содержащиеся в архиве, требуют глубокого и всестороннего изучения с разных ракурсов. В рамках данной статьи внимание будет обращено на возможности привлечения архива при изучении вопросов по истории торговой деятельности купечества.

Семейный архив Шелиховых-Булдаковых включает в себя личные архивы Григория Ивановича Шелихова (1747-1795), известного деятеля Русской Америки, и его зятя Михаила Матвеевича Булдакова (1766-1830), первенствующего директора Российско-Американской компании в 1799-1827 гг. К сожалению, архив не сохранился как единое целое, и со временем оказался разбросан по разным архивохранилищам России и даже Америки. Большое поступление этих документов в архивные фонды произошло в результате национализации коллекции купца Г.В. Юдина[3]. Часть материалов, касающихся деятельности Российско-американской компании (РАК), среди которых в том числе была деловая переписка её основателей, в основной своей массе попала в Российский государственный архив древних актов (РГАДА) и составила фонд 1605. Однако в него вошли не все рукописи, собранные Г.В. Юдиным по истории Русской Америки, поскольку в 1907 г. владелец коллекции продал часть материалов Библиотеке Конгресса США, где они находятся и поныне.

Другая часть некогда единого архива Шелиховых-Булдаковых была случайно обнаружена краеведом Л.И. Андреевским в сарае одного из огородников г. Вологды в 1923 г.[4]. В обнаруженной коллекции находилось более 5000 документов. А.Ф. Брюханов, сотрудник Бюро по изучению Северного края, отправленный в Вологду для анализа найденных материалов, писал в своем отчёте, что «в числе найденных документов имеются материалы, характеризующие деятельность Российско-американской компании, например, деловая переписка названных выше лиц (Г.И. Шелихова и М.М. Булдакова – М.Г.) с сотрудниками, инструкции служащим компании, торговые договоры (с Китаем), балансы главной конторы, торговые книги Компании и др.»[5]. В итоге, большая часть этих материалов перешла в Историко-археографический институт Академии наук СССР. Однако в результате его многочисленных преобразований, произошедших в последующие десятилетия, документы оказались в разных архивохранилищах – РГАДА, РГИА, и АВПРИ[6]. В Вологде же осталась небольшая часть коллекции, которая находится в отделе письменных источников Вологодского государственного историко-архитектурного и

[1] Статья выполнена при поддержке РГНФ, проект № 15-01-00386 а.

[2] Зорин А.В. Соперничество торгово-промысловых компаний в Русской Америке (1787-1797) // Вопросы истории. 1998. № 11-12. С. 151-156. и др. работы автора; Гринев А.В. Кто есть кто в истории Русской Америки. Энциклопедический словарь-справочник. М., 2009. 672 с. и другие работы автора; Петров А.Ю. Образование Российско-Американской компании. М., 2000; Его же. Финансово-хозяйственное состояние Российско-Американской компании на рубеже XVIII-XIX вв. // Русское открытие Америки: Сборник статей, посвященный 70-летию академика Николая Николаевича Болховитинова. М., 2002. С.451-459. и другие работы автора; Ситников Л.А. Григорий Шелихов. Иркутск, 1990. 416 с.

[3] Г.В. Юдин (1842-1912) – красноярский купец и промышленник, известный библиофил, собравший большую коллекцию книг и рукописей. В его интересы входили разнообразные темы, среди которых была деятельность РАК и ее основателей. Именно благодаря Г.В. Юдину многие документы не канули в лету и дошли до наших дней. Подробнее см.: Преображенский А.А. Документы об Аляске и Российско-Американской компании в коллекции Г.В. Юдина // История СССР. 1981. № 1. С. 100-111.

[4] Брюханов А.Ф. К судьбе архива Российско-американской компании // Вестник академии наук СССР. 1934. № 9. С. 38.

[5] Там же.

[6] Петров А.Ю. Образование Российско-американской компании... С. 19.

художественного музея–заповедника (ВГИАХМЗ)[1], а также в ГАВО. Не исключено, что некоторые документы до сих пор остаются неизвестными исследователям, поскольку нередко их передача из архива в архив не оформлялась должным образом.

В настоящейстатье привлечены материалы фонда Шелиховых-Булдаковых в ГИАХМЗ и коллекции Г.В. Юдина, хранящейся в РГАДА. В них сконцентрирована часть эпистолярного наследия великоустюгской купеческой семьи Булдаковых. Именно этот комплекс материалов является перспективным в плане изучения источником по вопросам, связанным с исследованием организационной составляющей торговой деятельности купечества. Анализ современного состояния изученностипроблемы купечества и торговли выявляет слабую разработку этих вопросов. Однако ввиду развития историко-антропологических подходов, ориентирующих на рассмотрение событий и явлений прошлого через социокультурные практики их участников,необходимость изучения подобных сюжетов становится особенноочевидной. Такой ракурс исследования делает актуальным обращение к источникам личного происхождения, а именно к деловой переписке, которая дает уникальную возможность фактически «услышать» деловые разговоры купцов.

Братья Булдаковы были представителями великоустюгского рода, принадлежащего к ремесленной среде, известного с XVII в. Только в 90-е годы XVIII в. они смогли записаться в купечество, и в 1797 г. объявить капитал по 1-й гильдии. Адресатом подавляющего большинства сохранившихся писем является Михаил Матвеевич Булдаков, а круг авторов, напротив, очень разнообразен, что даёт возможность установить деловые и личные контакты купеческой семьи. Среди них часто встречаются родные братья Михаила – Петр и Андрей, также присутствуют и другие члены клана Булдаковых (Мургины, Смолины, Басины, Черемисиновы и др.)[2]. Немалую долю переписки составляют письма от приказчиков и доверенных лиц, с которыми Булдаковы взаимодействовали в своей торговой деятельности.

В корреспонденции Булдаковых, касающейся торговых дел, можно выделить два блока писем по хронологическому признаку и согласно степени их репрезентативности. Первый отличается слабой сохранностью переписки: всего 29 писем за 13 лет (1782-1795), однако, несмотря на это, он позволяет увидеть самый ранний период деятельности Булдаковых. Например, из этих писем становится известным, что все три брата, Пётр, Андрей и Михаил Матвеевичи, были комиссионерами своего старшего двоюродного брата Ивана Осиповича. Интересно, что его письма, помимо конкретных распоряжений, содержат советы о том, как добиться успеха в проведении торга: «ежели у вас в подборе долги, то как можно справляйся домой, с оставших векселя побери, а не живи за малым делом» - наставляет Иван Булдаков своего брата[3]. Такая практика, когда опытные торговцы учили начинающих купцов выяснять конъюнктуру рынка, определять необходимый ассортимент товаров, рассчитывать возможные издержки и прибыль, а также раскрывали механизм кредитных сделок, была в традиции коммерческого обучения[4].

Второй блок содержит 108 писем за один год (к. 1798–к. 1799). Причем корреспонденция от некоторых авторов (например, Петра Булдакова, Федора Шергина) за этот год дошла практически в полном объеме, что делает её важнейшим источником в ракурсе исследования реальных практик, используемых купцами в организации своей торговой деятельности. Кроме того, к этому же блоку следует отнести переписку за1800, 1802, 1806 и 1812 годы, так как она позволяет дополнить картину важными деталями. Среди вопросов, которые могут быть разработаны на основе такой источниковой базы, находятся механизм исследования конъюнктуры рынка, роль семейно-родственных и земляческих связей в организации торговой деятельности,семейное партнёрство, обучение коммерческому искусству,способы получения

[1] ВГИАХМЗ. Отдел письменных источников. Ф.10.

[2] В данном случае под кланом понимается устойчивая группа лиц, в основе объединения которых лежат кровнородственные связи (не ограниченные рамками малой семьи) и отношения свойства. Речь идет именно о клане Булдаковых (а не Шелиховых, как принято в историографии Русской Америки), так как изучается великоустюгский купеческий род, где связь с Шелиховыми является лишь одной из многих связей.

[3] ВГИАХМЗ. Отдел письменных источников. Ф. 10. Оп. 1. Д. 9. Л. 4 об.

[4] Козлова Н.В. Организация коммерческого образования в России в XVIII в. // Исторические записки. Т. 117. М., 1989. С. 289.

средств для осуществления торговой деятельности купечества, организация транспортировки товаров и ряд других.

Корреспонденция Булдаковых позволяет восстановить географию торговой деятельности семьи. В переписке фигурируют города Европейского Севера России (Великий Устюг, Архангельск), Центрального региона (Москва, Макарьев) и Сибири (Иркутск, Якутск, Кяхта). Такой размах торговой деятельности был в принципе характерен для провинциального купечества, занимающегося отъезжим торгом. Причём масштаб проводимых операций становился таковым не за счёт расширения объемов торговли, происходящего вследствие увеличения капиталов, а был основным средством их накопления.

Купеческая переписка изобилует сведениями о ценах на конкретные товары: «К сведению вашему об здешних торгах доношу, на товары цены следующие: сахар рафинад на денги – 16 руб. 50 коп, в розницу по пудам и 17 руб. Водка французска лутча – 55 руб. анкер, до осени денги пождать; вина француски хороши – бело и красно – 9 руб. ведро, протугалско – 6 руб., леденец желтой был 12 [руб.] 50 [коп.], а ныне покупают [по] 13 руб. 50 коп.» – сообщает Андрей Петру цены в Иркутске[1]. Часто информация о ценах сопровождалась указанием условий заключения сделок – продажа за наличные средства или в кредит: «все в 12 месяцев (здесь и далее курсив автора – М.Г.) – за чаи черные, а одне заплатят теперь не более 180 руб. в 10 или 12 месяцев, а зеленые – около 100 руб. подоброте. Сахар здесь теперь по малому онаго количеству партиями продают: 1 сорт – 38 ½ и 39 руб. пуд за деньги»[2].

Как видно, купцы устанавливали зависимость между количеством товаров в продаже и их стоимостью, поэтому иногдав письмах можно встретить и оценку объема предлагаемых товаров:«муки ржаной немного, а цены мучна пшеница от 2 руб. и до 2 руб. 30 коп.… А казанских товаров еще в привозе мало: мед – 3 руб. 20 коп. самой хорошей, щетина – 3 [руб.] 75 [коп.], масло коровье – 2 руб. 25 коп.»[3];«нашатырь посредственной доброты 48 и до 50 руб., номожет быть его подвезут и будет подешевле»[4].Подобная информация была необходима для анализа торговой ситуации на предстоящем торге, и от того, насколько она была адекватной, зависел успех торговли. Однако определенную роль в этом купцы отводили и воле Господа, что заметно в таких фразах, как «ныне и ее (щетину – М.Г.) начали худо покупать, однако маклера продать обнадеживают, а не знаю, как Бог поможет»[5]; «какову ярмонку для торговли Бог пожалует – неизвесно»[6]; «Что дас Бог в Архангельске, а здесь нечево не купят»[7].

Корреспонденция Булдаковых также позволяет выявить роль семейно-родственных и земляческих связей в организации торговой деятельности. Примечательно, что 75 % людей, личность которых удалось установить, были земляками Булдаковых, а больше половины из них были связаны с братьями кровно-родственными отношениями или отношениями свойства. Такая большая доля привлечения хорошо знакомых людей может быть объяснена стремлением купцов обезопасить себя от неблагонадежных работников, имеющих целью обогащение за счет хозяев.

Объём статьи позволяет лишь кратко очертить некоторые аспекты истории торговли и купечества, которые могут быть исследованы на основе эпистолярного наследия Шелиховых-Булдаковых. Однако даже такой обзор демонстрирует необходимость всестороннего и глубокого изучения этих материалов[8]. Кроме того, подобный опыт привлечения источников личного происхождения к исследованию проблем экономической истории обнаруживает необходимость выявления иных комплексов купеческих переписок, изучение и сравнение которых позволило бырасширить представления о деятельности купечества, а также детализировать процесс функционирования и накопления торгового капитала.

---

[1] ВГИАХМЗ. Отдел письменных источников. Ф. 10. Оп. 1. Д.8. Л. 7об.
[2] Там же. Д. 24. Л. 18об.
[3] ВГИАХМЗ. Отдел письменных источников. Ф. 10. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.
[4] Там же. Д. 24. Л. 29об.
[5] РГАДА. Ф. 1605. Д. 233. Л.8.
[6] ВГИАХМЗ. Отдел письменных источников. Ф.10. Оп. 1. Д. 44. Л. 17.
[7] Там же. Д. 17. Л. 1об.
[8] Примечательно, что к ним обращаются не только историки, но и специалисты других областей. Например, см.: Трикоз Э.Л. Речевой портрет купечества (по материалам эпистолярного наследия Шелиховых-Булдаковых конца XVIII - начала XIX века // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2016. № 1/70. С. 71-75.

Л.Я. Рахманова (г. Санкт-Петербург)

Ключевые стратегии и практики межкультурного взаимодействия на территории Русской Америки в период становления РАК (1790-1818 гг.): социально-антропологический анализ

Предметом нашего рассмотрения является система социальных, социо-политических и социо-экономических взаимоотношений русских поселенцев, промысловиков, моряков и служащих Российско-Американской компании (РАК) с местными жителями. На основе изучения различных периодов российской и советской историографии мы можем наблюдать, как одна интерпретация колониальной политики РАК сменяла другую, по-разному раскрывая суть этих непростых межэтнических взаимодействий и столкновений. Однако в нашем исследовании мы постараемся максимально уйти от оценочных суждений о политике РАК в изучаемом регионе в отношении местного населения. Дискуссия на этот счет, разгоревшаяся, в частности, на страницах журнала «Этнографическое обозрение» между исследователями А.В. Гриневым и А.А. Истоминым[1], безусловно, указывает на актуальность детального изучения и вдумчивой интерпретации письменных источников (свидетельств, документов, переписки, воспоминаний и рапортов тех лет). Тенденциозным в этом отношении является сопоставление российской колонизации с управленческими принципами британских и испанских колонизаторов в других регионах мира. Стоит отметить, что сопоставление это уместно лишь при учете тончайшей специфики и жизненного мира каждого отдельного народа или этнической группы, взаимодействие с которой происходило в период колонизации. В нашу задачу не входит ни оценка нравственных, гуманистических и политических аспектов политики РАК в Русской Америке, равно как и сопоставление с британскими и испанскими колонистскими принципами.

Данный временной промежуток, избранный для рассмотрения определяется датой принятия первого Устава Российско-Американской Компании в 1799 году[2], а также особых привилегий, дарованных Компании указом Павла I[3]. Нам необходимо отметить три пункта Привилегий, касающихся взаимоотношений с коренными народами на осваиваемых русскими территориях, а именно: «позволяется компании на будущее время по надобности и лучшему разумению ея где она за нужное найдет, заводить населения и укрепления для безопаснаго жилища (здесь и далее курсив мой – Л.Р.), отправляя в сей край суда с товарами и промышленниками без малейшаго в том припятствия»[4]; «Производить ей мореплавание ко всем окрестным народам и иметь торговлю со всеми около лежащими державами, по изъявлению от них добраго на то согласия и по высочайшем сего утверждении, для приведения в большую силу и пользу ея предприятий»[5]; «Нанимать ей для мореплавания, промыслов и заведений всякого состояния людей свободных и неподозрительных, имеющих на таковое увольнение законенные виды; в разсуждении же отдаленности тех мест, куда они отправляются, от губернскаго начальства предписать оному давать государственным поселянам и другого звания свободным людям на семь лет паспорты; помещичьих же крестьян и дворовых людей нанимать компании не

[1] См.: Дискуссия: Гринев А.В. Туземцы Аляски, русские промышленники и Российско-Американская компания: система экономических отношений // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 74-88; Истомин А.А. О «колониальном политаризме», латиноамериканском «феодализме» и некоторых аспектах отношения к аборигенам в Русской Америке // Этнографическое обозрение. 2000. № 3. С. 89-108. Ранее о феномене политаризма: Гринев А.В. «Колониальный политаризм» в Новом Свете // Этнографическое обозрение. 1996. № 4. С. 52-64.

[2] «Указ Павла I Сенату об учреждении Российско-Американской Компании». 8 июля 1799 г, См.: Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799-1815 гг.: Сб. документов / [Рос.акад. наук. Отделение истории. Рос.гос. архив ВМФ; Сост. А.Е. Иоффе, Л.И. Спиридонова. М.: Наука, 1994. - 278 с. С. 17.

[3] «Содержание привилегий для учреждаемой компании». (8 июля 1799 г.): Там же, С. 20-21.

[4] Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799-1815гг.: Сб. документов / [Рос.акад. наук. Отд-ние истории. Рос.гос. архив ВМФ; Сост. А.Е. Иоффе, Л.И. Спиридонова (отв. исполн.) Редкол.: ... Н.Н. Болховитинов (отв. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1994. - 278 с. С. 21.

[5] Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799-1815 гг.: Сб. документов / [Рос.акад. наук. Отд-ние истории. Рос.гос. архив ВМФ; Сост. А.Е. Иоффе, Л.И. Спиридонова (отв. исполн.) Редкол.: ... Н.Н. Болховитинов (отв. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1994. - 278 с. С. 21

иначе, как с дозволения их помещиков, и за всех ею нанятых платить ей куда следует государственныя подати».[1]

В этих формулировках заложены идеи о торговле «на пользу предприятий» компании, и мысли о необходимости укрепленных фортов и военного присутствия на данных землях, а также просматривается в неявной форме выгодность найма или косвенного принуждения к труду местного населения, в отличие от помещичьих и государственных крестьян, труд который стоил гораздо дороже. Действительно, 1799 год символически перечеркнул идею об идеалистической дружбе и взаимовыгодной меновой торговле аборигенами, которая отражена в указе Императрицы Екатерины II на имя сибирского губернатора Чичерина от 2 марта 1766 года: «Промышленымъ подтвердите, чтобъ они ласково и безъ малейшаго притеснения и обмана обходились съ новыми ихъ собратьями, техъ острововъ жителями»[2].

Описывая тенденции контактов местного и пришлого населения на территории РАК в 1799 – 1818 годах, мы должны сделать несколько оговорок и обозначить необходимые различия, без которых классификация типов и паттернов взаимодействия была бы не возможной.

С одной стороны, мы видим три условно выделяемые типа аборигенного населения, которые определяются на основании времени начала первых контактов с ними русских первооткрывателей и промысловиков, а также – на основании совершенно различных позиций и степени открытости /закрытости местного сообщества по отношению к колонизаторам. К первой группе можно отнести алеутов[3] и кадьякцев[4], которые, несмотря на происходившие изначально конфликты и столкновения, тем не менее, к началу деятельности на данных территориях РАК, оказались готовы к сотрудничеству и мирному взаимодействию.

Ко второй группе можно отнести тлинкитов[5], военные столкновения с представителями которых привели к разрушению первого русского поселения на Ситке, но, при этом, ускорили строительство более основательных укреплений и сосредоточение сил вокруг этого микрорегиона Русской Америки.

К третьей группе мы отнесем индейцев кашайя[6] обитавших в районах, прилегающих к долине реки Сьерра-Невада на тихоокеанском побережье Северной Америки. Однако регулярные контакты с этими племенами относятся к более поздним 1810-1812 годам, и до этого момента носили периодический характер.

Важно также выделить социальные сферы взаимодействия, в которых характер межэтнических отношений проявляется своеобразно и иногда – неожиданно. К числу основных сфер можно отнести:

1) Взаимодействие по поводу трудовых отношений администрации и представителей РАК и местного населения;

2) Стратегии экономического давления и практики неформального обхождения и смягчения данных стратегий за счет возможностей вертикальной социальной мобильности;

---

[1] Российско-американская компания и изучение Тихоокеанского Севера, 1799-1815 : Сб. документов / [Рос.акад. наук. Отд-ние истории. Рос.гос. архив ВМФ; Сост. А.Е. Иоффе, Л.И. Спиридонова (отв. исполн.) Редкол.: ... Н.Н. Болховитинов (отв. ред.) и др.]. – М.: Наука, 1994. - 278 с. С. 21.

[2] Историческое обозрение образования Российско – американской Компании и дъйствия до настоящаго времени. Сост. П. Тихменевъ. Часть I. Спб, 1861. С. 4.

[3] Алеуты – коренное население Алеутских островов, п-ова Камчатка и тихоокеанского побережья Дальнего востока, а также п-ова Аляска. Основные промыслы – охота на калана, морского котика, сивуча, китобойный промысел, рыболовство.

[4] Кадьякцы – (эскимосы алутиик) особо выделяемая этническая группа, населявшая северо-восточную часть Алеутской гряды – в том числе о. Кадьяк. Период покорения этого народа длился с 1780-х годов, пиком этого процесса стала «резня в Аваукe» в 1784 г. под предводительством Григория Шелихова. После этого столкновения, кадьякцы попали в зависимость от Российско-Американской компании.

[5] Тлинкиты (или колоши) – этнос, населявший п-ов Якутат и острова архипелага Александра, в том числе о. Баранова (Ситка/Ситха). Тлинкиты были самым непокорным и воинствующим народом Русской Америки. В 1804 г. между ними и представителями РАК произошла так называемая битва за Ситку (известная также как «осада Новоархангельска»), которая разрешилась разгромом тлинкитских укреплений, и позволило восстановить и укрепить Новоархангельск – столицу Русской Америки.

[6] Индейцы кашайя – коренные жители Северной Калифорнии, на территории расселения которых в 1812 была основана крепость Форт-Росс. Изначально между русской стороной в лице Ивана Кускова и его помощников с представителями индейских племен было достигнуто соглашение о праве использования данного участка земли под строительство, земледелие и ведение хозяйства. Отношения русских с кашайя складывались достаточно мирно, часто имели место межэтнические браки, сотрудничество, взаимопомощь.

3) Практики брачного выбора и стратегия санкционирования межэтнических браков со стороны государства и ГП РАК;

4) Стратегии взаимного обучения и передачи опыта и знаний (техника охоты и рыболовства, гребли и управления байдарами, выделки шкур и, с другой стороны, – создание письменности, обучение грамоте, привнесение христианства, создание школ и училищ для аборигенов и креолов);

5) Долгосрочные стратегии и непосредственные практики установления взаимопонимания, поиска компромисса, договоренностей между сторонами;

6) Стратегии и тактики обеспечения безопасности в ходе освоения новых земель, основания промысловых баз, становищ и постоянных поселений на территории Русской Америки, а также – стратегии и практики разрешения военных конфликтов и вооруженных столкновений.

Безусловно, можно выделить дополнительные сферы взаимодействия, но мы остановимся именно на этих шести, поскольку в них нашли отражение и уставная практика, и приказы правительства, в них проявились и правовые нарушения, и нарушения неписанных законов взаимодействия. Кроме того, эти сферы являются базовыми сферами жизнеобеспечения и социально-демографической политики в любом осваиваемом регионе.

Первая сфера – сфера трудового взаимодействия – основана сразу на нескольких стратегических принципах, которые были определены «сверху» – правительством Российской империи и Главным правлением Российско-Американской компании. Традиционно исследователи выделяют два основных, характерных для русско-американских отношений начала XIX века, типа аборигенного населения с точки зрения их положения в системе социально-экономического обмена и типа трудовой дисциплины: «зависимые» («зависящие») и «независимые». Однако мы предлагаем провести разделение на четыре категории: Первый тип – те этнические группы, племена и сообщества, которые пытались сохранить свою автономию, и трудились на пользу РАК только в случае попадания в плен или в заложники. Второй тип – те народы (преимущественно алеуты и кадьякцы), которые работали в промысловых партиях вместе с русскими промышленниками и получали определенную оплату за работу или добычу по установленного тарифу. Третий тип – свободные аборигены, находящиеся, согласно экономическому учету РАК, в должниках у компании, долг которых постоянно увеличивался, и которые, фактически, были вынуждены работать за одежду и еду. Четвертый тип – каюры, работавшие на компанию практически бесплатно, и получавшие только минимальное жизнеобеспечение.

Исходя из этой классификации, мы можем выделить два полярных социальных статуса и два социальных института: институт найма местного населения и институт каюрства. Два этих явления, на наш взгляд, не только взаимосвязаны, но и отчетливо показывают, как увеличение доли того или иного типа представителей местного населения говорит о гибкости социальной системы РАК в разные периоды ее функционирования, а также – о возможностях социальной вертикальной мобильности внутри колониального общества на локальном уровне. К сожалению, зачастую это были примеры нисходящей вертикальной мобильности.

Гипотезу о формировании социальной группы каюров высказывает Г.И. Давыдов: «На Кадьяке многие Островитяне имели у себя Калгов или невольников полученных посредством мены, или взятых в плен. Когда Шелихов пришел на Кадьяк, то многие Калги, в надежде лучшей участи, перебежали (курсив мой – Л.Р.) к Русским. Тогда сих людей употребляли на исполнение убийств подозрительных Островитян; они же отправляли вместе с Русскими все работы Промышленным, посылаемым ловить лисиц клепцами, позволялось нанимать их вместо себя; что всякий почти и делал, ибо сие стоило не большое число листков табаку. После, когда Русские увидели себя довольно сильными на Кадьяке, то все невольники были отобраны у Островитян для работ Компании, и название Калги заменено Каюрою: Камчатское слово означающее наемного работника. Потом, когда число Каюр от работ и от разных несчастных случаев поуменьшилось, стали набирать в оные из островитян за некоторые проступки; и разумеется, что с того времени число преступников на Кадьяке должно было увеличиться. … они… не редко истребляли целые артели наших промышленных»[1].

[1] Давыдов Г.И. Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним. СПб. 1812, ч. II, с. 114.

Для примера приведем распространенный случай, характерный для вольнонаемных работников РАК из среды местного населения. Поскольку руководство компании обязывало участников промысловой партии приобретать необходимое снаряжение, а доступными меновыми средствами они не обладали, то стоимость снаряжения записывали на их долговой счет в начале сезона. По окончании промыслового сезона подводился баланс, учитывались все добытые партией или человеком шкурки по фиксированному тарифу. Но поскольку стоимость инвестированных в снаряжение средств была выше, то свободный, казалось бы, де-юре, алеут оставался должен РАК, и та, основываясь на данном факте, принуждала должника к вступлению в артель в следующем сезоне. Зачастую задолженность возрастала из года в год, что могло привести трудящегося в положение каюра из положения наймита. В этом случае он уже не получал оплату согласно тарифам, а трудился практически бесплатно. Фактически, на положении каюров находились также женщины, старики и подростки, вынужденные выполнять для промышленников различные подсобные работы (добывать капканами лис, охотиться на птиц, шить парки, собирать ягоды и т. п.).

Описанный механизм относится не только к сфере трудового взаимодействия но и к сфере стратегий косвенного экономического давления, выделенной нами выше. Эта стратегия, основанная на особых привилегиях, действовавших с 1799 по 1819 гг., давала возможность представителям РАК на полу-законных основаниях устанавливать цены как на ввозимые в Русскую Америку товары, так и выкупать за минимальную плату и реализовывать товары, производимые на территории Русской Америки – например, парки, корзины, снаряжение и одежду для промыслов.

Стоимость местной продукции была завышена в несколько раз по сравнению с себестоимостью и закупочной ценой товаров. Ее производили жены тех самых участников промысловых партий, и потому не успевали в свободное время изготовить для своих же мужей необходимую одежду. Таким образом, Компания всегда могла отрегулировать цены на продажу вещей и тарифы на оплату работы, и сохранить требуемую разницу для укрепления финансового и экономического контроля над местным населением посредством ценовой политики. Ответной низовой практикой со стороны местного населения можно считать попытки меновой торговли меха на товары и оружие с британскими и испанскими судами. Безусловно, представители РАК пытались строго эти практики пресекать, однако так или иначе подобный тип снабжения продолжался, и даже мог стать причиной укрепления мощи воинственно настроенных племен, которые, обзаведясь оружием, с большей вероятностью были готовы напасть на плохо защищенные поселения русских промысловиков. С другой стороны, менее воинственные жители, например, кадьякцы, согласно свидетельству Г.А. Сарычева, не решались торговать с англичанами, «как видно из боязни русских промышленников, которые, кроме себя, другим продавать запрещают»[1].

Итак, мы видим, как экономическое давление посредством монопольной торговли приводило к существенной реструктурации местных сообществ, живущих в Русской Америке, создавала основание для их поляризации, за счет разного типа найма и экономической эксплуатации. В ответ местное население искало и находило обходные пути для получения необходимых материальных ресурсов, которые давали им временную автономию, однако это могло приводить к репрессивным формам подавления «нелегальной» деятельности со стороны представителей РАК.

Каким образом местный житель мог преодолеть или обойти эту систему, где социальный статус и этническая принадлежность определяли доступ к жизненно важным ресурсам? Мы можем выделить два пути, которые с российской стороны можно обозначить как стратегии, а со стороны аборигенного населения можно отнести скорее к непосредственным практикам, в которые они включались или не включались, в зависимости от создавшейся ситуации.

Первый путь – вступление в межэтнический брак или связь с представителем РАК. Рождение детей креолов давало шанс этому новому поколению на получение более высокого статуса и прав по рождению. Женщина из среды местного населения в этом случае также получала индивидуальное покровительство, особенно в случае создания полноценной семьи.

[1] Сарычев Г.А. Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану... М. 1952, С. 151.

Второй путь – получение образования и изучение грамоты. После того, как по распоряжению камергера Резанова было основано училище, местные жители получили шанс получить более высокооплачиваемое рабочее место, пройдя обучение.

Известно, что первая русская школа на территории Русской Америки была открыта на о. Кадьяк в 1784-1786 гг. по указанию Григория Шелихова. В 1805 г. она была преобразована в училище по распоряжению Николая Резанова, а претворял в жизнь его идею иеромонах Гедеон. «Первыми учителями стали промышленники, мореходы, миссионеры. Часть училища в последующие годы перевели в Ново-Архангельск. Обучение и пансион шли за счет средств компании, за что выпускники школ и училищ должны были отработать в ней 6-10 лет. Закончившие обучение занимали в колониях места писарей, конторщиков, мастеровых, дьячков, матросов и т.п. Имелись школы для девочек, где их обучали домоводству. Получившие хорошее образование жители (чаще всего креолы) стали занимать в колониях средние должности, а иногда и высшие – становились начальниками отделов»[1].

Мы видим, что, с одной, стороны образование давало шансы для детей из среды смешанных браков и аборигенного населения на лучшее будущее. При этом, наиболее заинтересованной стороной оказывалась все же сама РАК, поскольку, инвестируя в содержание школ и училищ, она получала более квалифицированных работников за минимальную плату в ходе обязательной «отработки» выпускников на компанию. Стоит отметить, что образование затрагивало четыре ключевых сферы: грамотность и письменность, религиозное просвещение, базовое медицинское образование и обучение техническим и морским наукам.

Кроме того, для РАК такая политика просвещения местного населения, с одной стороны, позволяла отчитаться на только Главному Правлению, но и Государю о гуманной, просветительской деятельности компании в данный период. С другой стороны, распространение грамотности в среде местного населения упрощало из года в год вербальный и письменный контроль над различными частями колоний, а также расширяло сферу переговоров и улучшало взаимопонимание с местными жителями.

Здесь мы плавно переходим к пятой сфере взаимодействия – сфере дипломатии и переговоров. Долгосрочная образовательная стратегия РАК была основным подспорьем для умиротворения местного населения не-экономическими и не-физическими методами воздействия. Вкупе с крещением местного населения, основанием православных приходов в Русской Америке, переводом Священного писания и создания грамматики алеутского языка – все это составляло единый грандиозный замысел социокультурной политики, осуществлявшейся РАК на территории Русской Америки. Стоит отметить, что социокультурное влияние и последствие этой политики были столь сильны, что именно РПЦ сохранила свои приходы, здания, иногда даже прихожан в своем ведении уже после продажи Аляски. Это говорит о несомненной сильной культурной и религиозной укорененности, которая оказалась глубже, нежели политическое и экономическое влияние РАК.

Кроме того, мы можем отметить еще одну дипломатическую находку, которая позволяла интегрировать креолов в российское общество и доверять им посреднические функции: «воспитанников, показавших хорошие успехи, отправляли для продолжения образования в Россию – в Петербург, в Кронштадтское штурманское училище или другие учебные заведения, в том числе и в других городах России. Первая группа креолов была отправлена по распоряжению Н.П. Резанова еще в 1805 г. на судне «Нева». В дальнейшем в России ежегодно находилось на обучении от 5 до 12 человек. Из числа креолов, закончивших, например, Кронштадтское штурманское училище, вышли такие известные мореплаватели и исследователи Аляски как А.К. Глазунов, А.И. Климовский, А.Ф. Кашеваров, А.Ф. Колмаков, В.П. Малахов и др.»[2].

На этом примере мы вновь видим сочетание образовательных и дипломатической сфер взаимодействия. Стратегия обмена выпускниками и направление талантливых выходцев из среды аборигенного населения РА, запущенная еще Николаем Резановым, имела большой резонанс в колониях, особенно в случае успешного возвращения на родину и продолжения работы в межкультурной среде (по специальности штурмана, капитана, инженера-строителя и

[1] Русская Америка: По лич. впечатлениям мессионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и др. очевидцев / [Отв. ред.: А.Д. Дризо, Р.В. Кинжалов; Докум. рис. И.Г. Вознесенского и др.]. – М.: Мысль, 1994. - 374 с. С. 21.

[2] Русская Америка: По лич. впечатлениям мессионеров, землепроходцев, моряков, исследователей и др. очевидцев / [Отв. ред.: А.Д. Дризо, Р.В. Кинжалов; Докум. рис. И.Г. Вознесенского и др.]. – М.: Мысль, 1994. - 374 с. С. 21.

т.д.). К двусторонним ответным практикам можно отнести применявшуюся в период становления компании Шелихова-Голикова практику подкупа и одаривания подарками и дефицитными редкими вещами тойонов племен, а со стороны местного населения – практику «доносительства», к которой прибегали по разным мотивам представители местных племен в случае вооруженного конфликта, угрозе их родственникам, находящихся в плену или заложниках, и для их освобождения или сохранения их жизни шедшие на предательство и донос.

Для описания единой картины практик нам необходимо упомянуть институт аманатства, предполагавший взимание заложников из числа знатных представителей местных сообществ или тойонов. Эта практика, имевшая давнюю традицию на территории Сибири и дальнего Востока, является, на наш взгляд, неотъемлемой частью стратегии обеспечения безопасности русских на территории Русской Америки, а, с другой стороны, – вынужденной и неотъемлемой частью дипломатической стратегии представителей РАК. Аманаты, как правило, дети или подростки (реже взрослые), становились прекрасными толмачами-переводчиками, а потому, помимо своей основной социальной функции, могли быть посредниками в переговорах, а также – надежными проводниками по морю и по суше. Долгое время служащими РАК практиковалось одностороннее аманатство, то есть, взимание заложников со стороны местного населения без выдачи в обмен заложников с русской стороны.

Однако в источниках мы находим свидетельства так называемого «двустороннего аманатства»: «для закрепления дружеских отношений Пуртов взял у тлинкитов аманатов, выдав взамен нескольких добровольно вызвавшихся кадьякцев. Это было определенным новшеством в колониальной практике, поскольку до сих пор русские на Аляске использовали лишь одностороннее аманатство. Видимо, пойти на такой шаг их заставила непреклонная воинственность индейцев, уже имевших к этому времени огнестрельное оружие, которым их снабдили европейские торговцы – англичане и американцы, посещавшие с 1785 г. на своих судах Северо-Западное побережье для скупки пушнины. Русские вынуждены были считаться с этим фактором, признавая тлинкитов почти равной себе стороной»[1].К этой сложной системе обмена заложниками в целях установления мирных взаимоотношений на осваиваемой территории, стоит добавить особую практику назначения хаскаков: «в плен привели мы в гавань более 400 человек, распустив прочих на волю, и из пленных выбрал я одного начальника, который по-коняжски называется хаскак, и отдал наконец оному всех пленных в полную команду, снабдя их байдарой, байдарками, сетями и всем нужным к их жизни; взял однако ж в залог верности из детей до 20 человек аманатов»[2].

В данной статье представлен лишь основной спектр практик и стратегий взаимодействия различных групп населения и сообществ на территории Русской Америки в период действия первого Устава РАК. Именно они повлияли на формирование уникальных социальных институтов, не характерных для других спорных зон и территорий освоения, сопредельных Российской Империи. Тем не менее, социально-антропологический анализ данного опыта позволяет выявить взвешенные дипломатические и управленческие решения, проверенные временем и актуальные в современном мире.

[1] Гринев А.В. Туземцы-аманаты в Русской Америке // Клио. 2003. № 4. С.139.

[2] Шелихов Г.И. Российского купца Григория Шелихова странствования из Охотска по Восточному океану к Американским берегам. Хабаровск. 1971, с. 44-48.

Илл. 1. Русские и алеуты

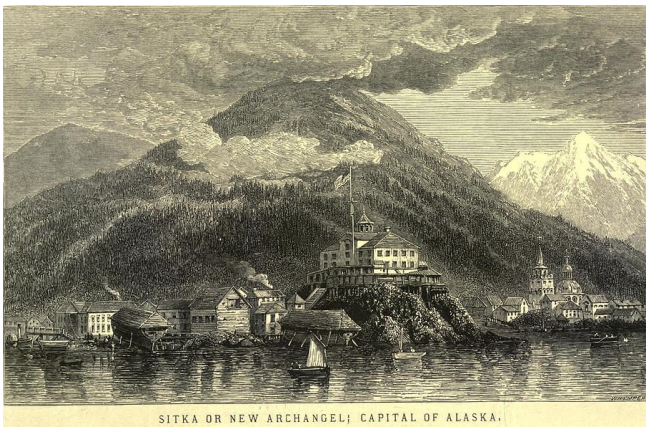

Илл. 2. Две тлинкитские девушки

ИНДЕЙЦЫ НА ТРОСТНИКОВОМ ПЛОТУ В ЗАЛИВЕ САН-ФРАНЦИСКО. АКВАРЕЛЬ Л. ХОРИСА

Илл. 3. Индейцы на тростниковом плоту в заливе Сан-Франциско. Акварель Л. Хориса

SITKA OR NEW ARCHANGEL; CAPITAL OF ALASKA.

Илл. 4. Новоархангельск (Ситка) - столица Русской Америки

Илл. 5. Схема стратегий и практик населения Русской Америки

Н.И. Завьялова (г. Москва)

Дмитрий Иринархович Завалишин – офицер флота, общественный деятель, публицист[1]

Дмитрий Иринархович Завалишин -русский морской офицер, публицист и мемуарист, декабрист из рода Завалишиных. Сын генерал-майора Иринарха Ивановича Завалишина, брат Ипполита Иринарховича Завалишина, двоюродный брат поэта Ф.И. Тютчева, дед астрофизика Д.И. Еропкина. В советской историографии более известен как декабрист, причём последний, переживший всех своих собратьев по идеалам. Родился он в Астрахани 13.06.1804 г.[2] В 1816-1819 гг. учился в Морском кадетском корпусе, по окончании которого в возрасте 16 лет стал там

[1] Завалишины – русский дворянский род, восходящий ко 2-й половине XVI в. и внесённый в VI и II части родословной книги Астраханской, Московской, Калужской, Тверской и Новгородской губерний (Руммель, Голубцов В. Родословный сборник русских дворянских фамилий. Ч. I. СПб, 1886. С. 230).

[2] По другим сведениям, при поступлении в Морской Кадетский корпус, представил свидетельство из поместья села Жедяевка, бабке его принадлежавшего. Так пишет Ю. Мордвинов. Среди жедяевских помещиков значилось небольшое владение (4 муж. и 10 жен. душ) Екатерины Фёдоровны Завалишиной. У неё и её мужа, надворного советника, Ивана Максимовича Завалишина, было ещё владение в Балымерах. Известно, что в Жедяевке Завалишины к 1834 году отпустили на волю крестьянскую семью из 5 человек… В Казанской губернии и отец Иринарх Иванович, и сын Дмитрий Иринархович бывали, последний заезжал в 1820 г. и после ссылки в 1863. Был и в декабре 1825 г., т.к. именно там его и привлекли по делу декабристов. Согласно родословных росписей, ветвь рода Завалишиных, к которой относился Дмитрий Иринархович Завалишин – Новгородская (Мордвинов Ю. Жедяевская волость. Спасский уезд Казанской губернии. http://simbir-arheo.narod.ru; Надежда Завьялова. Завалишины. М., 2012. С. 90).

С воспламенённой душой, с умом пылким, имея сердце, исполненное **любовью к истине**[2]**,** вступая в свет, я старался дойти до возможной степени возвышенности чувств… Любовь к отечеству и верность данной присяге были руководителями, мною избранными… Я представлял свет в **пленительном виде.** Я полагал, что все также пылают любовью к правде, к благу общему... мне открылась вся глубина зла, разъедавшего все органические основы России, так что уму даже непостижимо, как всё это ещё держится, и в то же время ясно было, что административное расстройство далее идти не может, но что так, или иначе, но непременно должен быть положен конец этому»[2]. Эта и последующая цитаты являются ключом к пониманию смысла и цели всей деятельности Д. И. Завалишина. Считая причину всех бед в недостатке просвещения и упадке нравственности, он отрицал политические перевороты и революции как бесполезные для людей, не проникнутых истинно христианской нравственностью.

На этих принципах им был обоснован «Вселенский орден восстановления», направленный на преобразование мира путём просвещения и восстановления нравственности. «Так как можно передавать другим только то, что сам имеешь, то ясно, что всякий, стремящийся к преобразованию общества, должен наперед совершить это преобразование в самом себе, ... и не приобщать к действию, не принимать в союз иначе, как людей нравственно-надёжных, имеющих правильные понятия и готовых на крайнее самопожертвование. На таких-то основаниях и должно было быть устроено общество под названием Чина или Ордена Вселенского Возстановления»[2]. В этой организации был только один участник – он сам. За причастие к декабристам осуждён и провёл на каторге 30 лет. Было бы неправильным считать его организацию масонской, т.к. масонство он также отрицал.

«…если общество для восстановления нравственных начал может состояться, то оно должно быть вселенское, т.е. обнимать все народы или быть доступно людям всех наций, ставши выше национальностей, но это по чувству любви, связывающей людей, а отнюдь не по эгоистическому равнодушию космополитизма к национальности, к самопожертвованию, и не по личному интересу. Учреждение всякого рода обществ не было в то время делом несбыточным, а у меня не было недостатка решимости на что бы ни было, в чём я был убеждён… Я всегда верил в **силу нравственных начал** и был всегда уверен, что лишь бы удалось только отыскать правильную идею, возбудить живую силу, то они совершат своё дело, разовьются сами собой по собственной силе, присущей всякой не формальной, а живой истине»[2]. Прекрасные, идеальные убеждения.

Д.И. Завалишин, намереваясь познакомить Александра I со своими планами, отправился во дворец просить свидания, но не застал государя. По приглашениюкапитана 2-го ранга М.П. Лазарева[2] он принял участие в знаменитой кругосветной экспедиции к берегам Северной Америки нафрегата «Крейсер»[2], где был назначен членом комиссий для надзора за подготовкой провизии. «Пользуясь подобным положением, я грозно и энергически стал я против всех злоупотреблений, неумолимо обличая и преследуя их и в высших и в низших, и это до того, что сложилась формальная поговорка между мошенниками. «Избави Боже, от огня и меча, а пуще всего от фрегата «Крейсер»[2].

Во время экспедиции Дмитрий Иванович был дружен с будущим адмиралом П.С. Нахимовым[2]. «Нахимов стал неразлучным моим товарищем, сопровождавшим меня повсюду. Так как он не знал иностранных языков, то всегда старался участвовать в моих поездках. Я брал его с собой и в Лондон, и в разъездах моих на острове Тенерифе, в Бразилии, в Австралии, в Отаити, в Калифорнии и пр., так, что его прозвали, наконец, моею тенью»[2]. Приводя характеристику офицерам – участникам экспедиции, Д.И. Завалишин обращает внимание на то, что все участники этого похода дошли до высокого положения по службе[2]. Помыслы Д.И. Завалишина исключили для него такую возможность и привели в Сибирь.

преподавателем высшей математики, астрономии, высшей теории морского дела, морской тактики. Обучая других, сам не переставал образовываться: слушал лекции в Петербургском университете, Медико-хирургической академии, Горном корпусе, посещал обсерваторию, Академию художеств, библиотеки, заводы и мастерские. Его биография примечательна тем, что он служил в Русской Америке и положил немало трудов по её развитию в рамках Российской империи. Этот факт биографии требует ещё дополнительного исследования. Здесь же акцентируется внимание на том, каким он был по своим убеждениям, нравам и поступкам. Об этом красноречиво говорят его собственные записи.

«С воспламенённой душой, с умом пылким, имея сердце, исполненное любовью к истине[1], вступая в свет, я старался дойти до возможной степени возвышенности чувств… Любовь к отечеству и верность данной присяге были руководителями, мною избранными… Я представлял свет в пленительном виде. Я полагал, что все также пылают любовью к правде, к благу общему... мне открылась вся глубина зла, разъедавшего все органические основы России, так что уму даже непостижимо, как всё это ещё держится, и в то же время ясно было, что административное расстройство далее идти не может, но что так, или иначе, но непременно должен быть положен конец этому»[2]. Эта и последующая цитаты являются ключом к пониманию смысла и цели всей деятельности Д.И. Завалишина. Считая причину всех бед в недостатке просвещения и упадке нравственности, он отрицал политические перевороты и революции как бесполезные для людей, не проникнутых истинно христианской нравственностью.

На этих принципах им был обоснован «Вселенский орден восстановления», направленный на преобразование мира путём просвещения и восстановления нравственности. «Так как можно передавать другим только то, что сам имеешь, то ясно, что всякий, стремящийся к преобразованию общества, должен наперед совершить это преобразование в самом себе, ... и не приобщать к действию, не принимать в союз иначе, как людей нравственно-надёжных, имеющих правильные понятия и готовых на крайнее самопожертвование. На таких-то основаниях и должно было быть устроено общество под названием Чина или Ордена Вселенского Возстановления»[3]. В этой организации был только один участник – он сам. За причастие к декабристам осуждён и провёл на каторге 30 лет. Было бы неправильным считать его организацию масонской, т.к. масонство он также отрицал.

«…если общество для восстановления нравственных начал может состояться, то оно должно быть вселенское, т.е. обнимать все народы или быть доступно людям всех наций, ставши выше национальностей, но это по чувству любви, связывающей людей, а отнюдь не по эгоистическому равнодушию космополитизма к национальности, к самопожертвованию, и не по личному интересу. Учреждение всякого рода обществ не было в то время делом несбыточным, а у меня не было недостатка решимости на что бы ни было, в чём я был убеждён…. Я всегда верил в силу нравственных начал и был всегда уверен, что лишь бы удалось только отыскать правильную идею, возбудить живую силу, то они совершат своё дело, разовьются сами собой по собственной силе, присущей всякой не формальной, а живой истине»[4]. Прекрасные, идеальные убеждения.

Д.И. Завалишин, намереваясь познакомить Александра I со своими планами, отправился во дворец просить свидания, но не застал государя. По приглашению капитана 2-го ранга М.П. Лазарева[5] он принял участие в знаменитой кругосветной экспедиции к берегам Северной Америки на фрегате «Крейсер»[6], где был назначен членом комиссий для надзора за подготовкой провизии. «Пользуясь подобным положением, я грозно и энергически стал я против всех злоупотреблений, неумолимо обличая и преследуя их и в высших и в низших, и это до того, что

[1] Здесь и далее выделено мной, - Н.З.

[2] Записки декабриста Д.И. Завалишина. М., без указания даты издания. С. 63. Прим. ред.: известны издания: Записки декабриста Д.И. Завалишина. Munhen, 1904, VerlagDr. J. Marchlevski; Записки декабриста Д.И. Завалишина. СПб., 1906; Записки декабриста Д.И. Завалишина. СПб.: Товарищество М.О. Вольф, б/д.

[3] Там же. С. 128.

[4] Там же. С. 53.

[5] Лазарев Михаил Петрович (1788-1851), русский флотоводец, адмирал, командующий Черноморским флотом, первооткрыватель Антарктиды.

[6] Кругосветная экспедиция (1822-1825) к берегам Северной Америки.

сложилась формальная поговорка между мошенниками. «Избави Боже, от огня и меча, а пуще всего от фрегата «Крейсер»[1].

Во время экспедиции Дмитрий Иванович был дружен с будущим адмиралом П.С. Нахимовым[2]. «Нахимов стал неразлучным моим товарищем, сопровождавшим меня повсюду. Так как он не знал иностранных языков, то всегда старался участвовать в моих поездках. Я брал его с собой и в Лондон, и в разъездах моих на острове Тенерифе, в Бразилии, в Австралии, в Отаити, в Калифорнии и пр., так, что его прозвали, наконец, моею тенью»[3]. Приводя характеристику офицерам – участникам экспедиции, Д.И. Завалишин обращает внимание на то, что все участники этого похода дошли до высокого положения по службе[4]. Помыслы Д.И. Завалишина исключили для него такую возможность и привели в Сибирь.

В ходе экспедиции он разработал концепцию присоединения к России Северо-Американских штатов. Ознакомившись с предложениями Д.И. Завалишина, Александр I потребовал его к себе. Экспедиция в Русскую Америку для мичмана Д.И. Завалишина завершилась, и он покинул Новоархангельский порт. В рапорте от 6 мая 1824 г. об откомандировании Д.И. Завалишина в Петербург руководитель экспедиции М.П. Лазарев характеризовал его как «весьма исполнительного и ревностного к службе офицера», и писал: « ... в продолжение более, нежели двухлетнего его служения под моим начальством он как благородным поведением своим, так и усердным исполнением всех возложенных на него обязанностей приобрёл право на совершенную мою признательность»[5].

Возвращался Д.И. Завалишин в Россию через Сибирь и прибыл в Петербург 6 ноября 1824 г. Государь обещал принять его на другой день, но помешало наводнение. Через несколько дней для рассмотрения предложений он назначил комиссию под председательством А.А. Аракчеева[6], куда вошли Н.С. Мордвинов[7] и министры просвещения и иностранных дел. «…перед Рождеством мне официально (через министра просвещения) объявлено, что Государь находит мои идеи неприложимыми в настоящее время»[8].

За отличие Д.И. Завалишин был произведён в лейтенанты, а граф Н.С. Мордвинов, поражённый знанием дела и дальновидной предусмотрительностью относительно колоний, посоветовал Российско-Американской компании, в которой он был одним из попечителей, не только воспользоваться идеями Д.И. Завалишина для устройства и развития колоний, но постараться убедить его принять на себя их исполнение в качестве главного правителя колоний. «Я тогда ещё выразил своё убеждение, что если мы не займём Калифорнии, не сумеем развить свои силы на устье Амура и на Татарском берегу, то, так или иначе, а непременно не удержим и колонии»[9].

Бывшие тогда директорами И.В. Прокофьев, Н.И. Кусов и А.И. Северин были восхищены точным знанием Д.И. Завалишина дел и нужд компании и просили его быть четвёртым директором. Ему было предложено, по меньшей мере, семь лет посвятить службе в колониях, из них в первые два года заняться обустройством земледелия в Калифорнии, а в последующие пять лет стать главным правителем. С этим главное управление Российско-Американской компании вышло с докладом к государю. Н.С. Мордвинов же познакомил Д.И. Завалишина с К.Ф. Рылеевым[10]. «С тех пор начались мои политические сношения с Рылеевым и знакомство с действиями тайных обществ, особенно Северного. Желая скорее заручиться моим содействием, они мне сразу всё открыли, и тем поставили некоторым образом в безвыходное положение. И

---

[1] Записки декабриста... С. 54.

[2] Нахимов Павел Степанович (1802-1855) – русский флотоводец, прославившийся битвой при Синопе во время Крымской войны.

[3] Записки декабриста... С.55.

[4] Куприянов Иван Антонович (1799-1857) – вице-адмирал, главный правитель Русской Америки (1835-1840); Путятин Ефим Васильевич (1804-1883) – дипломат, адмирал, член Государственного совета; Муравьёв Павел Матвеевич (1804-1848) – капитан-лейтенант, статский советник, директор Училища торгового мореплавания и т.д.

[5] Лазарев М.П. Три кругосветные путешествия. М., 2014. С.290.

[6] Аракчеев Алексей Андреевич (1769-1834)– государственный и военный деятель.

[7] Мордвинов Николай Семёнович (1754-1845) – флотоводец, государственный деятель.

[8] Записки декабриста... С.86.

[9] Там же. С.87.

[10] Рылеев Кондратий Фёдорович (1795-1826) – участник Северного обществ декабристов, один из главных организаторов восстания. Казнён в числе пяти руководителей восстания декабристов.

продолжать независимое действие и соблюдать нейтралитет между правительством и тайными обществами казалось равно невозможным. Оставалось исследовать, на которой стороне, по крайней мере, была относительная справедливость и который путь представлял более вероятности для улучшения положения народа»[1].

В 1824-1825 гг. были обнародованы Конвенции, заключённые между Российским правительством, Соединёнными Штатами и Англией[2]. Российско-Американской компании оставляли всю тяжесть содержания колоний. Д.И. Завалишин написал резкую критику на Конвенции. Посланник России в Соединённых Штатах Полетика, автор одной из Конвенций, был поражён, что от Российско-Американской компании выступает не пожилой авторитетный представитель, а безбородый юноша, но вполне согласился с его доводами.

На представление государю о назначении Д.И. Завалишина ответ последовал после вторичного обращения: «…тот знаменитый ответ, который, положив конец желаниям компании, в то же время ещё более возвысил моё значение. Государь отвечал, что он очень рад, что в его службе находятся офицеры с такими достоинствами, как я, и что готов открыть мне все карьеры в России, но что отпустить меня в колонии не может из опасения, чтобы я какими-нибудь попытками привести в исполнение обширные свои замыслы не вовлёк Россию в столкновение с Англиею или Соединёнными Штатами. Надо сказать, что проект мой, кроме занятия Калифорнии, заключал в себе занятие Амура и острова Сахалина, а если бы обстоятельства дозволили, то и Сандвичевых островов, что отчасти и было уже достигнуто правителем колоний Барановым, устроившим было и заведение на этих островах, где русские не могли удержаться только по неспособности начальника. Только в таком случае можно было надеяться на сохранение и развитие колоний и на прочное утверждение морской силы России. Известно, до какой степени последующие события оправдали всё, предусмотренное мной»[3]. В этом просматривается масштаб личности нашего героя[4].

В своих «Записках» Д.И. Завалишин большое место уделяет сравниванию собственных идей современного ему государственного устройства, его недостатков с идеями созданных тогда союзов, в частности Северного с К.Ф. Рылеевым во главе. «Мы мало того, что не признаём законным настоящее правительство, мы считаем его изменившим и враждебным своему народу, ... коренные основы наши были слишком различны… у моих новых союзников… предпочтение внешних форм живым органическим силам делало их более способными к разрушению старого, нежели к созиданию нового…»[5].

Д.И. Завалишин участвовал в подготовке к восстанию Гвардейского экипажа и, по его словам, он был подготовлен лучше других полков. 11 декабря 1825 г. по заданию Северного общества он отбывает в Казань. Но в начале января 1826 г. был арестован в Симбирске и осуждён по первому разряду, было ему тогда 22 года.

Привезли его прямо в Зимний дворец к дворцовому коменданту и оставили для ожидания допроса. Допрашивал его Левашов по показанию А. Бестужева. Затем Д.И. Завалишина пригласили к императору, который подтвердил, что много о нём слышал хорошего и выразил надежду на применение с пользой его способностей. «Государь знал меня лично, ещё бывши великим князем, и с первой минуты, как узнал, всегда слышал обо мне самые блестящие отзывы во всех отношениях. Он знал, что я уже занимал места не по летам и не по званию, и сам видел меня на подобном месте, когда приезжал с покойным братом своим провожать нас в поход вокруг света. Вслед за тем к нему поступил в адъютанты младший брат Лазарева, когда Николай Павлович был ещё великим князем. От него то знал Государь обо мне всё, что передавал Лазареву брат его Михаил Петрович, с которым я был в походе вокруг света, и слышал также о моём предложении о присоединении Калифорнии и пр. – Всё это в высшей степени интересовало его. Кроме того, в то время в бумагах, привезённых из Таганрога, найдено было и письмо моё к покойному Императору, где я убеждал его возвратиться на прежний либеральный путь,

[1] Записки декабриста... С.132.

[2] Русско-американская конвенция о дружественных связях, торговле, мореплавании и рыбной ловле, Англо-русская конвенция о разграничении их владений в Северной Америке.

[3] Записки декабриста... С.90.

[4] Журналист Владимир Зайцев посвятил идеям Завалишина о расширении Российских земель документальный фильм «О чём мечтал декабрист» (при поддержке Федерального агентства по культуре и кинематографии, 2008).

[5] Записки декабриста… С. 137.

предсказывая ему в противном случае неминуемую опасность. Наконец, важно для объяснения нашего первого свидания и то обстоятельство, что показание, по которому я был арестован, было сделано одним только Александром Бестужевым в валовом, так сказать, списке или гуртом и ничего более не содержало, как только простое упоминание, что я был в числе членом Северного общества»[1]. Государь был к Д.И. Завалишину расположен, видел в нём офицера, полезного в деле обновления флота, а также в содействии в воспитании наследника, и попросил его письменно изложить идеи о флоте и о других предметах, какие сочтёт нужными и представить ему к 18 часам завтрашнего дня. На тот момент он был свободен.

Эпиграфом записки к Государю служило изречение: «Letridentdu Neptuneestlescepterdumonde». (Трезубец Нептуна скипетр мира). Основными предложениями были: 1. Уделить особое внимание образованию офицеров и моряков. 2. Не игнорировать самобытность народа, изучать его культуру, его прошлое, не бросаться в подражание чужому. 3. Присоединить к России Калифорнию для развития морской силы на Великом океане, без чего невозможно удержать Северо-Американские колонии.

Государь остался доволен, последовали его назначения к учёному комитету морского ведомства и начальником морского музея и модельной мастерской, а также историографом флота. Государь высказал намерение пригласить Д.И. Завалишина преподавать наследнику морские науки. М.П. Лазарев видел в нём будущего начальника флота. В сентябре 1826 г. готовилась учёно-политически-торговая экспедиция в Антильское море и преимущественно в Гаити. Д.И. Завалишина предполагали назначить её начальником.

Однако, несмотря на похвалы, почести и назначения, настроение Д.И. Завалишина было грустное от предчувствия надвигавшейся грозы в следственном комитете. Там же в величайшей тайне собирались против него обвинения. Состоялся суд. Д.И. Завалишина никто не выдал, кроме одного из офицеров Гвардейского экипажа молодого мичмана Дивова, который показал, что в составе Гвардейского экипажа действовал по наставлению Д.И. Завалишина. Далее было заключение - в Трубецкой бастион, Кронверкскую куртину, Алексеевский равелин, а затем ссылка в Сибирь. Там проявились его благородство и глубокие знания.

Среди череды бесконечных лет пребывания в Петровском заводе и Чите и тяжкого труда в кандалах, были и периоды благоприятные. В «Записках» он пишет: «Покойный товарищ мой Иван Иванович Пущин, в одном из своих писем ко мне, назвал пребывание наше в Чите нашею юношеской поэмою. Действительно, и дух свободы и общественный дух были чрезвычайно сильны. С одной стороны все неизбежные в человеческих обществах стремления к эгоистическим целям, к привилегиям, притаились перед сильным проявлением общественного духа, чувства свободы и равенства (хотя и в тесном кругу казематской жизни)…Перед тем, как идти на работу, начиналась суета между сторожами в казематах и прислугою в домах наших дам. Несут на место работы книги, газеты, шахматы, завтраки, или самовары, чай и кофе, складные стулья, ковры и пр. Казённые рабочие в то же время везут носилки, тачки и лопаты, если работа на воздухе у «Чёртовой могилы»[2]. В Петровском заводе работы на открытом воздухе не было. Для работы построили мельницу с ручными жерновами. Поначалу, правда, не давали права письменных занятий, что для такого уровня заключённых было гораздо хуже, чем любая работа. Д.И. Завалишин писал кусочком свинца на бумажках от содовых порошков. Записывал статистические сведения, что преследовалось, но потом комендант и сам доставлял ему эти сведения. Постепенно заключённым разрешили выходить за пределы каземата – те, кто занимался медициной, получали право выхода в любое время; потом выпускали мужей к жёнам под предлогом их болезни, затем по болезни и к близким родным и знакомым. А потом вообще всех и всюду и не понятно было, зачем стоят и кого охраняют караульные в каземате. Ходили гулять, а летом купаться, присоединялись и начальники. Вместе с тем, заключённые были «в железах», что делало проблемы при посещении храма для причастия, а это требовало снятия их. Снимали.

Научные занятия в каземате постепенно оформились в настоящую академию: М.С. Лунин, Е.П. Оболенский и др. учились у Д.И. Завалишина греческому языку, А.П. Барятинский, Н.В. Басаргин, П.И. Борисов 2-й и др. - высшей математике, А.П. и П.П. Беляевы,

[1] Там же. С. 220.

[2] Записки декабриста... С. 264.

А.И. Одоевский и др. – английскому языку, Н.А. Бестужев – испанскому, А.О. Корнилович - итальянскому и пр. Сам же он же занимался по латыни с А.Ф. Бриггером и Н.М. Муравьёвым, по-немецки с А.А. Крюковым, Ф.Б. Вольфом и П.И. Фаленбергом, по- итальянски с И.В. Поджио, по ново-гречески с П.Д. Мозганом, по-польски с Ю.К. Люблинским и Ю. Сосиновичем, по-голландски с К.П. Торсоном и пр. Д.И. Завалишина вполне можно назвать полиглотом. Декабристы практиковались в ремёслах. Ещё в детстве им внушалось уважение к труду, считалось, что каждый образованный человек должен владеть каким-то ремеслом, чтобы обеспечить себя на случай превратности судьбы. Утверждалось, что ремесло не только совмещается с умственным трудом, но что одно в другом может находить поддержку. Они выписывали все лучшие руководства на всех главных европейских языках, чертежи, инструменты. Д.И. Завалишин занимался переплётным делом, Е.П. Оболенский был закройщиком, много было портных и сапожников. А.П. Арбузов был токарем и слесарем, П.Ф. Громниций – столяром, Н.А. Бестужев - часовых дел мастером, И.И. Горбаческий - парикмахером, И.С. Швейковский и А.А. Крюков – поварами, другие – плотниками, кондитерами, малярами. Они организовали мастерские, в которых работали и местные жители, и их дети. Были и хорошие музыканты, устраивались концерты. Показательно, что казематские ученики были первыми в учебных заведениях Петербурга. Местных жителей ознакомили с огородничеством, которое давало хорошие результаты. Были заведены парники и гряды, насажены деревья и кустарники, разбиты парк и цветники. На острове устроили зверинец с оленями и дикими козами. В результате хозяйственной деятельности декабристов улучшилось скотоводство и птицеводство края. Занимались они и научными исследованиями, формировали ботанические коллекции. В результате, в Петровский завод стали съезжаться окрестные жители, как для леченья, так и для удовольствия – организовывали пикники, праздники, обеды, балы. Действительно юношеская поэма. Кажется, что именно таким образом и хотели эти «преступники» построить жизнь государства. Очень часто встречаем в записках словосочетание «органические основы жизни» и «самоуправление». По этим принципам естественно и организовалась сама жизнь. Именно так и строится жизнь, когда собираются образованные светлые люди.

Население Читы, Петровского завода и окрестностей «…возвышалось в благосостоянии и развивалось умственно во время нашего пребывания в этих местах. Женская половина под руководством дам и при множестве получаемых образцов также очень усовершенствовалось в рукоделье, - в последнее время было много искусных швей и знавших отлично всякого рода вышиванье и вязанье»[1].

Капитальным трудом Д.И. Завалишина был перевод Священного писания с подлинников еврейского и греческого. Он перевёл первую песнь Илиады, первые главы Фукидида и Тацита, написал трактат о древне-греческом произношении, составил новую грамматику польского языка, собирал сведения о крае. Всего количество написанных им листов составило 15 тысяч.

Женился Д.И. Завалишин на дочери местного горного начальника в Чите Семёна Ивановича Смольянинова – Аполлинарии Семёновне. О своём тесте отзывался прекрасно: «Это был человек высоких нравственных свойств и феноменальной честности, заслуживший глубокое уважение, как коменданта, так и наше»[2]. В семье С.И. Смольянинова было 16 детей, дом их был прибежищем больных и нуждающихся.

Оказавшись на поселении в Чите, Д.И. Завалишин активно участвовал в общественной жизни, придавал огласке чиновнические злоупотребления, публиковал статьи. В «Записках» он пишет: «Муравьёв, как выяснилось впоследствии, был человек, вполне преданный корыстным целям, и притом шарлатан большой руки, отчего и его самого так легко надували такие же шарлатаны»[3].

Д.И. Завалишин разработал план города Читы. 21 сентября 1851 г. – в день его именин (исполнялось ему тогда 47 лет) было назначено «открытие города Читы и области». Он старался убедить начальство в том, чтобы все новые постройки сообразовались с этим планом, а для изб и лачуг, из которых в основном состояла Чита, дабы не нарушить интересов их владельцев,

[1] Указ.ист. С. 273.
[2] Там же. С. 283.
[3] Там же. С. 390.

организовал подписку с дальнейшей передачей средств хозяевам для ремонта или переноса их жилищ на новое место. Содействовал он и развитию учебных заведений, собирал средства на ремонт церкви,

В середине 1850-х гг. постепенно возвращались права ссыльных и возможность возвращения в Россию. Д.И. Завалишину было предписано выехать в Москву через Казань. Заслуги его были высочайше признаны. Проживание в Москве было разрешено, несмотря на то, что его разряду судимости не было дозволено проживание в столицах. Генерал-губернатор Казанский и Пермский А.А. Тимашев, озадаченный таким фактом, сказал: «Помилуйте, М.Г., что вы это говорите? Можно из Казани в Читу сослать, а не наоборот»[1]. В истории России это был первый случай ссылки из Сибири (Читы) в Казань, а далее в Москву!

Д.И. Завалишин ярко описывает своё путешествие из Сибири в Москву, причём Байкал называет «морем»: «…хотя ветер и волнение на море были очень сильны, благополучно переехал через море на пароходе»[2].

Рано утром после 37-летней ссылки 17 октября 1862 г. в возрасте 58 лет Д.И. Завалишин въехал в Москву. Начал с того, что потребовал повторного суда для доказательства своей невиновности. Ему было отказано. В письме военному министру князю В.А. Долгорукову он предупреждает, что «…только одна физическая невозможность может воспрепятствовать мне продолжать и словом и делом мою общественную деятельность, потому что я считаю её не только неотъемлемым своим правом, но и священной своею обязанностью»[3].

В Москве Д.И. Завалишин продолжал общественную деятельность – занимался журналистикой, был попечителем учебных заведений. В преклонном возрасте вторично женился на З.П. Сергеевой, моложе его. У них родилось четверо детей. Жил он под надзором полиции. Летом семья снимала дачу на Воробьёвых Горах. Ему, как поднадзорному, следовало ночевать в Москве – ходил туда и обратно каждый день пешком.

Однажды в гостях на даче с Д.И. Завалишиным познакомился Л.Н. Толстой и собирался писать роман «Декабристы»[4]. Ещё в 1951 г. в Ленинграде проживала его дочь –
З.Д. Завалишина-Еропкина, детский врач[5]. Еропкины и сейчас живут в Петербурге. А в Москве живёт Олег Константинович Ларионов – дипломат, международник, потомок брата
Д.И. Завалишина – Николая Иринарховича. Он родня и Еропкиным, и Ирицким, и Пущиным.

Скончался Д.И. Завалишин почти в 1892 г., почти в 90-летнем возрасте. Он похоронен в Москве на кладбище Даниловского монастыря, недалеко от могилы Н.В. Гоголя. В 1930-е гг. кладбище было уничтожено[6].

Собирая материалы о Д.И. Завалишине, я обнаружила одну очень интересную публикацию, которую комментирует Б.Ш. Окуджава[7]. В своей статье Любовь Краваль описывает один из рисунков А.С. Пушкина, на котором изображено пять мужских портретов в профиль и буквы Q, S, F, D, Y. Автор расшифровывает персон, сравнив их с портретами. Это: Сергей Муравьёв-Апостол, Кондратий Рылеев, Жан (Иван) Якушкин, Флегонт Башмаков, а пятый – Дмитрий Завалишин. Вот как описываются его черты: «Верхний средний портрет наделён чертами слишком своеобразными, чтобы не отыскать его в галерее современников Пушкина: характерная складка полноватых стиснутых губ; прямой отвесный коротковатый нос составляет почти одну линию со лбом, чуть надламываясь пониже уровня бровей; характерная «спущенная» (оттопыренная вниз) ноздря; наконец, овал, залысины, чуть вкось поставленные глаза и выражение «завалишинское»: «недоступный, гордый, чистый, злой». Дмитрий Завалишин»[8]. По свидетельству писателя С.В. Максимова, Д.И. Завалишин ему рассказывал о своих встречах с

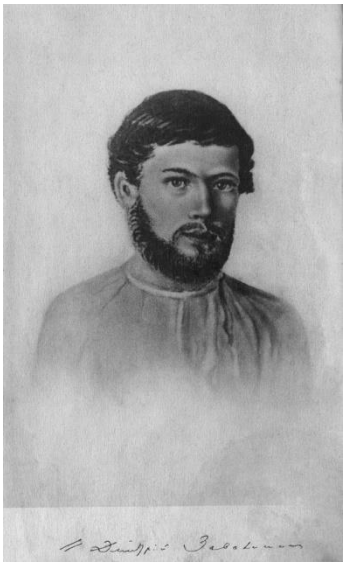
[1] Записки декабриста... С. 453.
[2] Там же. С. 447.
[3] Там же. С. 460.
[4] Об этом мне рассказала И.Б. Еропкина, правнучка Д.И. Завалишина.
[5] Пиккиев И. Дочь декабриста // Огонёк. 1951, № 2. С. 13.
[6] В настоящее время мы хлопочем об установке на стене Даниловского монастыря памятной доски Д.И. Завалишину. Место его и его сыновей утраченных могил показано на плане некрополя, изданного в 2012 г. (Беляев Л.А. «Некрополь Данилова монастыря в XVIII-XIX вв.» М., 2012). На схеме Некрополя обозначены могилы под № 328а (Д.И. Завалишин), № 330 (мл. Дмитрий), № 331 (мл. Иринарх). Список III.
[7] Краваль Л. Провидческий рисунок Пушкина?... Вступительная статья Б. Окуджавы // Юность. № 6. 1984. С.100, 103, 104.
[8] Записки декабриста... С. 104.

А.С. Пушкиным у К.Ф. Рылеева и братьев Кюхельбекеров в начале 1820 года. «Именно по впечатлениям 1820 года в Завалишине можно было предположить будущего героя и даже лидера движения. В 1820 г. Завалишин был чрезвычайно интересной и многообещающей личностью. Чуть не ребёнок, он преподаёт в морском корпусе высшую математику, механику, астрономию, высшую теорию морского искусства, самостоятельно изучает языки, производство искусств и ремёсел, посещает лекции, обсерваторию, библиотеки, заводы, мастерские – готовит себя к поприщу высокому. Оратор, моралист, аскет, он требует от товарищей соблюдения «чистоты жизни, трезвости и воздержания первых условий [….] свободным и достойным свободы»[1]. А коль скоро А.С. Пушкин слышал такого вот Д.И. Завалишина, то помещение его портрета в этой медальной вполне оправданно.

В одной из публикаций о Д.И. Завалишине, которая является одновременно отзывом на переизданные Захаровым его «Записки», автор характеризует Д.И. Завалишина как «идеального героя». Таким нам видится Дмитрий Иринархович Завалишин.

Илл. 1. Памятная доска Д.И. Завалишину в г. Чите. На ней изображён план города, который он разработал.

Илл. 2. Портрет Д.И. Завалишина. Записки декабриста Д.И. Завалишина. М., 1906 (?).

Илл.3. Рисунок А.С. Пушкина. Предположительно профили декабристов, сверху в центре Д.И. Завалишин.

[1] Там же.

М.В. Нащокина (г. Москва)

Деревянная архитектура Русской Америки

Аляска – самый большой штат Америки (1 519 000 кв. км) и последний по времени присоединения (1867). В 1772 г. на алеутском острове Уналашка было основано первое русское торговое поселение, а летом 1784 г. экспедиция под началом Григория Шелихова (1747-1795) заложила первое русское поселение в бухте Трех святителей на о. Кадьяк, в 1791 г. уже на материке был основан форт св. Николая.

В 1792 г. первое поселение на Кадьяке было разрушено цунами, поэтому первый управляющий Русской Америкой каргопольский купец А.А. Баранов перенёс центр русской Аляски в более безопасное место острова – в залив Св. Павла, где и сегодня расположен город Кадьяк. Остановимся на строительных технологиях пришлых жителей Аляски.

Дерево – исконный материал первопроходцев или фронтирьеров, осваивавших Северную Америку. Все белые поселенцы Аляски – и русские, и англичане, и американцы, строили свои дома из дерева, которого здесь предостаточно (в том числе хвойных пород). Городские дома русских в Новоархангельске, как правило, были одно- или двухэтажными срубами, крытыми на два ската дранкой, щепой или тёсом, окна украшали наличники (скромные), что традиционно для русской и городской и сельской архитектуры первой половины XIX века. Деревянные дома русских поселенцев на Аляске представляют немногочисленные старые фотографии Новоархангельска (Ситки).

Более поздние дома американских жителей Ситки также были деревянными, но, будучи обшиты крупной вагонкой и обладая характерными английскими рамами с мелкой расстекловкой, которые открывались путём подъёма нижней половины окна, напоминали упрощённые викторианские дома Европы и Америки.

«Музей первопроходцев (пионеров)» в Фэрнбэнксе, в который свезены немногочисленные старинные постройки, в основном относящиеся к самому началу XX в., демонстрирует небольшие деревянные срубные избушки, покрытые двухскатной кровлей из щепы или железа (позднее), в которых жили американские искатели приключений времён «Золотой лихорадки». Они напоминают нам баньки или амбары Русского Севера, поскольку жилые дома там были гораздо крупнее и монументальнее. В этом же музее, помимо деревянных административных зданий, торговых лавок, публичных бань и деревянного колёсного парохода, есть и деревянная ж/д платформа и даже удивительная деревянная водонапорная башня, особенно ясно показывающая тесную связь архитектуры Аляски с деревом.

Любопытны деревянные хозяйственные постройки на Аляске – лесные амбарчики-захоронки на сваях для хранения съестных припасов охотников, амбары для хранения улова рыбы и других продуктов, сараи и кладовые для инструментов и инвентаря в разных селениях и городках. Чаще всего это срубы из не очень крупных брёвен (или из их половинок), крытые щепой, тесом или мхом. Они имеют немало общего с постройками Русского Севера, но их типология, продиктованная сходными природными условиями и нуждами, по сути, интернациональна. В XVIII-XIX вв. деревянные строения были характерны не только для белых поселенцев, но и для индейских племён, живших в этих местах. Оседлые племена индейцев-рыболовов возводили жилища, порой, весьма напоминавшие рубленые избы. Большую часть населения прибрежной юго-западной Аляски, непосредственно соседствовавшей с русскими поселениями, представляли индейцы тлинкиты и атабаски (атапаски), включавшие многочисленные племена апачей, чипевайя, навахо и догрибов. В Анкоридже в Центре наследия аборигенов представлены подлинные деревянные дома туземцев юга Аляски – традиционные рубленые дома атабасков с земляными полами и дома тлинкитов, хайда и других индейских племён с характерными двускатными крышами. Уникальные фотографии 1880-х гг. показывают необычайно живописный и даже монументальный характер жилищ тлинкитов с высоченными резными скульптурными тотемными столбами. По этим фотографиям можно судить, что типология их жилищ была лишь условно устойчивой и зависела, видимо, от подручных строительных материалов – это могли быть мелкие брёвнышки, стволы огромных деревьев и доски. По образцу викторианских домиков англосаксонских поселенцев Аляски многие дома состоятельных тлинкитов (например, вождей) в конце XIX в. были обшиты досками (вагонкой), а

порой и дополнены резными деталями, заимствованными как из русской деревянной, так и из викторианской архитектуры. В отличие от внешних новшеств, внутреннее устройство индейских жилищ оставалось архаичным – в центре прямо на земле располагался очаг; немногочисленная мебель находилась у стен на возвышении-подиуме, служившем и кроватями, и столами, и стульями.

Самая старая русская жилая постройка в Северной Америке сохранилась в крепости Росс в Калифорнии, существовавшей без малого 30 лет с 1812 по 1841 год[1]. Как известно, это самое южное русское поселение в Северной Америке было основано Российско-Американской компанией для промысла и торговли пушниной на побережье Калифорнии, в 80 км к северу от Сан-Франциско. Под началом первого коменданта форта, мореплавателя Ивана Кускова здесь была построена первая в истории Калифорнии судостроительная верфь, на которой делали крупные российские бриги и баркасы для испанцев, до этого не имевших в своей части Калифорнии ни одного гребного судна. Здесь были построены первые ветряные мельницы, кирпичный и кожевенный заводы, кузницы и мастерские, молочная ферма.

Однако все эти сооружения до наших дней не дошли. Сохранился только дом последнего русского коменданта форта Росс А.Г. Ротчева (1806-1873) – выпускника Московского университета, литературного переводчика, поэта и путешественника, который жил в нём с женой, урождённой княжной Еленой Гагариной, и тремя детьми. Постройка дома относится, видимо, к 1838 г., когда А.Г. Ротчев прибыл в крепость в качестве правителя (управляющего) русской колонии. Это традиционный одноэтажный русский сруб-пятистенок из широких брёвен с низким фундаментом и массивной четырёхскатной тесовой крышей, хотя средиземноморский климат Калифорнии не требовал значительного утепления жилища – зима здесь мягкая и дождливая (с плюсовыми температурами), а лето тёплое и сухое. Брёвна, соединенные «в лапу», стёсаны снаружи и внутри. Вход в дом с торца. В нём 7 основных помещений, среди которых кабинет, гостиная, столовая, детская и спальня, а также хозяйственные помещения. А.Г. Ротчев прожил в этом доме около 4-х лет, покинув форт Росс с оставшимися колонистами в январе 1842 г. на последнем русском корабле после продажи этих земель. Его дом сохранился до XX в. с большими утратами, а потому для его реставрации в качестве аналога был использован русский деревянный дом начала XIX века в Ситке. Остальные строения в крепости, в том числе дом её основателя Ивана Кускова. являются реконструкциями, выполненными по немногочисленным изображениям.

В селении Кенай на одноименном полуострове сохранился более поздний, 1881 г. деревянный дом с мезонином, принадлежавший православному священнику, правда, изменённый перестройками и ремонтом. Этот дом является старейшей постройкой Кенайского полуострова и входит в ансамбль с православным храмом и часовней св. Николая (1906), устроенной общиной над могилой игумена Николая Милитова (1810-1867).

Гораздо ближе к оригинальному облику жилой дом Осколкова 1918 г. с поздними пристройками. Он представляет собой открытый, квадратный в плане сруб, прокрытый четырёхскатной крышей из щепы с маленьким мезонином, видимо, устроенным позднее из слуховых чердачных окошек. Этот дом легко представить себе в любом провинциальном городке России. Впрочем, он немногим отличается и от некоторых американских домиков на Аляске того же времени (пример – домики в историческом парке Талкитны – поселка старателей времён «золотой лихорадки»)

Наиболее показательным в аспекте сохранения традиций русского деревянного зодчества на Аляске является строительство деревянных православных храмов. Самые ранние из них не сохранились, однако их черты (а порой и строительный материал), в той или иной степени, сохраняли более поздние постройки, появлявшиеся взамен обветшавших или строившиеся на новых местах. Такое постоянство мест и форм – одна из характерных черт церковного зодчества

[1] В 1839 г. Российско-Американская компания приняла решение оставить крепость Росс и продать её. Правительство Мексики, продолжавшее считать землю под Россом своей, не пожелало платить за неё, ожидая, что русские просто забросят колонию. В 1841 г. компания продала свою собственность крупному землевладельцу Джону Саттеру за 42857 руб. серебром. В настоящее время это Государственный исторический парк штата Калифорния, Национальный исторический памятник США. (История Русской Америки: Русская Америка: от зенита к закату, 1825-1867. М., 1999. Т. 3. С. 213).

Аляски. Примером этого утверждения может служить церковь св. Николая Чудотворца в селении Никольский, которое расположено на южной оконечности острова Умнак (Umnak). Нынешняя церковь была построена в 1930 г., но она считается четвёртой по счёту. Первый храм был построен и сгорел в 1800-х годов, второй сгорел в 1898 г., третий был построен в 1898-1900 годах в нескольких милях от первого места, в 1918 г. перенесён в нынешнее место, и был заменен в 1930-м. Несмотря на перипетии, церковь сохраняет традиционную композицию из трёх элементов – алтаря, храмового зала и притвора, с добавлением почти независимой колокольни.

Несколько старых русских поселений на Аляске, в которых существовали церкви, уже исчезли, разрушились и их храмы. Это церковь св. Андрея Первозванного в Килисно (пер. пол. XIX в.), часовня св. Николая в дер. Моржовой на о. Унимак[1] (перв. пол. XIX в.), часовня на Михайловском редуте[2] (1842), Никольская часовня в Бьорке на о. Седанка (1855)[3], Никольская церковь (пер. пол. XIX в.) и храм Владимирской иконы Божией матери в обезлюдевшей Унге (1908)[4] и другие, давно закрыты и разрушаются Никольские церкви в Пайлот Пойнт (1912)[5] и Айгугике, доживают свой век Никольские церкви в Икуке[6] и в заливе Педро[7] (1875, 1890), церковь св. Матроны в Порте Хайден, закрыта Никольская церковь в местечке Николай и другие.

Попробуем кратко описать сохранившиеся православные храмы Аляски, известные с первой половины XIX-го до начала XX в. в хронологическом порядке.

Начало строительства православных храмов на Аляске приходится на время существования Русской Америки в составе России, то есть с конца XVIII в. по 1867 г. Первым храмом на Алеутских островах стала церковь Воскресения Христова в бухте Трёх святителей (Старой гавани) на Кадьяке, изображённая на рисунке 1798 г. Первоначальная церковь там неоднократно перестраивалась и до наших дней не дошла. По фотографии можно судить, что её невысокая, стелящаяся по земле объёмная композиция была весьма характерна для Аляски – цепочка срубов по оси Восток-Запад – колокольня с притвором в низу, моленный зал и алтарная апсида. С переносом в 1792 г. поселения в залив Св. Павла, там тоже была выстроена церковь. Скорее всего, это произошло сразу, поэтому церковь (теперь собор), расположенный в центре г. Кадьяк, считается одной из старейших в Америке. Сохранились её изображения сер. XX в. В отличие от храма в Старой гавани, эта церковь была значительно крупнее, её подкупольное пространство было крестообразным, а над ним возвышался деревянный восьмерик, покрытый невысоким шатром с небольшой луковичной главой. Колокольня с высоким шпилем, составлявшая с храмом единое целое, представляла тип «восьмерик на четверике», правда четверик был высоким (выше храмового восьмерика), а восьмерик с проёмами для колоколов очень небольшим. Эти формы, такие привычные и распространённые в русской архитектуре того времени, всё же усложняли общую композицию, а потому почти не встречаются в храмостроении Аляски. (Среди немногих

[1] Деревня или пост Моржовый (Morzhovoi) был впервые заселен около 1830 г. Последние жители перебрались оттуда пройти в начале 1960-х гг. Часовня была разрушена ветром в 1969 г. Бронзовые колокола, отлитые в Санкт-Петербурге, которые стояли возле церкви, были похищены в конце 1970-х гг.

[2] Михайловский редут – укреплённый торговый пост на берегу залива Нортон. Основан в 1833 году Российско-Американской компанией, стал базой для исследования русскими центральной части Аляски. Ныне это город St. Michael на Аляске. По переписи 2010 г. население – 401 чел. Во времена золотой лихорадки 1897 года был главными воротами Аляски для продвижения по реке Юкон. Часовня в нём была основана 1 октября 1842 г. При посылке в 1845 г. особого священника для христиан-туземцев при редуте Св. Михаила была устроена церковь.

[3] Никольская Часовня в Бьорке (Biorka) была освящена в 1855 г. После японской атаки на Уналашку в 1942 г. жители были эвакуированы. Сильный шторм в 1952 г. уничтожил большую часть деревни. В середине 1960-х годов здание церкви было разобрано и сожжено, а небольшое сооружение, построенное для защиты оригинальной алтарной. В 2010 г. бывшие жители и их потомки посетили и поставили большой деревянный памятный крест на месте. Много элементов из церкви были перенесены в ц. Св. Серафима Саровского в Диллинхэм.

[4] Унга (англ. UngaIsland, алеут. Ugnaasaqax) – остров в штате Аляска. Впервые упоминается в отчёте российского мореплавателя Ивана Крузенштерна в 1827 г., в своих «Записках об островах Уналашкинского отдела» его упоминал епископ Иннокентий. Коренное население – алеуты. Сейчас остров необитаем.

[5] Селение Пайлот Пойнт было основано в 1889 году и специализировалось на засолке рыбы.

[6] Часовня св. Николая в Икаке(Ekwok) или Икуке - самом далёкомселезалива Нашагак (Nushagak), в 15 км к юго-востоку от Диллингхема (в Икак можно добраться только по морю или по воздуху). Селение уже упоминался в русских документах 1824 г. Первый лососевый консервный завод был открыт в 1903 г. Часовня была построенав 1908 г.

[7] Никольская Часовня в Педро-Бэй расположена в восточной части залива, в индейской деревне Денаина. Основана, видимо, в 1875 г., современное бревенчатое сооружение возведено в 1890 г. (15х15 м).

исключений - церкви в Атке и в Нинильчике, – также крестообразные в плане). При перестройке храма Вознесения Христова на Кадьяке в 1945-м, а последний раз в 1973 г. эти особенности были сохранены, хотя его формы были существенно трансформированы и приобрели некоторые готизированные элементы.

Над заливом Илюлюк на о. Уналашка высится Свято-Вознесенский собор – свидетель миссионерских трудов будущего Св. Иннокентия. Он был построен в 1824 г. – это самая ранняя дата среди существующих сегодня построек, а затем перестроен на том же месте в 1896 г. с использованием брёвен и другие элементов (в том числе иконостаса) старой церкви. Это одна из старейших церквей на Аляске и выдающийся памятник Русской Америки - второй кафедральный собор Православной Церкви в Америке после Свято-Михайловского собора в Ситке. Его композиция легла в основу многих последующих храмов Аляски, априори более скромных и меньшего размера (например, церкви на Кенае и других).

В национальном реестре памятников США среди православных храмов раннюю датировку сохраняет также часовня св. Троицы (1825) форта Росс (Fort Ross State Historic Park, CA), однако, как уже было сказано, она воссоздана сравнительно недавно по сохранившимся рисункам XIX в., поэтому её облик имеет достаточно условный характер. Во всяком случае, на гравюре 1828 г. облик церкви кажется более достоверным – с небольшой главкой на обычном двускатном объёме и башенкой-колокольней с высоким шатром.

Два памятника Аляски датированы 1826 г. Первый – это православная церковьсв. Николая Чудотворца на острове Алеутской гряды Атка (Atka, AK). Однако и эта дата спорна, поскольку судьба храма весьма сложна - оригинальная церковь была разрушена во время Второй мировой войны, заново построена в 1950-х гг. и вновь восстановлена в прежних формах в 1996 г. Второй памятник с датой основания 1826 г. – это ц. Воскресения Христова в Белковске (Belkofski, AK), но и она, по-видимому, является реконструкцией 1881 или 1887 года. Забавно, что аналогом этой церкви в американской литературе считается ц. Вознесения в Коломенском, поскольку над её центральным барабаном устроена крыша пирамидальной формы. Считается также, что конструкция этого храма повлияла на архитектуру более поздних церквей – Вознесенского храма в Карлуке (1888)[1] и в ц. Рождества Христова в Узинке (основана в 1849-1855 гг.; выстроена заново в 1906 г.)[2]. Оба храма имеют сходные объёмные композиции – они состоят из трёх последовательно выстроенных по оси запад-восток срубов: притвор (в церкви в Карлуке над ним высится трёхъярусная колокольня, в которой обозначены некоторые ордерные элементы – пилястры на углах первого яруса), затем моленный зал и алтарь. Ширина срубов притвора и алтаря в обоих случаях меньше ширины молитвенного зала, отмеченного в силуэте невысоким граненым восьмигранным барабаном. Храмы, как и многие другие церкви Аляски,представляют собой вытянутые деревянные срубы с прямоугольной апсидой несколько меньшей ширины, перекрытые двухскатной кровлей, и отличаются только деталями – наличием или отсутствием колокольни, главки и наличников на окнах (они есть только в Карлуке).

Основание первой часовни во имя Св. Михаила Архангела в Новоархангельске относится к 1834 году. Обустраивая новый город, А.А. Баранов предполагал создать в нём самостоятельную православную миссию, однако отдалённость местоположения замедлила осуществление его планов, лишь в 1840 году Новоархангельск стал одним из епархиальных центров. В первый же год епископства Иннокентия – будущего святого, был создан проект собора Св. Михаила Архангела, выстроенного в 1844-1848 гг.[3]. После продажи Аляски США американские войска разграбили собор, оставшаяся ценная утварь была перевезена в Сан-Франциско. Только в 1903 г. храм вновь стал кафедральным для Алеутского викария[4]. К сожалению, этот первый подлинный собор сгорел в 1966 г. и был воссоздан из железобетона с приблизительным сохранением

[1] Церковь Вознесения Господня в Карлуке, построена в 1888 году на песчаной косе

[2] ц. Рождества Христова в Узинке было построено в 1906 г. в замен старой 1849 -1855 гг.

[3] Собор был построен на средства РАК, колокола отлиты на местных литейных заводах, а часы, которые были помещены в колокольню, вручную собрал сам епископ Иннокентий. В 1841 г. при соборе была учреждена Духовная семинария для будущих священнослужителей из местных жителей, была основана начальная и средняя школа с приютом.

[4] Пожертвования собору передавали Императорское миссионерское общество, РАК и частные лица.

прежних форм в 1976 году[1]. Его формы с массивным куполом и ярусной колокольней с высоким шпилем отражают эстетику классицизма в её лаконичной и упрощённой редакции, характерной для деревянного зодчества. Собор, несомненно, был и остаётся самой крупной и значительной деревянной православной постройкой в Русской Америке (сейчас - лишь обшитой деревом).

Среди первых церковных строений Русской Америки и церковный погост в исторической деревушке Эклутна[2]. Русские православные миссионеры прибыли сюда ещё в первой трети XIX в. До сих пор сохранилась небольшая бревенчатая Никольская церковь, первоначально построенная в 1830-х гг., и заново воссозданная в1970-х гг. Это самое старое зданиев районе Анкориджа, занесённое в Национальный реестр исторических мест. Церковь имеет необычную и единственную в своём роде композицию на Аляске. Сам объём церкви предельно прост – это обычный прямоугольный сруб, возведенный в обло из нешироких брёвен с двускатной кровлей из дранки. Однако в композицию входа включена простейшая по конструкции колокольня, ярус звона которой представляет собой площадку между четырьмя стоящими наклонёнными друг к другу брёвнами, в завершении накрытых небольшой шатровой кровлей с крестом. Этот тип звонницы восходит к древнейшим образцам, в том числе давно утраченным памятникам Русского Севера – например, колокольне в д. Кимже.

Эта старинная церковь расположена рядом с новым Свято-Никольским храмом 1962 г. и с кладбищем православных индейцев-атабасков. Здесь можно увидеть деревянную (намогильную?) часовенку похожую на сказочный теремок, но главное – это сами могилы атабасков. Слияние православия и индейских традиций создали поразительный феномен захоронений на этом кладбище. Могилы отмечены небольшими деревянными домиками, что более всего напоминает старинные славянские «домовины», причём выкрашенными в яркие цвета. Сооружение в Древней Руси XI-XIII вв. наземных деревянных домовин подтверждается письменными и многочисленными этнографическими данными[3]. Надмогильные домовины-столпы представляли собой аналогичные деревянные срубные домики (1,5 х 2 м) с двускатной крышей и маленьким, в толщину одного бревна, оконцем[4]. В Эклутне домовины очень разнообразны, в их отделке нередко присутствует пропильная резьба, простой орнамент, но, главное, все они раскрашены ярко, что, по мнению американских историков, является чертой, присущей русской культуре.

Православный ансамбль, основанный во времена Русской Америки, сохранился и в г. Кенай на Кенайском полуострове. Трудами уже упомянутого священника Николая Милитова и РАК в форте Св. Николая рядом с деревней Кенай в 1849 г. была возведена церковь Успения Прсв. Богородицы. Современная Успенская церковь на полуострове Кенай (теперь – в г. Кенай), построенная из тех же брёвен в 1895-1896 гг., заменила постройку 1849 г. Связь между старой и новой постройкой сейчас проследить трудно, но, вероятнее всего, они подобны. В американской литературе считается, что церковь построена в «псковском стиле», но что под этим подразумевается, сказать трудно – церковь по традиции храмов Аляски представляет собой цепочку срубов разного размера, нанизанных по оси запад-восток; колокольня, пристроенная в 1900 г., дополнила эту цепочку, а будучи увенчана невысоким восьмигранным шатровым ярусом с луковичной главкой, сделала церковь похожей на множество российских храмов.

К последним церковным памятникам времён Русской Америки можно отнести маленькую церковку Св. Архангела Михаила (1870) в Колиганеке (восстановлена).

---

[1] Собор Св. Михаила Архангела, полностью разрушенный во время пожара в 1966 г., восстановлен по проекту русского архитектора С.Н. Падюкова в 1976 г. Существующий собор – реконструкция сгоревшего здания, практически повторяет предыдущее строение, которое не изменилось за всю историю существования. Ранее собор был деревянным, покрытый обшивкой, но для пожарной безопасности теперь его стены сделаны железобетонными с виниловой обшивкой. Первоначально крыша была покрыта деревом, теперь покрытие заменено на рубероидную плитку.

[2] Эклутна (ɛklutnə) – деревня в муниципалитете Анкориджа в штате Аляска. Находится в 24 км к северо-востоку от Анкориджа. Это старейший населенный пункт в районе Анкориджа – здесь люди жили тысячи лет.

[3] Бобринский А.А. Народные русские деревянные изделия. М., 1911, табл. 52; Маковецкий И.В. Заметки о памятниках деревянной архитектуры Поволжья // Сообщения Института истории искусств. М., 1951. Вып. 1. Фотография на С. 47.

[4] Иногда четвёртой стены в срубе домовины не было, чтобы ставить внутрь домовины различные "приноси" во время поминовения мертвых.

Следующим важным этапом для православного храмостроения на Аляске оказались 1890-е годы, когда были обновлены многие старые церковные постройки времён Русской Америки и появились новые[1].

Хотя постоянное русское присутствие на данной территории закончилось в 1867 г., к тому моменту определённое число представителей местных племён уже исповедовало православие. Так, церковь святого Николая в Джуно была построена в 1894 г. по инициативе крещёных тлинкитов при поддержке русских православных миссионеров. Композиция этого храма не типична для Аляски – ее основной объём представляет собой восьмерик с прямоугольными сенями-притвором с запада, покрытый шатром с луковичной главкой. В качестве аналога можно вспомнить только двухъярусный восьмерик алтарной апсиды церкви в Айгугике, ныне не существующий. Сруб церкви в Джуно обшит досками, внутри есть одноярусный деревянный иконостас.

Третий и последний этап строительства и перестройки православных храмов на Аляске, ещё связанной с российским священством и миссиями империи, приходится на 1900-1910-е гг.

Едва ли не самой известной церковью Аляски сегодня является на редкость гармоничный храм Преображения Господня (1901) в селе Нинильчик на полуострове Кенай. Как и в большинстве других мест, церковь 1901 г. заменила более старое здание, построенное при основании деревни Нинильчик в 1846 году. Храм невелик (6.1 м х 15,2 м), его план крестообразный, с запада пристроен четверик двухъярусной колокольни с маленьким ярусом звона, также квадратным в плане. Любопытно, что композиция церкви по преданию была разработана А.А. Осколковым, который специально пришёл из Ситки для надзора за её строительством. Некрополь Осколковых находится рядом с храмом.

Датирована 1901 г. и церковь Рождества Пресвятой Богородицы *в селении* Афогнак в 3-х милях к северу от Кадьяка. Служащие РАК прибыли на остров в 1784 г., чтобы наладить охоту и сбыт каланов. Однако, многие люди погибли в результате эпидемии оспы, охватившей архипелаг в 1837-1840 гг. Несмотря на напряжённость в отношениях между россиянами и индейцами-алюриик, они создавали совместные семьи, а многие аборигены выучили русский язык и приняли православие, соединив его со своими языческими традициями. К 1900 г. большая часть подрастающего поколения «алюриик» говорила на русском и английском языках, вот почему в этом, по существу индейском поселении, в 1901 г. появилась православная церковь, к сожалению, сильно повреждённая цунами в 1964 г., которое разрушило деревню, перенесённую на северо-восточное побережье острова Кадьяк (под названием порт «Львов»).

Селение Николай или Николай-город с 1880-х гг. минимум дважды меняло своё местоположение, на нынешнем месте основано в 1918 г. и относится к исчезающим населённым пунктам. Филологи причисляют это селение к верхнекускоквинской культуре атабасков, с 1830-х гг. подвергшихся культурному влиянию русских[2]. Здесь сохранилось недействующая православная церковь Св. Николая (1915), относящаяся по типу к традиционным храмам Аляски.

Итак, в XIX – начале XX в. (то есть за период постоянного соприкосновения Аляски с русскими поселенцами и священством) здесь выработался свой тип православного храма, генетически связанный с деревянными храмами арктического и дальневосточного побережий России, а также с древнерусскими образцами. Почти ни в одной исторической церкви Аляски сейчас не сохраняется открытый сруб, но большинство храмов представляют наиболее распространенный тип объемной композиции – один или несколько прямоугольных срубов-

[1] На о-ве Еловом (Спрус-Айленд) в Кадьякском архипелаге рядом с селением Узинки (Ouzinki) сохранилась часовня Преп. Сергия и Германа Валаамских. Дата её основания – 1805 г. Она представляет собой квадратный в плане сруб (6.7 м × 6,1 м) с четырёхскатной кровлей, увенчанной крестом. Алтарную часть и тамбур добавили позже, превратив сооружение в традиционную для Аляски трёхчастную церковную постройку. К 1890-е годы были построены также церкви св. Николая Чудотворца в Селдовии (Селдовская) (1891) и в Джуно (Juneau, AK) (1894). История церкви в Селдовии на полуострове Кенайначалась около 1820 года. Первая церковь была выстроена ниже по берегу. Современная церковь Св. Николая, предположительно, построена в 1891 году, колокольня появиласьв 1906-м. По композиции эта церковь традиционна для Аляски, лишь несколько крупнее обычного сделан прямоугольный сруб барабана. Традиционная двухъярусная колокольня представляет собой высокий четверик и маленький восьмерик звона, увенчанный плоским шатром с крестом, что также характерно для аляскинских храмов. В 1981 г. церковь была восстановлена.

[2] Кибрик А.А. (Институт языкознания РАН) Верхнекускоквинмский язык атабасков Аляски: русские влияния времен Л.А. Загоскина. М., 2008.

клетей, покрытых двускатными кровлями (моленный зал иногда покрыт четырехскатной кровлей) по оси запад-восток – такие храмы в старину называли рублеными «стаей». Их архитектура имела много общего с жилыми постройками. Число срубов по оси запад-восток варьировалось в зависимости от нужд и возможностей общины. Полная храмовая композиция состояла из прирубленных друг к другу клетей: паперти, притворов, колокольни, трапезной, моленного зала, приделов (если были) и алтаря, однако большинство храмов Аляски были проще – двух или, чаще, трехчастными. Нередко основные объёмы храмов рубились «в обло» с остатком, алтари – «в лапу». Колокольни чаще всего пристраивались к западной части храма и представляли собой высокие четверики, иногда дополненные низким восьмериком с проемами для колоколов.

В отличие от храмов центральной России и Русского Севера, объёмы большинства храмов Аляски не были развиты вверх, а как бы прижимались к земле, чтобы выстоять на ветрах тихоокеанского побережья, в суровых и безлюдных краях. Они были очень скромны и утилитарны, исправно выполняя свою главную задачу – вмещать общину верующих для совместной молитвы. Церковная принадлежность в их облике выражена, порой, лишь немногими деталями – низеньким барабанчиком с главкой, хрупкой колоколенкой, а порой, только деревянным крестом. К слову сказать, такой тип храма также имеет глубокие исторические корни - «безглавые храмы» существовали на Руси вплоть до XVII в.

Чтобы провести зримую параллель между храмами севера Восточной Сибири и храмами Аляски, сравним их с самой северной в мире православной церковью, построенной в Станчике близ Русского Устья (теперь в Якутии, в Аллаиховском улусе Республики Саха в местности, на 71° северной широты). Русское Устье было основано в 1638 году казацким отрядом Реброва в устье Индигирки. В числе его первых жителей были, предположительно, поморы, уезжавшие с семьями в Сибирь и оседавшие в русских зимовьях в низовьях Индигирки. Важно подчеркнуть, что Русское Устье было отправной точкой для многих русских землепроходцев и полярных мореходов, отсюда начался морской поход Семена Дежнёва. Русскоустьинцы (индигирщики) живут, практически, на побережье Северного Ледовитого океана, на просторах арктической тундры, и их храм в Станчике был построен в начале XIX века в голой тундре, откуда до ближайшего леса около тысячи километров.

Храм состоит из трёх прямоугольных срубов – притвора, моленного зала и алтарной апсиды. Типологически сходные композиции имеют и многие аляскинские церкви, возведённые в период российского влияния и позднее - часовня св. Александра Невского в Акутане, первоначально выстроенная в 1878 г., затем возобновленная из прежних бревен в 1918-м[1], Никольская церковь в селении Николай 1915 года, и ещё более лаконичные церкви Святителя Николая в Кордове (1925) и в Пайлот Пойнт. Их облик вполне сопоставим с формами церкви в Станчике.

Традиции православного деревянного строительства на Аляске сохранялись и в 1920-1930-е гг.[2], и в 1940-1950-е гг. С 1960-1970-х гг. начался современный период существования православной церкви на Аляске. В связи с расширением информации и контактов между Европой, Россией и Америкой, с 1960-х гг. на Аляске стали появляться разнообразные композиции, навеянные собирательными образами храмов России, как, например, Никольская церковь в Николаевске (1968) с массивным луковичным куполом или новый кафедральный многоглавый собор св. Иннокентия в Анкоридже (1967)[3]. Однако не забыты и формы традиционных православных аляскинских церквей – в посёлке Бетель строится новая церковь в привычных скромных и лаконичных формах.

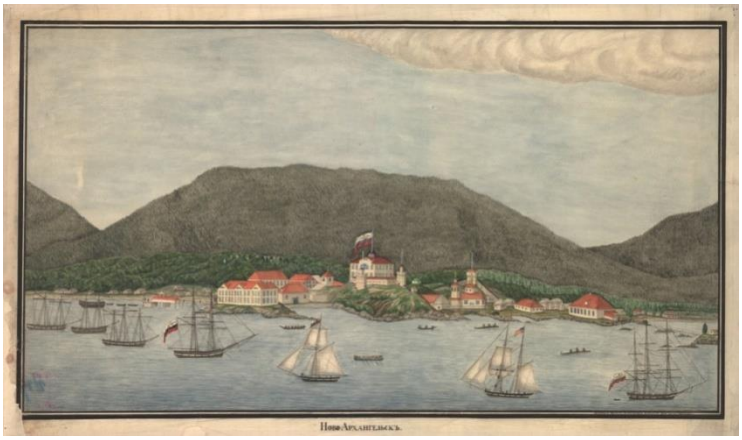
В заключение можно констатировать, что дерево остаётся основным материалом в бывшей «Русской Америке»: за исключением Анкориджа и отчасти некоторых других относительно крупных городков штата, Аляска остается деревянной.

---

[1] Акутан (Akutan, AK) ц. св. благоверного кн. Александра Невского, построена в 1918 г. в замен здания 1878 года из тех же пиломатериалов.

[2] Например: ц Свв. Апостолов Петра и Павла в Слитмьюте (Sleetmute, AK (1925)

[3] Самая примечательная особенность деревянного собора, построенного в 1967 г., 12 голубых луковичных глав; в интерьере много красочных росписей, икон и предметов культа.

Илл. 1. Вид Ново-Архангельска. 1837 г.

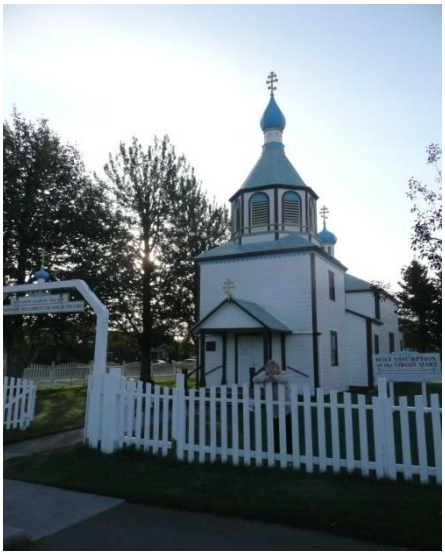
Илл. 2. Охотничья кладовка - «захоронка» на перекрестке дорог. Фото автора, 2009.

Илл. 3. Вид крепости Росс. Литография 1828 г.

Илл. 4. Собор Воскресения Христова в г. Кадьяк, 1973. Фото автора, 2009 г.

Илл. 5. Успенская церковь в г. Кенай,. 1895-1896, колокольня – 1900 г. Фото автора. 2009 г.

Илл. 6. Вознесенский собор на острове Уналашка. 1824 г, 1896 г.

Илл. 7. Иконостас Вознесенского собора на Уналашке. Фото нач. XX в.

Илл. 8. Собор Св. Михаила Архангела в Ситке (Ново-Архангельске) (1834 г.) до пожара 1966 г. Фото нач. XX в.

Илл. 9. Вид воссозданного в 1976 г. Михаило-Архангельского собора в г. Ситка.

Илл. 10. Церковь Преображения Господня в деревне Нинильчик. 1901 г.
Фото автора, 2009 г.

А.В. Пахнин (г. Тотьма)

Мультимедиа-ресурсы Тотемского музейного объединения как средство популяризации наследия "Русской Америки"

Игра как средство познания

Мы живём во время, когда практически каждый человек не представляет себя без каких-либо технических средств, которые делают его жизнь ярче, удобней и интересней. Многие люди, в особенности молодое поколение, для получения той или иной информации зачастую пользуются интернет ресурсами, приложениями и гаджетами. Обратим внимание на мультимедиа-ресурсы, применение которых разнообразно в интерактивных программах музея и увеличивает поток детского контингента в их пространство, а также позволяет усвоить наиболее трудные и малоизученные темы.

Классические экскурсии в музеях несут в себе большой поток полезной научной информации по определённой тематике, но далеко не все посетители внимательно слушают то, что им рассказывает экскурсовод. Это, конечно, зависит от темы экскурсии, знаний экскурсовода и умения заинтересовать слушателя грамотной подачей материала. Однако есть причины, которые зависят не столько от профессионализма экскурсовода, сколько от типа восприятия человека. И если одни воспринимает информацию лучше аудиально, другим необходимы зрительные образы, третьим необходимо всё пропустить через себя, четвёртым обязательно нужно поучаствовать в процессе изучения.

Игровые программы, несущие в себе познавательную информацию, охватывают наибольший контингент посетителей, так как в ходе игровой деятельности задействовано максимальное количество органов восприятия. Это и визуальные образы, и информация, которая усваивается в ходе прослушивания экскурсии, и поиск информации в залах музея, за счёт которой происходит наилучшее усвоение материала.

Главным преимуществом интерактивных методов перед обычной лекцией или экскурсией, безусловно, является наличие обратной связи между лектором и аудиторией. Конечно, опытный экскурсовод или лектор имеют обратную связь с аудиторией на уровне интуиции, но и в этом случае она пассивная. При появлении же активной, двусторонней обратной связи возникает возможность модифицировать подачу материала, как бы «настроить» её именно под данную группу посетителей. Возможность несколько видоизменить подачу материала, а иногда видоизменить само содержание экскурсии, исходя из вопросов и интересов слушателей доступно квалифицированным экскурсоводам, хорошо владеющим тематикой в целом.

Ещё у Ф. Оппенгеймера в идеях развития детского музея говорилось: «Объяснение науки и техники без реквизита напоминает попытку обучения плаванию без допуска ученика к воде»[1].

Возможной опасностью, как замечал тот же Ф. Оппенгеймер, «может быть механическое смешение старых, традиционных форм подачи музейных экспонатов и интерактивных новоделов. Такого рода эклектика раздражает посетителей со стажем и портит вкус молодёжи».

Однако, рациональное сочетание традиционных и интерактивных форм подачи материала, позволяет привлечь новых посетителей в музей, пробудить интерес к самому музею и подготовить, по сути дела, воспитать людей с развитым вкусом восприятия музейных экспозиций.

Несмотря на определённые недостатки таких методов, положительного в них всё-таки намного больше. В частности, преимуществом интерактивных игр в музеях перед классическими экскурсиями является то, что:

1. Слушатели являются постоянными соучастниками всего образовательного процесса, что значительно увеличивает долю слушателей, настроенных на восприятие информации.

2. При интерактивном способе подачи информации слушатели получают возможность продемонстрировать свою эрудицию и сообразительность, а это повышает привлекательность всего происходящего и включает соревновательный момент.

3. Знания, которые слушатели получают в ходе предварительной экскурсии,применяются на практике, тогда повторение является не скучной вещью, а элементом зрелищного

[1] Оппенгеймер. Ф. Целесообразность научного музея //http://www.t-z-n.ru/archives/opengeimer.pdf

аттракциона. С точки зрения психологии, применение интерактивных методов помогает восприятию человека.

Необходимость популяризации Русской Америки

Теперь разберёмся в том, для чего необходимо популяризировать историю Русской Америки. Во-первых, эта тема довольно ясно несёт в себе патриотическую направленность, активно внедряемую в настоящее время в обществе. Во-вторых,тема является одной из малоизучаемых в школах, что является незаслуженным пробелом в образовании.

В 8 классе школьной программой предусмотрено изучение истории России конца XVIII и XIX века, где рассматривается внешняя и внутренняя политика **Александра I.** Отдельно рассматриваются Отечественная война 1812 года, Русско-Турецкая и Крымская войны. Анализируются их причины и последствия. Культуре и научным достижениям того времени посвящено несколько учебных занятий. Следом изучаются **эпоха правления Александра II** и его великие реформы, которые были направлены, в основном, на становление в России демократического государства. Заканчивается этот этап Российской истории эпохой правления Александра III[1].

В некоторых вариантах школьной программы есть занятия, посвящённые изучению русских первооткрывателей и путешественников, кругосветной экспедиции И.Ф. Крузенштерна и Ю.Ф. Лисянского, открытию Антарктиды Ф.Ф. Беллинсгаузеном и М.П. Лазаревым. Но уроков по изучению становления Русской Америки (Аляски) незаслуженно мало или нет вовсе. Не удивительно, что современные дети этой темы практически не знают и не понимают, хотя деятельность Российско-Американской компании была многогранной и полезной для России XIX века. Мало того, её флаг стал символом современной Российской Федерации.

Важными положительными результатами деятельности русских на Аляске и всем Тихоокеанском севере стали многочисленные географические открытия и другие научные достижения, включая этнографические исследования, организация школьного образования, основание первых больниц, библиотек, не говоря уже о строительстве судов, развитии различных ремёсел и т.д.

Именно русские моряки смогли детально изучить побережье Аляски и другие районы Тихоокеанского севера, включая российский Дальний Восток, Сахалин и Курильские острова. Важный вклад в развитие географических знаний внесли и сухопутные экспедиции Российско-Американской компании.

Важная заслуга русских на Аляске связана с миссионерской деятельностью православной церкви, которая с самого начала стала защитницей местного населения[2].

Тема Русской Америки в современном обществе, мягко говоря, не популярна, не смотря на то, что она активно изучается исследователями, как в России, так и на Американском континенте. Как показывает личный опыт общения с туристами, старшее поколение имеет крайне расплывчатое представления о том, что такое Русская Америка. Гости Тотьмы спрашивают, какова была роль США в Российско-Американской компании, знают, кем является Николай Резанов и знакомы с названиями «Юнона» и «Авось», но не могут вспомнить век, в котором происходили эти события; знают, что России принадлежала Аляска, но уверены, что её «Екатерина II отдала в аренду США».

Молодое поколение, к большому сожалению, даже об этих фактах практически ничего не знает. Отсюда делаем вывод, что исследуемая тема требует существенного внимания для популяризации.

Опыт Тотемского музейного объединения в проведении мультиедийных интерактивных игр

Одной из задач Тотемского музейного объединения, в частности, Музея мореходов и Дома-музея И.А. Кускова, является популяризация наследия «Русской Америки». Задача осуществляется как за счёт классических обзорных экскурсий по музеям, так и с помощью интерактивных программ с использованием мультимедиа-ресурсов.

[1] Баранов П.А. Школьная программа. История России в таблицах и схемах. 6-11 класс. Справочные материалы. М.: «Астрель», 2011.

[2] Болховитинов Н.Н. К 200-летию Российско-Американской компании // http://rusamerica.org/?page_id=51.

К мультимедиа-ресурсам, которыми пользуется Тотемское музейное объединение, мы относим ноутбук с оформленной на нём игрой, проектор и экран для демонстрации видео во время игры, и компьютерные колонки для звукового оформления игры.

Программы Тотемского музейного объединения пользуются наибольшим спросом среди экскурсионных групп. Они позволяют в доступной форме донести даже самые трудные для восприятия материалы до экскурсантов.

Перед проведением игр участникам объясняется необходимость усвоения экскурсионной информации, например: «Для того, чтобы отправиться в экспедицию, необходимо пройти курс обучения; чем больше вы сможете запомнить, тем ближе будете к победе во время игры, без знаний победить невозможно». Далее проводится сокращённая экскурсия по экспозиции музея, и, как показала практика, после настроя на игру участники внимательно слушают экскурсовода, стараются запоминать как можно больше, либо делают записи.

Целью участников становится запоминание наибольшего количества информации для того, чтобы победить в игре. А здесь уже работает наша скрытая цель – дать максимальное количество информации посетителям.

Для начала познакомим с игрой, которая на основе мультимедийной программы раскрывает наиболее подробно деятельность Ивана Кускова в Русской Америке – «Из Тотьмы в Калифорнию».

Цель игры для участников – пройти путь из Тотьмы в Форт Росс, по пути посещая города, в которых им задаются вопросы, на которые необходимо дать правильный ответ. Время на каждый вопрос не более 40 секунд. Путь этот и точки с изображением городов демонстрируется на экране.

Участнику, ответившему верно на вопрос, 1 жетон под названием – калан. (Каланы – это морские выдры, которых добывали на Аляске русские промысловики).

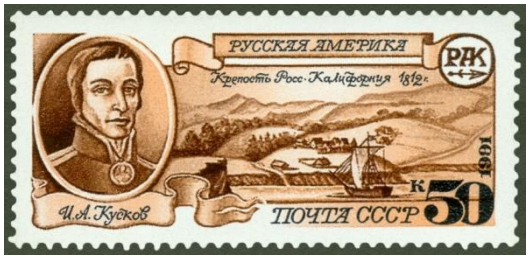

Игра проходит в 3 тура, в каждом из которых по 10 вопросов, по тематике музея И.А. Кускова. Первый тур – Россия, второй тур – Алеутские острова, третий тур – Северная Америка.

В каждом туре определяется победитель, набравший большее количество каланов. Он получает путёвку в финал и в следующих отборочных турах уже не участвует.

Победители всех трёх туров встречаются в суперфинале, где им задаётся 10 вопросов, не включённых в экскурсию, то есть необходимы их личные знания, логика и интуиция.

За правильные ответы им выдаются марки с изображением И.А. Кускова. Побеждает тот участник, который наберёт большее количество марок в финале.

Интерактивная игра затрагивает наиболее трудную для восприятия тему, однако, как показала практика, знания учащихся тотемских школ относительно деятельности И.А. Кускова в Российско-Американской компании значительно обогатились.

За первое полугодие 2016 года игра была проведена 17 раз.

ТОТЬМА
В каком году был открыт
Дом-музей И.А. Кускова?

1 ТУР: РОССИЯ
ВЕЛИКИЙ УСТЮГ
ТОТЬМА
ПЕРМЬ
ЕКАТЕРИНБУРГ
ОМСК
ТОМСК
КРАСНОЯРСК
ИРКУТСК
ЯКУТСК
ОХОТСК

ФОРТ РОСС
Дата основания
Форта Росс?
11 сентября
1812 года

Мультимедийная интерактивная игра «Соль земли».

Второй игрой, которая также пользуется интересом у посетителей, является «Соль земли», знакомящая посетителей с историей Тотемского солеварения.

Участники делятся на 2-3 команды и выбирают капитанов (купцов).

Участникам рассказывается легенда, объясняющая цель игры.

В стародавние времена, когда по дорогам ходили обозы, товаром груженые, и соль стоила так дорого, что за один пуд можно было купить избу добротную с утварью всевозможною, жил-поживал купец-молодец.

И искал купец ответ на вопрос: «В чём соль земли заключается?». За ответом сим прибыл он на землю Тотемскую, ибо славились тотьмичи своей солью на всю Россию-матушку.

И спросил мастеров он тотемских, и сказали они купцу иноземному, что есть ответ на его вопрос, только хранится тот ответ в древнем сундуке на 5 замках заколдованных. Коли справится с заданиями сложными, да загадками запутанными, то откроется ему тайна великая, а нет, так и уйдёт он восвояси не солоно хлебавши…

Не под силу одному купцу разгадать тайны старинные сундука пятизамкового, но велико желание, и подумал он просить помощи у людей честных, купцов товарищей и прочих помощников…

Таким образом, перед участниками ставится цель – помочь купцу открыть сундук и узнать в чём «соль земли» заключается. Чтоб его открыть нужно 5 ключей, за каждый из которых нужно выполнять различные задания.

За каждый добытый ключ команде, которая лучше справится с заданием, купец выдаёт мешочки с солью. В конце игры по количеству добытых мешочков определяется команда-победитель, добывшая наибольшее количество ключей для сундука.

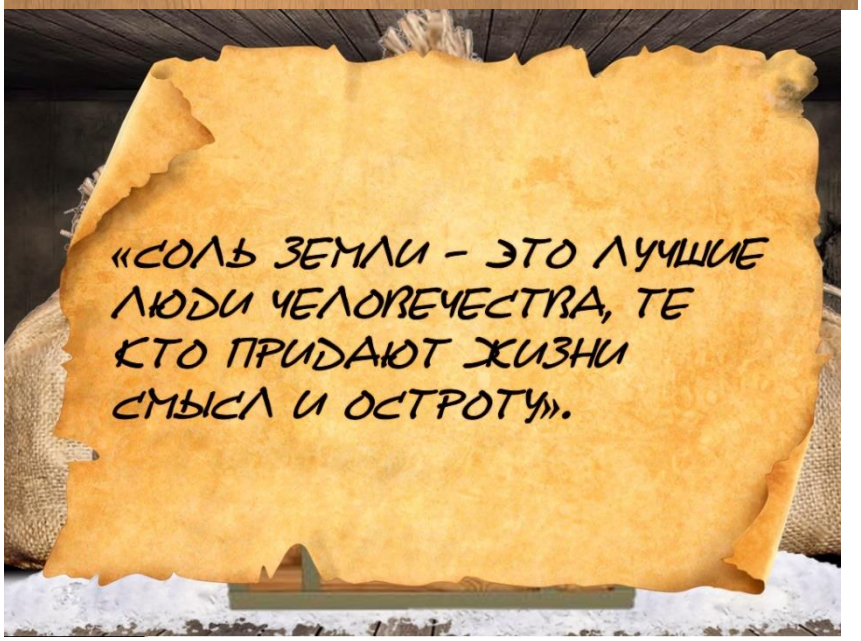

РАСПОЛОЖИТЕ В ПРАВИЛЬНОЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОСТИ ЭТАПЫ ПРОИЗВОДСТВА СОЛИ НА «ЧЕРНОЙ» ВАРНИЦЕ.

Црен	Деревянные желоба	Рассолоподъёмная труба
Бадья	Амбар	Полати

Время:

За 5 месяцев игра была проведена свыше 30 раз и получила быструю популярность, как среди школьников, так и среди туристических групп.

Мультимедийная интерактивная игра «Экспедиция к Алеутским островам».

Она является наиболее популярной в Тотемском музейном объединении. За 1,5 года проводилась более 100 раз. Перед началом игры, участники слушают краткую экскурсию по Музею мореходов, в ходе которой им выдаётся та информация, которая будет необходима для ответов в игре. После экскурсии участники делятся на 2 команды, и придумывают названия своим кораблям, на которых они отправятся в экспедицию. Кроме того, в каждой команде выбираются «Мореходы» (по сути, капитаны команд) – это те люди, которые будут отвечать за всю команду, то есть принимать окончательный ответ.

В помощники «Мореходам» выбираются «Передовщики» – те люди, которые будут выбирать вопросы в секторах. Перед участниками на экране открывается игровое поле, разбитое на сектора. Вверху поля расположены цифры от 1 до 8, слева от него буквы а,б,в,г,д

(по аналогии с игрой «Морской бой»).

Команды ходят по очереди. Передовщики команд называют ведущему координаты выстрела.

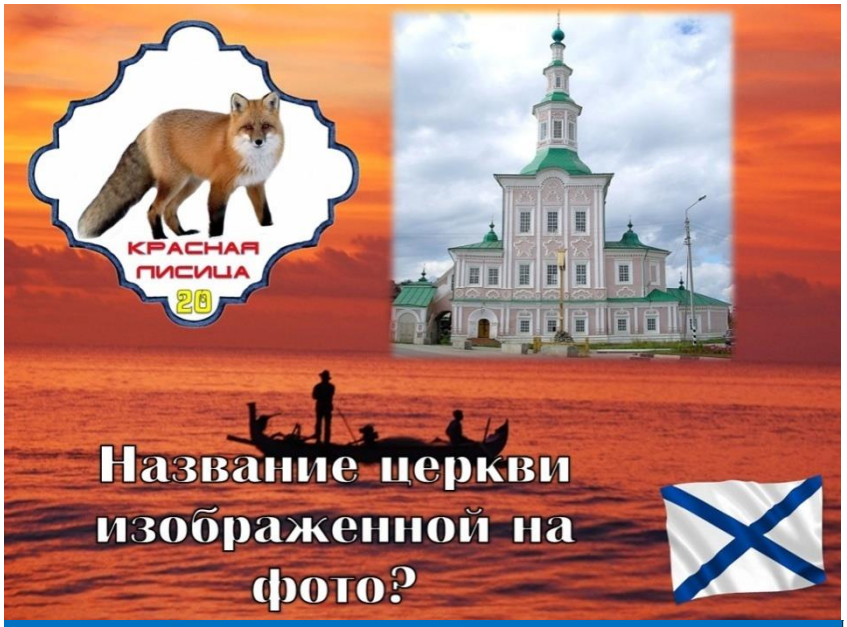
При выборе координат, участникам задаётся вопрос, который находится в данной клетке. Если ответ верен, очки в клетке зачисляются, если ответ неверен или команда не отвечает в отведённое время (30 сек.), очки ей не начисляются. Другая команда не вправе отвечать на вопрос соперника.

Помимо вопросов, имеются сектора с бонусами «Форт Росс», «Чёрная лиса», «Корова Стеллера», которые прибавляют очки, а так же анти-бонусы «Кораблекрушение», «Шторм», «Ясак», при которых очки теряются.

Разрешается пользоваться подсказками музея, то есть искать ответы в залах.

Дважды одни и те же координаты выбрать нельзя, так как они отмечаются красным крестом.

Побеждает команда, набравшая наибольшее количество баллов, когда все вопросы будут сыграны и игровое поле полностью будет закрыто красными крестами.

Всего за 2015-2016 гг. в Тотемском музейном объединении интерактивные игры проводились более 150 раз. Их посетили свыше 2000 человек, что не только украсило статистику турпотока, но и значительно расширило познания участников этих мероприятий в трудных

темах, позволило заинтересовать школьников музейной деятельностью и сопутствовало расширению их кругозора.

Создание интерактивной игры в музее

При создании мультимедийной интерактивной игры в музейном пространстве необходимо следовать определённым этапам подготовки:

1. Экскурсия. Знание классической экскурсии и уверенное владение материалом поможет не только в подготовке материала игры, но и в дальнейшем её проведении при возникновении дополнительных вопросов со стороны играющих.

2. Идея игры. Один из основных этапов в подготовке, который включает в себя создание правил, описание хода ведения игры и основные особенности.

3. Соответствие темы экспозиции музея. Тема игры должна соответствовать экспозиции музея, для того, чтобы участники полностью погрузились в соответствующую атмосферу, которая помогала бы усвоению материала, а не отвлекала от него.

4. Вопросы. Составление вопросов, соответствующих заявленной теме, которые можно брать как из текста экскурсии, так и из экспозиции музея. Вопросы должны быть составлены в соответствии с предполагаемым контингентом будущих игр.

5. Оформление. Один из самых трудоёмких и основных этапов, который зависит от навыков владения определёнными компьютерными программами, например, такими как PowerPoint. В данной программе оформляется сама игра при помощи переходов, наложения анимации, звука и гиперссылок. А во время игры используется проектор, экран и компьютерные колонки.

6. Реквизит. Оформление и подготовка дополнительных наглядно-практических материалов, необходимых для проведения игры, таких как жетоны, карточки с вопросами, и другие.

7. Пробная игра. Для того, чтоб игра была наиболее отточенной и откорректированной, её необходимо опробовать на компетентных людях, которые смогут внести определённые коррективы, высказать недочёты и дополнить игру новыми идеями.

8.Реклама. Реклама – двигатель торговли, а игра в некотором роде является продуктом, который необходимо предложить посетителям музея. Для этого игру нужно продемонстрировать в «лучшем свете».

В дальнейшем при проведении игр мультимедийных также вносятся определённые корректировки, которые помогают отточить навыки проведения игры до наиболее удобного формата, убрать лишнее и внести недостающие элементы. Используя мультимедиа-ресурсы в музейной деятельности, мы не только привлекаем новых посетителей в музейное пространство, но и восполняем пробелы в обучении подрастающего поколения, в том числе в знаниях о Русской Америке.

Удачный опыт Тотемского музейного объединения в подготовке и проведении интерактивных интеллектуальных программ на основе медиаресурсов позволяет сделать вывод о том, что такой метод работы с молодым поколением является современным и наиболее продуктивным. Надеемся, что в дальнейшем интерактивные программы будут охватывать ещё более трудные и малоизученные темы для наиболее доступного просвещения всех категорий населения.

Л.П. Грот (Швеция)

Идея финно-угорского субстрата в Восточной Европе и шведский политический миф XVII-XVIII вв.

Сейчас накоплено достаточно данных, которые позволяют вести отсчет древнерусской истории от периода расселения носителей индоевропейских языков (далее ИЕ) на Русской равнине, т.е. от рубежа III-II тыс. до н.э.[1] Но как известно, русскую историю начинают с V – VI вв., т.е. с того времени, когда по убеждению современной науки, славянские племена стали расселяться в Восточной Европе. Согласно этим, укоренившимся представлениям, русские появились в Восточной Европе позднее других народов и подчинили живших там финнов и балтов, в среде которых якобы и происходило расселение восточнославянских племен.

Занимаясь исследованиями в области западноевропейских исторических утопий, я обнаружила, что представления о финно-угорском субстрате в Восточной Европе (ответвлением которых являются и умозрительные балты) восходят к ненаучному источнику, а именно к шведскому политическому мифу XVII – XVIII вв., укоренившемуся в российской исторической науке, начиная с XVIII в., в русле активно осваивавшихся тогда российским обществом различных течений западноевропейской общественной мысли. Краткая история названного шведского политического мифа такова.

В XVII – XVIII вв. в шведской историографии стало развиваться особое направление, принявшее форму грубого фантазирования на исторические темы с созданием величественных картин выдуманной истории Швеции в древности. Содержанием этих картин стали рассказы о вымышленных древних предках шведов: о шведо-готах, о шведо-гипербореях и о шведо-варягах.

Направление это получило интенсивное развитие в период, связанный с событиями Смутного времени в Русском государстве и расцвело в период после Столбовского договора. По Столбовскому договору 1617 г., зафиксировавшему прекращение военных действий между Швецией и Русским государством, Швеция смогла удержать часть оккупированных ею русских земель. Но вскоре выяснилось, что захватить чужие земли при благоприятных обстоятельствах было проще, чем организовать там функционирующую систему управления, в частности, решить религиозный вопрос.

Шведская корона нуждалась в завоеванных землях в верноподданническом населении, верноподданническом если не по рождению, то хотя бы по лютеранской вере. Однако по Столбовскому договору насильственное обращение в лютеранство запрещалось, поэтому вопросы управления в русских землях, в том числе и религиозный вопрос, стали решать путем постепенного вытеснения православного населения и переселения на их место финских и немецких поселенцев, т.е. методом того, что сейчас называется этнической зачисткой.

Для идеологического обслуживания этих задач и прибегли к созданию выдуманной древней истории Швеции в восточноевропейских землях. При поддержке государства стала создаваться новейшая версия истории Восточной Европы в древности, из которой русские изгонялись, а древнейшая цивилизаторская роль отводилась предкам шведских королей. Для этого привлекли ни много ни мало, даже древнегреческие мифы о гипербореях, которые объявили источниками по древнешведской истории, а гипербореев – прямыми предками шведских королей. В обстановке после Столбовского мира шведский политический миф о древних корнях шведского владычества в Восточной Европе стал активно развиваться, причем по двум направлениям:

1. создавались различные произведения, в которых представлялась цивилизаторская роль предков шведских королей в Восточной Европе чуть не с гиперборейских времен;

2. вскоре их дополнило второе направление: о финнах, как древних насельниках в Восточной Европе, которые подчинялись шведским королям и платили им дань, а также о славянах, т.е. русских, которые были самыми поздними пришельцами в Восточную Европу.

[1] Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М., 1988. С. 8-10; История Древнего Востока. М., 1989. С. 382-386; Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 2004. С.40-55.

Появление второго направления было вызвано необходимостью ужесточения политики обращения православного населения Ижорской и Водской земель в лютеранство, для чего требовалось, в обход условий Столбовского договора, найти «законные» обоснования. К середине XVII в. в завоеванных землях была пущена в ход так называемая политика сегрегации, т.е. политика противопоставления якобы неистинных православных води и ижоры русским как единственно истинным православным. На этом основании в документах шведской администрации стала проводиться мысль о том, что обращение води и ижоры в православие произошло вроде бы совсем недавно, а так по своему происхождению ижора и водь – финны, значит они ближе к западногерманским традициям, чем к русским. Используя традицию манипулирования историческим прошлым, стали постепенно в официальных документах подбрасывать рассуждения о том, что ижора и водь должны быть остатками древних финских племен, которые в некие древние времена переселились в Ингерманландию откуда-то с севера, поэтому должны считаться коренными народами в «западногерманской» Ингерманландии и лютеранами априорно. Значит, обращение ижоры и води в лютеранство – это не нарушение условий Столбовского договора, а своего рода восстановление исторической справедливости и возвращение «западногерманских» финнов к их подлинным корням.

Неправое дело особенно нуждается в идеологизации, поэтому для данной политики было подключено историческое мифотворчество на самом высоком университетском уровне.

С 1670 г. шведский писатель и профессор медицины Олоф Рудбек (1630 - 1702) начал работать над многотомным трудом под названием «Атлантида», где он собрал все предшествовавшие фантазии о великой древней истории предков шведов. Но внес Рудбек и собственный оригинальный вклад, «упорядочив» по-своему этническую картину в Восточной Европе в древности. Так, Рудбек объявил, что предки шведов гиперборейские скифы покорили финнов, которые населяли Европу до реки Дона, а потом захватили и остальную Европу до Меотийского болота. О русских же или славянах Рудбек написал, что они жили где-то намного южнее.Таким образом, населив Восточную Европу вплоть до Дона финнами, Рудбек и ввел впервые идею финно-угорского субстрата в Восточной Европе.

Все аргументы Рудбека были взяты из воздуха, однако это являлось обычной манерой того времени: XVI – XVIII вв. были эпохой создания вымышленных историй не только для Швеции, но и для других североевропейских стран при поддержке государств. Со временем большинство фантазий Рудбека на исторические темы было отнесено к курьезам, но его этнической картине Восточной Европы в древности была суждена другая судьба. Современный шведский исследователь готицизма и рудбекианизма Юсеф Свеннунг охарактеризовал «Атлантиду» как произведение, где шовинистические причуды фантазии были доведены до полного абсурда. Но в XVII в. «Атлантида» Рудбека воспринималась образованными шведами как историческая истина в последней инстанции: Рудбека зубрили во всех учебных заведениях еще и в течение XVIII в., включая и учебные заведения Финляндии, которая была частью Шведского королевства. А для шведской администрации, проводившей политику сегрегации в Ижорской и Водской землях, «Атлантида» функционировала как «научное» обоснование политики сегрегации: дескать, вот и ученый авторитет Рудбек пишет, что финны жили на севере и в центре Восточной Европы задолго до русских и починялись шведским королям[1].

Так шло развитие двух направлений шведского политического мифа до начала Северной войны. После ее окончания внешнеполитическая ситуация для Швеции изменилась. По Ништадскому миру Швеция потеряла завоеванные ранее русские земли. Понятно, что при менталитете, воспитанном на рудбекианизме, ни шведское общество, ни шведские политики не могли с этим смириться. В середине и второй половине XVIII в. Швеция дважды нападала на Россию: в 1741 г. и в 1790 г. с целью вернуть прежние завоевания. Готовясь к военным действиям против России, шведские власти интенсивно развивали и сюжеты политического мифа, якобы «обосновывавшего» права Швеции на восточноевропейские земли, среди которых важное место занимал сюжет о финнах как первых насельниках в Восточной Европе, подчинявшихся шведским конунгам. Почему? Да потому, что в преддверии военных действий требуется обработка общественного мнения как внутри страны, так и на европейском континенте: мы, дескать, только свое родное стараемся вернуть, поэтому имеем право нападать.

[1] Nordin J. Ett fattig men fritt folk.Stokholm / Stehag, 2000. 527 s. S. 77

Важным «вкладом» по развитию рудбековской идеи финно-угорского субстрата стала диссертация, защищенная в 1734 г. Альготом Скари́ном. Скари́н был первым западноевропейским историком, обратившимся к русским источникам. Он воспользовался каким-то переводом Повести Временных Лет (далее ПВЛ) и в известной фразе «Имаху дань варязи изъ заморья на чуди и насловѣнех...» к слову чудь приписал такое пояснение: «Ziudi, под которыми имелись в виду Fenni, Estones..», т.е. финны и эстонцы[1]. Никакого подобного комментария в ПВЛ, как известно, нет. Летописец не связывает чудь ни с финнами, ни с эстонцами. Но шведскому историку было важно сфальсифицировать ПВЛ для западноевропейских читателей, подбросив мысль о том, что вот, не только шведский Рудбек знал о финнах и эстонцах, как древних насельниках, но и русские летописцы об этом помнили. Так родилась идея о чуди как эстонских племенах, принятая в современной науке.

Но русская история «обязана» Альготу Скари́ну и введением V в. как начала расселения славян в Восточной Европе. В указанной диссертации Скарин стал делить историю России на период «до расселения славян» и «после расселения славян». По мысли Скари́на, Россия, бывшая одной из областей империи Одина, до расселения славян была населена гуннами, которые входили в Шведский рейх. Но в V в. гунны, сообщает Скари́н, покинули эти места, и в опустевших областях стали распространяться славяне и венды, «ищя нового места жительства».

С представителями шведских академических и университетских кругов состоял в переписке Г.З. Байер. Ему пересылали из Швеции книги и диссертации. В небольшой по объёму статье «О варягах», вышедшей в 1735 г., Байер использовал около десятка шведских авторов, не пропустив и подброшенный Скари́ном фальсификат о том, что «...чуды или чудь были естландцы и финландцы..»[2].

Когда в начале XIX в. Финляндия из Шведского королевства перешла в Российскую империю, то «ученость» Рудбека, Скари́на и других шведских сочинителей стала вливаться в российское общество трудами финских филологов, таких как М.Шёгрен, М.А. Кастрен (1813–1853), Д. Европеус (1820–1884) и др. Это были талантливые подвижники науки, но образование они получали в шведских учебных заведениях и историю учили «по Рудбеку», фантазии которого были развиты в псевдонаучных шведских диссертациях XVIII в.

Из этих «источников» и почерпнули они свои представления о финнах, как насельниках в Восточной Европе, давших, в частности, северу и центру Восточной Европы первое, в языковом отношении верифицируемое, население. Этими учеными была проделана гигантская работа по подгонке индоевропейской топонимики Севера и Северо-Запада Восточной Европы под финно-угорские этимологии, в силу чего шведский рудбекианизм был законсервирован в российской науке[3].

В начале XIX в. в российском обществе идеи финских филологов воспринимались как отражение передовых западных взглядов в исторической науке и пришлись под стать взглядам оппозиционных, так называемых, прогрессивно-демократических кругов российского общества.

Сейчас благодаря результатам филогенетических исследований мы знаем, что предки и балтских, и финно-угорских народов пришли в Европу как представители одной гаплогруппы N1c1 (в гаплогруппу выделяется группа людей, мужская линия которой восходит к одному предку, у которого насчитывается минимум 100 миллионов потомков) с корнями в Южной Сибири. Пришли они как два разных потока и в разные времена. Первый поток N1c1 пришел в Восточную Европу около 2500 – 2000 лет тому назад. Его представители восприняли в Европе ИЕ язык и стали предками нынешних балтских народов. А второй поток дошел до севера Восточной Европы 2000 – 1500 лет тому назад, т.е. в первые века н.э. и сохранил финно-угорские языки как ветвь уральской языковой семьи. Соответственно, оба миграционных потока представителей гаплогруппы N1c1 пришли в Восточную Европу, уже освоенную ее

[1] Scarin Algot. De originibus priscae gentis varegorum. Diss. Aboae, 1734. S. 56.
[2] Байер Г.З. Оварягах // ФоминВ.В. Ломоносов. Гений русской истории. М., 2006. 463 с. С.358.
[3] Sjögren M. «Ueber die ältern Wohnsitze der Jemen. Ein Beitrag zur Geschichte der. Tshudischen Völker in Russland»; «Wann und wie wurden Sawolotschje und die Sawolokschen Tschuden Russisch? Ein kritischer Versuch zur Aufklärung der Geschichte des Russischen Nordens» // «Mémoires de l'Acad. imp. des sc. de St.-Pétersburg.», 1832, VI-ясерия, т. I. S. 263-346; 461-526; Кастрен М.А. Путешествие Александра Кастренапо Лапландии, Северной Россиии Сибири (1838-1844, 1845-1849). М., 1860; Европеус Д.К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян // ЖМНП, 1868. С. 56-60.

насельниками – носителями ИЕ, давшими свои названия гидронимам и другим географическим феноменам[1].

Эти данные точно соотносятся с выводами моих исторических исследований, к которым относится и концепция о древних русах и ариях как первых насельниках в Восточной Европе. В ходе этих исследований я выявила, в частности, что летописная чудь была изначально этнообразованием, выделившимся из среды словено-русов в бытность беженцев словенских «на Дунаве» и в основу своего нового названия положившим древнерусское слово чудин – великан, что являлось иносказательным прозванием великого божества древних русов Велеса/Волоса.

Но с чудью связан и другой важный вопрос, а именно вопрос о генезисе российской полиэтничности, поскольку у некоторых финских народов, например, у зюздинских и язвикских коми-пермяков предания о чуди обнаруживали связь и с собственным культом предков[2].

Объяснение этой традиции находим в этнографических материалах с описаниями того, как происходило переселение этноса или его части на новое место. В этнографии этот процесс включал в себя и ритуалы сакрального освоения нового места жительства, которые являлись важнейшей частью процесса существования любого социума в эпоху мифопоэтического сознания. Эти ритуалы были связаны с тем, что пришельцы должны были налаживать отношения не только с населением, которое они встречали на своем пути, но и унаследовать культы поклонения их предкам, чтобы обеспечить благополучное существование своего социума на новом месте. В ритуалах сакрального освоения нового пространства исследователи видят отражение «идеологической» деятельности первобытной общины любого догосударственного уровня в ходе её пространственного перемещения[3].

Приведенные результаты этнографических исследований позволяют понять, как происходили миграции различных финно-угорских народов с их сибирской прародины в Восточную Европу. Переселяясь в Восточную Европу, мигранты должны были для обеспечения благополучного существования своего социума приобщиться к уже существовавшим там культам поклонения предкам. Подобный процесс мог осуществляться в различной форме, но результат, как можно наблюдать, выражался в том, что если пришлое население сохраняло свой язык, то сакральные ценности воспринимало от насельников страны. Именно в силу подобного функционирования мифопоэтического сознания в эпосе «Калевала» отчетливо прослеживаются культурногенетические традиции носителей ИЕ, включая и древнерусские традиции.

Например, в 40-ой руне рассказывается о том, как Вяйнямёйнен убивает гигантскую щуку, которая перегораживала путь челну, и, распластав ее тело, делает кантеле из её челюстей, и никто не мог играть на этом кантеле, кроме мастера, их создавшего. Весь этот метафорический ряд заимствован из индоевропейского космогонического мифа. Образ кантеле из челюстей щуки – переосмысление образа брахманов из «Ригведы», сотворенных из уст Первосущества, поскольку брахманы – гимнопевцы. Т.е. этот образ заимствован из ведического космогонического мифа о сотворении Вселенной из частей сакрализованного расчлененного тела – тела Первочеловека / Первобожества, но он соответствует и древнейшему мифу из русской «Голубиной книги» о происхождении Вселенной из разных частей тела Первобожества[4].

Но волшебная щука – образ, рожденный именно древнерусской традицией (правда, и древнейшее арийское божество Брахма представлялось выходящим из воды и в образе рыбы). Щука – одно из зооморфных перевоплощений былинного князя-оборотня Вольги Святославовича, принимавшего образ рыбы-щуки как одного из способов постижения мудрости (Былина «Вольга и Микула»). Кроме того, щука – участник древнерусских заговоров: «Щука-белуга подходила, ключ подхватила; в морскую глубину ушла и ключ унесла», т.е. щука в древнерусской традиции – это зооморфное воплощение магической силы, обеспечивавшей действенность заговора. Имя Вольги является одним из вариантов древнерусского теонима Волоса/Велеса – могущественного божества древних русов, объединявшего под своей властью все три сферы: подземно-подводный, т.е. потусторонний мир, мир живой и плодоносящей природы и небесный мир божественного солнца. Именно Велесовым внуком назван эпический гусляр вещий Боян. Гусли были, по-видимому, атрибутом жрецов Волоса. Этим атрибутом

[1] Клёсов А.А. Ответы даёт ДНК-генеалогия // http://pereformat.ru/2013/02/dna-genealogy/
[2] Грот Л.П. Русь и чудь в древнерусской истории // http://pereformat.ru/2015/06/chud-2/
[3] Гиренко Н.М. Социология племени. СПб., 2004. С. 116-132.
[4] Грот Л.П. Об имени Хельги//Исторический формат, международный научный журнал; № 2, 2016. С. 233-275.

наделяется и Вяйнямёйнен. Как известно, конфессиональная сфера полиэтнична и служит к объединению разных народов через восприятие общих сакральных ценностей.

С солнцепоклонством Волоса соединяет общий маркер-символ – золото. Солнцепоклонство было «визитной карточкой» носителей ИЕ. Хорошо известно, что солнцепоклонство в Южной Сибири и Центральной Азии распространилось в ходе арийских миграций, а у аборигенного населения Центральной и Восточной Азии главным культом был культ Земли[1]. Но солнцепоклонство было известно, например, и саамам. Согласно моим исследованиям, солярные культы у саамов возникли явно под влиянием древнерусской традиции. Название древнерусского солнца вплетено в топонимы с корнем кола-, которые как солнечным лучом окаймляют гигантский ареал Евразии от Балтики и Кольского полуострова до Алтая. В русском эпосе это явно запечатлелось в названии Подсолнечное царство, т.е. царство под охраной великого Солнцебога, сакрально организованного на основе общей веры[2].

Однако глубокого анализа древней истории Русского Севера с пересмотром утвердившихся исторических стереотипов, унаследованных от Шёгрена, Кастрена, Европеуса, т.е. практически, от шведского политического мифа, и проведением сравнительного разбора сакральных традиций древнерусской и финно-угорской культур для выявления того, как шли импульсы, питавшие культурный обмен между различными этническими группами, пока не проводилось.

В науке до сих пор бытует взгляд на мирный, бесконфликтный характер славянского расселения на землях, населенных финноязычными народами. Но попытки описать это расселение как живой исторический процесс не приводят к сколько-нибудь логическому результату. С одной стороны, отмечается, что славяне проявляли полную готовность «к восприятию местных названий рек, образов духовной и элементов материальной культуры...», но с другой стороны, это расселение славян якобы сопровождалось «неуклонной тенденцией к поглощению и культурной ассимиляции финского населения...»[3].

Сразу возникает недоуменный вопрос: если славяне проявляли готовность к восприятию образов духовной культуры финского населения, то почему именно финское население подвергалось культурной ассимиляции?

Вышеприведенный пример из «Калевалы» (их можно было бы привести больше) показывает, что как раз её создатели выказали готовность к восприятию образов духовной культуры носителей ИЕ, поскольку именно мировоззренческие принципы древнерусской и ведической культуры обнаруживаются в основе карело-финского эпоса. И готовность эта, на мой взгляд, была вызвана весьма прагматическими задачами: принятием финноязычными народами дохристианского верования носителей ИЕ солнцепоклонства, идеи которого в поэтической форме и на финских языках передавались финскому населению.

То же самое можно сказать и о названиях рек и других водных феноменов Восточной Европы – их названия также восходят к носителям ИЕ, поскольку составляют не просто географическую номенклатуру, создаваемую якобы с целью приспособления ее к охотничьим и рыболовным промыслам. Имена природных феноменов также создавались в эпоху мифопоэтического мышления и отражали представления первобытного общества о своей земле как о земле своих предков, т.е. как было отмечено выше, являлись результатом «идеологической» деятельности первобытного социума. Факт того, что восточноевропейская гидронимика рассматривалась в отрыве от особенностей духовной жизни первобытного общества, иллюстрируется перипетиями с поисками значений для названия Волги. Напомню, вкратце эту историю, поскольку гидроним Волга – это не только величайшая река Восточной Европы, но и часть гидронимики Каргополья, поскольку еще в конце XIX в. среди притоков Онеги была известна река Волга[4]. Известно, что под влиянием идеи финно-угорского субстрата

[1] Батоева Д.Б., Галданова Г.Р., Николаева Д.А., Скрынникова Т.Д. Обряды в традиционной культуре бурят. М., 2002. С 158

[2] Грот Л.П. Подсолнечное царство на огромных евразийских просторах // http://pereformat.ru/2015/12/podsolnechnoe-zarstvo/

[3] Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С.25.

[4] Олонецкие губернские ведомости. 1870, № 4. С. 485-486.

название Волги прежде всего пытались разъяснять из финских языков, что вылилось в версию происхождения гидронима Волга от финно-угорского корня valg, т.е. «светлая», «белая»[1].

Но с какого-то времени российские исследователи гидронимики стали испытывать большие сложности подбирать из финских языков этимологии для многих восточноевропейских гидронимов. Однако русской истории и здесь не повезло, поскольку для исследования восточноевропейских гидронимов с индоевропейской этимологией придумали никогда не существовавший в Восточной Европе «народ» балтов, поскольку для «нефинских» гидронимов стали находить подходящую этимологию в прусском и литовском языках.

Термин «балты» – сугубо книжный термин, вошедший в науку, согласно М. Гимбутас, с 1845 г. и искусственно образованный от гидронима Балтийское море для обозначения носителей «балтских» языков, поскольку славян, то бишь русских в Восточной Европе, под воздействием рудбекианизма не мыслилось ранее второй половины первого тысячелетия.

Введение фантомных «балтов», якобы населявших Восточную Европу в древности, отразилось и на толковании названия Волги: от финской этимологии отказались и отыскали этимологию Волги из балтийских языков – от слова «валка» – небольшой ручей или ручей, текущий по болоту; небольшая речка[2]. М. Гимбутас полагала, что название реки Волги восходит к литовскому jilgas, ilgas, что означает ”длинный”, следовательно, Jilga – ”длинная река”[3].

Нет смысла подробно останавливаться на всех гипотезах, которые циркулируют вокруг названия Волга, поскольку их множественность демонстрирует только явную беспомощность современной сравнительной лингвистики в толковании восточноевропейских гидронимов, обусловленную негативным влиянием западноевропейских исторических утопий. Но вывод из приведенных примеров сделать стоит.

Эти примеры наглядно демонстрируют зависимость сравнительно-исторического языкознания от господствующей в данный момент в науке исторической концепции. Доминировала в науке идея финно-угорского субстрата вплоть «до Дона», и пожалуйста – для гидронима Волга отыскивалось финское происхождение. Появилась концепция «балтов» в Восточной Европе, и Волга, без особых сложностей, начинает рассматриваться как индоевропейское слово.

Приведенные выше примеры вариантов этимологий для Волги («белая» «ручей на болоте», «длинная») это есть результат поисков фонетических соответствий, без учета особенностей мифопоэтического мышления архаичных эпох. У носителей ИЕ в Восточной Европе (ариев и древних русов) существовал культ поклонения рекам, поэтому принципы наречения гидронимов имели свою специфику, в частности, названия рек могли совпадать с теонимами, которые наделялись силой оберега для родной земли. Вот несколько фрагментов из моих исследований относительно названия Волга.

Начать надо с того, что Волга занимает совершенно особое место в древнерусской традиции, именуясь как Волга – матушка и как Волга – русская река. В словаре Даля относительно Волги приведено выражение: Волга всем рекам мати. Из «Голубиной книги» мы знаем, что «мати» – это главный, т.е. сакрально наиболее важный природный и социальный предмет. Следовательно, в памяти русского народа образ Волги закрепился как образ наиболее священной реки, персонифицированной в образе Волги – матушки. Это наводит на мысль, что Волга для древних русов была такой же священной рекой, какой для ариев была река Сарасвати – «обладательница вод», т.е. главная священная река и богиня, персонифицирующая эту реку. Приведу несколько аргументов в подтверждение этой мысли.

Название Волги порождено культурно-языковой традицией, идущей от древних русов, в силу чего лучше и проще всего оно объясняется из русского языка. В древнерусском названии Волги корень или постоянно сохраняемая основа есть вол-/ол- (с чередованиями гласных -е/-и в корне). Это ведь, подгоняя под финно-угорскую этимологию, выделили корень волг-. Мысль о том, что корнем в гидронимах Волга и Волхов является и.-е.*el-/*ol-, подтверждается и исследованиями в области древнеевропейской гидронимики[4]. От древнерусского корня вол-/вл-

[1] Улуханов И.С. Происхождения названия Волга // Изучение географических названий. М., 1966. С.105-107.
[2] Поспелов Е.М. Школьный топонимический словарь. М., 1988. С.47
[3] Гимбутас М. Балты. М., 2004. С. 36
[4] Хенгст К. Древнеевропейские гидронимы у восточных славян // Ономастика Поволжья. Материалы VIII конференции по ономастике Поволжья. М., 2001. С.103.

рождаются слова, связанные с водной стихией (влага, волглый, волога). Следовательно, одним из первейших значений для древнерусской Волги было вместилище влаги, воды, что сближает его с именем Сарасвати – «обладательница вод» или главная Река.

К одному корню с Волгой относится теоним Волос и слова, связанные с сакрально – мистическим содержанием: волхование, т.е. чародейство с помощью воды, волхвы и волховницы как древние жрецы и жрицы. Морфологическое родство гидронимов Волга и Волхов показывают, что от одного корня с ними произошли антропонимы Волхв и Вольга, т.е. имена русских эпических богатырей и чародеев. Слова велий, т.е. великийобразовались от этого корня, также как и гиганты древнерусских преданий волоты. Но волоты/велеты – это этноним, в котором угадывается и иносказательное прозвание Волоса.

У Даля отмечено, что в вологодских говорах есть волога как жидкость, влага и как коровье масло (воложное масло), а в тульских и вологодских говорах это слово означает еще и масло, приносимое к иконе Св. Власия, однако само слово волога женского рода. Но на Русском Севере можно вычленить и имена, связанные с женским воплощением Волоса. Например, таким, явно выступает название Вологда – река и город на реке. У А.И. Соболевского отмечен такой вариант топонима как Вологода явно от русского волога[1].

Священный смысл этих гидронимов влиял, несомненно, и на лексику финно-угорских народов. Например, Вологда обнаруживает связь с вепским «белый», но белый цвет был священным и в славянской традиции, и в арийской. Например, белый был цветом «обладательницы вод» Сарасвати.

В Вологодской области есть деревня Волшницы (Волшница в Тверской губернии). Волшница, согласно современным толковым словарям, это – место, где совершались предсказания жрецом-прорицателем. Волшница-Волшницы соотносимы с Волосынями и следовательно, с культом Волоса/Велеса. Поэтому ритуалы на волшницах совершались, наверное, не жрецами, а жрицами – женскими воплощениями божества Волоса. Возможно, именно это древнерусское женское божество запечатлено в северной вышивке, где женский образ в центре выступает как фигура сосредоточения всей трёхчленной композиции.Эта композиция является постоянным сюжетом в русской северной вышивке ритуального характера[2].

Более подробно с моими исследованиями об особом значении имени Волга, включая и его необычайную распространенность в гидронимике, можно ознакомиться в монографии: Грот Л.П. Имена летописных князей и корни древнерусского института княжеской власти // Варяги и Русь / Серия «Изгнание норманнов из русской истории». Вып. 5. М., 2015. Монография передана в библиотеку Каргопольского музея.

Но и приведенные здесь примеры, представляется, в достаточной степени показывают необходимость пересмотра стереотипов, унаследованных от шведского политического мифа, частью которого является идея финно-угорского субстрата. И это важно как для восстановления начал древнерусской истории, так и для изучения проблемы генезиса российской полиэтничности.

[1] Соболевский А.И. Названия рек и озер Русского Севера. М., 1927. С.13.
[2] Грот Л.П. Древнерусские женские божества Севера // http://pereformat.ru/2013/06/zhenskie-bozhestva-severa/

А.В. Рачинский (Франция), А.В. Фёдоров (г. Москва)

Северо-русские колокольни как дохристианское наследие

Русская сакральная архитектура, имеющая огромное сходство с арийской, и в частности, с индийской, сформировалась более 4000 лет назад, на Русской равнине, до ухода части арийского населения на юг – на Индостан и на Иранское нагорье [11; 12]. Носители гаплогруппы R1a мигрировали из Балкано-Карпатского региона на территорию Русской равнины около 6000 лет назад, двумя ветвями, одну из которых можно отождествить с ариями, а вторую – с древними русами, предками современных русских. Об этом говорят данные ДНК-генеалогии, а также прямые исследования гаплогрупп останков из захоронений IV – II тыс. до Р.Х. [3]. Сейчас носители гаплогруппы R1a составляют около половины русского населения, и до 72% высших каст Индии [3]. Как показала ДНК-генеалогия, носители финно-угорских языков, или носители гаплогруппы N1c1, появились на Русском Севере лишь в первые века I тыс. по Р.Х. [4], поэтому как на их этногенез, так и культурогенез оказали большое влияние носители гаплогруппы R1a[1]. Сравнительный анализ показывает, что основные культурные навыки и религиозные представления этих народов были восприняты ими от древних русов. В частности, об этом свидетельствует сакральная (см. Приложение) и строительная [13] лексика.

Таким образом, на Русской равнине (и на Русском Севере) русо-арийская культурная традиция не прерывается уже более 4000 лет. Соответственно, имеются все основания предположить, что распространённые на Русском Севере храмовые комплексы, состоящие из одной или нескольких церквей и отдельно стоящей огромной колокольни ***(илл. 1)***, восходят к тем храмам, которые строили здесь древние русы 4000 лет назад.

Илл. 1

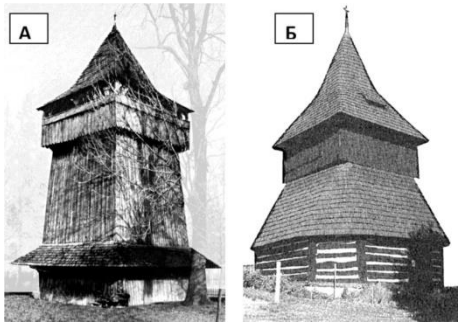
Огромные колокольни-башни этих комплексов вызывают недоумение – зачем в глухих сельских углах создавались такие громады, требовавшие немалых затрат? Не являются ли они наследием «языческих времён» в новом осмыслении?

Характерно, что в центральных районах государства, на виду церковных властей, таких колоколен не было. Здесь были распространены невысокие козла [5], изображённые на многих рисунках А. Олеария, побывавшего в Московии в XVII в. ***(илл. 2)***.

Илл. 2

Храмовые комплексы, состоящие из храма и огромной отдельно стоящей колокольни-башни, широко распространены и на древних славянских землях в районе Карпат и на прилегающей к ним территории ***(илл. 3)***, в местах которые, как и на Русском Севере, удалены от политических и религиозных центров. Население здесь, как отмечают этнографы, отличается крайним консерватизмом, приверженностью к традициям и отторжением всего нового [Головацкий (1871), Січинський (1925), Драган (1937), К. Куча, 2013].

Илл. 3

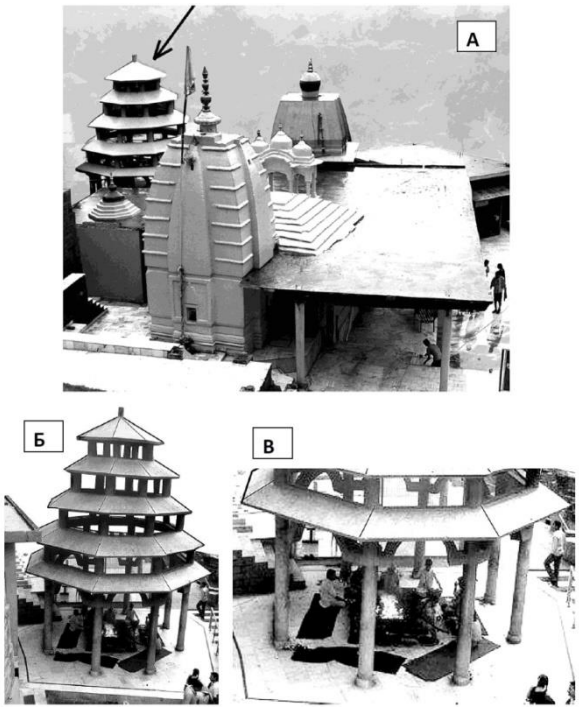
Карпатские колокольни-башни закрыты глухими стенами, и для распространения звука оставлены лишь

[1] Коми-зыряне имеют 30 – 33 % гаплогруппы R1a [Википедия, 2016, «Коми-зыряне»] и 57% N1c1 [4], в Финляндии же среди финнов, гаплогруппа R1a есть только у 6,5% населения [http://dna-academy.ru/haplomaps], а N1c1 – у 62% (в провинции 77%) [4].

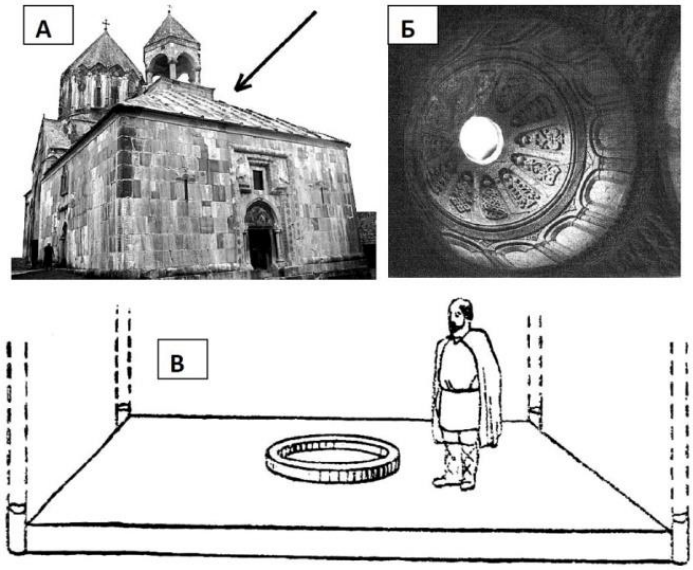
маленькие отверстия – т.е. они совершенно не функциональны как колокольни и, очевидно, служили другим целям.

На то, что огромные деревянные колокольни-башни Чехии изначально не были колокольнями, обратил внимание чешский исследователь К. Куча: «… можно предположить, что чешские колокольни возникли путём вторичного использования оборонных башен. […] Традиционный сельский консерватизм и сопротивление влиянию барочного “иезуитского” искусства привели к сохранению архитектуры деревянных колоколен (и всей готической традиции), … их развитие застыло и законсервировалось в устоявшихся формах. […] На протяжении XVII – XVIII вв. деревянные колокольни ремонтировались, перестраивались и заново строились в прежнем виде, и никаких изменений в их архитектуре не происходило» [6, с.59 – 62]. Фактов, свидетельствующих об «оборонной» функции башен нет, и быть не может, т.к. защитить деревянную, «бытовую» ограду от кого-бы то ни было нельзя. И башня и ограда имели/имеют сакральное/символическое значение (см. [12]).

Храмовые комплексы, подобные вышеописанным русским и карпатским, распространены в Индии. На ***илл. 4*** показан комплекс в Гималаях, где рядом с индуистским храмом стоит огромная башня – хаван, в котором горит священный огонь**.** Такие же комплексы были в области распространения иранской культуры. На ***илл. 5*** показан армянский гавит – аналог хавана. После принятия христианства в Армении, зороастрийские жрецы стали священниками,

Илл. 4

Илл. 5

а зороастрийские храмы стали христианскими. Гавиты, стоящие рядом с храмом или присоединённые к нему, и являются теми сооружениями, в которых до принятия христианства находился священный огонь.

Индийские и иранские хаваны имеют разнообразный вид и разные размеры (см. [11]).

Сооружения аналогичные хаванам-гавитам существовали на Русской равнине с глубокой древности, что подтверждает археология. Строителями их были носители гаплогруппы R1a.

На территории Центральной России, в Рязанской области, на поселении Логинов Хутор (поздняковская культура) было раскопано сакральное сооружение середины II тыс. до Р.Х., площадью 65,7 м^2, углублённое в материк на 75 – 80 см, имевшее почти правильную четырёхугольную форму, с очагом в центре [9]. На Шиловском поселении (II тыс. до Р.Х., абашевская культура, под Воронежем) выявлено святилище с очагом, имевшее стоявшее на столбах перекрытие. [10]. Учитывая наши природные условия, и особенности устроения указанных сакральных сооружений, можно уверенно сказать, что они имели стены.

В Центральной России, под Каширой, было обнаружено «культовое сооружение» IV в. до Р.Х. [2] с глиняным жертвенником (1,42 х 1,06 м) стоявшим под навесом ***(илл. 5)*** на возвышенном помосте (5 х 4 м), сложенном из дерева и промазанном глиной. Помост возвышается на 20 см над современным ему горизонтом почвы. У углов платформы найдены остатки столбов, которые поддерживали крышу и, учитывая наши природные условия, стены. Так как верхний слой жертвенника подвергся обжигу, на жертвеннике горел огонь. Подобные культовые сооружения с жертвенниками, во множестве существовали на территории Центральной [Городцов, 1934] и Южной России [Покровская, 1962] в скифское время. Скифы были носителями гаплогруппы R1a [Клёсов, 2016].

У удмуртов, воспринявших древнюю русо-арийскую веру, и сохранявших остатки её до середины XX века, строились деревянные сооружения (избы), в которых возжигался священный огонь, – своего рода хаваны, аналогичные описанным выше, найденным археологами. Сооружения эти именуются «**ку**а», «**кв**ал». Слово «куа» входит в фонетико-семантический ряд {к/х/г – в/у}[1] слов, имеющих семантику ***жертвоприношение*** (обычно огненное) (см. Приложение). Ср.: санскр. **hav**а [**хав**а] – подношение, жертва; жертвоприношение; огонь; **hav**ana [**хав**ана] – 1) «Принимающий жертву» (эпитет Агни); огонь, очаг или вместилище огня; предложение жертвы огню, жертвоприношение; 2) зов, призыв (божества). В этот ряд, наряду со словом «хаван» входят: «**гав**ит», и, по-видимому, русск. «овин» и «**хв**ала» (др. русск. *благодарение*, *евхаристия* [Срезневский, 1912, т.3]. Евхаристия есть благодарственная жертва Богу за живых и умерших.).

Представляется вполне вероятным, что древние хаваны русов и славян, строившиеся около храмов, после принятия Христианства продолжали возводиться подле них по традиции, а впоследствии сделались колокольнями.

Приложение. Русо-арийское наследие у финно-угров на примере удмуртской сакральной лексики.

Ниже сопоставлены основные сакральные термины удмуртов с русо-арийскими словами.

«**Куа/Куала**»[2] («**Кв**ал», «**Кв**ала» по [7]) – общеродовое святилище – сооружение в виде домика с отверстием в крыше, без окон, только с дверью, внутри находится очаг. Служит для поклонения «Воршуду» (см. ниже) – божеству рода.

Санскр. **hav**а [**хав**а] – подношение, жертва; обряд жертвоприношения; огонь; Владыка огня (Агни); **hvā** [**хва**], **hv**e [**хв**е], **hū** [**ху**] (формы: **hv**ayati [**хв**айати], **hav**āna [**хав**ана]) – звать, призывать, пробуждать (в том числе божества); **hu** [**ху**] (формы: **hav**уа [**хав**йа], **hav**anīуа [**хав**анийа]) – бросать в огонь (особ. топлёное масло); приносить жертву; прославлять кого.-л. чем.-л.; **hav**anī [**хав**ани] – углубление в земле, делаемое для разведения жертвенного огня.

Авест. **hāva**nay- [**хава**най] – относящийся к приготовлению священного напитка Хома.

Санскр. **gu** [**гу**] – издавать звуки; **ghu**ka [**гху**ка] – огонь.

Санскр. **ku** [**ку**] – звучать; **kav** [**кав**], **kav**ay [**кав**ай] – хвалить, восхвалять;; **kavуа** [**кавйа**] – мудрый; тот кто совершает жертвоприношение; **kāvуа** [**кавйа**] – мудрость; дар ясновидения; огромная сила.

Др. русск. «**хва**ла»[3] – восхваление, хвала; слава; молва; благодарение; евхаристия [Срезневский, 1912, т.3]. (Евхаристия есть благодарственная жертва Богу за живых и умерших.)

Тадж[4]. «**қав**» – трут; «**қувва**», «**қуво**» – 1) сила; мощь; энергия; «**қав**л» – слово; обещание; «**қав**м» – 1) род; племя; клан; 2) родственники, родня.

«**Воршуд**» – божество домашнего очага, хранитель рода. Считается, что «*Воршуд* происходит от двух слов: глагола «вордыны» – хранить, оберегать, держать в тайне, и существительного «шуд» – счастье» [7, с.50-51]

---

[1] Методика фонетико-семантического анализа изложена в [11]. Звуки (1) «к», «х», «г», (2) «у», «в» легко переходят друг в друга.

[2] «Вотяк [удмурт – Авт.] в прямом падеже шалаш свой называет «**куа**», а не «**куала**». Послесловие «ла» соответствует русскому предлогу «в» («куала» – в шалаш, «куа» – шалаш)» [1 с.80].

[3] Так как звуки «л» и «р» легко переходят друг в друга, ср: пехлев. **xwa**rrah [хваррах], авест. **x^{v}a**rənah- [**хва**рэнах] – фарр, слава, сияние, величие, верховная власть, счастье; авест. **hva**rə-[**хва**рэ] – «солнце сияющее».

[4] Таджикский язык является восточно-иранским.

Фонетико-семантическая группа {**вр**}, имеющая семантику *ограждение, защита, охрана* включает: др. русск. «**вор**а» (ограда), «**вар**овати, **вар**ити» (сохранять, защищать), «**варъ**» (сторожение); укр. «**вір**» (частокол); словенск. «**var**ovanje» [**вар**ованйе] (защита); польск. «**war**ownia» [**вар**овня] (крепость), «**war**ować» [**вар**овачь] (укреплять (город и т.п.)); словацк. «**var**ovat'» [**вар**овать] (оберегать, охранять, стеречь). Санскр. **var** [**вар**] (покрывать, прикрывать; скрывать, прятать; окружать, преграждать, заграждать; закрывать; др. иранск. «**вар**» (крепость, укреплённое поселение). Авест. «**var**» [**вар**] (ограждать стенами какое-то пространство), перс. «**vara**» [**вар**а] (вал, ограда, стена). Санскрит:**vār**уа [**вар**йа] (вал), «**var**na» (покров, оболочка), «**var**» (покрывать, прикрывать, окружать, отражать удар, сдерживать, останавливать); «**var**а» [**вар**а] (отпор, отражение; ограниченное, замкнутое пространство).

Фонетико-семантическая группа {**вр**} имеет также семантику ***избранность*** (частный случай ограждения), например, санскр. var [вар] имеет и такие значения: выбирать, отбирать, отдавать предпочтение к.-л.; выбирать к.-л.

«**Шуд**».

Санскр. **śudh** [**шудх**] – очищать(ся); быть очищенным (особ. в ритуальном смысле); **śūth**а**[шутх**а] – место для жертвоприношения; **śuddhi** [**шуддхи**] – очищение, святость; оберегание или защита от ч.-л; выполнение обязательств; **sūd** [**суд**] – приводить в порядок; поддерживать порядок; управлять (ср. русск. «суд»); **śodh**а [**шодх**а] – очищение; исправление; воздаяние.

Тадж. «**шод**» – весёлый, радостный; «**шодū**» – веселье, радость.

«**Керемет, кереметь**» – 1) кереметь (дух зла, злое божество), 2) священная роща; жертвенное место.

Слово «кереметь» входит в фонетико-семантический ряд славяно-арийских слов с ядром {**х/к/ш – р – м/н**}, имеющий семантику защиты, охраны, запрета, ограждения:санскр. **harm**ika [**харм**ика] (небесный алтарь), **harm**уа [**харм**йа] (дворец, крепость), йезидск. «харам» (букв. неприкосновенный, нечистый; наименование всего недозволенного); хеттск. **karimm**i [**каримм**и] (храм), русск. «**храм**», «**храм**ина», «**хором**ы», «**хран**ить» (ср. санскр. dharuṇī [д**харун**и] – хранилище, сосуд, футляр), «**кром**» (укрепление, замок), «у**кром**ить» (загородить, отделить перегородкой), «у**кром**ное место», «с**кром**ный». (Звуки (1) «х», «к», (2) «м», «н» легко переходят друг в друга.)

«**Воршуд-Йыбо**» – священный столб в куале [14, с.23] «**Йыбо/Юбо**» – столб. «**Йыбы**рттыны» – 1) поклониться; 2) просить, молить; 3) *рел*. молиться; поминать умерших.

Санскр. yūpa [юпа] – столб; (особ.) столб для привязывания жертвенного животного, жертвенный столб.

«**Мудор**» – 1) икона, образ; 2) алтарь воршуда; священная полка; священный камень, священный столбик (в куале).

Санскр. **mudr**ā [**мудр**а] – закрывающий ч.-л., запирающий ч.-л.; печать; клеймо; отпечаток, образ, символ.

Тадж. «**мадор**» – сила, мочь, «**модар**» – мать, «**модар**ū» – 1) материнский; 2) родной; «**мудр**ак» – кн. понятный, постигнутый, познанный; «**мудр**акот» – кн. познание; 2) знания.

Русск. «**мудр**ость».

«**Учог**» – очаг; диал. кострище. Ср. русск. «**очаг**», курдск. «**ощах**».

Все приведённые в книге Н.И. Шутовой [14] наименования лиц, совершающих ритуальные действия («**Вося**сь», «**Тор**о», «**Утиси**», «**Туно**», «**Ведун**», «**Ведунъёс**», «**Вегин**», «**Карт**»), имеют арийские и русские соответствия:

«**Вöсь**» – моление, жертвоприношение, «**Вося**сь» – главный жрец [14, с.53].

(а) *семантика «влияние, магия, желание»*

Санскр. **vaś** [**ваш**] – проявлять волю, властвовать; страстно желать; **vaś**i [**ваш**и] – подчинение; очарование, колдовство; удерживание других с помощью магических сил; **vaś**ikar – доводить до зависимости, подчинять; очаровывать, околдовывать;

Санскр. **vaśya** [**вашйа**] – подвластный, подчинённый; сверхъестественная сила подчинения других своей воле; любое действие (напр. чтение мантр) для подчинения других своей воле.

(б) *семантика «жертвоприношение»*

Санскр. **vas** [**вас**] – любить; резать; убивать; **vasuna** [**васуна**] –жертвоприношение; **vauṣaṭ** [**ваушат**] – восклицание, жертвенная формула, произносимая в ритуалах жертв богам.

(в) семантика «слово, звучать»

Тадж. «**вож**а» – слово; «**ваъз**» – 1) проповедь, 2) поучение, наставление; «**воиз**» – 1) проповедник, 2) наставник; «**вос**иф» – хвалящий, воспевающий.

Санскр. **vāś** [**ваш**] – звучать;**vāśī** [**ваши**] – 1) острый нож, кинжал, топор; 2) звук, голос; **vauṣaṭ** [**ваушат**] – восклицание, жертвенная формула, произносимая в ритуалах жертв богам.

Русск. «**вещ**ать», «**вещ**ий», «**вещ**ун».

(г) семантика «связь, соединение»

Тадж. «**вос**ил» – 1) соединяющий, 2) приближённый Бога; «**вос**ит» – кн. посредник; «**вис**ок» – 1) кн. узы, связь, 2) договор, союз; «**вис**ол» – соединение, сближение, «**вус**лат» – кн. соединение.

(д) *семантика «чистота»*

«**вижа**» – 1) особый, особенный; 2) кн. чистый, без изъяна. «**вузӯ**» – рел. ритуальное омовение.

«**Тор**о» – главный жрец [14, с.51].

Санскр. **tar** [**тар**] – переправляться через ч.-л., пересекать (реку, море, жизнь); достичь цели; спасать; освобождать от ч.-л.; **tara** [**тара**] – переправляющий, спасающий; уносящий прочь от ч.-л.; побеждающий ч.-л.; **tarā** [**тара**] – перевозящий (через реку, море); спасающий (о Вишну); защищающий (о Рудре), «Спаситель» (эпитет Вишну), «Защитник» (эпитет Рудры-Шивы); **tāra** [**тара**] – проникающий; громко звучащий; сверкающий; ясный, чистый; хороший.

«**Утиси**» – жрец [4, с.80]; берегущий, охраняющий, защищающий; хранитель, *рел*. Спаситель.

Санскр. **ūti** [**ути**] – помощь, защита, содействие; **ūta** [**ута**] – побуждённый, (Вед.) предложенный (гимн богам); подведённый к чему-л.; желанный; довольный ч.-л. (обогах, довольных подношениями, жертвами и т.п.); сохранённый, защищённый; кем управляли (боги или цари); **uta** [**ута**] – соединённое, связанное; **ūta** [**ута**] – сотканный; сплетённый, соединённый, связанный; созданный (гимны, стихи т.п.); **ūti** [**ути**] – плетение, ткачество; ткань.

«**Туно**» – предсказатель [Шутова, 2001, с.166]; – гадалка, шаман, чародей. ритуальная клятва (Агни, Владыке огня, во время прикосновения к жертвенному маслу жертвователя

Санскр. **tan** [**тан**] – ткать; выговаривать (слова); связывать; **tan** [**тан**] – громко звучать; **tāna** [**тана**] – нить, волокно; тон, нота; **tan**tra [**тан**тра] (**tan+**tra) – ткацкий станок; основа (ткани); (перен.) основа, сущность; порядок, правило; учение; тантра (название многочисл. класса произведений религиозного и магического содержания); клятва, суровое испытание; заклинание (**tra** – защищать; охранять; сохранять); **tānū**naptra [**тану**наптра] (**tānū+**naptra) –или жрецов); торжественное обещание, обет (naptar – потомок, сын, внук).

«**Ведун**» – колдун, «**Ведунъёс**» – ведун.

Русск. «ведун» и санскр. «веда».

«**Вегин**» – колдун.

Санскр. **vegin** [**вегин**] – быстрый, стремительный; **vega** [**вега**] – быстрота, скорость; сила, напор; полёт (стрелы); побуждение, движущая сила.

Возможно от veda (т.к. «г» и «д» легко переходят друг в друга).

«**Карт**» – ворожец (во время высекания огня) [14, с.191].

Тадж. «**карда**» – дело; действие; «**кор**» – 1) дело, работа; «**кирд**игор» – рел. Творец, создатель (о Боге); «**корд**ида» – опытный, умудрённый; «**корд**он» – знающий дело, умелый; «**корд**» – нож.

Санскр. **kart**u (от kar) [**карт**у] – делать; делать ч.-л. для пользы или во вред к.-л. **krat**u [**крат**у] – намерение; воля; сила, способность, мощь; размышление, разум, рассудок; желание; дело, действие, ритуальное действие; жертва, жертвоприношение; торжество; **krat**ukarman [**крат**укарман], **krat**ukriya [**крат**укрийа] – церемония жертвоприношения.

Санскр. **kṛt**a [**крит**а] – сделанный, исполненный; хороший; дело; действие; магия, волшебство, цель; **kṛt**i [**крит**и] – работа, дело, действие; творение; магия, колдовство; **kṛt**i [**крит**и] – рана; крити (вид кинжала); **kṛt** [**крит**] – делающий ч.-л., исполняющий ч.-л., совершающий ч.-л.; создатель ч.-л.

Санскр. **kart** [**карт**] – резать; отделять; разрушать.

Санскр. **kart** [**карт**] – крутить, сплетать, переплетать.

Санскр. **kar** [**кар**] – делать, совершать; **kar** [**кар**] – ранить, повредить; убивать; **kar** [**кар**] – знать, сообщать.

Санскр. **kīrt** [**кирт**] – восхвалять; называть; говорить, звать; повторять; **kīrti** [**кирти**] – упоминание; слава, хвала.

Литература

1. Верещагин Гр. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губ. – С.-Пб, 1889.

2. Городцов В.А. Старшее Каширское городище. // Изв. ГАИМК. Вып. 85, 1934, С. 6 – 45.

3. Клёсов А.А. Кому мешает ДНК-генеалогия? Ложь, инсинуации, и русофобия в современной российской науке. – М.: Книжный мир, 2016 (а), 848 с.

4. Клёсов А.А. Миграции ариев от 6000 до 3000 лет назад (часть 4). (Ответы на вопросы) // 2016 (б). Сайт: http://pereformat.ru/2016/08/r1a-migration-4/

5. Красовский М. Курс истории русской архитектуры. Часть 1. - Петроград, 1916.

6. Куча К. Деревянная культовая архитектура XV –XX вв. на территории Чешской республики. // Деревянное зодчество. Вып. 3. Новые материалы и открытия / Рос. Акад. Арх. и Строит. Наук, НИИ ТИАГ. – М.- С.Пб: Коло, 2013. С. 29 – 62.

7. Первухин Н. Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. – Вятка, 1888, 104 с.

8. Покровская Е.Ф. Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин. // Крат. сообщ. ИА АН УССР, – Киев, 1962. Вып. 12, с. 73 – 81.

9. Попова Т.Б. Исследование памятников эпохи бронзы на Канищевских дюнах под Рязанью. // Археология Рязанской земли. – М., Наука, 1974. С. 222 – 235.

10. Пряхин А.Д. Поселения Абашевской общности. – Воронеж, Воронежск. Унев-т, 1976, 168 с.

11. Рачинский А.В., Фёдоров А.Е. Русская церковь – хранительница народной дохристианской культуры. – М., 2016. 110 с.

12. Рачинский А.В., Фёдоров А.Е. Славяно-арийские истоки русской архитектуры. – М.: Вече, 2016. 624 с.

13. Харузин Н.Н. Очерк истории развития жилища у финнов. – М., 1895.

14. Шутова Н.И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования. – Ижевск: УИИЯиЛ УрО РАН, 2001. 304 с.

А.Е. Фёдоров (г. Москва)

Плавающая симметрия в Северо-русской архитектуре. Собор Рождества Христова в Каргополе

Собор Рождества Христова в Каргополе (1552-1562) является хорошим примером применения ***плавающей симметрии***. ***Плавающая симметрия*** – симметрия, отсутствующая на чертежах, но наблюдающаяся из определённых мест (точек). Как только наблюдатель покидает эти места – она исчезает[1]. *Плавающая симметрия* применялась для гармонизации вида сооружения (обычно храма) с линий подхода и из важных (в градостроительном отношении) точек.

При движении наблюдателя разные части здания, не лежащие в одной плоскости, испытывают кажущееся смещение друг относительно друга. Происходит как бы «плавание» частей здания относительно друг друга. Зачастую подходы к зданию не перпендикулярны фасаду, а образуют с ним острый угол. В таком случае симметричное на чертеже здание, элементы которого не лежат в одной плоскости, с линии подхода будет казаться деформированным. Для того, что бы оно выглядело симметричным, приходится смещать некоторые элементы фасада, т.е. вносить в чертёж искажения. Иными словами, приходится применять *плавающую симметрию*.

Плавающая симметрия встречается только в северо-русской и индийской архитектуре[2]. О применении её на Руси в дохристианское время говорит то, что она есть у первых русских соборов (XI-XII вв.)[3] – в Византии плавающая симметрия не известна. Учитывая то, что русская и индийская архитектуры происходят из единой славяно-арийской, вполне сформировавшейся к моменту отделения ариев от славян/русов (это произошло около 4000 лет назад) можно полагать, что *плавающая симметрия* стала применяться до этого разделения.

В основе гармонизации вида храмов с важных точек и линий, безусловно, лежали религиозные, а не из эстетических представления[4]. – Общение с Богом, молитва, неразрывно связаны с состоянием внутреннего **равновесия**, с **сосредоточенностью** (т.е. с «пребыванием в середине»). – В священной книге сикхов «Гуру Грантх Сахиб» о святых, т.е. о людях пребывающих в постоянном соединении с Богом, говорится: «Их разум **равновесия** достиг»[5]. То, что богообщение связано с внутренним равновесием раскрывается в лингвистике – слова, обозначающие такие понятия как *молитва, жертва, святость, равновесие, сосредоточенность, мудрость, размышление,* образуют один фонетико-семантический ряд.

Санскр. **mad**hya [**мад**хйа] – средний, находящийся в середине; между; **med**hya [**мед**хйа] – святой, священный; пригодный для жертвоприношения; **med**ha [**мед**ха] – суть; жертва; жертвоприношение; **med**hā [**мед**ха] – мудрость, ум, разум, проницательность, мысль[6]; **med**has [**мед**хас] – умный; жертвоприношение; мудрость, ум, проницательность; **med**hyatā [**мед**хйата] – ритуальная чистота, святость; **mat**i [**мат**и] – набожность, молитва; ум; понимание, смысл, знание;

---

[1] О плавающей симметрии см.: Фёдоров А.Е. Симметрия в русской традиционной архитектуре. М., 1997; Он же. Симметрия и искажения в Русской традиционной архитектуре: Московский Кремль и другие архитектурные комплексы. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013; Он же. Симметрия в русской архитектуре // Храмоздатель. № 2 (3), 2013.

[2] См.: Рачинский А.В., Фёдоров А.Е. Славяно-арийские истоки русской архитектуры. М.: Вече, 2016.

[3] См.: Фёдоров А.Е. Храмы XI-XII веков, построенные с применением плавающей симметрии. // Система Планета Земля. М.: ЛЕНАНД, 2016, С. 399 – 408.

[4] Это отличает её от европейской архитектуры, в основе которой лежат эстетические представления (см.: [7]).

[5] Шахгеданова Л.А. «Джапджи» – вводная часть священной книги сикхов «Гуру Грантх Сахиб» // Система Планета Земля. М.: ЛЕНАНД, 2015, с. 408-440.

[6] В славянских языках существуют слова, очень близкие, фонетически и семантически, санкр. medha, medhā. Это: русск «**мудр**ец», польск. **mędr**zec [**ме^{н}дж**ец] – мудрец, мыслитель; словенск. **mod**er [**мод**ер] – мудрый; **med** [**мед**] – между; словацк. **med**zi [**мед**зи] – **межд**у; среди; **med**za [**мед**за] – межа; польск. **mied**za [**мед**за] – межа; **mod**litwa [**мод**литва] – молитва.

«*Мудрый* – основанный на **добре** и **истине**; **праведный**, соединяющий в себе **любовь** и **правду**; в высшей степени разумный и благонамеренный» (В.Даль). Семантически понятию *сосредоточенность* близки слова: др.русск. «**муд**ити» – медлить, «**муд**ьный» – медлительный; словенск. **mud**en [**муд**ен] – медленный, длительный; отнимающий много времени.

мысль цель; **mat**im dhā [**мат**им дха] – сосредоточить мысль на ч.-л.; **med**hyata [**мед**хйата] – чистота, святость.

Эта же семантика содержится и в западных индоевропейских языках (вторичных по отношению к славяно-арийским[1]: лат. **med**ius – средний; **med**itatio – размышление; **med**icates – магическое средство.

Поэтому храм – то место, где происходит богообщение, не может выглядеть неравновесным, искажённым. Однако требование ориентировать храм на восход солнца в день закладки, а так же местоположение храма и сложившиеся пути подхода, представляют собой неизменную заданность. И потому, для того, чтобы храм с линии подхода выглядел уравновешенным, его порой приходилось искажать, т.е. прибегать к *плавающей симметрии*.

Надо заметить, что, говоря о симметрии, речь идёт не о полном, математически безукоризненном соответствии левой и правой сторон объекта, а о приблизительном равенстве, порой о балансе масс. Дело в том, что незначительные искажения просто не замечаются – как показали психологические эксперименты, наличие или отсутствие симметрии у рассматриваемых объектов определяется наблюдателем «мгновенно», с первого взгляда, без движения глаз и сознательного анализа. В зависимости от того, обнаружена или не обнаружена симметрия, строится стратегия дальнейшего восприятия рассматриваемого объекта. Это приводит к тому, что незначительные отклонения от симметрии не воспринимаются (что продемонстрировано экспериментами). Кроме того, было экспериментально показано, что наблюдатели отличали систему, имеющую только 40% парных точек от системы, не имеющей таких точек вообще, – т.е. симметрия в системе легко определялась в том случае, если 60% точек располагалось случайным образом.

В традиционном русском искусстве никогда не было стремления к полному соответствию «равновесных частей». Объект справа всегда чем-то отличался от объекта слева. В этом заключена глубокая религиозная и этическая идея – в разнообразном и противоречивом Мире человек должен находить то общее (то «равное»), что объединяет Мир и сохраняет его в равновесии. В индийской традиции существует представление о том, что святые (люди достигшие равновесия) и удерживают Весь Мир от распада.

Собор Рождества Христова в Каргополе (1552-1562) был построен так, что с важных в градостроительном отношении точек и линий он выглядел симметричным и трёхглавым[2]. Однако, до наших дней дошли не все зрительные связи собора. Перепланировка Каргополя, проведённая во второй половине XVIII в. уничтожила первоначальную, исторически сложившуюся схему улиц, заменив её регулярной, прямоугольной. А в XX веке, в советский период, деревья, посаженные вокруг собора, в ряде случаев, полностью уничтожили некоторые зрительные связи.

В настоящей публикации для восстановления исчезнувших зрительных связей использован «План городу Каргополю» из Полного собрания законов Российской Империи на котором совмещены прежняя и новая системы улиц[3].

Приступая к описанию зрительных связей, я хочу обратить внимание на то, что в настоящей статье (для облегчения изложения) принято именовать, вне зависимости от реальной ориентации храма, алтарную сторону – восточной, противоположную ей – западной, а расположенные между ними – северной и южной.

Основными линиями, под восприятие с которых был организован собор, являются: (1) путь по р. Онеге из о. Лаче ***(илл. 1)*** (в настоящее время вид с этой линии утрачен из-за густой растительности вдоль набережной Онеги), (2) подход к собору с запада (вид полностью уничтожен при перепланировкеXVIII в., в настоящее время закрыт деревьями), (3) подход к собору по улице, шедшей с севера к его главному входу ***(илл. 2)***, (4) линия, идущая отпереправычерез р. Онегу со стороны Шенкурского тракта (с подхода к р. Онеге современной

[1] Об этом см.: Клёсов А.А. Кому мешает ДНК-генеалогия? Ложь, инсинуации, и русофобия в современной российской науке. (Серия «ДНК-генеалогия») М.: Книжный мир, 2016.

[2] На Руси пятиглавые соборы строились так, чтобы с важных, в градостроительном отношении, точек и линий они выглядели трёхглавыми. Символика трёхглавия (так же как пятиглавия) имеет дохристианское происхождение, и была переосмыслена впоследствии, после принятия Христианства.

[3] План опубликован. См.: Брумфильд У. Каргополь: архитектурное наследие в фотографиях. М.: Три квадрата, 2009. С. 7.

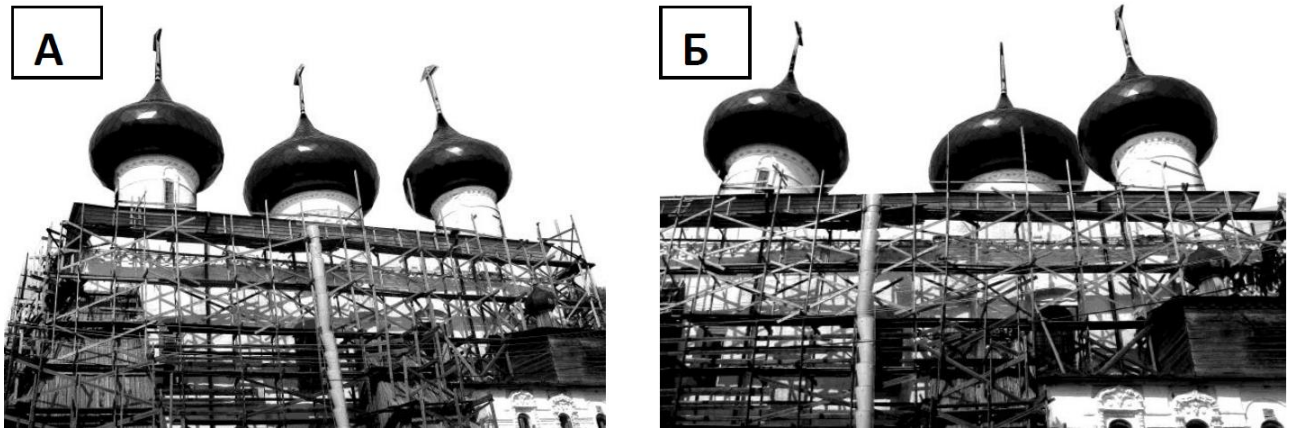
дороги из Няндомы) (в настоящее время вид утрачен из-за густой растительности), (5) подход от деревянной церкви Рождества Иоанна Предтечи, существовавшей на месте нынешнего каменного храма ***(илл. 3)***.

У Рождественского собора существуют и другие зрительные связи, основывающиеся на *плавающей симметрии*. Так, от западного (главного) входа в собор, церковь Рождества Иоанна Предтечи (1740-1751) выглядит симметричной ***(илл. 4)***. Этот пример показывает, что традиция организации зданий под восприятие с важных точек и линий сохранялась и после Петровских преобразований.

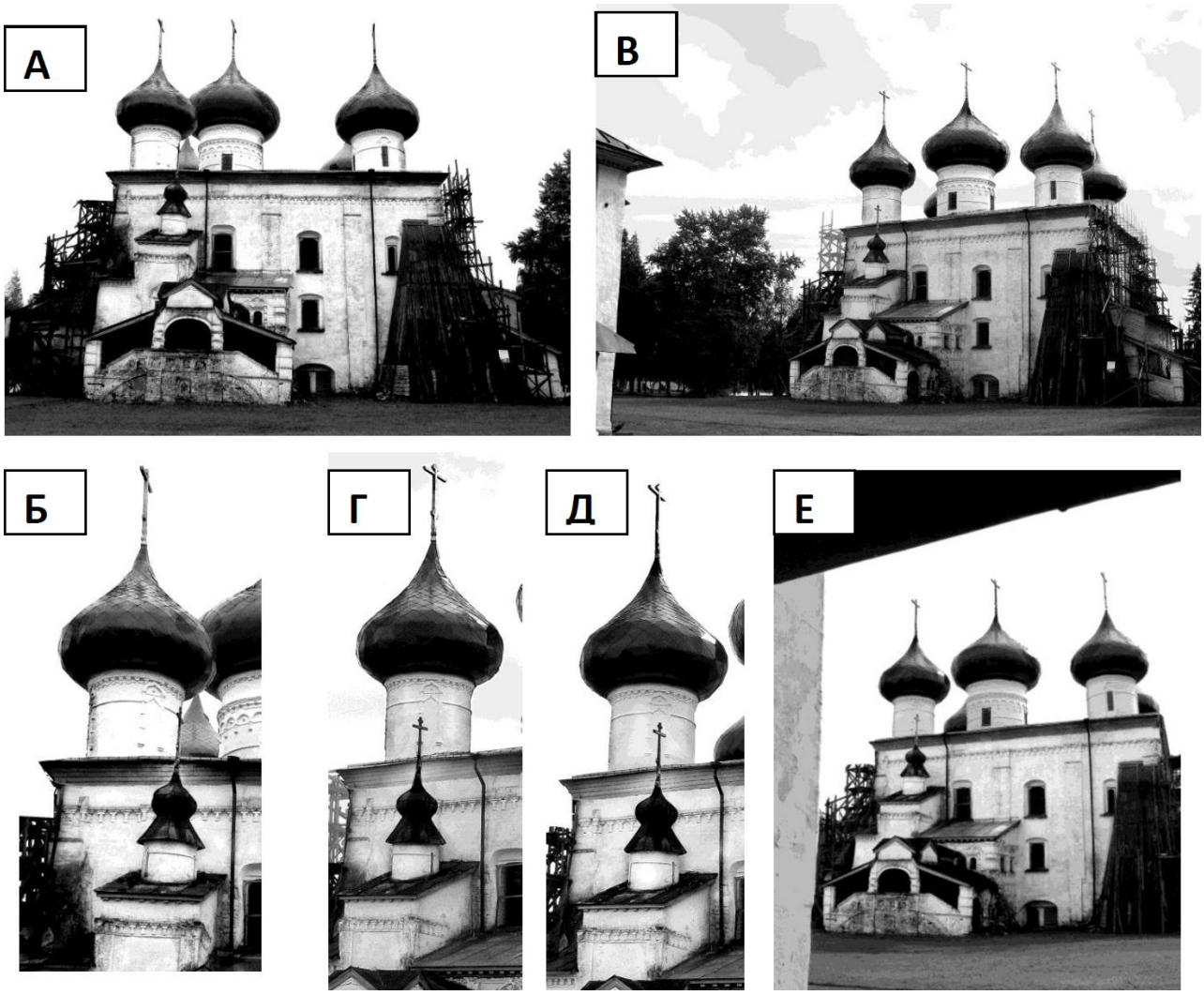
Интересно, что маленькая главка над приделом Свв. Филиппа и Алексия (1652) была поставлена с учётом линий подхода, т.е. с применением *плавающей симметрии* ***(илл. 2, 3)***.

По-видимому, существовали и другие зрительные связи собора с важными точками и линиями. Возможно, они были с деревянной церковью, стоявшей на месте ц. Введения во храм Пресвятой Богородицы (1808-1811), и с теми храмами, которые были уничтожены в XX веке.

В результате перепланировок, проведённых во второй половине XVIII века во многих древних русских городах, были уничтожены древние зрительные связи (например, в Романове-Борисоглебске. Это привело к утрате понимания русской архитектурной эстетики, русских градостроительных принципов. Появилось нелепое представление о так называемой «живописной асимметрии» русских храмов.Выразительный пример такой «живописной асимметрии» даёт вид Рождественского собора с ул. Предтеченской (П. Калинина) ***(илл. 5)***. Правда, на мой взгляд, о живописности говорить не приходится.

Илл. 1. Южная сторона собора Рождества Христова (1552-1562). **А**) Вид с подхода к Каргополю по Онеге, со стороны оз. Лаче. Собор выглядит симметричным благодаря тому, что центральная глава располагается посередине между юго-западной и юго-восточной главами. Фотография сделана с близкого расстояния и центральная глава кажется ниже боковых; при наблюдении с большого расстояния центральная глава будет возвышаться над ними.
(Б) Фронтальный вид. Собор имеет асимметричный вид – центральная глава смещена к востоку (вправо).

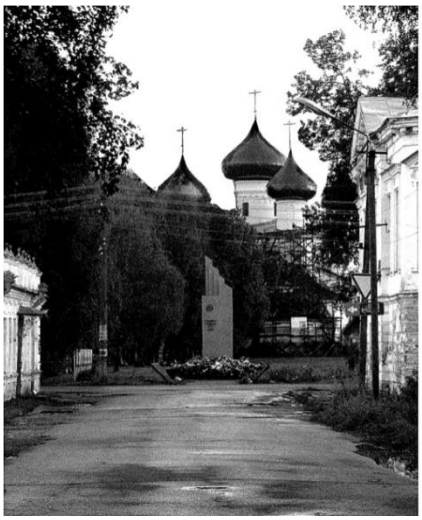
Илл. 2. Северная сторона собора Рождества Христова (1552-1562). **А**) Фронтальный вид. Собор имеет асимметричный вид – центральная глава смещена к востоку (влево). Маленькая главка над приделом Свв. Филиппа и Алексия (1652) не сооснована с северо-восточной главой собора. (см. Илл. **Б**) Фрагмент (Илл. **А**) Придел Свв. Филиппа и Алексия (1652). **В**) Вид Собора с линии подхода (с улицы Ленинградской, идущей с севера), не существовавшей до перепланировки Каргополя. Собор выглядит симметричным благодаря тому, что центральная глава оказывается посередине между северо-восточной и северо-западной. На фотографии слева видно крыльцо ц. Введения во храм Пресвятой Богородицы (1808-1811). Главка над приделом Свв. Филиппа и Алексия (1652) располагается почти соосносно северо-восточной главе собора (см. Илл. Г). Незначительное отклонение от строгой симметрии не замечается и, благодаря этому, кажущаяся соосность сохраняется в достаточно широком интервале.Соосными эти главы кажутся и от крыльца ц. Пресвятой Богородицы (см. Илл. Д, Е), построенной на месте более древней, деревянной. **Г**) Фрагмент Илл. В. Глава придела Свв. Филиппа и Алексия сосна северо-восточной главе собора. **Д, Е**) Вид Собора с крыльца ц. Введения во храм Пресвятой Богородицы (1808-1811).**Д**) Фрагмент Илл. Д. Глава придела Свв. Филиппа и Алексия сосна северо-восточной главе собора.

Илл. 3

Илл. 4

Илл. 5

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АН – Архитектурное наследство
АОКМ – Архангельский областной краеведческий музей
АОМИИ – Государственное музейное объединение «Художественная культура Русского Севера»
АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи
Архив РУ ФСБ РФ АО – Архив Регионального управления Федеральной службы безопасности Российской федерации по Архангельской области
ВМДПНИ – Всероссийский музей декоративно-прикладного и народного искусства
ВГИАХМЗ – Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник
ВШТЭ СПбГУПТД – Высшая школа технологии и энергетики Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна
ГААО – Государственный архив Архангельской области
ГАИМК – Государственный архив Института материальной культуры
ГАНО – Государственный архив Новгородской области
ГБУК – государственное бюджетное учреждение культуры
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ИА АН УССР – Институт археологии академии наук Украинской советской социалистической республики
ИГ РАН – Институт Географии Российской Академии наук (Москва)
ИГ СО РАН - Институт Географии Сибирского отделения Российской Академии наук (Иркутск)
ИВИ РАН – Институт всеобщей истории РАН (Москва)
ИНИОН РАН – Институт научной информации общественных наук Российской Академии наук (Москва)
ИРГО – Императорское Русское Географическое общество
ИЯЛИ КарНЦ РАН – Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (Петрозаводск)
МГИК – Московский государственный институт культуры
МБУК – муниципальное бюджетное учреждение культуры
НАМК – намка и намкха (тибет.) означает «пространство, т.е. основа, опора всего сущего, а так же самый важный среди элементов, от которого берут начало все остальные
НДК - Новгородская духовная консистория
НПО – Научно-производственное объединение
ОЛДП-Общество любителей древней письменности
ОИММ – Онежский историко-мемориальный музей
ОНППЯ - Опасные и неблагоприятные природные процессы и явления
ООО – Общество с ограниченной ответственностью
ОПЗ - Охтинский пороховой завод
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи
РАК – Российско-Американская компания
РАН – Российская академия наук
РААСН – Российская Академия архитектуры и строительных наук (Москва)
РАНХиГС – Российская академия народного хозяйства и государственной службы (Москва)
РГАДА – Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
РГУ – Рязанский государственный университет
РНБ ОР – Российская национальная библиотека, отдел рукописей (Санкт-Петербург)
СГИАПМЗ – Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник (Архангельская область)
СВКНИИ ДВНЦ АН СССР - Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного научного центра Академии наук СССР (затем – Дальневосточного отделения) Академии наук СССР (затем – Российской Академии наук) (Магадан)
СПбГУПТД – Санкт-Петербургский университет промышленных технологий и дизайна
СПб ИИ РАН – Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук

СпецНТК – Специализированная научно-техническая компания (Архангельск)
УИИЯиЛ УрО Российской Академии наук (Ижевск)
Упрофбюро – уездное профсоюзное бюро
УрО РАН – Уральское отделение Российской академии наук (Екатеринбург)
УОНО – Уездный отдел народного образования
ФГБНИУ – Федеральный государственный бюджетный научно-исследовательский университет (Москва)
ЦГИА СПб - Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
ЦНИИП Минстрой – Центральный научно-исследовательский и проектный институт Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ (Москва)

НАШИ АВТОРЫ

Алексеев Денис Юрьевич – канд. ист. наук, доцент кафедры истории, философии и культурологии ВШТЭ СПбГУПТД (Санкт-Петербург)

Бабалык Анна Васильевна – преподаватель первой частной школы (Петрозаводск)

Бабалык Марина Геннадьевна - канд. филол. наук, доцент Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск)

Бодэ Андрей Борисович - канд. архитектуры, архитектор-реставратор, зав. сектором «Деревянное зодчество» ФГУП Центральные научно-реставрационные проектные мастерские (Москва)

Болотина Наталья Юрьевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории государственной службы при Президенте РФ (Москва)

Варшавская Наталья Юрьевна - частный архитектор ООО СпецНТК (Архангельск)

Васильева Елизавета Павловна - канд. искусствоведения, ГИМ (Москва)

Вовина-Лебедева Варвара Гелиевна – доктор ист. наук, вед. науч. сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН (Санкт-Петербург)

Ворожцова Евгения Владимировна – гл. науч. сотрудник ГБУК «Сахалинский областной художественный музей» (Южно-Сахалинск)

Галкин Александр Константинович - канд. биол. наук, ст. науч. сотрудник Зоологического института РАН (Санкт-Петербург)

Гвоздева Жанна Владимировна - вед. науч. сотрудник ФГБУК «Историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи» (Петрозаводск)

Гостев Игорь Михайлович – зав. отделом военной истории ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей» (Архангельск)

Гриппа Сергей Павлович - канд. геогр. наук, доцент, ст. науч. сотрудник горно-геологического факультета Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск)

Грот Лидия Павловна - Lidia Groth - канд. ист. наук, директор консалтингово-образовательного предприятия «НОРРКОН АБ» (Швеция)

Грязнов Анатолий Леонидович - научный сотрудник НП «Древности» (Вологда)

Грязов Александр Михайлович - краевед (Каргополь)

Гудима Тамара Михайловна - канд. философ. наук, профессор Московского гуманитарного университета (Москва)

Гузакова Мария Вячеславовна - ассистент кафедры всеобщей истории и социально-экономических дисциплин Вологодского государственного университета (Вологда)

Дарил Энн Хардмэн – Daryl Ann Hardman - бакалавр гуманитарных наук (русский и французский); магистр гуманитарных наук (библеистика) университета Метрополитан, представитель благотворительной организации «Архитектура под угрозой» (Лондон)

Демчук Галина Владимировна – канд. ист. наук, ст. науч. сотрудник Института экологических проблем Севера УрО РАН (Архангельск)

Ефимова Виктория Викторовна - канд. юрид. наук, доцент Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск)

Жуковская Татьяна Николаевна - канд. ист. наук, доцент кафедры Российской истории с древнейших времен до XX века Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Завьялова Надежда Иосифовна – канд. архитектуры, гл. архитектор парков ООО «Парковая реставрация» (Москва)

Запольская Ольга Владиславовна – гл. библиотекарь ГБУК «Новгородская областная специальная библиотека для незрячих и слабовидящих «Веда» (Новгород)

Зимина Ирина Алексеевна – науч. сотрудник ГБУК АО «Музейное объединение «Художественная культура Русского Севера» (Архангельск)

Калинина Елена Александровна – канд. ист. наук, докторант Института Российской истории РАН (Петрозаводск)

Капитонова Светлана Александровна - специалист горно-геологического факультета Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск)

Козинская Людмила Георгиевна - руководитель Фонда сохранения народных традиций Русского Севера «Славутница» (Архангельск)

Козлова Наталия Вадимовна – доктор ист. наук, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Комиссаренко Аркадий Иванович – доктор ист. наук, профессор кафедры истории государственной службы Академии государственной службы при Президенте РФ (Москва)

Кольцова Татьяна Михайловна - доктор искусствоведения, гл. науч. сотрудник ГБУК АО «Музейное объединение «Художественная культура Русского Севера» (Архангельск)

Кондратьева Вера Георгиевна - историк-краевед (Санкт-Петербург)

Кононова Антонина Юрьевна – канд. ист. наук, главный специалист Российского государственного архива древних актов (Москва)

Кузнецова Валентина Павловна - канд. филол. наук, ст. науч. сотрудник Института языка, литературы и историиКарНЦ РАН (Петрозаводск)

Кузнецов Александр Васильевич - краевед-исследователь, учитель истории и географии МБОУ "Усть-Печенгская основная общеобразовательная школа" (Тотьма)

Кутукова Елена Сергеевна – канд. эконом. наук, доцент, директор НИИ системного анализа Счётной палаты РФ (Москва)

Лаптева Татьяна Александровна – доктор ист. наук, заместитель начальника отдела Российского государственного архива древних актов (Москва)

Макарова Екатерина Сергеевна – науч. сотрудник ГБУК АО «Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей» (Каргополь)

Мелехова Галина Николаевна – канд. ист. наук, зав. учебно-методическим кабинетом Николо-Угрешской духовной семинарии (Москва)

Мильчик Михаил Исаевич – канд. искусствоведения, вед. науч. сотрудник НИИ теории, истории архитектуры и градостроительства (Санкт-Петербург)

Миронов Арсений Станиславович – канд. филол. наук, директор ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева» (Москва)

Моисеев Сергей Валентинович - экскурсовод турфирмы (Новгород)

Муллонен Ирма Ивановна - доктор филол. наук, профессор, гл. науч. сотрудник Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (Петрозаводск)

Намятова Елена Сергеевна – гл. архивист научного архива Республики Карелия (Петрозаводск)

Наумов Юрий Михайлович – вед. науч. сотрудник ФГБУК «Историко-архитектурный и этнографический музей-заповедник «Кижи» (Петрозаводск)

Нащокина Мария Владимировна – доктор искусствоведения, член-корреспондент РААСН, заместитель председателя Общества Изучения русской усадьбы (Москва)

Николаева Мария Валентиновна – канд. ист. наук, вед. науч. сотрудник НИИ теории и истории изобразительных искусств; главный специалист Российского государственного архива древних актов (Москва)

Никулин Александр Михайлович – канд. эконом. наук, доцент, директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Москва)

Новосёлов Алексей Михайлович – директор МБУК «Тотемское музейное объединение» (Тотьма)

Онучина Ирина Викторовна – зав. научно-экспозиционным отделом ГБУК АО «Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей» (Каргополь)

Орлова Ольга Владимировна – зав. отделом музейно-исследовательской работы ГБУ РК «Национальная галерея Республики Коми» (Сыктывкар)

Пахнин Анатолий Владимирович - лектор-экскурсовод дома-музея И.А. Кускова МБУК «Тотемское музейное объединение» (Тотьма)

Петров Александр Юрьевич – доктор ист.наук, профессор, главный научный сотрудник ИВИ РАН(Москва)

Плаксина Наталия Евгеньевна - зам. директора по научной работе ГБУ РК «Национальная галерея Республики Коми» (Сыктывкар)

Потахин Сергей Борисович - доктор геогр. наук, доцент, профессор горно-географического факультета Петрозаводского государственного университета (Петрозаводск)

Пригодина Ольга Борисовна - гл. хранитель ГБУК АО «Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей» (Каргополь)

Рахманова Лидия Яковлевна – канд. социол. наук, социолог Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург)

Рачинский Андрей Владиславович - доктор истории Института Восточных языков и цивилизаций, Сорбонна (Париж)

Решетников Николай Иванович - канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры музейного дела и охраны культурного наследия МГИК (Москва)

Робин Джой Веллман - Robin Joy Wellman - park interpretive specialist, Fort Ross State Historic Park (Форт-Росс, США)

Сазонова Татьяна Викторовна – канд. ист. наук, науч. сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург)

Сметанин Владислав Александрович – краевед (Архангельск)

Старицын Александр Николаевич - ведущий библиограф ИНИОН РАН (Москва)

Студенцова Екатерина Олеговна - ведущий архивист Государственного архива Архангельской области (Архангельск)

Третьякова Светлана Николаевна - канд. ист. наук, доцент кафедры философии и культурологии Гуманитарного института Северного Арктического федерального университета (Северодвинск)

Трошина Татьяна Игоревна – доктор ист. наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности Северного Арктического федерального университета (Архангельск)

Тормосова Наталья Ильбрусовна – учёный секретарь ГБУК АО «Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей» (Каргополь)

Фаркова Людмила Ивановна - краевед (с. Печниково Каргопольского района)

Фёдоров Александр Евгеньевич - канд. геолого-минерал. наук, МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Черкасова Марина Сергеевна – доктор ист. наук, профессор кафедры культурологии Вологодского государственного университета (Вологда)

Шмакин Виктор Борисович – канд. геолого-минерал. наук, доцент, гл. инженер ООО НПО «Энергогазизыскания (Вологда)

РЕЗОЛЮЦИЯ
XIV Международной научно-практической конференции «Каргополь и Русский Север в истории и культуре России. X-XXI вв.»

г. Каргополь 15 – 18 августа 2016 г.

В г. Каргополе Архангельской области 15-18 августа 2016 г. состоялась XIV Международная научно-практическая конференция «Каргополь и Русский Север в истории и культуре России. X-XXI вв.», организованная государственным бюджетным учреждением культуры Архангельской области «Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей» при поддержке министерства культуры Архангельской области, администрации муниципального образования «Каргопольский муниципальный район». Конференция посвящена 870-летию г. Каргополя и 270-летию со дня рождения А.А. Баранова, каргопольского купца, первого управляющего Российско-американской компании и первого главного правителя Русской Америки.

На конференции прозвучало 80 докладов. Среди участников конференции представители научной и музейной общественности Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Архангельска, Великого Новгорода, Вологды, Мурманска, Шелехова Иркутской области, Южно-Сахалинска, Сыктывкара, Каргополя, исследователи из США, Англии, Франции, Швеции. Ведущий доклад обозначил роль малых городов России в сохранении и развитии нематериальных элементов культуры, в числе которых система ценностей, традиции, язык. В докладах были подняты вопросы освоения Северного края, социоэкономического и культурного развития северных городов, монастырей и сельских поселений в XVI-XXI вв.; обозначены современные тенденции в изучении и развитии народной культуры Русского Севера; подняты актуальные вопросы сохранения и использования архитектурного наследия. Особое внимание было уделено теме Русской Америки, вкладу в развитие этой территории главного правителя российских колоний А.А. Баранова, уроженца г. Каргополя. Междисциплинарный характер конференции способствовал взаимному обмену мнениями в узких профессиональных вопросах, что особенно важно при изучении сходных тем.

В ходе обсуждения были выделены важные вопросы в истории и культуре Русского Севера, требующие дальнейшего изучения и внимания научной общественности: процессы дославянской истории Русского Севера, торговая, промышленная деятельность и быт северорусского купечества, мещанства и роль этих сословий в истории и культуре России; время основания и становления города Каргополя, история северорусского крестьянства в XVI - начале XXI вв., история малых городов и сельских поселений Русского Севера в документах архивов Российской Федерации.

Участники конференции констатируют:

В историческом городе Каргополе, как и в целом на Русском Севере, сохраняется материальное и нематериальное наследие как неотъемлемая часть историко-культурного наследия России. Многие научные центры и музеи, в том числе Каргопольский историко-архитектурный и художественный музей, проводят систематическую и целенаправленную работу по изучению и сохранению материальной и нематериальной культуры Русского Севера.

Вместе с тем, остаются вопросы, заставляющие возвращаться к ним постоянно. Один из них – неудовлетворительное состояние многих памятников истории и культуры, требующих неотложного проведения противоаварийных и ремонтно-реставрационных работ. Так, в аварийном состоянии Воскресенская церковь в Каргополе – уникальный памятник белокаменного зодчества XVII века.

Подчеркивая важность сохранения, изучения и использования историко-культурного наследия Русского Севера для развития территорий, участники конференции считают, что одной из эффективных форм сохранения памятников истории и культуры является их музеефикация.

Конференция обращается с предложениями:

В адрес Министерства культуры Российской Федерации:

1. Считать одним из приоритетов при формировании организационно-финансового плана федеральной целевой программы «Культура России (2012-2018 годы)» на очередной год заявки на финансирование работ по сохранению объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории исторических поселений федерального значения.

2. Решить вопрос о финансировании в рамках федеральной целевой программы «Культура России (2012-2018 годы)» проведения противоаварийных работ по кровле объекта культурного наследия (памятника истории и культуры) народов Российской Федерации федерального значения «Воскресенская церковь, XVII в.», расположенного в г. Каргополе.

В адрес Министерства культуры Российской Федерации и Правительства Архангельской области:

3. Провести в г. Каргополе очередной Российский съезд исторических городов.

4. Ускорить решение вопроса об утверждении проекта зон охраны объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации г. Каргополя.

В адрес Архангельского областного Собрания депутатов и Правительства Архангельской области:

5. Рассмотреть возможность

внесения изменений и дополнений в действующие и планируемые программы модернизации и реформирования жилищно-коммунального хозяйства и т.п., предусмотрев в них решение вопросов ремонта и благоустройства жилых домов, являющихся объектами культурного наследия;

введения мер поддержки и установления льгот для собственников жилых домов, являющихся объектами культурного наследия, на поддержание их в удовлетворительном состоянии.

В адрес администрация муниципального образования «Каргопольский муниципальный район:

6. Продолжить в развитие рекомендаций и предложений, прозвучавших на заседании общественного совета при главе муниципального образования «Каргопольский муниципальный район» в 2015 году, деятельность по сохранению исторического облика г. Каргополя, его благоустройству с привлечением, в первую очередь населения г. Каргополя, оказывая всемерную поддержку общественным и волонтерским инициативам.

В адрес государственного бюджетного учреждения культуры Архангельской области «Каргопольский государственный историко-архитектурный и художественный музей» (далее – Каргопольский музей):

7. Разработать комплексный план подготовки к 100-летию Каргопольского музея, предусмотрев в нем:

разработку концепции комплексного развития Каргопольского музея на 2018-2022 годы;

организацию проведения юбилейной конференции «Музей и сохранение историко-культурного наследия»;

издание научного сборника трудов по истории и культуре г. Каргополя;

завершение создания постоянной исторической экспозиции Каргопольского музея.

8. Рассмотреть возможность создания при Каргопольском музее объединения краеведов и общества изучения Русской Америки.

9. Обратиться к музейному сообществу Республики Карелия с предложением разработать научную тему «Древние водно-волоковые пути в топонимии Каргополья».

10. Изучить возможность включения части территории набережной имени А.А. Баранова (территории Соборной площади и Гостиного двора) в состав территории Каргопольского музея.

По итогам обсуждения вопросов о роли Русского Севера и г. Каргополя в истории и культуре России и в связи с предстоящим 100-летним юбилеем Каргопольского музея участники конференции просят Правительство Архангельской области и министерство культуры Архангельской области:

1. Содействовать

передаче объекта недвижимости, являющегося объектом культурного наследия (памятником истории и культуры) народов Российской Федерации регионального значения «Гостиный двор, 1808 год», расположенным в г. Каргополе, из федеральной собственности в государственную собственность Архангельской области;

реализации предложений Каргопольского музея по комплексной реставрации и приспособлению к современному использованию объекта культурного наследия (памятником истории и культуры) народов Российской Федерации регионального значения «Гостиный двор, 1808 год».

2. Оказать поддержку Каргопольскому музею в части создания исторической экспозиции, а также издания научного сборника трудов по истории и культуре г. Каргополя.

Участники конференции, отмечая актуальность прозвучавших докладов, обозначенных вопросов и предложений по их решению, выработанных в ходе обсуждения на конференции, считают необходимым направить настоящую резолюцию в соответствующие органы государственной власти Российской Федерации, Архангельской области и органы местного самоуправления Каргопольского района Архангельской области.

_____